Московские художники в дни Великой Отечественной войны



Московские художники в дни Великой Отечественной войны
Воспоминания
Письма
Статьи

Ответственный редактор
П. К. Суздалев
Составитель.
В. А. Юматов

Москва
Советский художник
1981

7СД
К—60

М $\frac{80101-096}{084(02)-81}$ 26—81

Проходит четвертое десятилетие после победы над фашистской Германией, но не стареет в памяти ветеранов жизнь военных лет, полная тягот и борьбы. Не ослабевает интерес молодых советских людей к искусству, в котором нашли отражение события, подвиги, переживания всего народа и отдельного человека в те годы, ставшие одним из важнейших этапов истории нашей страны и всего мира.

За тридцать с лишним лет было издано немало книг и альбомов об искусстве военного периода, фронтовых дневников и воспоминаний художников-ветеранов. И все же накопленный материал искусства и художественной жизни так огромен и значителен, что требуются новые издания, необходимые читателю и зрителю.

В годы войны московские художники работали на фронтах, во многих подразделениях армии, воздушного и морского флотов, в партизанских отрядах и в тылу. Творческая и военно-патриотическая работа москвичей охватывает широчайший диапазон жизнедеятельности искусства военного периода. Вместе с тем военная Москва, как и в мирные годы, была центром художественной жизни всей страны, местом организации и функционирования крупнейших выставок, их обсуждения критикой и освещения в прессе, штабом организации военно-шефской работы художников на фронте и в тылу и других форм художественной жизни.

Разносторонность, многогранность деятельности художников Москвы в период Великой Отечественной войны в известной мере определила содержание данного сборника, его документально-исторический и мемуарный состав. Цель сборника — дать возможно более полное представление о деятельности московских художников в 1941—1945 годы, о мироощущении художника-солдата. Именно поэтому основную часть книги составляют воспоминания московских художников-фронтовиков. Среди авторов этих воспоминаний есть и художники, известные в советском искусстве еще до войны, есть и такие, чья жизнь в искусстве еще только начиналась,— молодые живописцы и графики, учащиеся художественных школ, студенты Московского художественного института. Их воспоминания, в большинстве своем написанные на основе дневниковых записей, отразили личный опыт каждого автора. Независимо от формы изложения, эти воспоминания отражают впечатления, переживания, мысли, стремления молодых советских художников-патриотов, защищавших с оружием в руках свою страну, но по строю своей духовной жизни остававшихся художниками. Подлинность и искренность дневника определяют основную притягательность и значение большинства воспоми-

ний, содержание которых составляют не столько мысли об искусстве или факты творческой биографии, хотя и они важны для историка советского искусства, но прежде всего то, что заметили художники в жизни тех лет, полной тревог и героического напряжения сил, что сохранилось в их памяти,— словом, индивидуальное отражение общего духа народа, его общественной психологии периода Великой Отечественной войны.

Приложения, завершающие книгу, включают материалы, характеризующие художественную жизнь Москвы в 1941—1945 годах. Это хроника, содержащая информацию о выставках, о работе учреждений искусства и Союза художников, об издании книг и статей и других важных фактах культурной жизни столицы в военные годы. В этом же разделе приводятся наиболее характерные статьи, написанные художниками и опубликованные впервые в годы войны,— например, В. Мешкова, П. Соколова-Скаля, А. Лаптева, В. Одинцова и других авторов. Эта документально-историческая летопись советского искусства имеет общесоюзное значение. Завершают книгу статья С. Гильман и воспоминания С. Н. Дружинина о героической деятельности работников столичных музеев, не освещенной до сих пор в той мере, какую она заслуживает.

В иллюстрациях сборника наряду с ранее воспроизведенным немало материала, публикующегося впервые, что несомненно представляет интерес и для историков советского искусства, и для широкого читателя.

Художники Москвы в годы Великой Отечественной войны

Нападение фашистской Германии внезапно и больно оборвало мирную жизнь всей страны, а вместе с ней и художественную жизнь в нашей столице. Война заставила художников и всю интеллигенцию, профессионально связанную с искусством, изменить свои творческие планы, отложить начатое в мирное время и найти свое место в общем народном строю.

Более двухсот пятидесяти членов Московского Союза художников было призвано в армию, десятки пошли добровольцами в ополчение. Одни были направлены на фронт солдатами и офицерами армии и флота и сражались с оружием в руках. Другие — откомандированы во фронтовую печать. Многие мастера наглядной художественной агитации выполняли свою работу в тылу. Таким образом, московские художники, как и весь народ, боролись с врагом: одни с винтовкой в руках, другие — оружием искусства, выполняя свою специфическую общественную работу.

Война не изменила самую природу советского искусства, его принципиальные основы, но она поставила перед ним новые задачи. Они заключались в том, что теперь искусство должно было воспитывать гражданина и воина в условиях варварского нашествия врага, оно должно было изменить сюжетно-тематический диапазон, эмоциональный строй — все свое содержание, стать боевым, предельно активным и массовым по своим формам. 23 июня 1941 года пленум Комитета профсоюза работников искусства принял обращение ко всем творческим работникам, призвав их в первую очередь развернуть работу в армии, на фронте и в тылу. В «Правде» и в специальных газетах появились статьи, наметившие главные направления работы художников в условиях войны. Они звали художников туда, где можно было своими глазами увидеть войну, где решались судьбы мира. «Отечественная война подымает самые глубинные, еще не затронутые пласты народа, рождает героев и новые таланты во всех областях жизни,— писал А. Фадеев в статье «Художественная интеллигенция в Отечественной войне».— Чтобы передать это средствами искусства, требуется подлинное, фактическое знание того, что происходит на фронте и в тылу, соединенное с чувством перспективы, смелым полетом мысли, освещающим путь борьбы. Требуется напряжение всех духовных сил художника, удвоенная, утроенная энергия

и труд, чтобы суметь показать это уже теперь, когда война еще только развертывается»*.

* А. Фадеев. Художественная интеллигенция в Отечественной войне.— «Литература и искусство», 1942, 1 января.

Война потребовала перестройки работы художников, перестройки деятельности всех творческих организаций и объединений, всех учреждений искусства для решения одной задачи, поставленной партией,— «Все для фронта, все для победы!». Необходимо было немедленно широко и мощно развернуть на фронте и в тылу наглядную агитацию и пропаганду и, следовательно, развить и активизировать все виды агитационного искусства — плакат, газетно-журнальную графику, агитокна, нужно было организовать эффективную деятельность художников на фронтах, в подразделениях армии и флота, найти наиболее действенные формы работы художников во время войны.

К концу 30-х годов в Московском Союзе художников имелся опыт военно-шефской и непосредственной работы на местах военных действий — на Дальнем Востоке, на Карельском перешейке, в Испании; складывались крепкие традиции антифашистской по своей направленности работы плакатистов и мастеров газетно-журнальной сатиры. С середины 30-х годов в борьбе с фашистским милитаризмом стремительно росла политическая активность карикатуры на международные темы и заметно усилилась ее художественная значимость. На страницах газет и журналов средствами рисунка велась сатирическая изобразительная хроника военной и политической экспансии фашизма и борьбы с ним. Война Италии с Абиссинией, военный сговор фашистских государств, интервенция фашистской Германии и Италии в республиканской Испании, захват Германией Австрии и Чехословакии, оккупация Японией китайских земель — все эти события, предшествовавшие началу второй мировой войны, получили развернутое политическое освещение и моральную оценку в центральных газетах и агитационном изобразительном искусстве в работах Д. Моора, Дени, А. Дейнеки, Кукрыниксов, Б. Ефимова, Ю. Ганфа, Б. Пророкова и других московских графиков, сотрудничавших в газетах «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Комсомольская правда», в журнале «Крокодил», в печатном плакате.

Весь опыт, накопленный до лета 1941 года, несомненно, помог огромной творческой деятельности, которая развернулась в годы Отечественной войны. Однако перевод всей мирной творческой жизни на военные рельсы оказался очень трудным делом, потребовавшим напряжения сил и сплочения художников, так как задача была не только в том, чтобы приспособиться к нуж-

дам военной обстановки, а в решительном изменении и реорганизации всей работы, переосмыслении самого диапазона возможностей искусства, в перестройке на военный лад самого сознания художников и всей художественной интеллигенции, воспитанной в условиях мира и строительства социализма.

Московский Союз художников и руководящие организации Всероссийского и Московского товариществ художников, а также Оргкомитет Союза художников всей страны, Комитет по делам искусств, работники столичных музеев, издательств, газет и журналов — весь этот ведущий в стране коллектив художественной интеллигенции смог еще в обстановке первого года войны развернуть патриотическую художественную деятельность, найти новые формы искусства, подчинив их задачам борьбы с врагом. Новые формы приобретает агитационное искусство, возникают фронтовой репортаж, бригадная работа на фронте, создаются новые журналы и газеты (например, журнал Западного фронта «Фронтовой юмор», издание которого началось в Москве), организуются разнообразные тематические художественные выставки в столице. Москва, как и в мирное время, продолжает оставаться центром художественной жизни и штабом руководства творческими объединениями всей страны. Но и в столице работать было нелегко. Когда враг приблизился к городу, нужно было эвакуировать ценнейшие коллекции многих музеев, художественные институты, мастеров искусств и их семьи, обеспечить оставшихся в городе необходимыми материалами.

24 июня 1941 года московское издательство «Искусство» выпустило первый военный плакат: «Беспощадно разгромим и уничтожим врага», созданный в первые же сутки войны Кукрыниксами; а 27 июня на Кузнецком мосту появилось первое «Окно ТАСС», исполненное М. Черемныхом. Это означало, что плакат и газетно-журнальная карикатура сразу же выступили на борьбу с врагом и заняли в ней передовые позиции. В эту область искусства вместе с профессиональными мастерами газетно-журнального рисунка и плаката пришли мастера станковой живописи, скульптуры и графики и все годы войны работали в печатном плакате и «Окнах ТАСС», создавая в то же время картины, графические серии и другие произведения станкового искусства. Художники, работавшие в печатном плакате, объединялись в основном издательством «Искусство», коллектив агитокон — детище Союза художников и ТАСС.

В начале 1942 года, во время разгрома гитлеровских войск под Москвой искусство уже вполне перестроилось на военный лад и ориентировалось в основ-

ном на запросы военной жизни. Затем темп художественной жизни в столице все ускорялся и уже к концу этого года — времени битвы на Волге — достиг необыкновенной интенсивности и напряженности; творческая деятельность приобрела не только широкий размах, но и профессионально-художественную качественность.

Мастера искусств, оставшиеся в городе, стали бригадами выезжать на фронт для сбора материала, для того чтобы воочию увидеть людей на войне и ее самое. В дни боев под Москвой в самом городе, приготовившемся к смертельной битве, было сделано немало рисунков, этюдов, эскизов будущих произведений. В сущности, в это время все художники, работавшие в городе, были фронтовыми художниками. В дальнейшем поездки бригад на различные участки театра военных действий стали одной из основных форм деятельности Союза.

После разгрома противника под Москвой в столицу стали возвращаться из эвакуации многие мастера живописи, скульптуры и графики, художники театра Москвы, Ленинграда, а также Украины, Белоруссии, Эстонии и других республик. Отсюда они совершали поездки на фронты и по освобожденной земле.

В течение войны художники побывали почти на всех направлениях военных действий от Мурманска до Севастополя, от Москвы, Ленинграда и Сталинграда до Берлина. Об этих поездках, о впечатлениях, вынесенных из них, дают представление статьи и воспоминания, опубликованные в данном сборнике (см. статьи Кукрыниксов, А. Лаптева, В. Мешкова, В. Одинцова, Б. Пророкова, дневники Вл. Цигаля, а также воспоминания Л. Сойфертиса, К. Финогенова и других).

Во фронтовую печать с начала войны были направлены постоянными корреспондентами и художниками фронтовых газет и журналов молодые, но уже известные до войны графики и живописцы — О. Верейский, В. Горяев, К. Дорохов, Б. Пророков, Ф. Решетников, Я. Ромас, Л. Сойфертис и другие. Некоторые отправились добровольцами, например Владимир Цигаль, тогда еще студент Московского художественного института. Эти художники, большей частью графики по специальности, стали работать в области агитационного искусства, газетного изорепортажа, но в то же время они изучали и переживали войну, находясь в местах тяжелых боев. Редакции газет стали постоянно обращаться к художникам. Казалось бы, недостатка в наглядном материале не было, одними фотографиями можно было заполнить любую газету. Однако редакции отводили много места не только фоторепортажу, но и рисункам, портретам и карикатурам. Это значит, что художники изображали то, чего не могли показать фотокорреспонденты.

Примером самоотверженной и эффективной работы фронтовых художников-журналистов является деятельность Б. Пророкова — участника обороны полуострова Ханко (главного художника газеты «Красный Гангут») и боев на Малой земле, а в сентябре 1945 года — свидетеля капитуляции Японии на Дальнем Востоке; творчество Л. Сойфертиса, работавшего в осажденных Одессе, Севастополе, под Новороссийском, на Малой земле, вернувшегося в Крым во время его освобождения, побывавшего и в Берлине в конце войны; Владимира Цигаля, работавшего под Новороссийском и на Малой земле.

Фронтовой изорепортаж и натурные зарисовки занимали большое место в творчестве военных художников Студии имени М. Б. Грекова, которые бригадами работали на всех главных направлениях военных действий. Особенно широкую известность приобрели серии рисунков Н. Жукова, В. Богаткина, Н. Аввакумова, А. Кокорина, П. Кирпичева, Е. Комарова и многих других москвичей-студийцев.

Немало впоследствии известных московских художников служило в частях армии и флота, сражалось в партизанских отрядах, но они рисовали, даже писали картины в боевых условиях, о чем и рассказывают в своих воспоминаниях Н. Обрыньба, А. Таран, В. Давыдов и другие авторы этой книги, прошедшие войну солдатами-художниками. На фронте они не сразу взялись за карандаши и альбомы, припасенные «на всякий случай»: у одних не было для этого ни времени, ни сил, ни подходящей обстановки, другие вначале считали, что на войне не до искусства. Но вскоре художническая натура заявляла о себе, и где бы ни служил солдат-художник — в артиллерии, пехоте, минерах, в танковом корпусе или был партизаном,— он брался за карандаш для того, чтобы сохранить в памяти увиденное и пережитое.

Ответственность за свое искусство ощущали все художники, но особое положение было у тех, кого посылали на фронт в качестве именно художника для работы в армейской фронтовой печати или для сбора материала к крупным произведениям, для зарисовок и репортажа. Многие вначале задавали себе горький вопрос: что можно дать своим искусством солдатам, среди которых приходилось работать? Война не позировала — войска двигались, события и люди постоянно менялись... Зачем рисовать, если карандаш не мог соперничать в подвижности с кино- и фотоаппаратом? Но эти сомнения вскоре прошли, потому что на фронте и в тылу оценили творчество художника-рисовальщика, остроту его видения, умение выбирать и, рисуя, обобщать, умение и в наброске сказать многое от «себя лично». Вместе с

тем постоянный контроль взыскательного зрителя требовал от художника напряжения всех его сил. Кроме солдатской выносливости в работе на фронте, художник должен был быть творчески собран и активен всегда, когда это потребуется, а требовалось это ежедневно, ежечасно, порой ежеминутно. Рисуя, он думал и о том, чтобы люди, заглядывающие на лист через его плечо, не махнули бы разочарованно рукой... Это была настоящая школа для художника, нельзя было предаваться мечтательности, надо было работать бешено. В такой работе развивались собранность, острота глаза, оттачивался графический почерк, выразительным становился каждый штрих карандаша или пера.

Результаты работы московских художников на фронте и в тылу, в самом городе можно было видеть на выставках. Следует учитывать, что создание крупных выставок — дело, требующее больших затрат труда, времени, материалов,— казалось некоторым деятелям искусства невозможным и даже ненужным в условиях войны. Были предложения ограничиться агитационно-массовой продукцией и этюдно-эскизными материалами, собранными для крупных произведений, создание которых казалось разумным отодвинуть на будущее мирное время. Но действительная художественная жизнь пошла по-другому. Первые же выставки стали свидетельством того, что художники и в горниле войны не ограничиваются этюдами, зарисовками, эскизами, а создают графические серии, картины, скульптурные произведения, имеющие не вре́менную, сиюминутную, но абсолютную художественную и историческую ценность.

Выставочная деятельность Москвы имела в годы войны удивительный размах: фронтовые, передвижные, городские, республиканские, групповые и персональные, наконец, всесоюзные художественные выставки — все это организовывалось и функционировало в столице на протяжении военного времени, подтверждая высокий напряженный пульс художественной жизни самой Москвы и всей страны (см. «Хронику художественной жизни Москвы» в настоящей книге).

На третий месяц войны Московский Союз художников организовал экспозицию плакатов и лубков. В ноябре 1941 года в помещении Театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко открылась небольшая выставка картин, рисунков и гравюр, посвященных темам Великой Отечественной войны. Летом 1942 года в пяти залах Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина московские художники развернули выставку, включавшую более 500 произведений графики, живописи, скульптуры. Здесь были произведения разных жанров — фронтовые зарисовки, батальные картины, военный пейзаж, особое место занимали на

этой выставке портреты героев войны. Мы не можем в кратком обзоре охарактеризовать все выставки московских художников и всю художественную выставочную жизнь столицы 1941—1945 годов, даже ее наиболее значительные явления, отмеченные в хронике. Вспомним лишь самые крупные события художественной жизни столицы — всесоюзные художественные выставки, ставшие вехами истории всего советского искусства военного периода. Незадолго до начала контрнаступления советских войск под Сталинградом, в день двадцать пятой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции в залах Третьяковской галереи открылась первая военная всесоюзная выставка под названием «Великая Отечественная война». Не только по времени, но и по содержанию эта выставка была итогом творчества советских художников за первый год войны. Московским художникам принадлежала здесь ведущая роль. В их живописи, графике и скульптуре была волнующая художественная правда о тяжелом времени войны, страшная правда нашествия врага, ужасов гибели и страданий людей, но образ непокоренного борющегося народа — образ воина-героя и патриота-гражданина — был главным содержанием и духовным стержнем всей выставки. Здесь были впервые представлены такие ставшие впоследствии широко известными, вошедшие в историю советского искусства произведения, как серия рисунков Д. Шмаринова, картины А. Пластова, А. Дейнеки, П. Корина, скульптурные портреты, выполненные В. Мухиной и С. Лебедевой. Эти произведения по своему качеству не уступали лучшим работам довоенных лет.

К концу 1943 года в Москве открылась вторая военная всесоюзная выставка — «Героический фронт и тыл», на которой появились произведения, посвященные сражению у Волги, ознаменовавшему коренной перелом в ходе войны.

На этой выставке получило развитие решение основной темы советского искусства военных лет — народ в Великой Отечественной войне.

Не замирала в годы войны искусствоведческая и критическая мысль. При том, что в эти годы не издавались специальные журналы и был сокращен выпуск книг, издание литературы об искусстве не было совсем прервано. Наряду с многочисленными критическими статьями в центральных газетах и массовых журналах выходили монографии и альбомы, посвященные творчеству советских художников, книги о русском классическом искусстве и архитектуре, каталоги выставок, издательством «Искусство» было начато издание массовой библиотеки (см. «Хронику художественной жизни Москвы»).

Вся деятельность советских искусствоведов и критиков была проникнута чувством патриотизма и высокой ответственности перед народом. Поездки на фронт с бригадами художников, выставочная и экскурсионная работа, лекции и доклады для армии и гражданского населения — во всех этих мероприятиях принимали участие искусствоведы. Высокой благодарности заслуживает поистине героическая работа музейных сотрудников, сохранивших собрания Третьяковской галереи, Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и других крупных хранилищ искусства столицы при эвакуации и возвращении коллекций (см. об этом в статье С. Гильман «Московские музеи в годы войны» в настоящем сборнике).

Московские искусствоведы и художники не только уберегли коллекции столичных музеев, но помогли сохранить художественные собрания других стран, освобожденных Советской Армией от фашизма. В данный сборник включены воспоминания художников М. Володина и Н. Пономарева и реставратора С. Чуракова о спасении знаменитой Дрезденской галереи.

Искусствоведы и критики принимали прямое участие в создании произведений агитационного искусства в качестве редакторов издательств, отдела литературы и искусства Советского информбюро. В печати и по радио художественная критика обращалась ко всему народу, воспитывая на материале искусства патриотические чувства, политическое сознание гражданина и воина. Она была тесно связана с военной действительностью и отличалась боевой публицистичностью, нередко прямой агитационной направленностью. Активность художественной критики возрастала вместе с развертыванием творческой деятельности художников и организацией выставок в Москве и других городах страны. Вместе с художниками и писателями искусствоведы и критики ищут решения актуальных творческих вопросов, обсуждают и оценивают отдельные художественные произведения и целые выставки.

Одним из первых и существенных вопросов, поставленных жизнью перед деятелями всех видов искусства и литературы, стал вопрос о месте и роли художника в военной и идеологической борьбе с фашизмом.

Некоторые критики считали, что место художника — только на фронте; другие, признавая работу для фронта священным долгом каждого деятеля искусства, вместе с тем утверждали, что художники должны не откладывая создавать обобщающие произведения. Эта проблема — соотношение документальности и обобщения в искусстве — была решена самой художественной практикой, но на первых порах она вызвала острые дебаты критиков в печати и на обсуждениях выставок.

Дело в том, что война заметно повысила значение отдельного факта жизни. Фронтовой рисунок, беглый этюд с большим интересом воспринимались зрителем, ищущим правды совершающихся исторических событий. На первых военных выставках количественное преобладание документально-натурного материала зарисовок и этюдов над произведениями художественно-обобщающего характера воспринималось как факт закономерный, оправданный новыми задачами искусства и условиями работы художников на войне. Но в дальнейшем преобладание натурного материала начало вызывать беспокойство. С 1943 года в критике все настойчивее утверждается высокая требовательность к художественному качеству. В печатной и устной критике все больше внимания уделялось вопросам мастерства художника в решении новых тем, проблемам традиций и новаторства в батальной и исторической живописи, в пейзаже, в живописном и скульптурном героическом портрете. На обсуждении всесоюзной выставки «Героический фронт и тыл» (1943) Б. Иогансон в своем докладе рассматривал произведения живописи без всяких скидок на военную обстановку и актуальность взятых тем. Он говорил о том, что, оценивая современные работы и раскрывая перспективы дальнейшего развития советского искусства, «...мы должны думать о них с высоты достижений великой русской и европейской живописи»*.

* Б. Иогансон. Доклад о живописи на обсуждении выставки «Героический фронт и тыл». 13—17 января 1944 г. Стенограмма. Архив СХ СССР.

Такая оценка деятельности советских художников в период Великой Отечественной войны остается верной и поныне.

В наше время люди всего мира, обращаясь к советскому искусству периода Великой Отечественной войны, рассматривают его прежде всего как памятник бессмертному подвигу советского народа, воздвигнутый художниками нескольких поколений. Советский народ в Отечественной войне — центральная тема патриотического искусства военного периода. Этой теме подчинено все многообразие жанров, сюжетов, мотивов, образов, посвященных крупным событиям, историческим личностям и судьбе простого человека.

Революционная народность ознаменовала рождение советского искусства еще в годы гражданской войны и оставалась его душой на всех дальнейших этапах развития. В Великой Отечественной войне характер советского народа раскрылся особенно ярко, поэтому

в искусстве этого времени было сказано о народе много нового, сильного, не известного прежде. В искусстве нашли отражение наиболее крупные события войны, вошедшие в историю: оборона Бреста, Ленинграда, Москвы, Одессы, Севастополя, битва на Малой земле, сражения у Волги, на Курской дуге и в Берлине, образы прославленных героев фронта и партизанского движения. Вместе с тем художники поняли войну не только как батальный жанр, не только как сражение двух армий. Они видели, что война — тяжелая фронтовая работа, что исход сражений зависит от многих причин, в конечном счете от самоотверженного труда всего народа. Величие народа, его героизм раскрывались и на поле боя, и в терпеливом преодолевании невзгод и тягот, в повседневной моральной стойкости людей. Художники внимательно всматривались в тяжелые будни жизни на фронте, в тылу, в партизанских лесах, подмечая скромный, не бросающийся в глаза подвиг выносливости, жизнестойкости, человечности. Если рассмотреть во всех видах и жанрах искусства главное, то окажется, что художников больше всего волновали образы непокоренных советских людей, выражавшие необыкновенную стойкость, моральную силу, патриотическую гордость народа. «Непокоренные» — это не только названия и образы картин, скульптур и рисунков, это коренная идейно-художественная концепция о войне.

Эта концепция определила и подход художников к трагическим событиям, трактовку таких сюжетов, как гибель героя, казнь, насилие, оплакивание погибших. Для нашего искусства нетипично поверхностно-натуралистическое или экспрессионистически-заостренное изображение ужасов войны; художники показали суровую правду гибели и жестоких страданий людей, но они понимали это как подвиг, героическую жертву на алтарь Отечества.

Одним из самых излюбленных образов советских живописцев, графиков и скульпторов в годы войны стал волнующий образ матери, провожающей на войну своих детей, работающей не покладая рук, защищающей свой дом, страну, оплакивающей гибель близких. Образ матери проходит через все искусство, он многолик и в то же время един в своей человеческой сущности, он правдив и прекрасен. «Мать», «Письмо с фронта», «Мать партизана», «Встреча с матерью», «Возвращение» — наиболее распространенные сюжеты, в которых художники искали и находили выражение народной жизни, характер людей военной эпохи.

Образ матери в искусстве становится олицетворением Родины.

Самая примечательная черта искусства 1941—1945 годов — его боевой патриотический пафос, гражданственная публицистичность. Все годы войны оно было неотторжимо от действительности, горячо отвечало на запросы жизни, оно было одновременно набатом и художественным историографом-документалистом. Эти черты проявились тогда почти во всех видах и жанрах изобразительного искусства, но, пожалуй, политической остротой, публицистичностью и, как говорили тогда, оперативностью больше других обладали различные формы графики. Действительность требовала от искусства чуть ли не ежедневного освещения событий, и потому на передовые позиции встала графика, которая, имея в виду общую стратегию борьбы с фашизмом, решала по-военному быстро и действенно тактические задачи каждого дня. Прежде всего мы должны вспомнить карикатуру центральных и фронтовых газет и журналов, печатный плакат и «Окна ТАСС», графический репортаж и станковые серии тех лет.

Опыт, накопленный советскими художниками в политической борьбе с фашизмом в конце 30-х годов, помогал карикатуристам создавать меткую, острую, понятную всем сатирическую графику с первых дней нападения врага. Они сразу взяли верный тон беспощадного разоблачения вероломного врага в широком диапазоне сатиры — от едкого юмора до убийственной иронии и гневного сарказма. За годы войны карикатура охватила широкий тематический диапазон действительности, нашла новые необходимые образы, приемы и стала поучительной художественно-сатирической летописью Отечественной войны. Она отразила существенные грани общественной психологии народа, его негодование, ненависть и презрение к фашизму, уверенность в неизбежной победе над «коричневым» чудовищем.

Высокое качество сатиры во всех формах графики военного периода явилось итогом творчества художников всех поколений, прежде всего московских ветеранов советской карикатуры и плаката: М. Черемныха, Дени, Д. Моора, Н. Радлова, А. Радакова, Л. Бродаты, В. Лебедева, Б. Ефимова и художников, выступивших впервые в 30-х годах: Кукрыниксов, Ю. Ганфа, К. Елисеева, В. Горяева, Б. Пророкова, С. Костина. Многие работы названных художников имеют не только историческое значение, но не утратили своей художественной ценности и сегодня.

Боевой, наступательный, идейно-образный строй искусства, формировавший основные черты его стиля, ясно и непосредственно сказался в агитационном плакате, который играл главную мобилизующую роль в по-

литической борьбе с фашизмом. Плакат был нужен всем — как ежедневная газета и военная сводка, как боевой призыв к действию на фронте и в тылу. Вот почему над созданием плакатов и «Окон ТАСС» постоянно трудились и плакатисты-профессионалы и крупные мастера живописи, станковой и книжной графики. Они превратили плакат в острое идеологическое оружие, внесли в него жизненную образность, изобретательность, художественный вкус. На этой спешной, нередко лихорадочной работе развился талант молодых, прославившихся в тот период московских плакатистов — А. Кокорекина, В. Иванова, В. Корецкого, Л. Голованова. Выдающиеся произведения в плакате и «Окнах ТАСС» были созданы Кукрыниксами, Д. Шмариновым, И. Тоидзе, М. Черемныхом, Дени, Ф. Антоновым, Н. Жуковым и другими московскими художниками, работавшими в столице, а также на Урале, в Сибири, в Закавказье и Средней Азии. Развивая лучшие традиции советской монументально-графической публицистики, ее политическую остроту, реализм и народность, плакат Великой Отечественной войны поднялся на новую ступень художественности. Жизненный эпизод как сюжетная завязка, крупноплановый психологический образ героя, пластически объемная манера изображения — таковы характерные стилевые черты военного плаката, преимущественно героического и драматического по своему содержанию.

Советский плакат и карикатура периода Отечественной войны получили широкую международную известность и признание. Еще в ходе войны, проникая в страны антигитлеровской коалиции, они вызывали восхищение антифашистов, люди многих стран впервые узнавали культуру и психологию народа, разбившего фашизм. Советская военная графика была понятна зрителю любой страны, она помогла народам Европы и Америки разобраться в том, что такое фашизм, и возненавидеть его.

Другой исторической особенностью искусства военных лет является высокая патетика, его героико-драматический образный строй как результат художественного постижения военной действительности. Благородная ненависть к жестокому врагу, терзавшему людей, села, города, саму землю; восхищение героизмом солдат Советской Армии, тружеников военной промышленности и колхозных полей; возвышенная любовь к Родине — все большие чувства, переполнявшие художников так же, как и весь наш народ, нашли выражение и в агитационных формах графики, и в станковых графических сериях, картинах и произведениях скульптуры. Все виды и жанры искусства звучали, «как колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных».

Героика и драматизм образов присущи больше всего произведениям батального жанра, решениям тем партизанской борьбы, народного сопротивления, тягот и бедствий людей в дни войны. В короткой статье мы можем назвать лишь некоторые выдающиеся произведения, вошедшие в историю советского искусства и несущие в себе наиболее полное выражение духа и стиля этого периода. При этом нет необходимости разделять их по видам и жанрам, так как нам важнее сейчас общее, а не частности. Шедевр новой батальной живописи создал А. Дейнека. Его полотно «Оборона Севастополя» (1942) воспринимается и ныне как воплощение героизма Советской Армии в Отечественной войне: в сюжетном эпизоде обороны одного города передан масштаб сражений и дух советского народа, проявленный в борьбе с фашистскими интервентами. Дейнека был автором и других выдающихся произведений — серий картин и рисунков, посвященных обороне Москвы, в том числе незабываемой картины «Окраина Москвы. Ноябрь 1941 года» (1941).

Правдивые батальные полотна были написаны художниками П. Кривоноговым — «Корсунь-Шевченковское побоище» (1944), И. Евстигнеевым — «Ночной бой» (1946), Г. Нисским — «На защиту Москвы. Ленинградское шоссе» (1942), Ю. Пименовым — «Фронтовая дорога» (1944), Я. Ромасом — «Зимние залпы Балтики» (1942), В. Одинцовым, создавшим выдающуюся картину в жанре батальной живописи «За Сталинград» (1945).

Одно из лучших и своеобразных произведений было создано Кукрыниксами — картина «Бегство фашистов из Новгорода» (1944—1946), в которой пейзаж древнего города, его Софийский собор претворены в грозный образ воюющего народа. Исторические, преимущественно историко-батальные темы и образы получили широкое развитие в искусстве тех лет потому, что в них видели аналог борьбы с иноземными захватчиками; они соответствовали патриотическому миросозерцанию народа, вставшего на войну за Отечество. Тогда возникли такие мастерские произведения, как триптих П. Корина «Александр Невский» (1942), эскизы монументальных росписей Е. Лансере «Трофеи русского оружия» (1942), картина Н. Ульянова «Лористон в ставке Кутузова» (1945), гравюра В. Фаворского «Кутузов» (1945), литографии Е. Кибрика к гоголевскому «Тарасу Бульбе» (1944—1945), историческое полотно А. Бубнова «Утро на Куликовом поле» (1943—1947). Художники и зрители, вызывая в своем воображении дружины Александра Невского, Дмитрия Донского, полки Суворова и Кутузова, видели их глазами участников Великой Отечественной войны.

Героика и острота драматических сюжетов, характеров, эмоционального настроя пейзажа становятся достоянием произведений всех жанров: бытового, портретного, пейзажного. Бедствия людей и непримиримость к врагу, единение фронта и тыла, партизанское движение и народное ополчение — вся суровая пылающая действительность отражалась в искусстве, озаряла его гневом справедливой войны и формировала его образный строй. Народно-героические и трагические по духу произведения несут в себе неприкрашенную правду военной жизни, без натуралистической приземленности или эстетизации ужасного в ней. Подлинность переживаний художников, очевидцев событий, явилась залогом действенности искусства для современников и зрителей наших дней.

Искусство убеждает нас в том, что советские художники переживали судьбу Родины, народа как личную судьбу. «Художник не имеет права сейчас мирно и тускло жить, это его гибель»,— писала В. Мухина в феврале 1942 года; она утверждала потом: «Никто не смеет остаться равнодушным. То, что никто из нас, русских, не был равнодушным в эту великую войну, помогло нам одержать победу». Конечно, целостный характер советского искусства военного периода модифицировался в различных его видах и формах, в творчестве отдельных художников, претворявших действительность в диапазоне личного жизненного опыта и собственного стиля.

В станковой графике появились сложные по жанровым признакам серии, альбомы, циклы об армии и народе в годы войны, о фронтовом быте, о жизни в осажденных городах, разрушенных деревнях, о труде на заводах и полях. Здесь мы имеем в виду серию Д. Шмаринова «Не забудем, не простим!» (1942), которая заслужила признание широкого зрителя и заняла видное место в истории советского искусства.

Подлинностью образов и высокой художественностью отмечены «Севастопольский альбом» Л. Сойфертиса (1942), и выросшие из фронтовых зарисовок большие циклы рисунков Е. Кибрика, А. Кокорина, Д. Мочальского, В. Горяева, О. Верейского, В. Богаткина, К. Финогенова, и серии гравюр В. Бибикова и отдельные мастерские произведения В. Фаворского, А. Гончарова, Н. Жукова, вошедшие в историю искусства военного периода.

Народно-героическое звучание трагических тем войны преобладает в живописи и скульптуре — в таких крупных по художественному масштабу произведениях, как картины С. Герасимова, Т. Гапоненко, А. Пластова, статуи и группы В. Мухиной, Е. Белашовой, М. Манизера. Вспомним некоторые из них. В картине «Мать партизана» (1943) С. Герасимов дал крупным планом две

фигуры, каждая из которых олицетворяет целый мир: фигура нациста — это воплощение палача, погромщика, садиста, и фигура русской женщины — непокоренной, гордой, крепко стоящей на своей земле; никакая жестокость взбешенного врага не сломит, не покорит волю и самосознание этой простой крестьянки.

В статуе Е. Белашовой «Непокоренная» (1943) образ юной героини построен на контрасте внешней хрупкости исстрадавшейся девушки в грубом тряпье, изношенных солдатских башмаках — и ее человеческого достоинства и твердости непреклонного характера, необходимых для исполнения осознанного долга. Все в этом образе — взволнованное лицо, напряженная собранность фигуры и тонких рук, уверенно твердая постановка ног — все пластически-пространственное решение формы последовательно раскрывает характер «Непокоренной», нравственную и духовную победу, одержанную героиней в тяжелой борьбе.

Даже произведения преимущественно трагического характера несут в себе не только выражение боли, потрясенной души, но и надежду на изживание трагической коллизии. Образ матери, скорбящей над телом убитого сына, не мог не взволновать тогда многих художников, видевших такое своими глазами. Среди множества произведений на эту тему в графике, скульптуре и живописи прежде всего вспоминаются лист Д. Шмаринова из его серии «Не забудем, не простим!», статуя С. Орлова «Мать» (1943) — образы большого материнского горя, которое пришлось пережить многим матерям в годы войны.

Героика и драматизм военного и трудового подвига не исчерпывают жизненного диапазона искусства тех лет, даже в претворении сугубо военных сторон действительности некоторые художники умели сохранять чувство юмора, как сохраняли его герои рисунков Л. Сойфертиса, В. Горяева, О. Верейского, персонажи картин Ф. Решетникова, композиций из фарфора С. Орлова и М. Холодной. В графику, живопись, малую пластику широко вошли сценки из фронтового и трудового быта, образы, проникнутые лирикой и поэзией любви, картины природы, не тронутой войной.

После перелома в ходе войны большой удельный вес приобретают темы трудового подвига, лирические мотивы в жанровых композициях, пейзаже, портрете. А. Пластов, например, написавший в 1942 году одну из самых драматических картин — «Фашист пролетел», теперь создает замечательные полотна «Сенокос» (1945) и «Жатва» (1945), прославляющие тех стариков,

подростков и женщин колхозной деревни, труд которых кормил и фронт, и тыл. С. Чуйков, выступавший вначале с монументальными полотнами «Благословение Джамбула» (1942) и «За Родину» (1943), в конце войны закончил первую картину прославленной «Киргизской сюиты». Поэтическая волнующая «Песня» (1945) с ее тихой красотой мирной жизни звучит таким лирическим откровением, таким разливом счастья и умиротворения, какие может чувствовать только человек, переживший бедствия, тревоги войны и завоевавший победу.

Среди крупных произведений, завершенных в последний год войны, прочно заняли свое место в истории искусства картины «Слава павшим героям» (1945) Ф. Богородского, «В свободную минуту. Медсестра» (1945) Г. Шегаля, «На отвоеванной земле» (1944—1945) Д. Шмаринова, «Осенняя станция» (1945) Ю. Пименова.

Патриотическая обостренность миросозерцания и самого ви́дения художников нашла непосредственный выход в пейзажной живописи и графике. Если картины «Сгоревшая деревня» (1942) и «Окраина Москвы. Ноябрь 1941 года» (1941) А. Дейнеки, «1941 год под Москвой» (1941—1942) В. Мешкова, «Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года» (1942) К. Юона и сходные с ними по темам полотна, гравюры и рисунки других художников являют собой драматически заостренные патетические образы битв, фронтовых дорог, разрушений, пожаров войны, то в 1944—1945 годах в произведениях С. Герасимова («Новгород» и «Лед прошел»), С. Чуйкова («Осенний джайлоо»), в серии картин Н. Ромадина («Волга — русская река») сыновние чувства художников к родной земле и ее историческим реликвиям выразились в эпических или лирических по строю образах природы.

Широкое развитие получил жанр портрета. Графики, скульпторы и живописцы создавали портреты советских людей на фронте и в тылу, в землянках, на кораблях и в самолетах, на заводах и в научных кабинетах; они внимательно всматривались в лица людей, пытались подметить то новое, что появилось в характере советского человека.

Портреты тех лет легко отличить по обстановке и одежде военного времени. Но и в тех изображениях, где нет непосредственных военных примет, мы узнаем то время по особой напряженности мысли и чувства в портретном образе, по той особой подтянутости, серьезности и сосредоточенности, которые отчетливо видны в портрете партизана с автоматом в зимнем лесу («Портрет командира партизанского отряда Болознева» И. Серебряного, 1942) и художника за мольбертом (автопортрет П. Кончаловского, 1943), и пианиста во время

концерта («Портрет К. Н. Игумнова» П. Корина, 1941—1943). Эта духовная общность проявляется по-разному в характерах изображенных людей, но она определяла подход большинства художников к своей модели, в сознательном или невольном акцентировании определенных «военных» черт характера — выражение волевого напряжения, суровой решительности.

В те годы необыкновенно расширился диапазон портрета в советском искусстве: художники увидели как бы весь борющийся народ, великое множество различных индивидуальностей. Портрет стал основным жанром скульптуры, где особое место принадлежало изображению прославившихся героев войны. В эти годы портрету отдали много сил известные мастера В. Мухина, С. Лебедева, Г. Кепинов, В. Боголюбов, И. Чайков, А. Грубе, Н. Томский, Е. Вучетич, З. Виленский, Д. Шварц и молодые скульпторы, только начинавшие тогда свой путь в искусстве,— И. Першудчев, Л. Кербель, А. Ковалев, Н. Никогосян, В. Цигаль. Все вместе они создали обширную галерею портретов участников и героев Великой Отечественной войны, людей науки и культуры. Историческое значение этой галереи определяет и ее мемориальная, и художественная ценность.

Еще в 1941—1942 годах скульпторы создавали проекты памятников и монументов, которые должны были увековечить подвиг народа и его выдающихся героев в Отечественной войне. Некоторые проекты были претворены в законченные монументальные произведения и сооружены во время войны и в конце ее.

Своеобразная черта реализма в искусстве военного времени — преобладание натурного подхода к созданию образа не только в документальных и портретных работах, но и в картинах и произведениях монументальной скульптуры. Такой метод был результатом отношения художников к действительности - каждый день, час, эпизод которой представлялся полным неповторимой исторической значимости.

В послевоенные десятилетия появились многие выдающиеся произведения о Великой Отечественной войне, были воздвигнуты сотни памятников героям, величественные монументы и мемориальные ансамбли. Но еще в годы войны советские художники создали незабываемый памятник народу, выдержавшему небывалое в истории вооруженное нападение и наголову разбившему фашистские полчища. Искусство периода Великой Отечественной войны, созданное очевидцами, никогда не утратит своей волнующей силы, высокого нравственного и патриотического воздействия. Его гражданский героический пафос, народность, драматизм, его реалистическая подлинность несут в себе правду истории.

П. К. Суздалев

Памяти павших

Московские художники и искусствоведы, погибшие в годы Великой Отечественной войны

Аввакумов Николай

Авалиани Евгений

Агронский Гершон

Андреев Иван

Аптер Яков

Бандалин Герасим

Безин Иван

Белашев Михаил

Беляев Василий

Березовский Александр

Бирюков Иван

Будо Петр

Веретенников Василий

Витлин Сигизмунд

Григорьев Григорий

Гуревич Михаил

Давыдов Петр

Давидович Ефрем

Дукович Валентин

Зевин Лев

Игумнов Сергей

Колесов Иван

Кравцов Арон

Кранц Георгий

Лучанский Мориц

Маркин Сергей

Орлов Глеб

Павлов Николай

Пайн Яков

Пастернак Иосиф

Перфильев Иван

Поляков Игорь

Попов Петр

Прохоров Николай

Радина Лидия

Ржезников Арон

Розе Григорий

Розенблит Борис

Русаковский Липа

Силинов Николай

Соколик Наум

Сучков Валентин

Сыромятников Герман

Туганов Георгий

Турецкий Валериан

Танчик Иван

Фаворский Никита

Фарманов Георгий

Фирсов Владимир

Фридрих Аркадий

Четыркин Леонид

Шемякин Федосий

Эбериль Исаак

Эйгес Сергей

Недбайло Михаил

Цанов Камен

Васильев Григорий

Эти имена художников и искусствоведов, членов Московской организации Союза советских художников, павших смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины на фронтах Великой Отечественной войны, выбиты на мемориальной доске, установленной в Московском Доме художника. В конце скорбного этого списка не стоит точка: нет уверенности, что мы знаем *все* имена,— в частности, тех погибших на войне художников и искусствоведов, которые по каким-либо причинам к моменту ухода на фронт не являлись членами МОССХа. Поиск в этом направлении продолжается. Пусть публикация этого списка будет Памятью всем, чей талант и чье творчество безвременно унесла война.

Московские художники в дни Великой Отечественной войны
Воспоминания. Письма

Владимир Цигаль
На Малой земле

Из фронтовых дневников 1942—1943*

Мы пришли в ЦК ВЛКСМ проситься добровольцами на фронт.

Первый вопрос:

— Художники?

— Да.

— Паспорта рисовать умеете?

— Не приходилось.

— В партизанский отряд полетите?

— Да.

Но на следующий день мне предложили выехать на Черноморский флот.

И вот на мне морская форма.

— Вы давно с Черного моря? — спрашивает кто-то в поезде.

Мне неловко, даже стыдно признаться, что я еще только студент-дипломник, художник, а никакой не моряк, и в ответ бормочу что-то невнятное, неопределенное.

...В Поти в Политуправлении получил командировку в НОР (Новороссийский оборонительный район) в Геленджик «для оказания помощи в наглядной агитации».

В дороге с упоением слушаю рассказы о войне (со мной едут возвращающиеся в свои части раненые). Ночью прибыли в Туапсе. Но город увидел только с рассветом: это было мое первое впечатление войны.

Город разбит до основания, дома похожи на черепа с зияющими дырами окон, одиноко торчат печные трубы, кругом камни, спутанные провода, кольцами висящие на столбах, воронки от снарядов.

Мы едем через Михайловский перевал. Начинает смеркаться. На всех поворотах крупными буквами написаны грозные слова: «Если враг не сдается, его уничтожают»; «Вперед, на разгром врага»... Длинная военная дорога, по которой непрерывным потоком идут на фронт бойцы и вооружение.

В Геленджике знакомлюсь с замечательными людьми, героями флота. Рисую плакаты, листовки, портреты моряков.

Первым был Матушенко, гвардии майор, командир дивизиона. Человек веселый, простой, вечно улы-

* Публикуется впервые. Все примечания в книге, за исключением специально оговоренных, принадлежат составителю сборника В. А. Юматову. Авторские сноски набраны курсивом.



1. Владимир Цигаль. 1943. Этот снимок сделан фотографом бригады И. Кушнаренко в момент, когда я вернулся на два-три дня на Большую землю. На плечах у меня висит папка с рисунками и полевая сумка, а спереди трофейный «шмайсер». Я так отвык от мирной обстановки, что пока фотограф наводил свой объектив, я поглядывал на небо — не летят ли «мессершмиты» или «рамы».

бающийся. Это о нём, о его 10-й батарее в дни осады Севастополя с восторгом говорили: «Еще живет десятая!» Его батарею бомбили и рвали снарядами. Казалось, на ней уже не осталось ничего живого. А она вдруг снова открывала огонь.

Смотрю на командира. Слушаю его рассказы. И думаю — как трудно в портрете сочетать выражение

мужества и бесстрашия с присущей ему увлекающей жизнерадостностью!

В дивизионе Матушенко я резал клише на линолеуме для листовок с портретами и эпизодами из боевой жизни лучших командиров и краснофлотцев. Печатал их литографской краской, многие подкрашивал акварелью. Рисовал карикатуры для сатирического журнала «Полундра».

В один из первых дней при мне сбили торпедоносец «Гамбург 140». Видел, как он падал в море, оставляя за собой длинный хвост дыма. А к вечеру уже была выпущена «Полундра» с рисунками, посвященными этому событию.

Бывал и на других батареях дивизиона. На батарее Давиденко меня встретил замкомбата, совсем молодой парень с детским пушком вместо бороды; это был командир с уже большим боевым опытом. Здесь я впервые увидел ночной залп. От первого выстрела подпрыгнул и немного оглох, а на второй реагировал уже спокойнее.

Ночной залп был дан по Новороссийску. Но Новороссийск открылся мне позднее и не отсюда, а с батареи Зубкова. Она находилась на расстоянии всего 18 кабельтовых от Новороссийска. Город виден простым глазом. Поражает мертвая тишина. Никакого движения. Только лучи солнца вдруг загораются огнем в уцелевших стеклах. Белеют стены Цемзавода. Прямо передо мной — мол, разбитый в нескольких местах.

Неужели там враг? А утро такое чудное, неужели идет война?

На батарее выворочены деревья, огромные воронки, и на щитах орудий — крупные ссадины от осколков. Видно, здорово досаждает эта батарея врагу.

С жадностью рисую. В институте я воспринимал рисование как дисциплину чисто академическую, а здесь оно вдруг превратилось в очень мобильное и действенное оружие.

Вот... сидит лейтенант и играет на гитаре, а сзади — скромный «натюрморт»: два автомата и сумка с гранатами. Рядом корректировщик Коля Воронкин в зеленом маскировочном халате с коричневыми пятнами и бойцы в ватниках, из-под которых рябит полосатая тельняшка.

Ребята замечательные.

...Потом опять дорога — длинная, ухабистая. Перебираюсь с машины на машину. Возвращаюсь в Туапсе. Работаю при редакции «Ворошиловский залп». Здесь узнаю, что 255-я морская бригада скоро идет в бой. Вот куда мне необходимо поспеть.

...Мелкий дождь. Жду попутную машину. Вдруг вижу — стоит сгорбившись какой-то тип, руки засунуты

в карманы штанов, серый френч, из кармана торчит здоровенная ложка, а голова — ярко-рыжая. И другой рядом стоит в красноармейской шинели и вязаном шлеме, а на ногах — какие-то отрепья. Подхожу ближе: это фашисты! Их охраняет молодой скуластый кубанец с автоматом на груди. Стал их рисовать, а ребята с одинаковым недоумением смотрят на фрицев и на меня...



2. **Владимир Цигаль.** Малая земля. Уличные бои 1943. Это вход в радиостанцию. Внизу, в подвале, помещались КП 255-й морской бригады полковника Потапова и наш блиндаж, в котором мы рисовали свою «Полундру». Верхние этажи были разрушены авиацией и артиллерией, и только в уцелевшем проеме окна стоял наблюдатель и каждые несколько минут передавал: «Воздух! Самолеты противника!»

Это было под горой Индюк, по другую сторону которой находятся немцы.

Затем полнейший контраст: Гагры. Ночь. Луна. Пьянящий аромат деревьев. Убегающая вперед живописная дорога. Горы. Все какое-то голубое. Причудливые тени... Мне предстояло провести здесь только два дня. Встретил Володьку, воспитанника полка — парнишку лет пятнадцати, участника Феодосийской операции. Нарисовал его, после чего он неотступно ходил за мной, деловито устанавливая очередь, «кому следующему рисоваться». На ремне у него висел командирский кортик. Днем я вырезал на линолеуме, а вечером нари-

совал еще около 15 портретов курсантов. Среди них — краснофлотца Петрова с крейсера «Красный Кавказ». Во время Феодосийской операции ему оторвало руку, но он не бросил пулемета, пока не кончился весь боезапас. Все эти портреты были вывешены на доске «Отличник учебы».

Возвращаюсь в Туапсе и оттуда в 255-ю бригаду.



3. **Владимир Цигаль.** Воспитанник бригады Димка. 17 января 1943. Я рисовал многих воспитанников. Одних усыновили в батальоне в память о погибшем отце, другие приблудились сами под неотразимым воздействием романтики силы и мужества, которой овеяна жизнь моряков. Им любовно перешивали матросскую одежду, бескозырку, сапоги, восполняя в этой заботе свою тоску по дому, близким. Многие ребята в боях и разведке проявили себя геройски. После освобождения Новороссийска контр-адмирал Г. Н. Холостяков собрал все это юное войско, построил, поблагодарил за службу, многих наградил боевыми медалями и приказал отправить в Военно-морское училище, чтобы стали настоящими офицерами. И тут все воспитанники заревели — дети все же! — не хотели покидать своих боевых друзей.

Иду по дороге. Автомат и рюкзак оттягивают плечо, и пистолет на длинных ремнях бьет по ноге...

Над портом кружились два самолета. И дальше — опять самолеты. По шоссе бежали женщины, по

которым строчил из пулемета немецкий ас. Кругом слышны разрывы и без умолку бьют зенитки.

Добирался с трудом: где пешком, а где на попутных. Тянулись обозы с вооружением, шли люди, гнали лошадей, ишаков. Все чаще появлялись солдаты, заросшие, с опущенными на уши пилотками... Заночевал в Новой Михайловке. Хозяйка очень заботливо подстели-



4. **Владимир Цигаль.** Малая земля. Железнодорожная насыпь. 1943. Вот этот маленький кусочек земли около Рыбзавода, куда мы высадились. До узкоколейной железной дороги всего метров двести, вдоль берега не более трехсот. Такой была Малая земля в первые дни. Затем, с боями, она расширилась на 3 км вглубь и 7 км вдоль моря. Теперь, когда мы строим на этой земле Монумент героической эпопее, строители видят, что вся она усеяна осколками снарядов, мин, авиабомб. Это не удивительно — ведь на голову каждого десантника было сброшено 1250 кг железа!

ла тулуп, несмотря на то, что у нее ночевало уже 14 человек. Начавшийся днем дождь лил и всю ночь. Часов в 7 утра пришли еще бойцы, легли во дворе под навесом, положив головы на автоматы.

Геленджик встретил хмурый, военный. Патрули. Редкие прохожие.

Наконец-то добрался до 255-й морской бригады. Приняли хорошо, тепло. Но до вечера я дрожал. Белье, шинель — все было мокрое...

Знакомлюсь с людьми.

Рисовал разведчицу Раю Федюкову и разведчика Сейферияна — на его боевом счету мно-



5. **Владимир Цигаль.** Чучело. 1943. Это чучело я сделал на Малой земле, и мы выставили его перед вражескими позициями. Днем его сбивали снарядами, решетили автоматными очередями, а ночью к нам приползали немецкие солдаты, сдавались в плен, прихватив с собою вооружение и документы.

го фашистов. Рисовал в бригаде с упоением. Очень понравился Герой Советского Союза Миловатский — симпатичный, простой человек. Как фальшивы все общепринятые «героические» позы! В жизни совсем иначе: намного проще, богаче и интереснее. Вырезал на линолеуме его портрет. Начал лепить фигуру Рослякова, командира молодежного диверсионного отряда. Чудный парень!

Вечерами по «спецзаказам» рисовал портреты размером с почтовый конверт или планшет (первый — для посылки домой, второй — походного размера). Просят моряки. Нельзя же отказать!..

Здесь же прошел и «боевую подготовку»: строчил из автомата — здорово, но оглушает.

В ожидании первого боя было тревожно, да и работать трудно. Вечером света нет. Злюсь, как собака. Очень хочется собраться с мыслями, побыть одному, а всюду люди. Как-то простоял целый час в полуразрушенном гальюне — прекрасный вид на море...

Был чудный солнечный день, когда пошел в 14-й батальон.

Рисовал доктора Алиева в его санчасти. Он меня угостил сладким чаем, табаком. А я давно не курил! Здесь и началось...

Первый выстрел раздался, когда я с остервенением стирал резинкой ноги — так трудно нарисовать обе ноги, чтобы они стояли, да еще в этих кирзовых сапожищах!

На небе появились темные и серые пятна разрывов и, как бы купаясь в лучах солнца, кружились Ю-87, сверкая гладким пузом. Штук пять над Толстым мысом и три над нами. Били зенитки, и со свистом летели невидимые осколки. Взрывы. Появились наши «ишаки»*.

* самолет-истребитель.

Завязался воздушный бой... Вдруг самолет пикирует прямо на нас. Сзади «ишак» — бьет из пулемета. Самолет прошел очень низко, оглушая грохотом мотора и волоча за собой огромный хвост дыма. Мы все кричали «ура».

Обратно шел, как после тяжелой работы, усталый и довольный.

Вот залив, а за ним близко-близко горы. Вершины окутаны светлой полосой тумана, а выше — голубое небо. Полная луна и сбоку звездочка. Такой тихий, прекрасный вечер!

И опять стреляют. Эхо увеличивает грохот. Это наши дальнобойные шлют фрицам свои пожелания «спокойной» и вечной ночи.

А горы все темнеют. По заливу бежит узенькая золотистая лунная дорожка. На небе появляются одинокие, но яркие звезды. Дорога сворачивает в сторону. Начинается легкий норд-ост. Луна сзади, и я шагаю, наступая на собственную тень.

В эти дни тревожных ожиданий появилась мысль о памятнике морякам, бросившимся с гранатами под танки. Много рисовал. Закончил рисунки для рукописного сборника «Герои-гвардейцы», переплет, красочную обложку, иллюстрации — портреты и боевые эпизоды из жизни лучших бойцов и командиров бригады. Среди

них — Миловатский, Мамаев, Росляк, Рая Федюкова, Тося Бобкова и другие.

Агитатор бригады, неутомимая Маруся Педенко, ходила по подразделениям и читала стихи из сборника и номеров «Полундры»; ребята с интересом рассматривали иллюстрации и узнавали портреты своих товарищей.

Ординарец Василия Миловатского, скосив из пулемета около 40 фрицев, не удержался и на цыпочках, закусив губу, подкрался к ним — «нужно же сосчитать, сколько!». По нему открыли огонь. Он подпрыгивал на месте, чтобы «вилки» пулеметных очередей не проткнули ему ноги, а потом, тяжело раненный в руку, писал из госпиталя Миловатскому: «Васенька! Когда поправлюсь, я все равно буду бить немцев, хотя бы одной рукой!».

Уже наступил 1943 год.

31 января. За ночь батарея Матушенко выпустила 1500 снарядов по Новороссийску. Часов с 12 дня опять били: что ни минута, то снаряд. Так началась длительная артиллерийская подготовка.

Как-то выбежал из столовой и столкнулся с полковником Потаповым.

— Ты кто такой?

— Художник Главного Политуправления.

— Почему китель не застегнут?

Судорожно застегивая верхнюю пуговицу, я стал по стойке смирно и сказал:

— Товарищ полковник, разрешите мне пойти с вами в операцию?

— Что?! — заорал Потапов.— Тебя убьют, а я буду отвечать перед Политуправлением? Кругом!

Полковник был маленький, плотный, с большой головой и лицом, которое можно только мечтать вырубить из гранита. Он был героем Севастополя, на вид очень свирепый, и я старался не попадаться ему на глаза.

— Товарищ полковник...

— Кругом!

Я чуть не заплакал от обиды.

Последние дни матросы подолгу драили автоматы, тренировались в ножевых драках, ночами уходили в море на кораблях и с «полундрой» штурмовали наш берег. Когда к нам в домик принесли новое обмундирование — ватники, штаны, теплое белье, варежки и ушанки,— сомнений больше не было, скоро в десант. Я спрашивал: «Что?! Скоро? Возьмете меня с собой?». Но ребята смущенно опускали глаза и молчали — военная тайна! Выручил корректировщик Витя Соломинцев. Он подарил мне наган — настоящий, с патронами! И сказал: «Финка у тебя есть? Когда пойдем на корабли, держись с нами — народу много, не заметят».

В стороне, за домом, одиноко стояла деревянная будочка, по-морскому — гальюн. Убедившись, что в нем никого нет, я вырвал из своего блокнота несколько листков бумаги, разложил их на земле, прицелился, нажал курок... Стреляет! Бумажки вздрагивали от удара пуль. Я разрядил всю обойму, потом другую, и все стрелял и стрелял...



6. **Владимир Цигаль.** Листовка в тыл врага. 17 февраля 1943. Рудольф Гебауэр приполз к нам, держа за пазухой нашу листовку и на плечах два автомата «шмайсера». Я нарисовал его портрет карандашом, затем вырезал клише на линолеуме и сделал полсотни оттисков на писчей бумаге. А наш переводчик и пленный писали на них текст. Эти листовки мы забрасывали на вражеские позиции. Они служили пропуском на нашу сторону и гарантировали жизнь.

Наконец настал час, которого все ждали; я шел вместе с моряками в первом эшелоне бригады.

Эти строки я пишу на палубе канонерской лодки «Красный Аджаристан» после первой попытки выса-

диться в Южной Озерике в ночь с 3 на 4 февраля. По небу плывут облака. Лучи солнца играют серебряными рыбками на волнах. А у многих до сих пор зубы выбивают нервную дробь...

Смотрю на чаек, срывающих белую пену волн в погоне за сухарями, и на товарищей с черными закоптелыми лицами, и кажется мне, что минувшая ночь — что-то давным-давно прошедшее, будто кто-то рассказывал мне об огненной картине войны, а не я сам был ее участником...

Мимо меня на буксире проходит катер-охотник. У него в самой середине пробоина, и корма сидит низко-низко в воде.

Боевая тревога... Самолеты противника... Бьют все калибры. Наша кормовая бьет с такой силой, что глохнешь. Мы куда-то отходим.

Вот это да! — четыре корабля, наша канонерская лодка и катера-охотники бьют в два косых огонька. Мы отходим к Толстому мысу. Бросили дымовые шашки, и всю бухту перегородили завесы, а шашки все горят. Как черный снег, падают хлопья гари, и воняет дымом. В ушах гудит кормовая. Бьют и другие корабли и зенитки, но эта над самым ухом, в трех метрах от меня!

К нам пришвартовалась канонерка «Красная Абхазия». С нее сгружают бойцов и вооружение. Она, очевидно, вышла из строя. Говорят, что капитан убит,— рубка в самом центре пробита снарядом. На палубе и в бортах тоже здоровые дыры. Нашей досталось меньше!

В это время подходит мотобот с продуктами и почтой. Светлана из полевой почты приносит свежие газеты, письма и листовки — «Памятка десантника». Светлана должна была вернуться на берег, но как-то словчила, осталась и пошла с нами, а потом, уже в Новороссийске, во время одного из завалов, ей балкой сломало ногу.

«Красная Абхазия» закончила разгрузку. Палуба почти опустела. В темноте еще видно, как некоторые матросы стоя просматривают газеты, читают письма, другие производят самый необходимый ремонт, а на корме сидит бурый медвежонок и облизывает свою лапу.

И вспоминается прошедшая ночь.

...Накануне с утра была объявлена «готовность № 1», а часа в три мы двинулись в поход. Я был одет в черную шинель, на ремне с одной стороны — немецкий штык, а с другой — наган на длинных ремнях. Шли по дороге. Вдали увидели темное небо и мачты кораблей. Широко растянулись батальоны. Но видны одни только спины, спины, спины... И на них — котелки, лопатки, автоматы, и внизу ложки, заткнутые в голенища.

Посадкой руководил сам Потапов, полковник, недавно назначенный командиром бригады.

Отзвучали последние слова команды и короткие напутственные речи. Поверх шинели и рюкзака бойцы накинули палатки. Разместились по кораблям, а когда стало смеркаться, вышли в море. Слегка болтало. Шел мелкий дождь. Серая прозрачная ночь.

Около Абрау-Дюрсо начали бить крейсеры «Красный Кавказ» и «Красный Крым», подавляя огонь береговой артиллерии противника.

Такого огня я, конечно, никогда не видел. Снаряды летели через наши головы. Эсминцы и катера тоже били прямой наводкой по берегу. В небо убегали разноцветные трассирующие пули. Я сидел на корме, и мне прекрасно была видна вся эта «иллюминация». Ракеты, как огромные многосвечовые люстры, повисли в воздухе, застывая и медленно опускаясь вниз. От дыма не продохнуть. На берегу что-то загоралось, потом раздавался взрыв, вокруг взлетали разноцветные искры... Разобраться в происходящем очень трудно. Снаряды рвутся со всех сторон. Свистят осколки. С берега ударил синий луч прожектора. Коснувшись нашей канонерской лодки, он на мгновенье осветил лица мертвенно-голубым светом. К нему бегут со всех кораблей трассирующие пули, и 15—20 снарядов бьют одновременно... Через короткое время все повторяется. Опять взрывы. На берегу автоматная и пулеметная стрельба. И так всю ночь...

К утру к берегу пришвартовались «Красная Абхазия», наш «Красный Аджаристан» и катера. Наступило затишье. С рассветом на фоне бледного неба все яснее вырисовывались очертания берега и фигурки матросов, прыгающих в воду. Скоро и наша очередь. Можно уже разобрать высокую балку, отвесно спадающую вниз, узкую полосу камней и белую пену волн, бьющих о берег.

Вдруг из самой середины балки немцы открыли огонь. Оказывается, у них там стояли замаскированные орудия. Сбоку, из лощины, бьют минометы, а сверху — пулеметы и автоматчики. Сразу же все загудело. Опять столбы воды и вилки пулеметных очередей.

Вокруг все бурлило, как на действующем вулкане, но самое сильное впечатление произвела одновременная стрельба наших кораблей, выпускавших по многу снарядов в одну цель, словно гвозди, вбивая в стену вражеские орудия. От разрывов откалывались пласты земли и падали вниз, вместе с немецкими автоматчиками. Мы стояли на расстоянии 15—20 метров. Все было прекрасно видно.

Так длилось, пока не был отдан приказ отходить. Часть бойцов, хватаясь за причалы и трапы, забралась на борт. Под непрерывным огнем, отгородившись дымовыми завесами, мы уходили в море. Нас всю дорогу бомбили вражеские бомбардировщики.

На берегу остался почти весь 142-й батальон. Его люди захватили береговые орудия и продвинулись вглубь, заняв деревню Федотовку. Но отсутствие своевременного подкрепления вскоре вынудило оставить деревню. По два-три человека они пробирались к Станичке, куда этой ночью высадился отряд Цезаря Куникова. Только некоторым это удалось.

В ночь с 5 на 6 февраля мы вновь пошли на десант. Я, как и в прошлую ночь, сидел на корме. Ночь была темнее предыдущей. Подошли к Новороссийской бухте и стали дрейфовать. Над городом загорелись ракеты, летали трассирующие пули, били орудия... Но мы молчали. Затем, примерно в час ночи, так же молча вошли прямо в порт.

Трапа не хватало до земли метра на два, и к нему было подставлено крыло от разбитого самолета. У конца трапа стоял матрос, который «помогал» тем, кто не решался сразу прыгать в воду, и разгрузка шла довольно быстро. Нас обстреливали в упор. Мы высадились на причал у здания Рыбзавода. Мины рвались на мостовой в трех-пяти метрах.

Уже много раненых. Старшего лейтенанта ранило в грудь и руку. Положили на шинель и под пересвистом пуль понесли в санчасть.

В санчасти раненые стонут, курят, ругаются. Некоторые не могут ни стоять, ни сидеть, ни лежать. Держась за перила, они медленно сползают вниз. Потом, будто проснувшись, встают и опять падают. Сестры в черных шинелях с белыми нарукавниками, испачканными кровью, едва поспевают от одного к другому. В это время начался налет авиации...

С утра обстрел усилился. Над нашими головами с воем и свистом летают «чемоданы» и рвутся с таким грохотом и треском, что стены дрожат... Я пробовал рисовать — нужно же что-то делать*!

* *Один рисунок у меня сохранился, он помечен 6 февраля.*

Мы заняли «пятачок» — примерно метров 300 вдоль берега и метров 200 вглубь. Впереди насыпь железной дороги. По другую сторону ее находились немцы. Ясно было видно, как немцы, отступая, перебегали от окопа к окопу по одному и группами, падали и тащили друг друга. Холод жуткий. Я уже второй день на вражеском берегу.

Вот автоматчики ведут двух фрицев. Один молодой, идет улыбаясь, другого волочат по земле, держа за ноги, и он руками хватается за мерзлую землю.

А вокруг беспрерывный артиллерийский и пулеметный обстрел; каждые 20 минут появляются наши самолеты и пикируют, строча из пулеметов. Во время этих налетов замолкали почти все немецкие батареи, боясь,

чтобы их не засекли. Мы в восторге. Но стоило только появиться немецким самолетам, наше настроение менялось.

Часа в три следующей ночи перебрались в изрешеченную маленькую хибарку. Вернулись разведчики. Принесли трофеи — ром, документы и немецкие автоматы...

С Большой земли нам забросили немного продуктов. Сварили кашу. Была моя очередь бежать за водой: всего 50—60 метров, но простреливают все кругом.

В один из самых первых дней десанта вырезал на линолеуме листовку со схемой окружения немецких войск на немецком языке. С Володей Сусликовым печатали. А вокруг рвутся мины. Поднял осколок, который пробил стену около меня. Он какой-то колючий, рваный...

Ночью пробирались в только что занятую мамаевцами радиостанцию. Каждую минуту взлетают ракеты, освещая холодно-голубым светом позиции. Мы падаем и ждем темноты. Трассы, очереди, осколки.

Наступил на труп. Сначала не понял. Опять ракета. Падаю в воронку. На краю стонет раненый. Стал его оттаскивать. Затем приказ — двигаться дальше.

Наконец добрались.

Приводят пленных. По лестнице спускаются в подвал. Привели их старшина Егоров и краснофлотец с рукой, перебинтованной до локтя. Внизу стоят раненые бойцы, командиры, связисты.

Начался налет немецкой авиации. В наше разбитое снарядами окно было видно, как самолеты выходили из пике, распластав крылья с неубранными шасси. Во время разрывов все пригибались и закрывали руками голову, а старшина Егоров кричал фрицам: «Чего гнетесь, мать вашу!.. Ваши же летят!».

После налета старшина подошел ко мне: «Слушай, художник, что ты всякую сволочь рисуешь, ты лучше меня нарисуй». Рисовал и его на втором этаже, где вся лестница и пол были завалены ранеными.

Принесли Мамаева. Его ранило в бедро и руку, потерял два пальца. Все только и говорили о его боевых делах. С небольшим отрядом автоматчиков он занял водокачку, радиостанцию, набрал массу трофеев, вооружения, пленных и вернулся почти без потерь. А сейчас он лежал, раскинувшись во весь рост, и улыбался широко и немного застенчиво. Встретились с ним, как старые друзья. Он рассказывал подробности последних боев. Вынул из кармана два оттиска листовки, сделанной мной еще в Геленджике, с его портретом: «Видишь, храню».

Наше положение на «пятачке» очень сильно осложнилось. Всем раздали дополнительные патроны и гранаты. К нашей позиции прорвались танки. Мне дали здоровенную винтовку. Но я с нее снял штык — на вся-

кий случай, чтобы не уколоться. Мы заняли круговую оборону.

Говорят, что немцы собираются высадить десант на нашу Малую землю.

Во время относительного затишья на большой простыне нарисовал плакат, изображающий вражеского солдата с поднятыми руками и штыком, воткнутым в землю. Внизу текст с призывом переходить на нашу сторону. Этот плакат был ночью выставлен перед позицией противника.

Тут же печатал и листовки в тыл врага со схемой окружения, (а фактически мы были окружены).

В один из этих дней насчитал 27 налетов, не говоря об артиллерийских обстрелах и минах. Спим в полной боевой готовности: с винтовкой, противогазом, патронами, в шинели. Холодно. Дует норд-ост...

Работаем в подвале при одной коптилке. Каждые 15—20 минут наблюдатель сообщает: «воздух», «самолеты противника». Днем носа не высунешь. Вся местность простреливается. В гальюн и за водой выходим только ночью.

Сделал чучело солдата с поднятыми руками в немецкой шинели и каске, лицо из тряпок, с усами. На груди, на фанере надпись на немецком языке: «Вы находитесь в окружении, сдавайтесь в плен». Чучело установили у стены нашего дома, а сами ночью подползали к вражеским позициям с патефоном и рупором. Заводили пластинку — стрельба стихала, а затем проводили с ними «политинформацию», пока оттуда не запустят в нас гранатой.

Написал на красном полотнище: «Да здравствует Советская власть!». Это — первый флаг, водруженный в освобожденном районе Новороссийска. Ежедневно рисую листов по шесть для «Полундры».

У нас в подвале, в связи со сложной обстановкой, проводилось собрание боевого актива. Выступал полковник Потапов. При свете коптилки лицо его казалось железным. Удивительно сильный человек!

После него выступала агитбригада, а перед началом собрания Маруся Педенко громко произнесла одно только слово: «Полундра». Все затихло. Она стала читать стихотворный текст и показывать сделанные нами карикатуры.

В эти тревожные дни, в этой сложной обстановке работа художника не прекращалась. Нарисовал на простыне карикатуру на Гитлера, который, потеряв штаны, бежит с Кавказа. Вопрос, оставить ли его нагим или одеть в трусы, под смех и шутки обсуждался

старшими командирами бригады. К моему немалому сожалению, единогласно решили надеть на него трусы!

23 февраля в одиннадцать часов утра я написал лозунг — «Да здравствует 25 годовщина Красной Армии и Военно-Морского Флота!». А в двенадцать часов два прямых попадания 150-мм снарядов, один за другим, накрыли нашу радиостанцию. Мы, белые от пыли, вытаскивали из-под обломков раненых и убитых. Ранило двенадцать, убило четверых...

Вскоре начались упорные бои за Азовскую улицу, за школу и кладбище. В результате двухдневных боев краснофлотцы отряда Куникова заняли только нижний этаж этой проклятой школы, а на верхнем сидели фашисты. А в наш блиндаж повторилось еще два попадания. Разбиты стены. Но жертв не было.

Вот уже четвертый день ничего не ем. Как у всех, невероятно болит живот.

Получил командировку на два дня в Геленджик.

Перед отъездом зашел к командиру бригады, полковнику Потапову, подтянувшись, чтобы «доложиться» по всей форме. Он протянул руку, поздоровался и предложил сесть. Я сразу же и позабыл всю так тщательно подготовленную речь. Полковник приказал выдать мне «самую лучшую боевую характеристику» и выписку из приказа о награждении медалью «За отвагу». Под конец разговора полковник подчеркнул, что доволен моей работой, но высказал пожелание посмотреть все мои рисунки. А их уже отправили в Геленджик. Я обещал доставить.

Но это оказалось нелегко. Я не думал, что выполнять это обещание придется всю неделю, ежедневно ночами добираясь на Малую землю, и из-за сильных штормов возвращаясь ни с чем.

На прощание один капитан попросил сделать его портрет. За двадцать минут, что я рисовал, самолеты три раза пикировали на наш КП, и рвались мины рядом за стеной.

Капитан очень нервничал, когда я прикуривал от его папиросы, пальцы его дрожали.

Другое дело подполковник Видов. Мина разорвалась около самых дверей, а он даже не вздрогнул, хотя все, пригнувшись, бросились бежать.

Он, как Наполеон, из уважения к себе, не гнется перед вражеским снарядом. Да и роста такого же.

Ночью пробирался на Мысхако*. Минометный обстрел. Загорелись ракеты. Я старался запомнить, что темнее при свете ракеты: небо или земля, и как освещаются горы. Грязь. Часа три прошло в поисках пристани.

* См. подробнее о высадке десанта в книге И. С. Шияна «На Малой земле» (М., 1971).

Вся пристань завалена ранеными. Собственно, пристани никакой нет. Это — полоса берега, шириной в 3—4 метра, над которой возвышается высокий скалистый обрыв. Сюда по ночам подходят транспорты и на мотоботах сгружают боезапас, питание, потом грузят раненых и отправляются обратно в Геленджик.

Ночью, когда отходили, по берегу бегали тонкие струйки трассирующих пуль и рвались мины. Каким-то страшным, жутким казался этот черный берег. Тут, пожалуй, в первый раз за все время десанта, меня охватил почти животный, обессиливающий страх. Скорей, скорей отсюда, чтобы никогда больше не возвращаться!.. А на рассвете я уже не думал об огненных днях нашей Малой земли и с упоением следил за медленно плывущими по небу прозрачными облаками, края которых освещались оранжевым светом раннего солнца.

В Геленджик пришли утром. Но нас не приняли, так как ночью немец набросал в бухту мины. Долго плутали, пересели на катер, с него еще на какую-то лоханку и только к полудню ступили на Большую землю.

Мы шли не оглядываясь! Днем! Мылись в бане! Под душем, обливаясь горячей водой. Сбросил грязное белье, по которому ползали здоровенные вши — наверняка трофейные, потому что мы заняли радиостанцию после того, как оттуда гранатами вышибли немцев.

А пока сижу дома, отдыхаю. Хозяйка кружится вокруг, ну точно родная тетка!

Оказывается, ей сообщили, что при высадке все наши корабли были потоплены, и она очень сожалела обо мне.

— Ведь говорила же я ему, не езжай. Ну ладно Василий Григорьевич Миловатский или Степа и другие — они по долгу службы, но Володя-то чего суется?

Будь все трижды проклято, я никак не могу выбраться на Малую землю, и сколько придется здесь торчать, не знаю. Последний раз на тральщике мы дошли на Малую землю довольно хорошо. Я забрался в чистую, уютную каюту и проспал всю дорогу. Правда, трудно было выгрузиться — не было причала. К нам пришвартовался мотобот. Ночь темная, и все сидящие в боте сливались с тенью тральщика, а командир, широко расставив ноги, с поднятой винтовкой вырисовывался на фоне неба темным силуэтом, точно черный дьявол. Недаром моряков так боятся фашисты.

Пишу о тяжелом, а ведь море какое! Какая красота! Небо, море и горы вдали — все в сизой дымке. Волны набегают одна на другую, бьются о борта и клокочут, будто шепчутся под кормой. Можно было бы так часами смотреть, если б не ныли сухопутные вояки.

Моя одиссея продолжается...

На этот раз мы погрузились на мотобот. С него перебрались на сейнер и хорошо сделали — только вышли в море, мотобот так стало заливать водой, что его почти не было видно. Шторм баллов 6—7. Сильно болтает. Солдаты облевали всю палубу.

Я хорошо поспал и спустился в кубрик — старшина угощал прекрасными блинами, и так как мало кто ел, я уж отвел душу! Солдат мутило от одного нашего вида, и они выбегали на палубу. Проснулся и глазам не поверил — мы стоим в Геленджике! Оказывается, из-за шторма все сейнера повернули обратно. На Мысхако все равно нельзя было разгрузиться.

Темень жуткая. Где-то далеко в небе мерцают тусклые звезды. Сухой колючий снег бьет в лицо. Ветер свистит, путаясь в деревьях, и гудит бушующее море. И так каждую ночь мы выходили в море и не могли высадиться на Малой земле.

...Все же чудно́ придуман человек! Я замечательно поужинал — блины в масле, гречневая каша, компот. Меня ждет теплая постель с тремя одеялами, на подушке аккуратно сложено чистое глаженое белье, и я просто представить себе не могу, что в такую погоду можно куда-то идти... А только вчера в такую погоду, да еще под минометным обстрелом, я болтался на море, где-то под Новороссийском. Нашу маленькую шхуну бросало из стороны в сторону, заливало водой, сильно мерзли ноги — никак не мог заснуть, и автомат, подложенный под голову, все время съезжал с банки.

Сегодня мне, наконец, удалось уехать. Я попал на небольшую шхуну, заваленную продуктами и боезапасом. За полночь мы добрались до Малой земли. Я прыгнул на мотобот, с него в воду, подмок до половины, но был доволен, что, наконец, выбрался на берег. Попутчиков не оказалось, и я шел один в темноте, еле разбирая дорогу.

...Я на борту парохода «Норд». Снова идем в Геленджик. Погода такая приветливая, тихая. Матросы лежат в ожидании погрузки, греются на солнышке и стреляют из пистолетов в нырков. Эти маленькие серые уточки делают свое нехитрое дело — ловят рыбку, ныряя, задирают кверху куцый хвост и не обращают никакого внимания на автоматные очереди.

Слышу отрывки разговора. Вспоминают о недавнем крушении «Мангуша» и шхуны-610. Спаслась ли команда? Много ли жертв?

Я с чисто «морским равнодушием» спокойно рассказал им, как было дело. Ведь я был не только свидетелем этой истории, но и сам чуть не потонул.

Тогда в море, на пути к Малой земле дул этот проклятый норд-ост! Мои мокрые штаны стали, как корки, и в ботинках хлюпала вода. Было темно — сбился с

дороги. Только спустя часа три, во время одной ракетной вспышки, я увидел мачты радиостанции.

Днем показывал полковнику рисунки. Больше всего понравилась фигурка Росляка. Он остался очень доволен, и я был рад, что сумел сдержать слово. Мы хорошо расстались.

Только к вечеру в 4-й части развели огонь, и я смог подсушиться. Но нет худа без добра, а следовательно, добра без худа! Я сжег свои ботинки, и они загнулись в носках, как пьексы, и стали сразу номера на три меньше. Ребята сказали, что в соседней комнате есть чьи-то ботинки. Я влез в разбитое окно. Темень жуткая, огонь зажигать нельзя. Пол завален чем-то скользким, холодным. Шарю руками — понять не могу. При свете ракеты увидел окоченелые трупы матросов. Не снимать же с их ног! Пришлось разрезать свои. Сделать что-то вроде модных сандалий. Вышло неплохо, хотя и не по сезону.

...Погода штормовая. Уверяли, что катера не придут, но я все же пошел на пристань. Топал по непролазной грязи и думал об «Огне» Барбюса.

Пристань сломана. Катера подходят к подбитой канлодке, но попасть на нее трудно.

Я все же прошел. К борту была пришвартована шхуна, ее подбрасывало метра на три вверх и рвало причалы. Ругались так, как могут ругаться только моряки своими осипшими глотками.

Затем я прыгнул на шхуну. Часа два травили концы, спускали и поднимали якорь, орал до хрипоты на тех, которые сбились, как бараны, в кучу и боялись помочь, чтобы не ляснуться за борт.

Мы отрубили концы, и нас бросило в море. Все осточертело. Я спустился в кубрик с надеждой, что сегодня все же уйдем. Заснуть не мог — было холодно. Потом волной сломало рулевое управление, а часа через два порвало якорную цепь.

Сквозь дремоту слышно было, как наши просили о помощи:

— На «Чайке»! Подойдите к нам.

— На сейнере! Подойдите к нам.

Больше всего шумели новобранцы и какой-то парнишка из пехоты. Но ветер дул на нас, и слышно ничего не было. В кубрике тоже волновались — подойдут или не подойдут?

К утру «Чайка» все же подошла, но не могла добросить конец — не хватило длины.

Потом довязали конец, бросили спасательный круг, чтобы его течением подтянуло к нам. Спустили шлюпку. Я лежал в кубрике. Мне не хотелось принимать участия в этой суматохе. Здорово мерзли ноги.

Худший вариант — морская ванна. Жаль толь-

ко рисунки! Слышно было, как стучит мотор «Чайки» — значит, она подходит! Потом мотор заглох — ушла. Начинался рассвет. Бухают первые разрывы.— «Доброе» утро, фрицы!»

Ребята, захватив автоматы, спускались за борт. Я закурил и вышел на палубу. Было уже светло. Серая скалистая балка Мысхако, рваные облака и темные фигурки матросов, доплывших до берега. Дул холодный, колючий ветер со снежной крупой. Другого выхода нет. Я разделся догола (оставил только тельняшку), растер и без того замерзшие ноги. Затем перевязал ремнем свои шмутки и по веревке спустился за борт. Ребята подали мое барахло, но оно оказалось очень тяжелым, и я пошел под воду.

Плыть пришлось недолго. Скоро ноги достали скользкое, холодное дно. Там были камни. Волной меня еще раз опрокинуло, а на берегу сдуло ветром.

Тоже мне — худая, синяя Афродита, на полусогнутых выходящая из пены морской!

Шинель и брюки — хоть выжми, а рисунки и китель оказались сухими, я их держал в поднятой руке. В волнах «смертью храбрых» погиб мой вшивый малахай. Аминь! Я кое-как оделся и без порток вышел на балку. Добраться до нашего КП трудно — стрельба уже началась.

Говорят: «Когда жизнь смотрит на тебя холодными глазами смерти — вдруг улыбается счастье!». Святые слова! Я наткнулся на землянку около раздолбанной 31-й батареи. В ней спали адъютанты и матросы из отряда Куникова и кок,— дай бог ему здоровья! Развели плиту, я подсушился. Днем и вечером в дыму, еле разбирая, что делаем, жарили блины, варили кашу. В общем, жили, как молодые боги.

Еще утром немцы из шести снарядов тремя подожгли «Мангуш». Он загорелся и подорвался на собственном боезапасе. Его выбросило на берег рядом с нашей шхуной. Долбануло и в нашу 610. Хорошо, что мы вовремя разгрузились!

После, когда шли обратно в Геленджик, к нам на борт приняли раненых и оставшихся в живых с «Мангуша». Люди с него не сошли. Четверых убило и человек десять ранило.

Ночь опять холодная и темная. Сильный накат и ветер. Корабли снова не пошли в море. Мы добрались до канлодки, где хлеб и консервы выменяли на крепленый портвейн. Выпили. Ребята рассказывали анекдоты длинные, бесхитростные и ржали, как жеребцы. Опять жарили блины, задыхаясь от дыма. Ночью я ушел на пристань.

На этот раз новая беда. Единственный причал, который соединял канлодку через трап с берегом, сорвало волной или снарядом. Сейнера маячили на рейде, а разгрузиться не могли.

Один мотобот все же подошел к самому берегу. Попасть на него было невозможно.

Но вышло так, что на берег бросили конец, я ухватился за него, стал крепить, потом прыгнул на борт, чтобы потравить его больше, и остался там, помогая разгрузке. Мы не успели закончить, как командир заорал: «Полный назад!». Бот рванулся от берега, зацепился за какой-то трос, сломал причал, несколько раненых упало в воду, и мы отошли.

Немного спустя я сидел в кубрике шхуны, а к утру вышли в море. С нами ехали три женщины из Новороссийска с Азовской улицы и несколько ребятишек. У одной снарядом убило 6 человек из семьи и ее ранило. Рассказывали о «новом порядке» — немцы теперь не вешают на перекрестках, а тихо «убирают» целые семьи. Жители шесть месяцев почти не видели хлеба. Матросы тут же угостили их, чем могли. Всех стошнило. Азовская улица простреливалась с одной стороны немцами, с другой нами. Я был там, знаю.

Больше писать не мог. Весь кубрик полон ранеными.

Идем вдоль берега. Высокая, обрывом спадающая балка. За ней в голубом тумане тонут далекие горы. Серебристо-белые вершины сверкают в последних лучах заходящего солнца. Такая красота!..

Тогда я еще не знал, что впереди огненные берега Новороссийска, Керчи и холодные волны Балтики.

Прошли годы, люди, испытания. И через три десятилетия я вновь вернулся в эти края, чтобы все пережитое воплотить в монументах героическим десантникам и защитникам Новороссийска, города, ставшего для меня таким дорогим.

Цигаль Владимир Ефимович

Родился в 1917 г. в Одессе. В первые дни войны студент-дипломник Московского художественного института; ушел сначала в ополчение, потом добровольцем на фронт, с 1942 — военный художник. Участник десанта на Малую землю и Керченского десанта. С 1944 на Балтике. Скульптор. В настоящее время работает над мемориальным комплексом для Новороссийска. Народный художник СССР. Член-корреспондент Академии художеств СССР. Лауреат Государственных премий СССР и РСФСР. Награжден медалями.

Л. Сойфертис
В годы войны*

Первая неделя войны.

Нас, группу московских художников (К. Дорохова, Ф. Решетникова, В. Фирсова и меня), направляют в распоряжение Политуправления Черноморского флота.

До Севастополя едем еще по мирному маршруту. В Севастополе Политуправление прикомандировывает меня к газете «Красный Черноморец». Начав работу военного художника в первые дни войны, я закончил ее в 1945 году. С самого начала меня беспокоила мысль — какое применение найду себе на фронте. До войны основная моя тема была быт, а война — это баталии. В дальнейшем война развеяла все сомнения, у художника нашлось его собственное место на войне, нашлось оно и у меня. Постараюсь вспомнить некоторые эпизоды.

В Севастополе на рейде стоял пассажирский корабль «Львов». На нем в Одессу отправляли пополнение. С этим кораблем, получив задание редакции, вместе с литкорреспондентом этой же газеты я отправился в Одессу. Переход был трудным, нас сопровождали катера-охотники. Когда подходили к причалу, вражеская дальнобойная артиллерия обстреливала порт. Быстро выгрузившись, с группой офицеров я пошел в штаб армии. Путь был короткий, но долгий. Несколько раз попадали под бомбежки, обходили засыпанные обломками улицы. Штаб армии размещался в подземелье, в прошлом это были погреба. Разыскали начальника, доложились. А на следующий день отправились в Чапаевскую дивизию, которой командовал генерал И. Е. Петров. До КП дивизии добирались на трамвае и попутной машине. Генерал принял нас тепло, дал ряд практических советов и направил в части, где, как он полагал, я найду интересующий меня материал. Вначале мы пошли в санбат, который находился в полуразрушенном домике метрах в трехстах от передовой.

При свете коптилки я делал зарисовки с отличившихся бойцов. Никогда прежде делать портретные зарисовки при коптилках мне, естественно, не приходилось. Работа затянулась, и из санбата мы вышли уже в сумерки.

* Публикуется впервые. Литературная запись Л. Гутмана.
1947 г.

Боевой опыт моего попутчика был не богаче моего, оба мы были, что называется, «не обстрелянные».

От санбата до КП всего два километра, но добрались мы только на следующий день. Всю ночь мы плутали, сбивались с дороги. Обычные ориентиры оказались непригодными во фронтовых условиях. Приметы смещались. От обстрелов, в какой-то мере, менялся пейзаж. Мы наткнулись на провод, поползли вдоль него н вдруг услышали румынскую речь и пулеметную очередь. Мы поползли в другую сторону, начался дождь, глина прилипала к шинели, на груди образовался глиняный панцирь, ползти было все труднее, на рассвете подошли к какой-то землянке и, обессиленные, ввалились в нее. Продрогшие, усталые, заснули мертвым сном. Сколько времени проспали, не знаю, только помню, кто-то сильно тряс меня и, видимо, давно:

— Вставай, моряк!

— Что?

— Документы показывай!

Оказалось, что мы случайно попали именно в ту часть, где мне по заданию надо было сделать зарисовки с нескольких командиров.

На участке обстановка была сложная, не до художников было. Я воспользовался совещанием, на которое собрались командиры частей; в помещении было очень темно, горела коптилка, кое-как стал различать лица собравшихся. Примостился в углу и начал рисовать, рядом со мной солдат все время жег лучину, освещая мне бумагу.

Так я впервые столкнулся с действительностью передового края.

Из дивизии вернулся в город, стал сравнивать обстановку на передовой и в городе и, должен признаться, разницы почти не ощутил. В городе мне казалось тревожнее. Позднее, в Севастополе, я заметил, что солдат, попадающий в город, чувствует себя хуже, чем на передовой.

Жизнь осажденного города своеобразна и героична в повседневных мелочах. Именно здесь я нашел ответ на одолевавшие меня сомнения, нашел свое место как художник. Одессу нещадно бомбили. Бомбежка причиняла большие разрушения. Большинство домов в городе сложены из местного пористого известняка. После бомбежек от него стояла белая пыль, застилавшая весь город.

Выезжая на передовую, я много раз видел одну и ту же картину: с фронта в город возвращались на отдых солдаты, в большинстве одесситы. На окраине их поджидали женщины, часами простаивали они здесь, с детьми, некоторые с грудными младенцами на руках. Когда строй красноармейцев приближался, то одна, то



1. Л. Сойфертис и К. Дорохов (справа). Осень 1941. Нам выдали новое обмундирование. Севастополь пока не бомбят, еще работают кинотеатры, открыты кафе, на улицах оживленно. Нас сфотографировал кинооператор В. Микоша.

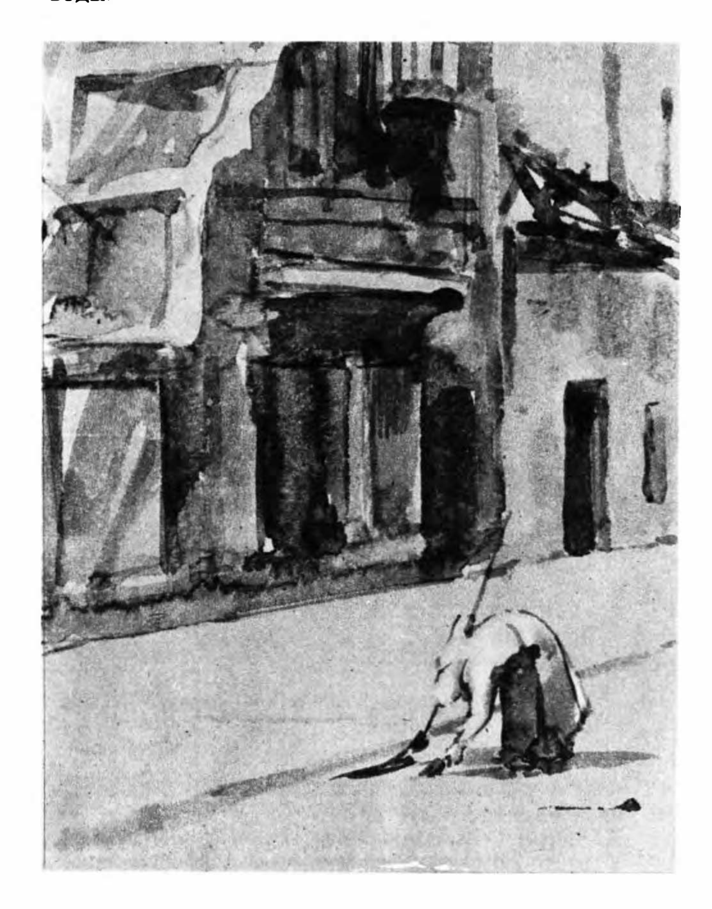
другая отделялись от толпы, подходили к идущим солдатам и дальше шли вместе с ними. Жены встречали своих мужей, сестры — братьев.

Вспоминаю, как горожане строили баррикады. Тут же вертелись дети, с серьезностью взрослых играли в войну. Фоном была подлинная война, и не раз во время игры они сбегали с баррикад в укрытия, пережидая бомбежку.

Еще один эпизод.

Водонапорная башня была захвачена противником. Город перестал снабжаться питьевой водой. Гор-

совет наладил новое производство — опреснение морской воды. Она производилась в ограниченном количестве, вода отпускалась по карточкам по два литра на человека. Ежедневно на улицах появлялись водовозы, у бочки с водой выстраивалась длинная очередь. Нужно было отрезать талон и отмерить положенное количество воды.



2. **Л. В. Сойфертис.** Здесь бомбили. 1942

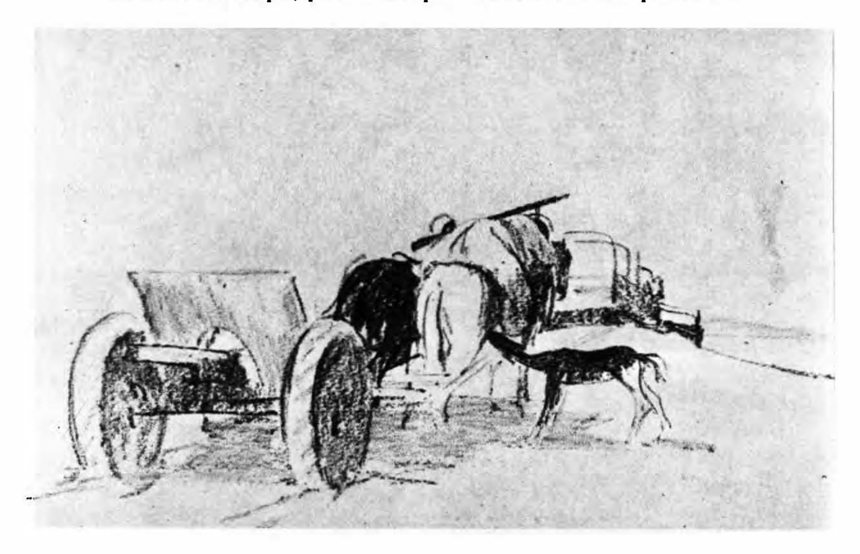
Часто в это время начиналась бомбежка. Люди уходили в укрытия, на мостовой оставалась бочка с водой, а к ней вдоль тротуара выстраивалась «очередь» из ведер, кувшинов, чайников и другой посуды. Когда бомбежка кончалась, люди возвращались, и очередь восстанавливалась в прежнем порядке.

Каждый вечер в одесские катакомбы в Аркадии уходило огромное количество народа, длинными вереницами, с детьми и мелким домашним скарбом, тянулись

они сюда из разных районов города, чтобы спокойно поспать хотя бы несколько часов. А утром возвращались в город, чтобы поспеть на работу.

Я бывал в этих пещерах. Кого только не было здесь! Старики, дети, больные, раненые.

Вот лежанка, место, уже кем-то обжитое. На стене висит гитара, рядом веером налеплены открытки —



3. **Л. В. Сойфертис.** У переправы. 1943

морские и городские пейзажи. Люди и в этих условиях создавали себе какой-то уют, видимость уюта.

Зарисовки, сделанные мною в городе и на передовой, я ежедневно относил в штаб армии для пересылки в редакцию.

Вскоре меня отозвали в Севастополь, в редакцию. Каждый день газета требовала новый материал. Ведь то, что сегодня волновало, через два-три дня вытеснялось новыми событиями. Я часто выезжал на передовые, бывал на кораблях. Кроме работы в газете, по заданию Политуправления выпускал листовки. Печатались они на старой, разбитой машине, другой полиграфической базы не было. Ухитрялись печатать даже в два цвета. Выходили у нас сборники «Рында», в них помещались карикатуры, стихи, короткие рассказы с иллюстрациями. Все это была текущая работа.

Помимо работы в газете я начал собирать материал для серии рисунков об обороне Севастополя. Темы для рисунков я находил на каждом шагу.

Многие дома в городе были разрушены, люди ютились в подвалах, но под открытым небом почему-то было спокойнее, к разрывам артиллерийских снарядов,

к бомбежкам уже привыкли — если они не угрожали непосредственно месту, где находились люди, на них не обращали внимания.

Постоянно на Приморский бульвар приходили школьники, здесь играли, готовили уроки. А на другой стороне бухты в это время шел обстрел.

Помню совершенно разбитый дом, среди его раз-



4. **Л. В. Сойфертис.** Концерт в бригаде. 1943

валин видны следы газона, а с краю торчит столбик с дощечкой, на ней написано: «По газону не ходить, штраф 25 рублей». Однажды во время воздушного боя я увидел старуху, невозмутимо сидевшую у входа в свой полуразрушенный, но чисто прибранный дом. Даже не подняв головы, не обращая внимания на происходящее, она сосредоточенно продолжала вязать.

В этой повседневной работе, в собранности жителей осажденного города я неизменно ощущал признаки стойкости обыкновенных людей. Это проявлялось и в том, что люди красили на бульваре скамейки, сажали цветы у памятника Ленину и ежедневно их поливали.

Продолжительное время я жил в приморской гостинице. Среди развалин этот дом долго оставался не-

вредимым. Конечно, в этом был некоторый риск, но подкупала возможность работать в сравнительно удобных условиях. Кроме меня, здесь жили еще кинооператоры. Во время третьего штурма нашему району досталось настолько, что мы решили немного «отдохнуть» за городом на одной из батарей. Поехали.

Когда возвращались, уже издали заметили, что



5. **Л. В. Сойфертис.** В перерыве между боями. 1943

дом наш разбит. Подходим ближе — один остов, прямое попадание.

У одного из кинооператоров в комнате осталась заснятая пленка, у меня — рисунки. Решили вскарабкаться наверх. И каково было наше удивление, когда, добравшись до второго этажа, мы обнаружили, что наши две комнаты совершенно целы. Открываю ключом дверь — рисунки на месте, на столе оставался стакан с водой — из него не расплескалось ни капли.

Инкерманские штольни были очень важной, жизненно необходнмой частью осажденного Севастополя. До войны в них размещался большой завод шампанских вин. Теперь в них были мастерские: сапожные, портняжные и другие. Вся продукция шла на нужды фронта. Тут же разместился минометный завод. Работали на нем целыми семьями. Это было продолжением повседневного героизма жителей города.

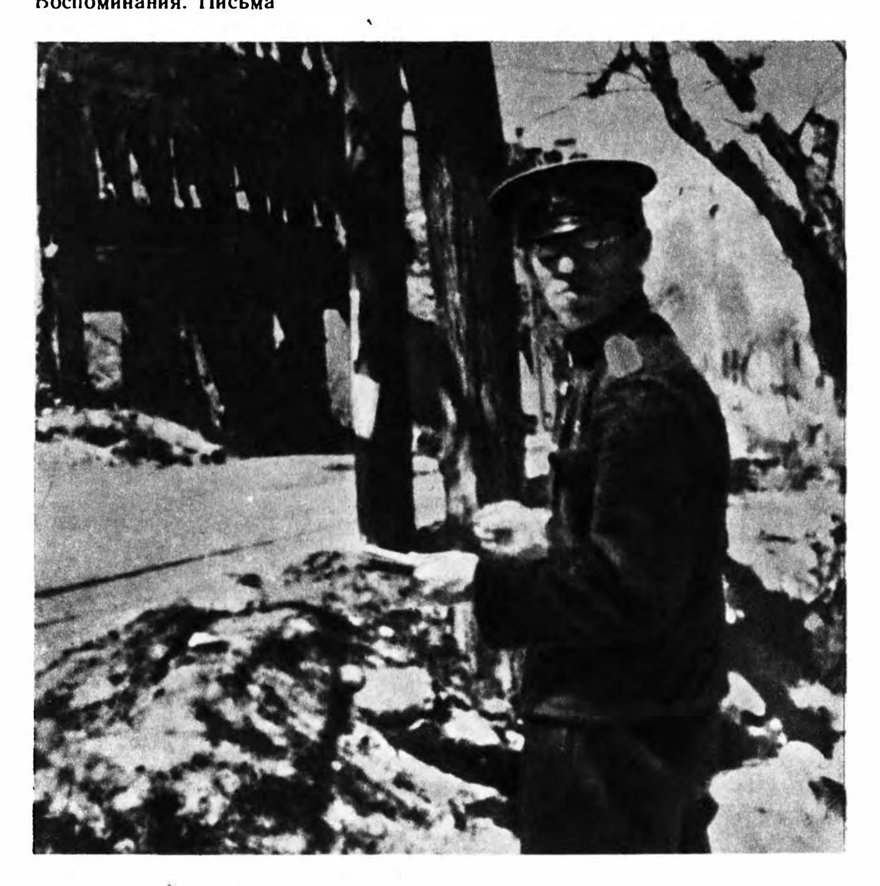
Когда наши части после героической обороны Севастополя оставили город, редакция была перебазирована на Кавказ, в Сочи. Я был направлен в Геленджик. Здесь я работал на аэродроме штурмовой авиации.

Вскоре сюда из Москвы приехал мой друг Борис Пророков в составе агитбригады. Вместе с ним решили



6. **Л. В. Сойфертис. Раненый. 1943**

проситься на Малую землю. Нашу просьбу удовлетворили. Добирались на канонерской лодке. На Малой земле нас поместили в здании разрушенной электростанции. Здесь был расположен штаб одной из бригад, державших оборону. В маленьком помещении мы жили и работали. Тут же политотдел, канцелярия. Здесь и нам выделили «рабочее место» — маленький кусочек стола,



7. Л. Сойфертис. 1941. Война пришла в Севастополь. Город еще не осажден, но его очень часто бомбят. Эта фотография сделана после сильного налета.

на котором мы вырезали на линолеуме листовки, выпускали юмористический журнал «Полундра» в одном экземпляре, переходившем из рук в руки.

Восьмого марта в подвале дома, почти у самой передовой, происходило вручение наград девушкам — участницам десанта на Малую землю. Здесь когда-то был винный погреб. Вдоль стен стояли пустые бочки, по стенам развешаны дружеские шаржи на «виновниц торжества», заблаговременно сделанные мною и Пророковым.

Из теса сколочен стол, покрытый простыней, принесенной из санбата, из досок сделаны скамейки, вместо бокалов расставлены солдатские котелки, кружки, консервные банки, в них уже налито вино, у каждого «бокала» лежит плитка шоколада.

Стали собираться девушки, гости. Все принаряженные. Обычно у каждой девушки в армии хранилась какая-нибудь гражданская вещь. Эти заветные мелочи



8. Л. В. Сойфертис. Май 1944. Мы входим с войсками в освобожденный Севастополь. Жарко, пыльно. Я снят на нашей редакционной машине.

сейчас украшали их. Одна девушка, войдя, сняла шинель. На ней было красное платье из легкой ткани, на груди приколот искусственный цветок, а из сапога торчала ложка.

Однажды я встретил медсестру с детскими косичками, со светлыми юными глазами. Оказалось, ей всего семнадцать лет. Она была уроженкой Новороссийска, добровольно пошла в армию. Разговорились с ней. Она была убеждена, что наши войска вот-вот освободят ее родной город, и воевать она хотела именно здесь, на Малой земле, отсюда она видела свой дом, в котором остались ее родители.

На Малой земле мне довелось быть дважды: один раз мы были с К. Дороховым, затем с Б. Пророковым.

По сложности боевой обстановки, пожалуй, не припомню нигде подобной напряженности, при этом на таком маленьком клочке земли.

Здесь люди были крепки, держались стойко, любили жизнь.

По возвращении с Малой земли опять работа на кораблях, в частях морской пехоты, повседневная рабо-

та художника-корреспондента фронтовой газеты. Так до весны 1944 года.

Началось освобождение Крыма.

Мы с К. Дороховым в составе выездной редакции, откликаясь на события, выпускаем листовки с рисунками, которые вырезаем на линолеуме, и с войсками движемся к Ялте, Симферополю и 10 мая входим в освобожденный Севастополь.

Через некоторое время Главное Политуправление вызвало меня в Москву. Мне была предоставлена возможность развернуть персональную выставку фронтовых работ.

Позднее я был направлен на Северный флот, где пробыл два зимних месяца.

Шел 1945 год. Вернулся в Москву, здесь встретился с Б. Пророковым. Вскоре Политуправление ВМФ нас командировало на Дунайскую Военную флотилию, которая базировалась тогда в освобожденной Вене.

Добирались мы через Варшаву, Познань, Берлин, Дрезден. И всюду рисовали. Поздним летом вернулись в Москву, а в сентябре я был демобилизован.

Сойфертис Леонид (Вениамин) Владимирович

Родился в 1911 г. в местечке Ильницы (ныне в Винницкой области). С начала 1930-х годов его сатирические рисунки печатались в «Комсомольской правде», журналах «Прожектор», «Огонек», «30 дней». С 1934 постоянно сотрудничает в «Крокодиле». Участник боев на Халхин-Голе в 1939. С лета 1941 — художник газеты «Красный Черноморец». Участник обороны Одессы и Севастополя в 1941—1942, событий на Малой земле — в 1943. Войну закончил в Берлине. График. Заслуженный художник РСФСР. Член-корреспондент Академии художеств СССР. Награжден орденом Красной Звезды и медалями.

А. Ливанов
Письма к жене. 1941—1942*

12 июля 1941 года*

Все письма адресованы в Омск, где находились в эвакуации жена и сын А. П. Ливанова. Жена А. П. Ливанова — Александра Феликсовна Билль — художник-график.

Дорогой мой милый Алесик, места не нахожу от скуки и тоски к вам <...>

Пишу на Омск. Как-то вы едете? Такая стоит жара.

У нас все спокойно. Да иначе не может быть. Все живут сообщениями с фронта.

Жалко вас так, что и слов у меня нет. Все беспокоюсь — кто поможет? ⟨...⟩

Как-то Сатишка? Так и вижу его мордашку, усталую и ничего не понимающую ⟨...⟩

13 июля 1941 года

⟨...⟩ Был у меня Никита. Он подал заявление о зачислении его добровольцем в армию, а пока записался в ополчение. Был у меня с рюкзаком и со всеми пожитками.

Саша* пока здесь.

* Никита Владимирович Фаворский и Александр Александрович Яроцкий — однокурсники и товарищи А. П. Ливанова и А. Ф. Билль.

От Никиты узнал, что все художники работают на оборону по маскировке. Хотели с Сашей, пока мы здесь, также принять участие. Дело это интересное, нужное ⟨...⟩

15 июля 1941 года

⟨...⟩ Вот я и в армии. Идем вместе с Вовкой, Костей Травиным, Сашкой Лобаном* и т. д. В общем все

* Владимир Горохов, Константин Травин, Александр Лобан-известные до войны спортсмены-баскетболисты. А. П. Ливанов играл вместе с ними за сборную Москвы. В. Горохов и К. Травин в дальнейшем тренеры, создатели советской школы баскетбола.

мои приятели. Пишу не из дома. Все вышло очень быстро, даже не видел маму. Звонил ей ⟨...⟩

Июль—сентябрь (?) 1941 года

⟨...⟩ Нахожусь пока недалеко от дома. Иногда бываю у мамы.

Придешь домой, увидишь все, чем мы с тобой недавно жили, и невыносимо грустно станет. Сашкины игрушки ⟨...⟩ Твои рисунки на стенах ⟨...⟩

* Публикуется впервые. Материал подготовлен А. А. Ливановым. Далее примечания к письмам А. П. Ливанова принадлежат А. А. Ливанову.



1. А. П. Ливанов с женой и сыном. 1942

21 сентября 1941 года

⟨...⟩ Рад, что есть от Жени* и даже Никиты письма. Теперь тоже и от меня будешь получать из действующей армии. Не знаю только, где будем действовать, **в каких краях**** ⟨...⟩

* Евгений Феликсович Билль — брат жены А. П. Ливанова — военный врач.

** Подразделение, в котором находился А. П. Ливанов, готовилось специально для диверсионной деятельности на вражеской территории, поэтому слова «в каких краях» выделены.

20 декабря 1941 года

⟨...⟩ Ты спрашиваешь — не замерзаю ли я? Нас так здорово одели, что никто о морозе не думает. Валенки; все стеганое; майки, рукавицы, а самое главное — лыжи. С ними очень тепло ⟨...⟩ Хожу на лыжах все по знакомым местам: по [улице] Бебеля, Петровскому парку... Лыжи для меня — игрушка, так что все в удовольствие. Другим чувствительнее ⟨...⟩

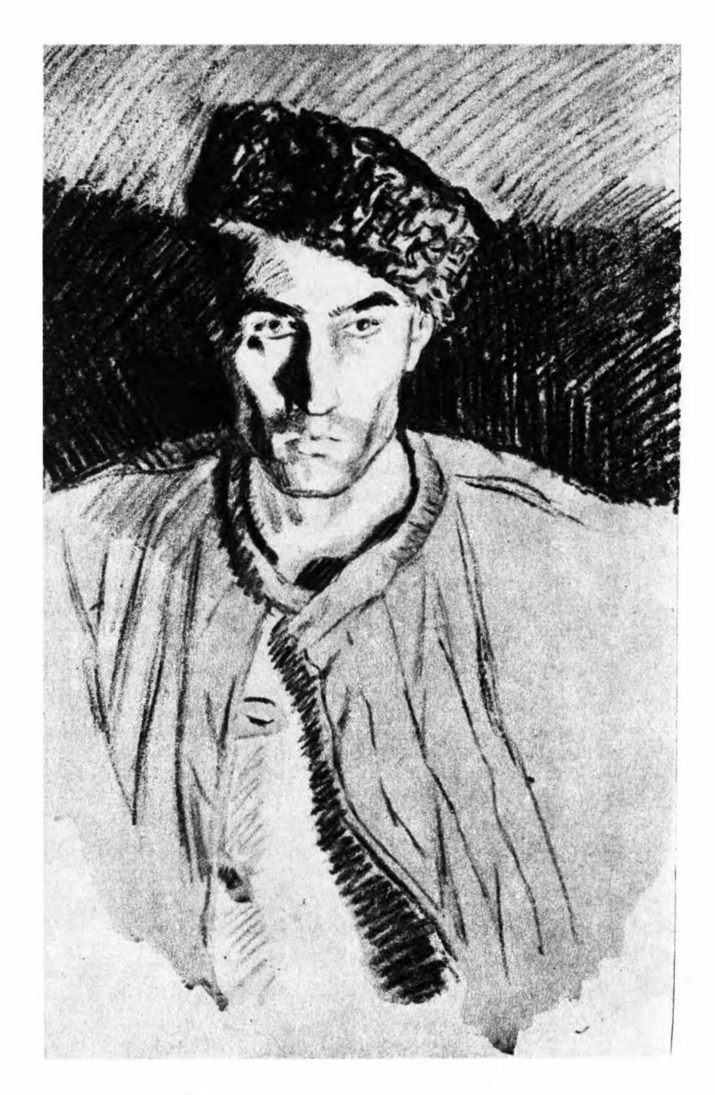
11 января 1942 года

⟨...⟩ Сейчас сижу дома. Затопил плиту (всем, чем было) и пишу к тебе ⟨...⟩ Дома —5° ⟨...⟩ Побыл я на фронте не так долго*, но понял, что необходимо дей-

* Когда возникла непосредственная угроза столице, подразделение, в котором находился А. П. Ливанов, было использовано непосредственно на линии фронта для минирования дорог и мостов перед наступающим противником на ближних подступах к Москве. См. об этом статью М. Орлова «ОМСБОН в боях за Москву» в сборнике «Фронт без линии фронта» (М., 1975).

ствительно только уничтожать в полном смысле слова этих бандитов.

Я не знаю, как они еще воюют — это сборище людей, не имеющих ничего святого ⟨...⟩



2. **А. П. Ливанов.** Портрет партизана. (Автопортрет). 1942

29 января 1942 года

⟨...⟩ У меня две новости. Первая, ранен Саша Яроцкий, в руку, но, кажется, легко, и вторая — уехал Вовка (Горохов) учиться в Академию ВВС. После его отъезда стало грустно и как-то пусто. Он очень хороший товарищ. Очень об этом жалею. ⟨...⟩

17 февраля 1942 года

⟨...⟩ На днях уезжаю, пока не пиши. Получать от тебя не буду. И сам не буду писать. Это может продлиться долго ⟨...⟩

Если от меня нет писем, значит все хорошо. Со мной все хорошие ребята и командиры ⟨...⟩



3. **А. П. Ливанов. Из серии «Партизанские тропы»**
1942

20 февраля 1942 года

⟨...⟩ Наверное, долго не смогу тебе написать из-за отсутствия в наших местах почты. ⟨...⟩

25 февраля 1942 года

⟨...⟩ Двигаемся все дальше и дальше. Идем на лыжах по лесам. Иногда над нами пролетают уже знакомые черные самолеты, но они так напуганы, что держатся очень высоко. Идем во всем белом. Пейзажи очень красивые. Местность гористая ⟨...⟩

Иногда проходим по выжженным немцами деревням. Останавливаемся там, где они недавно жили... Ты не представляешь, какое чувство омерзения оставляет каждое такое место. Грязное, вшивое остается после них все.

3 марта 1942 года* ⟨...⟩ Жив и здоров. Идем все дальше. Чувствую себя хорошо. Питаемся молочком, не знаю — пьете ли вы его. Целую всех крепко. Андрей**.

* Передано со встречными разведчиками.

** Затем, в течение полугода, писем не было. В это время А. П. Ливанов в составе отряда особого назначения выполнял задания в тылу врага. В феврале 1942 года отряд лыжников (в истории партизанского движения Белоруссии он известен как отряд Н. М. Кузина) перешел линию фронта возле Торопца. Немцы знали о таких отрядах, за ними охотились. В белых маскхалатах лыжники шли сначала скрытно, потом с боями. Костров не разводили, спали в снегу. Пройдя 600 километров, потеряв несколько человек, в том числе комиссара, отряд оторвался от преследования и вошел в район Борисова, где ему предстояло действовать. А. П. Ливанов становится командиром группы разведки. Участвует в подрыве нескольких эшелонов. В июле, в одной из дальних разведок, он был тяжело ранен. Товарищи вынуждены были оставить его одного в лесу и только через несколько дней смогли за ним вернуться и помочь добраться на базу. Отряд растет. Рядом возникают другие. На очищенной от оккупантов территории возникает партизанский край. В августе отряд, увеличившийся до 400 человек, выполнив задание, вышел из вражеского тыла. Вместе с ним вернулся А. П. Ливанов. Партизанская тема, увиденная глазами участника, перерастая в тему народной войны, стала на всю жизнь основной темой творчества А. П. Ливанова.

4 сентября 1942 года. ⟨...⟩ До сих пор не могу привыкнуть к мысли, что ты можешь читать мои письма. Я писать их разучился.

Вчера меня отпустили на день в Москву. Сегодня должен явиться в 10 часов в часть. Будут лечить. Воспользовался случаем и облазил кое-каких знакомых. Забежал к Пикову*, узнал о Никите и ребятах. О Никите ничего нет ⟨...⟩

* Михаил Иванович Пиков (1903—1973). Художник-гравер.

Сам Пиков работает, все батальные гравюры режет.

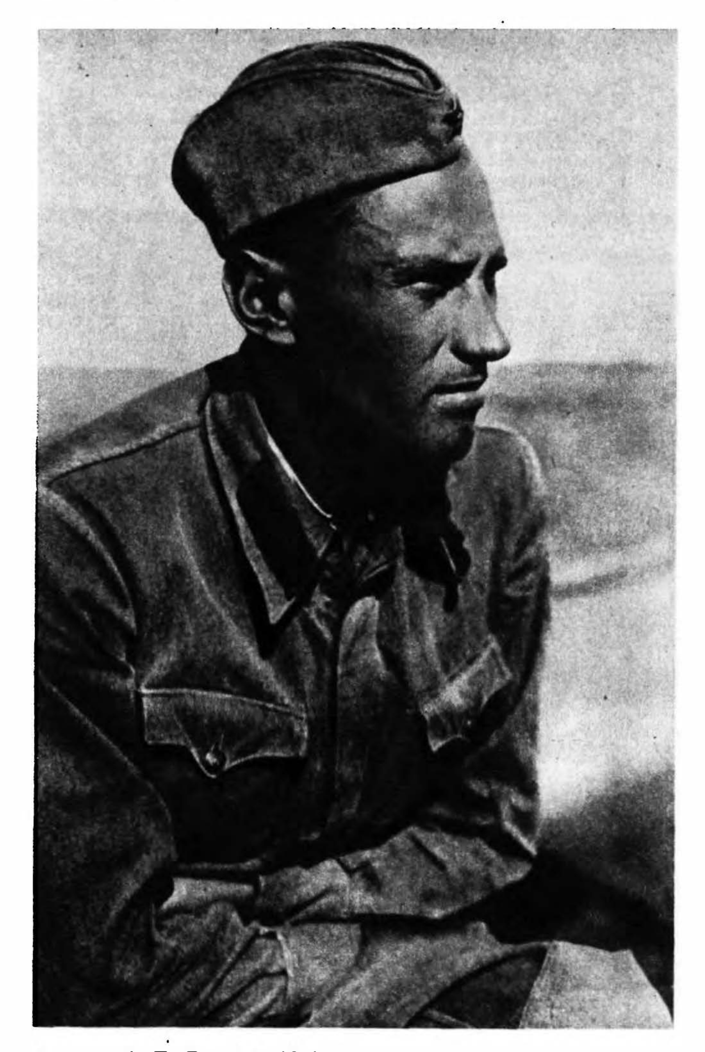
⟨...⟩ Откровенно говоря, боялся и думать о возвращении в Москву. Казалось это немыслимым. Ан, опять жив курилка!

Не сердись за это письмо на меня. Постараюсь написать более хорошее письмо, но никак не могу сосредоточиться. Толком не могу делать ничего. Нервы мои неважные стали. Пошел вчера смотреть «Парень из нашего города» и ушел, показалось так скучно и фальшиво.

Читать не могу тоже, даже газеты, не хватает терпения.

Вот и пишу какими-то каракулями. ⟨...⟩

23 сентября 1942 года ⟨...⟩ Я тебе ничего не писал о своем ранении. Рана навылет, через живот. Но так замечательно прошла пуля, что через 6 дней я уже ходил свободно (конечно, более или менее). Ранен был далеко от своих и добирался по болотам и лесу несколько дней. Крови потерял мно-



4. А. П. Ливанов. 1941

го. Меня не узнали в лагере. Но я оказался живучим и выносливым. Уже через месяц я сделал переход в 400 км и почти рысью. Сейчас боль иногда беспокоит, но доктора уверяют, что все благополучно.

Меня очень радует, что изменился к лучшему: появилась выдержка. Из меня вышел неплохой разведчик — и осторожный, и наглый, где нужно, и неторопливый, и решительный. Все качества, необходимые в жизни, может быть, только за исключением наглости.

Вот немного и похвалился!

Ты знаешь, как приятно, что ты можешь делать что-то в тех трудных условиях, в которых приходилось быть ⟨...⟩

27 октября 1942 года

⟨...⟩ Вчера пришлось снова быть в Москве. ⟨...⟩ По дороге забрел к Борису Валериановичу*. Просидел у него часа 2. Началось тем, что он завопил, увидев меня, я его поддержал. Б. В. шаркал и возил



5. **А. П. Ливанов.** После стычки с немцами. Из серии «Партизанские тропы». 1942

ногой, улыбался и был очень рад, как он сказал, меня видеть.

Потом зачем-то надел на голову шерстяной зеленый колпак и желтую стеганую куртку. Хотел поставить чайник, но потом схватил из-под стола бутылку с наливкой, и мы ее распили. Пил я один (!), т. к. Б. В. сказал, что он не может.

Ну и начались разговоры. Показывал он мне свои работы. Сашу Яроцкого он нарисовал — похоже, но довольно анемично, серо. Все одинаково. «Посоветовал» ему употреблять больше черного.

Рисовал он в госпитале раненых, там выставка его работ. Оформляет альбом «Война в изображении художников» (русских). Альбом красивый. Шрифт и фото на серой бумаге. Большие листы. Потом альбом «Русская женщина в войне».

⟨...⟩ Стал меня уговаривать рисовать. И, кажется, сагитировал. Велел сделать хоть одну композицию

* Грозевский Борис Валерианович (1899—1955). Художник-гравер. Преподаватель Института изобразительных искусств, в котором учился А. П. Ливанов.

на выставку. Дал мне китайской туши. Настоящей. Велел приходить к нему ⟨...⟩ Расстались с Б. В. очень хорошо.

⟨...⟩ Сейчас сделал несколько маленьких набросков, не знаю, на чем остановиться.

⟨...⟩ Хочется мне сделать альбом под названием «Партизаны». Попробую. ⟨...⟩

31 октября 1942 года

⟨...⟩ Живу по-старому. Рисую почти целый день. Вечерами читаю часов до 12—1 ночи. ⟨...⟩

3 ноября 1942 года

⟨...⟩ Рисую, сплю, ем. В Москве ни разу не был. ⟨...⟩ Был у начальства на днях, «поставят» на работу. На какую — не знаю. Только не на строевую. Чувствую себя неважно, болит рана.

Нарисовал шт. 10 рисунков тушью вразмывку, 2 из них хороших, остальные посредственные.

На праздники в Москву не вырвусь. А надо бы показать Б[орису] Вал[ериановичу] рисунки. ⟨...⟩

4 ноября 1942 года

⟨...⟩ Сегодня получил назначение. Теперь будут у меня дело и зарплата. Завтра буду получать хорошее обмундирование.

Немного рисую.

На выставку свои рисунки устроить не удастся. Уже поздно. ⟨...⟩

27 ноября 1942 года

⟨...⟩ О себе могу только сказать то, что рисую днем и ночью. Благо, свободного времени много. Выходит хорошо! Правда! Это беспристрастно. Свежо и цветно. Рисую с натуры, со своих приятелей, их у меня много. Все удивляются тому, что я почти не выхожу из комнаты. А мне все равно не хватает времени. Обсуждения моих работ бывают самые бурные. Спорят о том, что рисовать и как надо. Я с удовольствием выслушиваю. Работаю в самой гуще наших зрителей. ⟨...⟩

30 ноября 1942 года

⟨...⟩ Живу все по-старому. Рисую с утра до ночи. Сегодня закончил еще одну композицию. Ребята говорят, что меня прорвало. ⟨...⟩

8 декабря 1942 года

⟨...⟩ Помаленьку работаю. Сегодня разболелась здорово рана. Надо идти к докторам, не хочется.

⟨...⟩ Пошел к Борису Валериановичу. Он опять расплывался, был очень мил, удивлен, что я много работаю. Обещал ему показать.

Дал он мне 7 листов бумаги, не очень хорошей, но ничего, а то у меня нет ни одного листа.

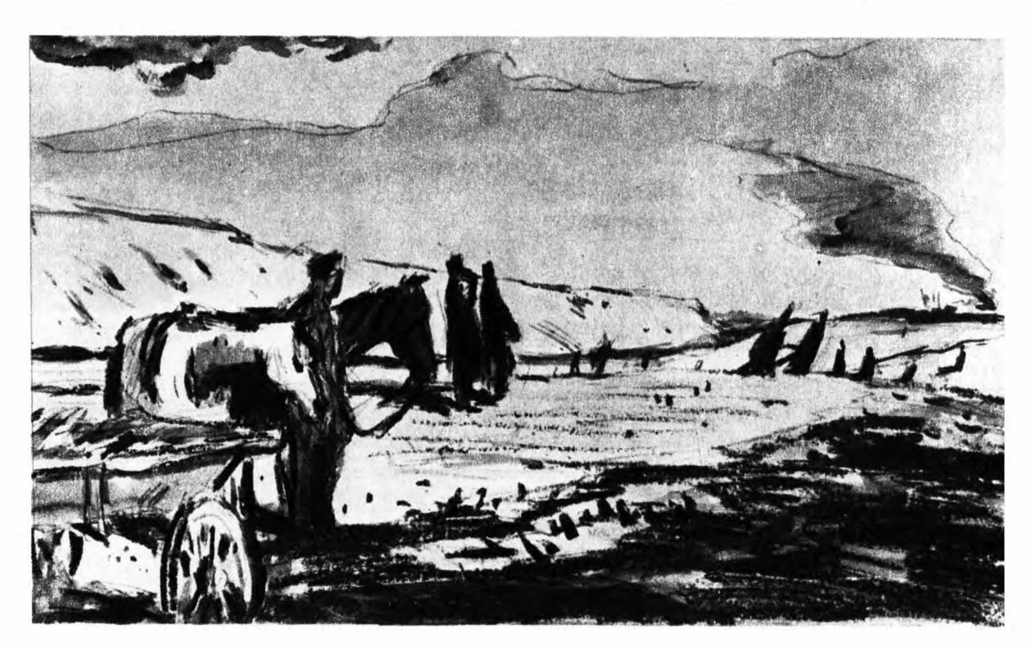
Показал мне Гойю, Рембрандта, Иванова. Правда, очень неважные репродукции, но все же смотрел с удовольствием.

Потом заехал на рынок за курительной бумагой, но не нашел, поехал обратно.

Вот и все мои похождения. 〈...〉

17 декабря 1942 года

〈...〉 Во всяком случае ты не расстраивайся, что мало работаешь. Я, например, ничего не рисовал почти 4 года! И не расстраиваюсь на эту тему (ну и дуб!).



6. **А. П. Ливанов.** Атака. Из серии «Партизанские тропы». 1942

Думаю, что все это вернется, конечно не полностью, но что же делать!

24 декабря 1942 года

〈...〉 Только что закончил две композиции, пока одна сохла, делал другую. Одна — «Разведчики», другая — «Бой», но обе очень лирические.

Первая так: два партизана разговаривают с ребятами в ночном. Вдали пасутся кони. Лес. Месяц. Трое ребят и два партизана. Все сидят и лежат на земле.

Другая так: горизонт высокий. Спускается пашня, на самом гребне небольшие фигурки партизан, бегущие за гребень. По небу клубится черный дым, пожар. На переднем плане фигура в белой рубахе с завязанной бинтом головой тащит раненого.

Очень интересно вышло по цвету. Вообще все время слежу за отношениями. Рисую сначала тушью вразмывку, а потом сверху куском литографской туши, которую взял дома. Особых тонкостей не делаю, а беру

все широко — и рисунок крупный, и отношения — большими пятнами.

31 декабря 1942 года

⟨...⟩ Сейчас 9 часов. Осталось немного до 12 — начнется Новый год ⟨...⟩ Сижу в комнате один — все куда-то смылись. Вот видишь, как развлекаюсь.

⟨...⟩ Мне все завидуют, что я занят все дни по горло. Отдыха себе не даю*, только что посплю иногда лишнее ⟨...⟩

* В эти месяцы, пока А. П. Ливанов выздоравливал после ранения, была создана серия акварелей, позднее названная «Партизанские тропы». Пережитое и увиденное вдруг нашло выход в прикосновении к любимой профессии, фактически впервые после института. Происходит творческий взрыв. Эта работа оказалась для А. П. Ливанова обретением собственной темы, открытием себя как художника. А. П. Ливанов создает листы, в которых им нащупывается понимание и композиционное освоение опыта именно этой, невиданной ранее войны, ее особого духа. Пластическое богатство этих работ идет от напряженности внутреннего содержания, основанного на личном опыте. Художник сознательно избегает батализма, ложного пафоса. В этом направлении до сих пор развиваются советское изобразительное искусство и литература о войне. А в 1942 г. это была одна из первых таких попыток.

Ливанов Андрей Павлович (1910—1965)

Родился в Ярославле. С 1932 — студент Московского полиграфического института. По окончании служил в Красной Армии (1939—1940). В 1941 вступил добровольцем в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения. Участник боев под Москвой; парада на Красной площади 7 ноября 1941 г. В 1942 находился в тылу противника в составе диверсионного отряда. Был тяжело ранен. Признан нестроевым. С января 1943 г. продолжал служить в политотделе и газете дивизии. График. Создал серию литографий «Партизанский край». Награжден медалями.

А. Дубинчик
Письма к матери. 1942—1944*

8 января 1942 года

Дорогая мамочка!

Уже какое письмо пишу тебе, а ответа все нет. Папа получает твои письма регулярно, а я еще ни одного не получил. Или мои письма не доходят до тебя, или твои — до меня.

Как ты живешь? Что делаешь? Где устроилась жить? Хорошо ли тебе там? Не стесняет ли тебя что-либо? Как чувствуешь себя? Нуждаешься ли в чем-нибудь? Как питаешься? Есть ли у тебя средства? Думаю узнать от тебя все это. Я очень соскучился по тебе.

Обо мне и папе не беспокойся. У нас все в порядке. Я устроился хорошо. Живем мы почти в лесу. ⟨...⟩ Умываемся снегом, так как воды нет. У нас здесь довольно холодно. Морозы доходят до 38—40 градусов. Спичек здесь тоже нет, так что мы все время поддерживаем постоянный огонь.

Здесь красиво. Пейзажи замечательные. В другое время здесь писать и писать ⟨...⟩ Большие мохнатые сосны и ели усыпаны мягким, пушистым снегом. Под тяжестью снега ветви низко-низко пригибаются к земле. Сквозь замерзшее окошко я вижу кусочек ядовито-синего неба ⟨...⟩ Резко скрипит затвердевший снег. А я сижу у печки и пишу тебе письмо. У печки тепло. Дрова громко трещат, и с них стекает вода. Если бы ты меня сейчас увидела, то, наверное, не узнала бы. Я загорел. Лицо как-то погрубело и обросло бородкой и усами ⟨..

196-й зенитно-артиллерийский полк. 1943 год

⟨...⟩ Шел через лес и поле. Дни стоят чудесные — сухие, яркие, солнечные. В лесу и поле очень красиво. Тени на снегу прямо ультрамариновые. Возвращался, когда солнце садилось уже, и в лесу по холодному голубовато-зеленоватому снегу протянулся тоненький, но яркий и горячий солнечный луч. Интересно так ⟨...⟩

Горький. Эвакогоспиталь 7 мая 1944 года

⟨...⟩ Здоров. Рана скоро заживет, и мы увидимся. Не грусти, мама. Гриша* вернется, и я останусь жив. Вот увидишь.

** Григорий Михайлович Дубинчик — брат А. М. Дубинчика, выпускник физического факультета МГУ; в июне 1941 г. ушел добровольцем на фронт и погиб в боях под Москвой в октябре 1941 года.*

Прости, что пишу коряво. На койке неудобно.

Целую. Шурик.

P. S. Нас уже не бомбят.

* Публикуется впервые.



1. А. М. Дубинчик с матерью. Январь 1941. Мать — преподаватель литературы, отпросилась в школе и приехала из Москвы повидаться со мной в Ленинград, где я служил во 2-м полку ВНОС. Меня отпустили на вечер из части, и мы провели его в семье старых знакомых моих родителей. Там и сняты на фоне картины Максимилиана Волошина. Гостеприимных хозяев наших уже давно нет. Они погибли в блокаду.



2. **А. М. Дубинчик.** Автопортрет. 22 июня 1941 года. Воскресным утром 22 июня старшина Студии Грекова Карло Гогиберидзе, погибший потом в 1942 году под Сухиничами, дал мне увольнительную, и я из Краснопрекопских казарм, где стояла тогда Студия Грекова, пришел домой. Мать накормила меня. Было еще много времени впереди, и я начал писать автопортрет. И не знали мы, что шел уже восьмой час войны, что в этот момент невидимая черта пересекает наши жизни, деля все на «до» и «после»; и что светлый день 9 Мая 1945 года где-то далеко-далеко, и предстоит еще через многое пройти. И многих потерять. В 12 часов по радио объявили о нападении Германии. Я бросил кисти и побежал в казарму. Этот портрет нашелся случайно спустя уже тридцать лет. Он так и остался моим единственным автопортретом.



3. Солдаты 81-го полка 30 ЗСБ. Это мой полк. Его маршевые роты я оформлял, бойцов его зарисовывал. Идет лето 1942 года.

29-я отдельная зенитно-артиллерийская бригада. 1944 год

⟨...⟩ Осень. Несколько раз я уже ходил по осенним дорожкам, усыпанным опавшими желтыми и красными листьями, шуршащими под ногами. Раньше я хоть и рисовал, но, как это ни странно, не замечал красоты природы. Не понимал я также и красоту в людях, в действиях, в поступках, во взаимоотношениях между людьми. А теперь я хоть и не рисую уже давно, но красоту замечаю и переживаю в себе. Именно переживаю, потому что красивое всегда волнует ⟨...⟩ Если бы можно было вернуть время, я многое бы сделал иначе, и прежде всего всем хорошим людям, с которыми я сталкивался в жизни, я бы сказал, что они хорошие. ⟨...⟩ Я научился ценить людей и быть благодарным.

Редко я бываю на природе, а когда бываю, то каждый кустик кажется мне чудом красоты и становится грустно. Каждому человеку хочется иметь все хорошее и мне тоже. И вот раньше, когда я рисовал — увижу что-нибудь красивое — возьму и нарисую, и это уже мое, а теперь уже нет. Вот поэтому грустно ⟨...⟩

Эти осенние дорожки с сухими желтыми листьями вызывают у меня воспоминания далекого (эге, уже далекого!) детства. Я вспоминаю открытки, которые я



4. **А. М. Дубинчик.** В госпитале. Домой пишут. 1944. Эвакогоспиталь 401. 1944 год. Май. Я уже поправляюсь и делаю наброски. Привлекли внимание двое раненых. Письма пишут. А лица такие отрешенные и грустные. Они сейчас там, дома.



5. **А. М. Дубинчик.** Укрепрайон. Осень 1942 года. Здесь наши маршевые роты готовятся. Но сейчас нет никого. Хмурое, дождливое небо, мокрая земля. На пустынной дороге два бойца о чем-то говорят. Холодно и тревожно.

так любил смотреть. Помнишь, как у нас много в шкафу было этих монохромных открыток ⟨...⟩ Эти открытки были моими первыми учителями рисования. А помнишь желтенькую акварель какой-то знакомой художницы — осень в Царицыне? Этот наивный рисунок тоже напоминает мне те дни ⟨...⟩ О многом другом я еще вспоминаю, шлепая по осенней грязи ⟨...⟩ Хочется рисовать, заниматься музыкой, читать. ⟨...⟩ Вспоминаю ⟨...⟩ прекрасную книгу Фраермана «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви» ⟨...⟩

Дубинчик Александр Михайлович

Родился в 1922 г. в Москве. В 1940, по окончании средней школы, призван в Красную Армию. Проходил службу в Студии им. Грекова, затем в действующей армии, в войсках ПВО. Демобилизован в 1945. Окончил Московский художественный институт им. В. И. Сурикова в 1952. Заслуженный художник РСФСР, доцент. Награжден медалями.

А. Таран
Северный Кавказ — 1942*

Евлах. 6 августа

Пишу в г. Евлахе, на остановке; во время хода писать и рисовать невозможно — трясет, болтает. Ребята побежали с ведрами к колонке, кони шумно вздыхают. Жарко и душно.

Ежедневно, до самого отъезда, я ночевал на квартире. Начальство смотрело на это нарушение сквозь пальцы — сочувствовали мне, молодожену. Хотя вот уже несколько дней, как было объявлено казарменное положение и приказа о выезде на фронт ждали с минуты на минуту. Ездовой забирал коня и исчезал в темноте. Рано утром снова раздавался топот, лошадиный храп. Так было и вчера. Быстрый прощальный поцелуй — и я в седле. Галопом, распугивая кур и переполошив собак, узкими кривыми переулками тороплюсь к проходной. Часть батарейного имущества уже отвезли на станцию, поставили часовых, грузят в вагоны. В казармах осталось только то, что берем с собой.

Едва лишь пришел на конюшню, как раздалась команда: «Строиться, выводить коней!»,— все уже было собрано.

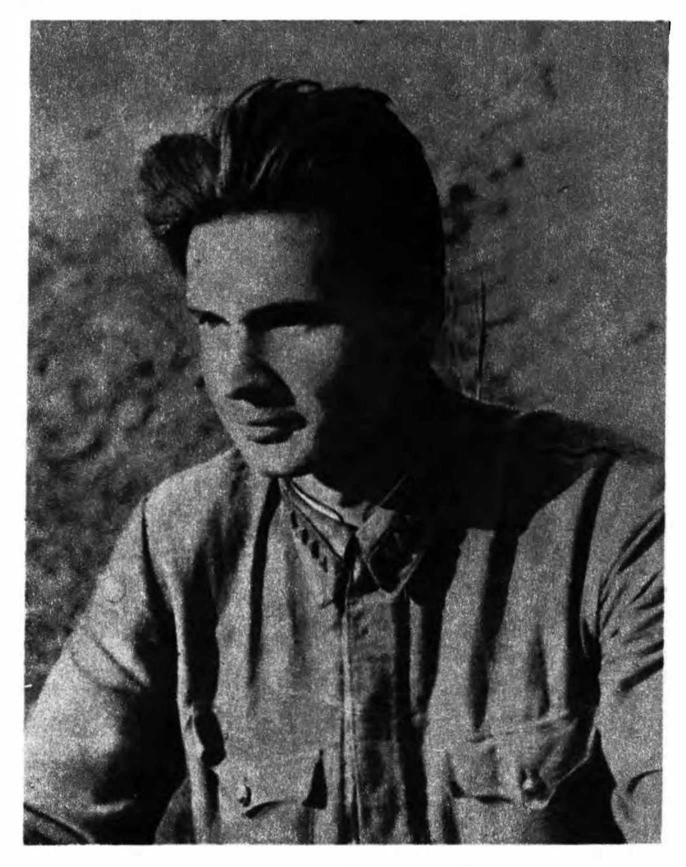
И наш артиллерийский полк, который входил во вновь сформированную из жителей окрестных сел и деревень грузинскую дивизию, двинулся через весь город на вокзал. Вдоль улиц стояли местные жители, провожающие. Старики, женщины, дети. Многие приехали сюда со всех концов Грузни — сыны и мужья уходят на фронт.

Я ехал верхом на своем Чубаром впереди своего взвода, оглядываясь по сторонам — вдруг увижу? И мучительно соображал, как бы мне подскочить к дому, предупредить, попрощаться. Но я ехал впереди, выйти из строя было невозможно.

Погрузились довольно быстро, в один вагон сложили все имущество, лошадей развели по открытым пульманам, орудия установили на платформах еще два дня назад.

Погрузка закончена, и эшелон тронулся. Я долго смотрел назад, на город, который стал мне родным, но поворот за поворотом — и горы заслонили силуэты гру-

* *Публикуется впервые. Отрывки из книги «Кавказ — 1942». Написано в 1962—1977 гг. на основании фронтовых дневников. Автор приносит благодарность Г. И. Гиголашвили за его полные благожелательности ценные замечания и уточнения о времени и месте событий, участником которых он тоже был.*



1. А. Ф. Таран. 1942. В новой и подогнанной по росту форме я выгляжу вполне прилично.

зинской крепости, монастыря над железной дорогой, синих на фоне вечернего марева.

Здесь, в Евлахе — крупном железнодорожном узле между Тбилиси и Баку, скопилось много эшелонов. Они заполнили все пути, стоят рядами, одни со станками, оборудованием, машинами, другие — с эвакуированными. Дымятся в теплушках печи, повсюду, где только можно, висит белье, возбужденный гомон и плач детей, беготня с узлами и чайниками вдоль вагонов. Только два или три санитарных эшелона угрюмо-молчаливы и безлюдны.

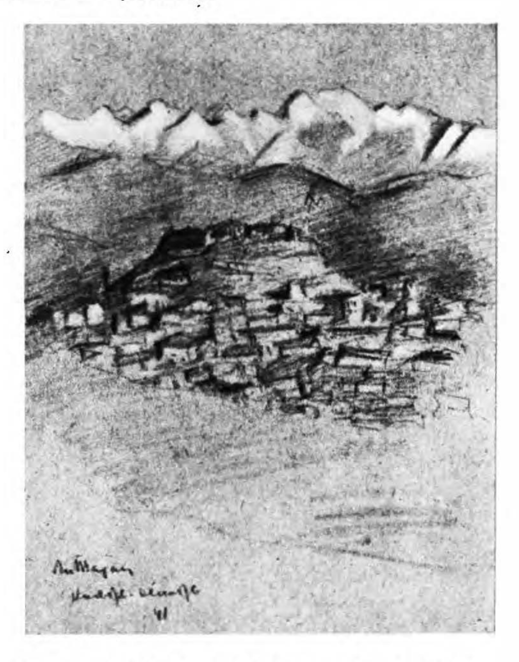
Дербент. 7 августа

Ночь спали плохо — ветер, холод, жестко — лежали на седлах; ремни, стремена и всякие железки врезались в тело. Дверь не смогли закрыть — она заклинилась, что-то ей мешает. Свет зажигать нельзя.

Утро. Всходит солнце. Море светлее неба, темными точками на воде разбросаны лодки, парусные баркасы. Небо красно-зеленое, вода холодная, желто-зеле-

ная, с голубыми полосами. На крышах домов почему-то (еще август) — иней.

Вчера комиссар собрал замполитов и приказал всем сидеть на своих конюшнях и следить за тем, чтобы за лошадьми был надлежащий уход. «В настоящий момент,— сказал он,— лошадь еще нужнее, чем человек». Запомнить его указание.



2. **А. Ф. Тараи. Ноябрь-декабрь 1941. Вдали снежные вершины Главного Кавказского хребта.**

Умылся до пояса ледяной водой под паровозной колонкой, отмыл с себя пыль и грязь. Впервые плотно поели горячего, и даже был горячий чай.

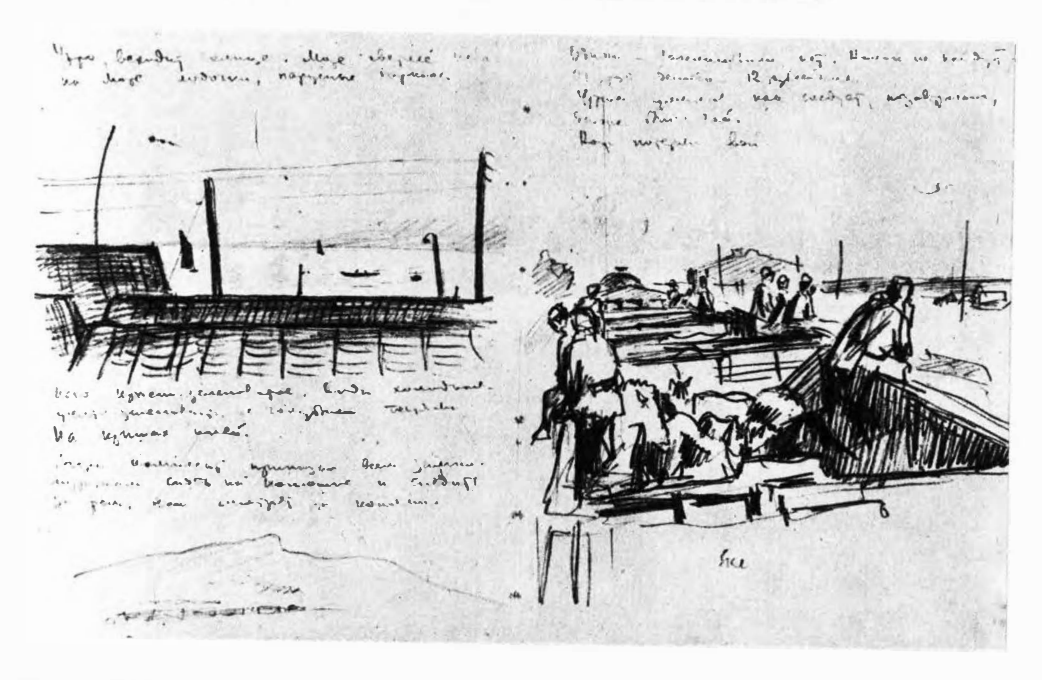
Вчера проезжали в районе Баку. Ажурные нефтяные вышки, черные блестящие зеркала нефтяных озер, жирная копоть. Выжженные охристые поля, синие дали.

Что-то загрустили наши кони. Даже мой Чубарый, такой всегда веселый, первое время все брыкался, покусывал холки соседей своих, первым драки начинал, бил по железным стенам вагона так, что пульман гудел, как колокол, и тот повесил голову, прядет ушами, вздыхает и плохо ест. Что же ты, друг мой? Горячими шершавыми губами взял с ладони сахар, а от хлеба отказался. Глаза синие, печальные.

Да, кони приуныли — им бы побегать по травушке-муравушке, а не в железном вагоне ехать. Пьют долго, отдуваясь, останавливаясь передохнуть, и снова

пьют. С морд стекают струйки воды на пол. Дневальные ругаются, что идти далеко — жалко им сходить еще раз. Пришлось самому — принес еще двенадцать ведер, пусть, бедняги, напьются.

Постепенно начинаю привыкать к тому, что уехал. Как сон, прошлое ушло, действительность — это сегодня и завтра. Плохие сводки. Наши оставили Ба-



3. **А. Ф. Таран. *Лист из альбома.* 1942**

тайск, идут бои за Армавир. Черный вал, оставляя за собой горы трупов и едкий дым пожарищ, неудержимо ползет. Где-то там мясорубка, и мы туда едем.

Проехали Махачкалу. Эшелон наш замедлил ход, но так и не остановился, а я намечал выкупаться здесь, порисовать, отправить письма.

Чем дальше, тем «фронтовей». Один за другим эшелоны с эвакуированными. Эшелоны из паровозов, прицепленных один к другому; изуродованные, расстрелянные вагоны.

Патрулирующие самолеты в воздухе, множество полевых аэродромов с «ястребками».

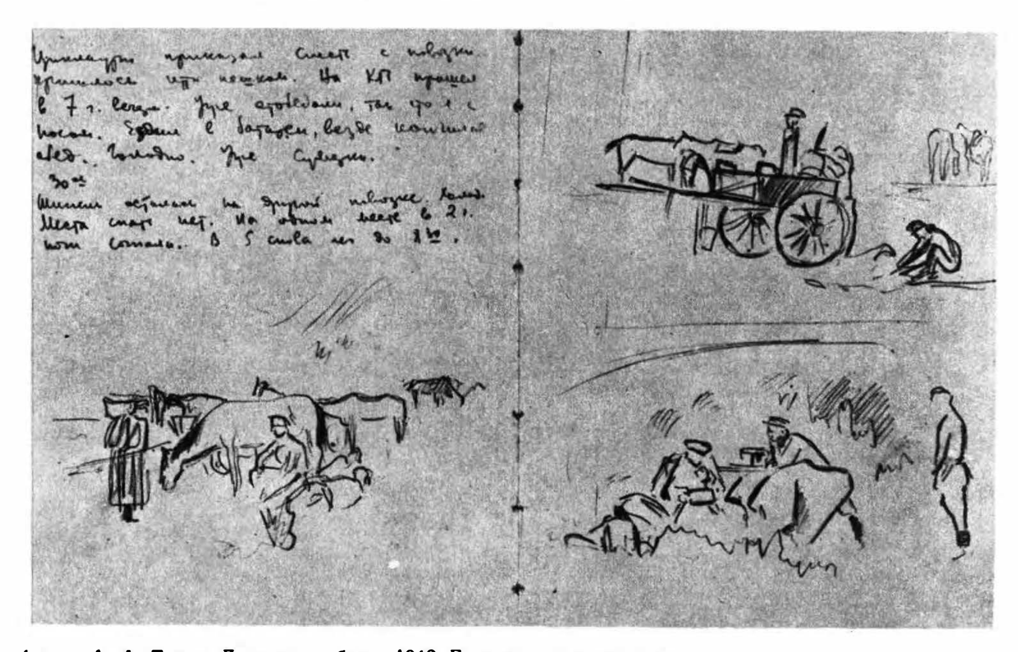
«Пахнет кровью и дымом»,— говорит наш начштаба.

Пустынна и однообразна дорога, частые остановки посреди чиста поля, и тогда я пишу и рисую.

Постукивают колеса, резко пахнет лошадьми — давно не чистили их, они потные, всклокоченные. Несет

мочой, кожей, гарью. Лежу на остатках сена. Дневальные, сидя верхом на стенках вагона, поют на два голоса мингрельскую песню. Сегодня должны получить фураж.

Сижу в одиночестве, пишу в свой дневник, рисую. С моего места видно горы, вернее, из-за буро-зеленого холма видны лишь ослепительные снеговые вершины и розовые скалы с резкими синими тенями. Вот и Север-



4. **А. Ф. Таран.** Лист из альбома. 1942. Едва колонна останавливается на короткий отдых, раскладываются продукты; покормить солдата — первая заповедь старшины (верхний набросок), а в штабе уже принимают первые донесения из батарей (нижний набросок).

ный Кавказ. Эшелон стоит на станции Дарг-Кох — говорят, дальше не пойдет.

Вечером вызывали в вагон к командиру дивизиона всех командиров до взводов включительно. Зачитывали приказ № 227 от 28 июля 1942 года. Подчеркивается серьезность положения на фронте — немцы рвутся к Сталинграду, к Волге, хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с нефтью и другими богатствами.

«...Отступать дальше,— значит загубить себя и вместе с тем нашу Родину... Ни шагу назад без приказа высшего командования. Таков призыв нашей Родины».

«Ни шагу назад!» — приказ по нашему артполку, по дивизиону. Подготовка к маршу. Командирам взводов управления (это и мне) дополнительно получить инструкции у начштаба (коды и пр.).

9 августа Вчера всю ночь выгружались из вагонов и потом двинулись в лес. Все мне напомнило начало войны, конец июня прошлого, 1941 года, Белоруссию где-то в районе Могилева — лес, дождь, спящие под кустами вповалку люди, далекие орудийные разрывы. Пока темно, лучше спать — ничего н никого не найдешь. Втиснулся в группу спящих под двуколкой людей, накрыл



5. **А. Ф. Таран.** Лист из альбома. 1942. Самое надежное в походе — следовать за батальонной кухней. Но начальству видней, где ты более нужен.

голову полой шинели. И снова перед глазами страшные дни отступления, блуждание по лесам голодных и безоружных в поисках своей части, кухни, начальства. Потом выход из окружения через Варшавское шоссе, ранение — и спасение чудом. И потом вспоминал жизнь свою в Грузии, и снова сожаление, что не увиделся перед отъездом, не обнял на прощанье, не поцеловал в мокрые глаза.

С утра совещание у командира батареи. Наметили план действий, расположение огневых позиций, расписание дежурства по часам. Собирал по взводам батареи свое имущество — буссоли, стереотрубы, телефонные аппараты; погрузили все на одну повозку. Составил опись всего наличного. К сожалению, много негодного — два аппарата совершенно не работают, кабель весь рваный, немереный, катушки сломаны, винты от штативов отвинчены. Ремонтирую. Необходимо по-

лучить еще имущество до полного боевого комплекта в штабе дивизиона. Но, говорят, новое еще не прибыло, пока на вооружении все старое, учебное.

Срочный приказ: командиру батареи — бегом в штаб дивизиона. Немедленно двигаться по разработанному порядку походными колоннами, обоз пойдет другой дорогой. Наши оставили город Армавир.





6. **А. Ф. Таран.** На отдыхе. 10 августа 1942. Пользуемся привалом, чтобы вытянуть онемевшие ноги. Чиним амуницию, чистим оружие.

7. **А. Ф. Таран.** Готовят огневые позиции. Лист из альбома. 1942. Главное в обороне — это блиндажи, окопы, ходы сообщения. Кукуруза выше роста солдата, это хорошо — тебя не видно, и плохо — ты ничего не видишь.

Переправа через реку. Лес, кусты, крутой обрыв. Лихо и стремительно шестерка лошадей кидается с обрыва в реку, тянет за собой орудие с передком, ездовые верхом, в пене, в брызгах несутся через бурлящий поток. Очень красиво, запомнить, нарисовать...

10 августа Двигались до 2-х ночи. Пожалуй, по моему прошлогоднему опыту судя, следовало идти так до самого утра — ночью идти легче, чем днем. Костров приказано не разжигать. В темноте завалились, как кули, друг к другу. Холодно и мокро — выпала роса. Кони сбились в кучу. Теплые, они смачно хрустят овсом.

Осетинская деревня. Хорошо говорят по-русски абсолютно все. Красивые старики — белобородые, в черкесках, на головах — белые войлочные шляпы. Приветливые женщины, дети. Очень доброжелательны — бойцам выносят яблоки, табак, угощают вином, кукурузной водкой «аракой».

А кругом по горам лес, по холмам зеленеют





А. Ф. Таран. Джомидава у телефона. Лист из альбома. 1942. Лучший телефонист, красноармеец Джомидава, уже дежурит у аппарата. Команды могут последовать ежеминутно, иногда самые противоречивые, исключающие друг друга, но — так диктует обстановка.

А. Ф. Таран. В редакции. Лист из альбома. 1942. Прибыла редакция. В пути с машиной произошла авария, но теперь все позади; тотчас разворачиваются наборные кассы, метранпаж тискает оттиски, готовит верстку — газета должна выйти в срок.

луга, ромашки, колокольчики — такого я уже давно не видел, и мне это напоминает Россию. Порисовать в другой тетради, если будет время.

Гадал по ромашке — «жив, ранен, убит, жив, ранен, убит...». Три раза вышло «жив». Приятно даже как-то стало, хотя понимаю, что это глупо — тонкий нежный лепесток, сошлось, не сошлось,— и жизнь человека.

А вообще — больше рисовать. И случайное — сюда, в дневник, и в большой альбом. Подбирать ти-

паж. Утрировать характер: хороших — плохих. Но это, если будет время. А так день-деньской мы копаем, копаем, копаем. В кукурузе — позиции для орудий, блиндажи, щели, протягиваем линию на НП (наблюдательный пункт), там копаем щели, ходы сообщения. Начальство бракует — копаем заново.

Пилим деревья, кладем в три наката из толстых



10. А. Ф. Таран. Герой боев Мгалоблишвили. 1942. Его орудие подбило три фашистских танка прямой наводкой.

бревен перекрытия — и так с раннего утра до позднего вечера.

С делами покончили, и все на реку. Терек широкий, бурный, с серо-зеленой водой. Течение сильное, коварное. Моемся, стираем белье, обмундирование. Очень холодная вода, аж сводят судороги. Каменистая крупная галька, вокруг кусты. Лошади стоят в воде по брюхо, пьют, обливаются. Мы драим их, моем, они довольны, чистые и сытые.

А край здесь восхитительный — и богат, и красив. Не жалко за такую землю и умереть.

12 августа

Рисовал в другой книге. Зачем рисую — не знаю, сохранится ли все это? Ремонтируем сбрую, седла и пишем письма.

Из дома, от мамы, нет вестей уже третий месяц. С октября 1939 года, когда меня призвали в армию, я виделся с ней всего один раз — в середине октября 1941 года. С группой выздоравливающих из Сталин-

града ехали в Горький через Москву, и я привел свою команду к нам ночевать, благо от Курского вокзала рукой подать. Всю ночь мы с мамой проговорили на кухне, пока во всех комнатах, на кроватях, диване и где придется, спали мои попутчики. Утром, когда я умывался под краном, мать поцеловала меня в рваный красный рубец под лопаткой, заплакала и убежала на работу.



11. **А. Ф. Таран. Фрагмент газеты «Вперед к победе» (на грузинском языке). 1942. Это мои гравюры на линолеуме — героев боев из нашего артполка, старшего лейтенанта Пирмисашвили и ефрейтора Ревиашвили. Рисую прямо на кусочке линолеума и тут же самодельными инструментами из бритвы и пера вырезаю.**

Сказала — скоро приду. Но так я ее больше и не увидел. Как там она? Правда, уже не одна, есть кто-то в морской форме, но он тоже где-то на фронте. Хотя в последнем письме был намек на то, что он приезжал в отпуск. Интересно, что он за человек? А ей желаю счастья, его всем не хватает, а маме моей почему-то особенно не везет.

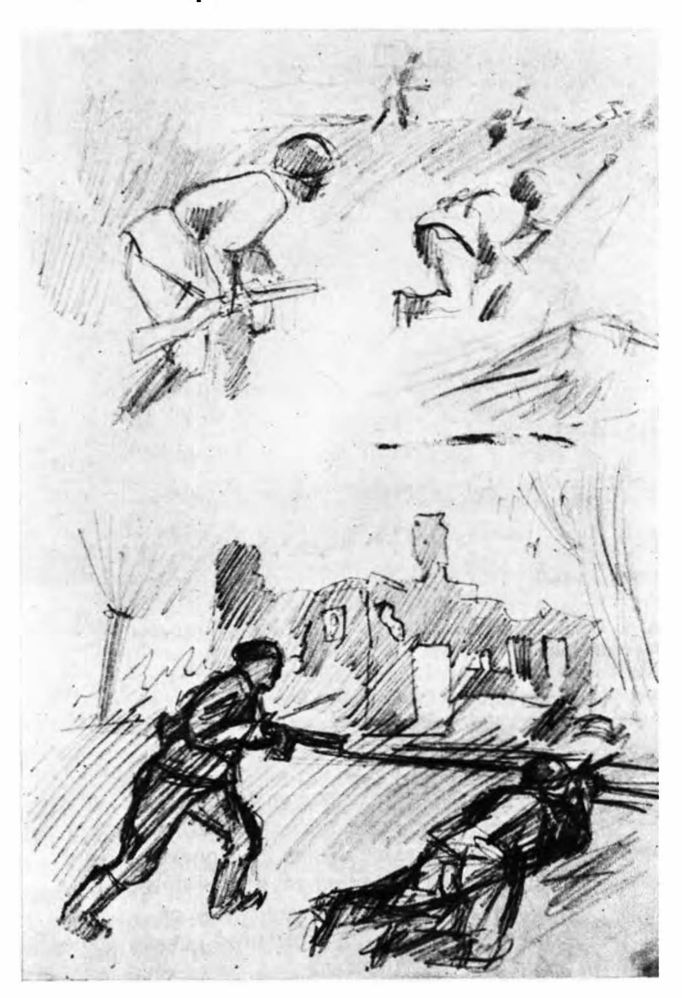
Беженцы. Говорят, что взяли Пятигорск. Получили приказ о том, что ожидается противник... А еще не получили ни винтовок, ни патронов, ни гранат.

Поехал на двуколке к старшине получать на своих всякое имущество. Получили по две пачки табаку, курительной бумаги и всякое «индивидуальное» — пакет, противохимическое, «противо-» и еще что-то «противо-»...

Списал сводку Информбюро «...В течение 12 августа наши войска вели бои в районе Клетская, северо-

восточнее Котельников, а также в районах Майкоп, Черкесск и Краснодар. На других фронтах существенных изменений не произошло. ...В районе Черкесска наши части отошли на новые позиции...»

Солнце зашло. Синие контуры гор, звон стремян, фырканье коней, смех, шутки, мелодичное тихое пение. Ужин, сборы. Ночью в поход.



12. **А. Ф. Таран.** Боевые эпизоды. Лист из альбома. 1942. На верхнем наброске — разведчики выходят на боевые позиции. Внизу — бой за станцию.

Медленно, урча моторами, низко пролетели над нами два немецких бомбардировщика.

14-го вечером вдруг приказ — лошадей запрягать, имущество собирать, двигаться. Покинули свои новые блиндажи, бросили срубленные деревья. Шли

ночь и день. Остановились уже в темноте, остаток ночи проспали, кто как смог. На утро — оборудовать новый НП. Мотаем телефонную линию на огневые позиции. Комбат говорит — километра два, а мотали целый день, укладывали и маскировали и так до вечера. Катушек взяли на 2,4 км — не хватило. Оказалось — 3,6 км. Провод должен быть надежно укрыт и от глаза





13. **А. Ф. Таран.** В политотделе. Машинистка Роза печатает донесение. 27 августа 1942.

14. **А. Ф. Таран.** Инструктор по партучету политрук Девидзе за работой. 27 августа 1942.

человека, и от случайного осколка. Поэтому, если тянем по лесу, то перекидываем его с дерева на дерево. А он, проклятый, рвется, мы его стыкуем, изолируем и связываем веревками. К старому получили еще трофейный, иранский, тонкий, как гнилой волос, чуть потянешь — рвется. А в чистом поле и того хуже. Отведешь до дороги — надо зарывать и маскировать. Это значит закапывать, таскать землю, разгребать ее, сравнивать, наводить по пыли колеи от повозок, следы от шин, топтать ногами. Это и есть «мотать». А когда, наконец, скрепил провода и соединил с телефонным аппаратом — связи нет. Молчит, как могила, нет фона, зуммера.

А тут еще командир дивизиона появился: «Где связь?» — и пистолетом грозит. Ну, и идешь обратно по всей линии — где же прорыв, где? Перебираешь каждый сантиметр провода, соединяешь свой аппарат с НП — связь есть. Так доходишь до огневой. А там — аппарат не включен, все дрыхнут, как один. А крепче всех — мой дежурный телефонист Шабуришвили. Еле растолкал.



15. **А. Ф. Таран.** Лист из альбома. 1942. Высоко в горах прилепилось балкарское селение. Здесь последний рубеж, куда дошли по дорогам автомашины. Дальше, в горы, только на лошадях (у кого они есть) и на своих двоих.

— Комбат приказал всем отдыхать, аппарат выключить, чтобы не беспокоил.

Все же я доложил комбату, что был командир дивизиона. Но комбат послал его и меня ко всем чертям и снова лег спать.

Огневые взвода занимают свои позиции. Я с командиром батареи выезжал на рекогносцировку местности, найти новое место для НП, составить и нанести на карточки новые схемы огня. Верхом по узким, еле заметным тропкам через лес взбираемся на вершину холма. Колючки больно впиваются в тело, царапают до крови, рвут штаны, которые и без того все в заплатах.



16. **А. Ф. Таран. Убитый фриц. 29 августа 1942 г. Вот здесь, в пыли, далеко от дома он нашел свою смерть.**

В лесу замечательно. Посвистывают иволги, дрозды, стрекочут сороки. По камням шныряют ящерицы, греются на солнце змеи. Но и тут своя война: пролетит ястреб — или все от него, или все на него.

На самой вершине вдруг кто-то сорвался из кустов и исчез в узкой расщелине. Двое помчались ловить его. С командиром батареи вышли на это место — прекрасный обзор. Далеко видна вся долина, повороты реки, мост, селения и дорога, по которой двигаются части, орудия, идет пехота, и им навстречу, сколько хватает глаз, до горизонта, в тыл ползут отступающие части, беженцы. Надо всем стоит облако пыли. Здесь и решили устроить новый НП. Значит, линию тянуть сначала.

Дорога. Пыльная широкая дорога с выбоинами от снарядов, воронками от авиабомб. Она тянется от Ростова через Армавир, по ней идут тысячи людей день



17. А. Ф. Таран и С. Киракозов в поселке Шахты. Конец октября 1942. Скоро идти через перевал.

и ночь, как река катит свои воды. Идут пешком, катят повозки, несут на себе все нажитое годами — узлы с тряпками, мешки с посудой, подушки, самовары. Дети, утомленные, пропыленные, прожженные солнцем, заморенные. Они уже не плачут. Вот тянется повозка, в нее впряжены старик и дети, еще дети, мал мала меньше, кучкой идут вслед. Лошадь пала, люди везут все свое имущество сами. Супруги — оба лет сорока. Она несет кастрюлю, босая, шлепает по пыли; он несет электрический чайник, чистенький, сверкающий. Лицо мужчины в струпьях.

Старик осетин. К нему притулился поляк в мундире без погон, в мятой конфедератке, рукав один оторван, и видна открытая гноящаяся рана. Осетин зовет его Борис. Глаза у поляка в черных кругах, серые потрескавшиеся губы, серое лицо.

Бойцы, идущие с фронта вместе с беженцами. Кто в чем, неорганизованные, идут или кучкой, или гуськом по обочине, загорелые и заросшие до черноты. Страшная усталость на лицах. Обоз раненых. Наши, необстрелянные, с интересом и жутью рассматривают забинтованные головы, руки, ноги в лубках, прогноившиеся бинты, кровь, желтые лица. Девушки-санитарки.



18. Привал на Чегемском перевале. Октябрь 1942. Фото А. Ф. Тарана.

Идут, идут день и ночь, катят впереди себя коляски детские или запряглись в повозки; у других — что на нем или на ней,— все имущество, что удалось спасти. Ужас встречи со смертью еще не сошел с лиц.

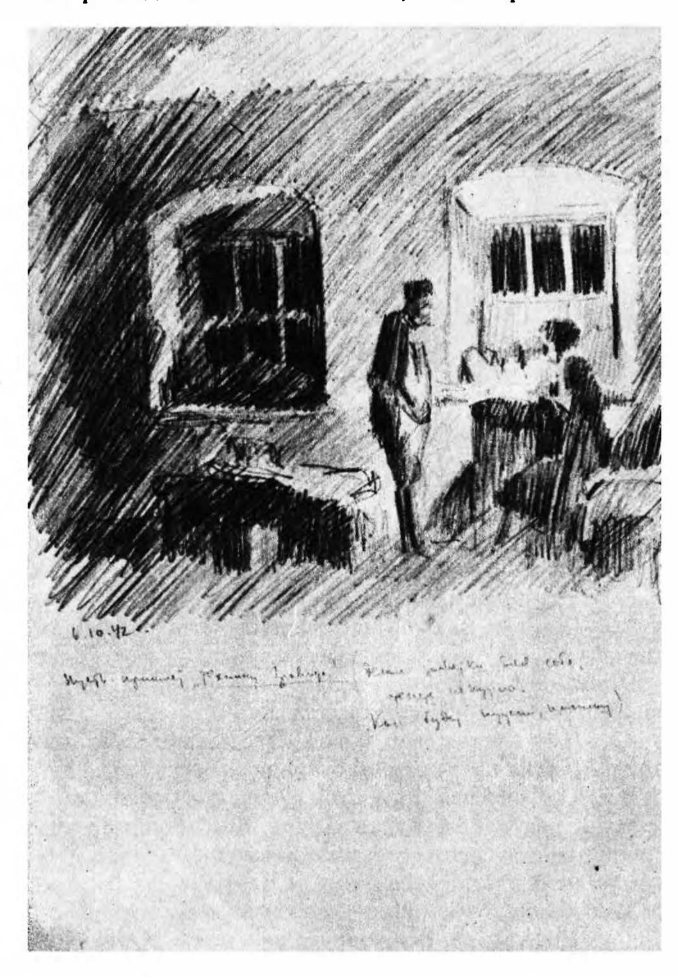
Самолет над дорогой. Падают, разбегаются, кричат. Может,у него уже ничего не было — ни патронов для пулемета, ни бомб,— только он постращал, попугал — только порезвился в общем.

Гонят стада овец, коров. Предлагают нам. Комбат разрешил взять барана — написал расписку. Линию на ОП (огневые позиции) наконец домотали, но опять не хватило около ста метров. Командировал нашего крупного специалиста по «кормодобыванию» Мелехова готовить обед, он же ужин. Обещает разделаться с бараном. Будет шашлык, картофель, оладьи.

Днем жара. Все попрятались в тень. Орудия и блиндажи маскируем кукурузой, она высокая, в полтора роста, и спелая, початки почти в полметра. Варим и печем.

Ночь дежурил у телефона. Пошел дождь, тяжелый, ленивый, забарабанил по листьям. Земля стала липкой, вязкой, ноги по колено в грязи, желтые струйки текут в блиндажи, окопы, под шинель. Промок до нитки, замерз. Утром разложили костер погреться, доедали баранину. Копаем еще ходы сообщения глубокого профиля. Мы — в свои блиндажи, огневики — к орудиям.

Выделил исправные аппараты, назначил людей, составил таблицы команд для телефонистов. Осваиваюсь, привыкаю, хотя довольно трудно. Командир батареи сух и официален. При любой моей промашке долго и нудно ругает меня перед строем. Состав у меня многонациональный. Телефонист — русский Мелехов; старший разведчик — осетин Колоев, очень хороший па-



19. **А. Ф. Таран.** Полевая почта. 6 октября 1942. Полевая почта расположилась в здании бывшего племсовхоза. Ночью разбирают письма, чтобы утром отправить их по частям.

рень; армянин Мнацекян, старый грузин Гогуа — это все симпатичные ребята. Самое сложное — это научить русским командам. Только научишь — хорошо получается, тотчас телефониста забирают в штаб дивизиона. Так забрали отличных ребят Джомидаву, Санадирадзе. Но есть и бузотеры: по каждому поводу шум, гам,

ругань по-грузински, мат по-русски. Стараюсь отправлять их на огневые, нет терпенья с ними возиться.

Прибыли командир дивизиона и наш командир батареи. Со свитами. Сказали, что немцы заняли Прохладную — это 52 км от наших позиций. Комбат готовит данные к пристрелке орудий, привязке. «Чтоб связь работала, как часы!»



20. А. Ф. Таран. Сократ за роялем. 14 октября 1942. Начклуба Сократ Каракозов обнаружил в разрушенном клубе рояль.

Да, связь работала, «как часы» — огневая сделала лишний выстрел. Почему? Разбор. Почему на телефоне был Шабуришвили, совершенно неспособный к подаче команд? Мелехов объелся недоваренной баранины и бегает в кукурузу каждые пять минут. Санадирадзе все мог и все понимал — забрали в штаб полка.



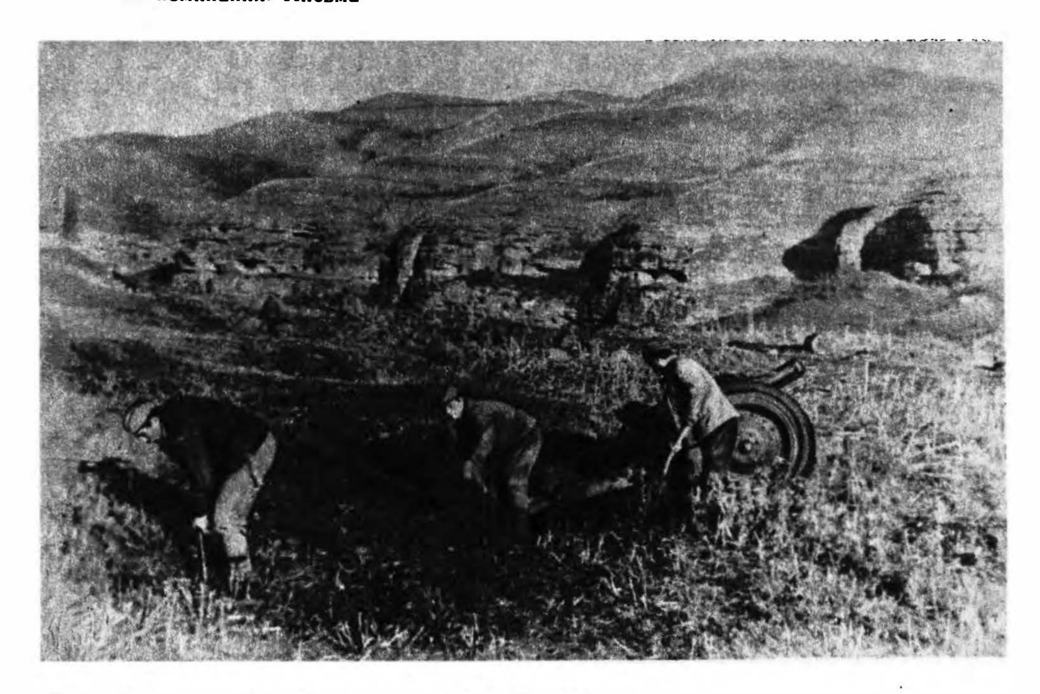
21. Артиллерийский расчет двигается на передовую, поддержать отходящие части. Ноябрь 1942. Фото А. Ф. Тарана.

Решение: Шабуришвили отправить связным в штаб дивизиона, мне самому сидеть на телефоне, пока не пришлют «понимающего русские команды».

Получили ружья ПТР. Изучаем.

20 августа

Вчера вечером прибыл в штаб дивизии. Накануне перед обедом получил свои деньги и послал телефониста Санадирадзе в село за вином, отметить мое прощание с батареей. Да-да, ухожу, прощаюсь, потому что пришла телефонограмма — собрать вещи и прибыть в штаб стрелкового полка, где меня будет ждать мой новый хозяин, начальник 7-го отдела штаба дивизии. Быстро собрался, «все мое со мной», и под дождем — комбат лошади не дал, но видно было, что рад до смерти от меня избавиться,— пешком отправился в штаб 805-го. Это в пяти километрах, промок до костей дорогой, но шел довольный, счастливый и даже что-то пел бодрое и веселое. В штабе полка встретил знакомых. Выпили по этому поводу, перекусили, поговорили и выехали в штаб дивизии уже в темноте не в дождь, а в ливень. Машина буксовала, мы все по колено в грязи, в кромешной темноте ее вытягивали или толкали. Но мне было весело и легко — снова все свои. Может, жизнь переменится, так и судьба улыбнется? Хотя, пока живой хожу — значит, уже повезло!



22. Готовят артиллерийские позиции у села Заюково, сдерживая наступающих немцев. Ноябрь 1942. Фото А. Ф. Тарана.

Утром беседа с новым начальством моим. 7-й отдел — работа среди войск противника. Моя основная задача — писать на немецком языке плакаты, лозунги, листовки. Это основная работа. Пока — написать несколько плакатов, очень больших. Три на три метра — чтобы аж из Берлина видно было. Текст: «Немецкий солдат! Фюрер послал тебя умирать так далеко от дома. Кавказ тебе будет могилой!» и прочее — надо сочинить и показать начальству. Пока — достать краски в авточасти или еще где-нибудь. Срочно — идти в парикмахерскую и постричься, заиметь приличный вид, гимнастерка штопаная, выгоревшая добела, брюки в заплатах, сапоги драные — пойти получить новые.

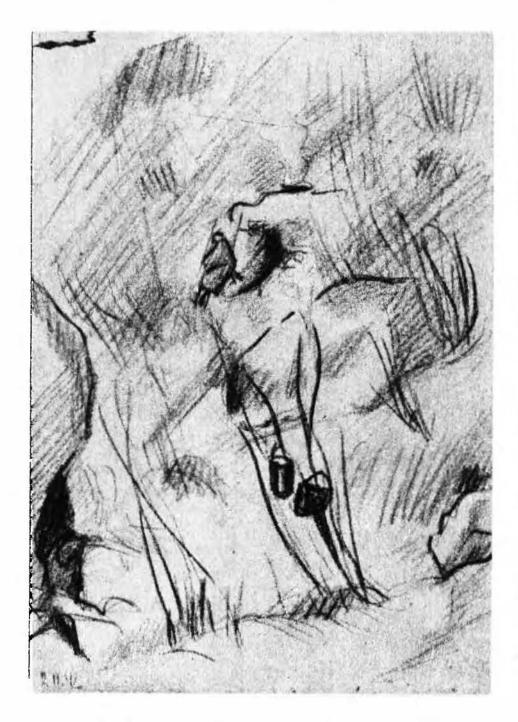
Заходил в редакцию нашей дивизионной газеты, откуда меня перевели в артполк за десять дней до выезда на фронт. Только два-три человека осталось от тех, с кем раньше работал,— новое начальство, новые люди. Они только на днях прибыли на редакционной машине.

Вчера ночью, когда ложились спать, вдруг услышал радио! Хорошо им, политотдельцам,— всё слушают, всё знают. Чайковский, Пятая симфония. Ночь, дождь, фронт, Северный Кавказ — и Чайковский, знакомый, возвышенный. Вспомнилась Москва, концертные залы. Было ли это?

Симонов — «Русские люди». До слез пробрало.

21 августа — 1. «Ни шагу назад. Только вперед. Если убьют, и то головой вперед падай!» Чапаев.— 20 штук.
2. «Убей немца!» — 100 штук.

22 августа — Вчера наконец получил письмо от мамы из Москвы. Оно проделало далекий путь в тысячи километров, сначала на восток — на Урал, потом через средне-





23. А. Ф. Таран. Солдат врос в камень. Лист из альбома. 2 ноября 1942. Гора — словно пчелиные соты. Из каждой дырки-ямки идет дым. Возле сушатся шкуры, портянки, висят котелки.

24. А. Ф. Таран. Минометчики Кортнй и Сихмашвили. 3 ноября. 1942. За скатом горы притулились минометчики — отличный расчет. Они представлены к награде.

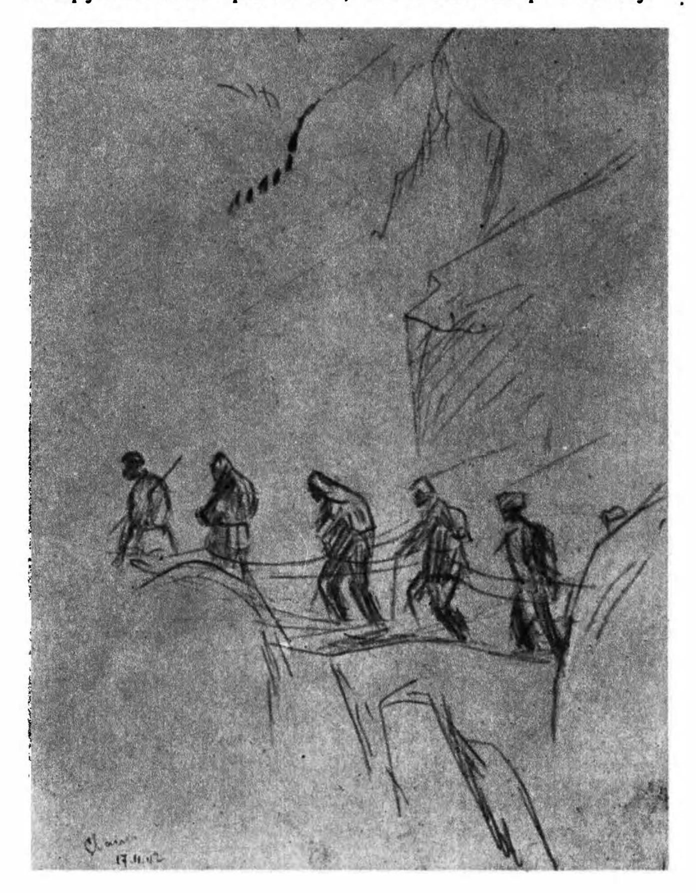
азиатские пустыни и Каспийское море — к нам, на Кавказ.

27 августа — Совсем нет времени ни писать, ни рисовать. Выехали из Дигоры.

Сейчас только приехали в Черек. Идут уже давно бои. Начались в тот день, как я приехал в дивизию. С утра до вечера переезжаем, пишу плакаты, бегаю, улаживаю текст листовок с начподивом и с переводчиком. Майор и капитан из поарма. Майор грозится забрать меня в политотдел армии: «С такими талантами — умеешь рисовать, резать на линолеуме, пи-

сать и знаешь немецкий — нам такие нужны. Как приеду — доложу начпоарму». Записал все мои данные.

Ночью у медсанбата. Первые раненые. В раскрытую дверь, через полог из плащ-палатки, видны ярко освещенная комната, раненый на столе и врач, делающий операцию. Машины с ранеными прибывают одна за другой. Санитарки носят, потом тихо спорят между



25. **А. Ф. Таран.** Лист из альбома. 17 ноября 1942. Группа сванов сопровождала наши части, они несли в мешках молибден с рудников Верхнего Баксана, чтобы ничего не оставить врагу.

собой, переругиваются по-грузински — кому до каких пор нести.

Утром — на Тереке. Умылся. Разрывы снарядов, треск пулеметов и автоматов на той стороне реки.

Начподив приказал ехать мне с ним на передовую. Поехал. Спросил: «Где фотоаппарат?» — «Нет с собой, их только два — у фотографа и в политотделе». Ссадил — говорит: «Иди обратно». Я говорю: «Посмот-

рю, порисую». Он уехал, я пошел обратно. Солнце. Самолеты, нх урчание, взрывы бомб — оттуда, куда они полетели.

В политотделе договорился с инструктором информации Гургенидзе о наиболее интересных эпизодах для журнала «Смена» и газет. Он обещал познакомить с информаторами из частей.



26. **А. Ф. Таран.** Лист нз альбома. 2 февраля 1942. Последняя остановка перед переходом через перевал Донгуз-Орун. На себя надето все, что есть, на сапоги — шкуры от баранов, прикрученные телефонным кабелем.

У нас подъем духа и настроения — наши части ведут наступление и уже отбили четыре населенных пункта и захватили трофеи.

28 августа Вчера наш информатор отправлял политдонесение. Я прочел и примерно разобрался, как обстоят дела на передовой.

Потери наши невелики. В течение шести суток наша дивизия выбила немцев из селений Красная Поляна, Право-Урванское, Владимирское, пос. Советский. Вышла на линию реки Урвань.



27. **А. Ф. Таран. Степнадзе Василий. Лист из альбома. Один из героев в начале военных действий нашей дивизии боец Степнадзе. Будучи ранен, он не покинул поле боя, был ранен второй раз и только тогда был отправлен в медсанбат.**

Вот наши первые герои этих боев — капитан Бухаидзе, комбат 2*, шел впереди, дважды раненный, он не покинул поля боя, и был убит — пуля прострелила ему сердце.

* командир 2-го батальона (батальонам в полку присваивалась нумерация — 1-й, 2-й и т. д.).

Боец Степнадзе. В первый день боя был дважды ранен, уничтожил несколько гитлеровцев. Из медсанбата после перевязки вернулся на поле боя. Он принят в ряды ВКП(б).

В разгар боя, под массированным артогнем тяжело раненный политрук Шубитидзе призывом «Впе-

ред за Родину!» увлек за собой все подразделение и погиб, получив вторую, на этот раз смертельную рану.

Сержант Накашидзе уничтожил мешавший нашей пехоте тяжелый пулемет. Во время второго боя был ранен, попал в окружение, но метким огнем пробил дорогу к своим.

Отважно и мужественно дрались артиллеристы подразделения старшего лейтенанта Пирмисашвили. В сражении метким огнем подразделения была подавлена вражеская огневая точка. Затем дивизион перенес огонь в глубь вражеской обороны, не дав возможности вражеским резервам продвинуться к передовым позициям. Пехота пошла в атаку и отбила еще один населенный пункт.

А это уже наш артиллерийский полк — молодцы ребята!!!

802-й сп* четырнадцать часов подряд вел насту-

* стрелковый полк.

пательные бои. При составлении политдонесения выяснилось, что каждый полк указывал, что Право-Урванское взяли его батальоны. Начальство пришло к выводу, что взял село 802-й сп. Случаи с присвоением трофеев — одни и те же трофеи указывались в донесениях разных полков.

Резюме — мы встречаемся с малыми силами противника. Это очень хорошо. Боевое крещение нашей дивизии проходит малой кровью и успешно. У немцев нет бензина. Они зарывают танки в землю, самолет увезли на лошадях.

Ночью, в столовой АХЧ*, штабные командиры

* административно-хозяйственная часть.

наши поражают друг друга своей осведомленностью. Говорят обо всем с таким видом, словно воевали они со дня рождения и любой успех на каком-либо участке — только благодаря их присутствию в этом районе в критическое время. Рассказы надо было бы записать, но они так же забываются, как анекдоты или охотничьи рассказы.

Увидел утром меня начподив, отругал за самовольство и приказал немедленно уезжать в тыл. Информатор сказал, что поскольку он не справляется со своей работой, ему нужен помощник-дублер, и на эту должность он предложил начальству меня.

На санитарной машине. Раненые. Легкораненые — с удовлетворением, что выбрались. Лейтенант с повязкой — он тотчас обратно: «Пусть установят, что это неопасно». Пожилой сержант с перебитой рукой: «Как же я теперь? Я сапожник».

Медсанбат. Встреча с капитаном медслужбы Ахвледиани: «Ну как, топаешь? Пойдем, дернем по рю-

мочке!». Зашли в его дом, довольно чистый. «Маро! — позвал он.— Организуй мне с художником по рюмочке». «Устал, всю ночь работал,— сказал он мне.— Практики во!» — и показал ладонью на подбородок. Мы с ним познакомились, когда я приехал после госпиталя и ходил с палочкой, ноги были опухшие, в спину словно ржавый гвоздь забили. И сразу к нему — он хирург. Он тогда мне сказал: «Понимаешь, кацо,— война. А то бы я тебя сейчас месяцев на шесть в Цхалтубо, потом на море теплое и фрукты. Стал бы ходить, не ходить — бегать. А так — отпуск при части, в Москву невозможно». Вот я и был в отпуске при части, дня три ковылял, а потом пришел в редакцию и попросил работу.

Вошла Маро — молоденькая симпатичная медсестра. Лицо показалось знакомым. Принесла холодную курицу, кувшин с вином, во флаконе, видимо, спирт.

«Ну, за победу, дорогой! — наливая мне в стеклянную банку вина, сказал капитан.— А я вино не пью. У меня свое. Гамарджос!» — и залпом выпил полстакана спирта.— «Ну и спать сейчас буду! А ты ешь, ешь, — я так устал, что и есть не могу»,— и налил мне вина еще. Глаза его слипались. Он чисто, почти без акцента, говорит по-русски — учился и жил в Москве — земляк.

Командующий фронтом И. В. Тюленев поздравил нашу дивизию с успехами. Представить к награждению наиболее отличившихся.

Приехал мой начальник Шавишвили с передовой и с ним представитель армейской газеты «Советский патриот». Опять разговоры, записи в книжечку, охи, ахи. Обещал привезти линолеум — а то у меня уже кончается — и то дело.

Мух видимо-невидимо, ползают по свежей краске и размазывают ее по бумаге и фанере.

Разговор с Шавишвили. Хвастун ужасный, но милый парень. Воевал два дня на передовой, написал докладную начальству о своих действиях. Дал мне прочесть — все «я, я, я...».

— За это все,— похлопал он по докладной,— не меньше медали.

Завтра с ним на передовые, в разведроту. Нужен «язык» нам для радиопередачи.

Бомбят где-то самолеты, разрывы слышны через равные промежутки.

Что-то разленился. Это от неустроенности, мотаюсь с места на место, ни кола, ни двора, одна сумка полевая да санитарная — там большой альбом, книги, карандаши, тушь, куски линолеума и маленькие томики Лермонтова и Багрицкого. Пистолет сдал комбату в артполку, пока больше из оружия ничего нет. Есть еще шинель, старая, кавалерийская с синими петлицами, с разрезом от пят до пояса, которую я получил еще в гос-

питале в Сталинграде и с которой все время воюю — укроешься, так полы шинели расползаются в разные стороны и зад и спина снова наружу. Вот и все мое имущество — перебираться с места на место легко.

Немного отъелся на штабных харчах.

30 августа Вчера приехал с передовых начальник клуба Киракозов. Рассказывал — что видел, где был, что снимал. Трофеи, подбитые танки, пленных.

Бомбят наши самолеты, сегодня бомбежка продолжается.

Пишу следующей ночью. Утром вызвал начподив. Срочно собрал альбом, карандаши, линолеум. Пришел, доложил.

— Поедешь со мной!

Политотдельский «бьюик» мчит по пыльной дороге, по обе стороны высокая кукуруза и конопля. Кроме неба ничего не видно. А на небе «рама» («фокке-вульф»).

Станция. Здание сгорело, торчат трубы, обрубленные осколками деревья. Хатки с выбитыми стеклами. Дорога и обочины в воронках от снарядов. Шофер ловко их обходит, но иногда все-таки мы воронки не минуем и тогда от толчка чуть не вылетаем из машины — у нее нет рессор.

Право-Урванское

Здесь были горячие бои — всюду еще следы бомбежки, земля, изрытая воронками от мин и снарядов; подбитые осколками и пулями дома с выбитыми стеклами. Окна заложены камнями — амбразуры. Трупы лошадей, вонь.

Начподив Балавадзе — новый, он сменил прежнего, но чем-то похож на него. Маленького роста, ладно скроен, энергичен, подтянут. Скуп на движения и слова. Звание — старший политрук. Очень корректен, вежлив в обращении, приветлив. Он уходит в штабы, я сижу с шофером, рисую.

Майское

В штабе артполка. Комиссар полка Гвалия и капитан Циклаури - начальник штаба, спрашивают: «Ты где сейчас?». Они, оказывается, не знали, что я перешел в политотдел. У блиндажа изучают трофейный ручной пулемет.

Красная Поляна

Здесь стоят наши орудия. Рисовал сержанта, подбившего танки и автомашину прямой наводкой. Наброски с начальства, как оно проводит беседу. По дороге с огневой попали под разрывы снарядов, но



28. А. Ф. Таран за работой. 1943. На обороте этой фотографии, посланной домой, надпись: «За работой. Целую крепко. Твой сын Александр». Рисую портрет Серго Башинджагова. Было это в редакции фронтовой газеты.

довольно далеко. В ответ — грохот, огонь. В кустах были замаскированы орудия — нас оглушило, шофер от неожиданности заехал в щель, еле вытащили машину.

Когда идет дождь — грязно; дождя нет — пыльно. Высокие плетни, пирамидальные тополя, сады, увешанные плодами, подсолнухи, кукуруза.

Затем меня забрал Шавишвили. Принес целую пачку немецких документов, листовок и пр. Надо подготовить передачу на основании документальных данных. Сам пишет, я переписываю по-немецки печатными буквами — машинки нет.

1 сентября Уже осень. Утром рисовал свою хибару. Холодно, мокро. Вчера весь день работал — переписывал немецкий текст. Сочинил две листовки с рисунком-эскизом. Отправил на утверждение. Сегодня от «немцев» свободен, работаю для клуба — пишу лозунги. И пишу письма. Написал маме. Снова давно от нее не получал. Отправлю свою фотографию в комбинезоне, с банкой краски в руках. Как там она, моя горемычная? Стал писать очень длинные письма — стал разговорчивый очень, конечно, если есть время.



29, 30. Матушка-пехота переходит румынско-болгарскую границу. 8 сентября 1944 года. А я на «студебеккере», как положено нашей мехбригаде. «Эй, пехота, не пыли!» Фото А. Ф. Тарана

3 сентября

Два дня не имел ни минуты отдыха или даже передышки — все писал для Шавишвили. Одурел от немецкого, переписывал документы разные, лозунги, листовки. 48 штук большого формата одних плакатов!

Снова дождь и дождь без конца. Холодно. Рваный мой сапог всюду умудряется набрать жидкой грязи — нога хлюпает, преет. Живот болит, рези — завтракаю чаем.

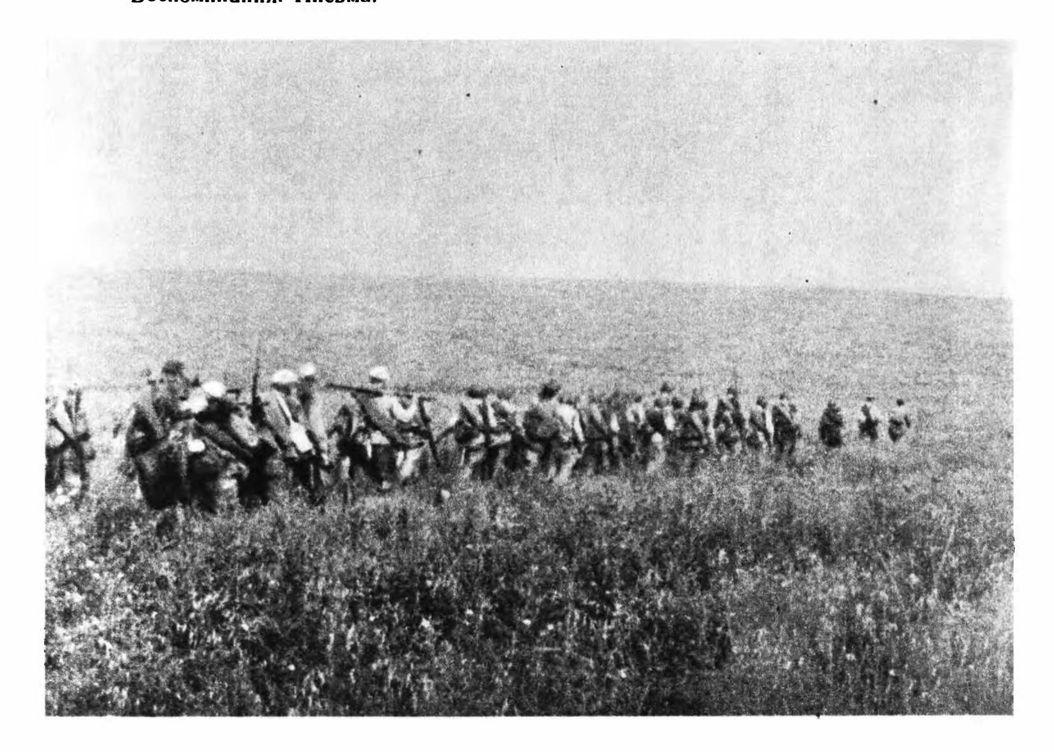
Если не будет больше заданий, буду компоновать рисунки для «Смены»: «Взятие станции» и другие боевые эпизоды.

4 сентября

Вчера вызвали в политотдел. Сидел весь день без перерыва — переписывал анкеты, наградные листы. Для начподива нарисовал большую карту с обстановкой на фронте, повторил для каждой части — всего четыре штуки.

Получил задание подготовить еще новые рисунки для линолеума: портреты погибшего комиссара саперной роты Канкава и политрука Коршия, отличившегося в боях на Тереке.

Начал для газеты портрет Федоренко —



командира батареи стрелкового полка, отличившегося в бою за Право-Урванское. Я его знаю хорошо: младший лейтенант из запасных, лет сорока, худой, бритый, вернее, лысый. Сапоги громадные, как ведра. Над ним все аккуратные и чисто одетые в шелковые гимнастерки грузины слегка подтрунивают.

На его участке немцы пошли напролом, но его орудия били прямой наводкой — и отразили все контратаки с большими потерями у противника.

Режу линолеум своими примитивными инструментами — обломком безопасной бритвы, вставленным в щель деревяшки, стянутой тонкой медной проволокой, скальпелем хирургическим, подаренным хирургом Ахвледиани, и обратной полукруглой стороной обычных ученических перьев, закаленной в масле и остро отточенной напильником. Резать можно, было бы что. На всякий случай напомнил еще письмом в армейскую газету художнику, который был у нас и обещал прислать мне настоящие инструменты для линолеума.

Сижу без сапог. Должен был вечером идти к Шавишвили, но нет сапог. Просил одолжить у начальника клуба — он не дает. Говорит, сиди без сапог, нику-



31. А. Ф. Таран. Март 1945. Венгрия, село Андрефалу.

да нё ходи — скорей дадут новые, как им понадобишься. Сижу и режу для газеты Федоренко, сижу без сапог и тем самым нарушаю указание своего непосредственного начальника, бывшего старшего лейтенанта, а теперь капитана Шавишвили, срочно бежать к нему. Осень, дождь, мелкий, противный, моросящий, словно туман. Все в плащах, я в своей тяжелой, намокшей шинели. Грязь, ноги мокрые. В доме стекол нет, полкрыши нет. Завалился спать так, как был, в гимнастерке и брюках: чтобы согреться, укрылся с головой своей видавшей виды и знавшей лучшие времена шинелью.



32. Перерывы для «творческой» работы почему-то всегда совпадали с выпиской из госпиталя или медсанбата. Режу линогравюру для газеты нашего мехкорпуса «Сталинградец». Болгария, весна 1945.

5 сентября

Утром на всем и на мне иней. Шинель задубела, руки, ноги — ледяные. Пошел в политотдел.

В политотделе тепло, напился горячего чаю. Инструктор по комсомолу предложил материал о комсомольцах. Материала много, надо написать кратко о боевых подвигах и нарисовать портреты.

Потом пришел редактор нашей дивизионной газеты и сказал, что по распоряжению начальника политотдела я перехожу работать к нему в редакцию. Я сказал, что для меня это самое лучшее. По этому поводу выпили, и редактор, похлопав меня по плечу, сказал, что если бы я не был такой строптивый — «с норовом», он бы сделал из меня человека. А то слишком много о себе думаю и заносчив очень. Некоторые даже жалуются на это.

— То есть как жалуются? Разве я не выполняю все, что мне поручают? Разве я для газеты ничего не делаю — сорвал хоть одно задание? Разве я не выполняю распоряжения и начальника клуба и начальника 7-го отдела — сколько выпущено листовок, плакатов на немецком языке! Тексты для передач хвалил сам начпоарм!

Вчера работал до темноты; а потом пришел с таинственным видом Шавишвили и очень торжественно, встав в соответствующую позу, произнес:

— Очень важное задание, очень ответственное.

Бери бумагу, карандаши и, конечно, приоденься — идем «туда», — и он показал пальцем куда-то вверх.

Критически оглядел меня, полез за чемоданом, достал оттуда брюки темно-синие с малиновым кантом и сунул мне:

— Меряй!

Увы, хоть я и исхудал, но они мне не годились — икры не пролезли. Что-то серьезное, раз такая подготовка.

— Ну, тогда хоть фуражку надень. — И вместо выгоревшей пилотки у меня на голове оказалась новая фуражка с черным бархатным танкистским околышем.

— Ну, теперь пошли.

И мы зашагали в темноте, по едва белеющей дороге. Пришли в дом, где помещался штаб, и остановились перед небольшим сарайчиком, у двери которого стоял часовой. Сквозь щели пробивался свет.

— Полковник здесь? — спросил Шавишвили у часового.

— Здесь, товарищ капитан.

Откинув брезентовый полог, вошли в сарайчик.

— Товарищ полковник, по вашему приказанию прибыли, — доложил Шавишвили высокому худому полковнику, начальнику штаба. Кроме него, здесь еще был наш начподив и еще несколько мне незнакомых майоров и капитанов. Перед ними сидел немецкий офицер с забинтованной рукой, в новенькой форме, с крестом и медалями. Довольно красивое лицо, несмотря на синяк под глазом и ссадину. На столе лежала груда бумаг — карты, документы. Шел допрос.

— Немецкий хорошо знаешь? — обратился ко мне полковник.

— Ну, не очень, но все же...

— Наш переводчик еще не вернулся из штаба армии. Мы вот тут кое-что уточняем. Да заодно и нарисуй его — завтра утром увезем в армию.

Немец смотрит на меня, оглядывает сверху донизу, смотрит на драные штаны и слегка улыбается, скотина эдакая.

В общем, история такая: на мотоцикле ехали вдвоем — водитель, ефрейтор, и он, адъютант командира полка. В темноте сбились с дороги и заехали куда-то не туда. А сами прибыли только два дня назад, поэтому с местностью не знакомы. Наше боевое охранение их пропустило, думали, едет какое наше начальство. Эти, увидев, что попали не туда, развернулись, чтобы уехать обратно, но тут началась стрельба, ефрейтор был убит наповал, брошенной гранатой перевернуло мотоцикл, его, лейтенанта, придавило коляской. Их дивизия стояла во Франции, потом в Греции.Сейчас на пароходах их перекинули в Крым, оттуда сюда, где явная



33. Венгрия. Оркестр репетирует, готовится к параду 9 Мая 1945 года. Фото А. Ф. Тарана.

нехватка войск и вооружения. Подтягиваются еще силы, видимо, через некоторое время начнется наступление. Они были у начальства, штаб которого находился по дороге, заезжали в Прохладную, к своему приятелю. Да, наши артиллеристы артогнем раздолбали штаб генерала Макка, он убит, и убито и ранено много офицеров его штаба.

Я рисовал его в фас и в профиль. Он все старался увидеть, как у меня получается, вытягивал шею. Потом сказал, что он тоже художник, но так — небольшой, любитель.

Но меня заинтересовало совсем другое. Просматривая его документы, я увидел, что мы одногодки — он родился 21 июля 1921 года в Берлине. Просматриваю фотографии, которых целая пачка в целлулоидовом футляре. Вот он сам, маленький школьник, с пробором, в белой крахмальной рубашке с галстуком, в отлично пошитом костюмчике. Вот целая группа таких же ребят — 1936 год. Тогда я учился в восьмом классе. Вот его родители — отец и мать — чистые, хорошо одетые, ничем не примечательные. Вот он с девицей, у которой мечтательные глаза и длинные волосы до плеч; похожа

на Грету Гарбо. Вот он солдат или юнкер. Вот он в Париже, целая группа молодых офицеров снята у Эйфелевой башни. Вот ему вручают награду, вот он в кругу друзей, обмывающих первый крест. Вот он на фоне Парфенона. Вот он с девочками. И всюду даты, места. Я подумал, как не похоже складывалась жизнь, хотя шла одновременно и параллельно — он там, у Гитлера, готовился прийти сюда, убить или поработить меня. Вот мы встретились. Он у меня в плену. Он думает, что это случайно, ему просто не повезло, они перепутали дорогу. Я думаю, что это не случайно, а закономерно — тебе просто повезло, что ты попал в плен, а не разделил судьбу своего шефа.

Сидели долго, потом мы ушли, и начподив приказал нам приготовить к утру листовку, а также текст для передачи по радио. Сведения для нашего начальства были очень важные, они, видимо, в корне должны изменить обстановку ближайшего будущего. А еще лучше будет, если мы все подготовим сегодня ночью, а завтра вместе с пленным повезем в штаб армии готовый материал.

— Знаешь, как это будет выглядеть — сразу и повышение дадут, может, и в армию переведут,— начал мечтать вслух мой бывший начальник Шавишвили.

К утру все было готово, но только я улегся поспать — разбудили: «...Быстро к начальству, поедешь на передовую».

На армейской машине выехали в станицу Ново-Ивановскую. Дома в станице побиты снарядами, иссечены пулями. Клуб. Выломаны все полы, разбита киноаппаратура, на стене крупно выведено черной краской: «Heil Hitler!».

Жарко. В прямом и переносном смысле. Обстреливают из минометов 8-ю, 2-ю батареи и нас. Укрываемся в блиндаже, после каждого разрыва мины сыплется сверху, с наката, земля, струится песок за шиворот и на бумагу — рисую Долоберидзе, начальника штаба дивизиона.

Партсобрание в хате — выборы бюро. Поймал сержанта Челидзе — нарисовал прямо тут же. Теперь 2-й дивизион искать не нужно. После собрания тут же в хате кино «Новые времена». Тесно, жарко, дышать нечем. Лента рвется, но народ примиряется со всем — не каждый день на передовой такое развлечение. Дружный смех и дружные слезы. Методичные разрывы снарядов, треск очередей входят в звуковое сопровождение.

Снова «старый знакомый» — «рама». Говорили, что его, вроде, и сбили. А он снова попискивает, как комар, корректирует. Может, это другой? Местные жители говорят, что «он» висит уже третий месяц.

21 сентября С утра, как и вчера, артогонь, пулеметные трели. Собираюсь в 3-й дивизион, позиции его в 10 километрах. Ходил в штаб узнавать, не идет ли туда какой транспорт. Был у комиссара. Там выпивали по случаю приезда начальства. Все свои, в том числе и наш информатор. Увидели меня, послали за фотографом снять их на память. Комиссар меня все упрекает, что ушел из артполка. «Так и будешь теперь сидеть! А я из тебя хотел человека сделать».— Вот чудак, что я, по своей охоте ушел? — армия ведь. И почему все хотят из меня человека сделать? Наконец-то после долгих переговоров нас (фотографа и меня) накормили, и мы поехали в 3-й дивизион. Переправа с разгона через бурную реку.

В 8-й батарее рисую лейтенанта Чаганидзе, а Коля Бурчуладзе фотографирует для партбилета. Полдня заняло это вроде бы пустяковое дело, потому что сегодня немцы словно взбесились, покоя не дают — только принимаешься за работу, как тотчас разрывается снаряд, все бегут в укрытие, отсиживаются, потом снова выбираются на огневую, залп — и снова в щели. Ранило подносчика. Затем вроде бы стихло, наши разведчики засекли немецкие батареи, и начальство приказало нам подавить их.

Я рисую Чаганидзе, а он в это время кричит: «Прицел 162, правее 0-30!». А Коля «фотокором» со своей треноги только наведет на фокус, раздается команда: «Огонь!» — и все бегут к орудию. Теперь снова ему наводить. Так раз пять прицеливался, пока отснял.

В 7-й батарее рисовал ефрейтора Джубладзе — пожилой, сухощавый, похож на Дон Кихота. Приятный мужик, полон достоинства.

Вернулись в штаб уже затемно, взяли с собой в повозку раненых. Ночью холодина ужасная.

С утра 22-го снова в батарею — рисовал Хахидзе не на бумаге, а прямо на линолеуме большого формата. «Рама» висела над нами, но уже все привыкли — без нее как-то скучно. В штабе сказали, что ожидают наступления — немцы получили бензин, активизируются. Вечером на политотдельском «жуке» в Докшикуно. Сразу вызвал начподив и ругал за самовольную отлучку.

Я говорю:

— Так я же работать ездил — у меня кончился материал, а была машина попутная и фотограф. Я доложил, что уезжаю, замредактору.

— Ты не докладывать ему должен, а просить разрешения. Он твое начальство. А то вот ты нужен мне был — вот товарищ с тобой познакомиться хочет,— он показал головой на незнакомого капитана,— а тебя нет. Спрашиваю — где? — Уехал на передовую. Кто посылал? Сам поехал, никто не посылал. Что за партизанщина?



34. Венгрия. 15-я гвардейская Новобугско-Белградская Краснознаменная механизированная бригада идет на парад Победы 9 Мая 1945 года. Фото А. Ф. Тарана.

Потом за отличное выполнение заданий я от него получил благодарность и услышал много всяких приятных слов и от него, и от капитана, который был из политотдела армии. Начподиву нравилось и то, что он меня ругает, и то, что он хвалит одновременно. А капитан сказал, что он писатель, написал книгу очерков, она должна выйти в Москве, и попросил у меня материал изобразительный — портреты, рисунки и наброски. Сказал, что особо отметит в предисловии, что рисунки мои и при каких обстоятельствах мною сделаны. И вообще он один из очерков хочет посвятить моей работе — ему рекомендовали меня в Политуправлении фронта.

Я ему показал то, что у меня было, он часть рисунков забрал с собой, часть просил прорисовать почетче, сказал, что он еще раз заедет, и дал мне список фамилий отличившихся, нужных ему очень — или рисунки сделать, или фотографии. Я очень падок на хорошие слова, меня хлебом не корми — хвали только. Он уехал наутро, мы с ним полночи проговорили, он все записывал. Мне было немного неловко, и я устал потом и наутро очень пожалел, что рассказывал много и что рисунки отдал — а вдруг пропадут?

Сел. Нижний Черек

Утром вырезал на линолеуме Чаганидзе. Вчера приехали сюда, в расположение автороты. Идет дождь, уже очень желтые деревья, листья на дорожках, сырое небо; сизая мгла скрывает все вокруг. Мы уходим со своих позиций, дела неважны. Наша дивизия несет потери. Слухов много всяких. Кругом немецкие самолеты разбрасывают листовки «Штык в землю», ими покрыты целые участки, это пропуск в плен. И фотографии довольных и улыбающихся красноармейцев за большими мисками с кашей. Наивная пропаганда. Когда наши от-



35. Венгрия. Бригады 4-го гвардейского Сталинградского орденов Суворова и Кутузова механизированного корпуса выстраиваются для парада 9 Мая 1945 года. Фото А. Ф. Тарана.

били село, в сарае обнаружили труп нашего сапера Панченко, попавшего раненым в плен. Он был изрезан и исколот ножами, на лбу была вырезана звезда — вот действительность. Вот что такое немецкий плен на самом деле. Сейчас готовлю этот рисунок для листовки. Говорят, должны отправиться дальше — но куда? Здесь дорога одна — в горы.

6 октября

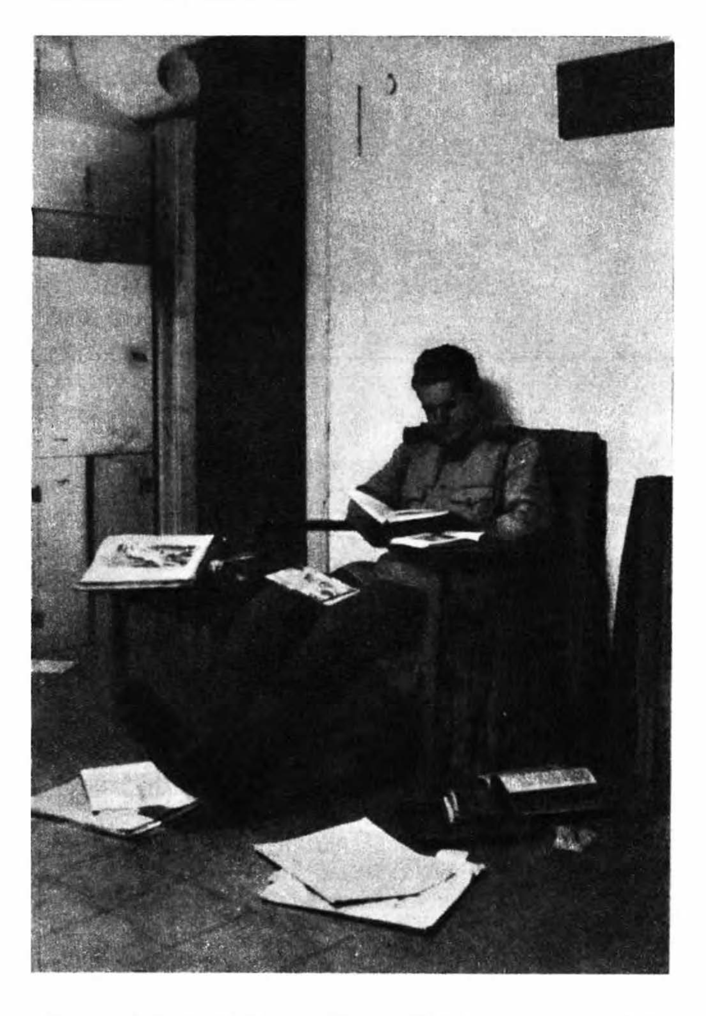
Ночью бомбили Кахун, на расположение наших рот немцы обрушили массированный огневой налет. Всю ночь передвигались повозки, машины, везли раненых. Весь день работал над «Панченко», весь день не прерывались орудийная канонада и треск пулеметных очередей.

К вечеру привезли комполка, у которого я недавно был, и его комиссара. Оба на носилках под деревом, ждут машины. Командир полка ранен тяжело. Умные глаза с болью и тревогой. Выразительное лицо с приплюснутым носом, выдающейся нижней губой. Высокий лоб усыпан капельками пота. Небо серое. Желтый лист упал ему на лицо. Мне показалось, что он хочет его скинуть, но не может шевельнуть рукой. Я подошел, снял, он посмотрел на меня н прошептал: «Командир полка смертельно ранен. Я уже знаю, что недолго проживу...»

Потом пришла машина и увезла их в санбат. А я весь вечер и ночь не мог найти себе места, очень было паршиво на душе. Смутное чувство чего-то неумолимо надвигающегося и беспощадного.

8 октября

Все на колесах, все в сборе, но нет приказа уходить. А пока рисую, рисую, рисую. И для газеты портрет Панченко закончил, и для «Смены», и портреты, наброски — все нужно будет. Рисунков набралось уже



36. А. Ф. Таран. Венгрия, 31 мая 1945. На чердаке дома обнаружил уйму книг по искусству, отвожу душу. На обороте этой фотографии, посланной домой, надпись: «Я в своей тарелке».

такое множество, что, разложенные, онн дадут представление о нашей фронтовой жизни. Жаль лишь, что редко приходится бывать в окопах — служба не пускает. Нужно делать еще уйму рисунков — «Похороны друга», «Фронтовое шоссе» и др. Написал письма.

9 октября Вчера к обеду выехали из Черека. Пересекли Нальчик, небольшой уютный белый южный городок, весь запруженный войсками, обозами, артиллерией, машинами, штабами. В горах. Дорога узкая, на одну машину, двум не разъехаться. Виды вокруг исключительной красоты и экзотики: горы, утесы в красном и желтом осеннем наряде. Туман. Над самой головой нависают каменные глыбы и уходят в серые клочья, а справа вни-

зу, на ладонь от колес, бушует в камнях серо-бело-зеленая вода. Водопады. Двигаемся еле-еле, на ходу спрыгивая с машины «по нужде» и снова догоняя ее. Скоро перевал, там отдых. Ночи длинные-длинные, в 40 снов, никакого отдохновения, только хуже измучаешься.

Когда шли из Нальчика, нам шла навстречу 2-я гвардейская дивизия. Мы — на ее место, заменять. Пропыленные, прожженные солнцем солдаты, в побелевших от соли гимнастерках, с орденами и медалями, пехотинцы и артиллеристы. Шли обозы, девушки на санитарных повозках махали мне ручкой (конечно, мне), что-то кричали. Мелькнул внимательный быстрый взгляд красивой врачихи из черной командирской «эмки». А потом видел, как летела стая журавлей. Это еще в Череке. Они казались золотистыми бусинками причудливой формы, заходящее солнце золотило их снизу, они сверкали на темной синеве неба. А вокруг горы. Словно рисунки китайских мастеров: утесы, сосны, из тумана вырисовываются четким контуром лишь верхушки, а к основанию они тают в белом. Так все красиво, рисовать бы и рисовать. Вот кончится война, даст бог, останусь в живых (а вряд ли), приеду сюда, в эту красоту, и буду писать картины.

Говорят, что наш передовой полк уже ведет бои с немцами, которые передвигаются вверх по Баксанскому ущелью.

14 октября
Поселок Шахты

В клубе я теперь снова. «Работай, дальше выяснится, как и что». Шахты — это два-три домика, бывшая контора рудников, приютившиеся над нависшей скалой, над быстрым ручьем. Рядом с клубом, в соседнем доме, расположились редакция и полевая почта. Здесь же склад боеприпасов — в большом подземном хранилище. Тылы, в общем.

Немцы на нашем участке перешли в наступление. Пользуясь утренними густыми туманами, окружили один батальон, тот отбивается, стрельба слышится, но связи с ним нет. В горах много появилось бандитов; непонятно, кто они. По частям тыла предупреждение — без оружия ни шагу, в одиночку не ходить.

Приехали из Тбилиси писатели и киношники. Снимали на передовой, снимали работу редакции. Отсняли несколько кадров со мной — как я режу гравюру.

— На всякий случай,— сказал редактор.

Киношники обеспокоены: дороги все отрезаны, они приехали еще из Нальчика, а там сейчас, по слухам, немцы; немцы в Чегеме и, вроде, на перевале.

Пишу лозунги на грузинском языке. Вырезаю два портрета для газеты — Мамаладзе и Пирмисашвили.

Пирмисашвили — командир дивизиона моего артполка. Это от его артналета был убит генерал, командир танковой дивизии, и разгромлен штаб. Я с НП видел в стереотрубу этот дом, скрытый тополями и зеленью, где помещался немецкий штаб. Разведчики долго за ним охотились, несколько дней не спускали глаз — домик показался им подозрительным, вокруг машины, люди, зенитные орудия.

А еще должен делать портреты политрука Лурсманашвили и пулеметчика Семашвили.

Спим на ящиках с боеприпасами. Ночью иней, холод ужасный, укрываемся всем, что попадается,— мешками, лозунгами, подшивками газет.

Белый-белый снег на горах. Снег идет уже второй день.

12 октября

Замерз не знаю как. Нашел какие-то старые дорожки — клубное имущество, и зачем они здесь? Сшил их — вот и одеяло. Все эти умники, у которых ковры снизу, ковры сверху, надо мной смеются — но мне теплей стало.

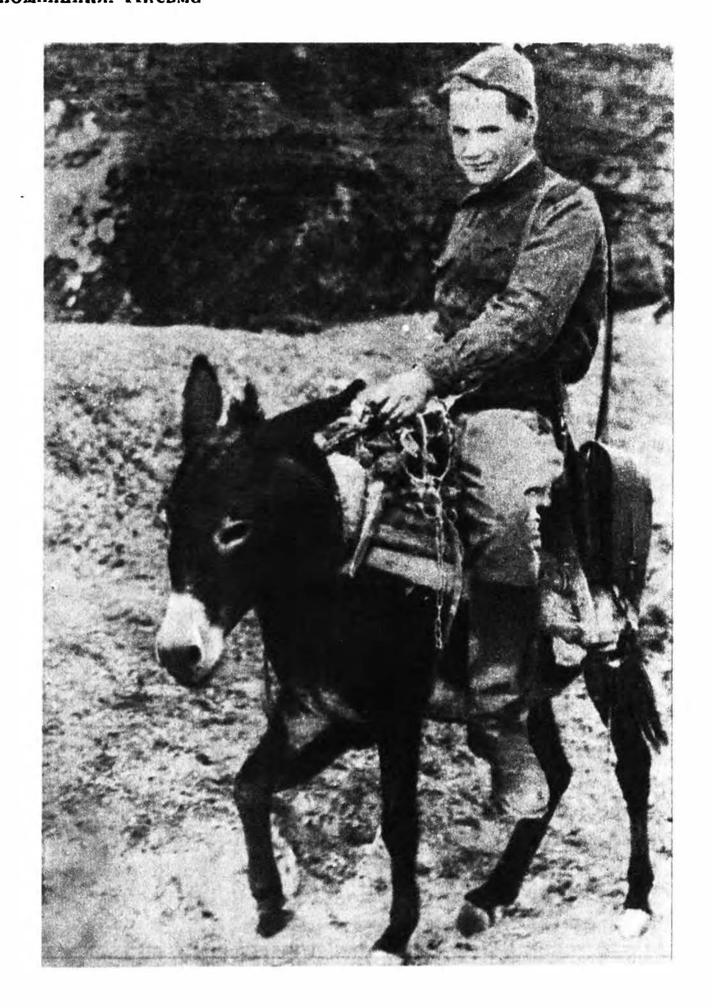
Умываться бегу к ручью. Пробиваю сапогом ледок, вода обжигает лицо, руки. Блестящие ледяные камни. Сижу с утра до позднего часа за работой. Очень плохо с питанием, очень мало хлеба, но он и так был из кукурузы, почти нет соли. Зато много пригнали баранов, тощих, грязных, голодных; кругом один камень, есть им нечего. Их должны перегонять дальше, вверх по ущелью. Сопровождающие охотно отдают под расписки барашков в нашу кухню. Жарим шашлыки, давно так не наедались. Но без хлеба и без соли баранье мясо не идет. Шкуры — вонючие, с кусками мяса, с засохшей кровью — бережем, пригодятся в холода, особенно мне — драная шинелишка, разбитые сапоги.

20 октября

Сегодня, когда умылся в ручье, случайно глянул наверх и ахнул: по горе, четкой цепочкой на фоне неба, хоть и еле-еле видная из-за тумана, с автоматами и ручными пулеметами на плечах, прошла небольшая группа немцев. Как они не видели домиков — непонятно. Правда, над ручьем и поселком лежал плотным белым одеялом туман. Прошли и исчезли, словно их и не было. Осторожно, скрываясь за камни, я побежал, разбудил начальство.

Все переполошились, стали звонить в штаб, все схватились за свои винтовки, пистолеты. И так в нервном ожидании нападения прошел час, два...

Потом приехало начальство, приехал на машине комендантский взвод. Всех построили, проверили оружие, боеприпасы, распределили пункты обороны. Работаю, а рядом лежат винтовка и две гранаты.



37. А. Ф. Таран. 1946. Болгария. Лучший и надежнейший вид транспорта.

Прибежал Шавишвили.

— Давай, все бросай, едем в политотдел. Там срочно выпустить листовку надо. И передачу, на немецком языке. В разведотделе у пленного взяли вот такую бумажку — читай.

«Памятка немецкого солдата.

Помни и выполняй:

...У тебя нет сердца и нервов, на войне это не нужно. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик. Убивай. Этим самым ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишь себя навеки...».

— Вот мерзавцы, а? Ну быстро, поехали!

Вечернее сообщение 30 октября

«В течение 30 октября наши войска вели бои с противником в районе Сталинграда, северо-восточнее Туапсе и в районе Нальчика. На других участках фронта существенных изменений не произошло...».

3 ноября

Идет транспорт в полк. Попросился, мне разрешили.

Едва перебрались через мост, как стали нас бомбить два «мессера». Все разбежались, но обошлось. В полку. Сделал все, что нужно, пешком отправился в батальоны. Очень красиво вокруг, величественно. В саперном батальоне. Вот кому достается, здесь, в горах! Минируют дороги — и разминируют. Устраивают завалы, чинят мосты, минируют и взрывают и снова устанавливают переправы. Дороги, тропки, проходы, перевалы — все в руках саперов. В камни и скалы над дорогой закладывают взрывчатку. Сколько труда для того, чтобы разрушить! Разрушить мост, дорогу, обрушить тропы, поставить фугасы. Враг не должен пройти! Задержать — а сверху его уже ждут снайперы, пулеметчики, партизаны.

К ночи пришел в ущелье. Там, в пещере, у костра наши и группа партизан. В папахах, бурках, с автоматами и гранатами на поясе. Лошади в темноте. Съели по куску мяса, но опять без соли, без хлеба. Партизаны получают от нас вооружение и боеприпасы и устанавливают тайники. Так у костра, под рассказы и уснул, думая о прошлом, доме, маме...

Рано утром пришел в штаб полка. С майором, начальником штаба, карабкались по тропинкам и ходам сообщения на КНП*. Снимал — Коля дал свою «лейку», и рисовал. Из-за реки вдруг появилась группа немцев — не то разведчиков, не то саперов, направились к мосту. Открыли по ним огонь. Связались с артиллеристами, они выпустили 20 снарядов. Трое фрицев остались лежать, остальные удрали. Мост цел.

На КНП встретил офицера связи из нашего артполка. Спросил, как наши. Он рассказал, что на нашу батарею, которая стреляла с закрытых позиций, в тумане напали немцы, целая рота, окружили и пошли в атаку. За комбата был Магабели, он развернул орудия. Ударил по немцам шрапнелью, залпом. А потом, когда немцы подошли ближе, наши забросали их гранатами. Атаку отбили, отличились наши разведчики, сержант Шишашвили, Кация, Циклаури.

А в соседней батарее — это еще когда немцы прорвали оборону на Нальчик — героями боя стали старший сержант Мгалоблишвили и наводчик Калан-

* командно-наблюдательный пункт.

дня. Батарею бомбило несколько самолетов, уцелело одно орудие. Едва раненых успели растащить по укрытиям, как на батарею ринулись 11 танков. Вдвоем, под бешеным огнем, прямой наводкой они подбили три головных танка. Остальные остановились и повернули назад.

Рисунки, рисунки, рисунки. Днем и вечером, при свете коптилки. Много изрисовал, пол-альбома, за эти дни. Это хорошо — здесь живое дело, а там, в штабе,— одна трепотня, одни разговоры вместо дела. Рисовал старшину разведроты, того, что приволок тогда «грузинского немца». Он отличился снова — ушел с парой бойцов в тыл к немцам и наутро привел двоих перебежчиков. Рассказывал, как один из них дорогой плакал, ползал на коленях, лизал его сапоги.

В землянках батальона. Гонят чай, греются. Иногда попивают, если у кого есть, араку, чачу. С питанием неважно и здесь, в ротах. Все «приоделись» — пошили из шкур бараньих телогрейки, кто даже шапки — холодно, снег. Я приспособил две шкуры на ноги, поверх дырявых сапог, и обмотал телефонным кабелем. Получается здорово, только уж очень воняет шкура, особенно у огня, если чуть подогреется. Подарили мне две шкуры на душегрейку. Тоже невыделанные, жесткие, с кусками засохшего мяса. Достал толстых ниток, шило, буду утепляться.

Батальон живет и воюет в скале. В скале выбиты землянки, в скале вырублены окопы, ходы сообщения. Сколько потребовалось сил, чтобы кирками и лопатами разбить камень! Разрыв снаряда или мины сотрясает склон, и срываются сверху камни, начинается обвал, камнепад. Камень — он спасает, если за него прятаться, но он и погубит, если сдвинется с места. Камень — сколько проклятий он слышал от бойцов, от пехотинцев и артиллеристов! А если нечем долбить скалу — как спрятаться? И когда видишь, сколько нарыто — не то слово — выбито руками солдат, то понимаешь, как им было трудно, и понимаешь, что такое «вросли в скалу». Дожди, холодные дожди с ветром, потом со снегом. Камни скользкие, мокрые. Если ранен — совсем плохо...

Ночью немцы пошли в атаку, решили выбить наших с первой линии обороны на правом фланге, в лощине. Всю ночь стрельба, до самого утра. А утром я отправился в эту лощину. Она изрыта землянками, окопами, ходами сообщения. Рядом с землянкой висят на кустах и сохнут шкуры на распорках. Из дыры в скале появляется весь с головы до ног в шкурах бородатый «троглодит» с автоматом и медалью «За отвагу» — так выглядят сейчас наши бойцы. Как в каменном веке. У кострища остатки обглоданных костей. Хлеба и соли нет дав-



38. А. Ф. Таран. На обороте этой фотографии, посланной домой, надпись: «Домой хочу! Янв. 1946». Но домой я отправился только в мае 46-го. Сбылась мечта — после семилетней службы, такой долгой войны я все-таки еду домой. Сфотографировал на память болгарский художник Евгений Курдов, у которого я квартировался.

но. У меня идет кровь из десен, шатаются зубы — нет никакой зелени, витаминов — а здесь, в полку, угощают наваром из каких-то листьев, из можжевельника, ягод шиповника. В батальоне Деркаsuccession Дерканосова, рисую его портрет. Потом на позициях минометчиков, их двойной портрет. Потом наброски с бойцов. Потом снова отправился в штаб, где пешком, где ползком на пузе, а там на машине прокуратуры — следователь по своим делам приезжал в полк проводить следствие — у каждого своя

работа. Выехали в ночь. Машину трясло и валяло, заехали на минное поле. Потом по нас пустил со страху очередь часовой на КП дивизии. Немцы прорвали край обороны в расположении 802-го сп, но им зашли в тыл. Всюду стрельба, ракеты.

К утру полк с боями из окружения вышел. Младший лейтенант — паникер: «Я пришел, а где другие — не знаю». Ранен, сквозь бинты сочится кровь, лицо в ссадинах, в грязи.

Увидело меня начальство: «Ты что здесь делаешь? Ваши уже отправились вверх по Баксану. Марш сейчас же к своим!».

Да, медленно, но верно, с кровавыми боями за каждый метр, за каждый камень, мы отходим. К Баксану, к молибденовым рудникам, куда рвутся немцы. Наши еще держатся, упорно, отчаянно, но сил мало, боеприпасов мало, артиллерию больших калибров пришлось уничтожить — нечем тянуть, нечем стрелять.

6 ноября

На машине, снова ночью — днем пешему и одинокому самолеты не дают и шагу шагнуть, не только машине появиться на дороге — выехали в штаб дивизии. Когда осталось всего лишь несколько километров до Нижнего Баксаиа, остановились — кончился бензин. Где-то здесь должны быть наши.

С утра — лозунги, лозунги, лозунги. На грузинском, на русском; целый день вчера и сегодня. Завтра — праздник. А праздник есть праздник, тем более — юбилейный. 25 лет Великой Октябрьской революции. Дата такая, что ее нужно встретить как можно лучше, хотя мы и в тяжелых условиях. Такая наша задача. Я пишу лозунги, украшаемся, вывешиваем портреты. Все стираются, чинятся, штопаются. Брить бороды начальство приказало завтра утром, а то за ночь волос отрастет.

Мой окопный из шкур наряд произвел впечатление — все мне завидуют и есть чему — жилет из шкур получился что надо, правда, чуть морщит под мышками, но вид элегантный. Обувь тоже на высоте — теплая, мягкая. Вот только запах — но здоровому человеку все нипочем. Говорят, что на воздухе, в снегах, он выветрится. «Главное на войне — здоровье»,— где-то слышал я.

Начальник клуба Киракозов тоже здесь — назначен начальником эвакуации скота. «Важное правительственное задание экономического и военного значения»,— подчеркнул он.

Затем пришел еще приказ — мы уходим. Все лишнее списать, составить акты и сжечь.

Принесли продукты. 400 грамм хлеба из кукурузы на все дни. Сахар, вобла, по банке консервов. Завтра праздник, а никаких столовых и кухонь больше не будет — «все мое со мной».

Все ломаем, все сжигаем, бросаем в костер наше клубное имущество. Очень жалко жечь книги — может, еще что-нибудь можно пронести? «Сам тащить будешь», — отвечают. Оставил только своих любимых Лермонтова и Багрицкого, которые давно уже у меня, выбросить их уже невозможно. А другие — жгут, приходится. У меня и так много всего получается. Полно рисунков, да еще газеты, где мои гравюры, листовки, линолеум — это в отдельной сумке.

Ветер с гор, буря, все метет, все сносит. Внизу бурлит Баксан. По дороге гонят скот, тянутся подводы с ранеными. Идут бабы с самоварами, с узлами, дети несут всякую домашнюю мелочь. Мычат коровы, орут овцы и падают в воду.

7 ноября Под вечер приехали на турбазу «Учитель» в густом сосновом лесу. Здесь сгрудились все прибывшие раньше — дальше никого не пускают. Оттуда с гор, с перевала, изредка доносится стрельба — что там происходит, никто не знает. Смастерил из старых ломаных очков себе темные альпийские окуляры и нашел старый ржавый альпеншток. Сведения о положении самые противоречивые — говорят, что дорога перекрыта, что немцы сбросили десант альпийских стрелков и сейчас сверху обстреливают из минометов все тропинки. Переход предстоит очень тяжелый, пойдем через перевал Донгуз-Орун. Там снег метра два с половиной. Ледник, трещины, лавины, бураны. Протяженность только перевала 8 километров, да идти туда еще километров двадцать. Сам гребень отвесный. Тяжело даже летом, а сейчас зима, лед на скалах, снег, метель. Дано начальством указание, чтобы нас встретили вышедшие из Сванетии альпинисты. Они вместе с саперами должны проложить трассу, да не одну, а три параллельных. Для людей и для скота тоже. Трассу должны обозначить флажками, а на особо трудных участках протянуть тросы или толстые канаты. Саперам — вырубить ступеньки, расчистить в двухметровом снегу траншею. На тяжелых участках для подъема грузов вверх поставить лебедки из спиленных телеграфных столбов. Роты, батальоны и полки должны уничтожить всю материальную часть — орудия и передки, машины и повозки — дальше для них пути нет. Дальше — все на себе. Сбить салазки для пулеметов и минометов, а боеприпасы тащить в ящиках и мешках — ничего не оставлять врагу! Молибден и никель из рудников, ценное оборудование с Баксанского комбината — приложить все силы, чтобы все унести с собой и забрать всех раненых, всех до одного; самая трудная, но самая важная задача. Зимой Кавказский хребет недоступен, но мы выполним с честью приказ командования!

Ветер, сильный, завывающий, залепляющий глаза мокрым снегом, валит с ног, ломает деревья, сучья. Где-то ревет в темноте вода, слышны говор, крики. Под нависшей скалой горит костер, не горит, а чадит. В котелке греют воду, все сбились в кучу — так теплей. Так сегодня встречали праздник. Здесь штабные, политотдельские, где-то рядом медсанбат. Полки сдерживают немца, идут последними, взрывают за собой мосты, взрывают фугасы, заваливают дороги и тропинки.

Да, рассказывали альпинисты про Эльбрус. Немцы туда выбросили десант еще летом, альпийских стрелков. Дивизию «Эдельвейс». Знаменитая дивизия. Они захватили базу «Кругозор» и «Приют одиннадцати». Вышли на южные склоны. 21-го августа (а бои еще велись в районе Прохладной) они подняли на вершине Эльбруса немецкий флаг. Со свастикой. Дали нашим альпинистам приказ — сбить немцев с Эльбруса. Но крепко они там засели, там казематы бетонные. Да и продуктов запасли, боеприпасов. Каждую почти ночь летают самолеты, и им сбрасывают на парашютах всего вдоволь — и шоколад, и шнапс.

8 ноября

Под утро разбудили стрельбой, шумом. Пришло начальство, начали собираться в путь. Каждый взял свой мешок с политотдельским имуществом — один за спиной, другой — впереди, для равновесия — в сидоре свое барахлишко. У кого много, у кого ничего. Только было направились, подошли к строениям — остановило начальство. «Зайди»,— сказал мне начальник политотдела. Я зашел.

— ...Вот какое дело. Вот в этом мешке — несгораемый ящик. Секретные дела и документы. Ты как, здоров? Так вот — возьмешь и будешь нести этот ящик. Секретарь политотдела будет с тобой и сопровождающий с автоматом из комендантского взвода. Свое имущество передай кому-нибудь.

— А кто его возьмет?

— ...Я прикажу. Часть, вот эту сумку, дай сопровождающему. А эту оставь здесь, я ее устрою.

Идем. Роза (секретарь) впереди, за ней я, за мной автоматчик. Подкрутил я свои шкуры на ногах проволокой, но мокрый снег просачивается. Чавкает моя обувь — дорогу уже расквасили сотни ног. Цепочкой, один за другим, медленно поднимаемся по склону.

Кончается лес, начинаются кусты, скалы. Нога чувствует каждый мелкий острый камушек. Встречный холодный ветер режет глаза. Но все потные, в испарине, у всех одышка. Скоро привал. Сегодня мы должны дойти до лагеря альпинистов, это наверху, на плато. А там дальше — только перевал, так что ос-

танется еще один бросок. Чуть выше нас несколько всадников гонят отару облезлых тощих овец. Где-то позади еще тянется стадо коров. Нагнали колонну легкораненых, ходячих, с перевязанными головами и руками; некоторые идут в гипсе, замотанные одеялами. Да, тяжело им будет. Их пустили первыми, за саперами и альпинистами, за группой автоматчиков. Снег все глубже и глубже. Только отдельные большие камни и валуны чернеют на белом.

Где-то в стороне и впереди опять стреляют.

А вот и привал. Горит костер, возле него греются раненые. С наслаждением валюсь спиной в снег, задираю ноги, протягиваю к огню. От шкур тянет псиной и идет пар. Подходят друг за другом наши, и каждый норовит устроиться поближе к костру. Кто грызет снег с сухарем, кто просто, как я, открыв широко рот, старается отдышаться.

Последние километры брели из последних сил, ничего не соображая от усталости, голова уже ничего не принимала и ни на что не реагировала. Ноги с трудом волочились по льду; одеревенелые до бесчувствия, они еще умудрялись не скользить по узкому карнизу, по которому мы шли над отвесной на километр пропастью. Гранитная стена кончалась космами тумана, мы вошли в дымку, и обветренное лицо обдало влагой и засаднило. Впереди показался огонь костра — еще один привал. Но мы решили идти до ночевки, не останавливаясь — разваляешься, будет хуже, не будет сил подняться, не то что идти. И вот, наконец, в темноте добрались до площадки. Лагерь. Среди синего снега и черных скал палатка светилась изнутри розовыми пятнами — кто-то прикуривал или зажигал спичку. От одного ее вида стало теплей и легче жить.

Под головами наши мешки. Богатырский храп сорока человек, дышать нечем, но зато тепло. А снаружи — гигантские звезды высыпали над нашей палаткой, и такой лютый мороз, аж трещат скалы вокруг.

9 ноября Вышли утром, в метель, в буран, в свист ветра.

Идем группкой. Проложенную тропу занесло снегом, проваливаешься по колени, выбираешься, перебираешь голыми руками заиндевелый трос, руки уже в кровавых рваных мозолях — свои варежки отдал Розе. Ветер такой, что сразу стынет лицо; несмотря на очки, снег и солнце, круглое и белое, слепят и режут глаза. Губы запеклись, потрескались, лицо покрылось ледяной коростой. Привал. Хоть на несколько минут, но сесть, отдышаться.

От ветра и солнца снег стал твердый и блестящий, он режет, как бритвой, мою обувь, а когда падаешь,

то режет в кровь и так израненные руки. Самая большая в жизни мечта одна — дойти до ближайшего поворота. А там — до другого. Руки постепенно превращаются в деревяшки, они уже ничего не чувствуют. Альпеншток мой кто-то свистнул — в палатке его не оказалось. Снова короткий привал; мой автоматчик, Гриша, тоже валится в снег рядом. Оглядываю его и вдруг замечаю, что нет моей санитарной сумки, где рисунки, газеты, гравюры.

— Гриша, а где моя сумка?

— ...Сумка? Забыл, — отвечает Гриша, а сам на меня не смотрит.

Как же так?

— Где забыл, в палатке? Я же искал альпеншток, последний уходил, там ничего не было нашего.

— ...Ну ладно, успокойся, не шуми, — сказала Роза.— Пойдем дальше. Бог с ними, твоими рисунками.

Мимо нас проходят вереницей раненые. Нам трудно, но им как? Но — этот мучительный путь — единственное спасение.

— Нет, — сказал я, снимая с плеч вещмешок с несгораемым ящиком. — Вот, Гриша, я ставлю его здесь. А ты стой возле него, карауль. Роза, ты иди, а то замерзнешь. А я пошел обратно, я должен взять свою сумку, свои рисунки. Гриша, я тебе набью морду, — где ты бросил сумку?

Иду вниз той дорогой, которой только что пришел сюда, навстречу длинной цепочке людей. Они ругаются, чертыхаются. Вниз идти еще хуже, чем наверх. Тропа уже разбита, подошвы скользят. Издали, сверху эта тропа кажется висящей прямо над пропастью, а там, далеко-далеко внизу, по белому — тоненькая ниточка людей, растянувшаяся на километры. Несут раненых. Вот это страшно. Очень.

Спускаюсь еще ниже. Крик, шум, ругань. Возле лежащего в снегу на плащ-палатке перепуганного, бледного, как сама смерть, немца — наши разведчики. Среди них — Гвасалия. Немец с заросшим и почерневшим лицом только смотрит с жалкой улыбкой, переводит красные опухшие глаза с одного на другого. Он полулежит, полусидит, у него забинтованы ноги. На фуражке с длинным козырьком слева — цветок — «эдельвейс».У него на груди нашивки, значки, медали.

— Застрелить гада, — и все тут, — горячится сержант. — А я еще его, сволочь такую, тащить должен на своих плечах.

И взводит затвор автомата. Немец не спускает с него глаз.

— ...Стой, мама дзаглы, — Гвасалня хватает рукой автомат и прижимает его книзу, — стой, говорю тебе!

— ...Товарищ майор! Сколько этот гад народу перестрелял! Сколько вреда нам сделал! А я его тащить через перевал должен — вот смотрите, сколько наших раненых, всех тащить нужно — а ведь это он, гад, в них стрелял... Почему я должен его тащить? Они у наших пленных звезды на лбу вырезают, руки, ноги отрубают, вешают, а я его тащить на своей спине должен! Не буду! У меня брат погиб, убит под Севастополем, а я его, сволочь такую, на своей спине в Грузию нести? Я лучше под трибунал пойду, но застрелю гада!!!

— Стой, кому сказал!!! — перешел на крик Гвасалия. — Пойми, ты, дурак набитый! Мы же не немцы!

— ...Вот сам и тащи, майор, а я не буду!

— Будешь!

Все стоят вокруг, молчат, друг на друга не смотрят, от майора глаза отводят. Только сержант, красный, как рак, и майор не отрывают друг от друга взгляда, полного ненависти. Эх, с каким бы удовольствием все из этого немца кишки бы выпустили! Да вот чудак этот майор привязался, никак от него не отделаешься.

— Ты чего тут? — увидел вдруг меня майор. — Куда идешь, где сейф с документами?

— Караулят сейф, товарищ майор. Этот сукин сын автоматчик где-то бросил мою сумку с рисунками, негативами и газетами. Вот пошел искать, может, найду.

Майор был рад переменить тему.

— Там позади идут альпинисты. Им поставлена задача тщательно прочесывать и подбирать все, что брошено или потеряно. Встретишь — спроси. Они возле машины.

— Какой машины?

— Увидишь.

Снова спускаюсь вниз.

Идут солдатики, идут, тащат мешки с разобранными пулеметами, минометами, несут боеприпасы. Идут медсестры, врачи, идут штабные, идут начальники, писари, и каждый что-то несет, тащит, волочит.

Машина была видна издали. Это была «эмка», та, на которой возили комдива. Вокруг сидели, лежали в снегу альпинисты. Колес не было, не было и мотора — это все несли отдельно. Несли один кузов, привязанный к двум длинным и тонким бревнам. Но впереди у ребят самый трудный и самый крутой участок — как они справятся? Мотор лежал на снегу, тоже привязанный к брусьям, это невероятно, этому невозможно поверить, но это я видел собственными глазами.

— Ребята, не видели сумки, типа санитарной? Никто не встречал?

Ребята переглянулись. Один из них спросил:

— А что там?

— Рисунки, бумаги, негативы...

— Вот чудак, зачем тебе?

— Сейчас за поворотом что-то вроде этого увидишь. Будет обрыв, потом небольшая площадка. А потом снова обрыв. Так вот на этой площадке что-то вроде сумки лежит. И винтовка без затвора рядом.

Да, похоже, это моя сумка. Но как достать? Вернулся снова к альпинистам.

— Ребята, дайте веревку, я спущусь. Подстрахуй кто-нибудь.

Бородатый здоровяк, что курил трубку, оглядел всех своих и, качнув головой, сказал:

— Ничипоренко! Дай хлопцу канатик и потрави.

Длинный парень в темных очках встал, вынул из вещмешка свернутый в кольцо трос и длинный металлический костыль и пошел со мной. Врубил костыль, обернул его вокруг несколько раз тросом и спросил:

— Не сорвешься? На, обвяжись.

Я стал спускаться вниз. Трос мчался у меня в руках, больно били и сдирали кожу узелки. Вот и площадка.

— Придержи! — крикнул я Ничипоренке.

— Давай, давай! — трос натянулся.

Я осторожно стал опускаться все ниже и ниже. Из-под ног сыпался снег, еще немного, совсем-совсем немного... Ногой задеваю винтовку, она медленно сползает вниз, доходит до края и летит куда-то далеко вниз. Сумка тоже зашевелилась. Быстрее — я наступаю ногою на лямку, нагибаюсь, хватаю одной рукой задубевший брезентовый ремень, ноги скользят, другой рукой судорожно держусь за трос, ноги висят где-то в воздухе.

— Держись, вытягиваю! — доносится голос Ничипоренки.

Трос натягивается до отказа. Петля поднимается до подмышек, режет и давит грудь. Но вот все быстрей и быстрей ползет трос вверх, я изо всех сил помогаю шагами по склону. Их трое, тянущих. Я сажусь на снег, с левого сапога съехала баранья шкура, из дыры вылезает портянка.

— На кой черт тебе эта сумка?

Отдохнув возле альпинистов и подкрепившись горячим чаем, двинулся снова к перевалу. Снова иду дорогой вверх, разбитой, скользкой, снова ветер в лицо, забивает рот, нос, бьет по глазам. И вот мой сукин сын Гриша. Сидит в стороне, нахохлился — замерз.

— Ну, пошли дальше. А морду я тебе все-таки набью, — сейчас сил просто нет.

Пристроились к группе, идем следом.

Где-то впереди раздались разрывы мин, автоматные трели. Все встали.

— Что там?

Никто не знает. Ждут, стоят. А снег метет, слепит глаза, они у всех воспаленные, нагноившиеся. Из-за сверкания, из-за белизны непонятно, что ближе, что дальше. Стоим на карнизе, сверху свисают гигантские сосульки и большая шапка снега. Ждем. Мокрая гимнастерка прилипает к телу, теперь ощущается, как она мгновенно леденеет. Мороз доходит до души, до сердца. Начинает знобить.

— Что там впереди? Почему встали?

Впереди, справа на откосе что-то темнеет, вроде лошадь; как она попала сюда?

— Там впереди немцы обстреляли тропу из минометов. Поэтому ждут. Ранено двое.

Снова автоматные трели. А снег метет, засыпает колею. Красные флажки трепещут на ветру, хлопают.

Наконец двинулись вперед. Медленно, один за другим. То проваливаемся по пояс в снег, то выходим на гребень, узкий и скользкий, по обе стороны вниз отвесные снежные кручи, — то входим в узкую траншею из льда и снега.

Потом пошел самый трудный участок. Снег, сверху твердый, под ним — рыхлый и глубокий; человек скрывается целиком. Потом выбираешься из сугроба, хватаешься за обледенелый трос и снова взбираешься по отвесной отполированной стене. Пройдешь шагов двадцать-тридцать — остановка. Голова кружится, в глазах по разноцветному фону черные мухи. Чуть отдышался — снова вперед. Внизу темнеет лошадь. Она замерзла, ее засыпало снегом, торчат четыре ноги, искривленные, судорожно поджатые. Оскаленная морда, снег в глазницах, в ноздрях, жуткая какая-то улыбка.

Сил уже не было, было всем все равно, охватили вялость, равнодушие. Прямо в небо, в серое облако уходила отвесная стена изо льда и снега. Оттуда, с неба, свисала веревка. В стене были выбиты ступени, ниши.

— А ну давай, кто там, берись за трос, — раздался сверху голос. Голос с неба.

— Полезай наверх, — сказал я Грише. — Потом вытянешь ящик. А потом я сам.

Гриша обвязался веревкой и полез, карабкаясь по стене. Его сверху подтягивали, его темный силуэт постепенно таял в белом тумане, пока не исчез. Через некоторое время рядом со мной шлепнулся конец каната. Я привязал к нему вещмешок с несгораемым ящиком н винтовку. Сумку с рисунками не рискнул — уже перестал доверять кому бы то ни было.

Ящик рывками уполз наверх. Подошли еще несколько наших. Снова конец каната свалился с неба. Привязываюсь и, перебирая канат руками, упираясь ногами в выбитые во льду ступени, поднимаюсь вверх.

Чувствую, как меня подтягивают, от этого путь наверх быстрее, но все равно сил уже нет.

— Стой, — кричу, — стой, не тяни, дай передохнуть!

Устраиваюсь в небольшой нише, перевожу дыхание. Сердце заполнило всю грудь, поднялось к горлу, хочет выпрыгнуть. Нечем дышать, руки и ноги ослабли. Но — вперед. А сверху уже кричат. Снова поднимаюсь, из последних сил. Но вот и отшлифованный склон. Цепляюсь голыми исцарапанными, изрезанными, замерзшими и ничего не чувствующими руками за неровности, за трещины во льду и выползаю на вершину. Мокрый как мышь. И заваливаюсь в сугроб, где уже темными кулями распластались поднявшиеся до меня. Несколько альпинистов, раздетых, красных — от них идет пар, снова бросают веревку вниз. И им снова сейчас тянуть вверх еще и еще сотни людей. За обломком скалы — костер. Возле него еще несколько человек, кто ест, кто спит — смена. Тут пристроились и мы. Роза приготовила мне место, поднесла кружку с горячим чаем — отдохни.

И вот мы на вершине гребня. Сияет в голубом небе солнце. Внизу снега, белый туман; это на севере, откуда мы пришли. Из белой полосы выступают острые пики, покрытые льдом и шапками снега, за полосой облаков — снова пики, хребты один за другим, как волны, уходят к горизонту. Прямо под нами, из синей тени виден ледник, он уползает вниз в туман. Острые скалистые ребра перемежаются провалами теней. Надо всем возвышается сверкающая, ослепительная пирамида Эльбруса. Там — немцы. А на юг — солнце, голубая даль протянулась до самого Черного моря, далекая панорама зеленых и синих гор. Редкие облачка медленно плывут над хребтами, за ними тянется тень, перескакивает с горы на гору. Вот облачко подошло к пику, обошло его вокруг, оторвалось и уплыло дальше. В голубой зелени лесов угадывается змейка реки. Там — Грузия, Сванетия. Мой автоматчик от радости поднял вверх автомат и пальнул.

— Ты что, с ума сошел? — выскочил из-за обломка скалы альпинист и ударил снизу по прикладу. — Ведь обвал еще устроишь, так тебя и так!

На соседней горе масса снега слегка пошевельнулась, и медленно, а потом все быстрее и быстрее белыми языками посыпалась в полной тишине вниз. Снизу поднялся рой снега, стал подниматься все выше и выше, и все затянуло белым пологом. Потом, спустя какое-то время раздался гул, словно далекий гром, потом грохот, и над острыми вершинами перекинулась радуга.

10 ноября Вот и турбаза. Здесь я расстался со своим ящиком, оттянувшим мне плечи, — он прирос к моей спине, я с ним стал одно целое, мне без него даже как-то скучно, вроде чего-то не хватает. С радостью расстался и с Гришей, жалко, что не набил ему физиономию за подлость и за любовь к легкой жизни за счет ближних.

Спуск с гребня был короткий, почти отвесный. Зажав полы шинели между ног, садились на собственные ягодицы и катились в Грузию, пока было можно. Очень неприятно было на лету ударяться о выпирающие из-под снега камни. Очень неприятно. «До свадьбы заживет», — сказал по этому поводу наш киномеханик.

Потом вошли в облако. Сразу все намокло. Где-то здесь начинались великие реки Западной Грузии. И вот по руслу, едва заметному вначале, но потом все шире и шире, а главное, все глубже и глубже, мы спускаемся вниз. Дождь мочит сверху, вода сначала до колена, потом выше и выше снизу. Ледяная — ужас! Из талого снега. Вместо холодного компресса на битые места. Но вот внизу в кромешной тьме показалась красная точка — огонь костра. Еще каких-то пару часов, и где-то в середине ночи мы подошли к буйному пламени. И невиданное, невероятное, фантастическое зрелище, словно мы перекинулись на двадцать, а то и больше веков назад, открылось перед нами. Полыхал костер. Широкие, черно-красные языки пламени доходили до верхушек гигантских деревьев, там переходили в красные искры и затем пропадали в черном небе. Поленьями служили колоссальные пятнадцатиметровые бревна, сложенные в штабеля, годами просушенные кедры. Кто поджег, неизвестно. Пламя было такое жгучее, что ближе, чем за пятьдесят метров, к костру подойти было невозможно. И по всей окружности огня расположились пещерные люди. Волосатые, заросшие бородами, голые, они приплясывали, что-то кричали или пели, поворачивались к теплу то одной стороной, то другой. На палках, на сучках, на маленьких елочках висели шинели, ватники, гимнастерки, портянки, сапоги. Почему они висели — непонятно — сушиться они явно не могли, потому что шел дождь. Среди голых троглодитов внимательный взгляд обнаружил наших медсестер, они точно так же предавались ритуальным танцам вокруг священного огня. Кто-то на длинной-длинной хворостине протягивал к пламени нижнее белье — наверное, хотел сжечь своих вшей.

Через несколько минут и я был раздет и тоже танцевал. И я понял, что это необыкновенно хорошо — большего блаженства я не испытывал. Тело пело. Его обмывал дождь, его грел и сжигал огонь с одной стороны, ледяная прохлада ласкала с другой стороны. Тело наслаждалось! Сколько месяцев оно, бедное, не мылось!

Сколько месяцев его кусали вши и чесали грязные ногти до крови! Сколько месяцев оно не дышало свежим воздухом, закутанное в потную, грязную, засаленную, заскорузлую одежду!

Промокло, увы, все. От одежды идет пар. Она теплая, но все равно очень не хочется ее надевать снова на чистое тело. Мои сумки промокли насквозь. Это место — место привала — называется «Домики». Это первые очаги цивилизации, которые нам встретились. Здесь когда-то жили лесорубы.

Забрался в один из «домиков», только одна крыша, стен нет. Устроился в уголке, стал разбирать свои сумки — боже, все склеилось, все пленки размокли, из газет и рисунков бумажная каша — и для этого я доставал, спускаясь и поднимаясь по отвесной ледяной стене с риском для жизни, свои рисунки? Ну, я, конечно, преувеличиваю. Не все так безнадежно пострадало, кое-что еще можно спасти. Кроме пленок. Эти — бесполезно. Склеились в плотную липкую массу.

Утром снова сложились и по лесной дороге гурьбой пошли дальше. На привале, привязав за веревку котелок, опускали его в бьющий из скалы минеральный источник. И эта шипучая вода с сахаром — восхитительна! А размочить в ней сухари — пища богов!

Где-то к вечеру пришли в первое селение. Сванетия, селение Накра. Дом-крепость с бойницами. Каждый дом от другого за километр. Хозяин угостил супом горячим и горячими кукурузными лепешками — мчадами — в жизни ничего вкуснее не едал!

11 — 12 — 13 ноября Идем по извилистому берегу реки Ингури.

Вокруг зеленые луга, карабкаются по скалам красные и желтые осенние деревья и кустарники.

Пустынно. Тихо. И только огромный орел, распахнув крылья, кружит над долиной и видит, как по петляющей среди леса дороге катится с гор лавина заросших, оборванных, увешанных оружием людей.

Таран Александр Федорович

Родился в 1921 г. в Москве. По окончании средней школы в 1939 призван в Красную Армию. На фронте с июня 1941, в Белоруссии. Участник боев на Северном Кавказе в 1942, освобождения Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии, Чехословакии в 1944—1945. С 1949 — студент Московского полиграфического института. Живописец и график. Автор статей по искусству и путевых очерков. Награжден орденом Красной Звезды и медалями, «Орденом Кирилла и Мефодия» (Болгария), Почетный гражданин г. Сливен, Болгария.

Н. Обрыньба
Из «Книги воспоминаний»*

I. В ополчении

22 июня

22 июня 1941 года было самым контрастным днем и самым памятным. Ни один день в моей жизни не играл такой роли, как этот. Внезапно в солнечное утро ворвалось сообщение о войне. Оборвались все мечты, надежды, ожидания.

Галочка прибежала, запыхавшись:

-- Ты знаешь, я не могла добраться. Ехали машины с солдатами, один бросил мне письмо, кричал, отнеси на почту, за ним другой, третий, и уже из всех проезжавших машин бросали конверты, треугольники, и я не успевала их ловить, они падали вокруг меня. Я их собрала и отнесла на почту.

Стал звонить ребятам, решили идти в музей Революции. Я дружил с нашими киевлянами, с которыми вместе перевелись в Московский художественный институт,— Левой Народицким, Николаем Передним, Борисом Керстенсом (какой это был светлый человек, он прошел всю войну и трагически погиб, уже вернувшись домой, в 1945 году). Мы все кончили пятый курс — «вышли на диплом», как мы тогда говорили, и одновременно работали в музее Революции, делали копии картин и небольшие вещи для экспозиции музея. Вот мы и пошли в музей, чтобы включиться в работу для фронта.

Все кипело и волновалось, люди куда-то спешили, чем-то возмущались, незнакомые, встретившись на улице, начинали разговор об одном и том же, о войне.

В музее нам дали сразу задание — создать плакаты на темы: «Все на фронт», «Ты записался в добровольцы?». Для экспозиции музея я взялся писать картину «Немецкие оккупанты на Украине в 1918 году».

Пришел домой вечером, рассказал обо всем Галочке. Дома мы не могли быть, нас тянуло на люди, побежали на Сретенку в кинотеатр, но, просидев несколько минут, бросились домой, представив, что может начаться бомбежка. Колхозная площадь была пустынной, на западе, на оранжевом крае неба, над горизонтом лежали тяжелые темные, как ножи, облака, вверх уходило чистое небо темным куполом.

Дома — мать Галочки с детьми. Начали делать светомаскировку и заклеивать стекла полосками бумаги.

* Публикуется впервые. Написано в 1944—1978 гг.



1. Н. Обрыньба в партизанском отряде. Июнь 1943

Спать мы не могли, да нам и не дали. Внезапно зазвучали сирены, всем объявили, чтобы спустились в бомбоубежища. Отправив детей и маму, мы остались на дворе, сидели на лавочке и ели конфеты, купленные днем. В небе началось какое-то «праздничное» представление. Прожектора шарили, переплетаясь, скрещиваясь, хлопали зенитки. Бежали люди по улице, но во дворе было тихо, квартиры были брошены, и оказалось, что только мы вдвоем остались во дворе. Лихорадочно обсуждали начало войны и решали, что уйдем вместе добровольцами на фронт, надо только сынишку устроить — оставить у мамы.

— Я завтра пойду и скажу ребятам, что нужно идти в военкомат, чтобы нас взяли добровольцами.

Шумно возвращались люди после отбоя из бомбоубежища. Все возбуждены, только сонные дети на руках заставляли людей уходить в квартиры.

Наутро я бегу работать, и как только мы все собираемся, объявляю о нашем решении. Лева говорит:

— Галочка права, надо идти.

Поработав полдня, мы пошли в военкомат. Подойдя, мы увидели много народа, пришедшего по повесткам, здесь же толкались и желающие стать добровольцами. Военком категорически сказал, чтобы шли домой и работали и не мешали бы им проводить мобилизацию. Наш порыв разбился, и мы, неудовлетворенные, ушли опять работать.

Во время работы мы перебирали все возможности попасть на фронт, и нам пришла мысль обратиться в редакцию газеты «Правда», к главному редактору. Побежали в редакцию, добились приема, нас он выслушал и сказал, что сделает все возможное. Прошло четыре дня, и нас вызвали в редакцию и сообщили, что могут взять в военкоматы оформлять призывные пункты — рисовать лозунги, плакаты. Это нас разочаровало ужасно, ведь мы и сейчас делаем агитационную работу, нам необходимо попасть в действующую армию, но дипломников не берут на фронт.

Сдаем плакаты в музей. Это первые плакаты в экспозиции музея на тему войны. Картину про немецких оккупантов на Украине я кончаю.

Заходим в институт — и, на наше счастье, только что началась запись в ополчение. В маленькой канцелярии на площади Пушкина было шумно и людно. Над столом сгрудились люди, шла запись. Я увидел Рубинского Игоря, Николая Соломина, Люсю Дубовик, Васю Нечитайло, Колю Осенева, Давида Дубинского, Глебова Федю — версту коломенскую; прорезывал шум тонкий голос Игоря Рубана, он потом стал нашим старшиной. Длинноногий Миша Володин (он стал правофланговым, гордостью нашего взвода — равных по росту ему не было) перевесился через всех и, тыча пальцем в список, повторял свою фамилию. Более деликатные и тихие Саша Волков, Августович Алексей, Саша Мордань, Суздальцев Миша беспомощно толклись сзади и не могли пробиться к столу. Здесь же жены многих студентов живо обсуждали, что им делать — они тоже пошли бы, да детей некуда девать.

Мы вчетвером, обрадовавшись открывшейся возможности, дружно пробираемся к столу. Стали подходить ребята, еще и еще, выстраивалась очередь. Вот подошли Жора Орлов, Виктор Смирнов, Миша Милешкин, Костя Максимов, Петр Малышев, Паша Судаков, Иван Сошников, Чащарин, Плотнов, Родионов. Комната не вмещала вошедших, те, кто записался, довольные отходили и толпились в коридорчике.

Народа набирается на целый взвод, а то и роту. И нам кажется, что это будет очень большой силой и

сыграет важную роль в войне, нам казалось, что стоит нам появиться на фронте — и война будет кончена. Мы так и жен уговаривали.

Завтра надо явиться к гостинице «Советской», там размещается штаб ополченцев Ленинградского района.

Прихожу домой и с гордостью сообщаю Галочке, что мы уже все вместе записались в ополчение. Она сразу же начинает шить мешок с лямками, такой, как нужно солдату, и складывает все необходимое.

Мы не спим ночь, такую короткую, нашу последнюю ночь. Наступит день, и я не смогу вернуться домой. Галя хочет идти медсестрой, но как быть с Игорем, мама не хочет оставаться с двумя детьми — своим десятилетним Димкой и нашим пятилетком, она вдобавок еще работает.

Утром объявляют, что все женщины с детьми должны быть эвакуированы, должны покинуть Москву.

Так случилось, что через два дня, 5 июля, в одно и то же время (ночью) мы уходили по Волоколамскому шоссе, а Галочка с Игорем эвакуировались в теплушках в Пензу.

Солдаты

Надев шинель, еще ты не стал солдатом. Убивать — даже ради жизни — это значит перевернуть в своем мозгу и сердце все с таким трудом нажитые на протяжении истории человечества чувства и понятия.

Мы — ополченцы, наш строй в самых пестрых костюмах — белых, черных, серых, синих всех оттенков брюках, пиджаках, рубахах, и единственное, что объединяет нас и заменяет форму,— это стриженые головы. Нас ведут по родным улицам Москвы, еще таким мирным, но уже озвученным нашей солдатской песней, командой — «левой, левой, ать, два, три, левой...»

Мы все стараемся держаться бравыми, бывалыми солдатами, а я стараюсь как можно четче отбивать левой ногой, но, увы, часто сбиваю ногу и в самый патетический момент слышу, как со всех сторон мне подсказывают: «сено-солома, сено-солома». Меня сразу с вершин героизма бросают в мир обид на товарищей со стрижеными головами, делается досадно, что я, в душе чувствуя себя героем, не могу ходить в ногу, а это сейчас всем кажется самым важным, самым ответственным в военном деле. Нас вводят в помещение бывшего перворазрядного ресторана, где вчера было так весело, гремела музыка, а сейчас нет белых скатертей, столики выстроены в один ряд, но это не торжественный обед, а стол, к которому садятся стриженые ребята в разномастных костюмах, и командир отделения разливает из алюминиевой кастрюли первый перловый суп, а мы браво подставляем свои алюминиевые миски, жуем черный хлеб.

Ну что же — раз нужно для победы, будем есть эту «шрапнель», будем выскребать и просить добавки, стуча алюминиевыми ложками.

Назад на сборный пункт идем отяжелевшим шагом, и почему-то я спокойно отбиваю шаг левой ногой. Нас строят во дворе, и после команды: «Рассчитайсь», как музыка, звучит: «Разойдись», и вот монолитный строй стриженых голов раскатился, как капля ртути на мелкие шарики. Мы бежим к воротам ограды, где сотни глаз наших жен с детьми и без детей; и в этом шуме и толпе каждый замыкается в своей семье. Наклонились головы, мужей, сыновей, потянулись руки женщин с носовыми платочками к глазам, взметнулись дети на руках отцов, которые старались поднять их, заглянуть в глаза и унести отпечатки их лиц в своей памяти.

Все понимают, что происходит что-то серьезное, но поверить не могут, и в уголке сознания живет мысль, что, может, и не будет самого страшного.

Утешаем жен, говоря, что скоро придем с победой домой, я своей говорю: «Не бери в эвакуацию ничего зимнего, все кончится до осени».

Мы, молодые, привыкли верить, что есть какой-то «секрет» победы: и сейчас, если и происходит отступление, то это стратегический ход. Не успеем мы дойти до фронта, как все переменится, и полетят наши самолеты, загрохочут танки, и поскачет в бой наша конница, преследуя врага. Все будет, как в хорошем кино. А наши жены в тылу, где все подготовлено и организовано, будут ждать нас, закаленных в боях и возмужавших, возвращающихся с победой на стальных клинках.

Ну что ж — для победы, если нужно, можно и повоевать и перенести перловую кашу и разлуку.

Но у старших, а их среди нас много, прошедших революцию и гражданскую войну, в глазах тревога, и кажется мне, по-другому — обстоятельнее жены укладывают их сумки, не забывая ни об одной мелочи. Только чаще подносят руку с платком к глазам, с тоской смотрят на своих мужей, и нет-нет, да и вырвется у какой-нибудь крик, и перестанет себя сдерживать, повиснет на шее у стриженого своего мужа — видно, промелькнет вся жизнь перед нею, а она знает, что ждет ее с детьми и ее мужа. Поведет себя не по-писаному, как нужно вести сознательной жене, провожая мужа на фронт.

Ночью мы уходим по затемненному Волоколамскому шоссе. Браво поет наш Федя Глебов, запевая все новые и новые песни, чаще других наши любимые — «По долинам и по взгорьям...» и «Конницу Буденного», и четко идет дивизия, мелькая в темноте белыми брю-

ками, удаляясь от Москвы. Но вот уже мы не поем, часто сбиваемся с шага, под ногами нет привычного асфальта. Сереет рассвет, нас скрывает туман. Нам надоедает идти, и думается — зачем нас так долго ведут? Уже пора отдохнуть. Ну что ж — если нужно для победы, можно еще и до утра пройти. Но удивительно хочется спать.

Уже стало совсем светло. Лес стоял, озаренный утренним розоватым светом, такой светлый, и все было странно, как это раньше мы не могли сюда.прийти в утренние часы восхода солнца, природа, как нарочно, сейчас нам раскрывала свое очарование, свою неповторимую прелесть.

Первая атака

Нашу часть то и дело перебрасывали с одного участка фронта на другой. Так как мы были вновь сформированной дивизией ополченцев Ленинградского района Москвы, то и вооружали и обмундировывали нас на ходу, а переходы были тяжелые и длительные. Рыли окопы, рыли противотанковые рвы, только готовились встретить противника, как приходил приказ, и мы вновь шли, неся все, что полагается солдату, плюс все, что должно ехать в обозе; тяжелые станковые пулеметы, ротные минометы, боеприпасы — все было погружено на спины солдат. Переходы тяжелые, до 60 км в сутки, а то, что размещалось на каждом, было трудно поднять, если все сложить на одеяло и завязать в узел. Я попробовал.

Опять мы движемся. Нам сказали, что немцы прорвались под Вязьмой и нас направляют на ликвидацию их прорыва. Мы находимся недалеко от города Холм-Жирковский. Подходя к лесу, мы видим обуглившиеся постройки, вернее, торчащие печи и черные головни — все, что осталось от построек. На опушке воронки от бомб, в сожженных домах и возле них трупы красноармейцев, тут же валяются обгорелые стволы винтовок и остатки солдатских лопат.

Все произошло, видно, совсем недавно, еще тлели угли, и стоял тяжелый запах. Мы смотрели, и проносились перед нами картины, как недавно такие же, как мы, красноармейцы отдыхали или прятались от налета авиации и были застигнуты смертью. Все ощутили сейчас страх смерти, и как-то неприятно затошнило, и в какой-то момент захотелось сесть на землю и никуда не идти. Но каждый поборол себя, чтобы не выдать своего состояния, через несколько минут заговорили, перебрасываясь шутками.

Пройдя лес, мы вышли на открытое место, перед нами растянулось поле с кустарником, желтая трава высохшего болота, а на бугре протянулась деревня на фоне неба.

Все время нам твердили: «Тяжело в ученье — легко в бою», но когда было «ученье» и когда мы были «в действии», мы уже перестали ощущать. Мы шли по 20 часов в сутки, кормили нас один раз пшенной кашей во время большого привала, так как трудно в форсированных переходах обеспечить едой и еще трудней найти время для этого.

Нас перестроили в боевой порядок, объясняя задачу: мы должны пробежать поле и закрепиться возле ольховых зарослей, это исходный рубеж для атаки. На горе, в деревне, находится противник. Мы были голодными, и нам больше всего на свете хотелось есть.

Мне надо было бежать правее. Подбежав к изгороди, я перепрыгнул в какой-то огород и увидел двух женщин, закапывающих в яму сундук со своим скарбом.

Пробегая по грядке с капустой, быстро выхватил кинжал и срубил кочан, разрубил и на ходу бросил по куску своим товарищам. Мы на бегу жевали хрустящие листья. Но вот и канава с ольхой, где нам нужно залечь.

Я лежал с санитарной сумкой возле еще совсем хрупкой девочки, хотя высокой и стройной, медсестры Тони. Она начала тихонько плакать, а я вытащил альбом и начал писать письмо жене.

Желтая трава с коричневыми листьями ольхи, запах прели от влажной земли, а сверху солнце, в душе нет веры в смерть.

Роюсь в кармане, достаю свой «энзе» сахара, который весь в крошках махорки, протягиваю его Тоне и настаиваю, чтобы она его ела. Смотрит она недоумевающе, но берет и начинает его грызть, и потихоньку успокаивается, и вытирает рукой свои голубые глаза.

Опять поднимаемся и перебежками движемся по заросшему кустарником болоту. Вдруг вижу — один боец несет две буханки хлеба, говорит, что на опушке леса разбита во время бомбежки машина с хлебом.

Быстро возвращаемся с Лешкой Августовичем, это мой товарищ, тоже санитар нашей роты, и набираем полные санитарные носилки буханок хлеба, догоняем цепь наших ребят.

Передаю свой край носилок бойцу, а сам беру буханки и разбрасываю товарищам, и уже все наше отделение и другие ребята жуют хлеб, не выпуская винтовок.

Я представлял себе атаки совершенно иначе, чем происходит у нас. Противник молчит. Вижу, как два бойца держат под руки нашего искусствоведа (Чегодаева), страдающего стенокардией, у него сердечный приступ, я быстро достаю из санитарной сумки валерьянку и наливаю в крышку от фляги, накапав туда воды (воды осталось на донышке фляги), даю ему. Он чувст-

вует себя смущенным: «Вот, знаете, случилось, совсем не к месту»,— берет винтовку, и мы вместе (я беру его под руку) движемся в атаку.

Наконец перед нами открывается поле с неубранной рожью, на горе сараи, за которыми лежит деревня, растянувшаяся по обе стороны дороги, идущей параллельно нашей цепи. Здесь опять залегаем на рубеж атаки и ждем, пока подтянутся все остальные.

Пользуясь минутной остановкой, многие бойцы поправляют обмотки. Эти обмотки всем не дают спокойно жить, разматываются в самые критические моменты.

Наш взводный — мы прозвали его «Самовар» за небольшой рост, красное лицо и золотые волосы, говорит он на «о», как волжанин,— командует: «Приготовсь!». Сначала быстрым шагом, а затем бежим, движемся в атаку; по цепи прокатилось: «За Родину, за Сталина!»,— сначала неловко, а затем мощней, мощней; руки все цепче сжимают винтовку, и уже ты чувствуешь, как захлестнула тебя какая-то волна, и ты уже не тот, что был только что, все в тебе сконцентрировалось и охватило тебя, и единственное желание — скорей добежать до противника; такое чувство, как было, когда первый раз нас учили штыковому бою, и я шел на чучело, пронзая его штыком.

Лешка за мной бежал, волоча носилки, мы несли их по очереди. Добежали до сараев, а там никого нет, и из деревни никто не стреляет. Значит, опять — ложная тревога. Сразу замечаю, что идет дождик, и делается холодно, ты опустошен и безумно устал.

Мы устраиваемся в сарае, залезаем в сено, хоть бы немного отогреться и вздремнуть.

«Самовар» сидит на пороге сарая и отдает приказание пойти на разведку в деревню. Идут двое, один самый высокий, Миша Володин, и с ним маленький боец. Мы им завидуем. Всегда выгодно ходить в разведку, можно что-нибудь достать поесть, нам постоянно хочется есть.

Уже начинает совсем вечереть, моросит дождевая пыль, вдали серые силуэты изб. Возвращаются наши разведчики и ведут с собой бойца нашей роты, пожилого сутулого ополченца с поломанной винтовкой, он виновато несет ствол и приклад в разных руках.

Обступаем их и спрашиваем, что случилось. Оказывается, ехали через деревню два немецких мотоциклиста, увидели его, остановились, а он и не сообразил выстрелить. Они отобрали винтовку, ударом о камень перебили ложе...

Но вдруг заработали пулеметы немцев из деревни, и трассирующие пули стали ложиться почти рядом. «Самовар» закричал: «Что вы делаете...— еще добавил

несколько надстроек,— здесь же бойцы». Зеленоватые и розовые огоньки, пунктирными веерами чертя серую мглу, ложились то дальше, то ближе к нам. Гул танков примешался к пулеметной стрельбе, и мы все бросились от сарая под гору. Я выскочил из двери сарая и на углу у стены увидел вороненый беспризорный пулемет. Я видел себя со стороны — здорово: санитар, а не растерялся, схватил пулемет и отбивает атаку танков. Залег за камень на углу сарая, теперь необходимо освоить и вести огонь. Как плохо, что я мало знаю пулемет и не могу справиться с ним. Снизу кто-то начал тянуть меня за ногу:

— Колька, отдай пулемет, а то «Самовар» увидит.

Мне обидно, что я нашел, а стрелять нужно отдавать, но мне неудобно, что могу подвести товарищей, отползаю, и у меня забирают пулемет.

Вдали, в стороне идет цепь наших солдат, а по ним стреляют из танков и бронемашин немцы. У нас нет артиллерии, и бойцы бутылками с горючкой заставляют уйти танки, горят костры, зажженные горючей смесью.

Оказалось, на правом фланге атаки много убитых и раненых. Но оживление и радость, что атака отбита, охватили всех, все делились впечатлениями и смеялись, говорили, какой молодец Мишка Суздальцев — обошел танк со своим противотанковым отделением и горючей смесью заставил уйти. Каждый рассказывал все то, что он пережил, и сразу же придумывал героические подробности.

Спустилась ночь, моросил мелкий назойливый дождь, нас выводили с места боя занять круговую оборону. Прошедший бой был для нас как бы генеральной репетицией: мы не видели противника, и когда он стрелял в нас, даже тогда мы не верили, что можно убивать. Я имею в виду, что внутренне мы были не готовы, как не готов был боец, которого позвали, и он на зов не мог выстрелить, а подошел; как не готов был старшина, кричавший на немцев. Но после боя что-то изменилось в людях. Если перед атакой каждый спрашивал себя — сможет ли он? — то теперь появилось чувство — должен, могу.

II. В плену

Первый обыск

Мы стояли перед избой, в которую вводили по 3—4 человека, затем, выпустив, вводили новую партию военнопленных. В избе обыскивали, нет ли оружия и какие документы у кого.

У нас не было документов, но мы знали твердо, что наши «документы» у нас на лице. Переводчик уже сказал нам, что мы командиры, так как у нас усы и длинные волосы. Мы, как назло, отпустили чапаевские усы, а после первой и единственной стрижки прошло уже три месяца. А если узнают, что мы добровольцы, расстреляют тут же. Решили говорить, что мы художники из Москвы, «кунстмалеры Академи Москау»,— все, что мы смогли придумать и сказать по-немецки. Нас трое: я, Алеша и Саша Лапшин. С Сашей мы встретились только что. Едва мы успели договориться, как его увели на обыск. Через несколько минут он вышел из дверей и на ходу, надевая вещмешок на левую руку, а правой придерживая свой немудрящий скарб военнопленного (сумку от противогаза и альбом для рисования), потихоньку сказал, что его спросили, он ответил, что он из Москвы «кунстмалер», их очень заинтересовал его альбом. Но нас уже отсчитывал немец — «айн, цвай, драй...»,— и впихнул в сени. Я вошел в избу. На полу была свежая желтая солома, одно окно завешено одеялом, в комнате находилось человек пять немцев, с ними молодой младший лейтенант. Нас заставили вещмешки положить на стол и снять противогазы и стали деятельно их потрошить. Вот один нашел у меня в мешке кусочек сала, весь вывалявшийся в крошках, но отобрал, так же как и кусок сахара, оставшийся от порции «энзе». Просматривая санитарную сумку, немцы ничего не взяли, а найдя в ней банку с медом с наклейкой от лекарства, долго крутили в руках, нюхали, а затем решили, что это тоже лекарство, бросили в сумку обратно. Один немец уже снимал с моих брюк ремешок с кавказскими бляшками, который мне подарил мой шурин, прилаживая его к себе, повторял — «сувенир, сувенир, гут». Я понял, что он забирает себе все, что ему кажется пригодным, и меня поразила мелочность: как солдат может брать кусок грязного сахара, сала, поясок, сложенный в четыре раза чистый носовой платок. Но вот рыжий с веснушками фельдфебель вытащил из моего противогаза альбом с фронтовыми рисунками, повторяя «кунстмалер, кунстмалер», и начал его просматривать, все бросили мешки и тоже заглядывают в альбом, тычут пальцами и весело ржут, лейтенант просматривает и спрашивает по своему вопроснику: «Откуда?» Я отвечаю: «Москау, кунстмалер Академи». Здесь его осеняет идея, и он, раскрыв мой альбом на чистом листе, тычет пальцем и, показывая на себя, повторяет: «Цайхнен портрет». Я вынимаю карандаш и набрасываю его портрет, все немцы и наши пленные с напряжением застыли, смотрят, через пять минут все узнают лейтенанта и галдят — «гут», «прима». Я вырываю лист с наброском и отдаю лейтенанту, он задумчиво смотрит и прячет его в

карман, но тут же, вспомнив, достает фотографии, которые листает, и, выбрав фото с изображением красивой женщины, протягивает мне: «Фрау, цайхнен». Я понял, он хочет, чтобы я и ее нарисовал, я рисую, и опять все просматривают и одобряют меня. И мне кажется, что установился хороший контакт, что они хорошо расположены ко мне, уже отдают котомки и сумки от про-



2. **Н. И. Обрыньба.** На этапе. 1941. Ров. Апрель 1942. На этапе пленные бросались к трупам лошадей, отрывали куски замерзшего мяса. Конвой стрелял. Справа вверху — ров, куда сбрасывали мертвых военнопленных. Рвы длинные, в каждый сбрасывали до 3 тысяч трупов, затем рыли новый. Рисунок был исполнен мной на оборотной стороне немецкого плаката. За срыв плаката — расстрел, за «надругательство» над ним — виселица.

тивогазов, а противогазы бросают в угол комнаты. Но вот фельдфебель вспомнил, что еще документы нужно проверить, и тянется рукой к моему карману, где хранятся в резиновом пакетике фотографии моей жены, моих близких.

У меня молниеносно проносится мысль, что сейчас будут вот эти полуворы-полубандиты смотреть фотографию жены на реке, где она стоит обнаженной, надевая белую рубашку, а ветер треплет волосы и гнет камыши в воде. Эту фотографию я больше всего люблю: на ней Галя такая чистая, свежая в капельках воды, это память о лучшем времени в моей жизни, о днях первой любви и радости. И вот сейчас они будут смотреть, затем заберут, как поясок, и скажут «сувенир». И я инстинктивно закрываю рукой карман и отстраняю его руку, этого рыжего с веснушками, я вижу, как моментально улыбка слетает с его губ, и он уже тычет мне пальцем в грудь:

— Коммунист, коммунист,— думая, что там билет ВКП(б).

Все сразу изменилось, и уже только что смеявшиеся солдаты наседают на меня, а я отступаю в угол и не могу объяснить причины, но уже знаю, что у меня как бы заклинилось что-то внутри, и я не уступлю, хоть знаю, что они могут сделать что угодно. Все это длится очень недолго, но сколько проносится у меня в голове, как кинолента, на бешеной скорости, и уже когда меня схватили за руки, а рыжий вытянул парабеллум и старается меня ткнуть им, лейтенант отстранил его и сам стал передо мной, нашел вопрос в своем вопроснике и показал мне: «Что это такое?» Я ответил, помня единственные слова: «Фото, фрау». Он расхохотался и вытянул свои фотографии и, перевернув их тыльной стороной вверх, полистал передо мной, показывая, чтобы я сделал то же самое. Я вынул и сделал то же. Все отошли, но, как видно, всем им было не по себе, и нас выпустили во двор.

Это была первая встреча с немцами.

На этапе

... Четырнадцатый день плена. Холм-Жирковскнй. После десятидневного пребывания за проволокой, где накапливали пленных из числа окруженных немцами под Вязьмой в октябре 1941 года, нас, наконец, погнали по шоссе на запад. В течение этих дней нам не давали воды, пищи, мы находились под открытым небом. В тот год снег упал в начале октября, стояла холодная, промозглая погода. Здесь мы впервые увидели, как здоровые молодые мужчины умирают от голода...

Мы движемся уже четвертый день по Варшавскому шоссе в направлении Смоленска с передышками в специально устроенных загонах, огороженных колючей проволокой и вышками с пулеметчиками, которые всю ночь освещают нас ракетами.

Рядом с нами тянется колонна раненых пленных на телегах, двуколках и пешком. Хвост колонны, перебрасываясь с бугра на бугор, уходит за горизонт.

На местах наших стоянок и на протяжении всего нашего пути оставались лежать тысячи умиравших от голода и холода; еще живых добивали автоматчики. Упавшего толкнет конвоир ногой, и в не успевшего подняться стреляет из автомата.

Я с ужасом наблюдал за тем, как доводили здоровых людей до состояния полного бессилия и смерти. Каждый раз перед этапом выстраивались с двух сторон конвоиры с палками, звучала команда: «Все бегом», — толпа бежала, а в это время на нас обрушивались удары. Прогон в один-два километра, и раздавалось: «Стоп». Задыхающиеся, разгоряченные, обливающиеся потом, мы останавливались, и нас в таком состоянии держали по часу на холодном пронизывающем ветру, под дождем и снегом. Эти «упражнения» повторялись

несколько раз. В итоге на этап выходили самые выносливые, многие наши товарищи оставались лежать, звучали одиночные сухие выстрелы — это добивали тех, кто не смог подняться.

Иногда нас сгоняли на обочину дороги. Это делалось с целью разминирования дороги. Легкие мины взрывались, а для противотанковых нашего веса явно недостаточно, тогда на этих минах взрывается немецкий транспорт.

Колонна остановилась, только что взорвалась немецкая машина. Я достал блокнот из противогазной сумки и стал делать наброски, но в это время ко мне подскочил кавалерист и замахнулся плеткой. К счастью, его отозвал проезжавший в открытой машине немецкий полковник. Подозвав меня к себе, он спросил, что я делаю, я ответил, что я художник и рисую, он посмотрел наброски и сказал мне: «Нельзя, мертвых немецких солдат рисовать не надо».

Талый снег и бледный закат, высокая насыпь, на ней чернеют люди, строящие мост. Мост вырисовывается своими ребрами, как скелет огромной рыбы. Мы пришли в Ярцево. Колонна пленных втягивается в проволочные заграждения, на территорию бывшего кирпичного завода, разделенную на отсеки с вышками на тонких ногах, на каждой вышке пулеметчик, вышки напоминают пауков.

Санитары в бараке

Всю дорогу я нес на плече сумку с бинтами, ватой, марганцем. Я и двое моих товарищей, Саша Лапшин и Алексей Августович, студенты Московского художественного института, — санитары.

Многие из жен моих товарищей, посылая посылки в армию, вкладывали перевязочные материалы и медикаменты с просьбой отдать эти средства мне как санинструктору и припиской для меня — «если ранят моего мужа — перевяжи».

Я все складывал в медсумку, и в конце концов накопилось большое количество медсредств. Эта особенно дорогая мне сумка была очень тяжелая, резала, оттягивала мне плечо; бросить ее, не использовав, я не решался, но и дальше нести сил не было. Тогда нам пришла в голову мысль просить, чтобы нас направили в госпиталь для раненых военнопленных.

Выйдя из колонны, мы объяснили часовому свою просьбу, тот окликнул полицейского и послал за врачом. Ждем. Мимо нас тянется поток обессиленных людей, идут, стараясь удержать расползающиеся ноги.

Наконец приходит врач, тоже из военнопленных; на наше предложение он говорит, что у него не то что санитаров, врачей больше, чем на-

до. Но вдруг он что-то вспоминает и предлагает нам барак тяжелораненых военнопленных. Мы с радостью соглашаемся. Полицейский ведет нас через несколько огороженных проволокой зон к деревянному сараю. На дворе уже совсем сумерки.

Дверь открыл нам здоровенный парень, он здесь состоял санитаром. Пропустив нас внутрь,



3. **Н. И. Обрыньба.** Воскресный день. Апрель 1942. Подошла весна, голодные люди ели траву, показавшуюся на плацу, и били вшей. За проволокой было все зелено, а в лагере плац — серый. Рисунок сделан на обороте немецкого плаката.

парень захлопнул дверь. В темноте мы ничего не различали, но в нос ударил смрадный запах гниющих тел. Мы прижались к дощатой стене, щели ее пропускали воздух и неясный свет. Санитар осматривал нас с нескрываемой враждебностью, и я не мог понять его недовольства.

Наконец, он произнес:

— Спать вам будет негде, врачи сюда не заходят, а это все смертники.

Потрясенные его жестокой откровенностью (он даже не понизил голоса), мы молчали.

— Они все равно обречены, — начал он снова, — что же вы здесь будете делать?

Тут я решительно заявил:

— Делать мы будем все, чтобы облегчить людям их страдания, и вообще все, что в наших силах. Ночевать будем здесь, а завтра приступим к работе.

Нары шли в три яруса, вдоль всего сарая тянулся проход, шириной 70—80 сантиметров. Люди лежали один к одному, плотно прижавшись друг к другу, стараясь согреться.

Кто-то тронул меня за рукав, я услышал стон:

— Доктор, доктор, спаси меня, я жить хочу, у меня дом с садочком и детки, их трое, доктор, отрежь мне руку, она горит, только чтобы жить...

У меня подступил ком к груди, но, пересилив себя, я как мог твердо ответил:

— Завтра буду смотреть всех и тебе помогу, а сегодня темно.

У меня не хватило мужества сознаться, что я не врач, чтобы не разочаровывать этих обреченных, не лишать их веры. Мои товарищи стояли, не проронив ни слова, раздираемые жалостью, чувством бессилия перед этими страданиями.

«Санитар» полез на свои нары в другом отсеке сарая, а мы забрались под нары, в какую-то яму, еле поместившись, и кое-как улеглись. Душно, но остроту запахов мы уже перестали ощущать, усталость брала свое, показалось даже уютно тут. Я закрыл глаза, и тут же замелькала передо мной мокрая, скользкая дорога и трупы, трупы...

Неподвижно мы лежим в яме среди страдающих, бредящих, умирающих, но, несмотря на весь ужас, мы согрелись, и постепенно нас охватывает дремота...

Утро наступило серое, промозглое.

Когда мы вылезли из своего убежища, на нарах уже все знали, что пришли врачи. Немцы не давали раненым воды, утром доставалось им по кружке чая или кофе — так называлась отвратительная бурда коричневого цвета. Мне же для работы нужна вода. С большим трудом я раздобыл бутылку кипятка, растворил марганец, приступил к работе.

Большинство раненых были с первой перевязкой, сделанной на поле боя, забинтованная рана обматывалась сверху обмотками. Когда снимаешь повязку, делается дурно от запаха. Саша и Алексей сразу выбыли из строя — пришлось их уложить в коридоре, возле стены.

Перевязки, которые я делал раненым, получались хорошо, я очищал рану марганцем, забинтовывал. Вид свежего бинта вселял надежду в раненых на выздоровление. Когда я разыскал своего земляка «с садочком», он был уже мертв, видимо, у него была гангрена.

Здесь были собраны тяжелораненые. Мне пришлось даже произвести операцию, отрезать ножом остатки перебитой руки. Мой пациент потерял сознание, я дал ему понюхать нашатырный спирт и продолжал свою работу; когда он увидел свою искалеченную руку забинтованной белоснежным бинтом, на его серых губах промелькнул отблеск улыбки, или это мне почудилось, так как в это время перед моими глазами все поплыло, и я почувствовал тошноту.

Когда я очнулся, кто-то сунул мне в рот цигарку с махоркой, последняя считалась самой большой ценностью, так что это было выражением высшей признательности моих пациентов. И опять перевязки — то головы, то низа живота — ох, какое это неудобное место для перевязки... На третий день мои запасы медсредств кончились. Чувствовал я себя плохо — от усталости, от моральных страданий; мне казалось, что я начинаю разлагаться, как все эти раненые.

Алексей и Саша раздавали пищу раненым, отстранив «санитара», который безжалостно обкрадывал умирающих.

На дворе шел снег с дождем. Прибывали все новые и новые колонны. Группа вновь прибывших военнопленных ринулась к сараю с тяжелоранеными, они стучали, требуя открыть и пустить их внутрь. Я знал, что стоит только одному из них начать отрывать доску, чтобы пробраться в сарай, сарай разрушат и растащат на костры.

Представив себе эту картину, я надел сумку с красным крестом и вышел, загородив собою дверь сарая.

Толпа измученных людей недобро зашумела и стала напирать на меня:

— Пусти в сарай.

Я обвел взглядом синеватые от холода лица, смотрящие на меня темными глазницами, и сказал:

— Здесь тяжелораненые бойцы, и места нет даже для нас, санитаров, мы их перевязали, и если их сейчас не поберечь — все погибнут.

Неожиданно один бросился ко мне, крича:

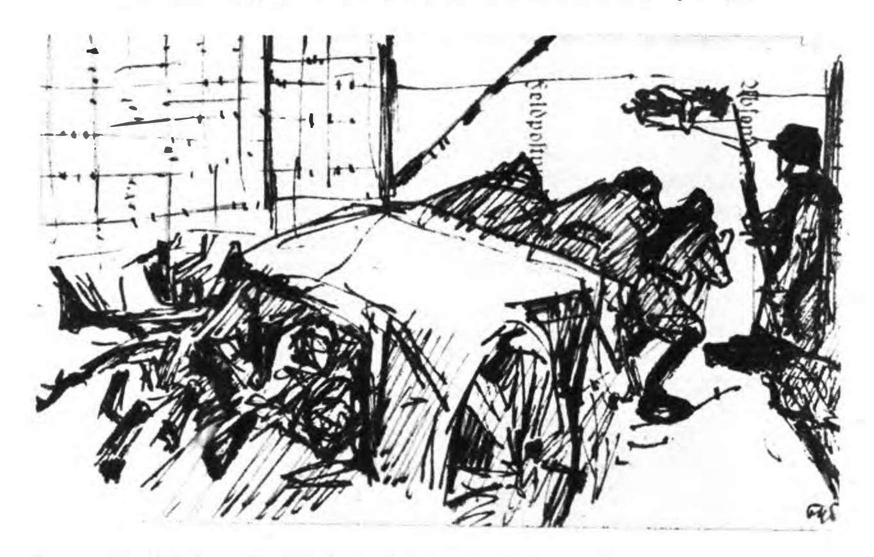
— Что вы их, сук, слушаете! Лезем в сарай!

Я ударил его ногой, он сразу осел и заплакал. Мне стало стыдно и горько.

Толпа отошла, и больше к сараю никто не подходил, но мы дежурили всю ночь.

Тоненькие полоски хмурого рассвета уже стали просовываться в щели сарая. Меня толкал в бок Саша. Заметив, что я проснулся, он стал шептать, что надо уходить, пользы больным мы принести больше не можем, а сами пропадем. В это время кто-то повелительно застучал в дверь, я полез через Лешку, который, ничего не понимая со сна, изо всех сил стал отбиваться. Наконец я добрался до двери и открыл ее. Передо мною стоял врач, направивший нас сюда, он был удивлен нашей встрече, но оба мы обрадовались друг другу. Врачу удалось достать у немецкого начальника разрешение отобрать часть раненых, могущих идти своим ходом вместе с колонной пленных в Смоленск. Нас он тут же решил забрать как санитаров, сопровождающих раненых.

Тяжело вспоминать, как трудно было произвести отбор. Каждый понимал, что оставаться в этом сарае — верная смерть. Тянулись к нам руки, раненые уверяли, что чувствуют себя хорошо, старались изобразить бравое, даже веселое выражение лица. Но я-то помню, какие делал перевязки живота, раздробленных рук и ног, и я понимаю, каких нечеловеческих сил стоят им улыбки.



4. **Н. И. Обрыньба.** «Свободный выход» за проволоку. Февраль 1942. Так вывозили трупы из лагеря.

А на этапе при первом же падении и после толчка сапогом конвоира, если он не встанет, его тут же прикончат, и у тебя перевернется сердце (ты его отобрал идти), и сколько ни будешь убеждать себя, что все равно ему суждено было умереть, это не принесет тебе облегчения.

Было холодно, моросил дождь со снегом, превращая дорогу в желтоватую кашицу. Выстроенная колонна двинулась на Смоленск.

Перед моим мысленным взором разворачивались картины пережитого. Вот я чищу раны, бинтую, вправляю кости; искореженные от боли лица... Для того чтобы достать воды, нам пришлось пробраться на лагерную кухню. Она расположилась в большом сарае. Топили здесь по-черному, дрова раскладывали под висящими котлами, которых было штук двадцать. Все было в дыму и копоти. Сюда привозили трупы лошадей, собранные на дорогах, разрубали и бросали в котлы с водой. Меня поразило, что лошадей привозили на двуколках, запряженных людьми. С розовым отливом густой дым от костров, пронизанный искрами, клубился над висящими котлами, снизу. их лизали красные языки пламени. Метавшиеся темные, землистые фигуры со спущенными

на уши пилотками обдирали туши лошадей. Тень от чьей-то фигуры, причудливо изгибаясь, колеблясь в клубах дыма и пара, подымалась и, изламываясь, уходила под крышу огромного сарая. Все это напоминало мне Дантовы описания ада. Страшнее всего, что я не слышал звуков голосов, все были как бы немы.

Всплывает сцена расправы. Кричит маленький фельдфебель, что русские — свиньи, а они, немцы, — великая нация. Неподвижно лежит распластанное тело, на голове и ногах его сидят два озверелых полицая, а третий бьет по этому содрогающемуся телу ножкой от стула. Фельдфебель отсчитывает удары.

Когда я впервые услышал эти удары, я подумал, что выбивают матрацы. Увидев своими глазами, отчего происходят эти звуки, я каждый раз испытывал тошноту и сердцебиение, до того омерзительно было зрелище побоев, уж лучше смерть. Да, смерть все время за плечами.

Наша колонна растягивается, люди идут, обнявшись, поддерживая обессиленных, пошатываясь, как будто выпили и идут с вечеринки. Мимо проносятся на восток серые крытые и открытые машины, полные гогочущих при виде нас людей, целящихся в нас объективами фотоаппаратов, людей, зараженных коричневой чумой.

Да, идет война. Не только физическое уничтожение грозит нам, фашизм старается уничтожить наше достоинство, веру во все лучшее, прекрасное. Трудно выжить будет в этом аду, но во сто крат труднее остаться человеком.

Проходящая мимо машина обдала холодной грязью, забрызгав белые бинты раненых, послышался смех немцев и звуки губной гармошки.

В лагере военнопленных

Курица

Концлагерь Боровуха-1 расположен в Полоцком районе. Это бывший военный городок, теперь он обнесен пятью рядами колючей проволоки. В лагере до 20 тысяч военнопленных, каждый день умирают от истощения и болезней 300—400 человек. Мы находимся в отсеке рабочей команды, обслуживающей немецкий гарнизон. Нам дают баланду два раза в день. Немцы узнали, что мы с Николаем Гутиевым художники, и теперь каждый день конвоир отводит нас в комендатуру, где мы должны рисовать.

Мы идем на работу по снегу, который нападал за ночь, солнце ослепительно пробивается сквозь сосны и освещает ярко, по-февральски, деревья и дым, поднимающийся струйками вверх. Если бы не проволока по обе стороны дороги да еще эти землистые лица — казалось, что мы не пленные.

У меня «дома» под нарами лежит больной офицер Коля Орлов, это лейтенант артиллерии, здесь был переводчиком, а сейчас его нужно прятать, чтобы не сдали в госпиталь. Если слово «госпиталь» у нас звучит как слово надежды на жизнь, на заботу, то здесь это страшное слово, оно звучит как конец, смерть. В госпитале есть врачи, есть санитары, но нет еды, нет возможности спасти раненых и больных тифом от смертоносных вшей. Эта вша — маленькое, противное, беленькое с точечкой насекомое — здесь страшнее волка; они серой пеленой покрывают людей, которые лежат на полу, укрытые шинелями, с разъеденной вшами кожей, покрытою расчесами. Это самая страшная смерть. Мне нужно прокормить Николая Орлова и дать возможность ему поправиться и не попасть в госпиталь.

Нас разводят, кого куда, на работы. Меня опять привели в канцелярию, и я начинаю рисовать в комнате. Пришел только заместитель коменданта, капитан. Он ужасно похотливый и всегда, когда мы остаемся одни, портит воздух, что делает громко, с каким-то вызовом, я никак не могу привыкнуть к этому, он, наверное, хочет показать, что меня нет, я не существую, а может, он и дома так.

Сегодня он подходит и молча, с чувством, что готовит мне какое-то открытие, достает затасканную репродукцию из журнала. Это просто самая пошлая, плохая порнография. Кладет ее передо мною и произносит:

— Гут.

Я отстраняю:

— Нихт гут.

Он удивлен и обижен:

— Варум?

Здесь он просто вдруг просиял и, указывая жестом на мою худобу, понимающе хохочет. Затем предлагает нарисовать с фото, увеличив, чтобы он повесил в комнате, обещает уплатить. Мне противно, что я, шатающийся скелет, должен рисовать, чтобы возбудить похоть этого сытого полыселого капитана, но вспоминаю Кольку, которому я должен что-нибудь принести поесть, и прячу, уворачивая, наступая коленом и захлестывая петлей, свои чувства; обещаю нарисовать, он насвистывает и довольный отходит к своему столу.

Появляется полицай со связкой газет и листовок, сброшенных нашим самолетом:

— Пан, гойте, самолет накидав, я все посбирав,— и показывает жестами, как он пособирал.

«Пан» выдает ему пачку махорки, это обычная плата за такие подвиги; приведенный беглый военнопленный — две пачки махорки; и есть любители курить махорку, и зарабатывают ее, стараясь изо всех сил.

У меня проносится: ведь есть еще Советский Союз, есть Москва, там ходят свободно люди, воюют и носят гордое имя русского человека, а здесь я рисую порнографию для этого павиана, чтобы он наслаждался, враг моей Родины, и мне делается до боли трудно сдержать все, что я плотно держу в себе скрученным веревкой.

Полицай выходит, капитан отлучается с прине-



5. **Н. И. Обрыньба.** Рабочая команда. Везут дрова. Март 1942. Рисунок сделан на обороте немецкого плаката.

сенными листовками и газетами, неся их переводчикам, я замечаю, что одна газета осталась на столе у него, хватаю ее и прячу под гимнастерку, за ремень брюк, хотя знаю этот проклятый приказ: за хранение газеты или листовки — смертная казнь.

Рисунок подвигается, и я кончаю, подкрашивая мелом и цветными карандашами; я жду, что получу не меньше двух кусков хлеба и, может, еще что-нибудь съестное.

Входит капитан и, увидев рисунок, щелкает пальцами и чмокает языком, берет рисунок и благодарит, потом вытягивает из пачки три сигареты, протягивает мне:

— Битте, Николай, хорошо.

Я не протягиваю руку за сигаретами, и на моем лице, наверно, нескрываемое удивление, но здесь злость закипает — я вытаскиваю свой жестяной портсигар, беру из него пять своих сигарет и протягиваю ему.

Теперь у него удивление и негодование, он бросает рисунок на стол и кричит:

— Мало? Вениг? — и выбегает из комнаты.

Я усаживаюсь и стараюсь себя привести в рав-

новесие. Но вот проходит полчаса, входит капитан и держит за ножку свежезарезанную, только что ощипанную курицу, изумительную, с желтоватым оттенком, и вертит ее перед моими глазами, повторяя, победоносно улыбаясь:

— Вениг? вениг?..

Я соглашаюсь, что этого достаточно, и забираю курицу. Я не верю счастью и уже чувствую во рту вкус вареного мяса, мне хочется сейчас же бежать без всякого строя, без всякой команды и варить, и скорей есть до полного насыщения.

Просто невероятно, даже не верится, что может так повезти человеку в один день — иметь свежую газету, только утром сброшенную самолетом, и свежую курицу, правда, еще вдобавок возможность быть повешенным, но это лучше пускай в следующий раз — нельзя так много давать в один день и одному человеку.

Вот мы идем строем «домой», фельдфебель Борман по-прежнему во дворе комендатуры кричит на нас. Но у меня все ликует внутри, и я начинаю думать, как обрадую я Николая, сварив, скажем, ему бульон и дав целую ногу курицы, он, должно быть, сразу поправится, ведь это почти невероятно: бульон и курица! Да, надо будет сварить сегодня и шею с головой, я провожу рукой по противогазу и чувствую там свою ношу.

Да, а ведь его нужно кормить будет еще долго, ведь две недели минимум. Пожалуй, я не буду сегодня много варить, а лучше сварю ногу и голову, голова может испортиться, а курицу спрячу на чердаке или зарою за домом в снег, нет, в снег не годится — лучше на чердаке, и буду потихоньку и по частям ее давать Николаю. Ну, уже неожиданно раздается команда разойтись. Вбегаю наверх в свою комнату, где я с Николаем помещаюсь, но у меня на нарах лежит кто-то, укрытый с головой, комната маленькая, с трудом на двоих. Оказывается, заболел тифом Ванюшка, и его решили спрятать ко мне в комнату.

Встречаю это известие я без энтузиазма, так как это уже делает неизбежным мое заболевание, спать придется между двумя тифозными и варить сегодня придется две ноги курицы, а чем я их дальше кормить буду?

Варю голову, шею и потроха. Сам я курицы так и не ел; даже не пробовал, когда варил, потому что боялся, что не совладаю с собой.

Когда все успокаивается и мои больные забываются сном, я достаю газету и начинаю ее читать. Газета «Правда», в ней сводка Информбюро. Это почти невероятно, читать правду о событиях и маленькую заметку о клятве, произнесенной коленопреклоненно нашими командирами, отправляющимися на фронт. У меня вдруг капает слеза на газету, я бросаюсь вытирать

с газеты влагу, вот уж никогда не думал, что газета, с которой мы в мирное время так легко обходимся, заворачивая завтрак, не прочитав ее, может стать самым важным — листком бумаги, вселяющим веру в жизнь.

Вдруг я вижу — на меня смотрят блестящие глаза Николая, и он шепотом, хриплым своим голосом, проглатывая слюну, спрашивает, что это со мной, почему я так растерян, и хоть я не хотел ему давать газету, но отказать не могу и тихо читаю, и когда дохожу до места описания клятвы, Николай тихо плачет, сначала тихо, глотая слезы, затем, уткнувшись в подушку, не может сдержать рыдания. Я понимаю, что ему тяжело, но ведь нельзя при температуре так волновать человека. Ваня бредит, щупаю его голову и чувствую, что она горит, начинаю его поить водой, и он открывает глаза, но я вижу, что не узнает меня, называет Леной и тихо о чем-то шепчет.

Затем я заползаю на свое место, это стул и три табуретки, и долго еще не сплю, обдумывая, кому можно показать газету и как это сделать, чтобы никто не пострадал и никто не выдал.

Тиф

Орлов уже встал на ноги, Ваня еще находится в разгаре заболевания и переносит не так стойко, все плачет и просит побыть с ним.

Я начинаю себя чувствовать все хуже и хуже, и вот настал день, когда я не смог подняться, чтобы пойти на работу. В это время был наложен карантин на рабочую команду. Коля Гутиев тоже слег, вернее, он давно болен уже, но держится на ногах, а когда при высокой температуре начинает бредить, все решают, что он чудит, он всегда чудит, а в больном состоянии имитирует бред, чтобы не догадались о его болезни.

Ко мне позвали знакомого врача из пленных, который не выдаст, он послушал, посмотрел и сказал, что у меня тиф. Известие меня не удивило, я знал, что заболею, и температура поднялась уже до 40°, а затем я впал в беспамятство.

Я, оказывается, в бреду громко кричу, вскакиваю, и, сколько меня ни уговаривают, чтобы я вел себя тише, не помогает, опять теряю сознание и опять нарушаю всю конспирацию. На третий день, когда узнали, что будет большой осмотр рабочей команды, решили меня спрятать, завернули в шинель и плащ-палатку и отнесли на чердак, завязали поясами и вложили под них к ногам, и рукам, и куда только можно баклажки с горячей водой. Я лежал возле дымохода, в сознании, и передо мной тянулся какой-то странный полусон: я видел, как группа военнопленных вырвалась из лагеря и бежит лесом по сугробам, волоча меня на сосновых ветках вперед ногами, а голова мотается по корневи-

щам, и я захлебываюсь снегом. Но вот сквозь деревья свет фар, и появляются машины — это наши машины, с бойцами Красной Армии, мы целуемся, обрадованные избавлению, а затем доходит и до меня очередь, меня определяют в санитарную машину, втаскивают на носилках, и за мной начинают ухаживать какие-то заботливые женские руки, мне дают пить теплое молоко, укладывают поближе к теплой печурке, и я узнаю свою Галочку, это она санитарка, она везет меня на машине в Харьков и там прячет у моих родных. Папа выкопал погреб, и в нем меня прячут от немцев.

Этот бред повторяется несколько раз, и я боюсь с ним расстаться, у меня есть углышек сознания, что это правда, и как я хочу верить в эту правду.Оглянулся: я в маленькой комнате, на самом верху дома, под крышей, дым от только что сооруженной буржуйки ест глаза, окно закрыто плащ-палаткой, оно без стекол, рядом со мной лежит Володька из нашего корпуса, блондин волжский с голубыми глазами, тоже больной, и за нами ухаживает Колька Орлов, сам еще слабый, я узнаю его, это его руки казались в бреду мне женскими руками, но не было молока, был кипяток, которым он меня отпаивал, так как я сильно замерз на чердаке со своими баклажками (при морозе в 28 градусов), пока прошел осмотр и нашли эту комнатку, чтобы положить нас сюда.

В комнате с дымящей печкой нас лежит трое, дым ест глаза, и когда делается невмоготу, снимают плащ-палатку с разбитого окна, и в комнату врывается клубами морозный воздух, клубы дыма тают. Мы выбираем: холод или тепло и дым,— по желанию. Володька лежит тихо и иногда бредит, Ваня уже поправляется и пытается помогать нам с Володькой.

О нашем пребывании здесь знают немногие. Я мечтаю все время о виденном сне и перебираю все варианты — как бы хорошо было быть дома, в Харькове, и прятаться в подвале, я там бы наверняка поправился.

Нам приносят наши пайки хлеба, но я его не ем, он такой жесткий, а опилки так трещат на зубах, что проглотить трудно, я мечтаю о белом хлебе, мне кажется, что это и есть самое вкусное на земле — кусок белого хлеба, но, несмотря на все старания товарищей, никому не удается достать кусок белого хлеба. Но Николай Орлов достает чашку клюквы — это очень сложно достать и пронести что-нибудь с воли, и теперь, хотя бы из нескольких ягод, нам удается пить кислый кипяток. Ох, какой это освежающий напиток! Так проходят дни, дымные и морозные, с температурой и бредом и с маленькими радостями от кислых ягод клюквы. И все же дни и ночи жизни, за которую борешься не только ты, а и твои друзья, вырывая тебя из мглы смерти.

Уже мы поправляемся и начинаем, лежа на спине и смотря в потолок, в особенности когда наступает равновесие (тепло и отсутствие дыма), рассказывать что-либо из прошлого, отделенного от нас толстой стеной заплетенной колючей проволоки и взрывами войны.

На пороге стоит Николай Гутиев и улыбается, расставил широко руки:

— Николай, дружище, как ты здесь, на курорте?! — И уже обланил меня, мы радостно смеемся, радуемся нашей встрече.

Коля уже поправился, и ему удалось достать кусок рыбы: «Вот она!» — он разворачивает бумажку и вынимает хвост вареной рыбы, это первая еда после болезни, которую я ем с большим удовольствием.

Я не знал, что рыба такая вкусная, оказывается, я за две недели болезни почти ничего не ел, и сейчас первый раз у меня проснулся аппетит. Мы держимся за руки и рассказываем друг другу о нашей болезни, как он перенес ее на ногах, и никто не знал, что он болен, что немцы тоже болеют тифом, но они плохо переносят его, из шестнадцати выжило два. Вот, значит, не выдерживают немцы тифа, потому они говорят, что это специально русские таких вшей плодят, что они немцев уничтожают. Коля потихоньку рассказывает, что немецкого начальника канцелярии гауптмана Генриха тоже поразил тиф.

Санобработка

Сегодня нас должны вести в санобработку, мы готовимся и ждем с нетерпением целый день. В три часа нас ведет Николай Орлов, мы держимся друг за друга и шатаемся, напоминая пьяных, но нам очень весело, на улице много снега и иней, сосны по ту сторону ограды все в белых шапках, и все кажется праздничным в косых лучах солнца, из трубы бани поднимается столб розоватого дыма, стройно уходя в небо, все удивительно уютно. Подходим к бане и, держась изо всех сил, чтобы не упасть и сделать вид, что мы не такие слабые, входим в дверь первого приемника, здесь все раздеваются и сдают одежду в окно санобработки. Я смотрю на своих товарищей, они столь худы, что могли бы с успехом служить пособием для изучения скелета, а кожа висит серым мешком. На цементном полу в предбаннике холодно, и я понимаю, что очень опасно раздеться совсем, и потому ухитряюсь не сдать сапоги и в них стою и жду, когда пустят в душевую, но нас еще должны стричь и брить. Я смотрю на головы, они действительно требуют стрижки, у одного длинные, белые, как лен, висящие волосы, у другого — сбитые, как пакля, торчащие во все стороны.

Мы входим в душевую, и каждый становится под душ, но я уже знаю эту ловушку — нас будут держать час босиком на цементном полу, а затем пустят на десять минут горячую воду, но вся беда в том, что мы не знаем, когда пустят. Нам пустили неожиданно сразу.

Мы быстро моемся. О, какое блаженство горячая вода, которая льется, согревая и лаская твое тело,— нет, скорее наши кости, которые, так и кажется, что при движении стучат. Но вот душ закапал, прекратилась подача воды, мы быстро вытираемся, кто чем, и теперь начинается пытка ожидания на цементном полу. Душевая быстро охлаждается, и уже это не блаженство, а вызывает проклятия, сейчас действительно стучат зубы, и каждый старается, как может, согреться. Здесь пригодились мне мои сапоги, хотя бы ноги в тепле, а на спине мокрое полотенце, и я сжимаюсь, чтобы стать как можно меньше. Удивительно, как можно такое приятное дело, как душ, превратить в такую пытку. Мы все похожи на мокрых куриц, сжатые в комки и прикрытые тряпками, замерзшие и уже даже не ругающиеся, так как на это тоже нужны силы.

Наконец-то нам выдают нашу одежду, горячую, пропахшую вонючим паром, но, к сожалению, мокрую, вернее, влажную, все стремятся ее скорей напялить. Я на минуту бросаю взгляд на наше одевание и вижу нас со стороны — это зрелище полной беспомощности не могущих справиться со своими штанами, торопящихся, но совсем обессилевших скелетов. Володька никак не может попасть в штанину — когда он поднимает ногу, штанина уходит в сторону, он опять тщательно подводит ее к ноге, но только начинает поднимать ногу, руки уже понесли штаны в сторону. Теперь я наклоняюсь, ловлю его ногу и запихиваю в штанину, но нас обоих оставляют силы, и мы застываем для новой атаки.

Кто-то не может надеть рубаху, которая у него уже на голове и руки в рукавах, но он никак не продвинется дальше, он просит, никого не видя, таким жалобным голосом: «Братцы, братцы, помогите»,— как будто он тонет.

Но все же наконец-то все постепенно одеваются, и наша тройка тоже одета; осталось только поясом затянуть шинель, но это очень трудное дело, и все же мы счастливы, теперь нам можно возвратиться в свои комнаты и не бояться, что мы кого-то заразим.

Слепота. Никифор Васильевич

Прошло несколько дней, я все еще лежу, и мне трудно подняться. Коля принес мне фотографию немца, чтобы ее нарисовать, но я не в силах что-то делать. И все

же пытаюсь рисовать, но рисую с фотографии свою жену, мне так хочется воскресить в памяти и сделать портрет жены, сидящей среди цветов с цветами в руках в дни нашей первой встречи в Сорочинцах, далеко, на солнечной Украине. Но я вижу все хуже и хуже, и все расплывается, а когда я напрягаюсь, все начинает сливаться в сизоватом тумане, а потом плывут круги светлые и темные, и я закрываю глаза и ложусь, чтобы отдохнуть, но удивительно, что как только пытаюсь всматриваться, все опять расплывается в туман.

Меня начинает сильно беспокоить, что пока я лежу с закрытыми глазами, все спокойно, но стоит их открыть, как я убеждаюсь, что все, что я вижу, расплывается с каждой минутой все больше и больше. Я теряю зрение. А на голове даже пуха нет, волосы не растут, и она, как бритая. Ногти на ногах выпали, как пластинки, что испугало меня еще больше — значит, подходит конец, и нет выхода из этого заколдованного круга. Лежу целые дни с закрытыми глазами. Николай Гутиев тоже ослабел, и нет работы, чтобы он мог прокормить нас обоих, а на этих харчах зрение не вернешь; я не хочу тянуть долго, решаю выброситься из окна с третьего этажа.

В эту, пожалуй, самую трудную минуту моей жизни вдруг помощь пришла совсем неожиданно. Меня искал один мой земляк, и вечером он пришел в нашу комнату.

Никифор Васильевич был степенным хохлом, упорным, как должен быть украинец, и если уж что задумает, то выбить можно только с душой вместе.

— Ой, братику, та яке ж горе трапылось, що ты и не бачиш, а мени до тебе дило есть, тай таке диликатне, що тильки земляку и сказать можу.

Я не могу понять, что за дело, но слушаю, догадываюсь, что, наверное, что-то задумал Никифор Васильевич. Говорю ему, что уже, кажется, я от всех дел ухожу, и опоздал он с делом.

— Та, Миколо, абы ты знав, я зараз в рабочей команде, ризныком работаю у нимцив, и покы про дило казать не буду, а зараз будем тебе ликувать. Ты лежи, а я пиду до вашей кухни.

Прошло время, я думал, что он ушел совсем, и погрузился в свое полусонное состояние, но в это время открылась дверь и вошел Никифор Васильевич, и в комнате вкусно запахло вареным супом. Он уже по-деловому подсаживается, и подтягивает меня на кровати повыше на подушку, и начинает кормить своей деревянной ложкой; бульон наваристый и горячий, на который мы дуем вдвоем, я с жадностью глотаю, но он мне много не дает, а я, казалось, ел бы и ел, дает кусочек мяса — это сердце (им немцы отдают требуху при разделке ту-

шн), а остальное он переливает в мой котелок и оставляет Николаю Орлову, чтобы он меня подкормил. Мне делается тепло, и, ослабев, я засыпаю, и уже не лезут мысли о конце, и опять проблеск надежды на возврат зрения и что опять я увижу яркий мир и сверкающее солнце.

Никифор Васильевич помещался в нижнем этаже нашего рабочего корпуса, и стал он заходить ко мне каждый вечер, привел врача. Тот, наш же военнопленный, посмотрел меня и сказал:

— Все хорошо, будет зрение, вернется, если будет питание. Ногти вырастут.

Вот, «питание». Но Никифор взял меня на свое иждивение, и через неделю я уже видел, хотя и не очень ясно.

Сегодня Никифор Васильевич принес мне паспорта, завернутые в тряпочку, и я спрятал их в свое логово, и только теперь он мне сказал, что их группа решила бежать, но для того чтобы пройти по территории Белоруссии, нужно иметь паспорта с отметкой, что ты невоеннообязанный. Для этого нужно сделать фото, подрисовать, чтобы похоже на каждого было, а затем поставить «гесеген» (проверено немцами), а паспорта эти — мертвых пленных, гражданских. Вот и нашлось мне дело, а я думал концы отдавать, великое дело уметь что-то делать и быть нужным людям.

Мне сразу стало весело на душе, и я принялся за эту кропотливую работу. Работа требовала большого напряжения: нужно сделать рисунок, затем уменьшить его до фотоминиатюры, нацарапать с глянцевых фото белую часть эмульсин, развести кипятком в ложке, окунуть рисунок, затем, когда он застынет, размочить его и, наклеив на стекло чистое, бензином протереть. Получится глянцевая фотография, затем на ней рисуется кусок недостающей печати и «гесеген». Нужно делать, чтобы никто не догадался, и потому я делаю украдкой, оставаясь днем один в комнате.

Через месяц все паспорта были готовы, и группа бежала. Но на меня упало подозрение, и в комнате начали коситься на меня, и я чувствую, что не все хорошо относятся. Вечером начинается разговор:

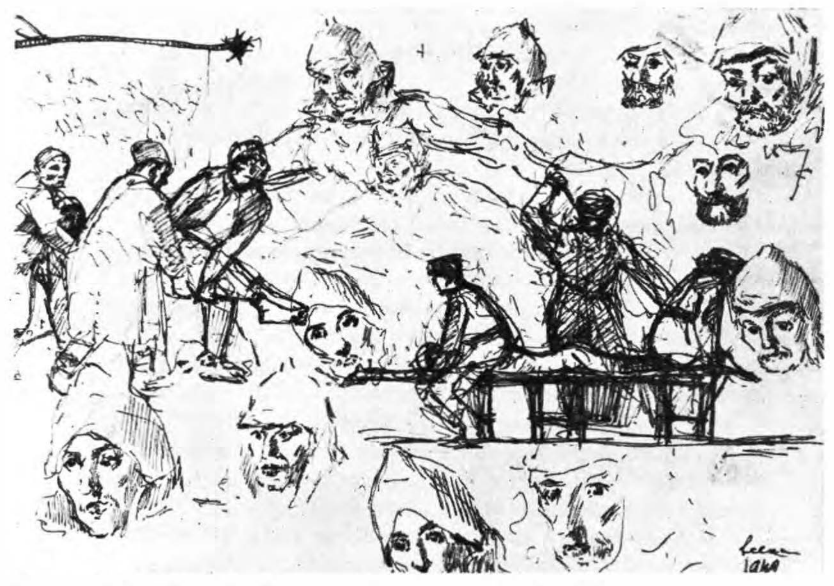
— А вот если так будут рисоваться, а потом бегать, может, ты н нас срисуешь?

Меня вызывает Васька — комендант рабочего лагеря, и тоже начинает:

— Вот, мы тебя лечили (это он лечил!), а выходит, на нас ты всякие подозрения накликаешь. Вон полиция уже говорит, что подозрительно что-то Никифор тебя откармливал.

Я молча смотрю, как этот бывший маленький служащий железной дороги разыгрывает теперь передо

мной большого начальника, и на сердце делается мерзко и тоскливо; я понимаю, что нужно что-то сделать, чтобы он прекратил свое ломание. Я ему говорю, что рисовать я не только Никифора Васильевича рисовал, но и его, коменданта, рисовал; так что ж, и на него могут подозрения упасть, и уж лучше нам подобру расстаться, а то его портрет я еще немецким переводчикам показы-



6. **Н. И. Обрыньба.** Расправа. Бьют полицая. Весна 1942. Рисунок сделан на обороте немецкого плаката.

вал, и они хвалили. И всё интересовались, зачем ему столько портретов.

У Васьки пробегает испуг в глазах, и хоть он еще ломается, но я вижу, что он начинает меня бояться, а я, как бы невзначай, говорю, что все это глупости, и лучше нам полюбовно расстаться, я перехожу жить к переводчикам наверх, и ему будет спокойно, и мне лучше не афишировать, что я рисовал его и был возле него.

Вечером я уже был наверху.

Побег

Нас — Сашу, Володю, Николая Гутиева и меня — привезли в Боровку. Это бывший военный городок возле Лепеля на Витебщине. Сейчас здесь размещается штаб управления оккупированными территориями Белоруссии.

Генерал велел привезти меня, чтобы я написал его портрет. Ребята должны красить зал для столовой. Мы живем здесь уже три недели.

Сегодня воскресенье. Утро хотя и пасмурное, но теплое, и немного парит, как перед дождем. Я уже

побрился и затянулся поясом. Беру с собой акварель и планшет, и мы отправляемся. Конвоир провожает нас к обер-лейтенанту Шульцу, который ребят отправляет в столовую, а меня ведет в кабинет.

В кабинете за огромным столом сидит генерал, справа от него сидит дог, положив на стол свою черную голову. Пес внимательно следит за нами — переводит глаза то на меня, то на обер-лейтенанта. Конвоир встает у двери. Я сажусь напротив генерала, по эту сторону стола и тоже с опаской смотрю то на дога, то на генерала.

Обстановка напряженная.

За моей спиной обер-лейтенант тихонько говорит:

— Николай, Марс, вениг Марс, вениг!

Я стараюсь придать глазам генерала больше блеска, поднимаю отвисшую губу и делаю энергичный сдвиг бровей.

Но портрет теряет сходство, о чем мне шепчет и Шульц.

Я опять ослабляю нижнюю губу и подчеркиваю бессмысленно остекленевшие глаза.

Генерал похож. Но исчез Марс.

Зато каким Марсом блистают глаза дога, когда он смотрит на меня, и я невольно, загипнотизированный глазами пса, делаю генерала похожим на дога.

Бьет спасительные 12 часов. Ни минуты позже генерал не будет сидеть, я знаю его точность. Сегодня воскресенье, значит я буду свободен.

Генерал растроган моим портретом, он так любит дога, что не видит сходства со своим любимцем. С портрета смотрит сердитый старик с жесткой складкой губ.

Выходя, генерал бросает: «Я буду свободен после двух часов и попозирую художнику». Эта милость для меня звучит приговором — у меня побег в два часа, а здесь меня будут искать, и все сразу обнаружится. Это грозит провалом. И я тороплюсь объяснить, что изменится освещение, хотя никакого солнца нет на дворе. Но я упорно повторяю и жестами показываю: утренний свет — этоодно, а дневной — совсем другое, и тени лягут на лице по-новому, и чтобы не испортить портрет, я с великим сожалением вынужден отказаться от чести, предложенной генералом. Генерал развел руками.

Когда он вышел, я начал объяснять Шульцу, что хочу сделать сюрприз для генерала, так как завтра у него день рождения. Шульц одобряет — «гут», «прима» сыплются на меня, как из рога изобилия.

Ну, слава богу, я застраховался. Если поймают, скажу, что хотел сделать сюрприз генералу, хотел нарисовать русский ландшафт.

Мы все, взяв обед, собрались внизу, возле сарая, в который нашу четверку поместили жить. Но до обеда ли было?! Мы с Николаем собираем сахар, шоколад, табак, которые я заработал за портреты, я беру краски, планшетку и, завернув все в плащ-палатку, отношу на конюшню, где уже запрягают лошадей для рабочих, чтобы ехать на луг за сеном.

Немец выдает лошадей и повозку, спрашивает нас — почему мы едем вместе с рабочими. Я браво объясняю свою версию о сувенире для генерала и русской природе, и что эту идею одобрил Шульц. Немец довольно кивает головой и копается в упряжке.

Лошади уже запряжены, и все десять человек (восемь рабочих и мы с Николаем) ждут, когда можно будет сесть в повозку, чтобы ехать. Для проезда через ворота на всех, кроме нас с Николаем, есть пропуска, но версия о сувенире может растрогать любого, нам казалось, немца.

Неожиданно возле нас появляется лейтенант и спрашивает конюха, куда едут художники, есть ли разрешение. Мы, захлебываясь, объясняем, что мы договорились с обер-лейтенантом Шульцем о сувенире для генерала, для чего нам нужно поехать и написать с натуры русский лес. Лейтенант невозмутим. В этот момент появляется Шульц, он идет с купанья. Лейтенант посылает меня к нему, уточнить. Шульц в шинели, но без мундира, в пижаме. Я быстро подхожу, чтобы не дать ему приблизиться к телеге и увидеть запасы харчей, завернутые в плащи, и опять «объясняю», что его предупредил и он согласился, чтобы я рисовал русский ландшафт. Он ссылается, что мы не поняли друг друга, он имел в виду, что я нарисую ландшафт во дворе штаба, а не за проволокой, и что сегодня воскресенье, нет ни одного конвоира, который бы нас сопровождал, а отпустить без конвоя — у него будет «очень волноваться сердце»,— и он прикладывает к груди сжатую руку и показывает, как оно будет биться. Но в эту минуту сердце бешено колотилось не у него, а у нас, но мы сделали вид, что абсолютно спокойны, и отошли к повозке, чтобы незаметно отнести плащ-палатку в свою конюшню.

Решаем так. Пойдем с Николаем в главный корпус, где была кантина (буфет) у немцев, чтобы никого не настораживать и приобрести алиби (буфетчик должен мне стакан шнапса за портрет), выпить и пойти купаться на озеро, выплыть на середину и идти на риск, переплыть озеро,— если задержат, то задержат, но оставаться здесь нельзя. Через 30—40 минут станет ясно, что восемь человек с пропусками рабочих бежали, и будет ясен наш «русский ландшафт». Да, положение паршивое, и никто уже не поверит в наше чувство к именинам генерала, в лучшем случае — отправят об-

ратно в концлагерь, но ведь есть еще пачка бланков-пропусков за пазухой и какое-то письмо, подхваченное со стола Шульца, через час он будет в кабинете, и все обнаружится.

Подошли к стойке. Я попросил у немца, заведующего кантиной, дать мне стакан шнапса. Шнапс прошел хорошо, но не принес ни капли облегчения. Пили под дружный гогот немцев, находившихся в кантине.

После этого пошли к озеру, оно находилось ниже нашего сарая. Нам разрешалось купаться на том месте, где поили лошадей. Решаем — будем купаться и поплывем, если поймают — скажем, были пьяны, это подтвердят и солдаты, видевшие нас в кантине, и сам буфетчик.

Подходим с красками и планшетками к озеру. Саши и Володи нет, а семь ребят сидят на берегу. Мы обрадовались еще больше, чем обрадовались нам. Оказывается, у ребят, всех восьми, отобрали пропуска на воротах. Как по списку — у всех, кто хотел бежать. А где же восьмой? Его нет среди нас, и не лежит он на возу — не он ли предал?

Ребята сидят на берегу в самых живописных позах. Юрка Смоляк сыплет изречениями из Козьмы Пруткова, Николай Клочко ковыряет ямку палочкой и плюет в нее, лежа на боку. Алексей Артеменко лежит на спине с широко раскрытыми глазами и усиленно всматривается в синь неба. Остальные занимаются, кто чем может.

Перебрасываемся фразами об озере, которое широко, и об отказе от идеи увидеть «русский пейзаж» в натуре. Я начинаю устраиваться у воды под липами.

Справа высокая трехметровая проволочная стена, взбирающаяся на гору, на вершине установлена будка, с которой пулеметчик просматривает подходы с озера. За проволокой начинается порубка метров десять шириной, затем широкая полоса конусной проволоки. Все невольно смотрят туда же, и я вижу, как глаза моих товарищей скользят вверх по проволоке, я чувствую, что рождается какая-то мысль у большинства из нас о проволоке, часовом и свободе. Достаточно взгляда, и Юрка начал подниматься вверх по бугру, мы, не произнося ни слова, поняли его замысел — посмотреть, что делает часовой, его не видно на вышке. Юрка молниеносно возвращается и шепотом сообщает, что немец у старухи меняет сигареты на яйца. Значит, низ ложбины не просматривается, и можно... Только бы бесшумно преодолеть высокую проволоку, главное — не всколыхнуть звуковые сигналы из банок, подвешенных на проволоку. Мы знали, что днем проволока без тока. Тихо. Я вижу, как Клочко и Юрка растягивают густые ряды проволоки у земли, и Иван начинает

рыть землю руками, образовалась щель, в которую можно пролезть. Юрка скользнул, и уже я вижу, как он добрался до широкой проволоки и по столбикам прошел, как циркач, не провалившись в эту густую колючую паутину; затем скользнули все остальные, все идет, как во сне,— тихо, ни одного слова; остались мы с Николаем и Клочко. Я иду замыкающим. Широкую коническую проволоку проходит каждый как может; одни идут по столбикам, наступая на острые шипы, прокалывающие сапоги, и опираясь на палки, которые уже воткнули по одну и другую стороны вершины конуса, другие — на четвереньках, опираясь руками и ногами о палки и столбы. Николай обронил очки, которые упали под проволоку. Я начинаю веточкой вытаскивать их из-под проволоки, так как Николай абсолютно не видит. Все ребята уже скрылись в лесу, а мы втроем все еще у проволоки; каждую секунду может взойти часовой на вышку, а я ковыряюсь, стараясь выудить очки. Очки, как нарочно, кувыркаются, застревают у травинок, и никак я не могу их поддеть крючком из обломанного сучка, но вот удалось поддеть за переносицу и, дотянув до проволоки, схватить их рукой. Николай Клочко держит меня за ремень на весу над проволокой, я хватаю очки, а Клочко с Николаем меня выдергивают, и я становлюсь на ноги. Еще мгновение, и мы в лесу. Ребята должны все выйти на большак, а оттуда на луг, где косят наши военнопленные, и оттуда опять в лес — и побег.

Только мы вышли на большак, как остановилась вынырнувшая из-за поворота машина, и немец водитель меня спрашивает, почему «кунстмалер» гуляет.

Я опять плету свою версию о сувенире для генерала.

Немец приходит в восторг и отпускает нас, желая успеха. Еще немного, и мы попадаем на луг, где полно полицаев и рабочих, обслуживающих штаб. Полицаи, увидев меня и Николая, приглашают нас в хозяйство, хотят угостить шнапсом. Нам внимание оказывают полицаи из подхалимства. Ведь мы рисуем генерала и с ним разговариваем, а это очень опасно в глазах этих предателей — всегда, мол, могут нажаловаться, и пропал тогда так ревностно служащий немецкому фашизму полицай.

Я объявляю, что мы с удовольствием придем, а вы идите и приготовьте все, как надо. Сейчас же мы должны нарисовать для генерала русский вид. Ребята нам покажут хороший вид с лесом и далями, для чего поведут на гору, а потом мы знатно выпьем. Ребята, которые должны бежать, идут со мной показывать пейзаж. Но — что за черт! — опять нас десять. Я вижу, что Лешка, которого при подготовке побега не было в группе, идет с нами. За первыми же кустами все разворачи-

ваются в шеренгу и переходят на бег. Лешка недоуменно начинает спрашивать:

— Братцы, почему бежим?

Здесь все оборачиваемся и останавливаемся. Глаза всех встречаются, и в них вопрос — что делать с Лешкой, он совсем не предусмотрен нашей программой. Мелькает в глазах — связать, скрутить. Лешка, сразу поняв положение, улыбается:

— А может, вы бежите, то и я с вами.

Опять молниеносно, не договариваясь, Лешку забираем в середину, и бег продолжается. Мне мешает бежать планшет с бумагой для рисунка пейзажа, швыряю его в кусты. Остаются краски, рисунки за пазухой и полный карман гимнастерки разных карандашей. Нам нужно держаться в направлении на триангуляционную вышку, чтобы выйти на деревню Пуныще. Но сейчас мы не видим ни горизонта, ни вышки. Ветви бьют по глазам, и слышны только топот ног и тяжелое дыхание бегущих людей. Но вот поляна, вдали лес. Через поляну проходит железная дорога, у переезда стоят два полицая. Увидев нашу группу, они падают на дно кювета и не стреляют. Мы пробегаем в нескольких шагах от них, нам некогда заниматься ими, а им, как видно, страшно заниматься нами, и мы продолжаем бег к лесу по высокой траве. Радость свободы еще не успела нас охватить, мы заняты бегом. Вскочили в лес, бег не уменьшился. Вдали послышался лай собак. На секунду мы остановились, прислушиваясь к лаю. Сразу пробежала тень озабоченности, и в мозгу у всех пронеслись рассказы тех, кого ловили с собаками. Мы знали, что наши охранники преследуют верхом, не отпуская со сворки собак, так как болота не дают возможности всюду пройти лошади, а ушедшие вперед собаки могут погибнуть, попав в такую многочисленную группу, как наша. Мы решаем бежать болотом, оно перед нами. Бег начался снова. Но это уже не бег, а хлюпанье, проваливание в воду, самое изнурительное перепрыгивание и проваливание. Лай затихает. Опять мы выбираемся на сухое место. Уже нет бодрости в беге, уже становится неразмеренным бег, длится второй час. Мы не говорим друг с другом, у нас нет руководителя, есть инициативная группа, которая лидирует. У одного из нас появляется белая слюна в уголке рта, у другого замечаю красные пузырьки в белой пенке слюны. В груди и горле жжет, будто обварено кипятком, и уже не в силах набрать воздух, мы его глотаем маленькими рывками, сильно хекая, ноги кажутся налитыми чем-то тяжелым, и все труднее их поднимать. Замечаю у себя такие же капельки крови на руке, когда вытираю наружной стороной руки рот. Увидев оранжевые ягоды рябины, наклоняю ветку, и ртом обрываю ягоды, и начинаю на бе-

гу их разжевывать. Терпкий сок стягивает кислотой гортань и приводит меня в себя. Остальные тоже хватают ягоды. Но вот опять приближается справа лай — это немцам удалось на лошадях объехать болото, навести собак на наши следы. Мы, как бы получив толчок, опять ускоряем, если так можно назвать, бег. Все ближе лай, напрягая последние силы, подбегаем к новому болоту, и я вижу, как, взмахнув руками, падает один из товарищей, подбегаю к нему, но он как-то страшно уже растянулся и лежит, спокойно уткнувшись в землю, и нет дыхания. Переворачиваю его, но нет жизни, а собаки уже совсем близко, и слышно, как трещат кусты, я бросаюсь к болоту и по пояс в воде скрываюсь в камышах. Это, оказывается, речка, а дальше начинается опять болото, уже делается темно, и, сделав еще несколько рывков, я чувствую полное безразличие — поймают, убьют, повесят, мне все равно. Впереди я не вижу ребят, но сбоку слышу:

— Ложись, натягивай кочки на себя.

Я приседаю в воду и пытаюсь руками натянуть мох с соседней кочки. Мне делается легко, и я стараюсь дышать тише, хотя внутри горит, несмотря на то, что я в воде и накрыт мокрым мхом.

Я слышу, как приближаются лошади и как хрипят псы, лая на бегу, вот сквозь камыши и ольху я вижу, как подскочила к воде погоня, впереди рвутся псы, у рыжей лошади падает белая пена, совсем как у нас; уже совсем темнеет, но я вижу пасть черного дога, который брызжет слюной, но собак не отпускают с ремней, лошади потянулись к воде, немцы начали беспорядочно стрелять в нашу сторону, поливая из автоматов, но нас они не видят, а сейчас они начинают переговариваться, что поздно и могут быть партизаны, нужно скорей возвращаться, а то совсем ночь. Собаки упираются, но их оттаскивают и, повернув лошадей, уезжают назад, боясь ночного леса. Проходит несколько минут, и начинают подниматься кочки, встают темные силуэты; после бега, лая собак за спиной вдруг ощущаем тишину, я замечаю туман над болотом, никуда не хочется идти, хочется упасть и лежать, лежать... Но этого нельзя делать, нужно за ночь уйти как можно дальше, но куда идти, после плутания по болотам и лесу мы сейчас даже не знаем, где восток, где запад, где триангуляционная вышка.

Перед побегом через партизанскую разведчицу договорились — встреча с партизанами в деревне Пуныще в двенадцать часов ночи, пароль: «Семьдесят человек и три девушки, Валя с Москвы».

Начинаем совещаться и одновременно начинаем искать — что и у кого есть съестное. У меня оказался кусок сахара и немного табака, а другие вытяну-

ли кто мокрые спички, кто зажигалку. Я рад, что рисунки сохранились в резиновом пакете, но сейчас их осмотреть невозможно. В этом же пакете бланки немецких пропусков, образцы печатей и письмо. Краски — скорей вылить воду из коробки. Но вот подошла очередь моя затянуться три раза полумокрой цигаркой. Выясняем, кто умер от разрыва сердца. Это был молодой парень из Донбасса. Если теперь на часах у Лешки десять, то мы бежим уже чистых шесть часов, а сейчас нужно собрать все свои силы для нового рывка, а у нас единственное желание — лежать в прохладной воде болота.

Юрка начинает сыпать анекдотами и афоризмами Козьмы Пруткова. Сапоги, которые были мне по ноге, сейчас удивительно жмут, а левая нога, чувствую, у задника растерта. Но сейчас идет обсуждение — если там запад, то где восток и где может быть вышка. Наконец, решили где, и нужно подниматься и идти.

Идем, хлюпая, проваливаясь, выходим на опушку. Здесь пахота, во тьме ночи вырисовывается дом — чей он? Мы обходим его стороной. Натыкаемся на речку, переходим по кладке, в кусты от нас шарахается влюбленная парочка, мы шарахаемся в другую сторону и пробираемся в деревню стороной; подходим к крайней избе и тихонько стучим в окно, открывается маленькое окошко, и у старухи спрашиваем — какая деревня и где и какие ближние, стараемся не выдать, что спрашиваем Пуныще. Наконец, старуха произносит:

— Пуныще. Верстов двенадцать будет, от Седова вправо...

Идем в этом направлении, натыкаясь то на огород, то на проселочную дорогу, и уже поздней ночью попадаем в лес, где нас застает дождь. Мы измучены, падаем друг на друга и засыпаем. Дождь сильный, и мы все как бы играем во сне — верхние, намокнув, стараются подлечь под нижних; но это продолжается недолго, начинается рассвет, очень сильно льет, потоками, со старой ели, под которой мы лежим, и в сером рассвете мы опять должны искать убежища: находим развесистую ель, сухо...

Слышим гул машин, нам кажется, что это наши части пробираются в Карпаты. Почему в Карпаты?..

В плену из уст в уста передавалось: есть приказ — всем пленным, бежавшим из лагерей, всем партизанам двигаться в Карпаты и организовывать там второй фронт. Туда, мол, посылают самолеты и сбрасывают десантников и оружие. Да, план гениальный. Решаем, что нужно, если не найдем здесь партизанский отряд, двигаться лесами (без компаса и карты!) в Карпаты и открывать второй фронт на две стороны — на запад и восток, чтобы расчленить немецкие полчища на две части, перерезав коммуникации. В общем, у нас самые ге-

роические и решительные планы, и нам кажется, что начинается настоящая борьба, это чувство появляется у людей, когда они включаются в борьбу и верят в нее.

Только сейчас мы начинаем ощущать, что мы на свободе. Сколько времени мы были оторваны от внешнего мира — а сейчас можем идти, куда хотим. Правда, мы не знаем, куда идти. Но можем. Какое счастье — дождь, смывший наши следы, ели, укрывшие нас. Свобода! Свобода!

Лес стоял в тумане дождя. С веточек свисают капли, отсвечивая рассветом. Подходим болотом к опушке леса, перед нами на бугре деревня, левее в тумане амбар, у которого ходит часовой.

Нам необходимо было общаться с людьми, чтобы узнать, где мы находимся и есть ли где партизаны, есть ли свои люди. Мы стояли мокрые и голодные, усталые, но с горящими глазами, и каждый ждал — кто согласится первым выйти к людям, а может — к врагам. Надвигался день. Нужно решаться. Взгляды всех останавливаются на нас с Николаем, только мы с ним в красноармейской форме, на остальных — форма литовских националистов, которую им дали немцы. Я молча встаю, снимаю пояс и скручиваю, подобно нагану. Кладу в карман и угрожающе шевелю, как будто сейчас выстрелю через карман. Внутри меня все напрягается, но внешне я спокойно говорю Коле следовать метрах в ста от меня, страхуя.

Иду молча, поднимаюсь в гору к крайнему сараю, у которого стоят мужики и две женщины.

Сразу говорю:

— Здравствуйте.

Отвечают настороженно и недружно. Спрашиваю, как называется деревня; к моему удивлению, называют Пуныще. Да, удивительно бывает в жизни — столько проплутав, попасть именно туда, куда нужно.

Я бодрее говорю:

— Бургомистр есть? — Обращаюсь к одному, помоложе.— Веди к нему.— И грозно вращаю в кармане своим импровизированным пистолетом.

— Нет, это в Пышно, а у нас деревня, чего ж он сидеть здесь будет.

Я не унимаюсь:

— Веди тогда к полицаю, мы его сейчас решим.

— Ой, что вы, люди, нема полицая.

Тогда, совсем расхрабрившись, говорю:

— Ну, так веди к старосте.

Все старики, переминаясь, разом начинают говорить:

— Да не надо его, он свой, наш человек, для формы поставлен. Чего его стрелять...

У меня спадает сразу при слове «свой человек»

то внутреннее напряжение, в котором происходит этот «непринужденный» разговор о расстреле бургомистра и полицая моим из пояса скрученным наганом.

Мы охотно соглашаемся, что стрелять не надо.

— Ну тогда,— говорю,— дайте чего поесть.

Нас повели в хату, хозяйка дает нам полхлеба черного, целую пилотку картошки и несколько соленых огурцов; поговорили о партизанах, нам рассказали, что отряд ночью был, но куда пошел, никто не знает; немцы оказались рядом, в Пышнинском сельсовете.

Мы прощаемся со всеми и опять по одному уходим в лес, переходя рубикон первого разговора с людьми по эту сторону проволоки.

Да. Кажется, все так обыденно, но в то утро для свидания с миром нам понадобилось напряжение всех духовных сил. Почти год мы, военнопленные, не общались с мирным населением. Мы не знали, что происходит в мире, в стране. Немцы в лагере говорили, что Сталинград пал и вся Россия уже в их руках. Мы не знали, что мы встретим. Как отнесутся к нам, бывшим военнопленным, наши люди. И наши ли это люди? На кого мы вышли? Ведь были же и полицаи...

Поделив все принесенное, начали решать — куда идти дальше. Пройдя немного лесом, мы наткнулись на старика и старуху лет по восьмидесяти. Старик рубил хворост и складывал на разостланную веревку.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Мы обступили их и начинаем спрашивать, задавать плохо слышащему деду целый поток вопросов.

Старики подозрительно нас осматривают и осторожно отвечают:

- Были партизаны ночью в Пуныще, были, милые, да куда ушли — кто их знает, может, на Воронь, там деревня большая, а может,— в сторону Острова. Вы лучше пройдите, поспрошайте там.

Мы, окрыленные новой ниточкой, отправляемся.

Идем обочиной давно не езженной дороги, сплошь заросшей цветами, а по бокам густым лесом; на колею уже выбежали маленькие елочки и сосенки, потонувшие в белых ромашках. На душе делается спокойно и так не хочется никуда идти. Начинаем обсуждать — вот, если наткнуться на места боев и найти оружие, мы сразу делаемся группой партизан. Но сколько ни идем лесом, мы не находим этих мест. Вот дорога выбежала из леса, и по обе стороны раскинулся кустарник с болотом, на котором заманчивые сиреневые цветы, таинственные и нежные. День кончался, солнце перевалило через центр неба и стало бросать длинные прохладные тени, а на западе заалели тонкие облака; есть хотелось очень, мы рвали попадающиеся ягоды и зелень, но ни

на минуту не останавливались в нетерпении узнать о партизанах; мы начали верить, после первых удач, что нас ждут, чтобы принять в партизаны.

Подходим к опушке, смотрим на раскинувшиеся огороды и большую деревню. Решаем, что нам лучше с Юркой идти, а остальные здесь, в кустах, будут ждать нашего возвращения. Идем огородами к крайней избе, массивной, с большим двором. В огороде стоит здоровый белорус в синем армейском галифе, в добротном пиджаке. Обойти его уже не могу, хотя на вид он мне кажется подозрительным, он видит меня и выжидающе смотрит. Сейчас показался Юрка из-за бугра, и он видит и его.

— Здравствуйте.

— Здравствуйте.

Как начать разговор о партизанах, где они и как к ним добраться?

— Хозяин, есть закурить?

— Это есть.— Достает кисет с чудесным самосадом редким, и мы крутим цигарки.

Подходит Юрка и, по условию, становится сбоку, чтобы не дать одновременно взять нас на мушку.

— Есть ли в ваших краях партизаны? Бывают ли у вас в деревне?

Отвечает — нет. Подходит к нам худенький белорус, закуривает свой табак и начинает уговаривать уходить отсюда — на Остров или в другую сторону, а здесь никаких партизан никогда не бывает.

Я вижу, что разговор не получается, и чувствую, что я попал не в те сани.

Тогда, приободрившись, говорю:

— Вот, хозяин, у меня люди в лесу и им нужно поесть, мы накопаем картошки, а вам вот три марки.

Это те три марки, которые я получил у немца за портрет. Во мне живет воспитанное чувство — нельзя брать бесплатно у населения, и потому протягиваю марки.

Но хозяин отказывается.

— Да у нас немцы копают — не платят, партизаны копают — не платят.

Тут я начинаю наступать:

— Как ты сказал? Партизаны копают? Вы их снабжаете картошкой, а ты сказал — не бывают у вас. Ты мне смотри! — Почему я так говорю, не знаю, но мне подсказывает чутье, что надо взять тон обличителя.

Юрка копает в пилотку картошку, и мы по одному отходим, угрожающе еще сказав хозяину картошки несколько слов.

Ноги растерты, мы усталые и голодные. Чувствуем, что где-то есть партизаны,— но где? На этот вопрос нам никто не отвечает, сразу замыкается человек, когда его спрашиваешь.

Вечером третьего дня побега подошли к деревне, раскинувшейся по бугру. Решаем зайти, разделившись по три человека — справа, в центр и слева. В деревне тихо, не слышно собак, в низинах уже лег туман, а в окнах изб еще теплятся отсветы вечерней зари. Стучу тихонько, женщина в белом приоткрыла окно, спрашиваю:

— Молоко есть?

Она, высунувшись, говорит:

— Я поставила крынку, сливать будете?

Я понимаю, что выдать свою радость нельзя, говорю хладнокровно:

— Нет, мы поесть хотим, а сливать позже приедут.

Женщина исчезла и через минуту протянула кувшин молока и кусок хлеба. В этот момент свист доносится из темноты, это сигнал опасности, бежим с Колей и Алексеем вправо, на свист, навстречу нам бегут ребята запыхавшиеся, Николай Клочко говорит:

— Там, ребята, полицаи. Подъехали два велосипедиста и спрашивают: «Кто вы?» Мы отвечаем: «Литовцы» (на ребятах была литовская форма, и в темноте они могли сойти за литовскую полицию). «Что здесь делаете?» Отвечаем: «Засаду на партизан». «Сколько вас?» — «Сорок человек»,— говорит Николай. Велосипедисты садятся на машины. Спрашивающий бросает: «Мы с орскомендатуры, проверяем посты полицаев».

Я говорю, что ясно — это были партизаны. Какие могут быть полицаи, когда тут молоко партизаны сливают.

До рассвета мы не спим, спрятавшись в копнах. Теперь мы опасаемся, что нас ночью партизаны, приняв за литовскую полицию, уничтожат.

На рассвете мы вышли к Истопищенскому лесу. Здесь на пепелище увидели крестьянина с лошадью, собирающего остатки своего хозяйства. Ребята, чтобы его не напугать, сидели в кустах, а я его час уговаривал сказать, где есть партизаны. Наконец, он сдался:

— И страшно вас, и жалко вас. Идите прямо. Там партизаны.

Опять я пошел в разведку. Пройдя лесом, вышел на поляну, где стояла изба лесника. Подойдя к изгороди, услышал окрик:

— Стой! Руки вверх!

На меня смотрело дуло винтовки. Меня обступили партизаны. Допрашивают коренастый бравый командир (это и есть вчерашний велосипедист) и второй — высокий, сутулый. Я замечаю, что станковые пулеметы и все подготовлено для встречи «литовцев». Все очень напряжены. Пока не подошли все остальные наши ре-

бята, не развеялось недоверие, но и потом каждого из нас проверяли в бою.

Велосипедист вчерашний оказался начальником бригадной разведки Сергеем Маркевичем, он наш крестный, с тех пор он мой начальник, так как он забрал меня к себе, в разведку.

Через год, зимой, я ехал через Воронь на операцию в Боровку. У меня на санях пулеметчик. Он спрашивает:

— Скажите, Николай, в прошлом году осенью в Воронь приходил военнопленный, так на вас похож, и спрашивал, где партизаны, и три марки хозяину за картошку предлагал, а с ним другой — в литовской форме парень.

Я сразу понял, что это были мы с Юркой, а тощий крестьянин был он, мой пулеметчик.

— Да. А кто был хозяин?

— Хозяин был начальник полиции Ворони.

— Так почему он нас не взял?

Мой собеседник хитро посмотрел и говорит:

— Да когда вы ушли, он обернулся и говорит: «Видал, с гестапо меня проверяют. Что ж я не вижу — полон карман немецких карандашей и три марки за картошку мне предлагает. Я и сделал вид, что их не признал. Понимать надо».

Вот и думай, что нет судьбы и что такое случайность.

III. В партизанском отряде

Слободка

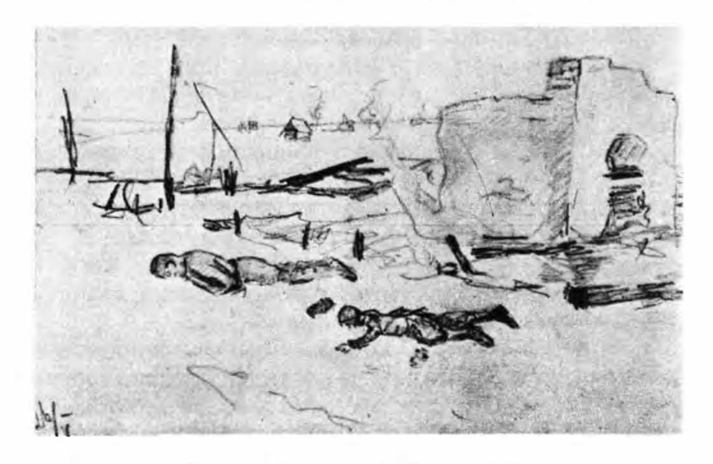
28 августа 1942 года мы были приняты в партизанский отряд, действовавший на Витебщине.

В октябре 1942 года бригада «Дубова» переехала на новое место, из Ушачинского района в Лепельский, в большие леса возле деревни Антоново. Здесь уже месяц стоял отряд Д. Т. Короленко, который очистил эту часть района от немцев.

Нужно было создать зимний лагерь, нужно было создать продовольственную базу. Несмотря на пропаганду немцев, что они вышли к Волге, что Сталинград не сегодня-завтра падет, люди потянулись в партизаны, и отряды стали расти. Предстояла суровая зима, и нужно было обеспечить партизан жильем, питанием, боеприпасами и одеждой.

В пяти километрах от деревни Антоново среди болота на островах с вековыми соснами началось строи-

тельство зимнего лагеря. Вдали от лагеря рубили лес и везли к месту строительства, чтобы не демаскировать лагерь. Стояла сухая теплая осень, у людей был подъем, у всех была вера в победу, сменившая прошлогоднее уныние. Строили оружейные мастерские, госпиталь, а в ноябре построили электростанцию и провели свет во все землянки. Связисты снимали провода у немцев и



7. **Н. И. Обрыньба.** Слободка. 26 февраля 1943. В центре видна баня, возле которой находился немецкий пост, наблюдавший за нами, пока мы с Н. Гутневым рисовали.

прокладывали свою линию связи. Так, к весне 1943 года выросла трехсоткилометровая телефонная линия между партизанскими гарнизонами. Построили столовые, хлебозавод в лесу. Колхозники привозили хлеб и продукты в Антоново, а из Антоново партизаны везли в лагерь и здесь делали запасы в погребах на зиму.

Между деревьями укреплены как стол длинные доски, на них партизаны рубят капусту и квасят в бочках. Солят огурцы. В лесу коптят мясо и колбасы.

Дружно стучат молоты кузнецов, они чинят оружие — изобретают, переделывают, и смотришь, стоит орудие на особых колесах и новой формы станина. Какие были минометы сделаны, какие автоматы, из СВТ переделанные! К обгорелым винтовкам делались новые приклады.

В это время у меня уже были масляные краски, добытые в сентябре, во время боев в Ушачинском гарнизоне. В доме одного полицая я наткнулся на имущество разграбленного книжного магазина, среди которого обнаружил масляные краски. Для меня тогда и бой не в бой стал, так я обрадовался. Набил тюбики за пазуху и в карманы, одежда оттопырилась, выскочил в окно, ну и бегом на компункт, но ложиться при перебежках я не могу — краски мешают, бегу, слегка пригиба-

юсь. Смотрю, рядом со мной какой-то человек — да это Зебик, казах, наш разведчик.

— Я тебя искал, а то наши из боя выходят, уходить надо.

Вместе побежали. У забора из колючей проволоки увидели нашу девушку, партизанку, она волосами в проволоке запуталась. Зебик, не раздумывая, отхватил ножом волосы. Втроем мы явились на место.

Мой поступок сначала вызвал недоумение партизан, принявших краски за тюбики вазелина. Ребята удивлялись и смеялись — зачем мне «вазелин», считали, что рисковать из-за красок нет никакой необходимости. Но уже на второй день, когда я на простыне нарисовал Чапаева в бою, комбриг Ф. Ф. Дубровский и комиссар В. Е. Лобанок решили использовать мое искусство в борьбе с фашистами. Сразу был приказ по бригаде: красок зря не тратить, только по приказу командования; если кто где найдет краски — нести их в штаб бригады и сдать художникам. Хотя мы с Николаем Гутиевым были разведчиками, но с этого дня нас стали звать художниками.

Бывали и комические случаи. Так, через несколько дней после приказа к нам в землянку ввалился огромный детина, он принес больше сотни тюбиков губной помады. Ею мы тоже воспользовались, сделав много лозунгов на бумаге и на белом полотне, так как кумача было очень мало.

Меня и Николая Гутиева партизаны умоляли перед операциями дать им хоть по одному плакату и даже записывались в очередь для этого. Но так как мы наряду со всеми участвовали в боевых операциях, то делать листовки и плакаты приходилось, урывая время от сна.

Идея создания воздушного змея для разбрасывания листовок сверху, как бы с летящего самолета, пришла Мише Чайкину, адъютанту комбрига. Миша еще недавно ходил заниматься в кружок авиамоделирования при Доме пионеров, а сейчас уже он был адъютантом, лихо скакал верхом, как заправский кубанский казак.

Миша умел делать огромных змеев, которые поднимаются на большую высоту, а по шнуру вверх ветер гонит парус, к которому цепляют 20—25 листовок. Доходит «почтальон», так называется парус, доверху, ударяется о препятствие, падает сам и открывает крючок, на который пришпилены листовки, ветер подхватывает их и несет высоко над землей. Полное впечатление, что сбросил листовки самолет. Так как события в них отражались свежие, то люди думали, что связь у партизан с Большой землей отменная, а может, и самолет у партизан есть.



8. Чернов Иван и Михаил Чайкин (справа). Эту фотографию я сделал в апреле 1943 г. Ребята пробуют змея, которого Миша сделал для разбрасывания листовок. Мише 22 или 23 года, через месяц он станет командиром кавэскадрона.

Так были разбросаны первые листовки — о зверствах фашистов в Слободке.

Я только что вернулся с операции по разведке, когда меня вызвал комиссар бригады В. Е. Лобанок. Он мне и Николаю Гутиеву дал задание зафиксировать зверства фашистов в деревнях Пуныще и Слободке. Немцы пробовали наступать на партизанский гарнизон в Пышно, были разгромлены и в отместку сожгли деревни, а жителей уничтожили. Мы едем на следующий день после случившегося.

Я быстро собрал в полевую сумку альбом, ка-

рандаши, кисти, акварельные краски, а также трофейный фотоаппарат «контакс» (он был взят у немцев в одну из операций на железной дороге, и хотя пленка была заснята — я решил фотографировать кадр на кадр, давая передержку). Запрягли мою серую лошадь в легкие санки и вдвоем с Гутиевым поехали в гарнизон, где нам должны были дать охрану.

Часам к 12 мы были уже в Пышно и пили чай у одной из гостеприимных хозяек, пока командир 1-го отряда организовывал нам конвой в 10 человек со станковым пулеметом на больших санях, запряженных сильным вороным жеребцом.

Миновав деревню — въехали в лес. Здесь было тихо и торжественно, деревья стояли разукрашенные инеем. Казалось, что нет войны, человеческого горя и страдания. Но вот мы уже на опушке леса, в ложбине, наша разведка вышла вперед, посмотреть, нет ли засады.

А перед нашими глазами на фоне светлого неба раскинулся снежный голубой бугор, утыканный черными трубами, и дым поднимался не из труб — дымились недогоревшие дома. На дороге лежал труп лошади.

Когда мы вошли в Слободку, перед нами встали картины одна страшнее другой. Вот среди дороги лежит женщина, а на ее груди ребенок, проколотый вместе с матерью штыком. Возле них валялась разорванная гармоника — неужели кто-то играл на этом пожарище? Недалеко двое — старик и мальчик, зарывшиеся лицами в снег, оба сильно обгоревшие; видимо, они выбежали из горящего дома и были убиты. Фашисты запирали жителей в домах и зажигали избы; кто выбегал, того расстреливали. Возле сарая обезглавленные трупы стариков, головы валялись тут же; фашисты топором рубили головы людям на обыкновенном бревне. Еще дальше обнаженный труп парня, весь черно-синий от ожогов.

Запах гари, траурные хлопья сажи, носившиеся в воздухе и оседавшие на снег, усиливали жуткое зрелище.

Преодолев оцепенение, потрясенный увиденным, я стал торопливо делать наброски, альбом быстро заполнился рисунками и описаниями зверств. Мои товарищи партизаны выставили охрану, немцы находятся метрах в 800, их пост отчетливо виден возле крайней бани соседней деревушки. Они с удивлением смотрят, но не стреляют. Почему?

Очень холодно, и уже смеркается, быстро уходит зимний день. На закате небо побагровело, мороз усилился. Ребята из охраны стали меня торопить, но так как работы было еще много, я решаю отпустить замерзших партизан, рассчитывая, что в случае опасности мы с Николаем всегда сумеем уйти на своей лошадке.

Наш конвой на вороном жеребце только успел спуститься к лесу, как в упор заработал пулемет. Это засада, фашисты отрезали их от дороги на Пышно. Я залег за печку на пепелище и начал стрелять, но теперь и в спину мне заработал пулемет с немецкого поста. Надо уходить. Проскакал второй конь с партизанами, Коля успел догнать санки. Ко мне жался самый молодой наш четырнадцатилетний партизан, первый раз в бою, только позавчера получил винтовку, был еще Афонька — старый разведчик, очень находчивый человек. Лошадь моя, испугавшись выстрелов, бросилась к лесу и застыла на бугре. Трассирующие пули ложились то дальше, то ближе скачущего вороного, увозившего пулеметчиков. Надо, надо уходить. Только бы за насыпь; отстреливаясь, я, Афонька и наш начинающий партизан побежали, вернее — наш молодой товарищ не стрелял, на бегу он все пытался сбросить маскхалат. Делая небольшие перебежки, мы наконец добрались до насыпи у шоссе, где залегли и стали отстреливаться, мальчишка плакал, бросил винтовку на снег. Надо было его припугнуть, чтобы привести в чувство, а то может побежать и убьют.

На землю быстро спускались сумерки, и нам перестало грозить преследование.

— Ну, как тебя зовут? — обратился я к пареньку.

— Володька.

— А чего же ты халат снимал?

— Трудно было бечь, дяденька.

— А почему не стрелял?

— Забыл, дяденька.

Володька был сильно напуган, да и не мудрено это после всего пережитого.

Ночь была темная, по глубокому снегу мы побрели в направлении к Пышно, но через некоторое время стали сомневаться в правильности дороги. Поднялась пурга, впереди зачернели очертания постройки. Мы добрались — а куда, сами не знаем. Если в Пышно, то хорошо, а вдруг прямо к немцам, в Студенку? Решили, что ребята залягут в снег, а я пойду и постараюсь узнать, где мы находимся.

Стою за углом избы, передо мною забор, а за забором улица, по ней идут какие-то люди, надо с ними завязать разговор, но как?

Спрашиваю:

— Какая деревня?

Остановились, щелкнули затвором:

— А какая нужна?

Сказать — Пышно? А вдруг здесь немцы — начнут стрелять. Сказать Застенок — будут стрелять партизаны.



9. Н. Обрыньба. Август 1943 года. Фото К. Р. Пацейко.
Мы были в разведке с Пашей Логвиненко и Пацейко. Пацейко передали, что у него родился сын. Он упросил нас свернуть к нему домой: «Я хоть подержу его, мало ли что ждет...». И мы зашли к нему. Жена его, молоденькая, совсем девочка, вынула из колыски ребенка. Пацейко осторожно держал сына в руках. Поднимал, крутил перед собой на вытянутых руках. Жена его вынула самогонку, выпили, вышли во двор, и здесь я сфотографировал их втроем. Потом Пацейко показал, где нажать, и он щелкнул нас с Пашей, а потом меня одного. Я решил, что этот снимок пошлю жене в письме. Так получилась эта бравая поза. Все это было во время блокады.

— Да мне переночевать надо, не знаете ли вы, где можно остановиться, а то с дороги сбился?

Вдруг слышу:

— Колька! Это ты, чертова голова, а мы уже стрелять хотели.

Побежал я звать своих товарищей. Афоня меня ждал на условленном месте, а Володя убежал. Искали мы его до 12 часов, но так и не нашли. Видимо, опять испугался наш герой.



10. П. Логвиненко (слева) и Н. Обрыньба. Август 1943.
Фото К. Р. Пацейко

Наутро приехала наша артиллерия — пушка 75-мм, возле ездовых мы увидели Володю.

Спрашивает его командир взвода:

— С какого отряда?

— А я, дяденька, возле орудия служу!

— Да как же, ведь ты у меня в стрелковом взводе?!

— Нет, я только могу возле орудия!

Это он веру в винтовку потерял, и ему показалось, что возле орудия надежней служить.

Ночью мы с Колей срочно делали эскизы листовок, к утру они были готовы, а к вечеру следующего дня уже напечатаны листовки «Отомсти фашистам!».

Делали листовки под копирку, немного подкрашивая акварельной краской. Текст писали или печатали в типографии. Эти листовки были сброшены над Лепелем с помощью змея. Одновременно ночью наши разведчики сумели распространить листовки по окрестным селам и немецким гарнизонам. Была вывешена листовка и в кинотеатре для немцев.

Впечатление огромное — только что события произошли, и уже с Большой земли самолет с листовками. Как население, так и гитлеровцы считали, что у нас есть связь с Большой землей самолетами. Они не могли себе представить, как можно было выпустить большое количество листовок на тему вчерашних событий, а о том, что у нас в лесу к тому времени уже была типография, они не догадывались.

О событиях в Слободке я вскоре написал картину «Поступь фашизма».

Тасс

Весело трещат дрова ~~в печке~~, светит электрическая лампа. У нас своя электростанция, гордость нашей бригады. В землянке живут Миша Чайкин — адъютант комбрига Ф. Ф. Дубровского, Ваня Чернов — адъютант комиссара бригады В. Е. Лобанка, Николай Гутиев и я.

Мы с Николаем делаем портреты своих товарищей, они охотно позируют.

В просторной землянке напротив двери — большое окно над землей, под ним стоит стол, над которым горит двухсотваттная лампа. Справа от двери шкаф, а дальше — нары. Шкаф — это просто дощатые полки до потолка, на них лежат все наши вещи — оружие, белье, краски, бумага, фотоаппараты. Возле двери — «буржуйка», маленькая железная печка.

С нами в землянке живет моя собака Тасс — немецкая овчарка. Она имеет свою историю.

Это бывший наш пограничный пес черной масти с желтыми подпалинами; когда я сижу на стуле, его голова находится на уровне моего плеча. В первые дни войны Тасс попал в плен и был у коменданта в местечке Кубличи. Но в сентябре 1942 года мы взяли коменданта в плен, выкрали ночью из гарнизона, и Тасс пришел к нам утром по следу. Взял его себе Владимир Елисеевич Лобанок, а от него перешел Тасс ко мне.

Немецкий комендант тренировал его на живых людях. Вот идут женщины, он натравит собаку, она бросается, валит с ног и начинает рвать тело, кровь чует, а проклятый фашист смеется.

В Кубличах жила наша разведчица, Женя, работала она учительницей. Комендант за ней ухаживал. Наш начальник разведки Сергей Маркевич с помощью этой учительницы заманил коменданта на именины. Же-



11. Н. Обрыньба, Н. Гутиев (справа) и Тасс. 1943. Я уходил в разведку, Коля и Тасс оставались. Мы давно хотели сфотографироваться, сели, навели аппарат, а щелкнуть попросили Опенка. Так получился этот снимок. На обороте фотографии надпись: «1943.25.IV. Моим дорогим и самым близким. Я рад, что я здесь, и вам за меня не нужно краснеть».

ня спрятала парабеллум, в это время наши ворвались в дом, наставили автоматы: «Хенде хох!». Комендант забегал в поисках пистолета. Юрка Смоляк изловчился, схватил его, но немец так отбросил Юрку, что тот в углу оказался, а сам шкаф перед собой поставил. Володя Лобанок зашел сзади и, обхватив его очень сильно руками, прижал живот. Комендант обмяк. В рот кляп забили, вынесли, положили на телегу, сверху навозом при-

сыпали, и деревенский парень вывез его к нам в лес, а Сергей Маркевич успел все документы в комендатуре уничтожить.

Все это делалось под носом у гарнизона, стоявшего в каменной церкви. Правда, полиция — 15 человек, сагитированные Маркевичем,— перешла на нашу сторону, что и дало возможность успешно провести операцию, так как именно эти полицаи несли в ту ночь караул. Вся организация и идея этой операции принадлежали Сергею Васильевичу Маркевичу.

Утром в Истопище допрашивали коменданта, оказался заядлый фашист, он твердил, что все равно Германия нас победит, и закончил словами: «Хайль Гитлер». Мы его расстреляли. А костюм, после соответствующей обработки, очень пригодился для конспирации.

Закопали мы коменданта, а на следующее утро по следу пришла его собака. Юрка Смоляк прозвал ее Тассом.

Собака была ростом с теленка, умная, но очень свирепая. Владимир Елисеевич не мог с ней справиться — никак не удавалось ее приручить, на своих бросалась, и решили ее убить. Жалко мне ее стало, ведь надо было учитывать, сколько раз ей переучиваться пришлось, хоть кого с толку собьет. Попросил я ее себе. Но свойство Тасс имел особое — будущий хозяин должен был его силой брать.

Оделся я в плотный полушубок и шинель сверху, на руках рукавицы, а левая еще замотана, в правую взял нагайку. Пришел в землянку Лобанка, Тасс был привязан, стал подходить, пес, разинув пасть, бросился на меня. Я ему руку в пасть сунул, а другой схватил за ошейник и скрутил, умудрился я сесть на него верхом, отстегать и отвязать от нар. Отпустил горло — слушается. Привел в землянку к себе, Тасс хмурый, на меня не смотрит, но повинуется. Ребята на нары позабирались, всем, что было, поукрывались, смеются. Заснули, но ночью никто не посмел встать.

Проснулись, уже рассвет в окно показался. Снег за ночь выпал, печка остыла, прогорела. Никто в темноте не хотел вставать. Тасс сидел возле двери и щерился, у него подрагивали губы, вот-вот бросится. На мои повелительные приказания не обращал никакого внимания. Все гоготали под одеялами:

— Ну, хозяин, возьми его сегодня голым!

— Посмотрим, как ты без штанов с ним справишься!

Мишка приготовил наган, а я стал просить, чтобы не стреляли, а помогли мне. Договорились, что я Тасса вызову броситься на меня, наброшу на него одеяло, а в это время Иван и Мишка схватят его за задние

лапы и поднимут, чтобы он не задушил меня, отнимут точку опоры. Я должен умудриться схватить за ошейник и оседлать Тасса.

Вот миг — мое движение — и Тасс бросается на меня, я успеваю набросить одеяло, он больно хватает левую руку через одеяло, но, обезумев, поднятый за хвост и задние лапы, Тасс выпустил мою руку, я уже очутился верхом на нем и, не давая опомниться, отлупил сильно. Досталось и мне — когтями ноги здорово поцарапал.

Но Тасс не повиновался, уполз под нары.

Проходят день, вечер. На просьбы и приказания он уже не реагировал, еду не брал. Пришлось лезть самому под нары. Голову поворачивает, я начинаю осторожно гладить его лапу, до головы боюсь дотронуться, но все это безуспешно. Утром следующего дня мы заметили, что вода выпита, а еда осталась. Опять лезу под нары, ласкаю его, стал чуть податливей. Вылез только вечером, и я повел его гулять, вел рядом на поводке, боялся я его отпустить, чтобы не застрелили. Порвал он уже 16 человек, почему мне Лобанок его и отдал.

Тасс считал своим долгом меня охранять. Если приходил ко мне кто-либо в землянку, глаз с меня не спускает, и если голос повышу или, жестикулируя, взмахну рукой, бросался на моего собеседника, валил на пол и к горлу. Здесь уж я употреблял власть хозяина, охлаждая его пыл тумаком. Обижался Тасс ужасно на меня, есть не станет, отворачивается и всем видом своим показывает, что несправедливо с ним поступили.

Много раз Тасс ходил со мной в атаку. Под пулями ползет на животе рядом со мной. А на марше надо было ему поноску давать, да увесистую, чтобы он чувствовал, что работает, иначе от избытка энергии хватает лошадей за ноги.

Принес пользу Тасс и бригаде, ловя убегавших предателей.

Сильно мы с Тассом подружились.

Бывало, сижу работаю, а ему гулять хочется.

Сперва он деликатно напоминает о себе коротким повизгиванием. Видя, что я не обращаю внимания, берет в зубы полено, становится возле выхода и поглядывает на меня, поворачивая голову. Не действует. Тогда, оставив полено, несет мне на колени по очереди шапку, шарф, полушубок и, взяв полено в зубы, занимает свой пост у двери. Ну, здесь уж я не выдерживаю, смеюсь, одеваюсь, и мы вылезаем с ним по очереди на воздух.

Позднее убили Тасса в бою.

«Бульба».
Картина «Разгром вражеского эшелона»

Сегодня в землянке Ф. Ф. Дубровский и В. Е. Лобанок, я пишу их портреты. Комбриг и комиссар сидят рядом. Лампа в 200 ватт и вторая поменьше включены, светло на холсте 80 × 100. Так и пишу их — рядом, в зеленых гимнастерках:

Владимир Елисеевич Лобанок очень любит изобретать новые формы борьбы, новые средства. Вот и сейчас. Идет разговор о моих картинах, Владимир Елисеевич предлагает все картины, какие будут написаны, повесить в специальном здании. Федор Фомич замечает: «Вот штаб строим, там и повесим». Но мы с Николаем говорим, что мало света будет, одно окно всего. Лобанок решает — необходимо завтра же прорубить в срубе место для трех окон в ряд.

Уже поздно, и надо кончать писать, а тут никак не получается сходство. Особенно Лобанок не дается, в нем есть что-то неуловимое — очень подвижное лицо, уловить его черты трудно.

Владимир Елисеевич говорит:

— Надо картину написать об уничтожении эшелона партизанами и обязательно в ней Короленко и «Бульбу» изобразить. И Мишу Чайкина.

Я отвечаю категорически — напишу картину, если увижу операцию, а не видя, не смогу. Это и решило все. Владимир Елисеевич согласился, Дубровский дал добро, и теперь я стал готовиться.

Когда кто-то идет на операцию или в разведку, ему стремятся дать лучшее оружие и одежду. Миша Чайкин обещал мне свой полушубок, Ваня Чернов дал две гранаты, Коля — перчатки. Пистолет и винтовка у меня были. Альбом приготовлен, и карандаши в порядке, все вкладываю в старенький потрепанный планшет. В хозяйстве остается один Николай Гутиев, я оставляю ему Тасса, так как на железку его брать не разрешили. Все тщательно готовятся к завтрашнему выступлению. Дубровский и Лобанок берут с собой два отряда — Короленко и Мисунова, операция предстоит очень большая.

«Бульба» — это прозвище Николая Степановича Щёнки, он работает на железной дороге у немцев. Вчера он проделал большой путь по снегу ночью, чтобы успеть передать важные данные — когда и какие эшелоны будут проходить через станцию Прозоровка. Дежурил Николай Степанович через два дня на третий. Коренастый, небольшого роста, блондинистый, с зеленоватыми глазами, говорил с акцентом западного белоруса.

После ухода комбрига и комиссара я решил сделать его портрет. По этому рисунку он и был вписан в картину.



12. Начальник бригадной разведки Сергей Маркевич (слева — и командир взвода разведки Василь Косый. Апрель 1943 г Фото Н. И. Обрыньбы. Они уезжали на разведку, а я возвращался с задания, встретились в лесу, и такие они картинные были, такие богатыри, что я сфотографировал их. Решил — картину такую напишу.

Уходит Николай Степанович в землянку бригадной разведки, я тоже ложусь спать. Но все настроены нервно. Как всегда перед походом и после такого напряженного дня, еще долго не спим, из темноты то один, то другой вставляют свои замечания.

Проснулись затемно, выскочили умываться на улицу, снег лежал голубо-синей пеленой, всюду слышны смех, быстрые приказания. Уже запрягли лошадей, выносили закутанные пулеметы и ставили на санки.

Быстро идем в столовую, там в большом котле уже готов суп, издающий чудесный запах, щедро наливает его каждому в миску повар.

Все готовы, и когда начинает светать, строятся отряды, их осматривают командиры и командование бригады. Первой идет разведка, затем отряд Короленко, Дубровский и Лобанок в белых овчинных одинаковых шубах едут в саночках. Растянулась колонна партизан, одних только станковых и ручных пулеметов 30 штук на санях. Орудия, сделанные нашими мастерами, — на-

ша гордость. Во время похода я подсаживаюсь на санки и рисую движущуюся колонну партизан, рисую и на привалах. Все сразу окружают меня, и сыплются замечания по поводу рисунка и позирующего.

— Вы подывиться, що с чоловиком робиться, его рисуют, так вин никого не бачить.

— Уже похож, как живой.

— Та не рисуйте его, он позавчера от фрицев тикав.

Застенчиво подходит позирующий и смотрит на свой портрет.

Движемся второй день, ночью приходим в деревню Углы, располагаемся на отдых. Дубровский дает задание — вести вместе с «Бульбой» IV отряд, взорвать экскаватор возле разъезда. Долго петляем по лесу. Николай Степанович объясняет каждый бугор, где лучше залечь, где лучше укрыться, если немцы начнут бить со станции. Наконец подошли к станции, к месту будущего расположения отряда в бою. Залегаем цепью. Вперед в темноту уходят минеры, чтобы заложить тол и взорвать экскаватор. Томительно идут минуты...

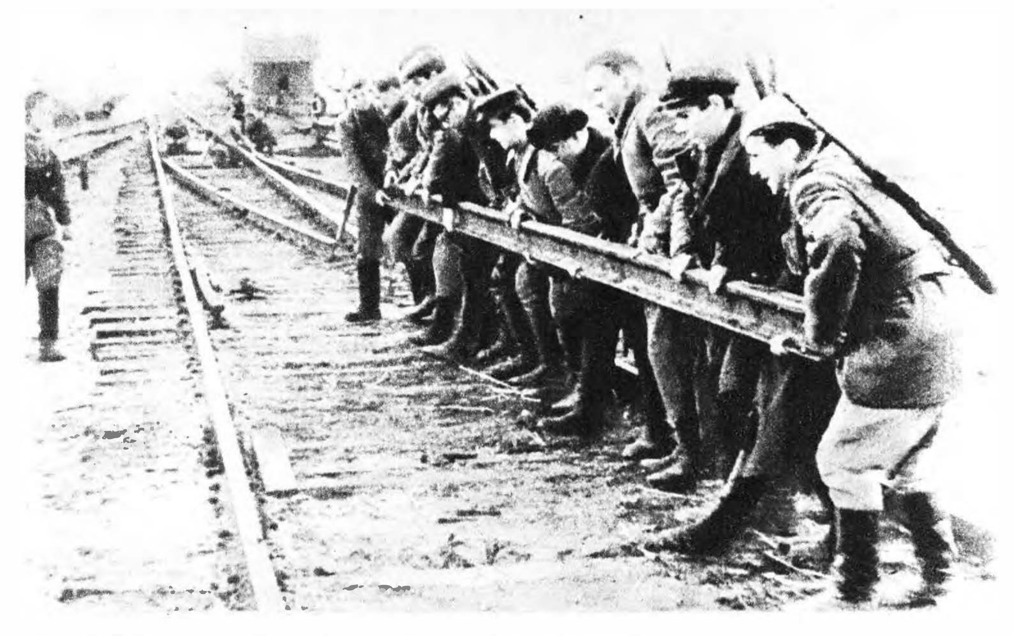
Вдруг возвращаются подрывники — оказалось, мало тола, нужно взять все, что есть, и закладывать заново.

Рядом со мной лежит совсем юный партизан, шепотом спрашивает:«Дяденька, куды целить?» Объясняю, что после взрыва, если немцы пойдут на нас, то и будешь в них «целить». Проходит еще время... Удивительно, как мне везет на мальчишек — всегда в бою или лагере возле меня крутится вот такой 13—14-летний партизан.

Вдруг осветилось все, и вздрогнула земля, ударил взрыв, тут же застрочили немецкие пулеметы. Мы ответили своим огнем. На станции много немцев, как раз стоял эшелон. Мой партизан совсем прижался ко мне и стрелял исправно. У меня произошло нечто совсем невероятное — затвор винтовки развинтился и упал в снег; я понимаю, надо ничем не выдать своего волнения. Начал кропотливо собирать затвор, наконец собрал, но так увлекся этим делом, что не заметил, как уже все ушли, а мы остались с напарником одни. Пробираемся кустами, фашисты стреляют взрывными пулями, и кажется, что стреляют отовсюду. Наконец, выбрались и нашли своих. Нашим пришлось отойти в лес. Операция прошла удачно, у немцев много убитых, у нас — ни одного.

Начали возвращаться в Углы, в три часа ночи мы были в деревне. III отряд тоже вернулся, все прошло очень удачно, они взорвали мост и разбили два эшелона.

Дневали в деревне, а ночью опять вышли к железке. Но я был уже в отряде Д. Т. Короленко. «Буль-



13. Рельсовая война Партизаны разбирают железнодорожный путь. 1943. Фото Н. И Обрыньбы.

ба» подвел к насыпи железной дороги возле моста, указал, где и сколько часовых. В час ночи пойдет эшелон из Германии, а через десять минут после западного эшелона пойдет через мост восточный.

Без десяти минут час сняли часовых, заложили мины на мосту и перед мостом, протянули шнуры и решили рвануть, как только состав выйдет на мост.

Ждать пришлось недолго. Огромной силы взрыв с черными клубами, с языками пламени и летящими кусками железа оглушил нас. Взорвался мост, и так подгадали, что паровоз по инерции не остановился, а упал с моста,-произошло крушение. Наши пулеметы заработали, решетя все вагоны, ружейная стрельба тонула в неистовстве пулеметных длинных очередей. На станции заработал крупнокалиберный пулемет. Нам пришлось перемещаться, но вот прокатилось «Ура!», и все бросились в атаку на состав. Фашисты оправились и начали отстреливаться, но гранаты и огонь были так сильны, что им пришлось отходить. В это время уже подходил эшелон с востока с живой силой. Паровоз остановился в нескольких метрах от взорванного моста. Эшелон обстреляли из пулеметов, но он молчал, нп одного выстрела.

Короленко отправил подрывников взорвать паровоз, вдогонку послал партизана Пацея Петра Куп-



14 Рельсовая война. Немцы укладывают рельсы на разрушенный партизанами железнодорожный путь. 1943. Снимок с пленки немецкого офицера.

реяновича с 50-килограммовой авиабомбой. Увязая в снегу, держа в руках огромную бомбу, винтовку перекинув через плечо, бежит Петро к паровозу. Вдруг видит, навстречу бегут подрывники от паровоза, и в темноте различает, как немцы рассыпались цепью и тихо командует офицер: «Шнель, шнель, партизан клайн групп».

Петро отбросил бомбу, а сам кинулся в кусты. Роста он был огромного, и когда он нырнул между елочек, огораживающих полотно железной дороги, винтовка, перекинутая через плечо, запружинила, и ельник, стоящий густой стеной, отбросил его назад, к немцам, его схватили, но он вырвался и уже пополз, нырнув назад под елки. Немцы не успели его снова схватить. Стрелять они не могли, чтобы не обнаружить себя.

Короленко был вне себя от досады — паровоз не подорвали, тол побросали. Перед ним стоят два парня, он шепотом им говорит:

— Тол должен быть взорван или принесен сюда. Что его, немцам оставлять? Я вас не видел. Принесите тол, доложите.

Два подрывника повернули назад. Это был жестокий приказ.

Немцы молча раскинулись цепью вдоль эшелона и наступали молча, наши отходили в сторону Углов.

Подрывники добрались до хвоста состава и под вагонами поползли вдоль состава. У паровоза, под носом у немцев, пособирали толовые шашки, вернулись обратно, проделав путь опять под вагонами. В вагонах стонали раненые, бегали санитары, но ничем не выдали себя немцы после обстрела, и только через три дня мы узнали, что убито и ранено очень много, несколько сотен фашис-



15. **Н. И. Обрыньба.** Николай Сафронов. Этюд к картине «Выход бригады «Дубова» на операцию». 31 января 1943.

тов. Подрывники принесли Дмитрию Тимофеевичу тол, но один из них вернулся седым. Приказ жестокий, но бойцы понимали — иначе нельзя. Нельзя без дисциплины, а III отряд был самым дисциплинированным в бригаде.

Немецкие солдаты выскакивали из вагонов и цепями шли нам во фланг. Короленко скомандовал отход, и наши начали отходить в лес.

Операция была благодаря сведениям, полученным от «Бульбы», исключительно удачной. Но пройдет

неделя и трагически оборвется жизнь Николая Степановича Щенки. Фашисты узнали, что он партизанский разведчик, и повесили его, а сына и жену расстреляли.

На рассвете уходила бригада назад, в лагерь Антоново.

Это был первый большой налет на железную дорогу, но практика показала, что надо искать новых



16. **Н. И. Обрыньба.** Михаил Жуков. Этюд к картине «Выход бригады «Дубова» на операцию». 3 февраля 1943.

решений. Не дает большого эффекта подрыв паровоза или эшелона. Нужна тактика особая — обработка всех до одного вагонов эшелона. Это не мина, сбрасывающая эшелон под откос, это уничтожение всех материальных ценностей и живой силы в эшелоне. Была задумана новая операция, и ей посвящалась картина «Разгром вражеского эшелона». Задание было такое: отразить на ней новый метод и инициаторов этого движения — Дубровского, Лобанка, Короленко, «Бульбу» (Щенку Н. С.).

Возвращаясь в лагерь, как всегда после боя, все возбуждены, делятся впечатлениями, каждый рассказывает события со своей точки зрения.

Два перехода, два дня — и мы дома. Коля и Тасс так обрадовались возвращению нашему! Построена новая баня, все время топится, то и дело выскакивают голые ребята и, зачерпнув наскоро из криницы воду

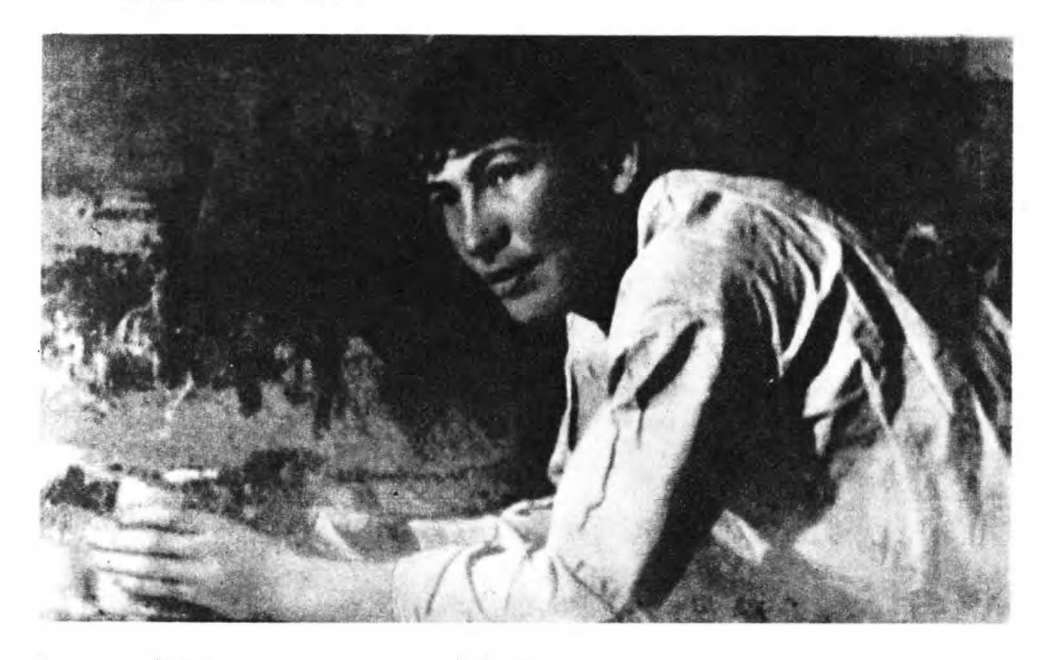


17. **Н. И. Обрыньба.** Выход бригады «Дубова» на операцию. 1942—1943. По приказу командования в картину включены основатели бригады и партизаны, отличившиеся в боях: А. Адмиралов, Артеменко, С. Бородавкин, В. Витко, В. Гергошели, В. Данич, М. Диденко, Ф. Дубровский, М. Жуков, Н. Журко, В. Качан, И. Китеца, Д. Короленко, В. Косый, В. Лобанок, С. Маркевич, С. Маркин, А. Марунько, В. Никифоров, Н. Обрыньба, М. Плиговка, Н. Сафронов, Д. Фролов, М. Чайкин, И. Чернов. И еще здесь Тасс, я вписал, никто не возражал.

ведром, бегут назад, в парную. Другие выскакивают и начинают кататься по снегу, и опять в парную. Огромная радость побыть в бане после боя, надеть чистое белье и вернуться в землянку, где ждут тебя картина и товарищи.

Раскладываю рисунки, сделанные в походе. Николаю нравятся, ребята вставляют свои комментарии, Коля показывает, что он сделал в лагере: наброски портретов, листовку и печать для бригады.

Вечером опять в землянке Короленко, Дубровский, Лобанок, пишу их портреты. Сегодня у них передышка. Идет рассказ об операции. Лобанок подтрунивает надо мной, как я сумел «разобрать» затвор. Осмотрели мою винтовку, оказалось, затвор опять распался. Винтовку надо снова отдать в оружейную



18 Н. Обрынньба возле своей картины «Выход бригады «Дубова» на операцию». 30 апреля 1942. Этой ночью принесли убитыми М. Жукова и В. Никифорова. Срочно их вписывал в картину.

мастерскую. Идет обсуждение будущей операции. Даются новые фамилии, кого надо ввести в картины, обсуждение идет тщательное. Но вот Дубровский и Лобанок собираются уходить, и на прощание Федор Фомич говорит:

— Завтра, Николай, зайдешь в штаб, есть новая работа — делать документы. Ребята с десантной группы должны сходить в Кенигсберг, подумай, как паспорта приготовить.

Вот тебе и картина, вот тебе и новая операция. Самое трудное — делать немецкие аусвайсы и паспорта. Ты ошибся, поставил точку не на месте, — и уже нет человека. Это сознание убивает. Ложусь спать, а на душе тревожно, и слетело все радостное настроение.

Утром я заказываю нашим разведчикам материалы, необходимые для документов, но пока их достанут, у меня есть две недели. Я в это время пишу картину, делаю кисти, готовлю холсты. Холст для картины был взят крестьянский, белый. Сшит вдоль, натянут на подрамник, проклеен столярным клеем и прогрунтован клеем с мелом. Все это легко описать, но как достать клей, мел? Мел принес из Ушачей Опенок — начальник нашего телефонного узла, он же принес целую коробку масляных красок, только вот белил не было. Достали белой эмали, оказалось, она красиво ложится и большой свето-

силы. Кистей нет, а их нужно иметь для всего, начиная с паспортов и кончая картиной. Пообещал мне Ко́сый Василий принести хорька, но никак не может поймать. Наконец принес, ужасно вонючий зверь. Нужно его убить, но он очень кусается. Все-таки пришлось. Сижу, подбираю щетинку — удивительной упругости и мягкости кисти получаются. Принесли щетины свиной, варю



19. **Н. И. Обрыньба.** Оккупированный город. Март 1943. Партизаны разбили эшелон, был убит начальник западных железных дорог, из его аппарата мы вынули пленку, ее проявили. Меня потрясла эта фотография своим цинизмом, и я решил написать эту картину. После войны установили, что снимок сделан в 1943 г. на Сурожском рынке в Минске.

ее и делаю кисти, вставляя в гильзы патронов, потом заливаю канифолью, благо здесь канифоли много в лесах.

Нам с Колей в помощь дали Ванечку, он немного рисовал, но главная его работа — делать столярную работу и помогать нам. Ванечка занят сейчас рамами для картин и подрамниками. Рамы он делает из сосновых досок, получается красиво. Ванечка большой, крупный мужчина, рыхлый, с виноватой улыбкой, по-детски наивный и очень добрый. Делает все с охотой и добросовестно.

Начинаю писать картину «Разгром вражеского эшелона». Эскиз ее я сделал быстро, сразу после операции. На первом плане Дубровский, «Бульба», Коро-



20. Заслон у дороги на Ушачи. Июль 1943. Фото Н. И. Обрыньбы. Во время блокады немцы бросили 40 тысяч солдат на наших 5 тысяч партизан. Прежде всего надо было перекрыть дороги. На снимке засада петеэровцев из отряда М. Диденко.

ленко, Лобанок, на втором плане бегут партизаны в белых маскхалатах, со снопами соломы за спиной, чтобы поджечь вагоны и уничтожить все, что находится в эшелоне. Бензина у нас нет, вот и приходится снопы соломы подвозить, чтобы было, чем поджигать.

Натягиваю еще один подрамник и пишу картину «Поступь фашизма». Эту картину пишу после нашей поездки в сожженную Слободку, по рисункам, сделанным там. Наряду с ней по взятой у фашистов фотографии начал писать «Оккупированный город». На фото на первом плане идущая на нас женщина со склоненной головой. В фигуре столько горечи и боли, а позади гогочущие вслед ей фашисты, стоящие у столба с повешенным партизаном. Картина производит на всех сильное впечатление. Все партизаны должны знать, что творится в оккупированных городах. Смотрят партизаны на эти картины, и у них закипает священное чувство мести.

Василий Никифоров

Сегодня пришел в землянку Василий Никифоров, он был с перевязанной рукой, ранили его под Чашниками. Мне надо его вписать в картину «Выход бригады на операцию». Возбуждение после боя еще не улеглось, и мы полны воспоминаний. Рисую, он получается хорошо в серой шапке и черном полушубке. В это время входит в землянку одна девушка, Алла, красивая, с ка-



21. В отряде Михаила Днденко. Июль 1943. Фото М. И. Суховой. Шла блокада. Мне поручили сопровождать кинооператора Машу Сухову, прибывшую из Москвы. Мы поехали на участок обороны, который держал отряд Михаила Диденко. Там постоянно шли бои, каратели прощупывали наши заслоны. Маша снимала киноаппаратом, поручив мне дублировать «лейкой». После боя командиры взводов сошлись у штаба Днденко, обсуждали прошедший бой. Миша говорит мне: «Знаешь, Николай, ты всех снимаешь, снимаешь, а тебя нет нигде. Давай вместе снимемся, чтоб память была». Маша сказала: «Сниму и жене отвезу». Так и было. А потом Маша вернулась к нам, участвовала в прорыве. Мне рассказывали, что на их участке хлестал ливень огня. Маша была смертельно ранена и трагически погибла.

рими глазами, чуть монгольским лицом. Произошла встреча двух людей, сразу полюбивших друг друга.

В лагере существовал закон: ни любить, ни пить никто не имеет права. Время суровое, и такие аскетические правила диктовала сама жизнь. Мужья уходили от своих жен и детей на борьбу с врагом, а не для «сладкой жизни». За нарушение этой заповеди Василий Никифоров, начальник штаба отряда, был разжалован, а Алла должна была перейти линию фронта. С картины я должен по приказу командования убрать портрет Василия Никифорова.

Портрет я не убирал, все оттягивал, я был уверен, что командование изменит приказ, говорил об этом

с Лобанком и Дубровским — не может картина о бригаде быть без портрета Никифирова. Я не предчувствовал трагической развязки этой истории. Наша партизанская картинная галерея должна была открыться 1 Мая 1943 года, а в ночь на 1 Мая принесли убитых Василия Никифорова и заместителя комбрига Михаила Жукова, и был приказ вписать их посмертно.

На открытии выставки картин — на своем вернисаже — я не был, утром 1 Мая мы уехали в бой, и вернулся я после. Успех картин был очень большой, как и плакатов Николая Гутиева, — острота их сатиры была очень сильной, и партизанам они нравились.

Позднее картины были отправлены на Большую землю в Центральный штаб партизанского движения. Прибыли они в трудное время для наших бригад и, как мне рассказывали, произвели в штабе огромное впечатление. В таких условиях, когда, казалось, блокада захлестнула партизанский край, там существует картинная галерея, пишутся портреты лучших партизан и картины.

Картина «Бой за Пышно»

17 мая 1943 года началась блокада Лепельско-Полоцкого партизанского края. Начался новый отрезок жизни, полный напряжения. В это время я находился далеко от лагеря. Мне пришлось быть не только бойцом, но и строить аэродром, принимать самолеты.

Прилетел из Москвы Героем Советского Союза В. Е. Лобанок и, увидев меня при аэродроме, дал приказ — немедленно оставить аэродром и приступить к работе над картиной о погибших в Пышно.

Я стал сопротивляться:

— Как же, я начальник аэродрома...

— Да начальников я тебе завтра сто поставлю, а художник здесь ты один. Поезжай в Пышно завтра же. Территория там ничейная, а наши до сих пор не похоронены. Найди тела, похорони. Посмотри, как все было. Напишешь о них картину. Возьми с собой Федора Сальникова (это наш врач), да будьте осторожны, засада может быть.

У меня сразу пропали все возражения и желание быть начальником аэродрома, с таким трудом мною построенного и ставшего гордостью нашей бригады.

— Ну, — сказал Лобанок, — понял задачу? Исполняй. А сегодня попозже сдай свое хозяйство.

Владимир Елисеевич Лобанок никогда не приказывал. Он вызывал, разъяснял задачу — и это был приказ. Также и Дубровский. Но слушались беспрекословно.

Утром в штабе Короленко объяснил нам с Федором, какая обстановка вокруг Пышно, какой дорогой лучше пробраться и, в случае чего, куда отходить.



Н. Обрыньба. Конец июля 1943. Только что отступили немцы, я собрался ехать на ничейную территорию, в наш бывший лагерь, чтобы откопать фотоматериалы, спрятанные перед нашим отступлением.

Я взял с собой в сумку альбом, еду, запрягли серую мохнатую лошадь и вдвоем поехали.

Дороги, только несколько дней оставленные карателями, могли быть заминированы, приходилось ехать где обочиной, где пускать вперед лошадь с телегой, ожидая «сюрприза» каждую минуту. Лес стоял вначале горелый — это немцы поджигали перед карательной экспедицией, выкуривали нас из леса. Дальше пошли сосны, по буграм цвел чабрец, и запах его пьянил, вызывал в душе воспоминания о счастье первых встреч с Галей. Кукушка считала наши годы, и было совсем непохоже на войну, но грустно.

Въехали в расположение лагеря. Все наши землянки были взорваны. Еще так недавно кипела жизнь на этом месте, а сейчас стояли развороченные ямы с разбросанными, опаленными бревнами. Возле взорванного штаба, где была картинная галерея, валяются изломанные рамы и подрамники.

— Вот, наверное, фрицы удивлялись, что столько рам у партизан, — говорит Федор.

Выкопали возле остатков госпиталя медикаменты, спрятанные Федей, и надо было уже спешить, так



23 Н. Обрыньба и Ф. Сальников (слева) у взорванной землянки. Июль 1943. Фото Н. И. Обрыньбы. По дороге в Пышно.

как был полдень, а нам еще до вечера надо успеть в Пышно.

Дорога шла сосновым бором, потом ровной полосой гребли, обсаженной вербами. Незаметно проехали двенадцать километров. Показалось Пышно.

Начало блокады, наступление немцев — оказалось для нас внезапным, брошено было в бой 4 дивизии фашистов, что в 10 раз превосходило наши силы. Со стороны Лепеля сельсовет Пышно был ключом к нашей зоне. Поэтому мы и противник так упорно вели борьбу. В Пышно всегда был в обороне отряд или два — это 300—400 человек.

Но вот фашисты усилили атаку танками и бросили полк пехоты. Пришел приказ отойти отряду, так как немцы заходят с фланга, готовя окружение. Чтобы оторваться от противника, надо было оставить заслон. Командир взвода Алексей Карабицкий был ранен в ногу, его перевязала медсестра Нина Флиговская, и он остался с двумя пулеметами. Первый расчет станкового пулемета: Семен Клопов, Надя Костюченко, Василь

Буйницкий. У второго пулемета были Алексей Максимович Буряк и его 17-летний сын Николай.

Сейчас перед нами главная улица Пышно. Земля изорвана воронками снарядов, черная от золы, прибитой дождями. По обе стороны стоят трубы печей, огороженные дворовыми изгородями, чудом уцелевшими. Кое-где торчат журавли колодцев. Идешь и в любую минуту ожидаешь — начнется обстрел. Откуда — мы не могли знать, так как эта территория контролировалась немцами. Дошли до середины Пышно, все тихо. Решили напиться. Подошли к колодцу, в котором брали еще весной воду, смрадный запах пахнул, но мы не думали, что он идет из сруба, заглянули в колодец — там, почти у поверхности, тело молодой женщины, брошенной поверх других, после глумления над ней.

Вышли на площадь. Было тихо, только чуть скрипело колесо нашей телеги, остановились возле лип, на которых болтались концы проволоки — это здесь они вешали наших партизан, петеэровцев, которые прикрывали справа наш отряд. Под липами свежая могила, уже их закопали; рядом, в центре площади — могила погибших в революцию за Советскую власть, решили с Федором, что здесь мы и похороним наших.

Надо было торопиться, пока не стреляли в нас и не стемнело, найти тела партизан. Мы прошли дорогой влево от деревянной церкви, чудом уцелевшей, улицу обозначали заборы из жердей, разделяющие огороды, за ними — кусты ольхи и лозы, место было низкое, а дальше начинались бугры, за которыми был лес. Вот оттуда и наступали фашисты. За огородами — линия нашей обороны, маленькие ямки. Глубже нельзя было отрыть, выступала вода.

Вдруг возле одного окопа мы увидели тело девушки с разорванной грудью. По красному сарафану узнали Надю Костюченко. Недалеко — тело партизана в сером пиджаке, в красноармейских брюках, сапоги сняты, узнали Семена Клопова. У него грудь тоже разорвана. Федор стал осматривать тела, а я зарисовал, как они лежат. В окопе рядом — измятая коробка от пулеметной ленты, вторая лента брошена в траве. Нашел их сектор обстрела, вот здесь они стреляли из «максима», а с бугров двигались танки и пехота, и они одни стремились задержать хоть на миг преследование нашего отряда. Федор сказал, что они подорвали себя сами одной гранатой. Видно, обнялись и заложили гранату между собой, поэтому и отброшены друг от друга. Не могли они допустить, чтобы их захватили живыми. Значит, они вдвоем последние были защитники Пышно.

Пошли назад, к дороге, и возле забора нашли Нину Флиговскую и Карабицкого. Нина лежала ничком, на ней было черное платье, ее светлые, как лен, волосы



24. У окопа Нади Костюченко. Июль. 1943
Фото Н. И. Обрыньбы

уже смешались с зеленой травой, справа — десяток гильз от патронов, это она отстреливалась, рядом лежал Карабицкий с перевязанными головой, рукой и грудью. Федя насчитал пять ранений и сказал, что с этими ранами он был или без сознания, или уже умирающий. Ноги их были раздавлены танком. От окопа Нади Костюченко, где был Карабицкий как командир пулеметного взвода, было 50 шагов. Это Нина его оттащила, перевязав пять ран, и залегла отстреливаться, но их настиг танк. Я прошел, промерив шагами, все расстояние, которое пробежала Нина навстречу пулям и танкам, чтобы, спасая, погибнуть вместе с любимым человеком. Передо мной сейчас пронеслись картины всего, что произошло в их последние минуты.

Командир дает приказ: отход, остаться Карабицкому с двумя пулеметами. Все срываются и быстро движутся, дан приказ отходить — у тебя есть внутреннее оправдание инстинкта страха смерти. Нина быстро перевязала еще одну рану Карабицкому и побежала



25. Отряд под командованием Веры Маргевич. Июль 1943 года. Фото Н. И. Обрыньбы. Этот снимок я сделал при встрече с отрядом, идущим мне на выручку в Пышно.

за отрядом, и вот, уже пройдя черту смерти, уже вырвавшись, пробежав метров сто, она вдруг упала и поползла по открытому месту назад, к окопу, не смогла бросить любимого человека, понимая всю безвыходность его положения: он ранен в обе ноги. Сила любви оказалась сильнее всего, и какой силы была эта любовь, которая заставила девушку вернуться, хотя сознанием она понимала — спасения ни для него, ни для нее, ни для оставшихся товарищей нет. Вернуться, чтобы умереть рядом.

Это великий подвиг женской любви, и я не могу оторвать глаз от двух прекрасных людей. Федор подходит и забирает меня:

— Хватит, идем, я нашел Буйницкого.

Мы подходим к дороге. На обочине раздавленное тело, гусеница та̂нка прошла по груди, а перевязанная аккуратно голова лежит отдельно, целая. Производило это впечатление нереальное, но надо себя взять в руки, надо осмотреть одежду, приметы. Лежит рука и на ней нет мизинца — это его рука.

Мы перестали думать об опасности, что нас обстреляют, время летело быстро, на западе над горизонтом протянулись тяжелые облака, из-за них в небо

устремлялись лучи солнца и ореолом освещали маленькие облачка, плывущие по небу, как птицы.

В минуты напряжения — я замечал — мозг фиксирует все вокруг точно и навсегда, отпечатывая в памяти, как барельеф, все то, что в спокойной обстановке я не запомнил бы.

Мы стали торопиться найти дотемна еще Буряка и его сына. Окоп их был правее Нининого, но там ничего не нашли. Пройдя шагов сто в направлении кладбища, мы нашли два тела. Видно было, что ранило сына и отец, взяв его на руки, старался выйти, но был убит в спину. Лежал отец, держа крепко своего сына, как носят ребенка, так и не разжав рук. Карманы его пиджака были вывернуты.

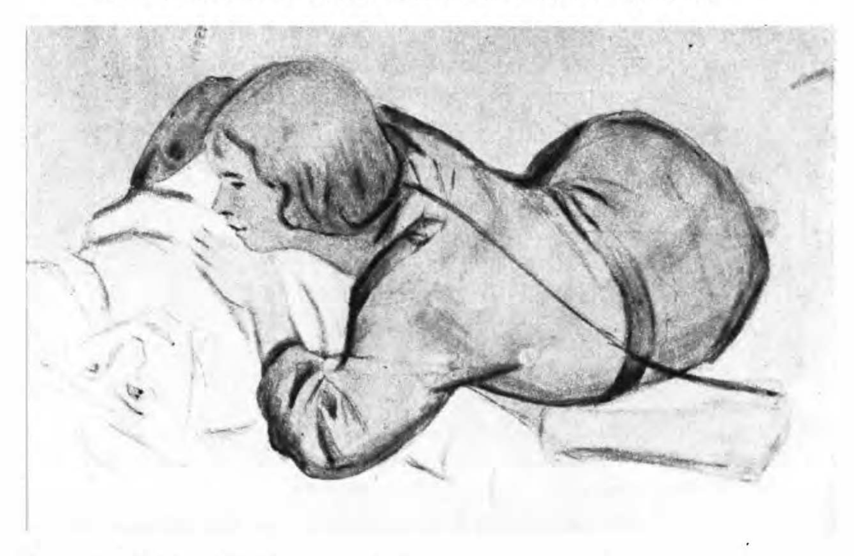
Мне было трудно рисовать, сжималось сердце, но надо все зарисовать и записать, в картине для партизан они должны быть живыми.

Туман стал подниматься над низинами, делалось прохладно, надо было решать, как быть с телами погибших. Завтра на рассвете приедут прощаться и хоронить родные Нади Костюченко и Буйницкого, его жена, ее мать, отец. Тела пролежали на месте боя две недели, уже началось разложение. Нельзя было и опасно, как сказал Федя, допускать к ним в этом состоянии родных, надо тела погибших хотя бы обжечь. Подтянул упряжь, и мы поехали в лес — искать смолярню. Немного проехав, выехали на большую поляну, на ней торчали черные обуглившиеся столбы, зияла яма, наполненная смолой, в ней отражались небо и скибка месяца. Нашли изуродованную бочку и ведро, налили смолы, поставили на телегу и повезли на место боя. На западе по светлому небу после заката протянулись длинные облака, а в куполе уже зажглись звезды.

Подъехали к Наде и Семену Клопову, обложили их ветками орешника и полили смолой, затем нарубили веток и обложили ими остальных, зажгли все костры разом. Языки пламени быстро побежали по веткам, листья свертывались и темнели, казались железными листьями кладбищенских венков. Вокруг было тихо, трещали ветки в кострах, столбы дыма и пламени поднимались вверх. Во всем этом было что-то торжественное и жуткое. Надо было уходить, так как каждую минуту немцы могут открыть огонь по кострам. Вдруг среди этой тишины раздался взрыв. Это у кого-то из них осталась граната. Прозвучал он, как салют и как последний отзвук их жизни.

Раздались автоматные очереди из гарнизона немцев, мы ушли с Федором в лес, где нас ждала лошадь. Поехали в деревню Остров, чтобы переночевать, а в три часа ночи уже приехать сюда и похоронить товарищей.

Не успели заснуть, как надо опять ехать, чтобы затемно быть в Пышно. Подъехали к площади, возле лип стояли уже с подводой жена Буйницкого, молодая красивая женщина в сером пиджаке и черном платье, ее мать-старушка и отец — в шапке и длинном зимнем пиджаке. На подводе лежал огромный гроб, сколоченный из досок. Поздоровались и предложили сразу их



26. **Н. И. Обрыньба.** Нина Флиговская перевязывает Алексея Карабицкого. Этюд к картине «Бой за Пышно». Июль 1943. Для Нины позирует Мария Буйницкая, для Карабицкого — Петр Литвин.

провести к линии обороны. Было прохладно, и меня немного била дрожь — и от холода, и от того, что недоспал, а главное, от предчувствия — что будет сейчас, когда мы покажем обезображенное тело с оторванной головой его жене, его близким. Подошла мать Нади Костюченко, молчаливая пожилая женщина, не сказав ни слова, пошла рядом. Жена Буйницкого, Мария, когда мы подошли к телу ее мужа, вдруг остановилась, скорее почувствовав, чем узнав его, долго смотрела на него неподвижным взглядом, не понимая происшедшего, я уже хотел ее отвести, но она вдруг узнала его, поняла и упала со вскриком на землю, стала собирать раздавленную руку, целовать пальцы, поднося к губам, обнимая его голову. Из-за леса все ярче золотился свет, предвестник восхода солнца, в предрассветной мгле раздавалось сдавленное рыдание женщины, распростертой на земле и прижимающей останки любимого человека. Она видела его таким, каким он ушел от нее, видела его ясные глаза, сильные руки, здорового, жизнерадостного, и примириться, ощутить, что перед нею

обезображенный труп, ей не давала сила любви, рисующая его живым. Опять меня поразила необыкновенная сила любви, живущая в человеческом сердце. Мать и Федор постарались оттащить ее, но она умоляла пустить, потом осела на землю, ее силы оставили, и только испускала стоны. Я подвел Надину мать к дочери, она смотрела долго на нее, потом спросила шепотом: «Где ее окоп?» Я повел, она села на бруствер и начала поправлять траву, гладила руками ее, выпрямляя стебли цветов, у нее уже не было слез, а была лишь боль. Старик, отец Марии, стоял молча, но сейчас подошел и сказал: «Мы гроб привезли, забрать его хотим». Я и Федор предложили им оставить его здесь и хоронить рядом с товарищами, он согласился, и мы быстро начали класть в гроб Буйницкого, Клопова, Костюченко. Еще в два других, которые наспех сделали из сундуков, положили в один — Карабицкого и Нину, в другой — Буряка с сыном, отвезли на площадь. Достали с телеги заготовленные лопаты, начали рыть могилу рядом с погибшими в революцию. Мы решили откопать тех, кого повесили немцы. Начали раскапывать неглубокую яму. Сверху, когда сняли слой земли, лежал петеэровец нашего отряда Глинский, у него лицо было покрыто вышитым носовым платком, девичьим. Кто положил этот платок, не испугавшись карателей? Головы были обезображены, так как их вешали не за шею, а продевали толстую проволоку в щеки, и живой человек висел долго. Второго партизана, Кривца, тоже положили в общую могилу. Быстро застучали комья земли, вырос холмик могилы. Солнце уже поднялось, туман рассеивался, надо было уходить, сели на подводы и поехали в наше расположение. Когда я опомнился по дороге в Остров, спросил у матери Марии — может, у них осталась фотография Буйницкого, то мне она для работы над картиной очень бы пригодилась. Я рассказал им, что хочу написать картину. Мать сказала:

— Мария пришлет вам фото. Вы в Старинке стоите, а мы живем в Антоново.

Мария с Буйницким только год как поженились, и он ушел в партизаны, а она осталась с грудным ребенком. Мария все время молчала и лишь сейчас сказала:

— Я принесу фото его. Нарисуйте большой портрет!

А принести надо за 12 километров и по немецкой зоне пройти. Мария опять скупо сказала:

— Я принесу.

Доехали до Острова, нас встретили партизаны, стали спрашивать — как хоронили, где. Рассказали. Гнев и ненависть были очень сильны у всех за погибших. Один партизан сказал: «А давайте ограду у могилы поставим, чтобы знали фашисты, что и на ничейной земле

мы хозяева». Мне эта мысль понравилась, и, распрощавшись с родными погибших, я тут же договорился с командиром отряда Мишей Морозовым сделать ограду. Начали делать четыре стороны деревянного заборчика. Все, кто был свободен, помогали стругать планки для штакетника, и к вечеру уже было все готово, погрузили на телегу и на рассвете должны были отвезти и поставить ограду.

Чуть начало сереть, я уже седлал лошадь, а на подводе ехал Петро, что предложил поставить ограду.

Попрощались с Федором Сальниковым, он ехал в штаб бригады, в Старинку. Подошел Миша из Особого отдела, стал просить: «Дай мне свой автомат, на сегодня, я еду в очень опасный район, а ты возьми мой, он хорош, но у меня патронов для него мало». У него в немецкий автомат вставлен патронник под калибр наших патронов, а чтобы наши патроны лезли в диск, их обжимать надо. Пристал — дай и дай, я отдал, попробовал стрелять из его автомата, стреляет, — ну, думаю, два утра спокойных, а сегодня я верхом, в случае чего, уйду.

Быстро проехали той же дорогой, вот уже в серой дымке утреннего тумана видно Пышно. Петро первым заметил возле могилы двух велосипедистов в немецкой форме: «Или наши, или ихние?» Я говорю: «Не должно быть наши. Гони». Сворачивать поздно, думаю — надо на рысях вскочить, в случае чего — сниму их с автомата. Только подскакали, они вскинули винтовки и выстрелили, упала моя лошадь, я через голову перелетел. Петро свою осадил, расстояние маленькое. Вскочил — я сейчас их, думаю, сниму, они тоже вскинули винтовки. Стреляю — одиночный выстрел, у меня автомат отказал, немцы тоже выстрелили, пилотка у меня слетела, как от толчка. Я не мог оттянуть спуск, отбил его ногой, опять одиночный выстрел. Издали бежали еще немцы, видно, они засаду нам готовили. В это время Петро, отбежав несколько метров, метнул гранату. Взрыв! Они падают, я метнулся в сторону и залег за забором под куст бузины, чтобы перезарядить диск. Здесь я понял, что не в диске дело, а дело в патроннике, который заедает и не выбрасывает гильзы, значит исправить невозможно. Лежу тихо, только слышу, как гулко бьется сердце. Крики, немецкая речь раздаются совсем рядом, набежало их человек десять, они ищут меня, но уверены, что я побежал к лесу, и ищут тщательно, один даже на липу влез, все смотрит по сторонам в бинокль, а я лежу рядом с ними, им и в голову не приходит, что я не бежал, чихнуть хочется до ужаса, я тру переносицу. Мне удается загнать один патрон в патронник — значит я смогу один раз выстрелить. Вспомнил, что у меня в кармане опасная бритва, потихоньку вытягиваю. Завернул ручку веточкой, чтобы она не закрылась, и тряпоч-

кой зажал в правой руке, на левом локте лежу, держу автомат. Затаив дыхание, осторожно снимаю фотоаппарат и, вывинтив объектив, заворачиваю в платок, потом, разрыв землю, закапываю его, чтобы им не достался. Делаю я все довольно спокойно, тщательно обдумав. Решаю — если меня найдут, то в первого же показавшегося я выстрелю, затем побегу, если ранят — пере-



27 **Н. И. Обрыньба.** Бой за Пышно. Август 1943. Написана картина после гибели товарищей в память о них. На первом плане Василь Буйницкий, за ним Надя Костюченко и Семен Клопов, справа Алексей Карабицкий и Нина Флиговская.

режу себе горло, это лучше, чем если бы меня поймали, начали мучить и за челюсть повесили на телеграфном столбе, пока умрешь — повисишь два-три дня. Неимоверно трудно лежать, теперь стал чувствовать, что крапива жалится, чешется все тело, но я весь внимание, слушаю шаги.

Прошло уже порядком времени, и я слышу, как удаляются шаги и стихают голоса, ушли... Повременив еще немного, я выкопал объектив и пополз к полю, потом канавой к лесу. Пробираюсь лесом, вдруг крик: «Стой, руки вверх! Стрелять буду!» Я падаю за пень и щелкаю затвором — ну, думаю, и тут полицаи. Отвечаю: «Свои». «Кто свои?» — «Да говорят же тебе, свои», — тяну время. И вдруг сбоку слышу: «Колька, чертова голова, а мы тебя спасать идем».

Оказалось, Петро прибежал в Остров, сказал, что случилось, Мише Морозову, Миша позвонил в штаб,



28. Непокоренные. 17 мая 1943. Фото Н. И. Обрыньбы. Первый день блокады. Я ехал на задание — надо было организовать прокладку дороги, и неожиданно наткнулся в лесу на этих женщин с детьми, стариков из деревни Стайск. Началась блокада, немцы приближались, они бросили свои дома и ушли в лес. На что они надеялись? В любую минуту их могли догнать немцы и расстрелять, хватило бы пары очередей. Понимая это, они все равно не захотели остаться под немцем. Тогда я понял значение слова «непокоренные».

Лобанок дал приказ: «Направить отряд и отбить, живого или мертвого».

Вышла спасать группа партизан, руководит операцией Вера Маргевич, политрук отряда. Это скромная девушка, бывшая учительница, в 22 года ушла в партизаны, и удивительно, что она — политрук, это огромная честь, ее можно заслужить только большими качествами душевными, а храбрости ей не занимать, я видел, как в рост она шла в атаку.

На радостях я сфотографировал весь отряд, на память о моем спасении.

Вера не успокоилась, решила пойти к немцам, а меня с Андреем Королевичем и взводом партизан отправила на Остров: «Идите через болото, на карте оно непроходимое. Нужно проверить подходы к деревне, в случае отхода может понадобиться». Несмотря на то, что болото значилось непроходимым, мы, прыгая с кочки на кочку, увязая выше колен, все же прошли его. Да, пожалуй, за все время пребывания в партизанах я не знал непроходимых болот. До двух часов ночи шли по болоту, пришли в Остров измученные, упали на пол в избе, где спали партизаны, и заснули. А на рассвете при-



29 Наша дорога. 17 мая 1943. Фото Н. И. Обрыньбы. Первый день блокады. Начало блокады было внезапным. Надо было срочно перебросить через лес оружие и снаряды, а дорога была болотистая, за 3 часа настлали 5 км дороги. Тянули орудие 6 лошадей.

шла Вера с отрядом, пригнали коров. Это они побили полицаев у них же в гарнизоне и забрали их стадо.

Утром я уже делал наброски картины, тут же мне подбирали партизан, похожих на погибших товарищей, я делал рисунки. К вечеру, когда я уезжал в Старинку, был вчерне готов эскиз картины «Бой за Пышно».

Николай Гутиев, когда я приехал, обрадовался очень, он пережил мою «гибель», в бригаде решили, что меня поймали или убили.

Сразу я приступил к организации холста, подрамника, отрыл окоп, такой, как был у Нади. Пришла Мария, принесла фото Буйницкого, он снят в красноармейской форме. По ее утверждению, наш Ванечка, который помогал нам с Николаем, очень похож на Буйницкого. Пришла одна партизанка, подруга Нины Флиговской, позировать для Нади Костюченко, достав вещи, похожие на наряд Нади. Даже сумочку нашла, как у Нади, — дамская сумочка на длинном ремешке с замочком, Надя носила в ней патроны. Нас она уверила, что Мария — точная копия Нины Флиговской, даже волосы такие же, золотистые, вьющиеся, и ложатся у нее на плечах, как у Нины. Я попросил Марию попозировать, но она сказала, что ей уже надо бежать домой, ребенок некормленый с матерью остался. А назавтра обещала прийти: «Если надо, буду позировать». Меня поразила



30. Петр Литвин прощается со своей девушкой. Старинка.
Июль — август 1943 года. Фото Н. И. Обрыньбы.

эта готовность пройти столько километров, чтобы позировать не для себя, а для другой девушки, которую она даже не знала.

Ване перевязываю голову, он залезает в окоп, разбрасываю гильзы, бросаю коробку с пулеметной лентой и пишу этюд. На этот этюд отваживаюсь потратить масляные краски.

Утром на следующий день пришла Мария, сделал четыре акварели — она перевязывает Петро Литвина, который позирует для Карабицкого.

Петро Литвин просит сфотографировать его с девушкой, которую он любит. Пленку я берегу, как зеницу ока, но это — такой красоты духовной человек,

я не могу ему отказать. Делаю фото — он стоит с автоматом и держит девушку за руку, прощается. Завтра, еще не будет проявлена пленка, а он будет убит, поведя отряд в атаку.

Мария Буйницкая приходила регулярно позировать и смотреть, как на картине получается ее муж. Я поражался серьезности отношения к картине не только ее, но и всех партизан. Картину ждали и ревностно относились к каждой черте героев.

Мешали писать ежедневные налеты немецких учлетов на Старинку. Летали они регулярно с 9 до 12 утра, отбомбятся и улетают. Сперва я работал в избе, но потом, чтобы не подвергать картину опасности, ее вынесли на улицу, и я писал ее в тени хаты. Недалеко от избы был отрыт окоп, куда мы с Николаем Гутиевым прятались во время налетов, а к картине привязали веревку, чтобы в случае попадания в дом зажигалки, ее вытянуть.

Николай Гутиев делает агитплакаты и листовки, я пишу картину, и к нам сюда, в хату, идут партизаны, которые приезжают отовсюду в штаб, чтобы посмотреть картину и достать листовок, а потом развесить их где-нибудь во время разведки или операции.

Тогда и теперь я часто думаю, что силы для борьбы и работы на втором-третьем дыхании дало мне отношение людей, которые меня окружали. И постоянно стоит передо мной один эпизод. В первые дни пребывания в концлагере нас держали без воды, если кто высовывался из окна за снегом, стреляли. Я рисовал умирающих, будучи сам на грани смерти. Вдруг мне незнакомый парень протянул ложку снега, она стоила очень дорого, и я отказался, сказал, что у меня ничего нет. Но ~~парень велел:~~

— Ешь, тебе нужней, может, твои рисунки сохранятся, и люди не скажут, что мы предатели.

Вот это всегда было как наказ. Слова его звучат во мне.

Обрыньба Николай Ипполитович

Родился в 1913 г. в г. Епифань Тульской области. С 1939 — студент Московского художественного института (батальной мастерской П. Д. Покаржевского). 3 июля 1941 ушел добровольцем на фронт. Попал в окружение, затем в плен. В 1942 бежал из плена и по 1944 воевал в партизанской бригаде «Дубова» на Витебщине. В 1944—1950 служил в Студии им. Грекова. Живописец. Большое место в творчестве занимает партизанская тема. Заслуженный художник РСФСР. Награжден медалями.

К. Финогенов
Мои фронтовые поездки*

1. Лозовая

Когда в начале 1942 года наши части Юго-Западного фронта прорвали немецкую линию обороны и захватили станцию Лозовую, Комитет по делам искусств стал направлять художников не на ближние подмосковные участки фронта, а дальше.

Едем (художник Финогеев и я) через Воронеж, в самое острие Барвенковского выступа Юго-Западного фронта. Вместе с бригадой артистов получаем направление в 6-ю армию.

Февраль 1942 года.

До Купянска едем на поезде, в теплушках. Отаплнваемся собственными средствами, благо уголь по дороге попадается. В воздухе рыщут немецкие самолеты. При их появлении наш поезд останавливается, и мы разбегаемся в стороны, чтобы укрыться. Пронесло! Опять едем.

В Купянск приехали ночью. Выгружались, не доезжая до центрального вокзала. Район вокзала усиленно бомбится, днем и ночью. Какими-то разбитыми дорогами и тропинками, в темноте, с вещами в руках пешком идем в город.

В городе, забитом войсками, оформляем документы, но только на третий день получаем лошадей, чтобы следовать дальше. К ночи прибыли в населенный пункт, где неожиданно попали на ночной концерт. Зрелище незабываемое! Суровые, исхудалые лица зрителей, еще не успевших отдохнуть. Все при оружии. Внимательно, с интересом смотрят на клубную сцену. И в самый разгар действия вдруг откуда-то сзади раздается твердый, громкий, четкий голос, объявляющий приказ о выступлении. В ответ — мгновенное движение оружия и ног. Зал моментально пустеет. Без всякой сутолоки.

Утром грузимся н едем на санях в расположение 6-й армии. Дорогой встречаются заметенные снегом неубранные массивы пшеницы, овса, ржи с шелестящими от зимнего ветра колосьями и разбитые и сожженные села.

* Написано в 1947—1952 гг. Публикуется впервые. Раздел «Сталинград» опубликован в следующих изданиях: «Фронтовые дневники художника К. И. Финогенова». М., 1968; «Изобразительное искусство в годы Великой Отечественной войны». М., 1951; «Своим оружием». М., 1961; «Когда пушки гремели». М., 1975; «Реликвии рассказывают». Волгоград, 1975. В настоящем издании этот раздел публикуется с сокращениями.



1. К. И. Финогенов. Юго-Западный фронт. Лозовая. Февраль 1942. С крыши вагона зарисовываю военные трофеи, захваченные 6-й гвардейской армией во время прорыва немецкого фронта и овладения городом и станцией Лозовая.

К вечеру добираемся до тылов 6-й армии. В полуразрушенном доме — походный госпиталь. На наскоро сколоченных подмостках едущие со мной артисты дают концерт для раненых, сидящих и лежащих на полу, устланном соломой. Горит только несколько керосиновых ламп.

На попутных машинах, везущих подарки трудящихся к годовщине Советской Армии, едем к переднему краю, в расположение отдельных дивизий.

Леса, овраги, поля. Шофер то и дело останавливает машину, проверяет, не отклонился ли в сторону.

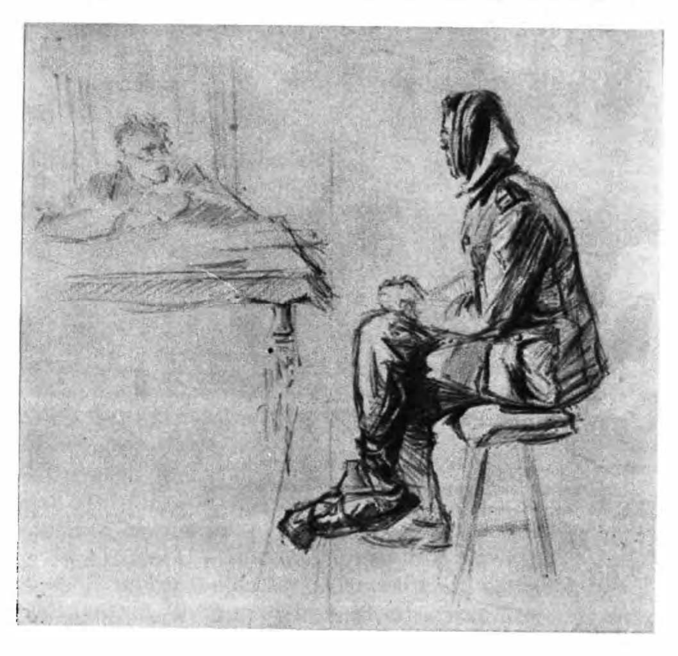
В селении Барвенково расположились комендатура и хозяйственные части армии. Здесь я попадаю (в третий раз!) на концерт красноармейской самодеятельности. В большом здании школы с разбитыми и кое-как закрытыми окнами впервые исполняется «Ой, Днипро, Днипро...». Присутствуют командование армии и сам автор нового произведения — Евгений Долматовский. Смысл песни усиливается до необычайности обстановкой, в которой проходит концерт.

Приезжаем в поселок при станции Лозовая. Сопровождающий ведет нас в штаб полковника Кутлина. Здесь, после проверки документов и выяснения поставленных перед нами задач, к нам прикрепляют

одного из политработников и дают лошадь с санями и ездового.

Началась работа.

Линия переднего края проходила в трех километрах дальше Лозовой. В Лозовой же находилось командование дивизии. Нам очень охотно и много рассказывали о героических делах дивизии кутлинцев, на-



2. **К. И. Финогенов. Юго-Западный фронт. Март 1942. Допрос захваченного в плен немецкого солдата в деревне Лозовенька. После отступления немецких частей он скрывался под крышей дома в сене. По профессии был учитель.**

зывали отдельных героев захвата станции Лозовой, описывали их подвиги и показывали места их героических дел, объясняя обстановку. Мы делали зарисовки и этюды.

В Лозовой мы познакомились с кинооператором Мухиным. Он был здесь уже «свой» человек. И я попросил его помочь мне в одном деле. Весь город был забит легковыми и грузовыми машинами и другими трофеями, брошенными немцами при отступлении, но особенно много трофейного имущества было сосредоточено в привокзальном районе и стояло погруженным на железнодорожных платформах. Прямо на путях. Мне очень хотелось сделать несколько рисунков этого богатейшего трофея кутлинцев. Командование же дало указание нашему сопровождающему избегать поездок в этот район, так как за ним усиленно следили немецкие самолеты и

малейшее движение в этих местах вызывало интенсивную бомбежку. Я попросил Мухина устроить нам вылазку на железнодорожные пути. Он хорошо знал эти места (пренебрегая опасностью, он уже снимал их) и с большой охотой согласился.

В один из солнечных дней, подлезая под разбитые вагоны или перелезая через них, мы с Мухиным пробрались в самую гущу железнодорожных путей, сплошь забитых составами с брошенным немецким имуществом. Мухин сделал еще несколько дополнительных съемок и сказал, чтобы я располагался для работы как мне удобнее, а он последит за «воздухом». И действительно, за время работы пришлось (в воздухе появлялся разведчик) три раза укрываться под вагонами. Но все интересное было зарисовано...

В Лозовой нас познакомили и с одним небольшим, но очень активным партизанским отрядом. Он вновь уходил в немецкие тылы, на этот раз ненадолго. С командиром отряда мы сговорились было пойти с ним, но командование согласия на это не дало. Зарисовать командира и партизан мне разрешили, но с условием, что под рисунками не будет их фамилий. Ведь они снова уходили «туда», на опасную засекреченную боевую работу. Так и сейчас я не знаю их фамилий.

Уже весенними, мартовскими дорогами мы возвращались в Воронеж. Снег начал сильно подтаивать. Дороги портились. Наступала распутица. Машины застревали. Специальные дружины с огромными трудностями проталкивали транспорт.

2. Сталинград

В Сталинград нас приехало семь человек: Пластов, Ефанов, Савицкий, Гапоненко, Одинцов, Ряжский и я.

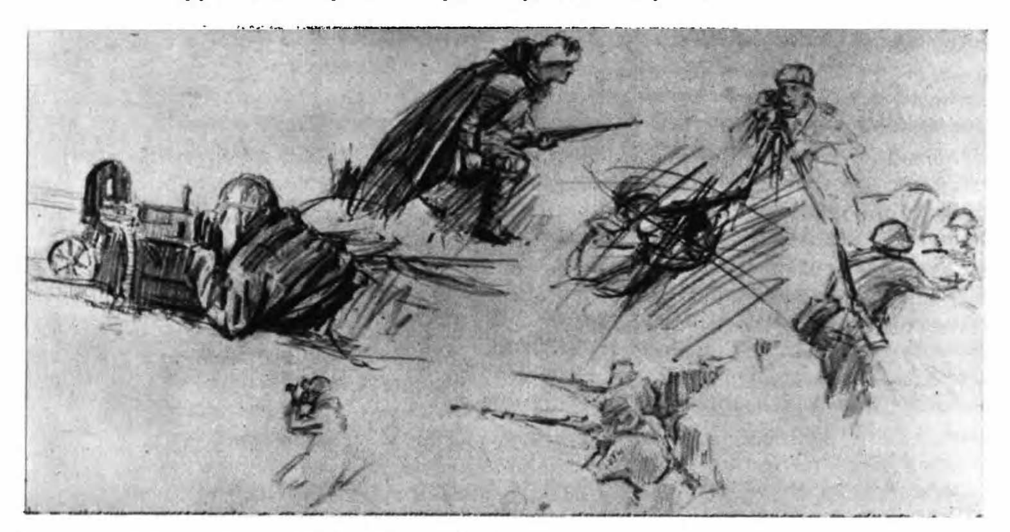
Тихо лязгнули буфера, и поезд остановился в совершенной темноте. «Дальше не идет», — сказал кто-то.

За окнами неосвещенного вагона изредка кое-где неосторожно мелькнет огонек и тут же погаснет. Доносятся еле слышные голоса, приглушенные шаги торопливо проходящих людей. Дальше, к Сталинграду, придется ехать фронтовыми дорогами, на машинах, подводах или идти пешком...

«Товарищи, не чиркайте спичками! Не курите! Мы недалеко от врага», — то и дело предупреждают вокруг.

Только день тому назад мы, московские художники вместе с бригадой украинских артистов, в этом самом вагоне при свете сальной свечи встретили Новый год — 1943-й. В вагоне оставались до рассвета.

На рассвете земля в больших н малых кратерах встретила нас. Вокруг — разбитые железнодорожные постройки, разбомбленные эшелоны. Тем более поразила среди хаоса разрушений четкая работа без суеты н сутолоки. Спокойно выгружались эшелоны с людьми н боеприпасами. Строились боевые порядки. Чистилось оружие. И отряд за отрядом уходили «туда».



3. **К. И. Финогенов.** Сталинград. Январь 1943. 10 января начался штурм окруженной армии Паулюса. При 30-градусном морозе в снежную пургу, взрывая дзоты, блиндажи, все теснее и теснее сжимали кольцо окружения.

Тронулись н мы.

Медленно, с остановками двигаемся целый день. Только к вечеру добираемся до переправы.

Волга в полыньях н торосах от непрестанных бомбежек. Длинной змеей, лежа где на льду, где прямо на воде, уходит вдаль через Волгу, на правый берег, мост или, вернее, бревенчатый плот, застланный толстыми досками. Через него медленно идут отряды вперемежку с орудиями, грузовиками, тягачами, штабными машинами. Несмотря на то, что мост не особенно широк и ровен, переправа идет размеренно, без заторов. Налетов нет. Быстро темнеет. Мы переправились в сумерках. На правом, высоком, берегу передвигаемся через перелески зигзагами в гору, по разбитой бомбежками дороге. Идущие в гору обозы в быстро сгущающейся темноте затормозили движение. В темноте, усиливающейся от окружающего леса н холмистого берега, уже было трудно двигаться, н некоторые машины, несмотря на опасность бомбежки, включили фары. Снопы лучей прорезали темноту, перекрещиваясь в разных направлениях и выхватывая нз нее то куски разбитой грязной

колеи дороги, то хобот тяжелого орудия с бойцами или уродливый ствол разбитого снарядом дерева, грохнувшегося поперек дороги.

Ночь... Прибыли в штаб фронта. Встретили нас тепло. Утром направили в армию генерал-лейтенанта Шумилова, на Бекетовскую дамбу. Теперь, двигаясь по правому берегу Волги, мы с каждой минутой приближаемся уже непосредственно к Сталинграду. Везде, в заросших кустами склонах — замаскированные землянки, блиндажи, а под деревьями и укрытиями — походные кухни, машины и всевозможная техника.

В двухстах шагах от нашей дороги берег Волги. С него смутно, через снежную пелену, виден Сталинград. Глазу хотелось преодолеть пространство и уловить какое-нибудь движение. Но расстояние еще велико, а «там» все запряталось, ушло в землю, в руины города.

Рассказывают, что в разгар осеннего немецкого наступления, когда в течение нескольких месяцев Сталинград горел, в Бекетовке днем было темно от копоти и дыма, а ночью светло от отблесков колоссальнейшего пожара, охватившего всю излучину Волги.

Знакомые места, родные места — здесь я бывал, здесь и рисовал когда-то...

Безлюдно в приволжских степях зимой. В эту пору легко в них заблудиться и сгинуть. Редко кто без особой нужды поедет через них. И поэтому странное и необычайное впечатление производили они сейчас. Те же бескрайние заснеженные просторы, изрезанные балками. Ветер несет из прикаспийских пустынь мелкий сухой снег с песком. Тридцатиградусный мороз пробирает через шинель и ватник до самых костей, леденит дыхание. Кругом ни кустика, ни деревца... И все же по всему пространству, прижимаясь к ложбинам, бугоркам, идет непрерывное движение. Едут танки, орудия, грузовики, заиндевелые лошади тянут подводы, идут отряды. Все это стремится как можно скорее укрыться в балках и оврагах. В откосах балок зияют амбразуры дзотов, блиндажей. Видны землянки. Стоят замаскированные орудия, минометы, пулеметы. В танки заправляют горючее, подносят снаряды, устанавливают радиомачты. Куда-то, к невидимым наблюдательным пунктам, прокладываются линии связи. Стволы всех орудий по всему степному простору, как магнитные стрелки, нацеливаются в одном направлении — к Сталинграду.

Замерзшая, полузанесенная снегом речка Червленая. В осыпях крутых берегов — щели землянок. Разбитый ветряк. Полуразрушенные дома колхозников.

Это — Гавриловка, исходный рубеж 204-й стрелковой дивизии генерал-майора Скворцова. Отсюда несколько десятков километров до Сталинграда, а до немецкого оборонительного рубежа совсем близко.

Завтра кончается срок ультиматума. Утром дивизии предстоит прорвать оборону немцев и, развивая наступление, ворваться с юга в Сталинград.

В альбом, к ранее сделанным рисункам, прибавляются зарисовки Гавриловки, изготовившихся артиллерийских батарей, разведчиков, вернувшихся от немецкого края обороны, последних приготовлений к бою. Нахожу «затишки» от степного ветра. За бугорками, в разбитых машинах, за орудиями, в повозках с помощью бойцов устраиваю из плащ-палаток эти «затишки».

10 января 1943 года начался штурм оборонительных укреплений окруженного врага. Я пробрался ближе к переднему краю, чтобы хоть одним глазом посмотреть и зарисовать картины того беспредельного героизма, который проявляли наши бойцы в страшных условиях наступательных боев на открытой местности. Часами они лежали в сугробах, на открытых пространствах степи под шквальным огнем немецкой артиллерии. Металлические части оружия на морозе обжигали руки. Малейшее ранение и потеря крови грозили смертью от замерзания, но героический город был рядом. В нем сражалась знаменитая 62-я армия Чуйкова, и каждому хотелось первым войти в Сталинград. Мощные укрепления немцев брались с налету...

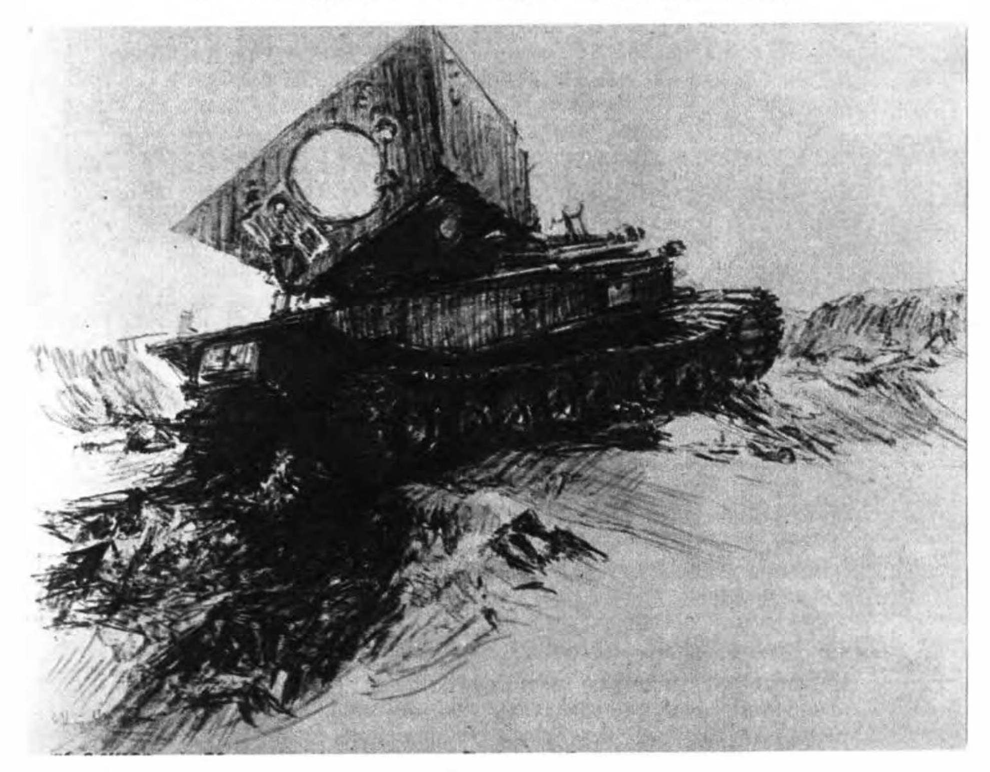
Прорвана укрепленная балка Кораватка, взяты балка Западная, овраг Таловой, Стародубовка, где смельчакам-саперам пришлось взрывать толовыми зарядами два немецких блиндажа, разнести которые не смогла даже наша полевая артиллерия прямой наводкой. Отсюда уже видны ближние подступы к городу. И вот наконец южная окраина Сталинграда в районе элеватора.

С волнением я зарисовываю железобетонную громадину, пробитую в сотнях мест артиллерийскими снарядами, минами и авиабомбами. Колоссальное количество впадин, выбоин, вырванных зубцами кусков бетона. Свешивающаяся и торчащая, покореженная арматура создает своеобразный узор по всей высоте башни, и элеватор напоминает готический собор.

Около элеватора бьет наша легкая артиллерия. Я пристраиваюсь у одного орудийного расчета и делаю рисунок. Солдаты облегчают мою работу — стараются делать меньше движений. Из-за этого происходит конфуз: наводчик немного недовернул подъемный механизм, н снаряд, вместо того чтобы перелететь через руины, ударил в гребень стены и разорвался в сотне метров от нас. Стараюсь быстрее закончить рисунок, чтобы не мешать расчету...

Впереди, за несколько улиц от нас, идут горячие уличные бои. Грохот гвардейских минометов — «катюш». Клубы дыма. Летящие по воздуху языки пламени.

Штурмовые группы с упорством пробиваются через улицы и вырываются на берег Царицы. Вот и моя улица. Но узнать ее трудно. Такое впечатление, будто город ушел в землю, и только из-под земли торчат какие-то выступы, бугорки, трубы. Вместо кварталов деревянных домов — занесенные снегом пустыри, вместо каменных зданий — руины и битый кирпич. С непередаваемым



4. **К. И. Финогенов.** Орловско-Курская дуга. Июль 1943.
В битву за Орел и Курск Гитлер бросил мощные танки «фердинанд», «тигр», «леопард». Советские танки в лобовых атаках громили их. На рисунке изображен «фердинанд», уничтоженный советским танком в деревне Желябуг.

волнением зарисовываю еще дымящиеся остатки здания художественной школы, в которой я учился четверть века назад. ...Занесенный снегом бугорок на месте родительского дома. Зарисовываю и это. Жителей на улице не видно; узнать что-нибудь об отце и матери не у кого.

Кое-где еще рвутся немецкие мины. Наши автоматчики обшаривают каждый подвал и выволакивают немецких снайперов. Рисовать можно, только укрываясь за остатками стен. Из центра города, куда отошли гитлеровские войска и штаб Паулюса, еще бьют вдоль улиц,

через Царицу, фашистские минометы и автоматы. Их пулеметы строчат совсем близко. Пули и мины со свистом проносятся по улицам, рикошетя от кирпичных руин и подымая оранжевую пыль. Бойцы, перебегая среди остатков домов, просачиваются к реке. Наша артиллерия на каждый немецкий выстрел отвечает десятью, сметая своим огнем фашистские укрепления. С огромной радостью передается весть о соединении наступающих частей 21-й армии с армией Чуйкова в районе Мамаева кургана. Немецкая группировка разрезана пополам.

29 января начался последний штурм окруженной в центре города армии и штаба Паулюса. Передовые части нашей дивизии отделяет от немецких блиндажей узенькая Царица. Морозный воздух гудит от плотного огня нашей артиллерии. Весь противоположный откос речки и улицы центра города в фонтанах и брызгах разрывов. На балконе четвертого этажа полуразрушенной поликлиники водников — наблюдательный пункт артиллеристов. Перед ними — все поле боя. Ясно видны немецкие блиндажи, траншеи и ходы сообщений, мечущиеся между руинами серые фигурки гитлеровцев.

Все происходящее вокруг волнует и достигает сердца: что успеваешь, зарисуешь на ходу, а многое только запоминаешь, чтобы позднее выразить в рисунке.

В сгущающейся полумгле видны дымящиеся от взрывов откосы улицы. Воздух заполнен известковой и красноватой кирпичной пылью. Дымчатую пелену прорезают огненные стрелы гвардейских минометов. Артиллерия бьет прямой наводкой с такого близкого расстояния, что выстрелы почти совпадают с разрывами. Центр города, где укрылись гитлеровцы, буквально кипит от разрывов. Все это рисую с наблюдательного пункта.

К вечеру сопротивление сломлено. Немцы с белыми тряпками вылезают из укрытий. Сбегаясь с поднятыми руками в кучки, они образуют цепочку, которая, постепенно обрастая, проходит в тыл. Под нашим балконом видна уже огромная растерянная и озлобленная толпа. Грязная, оборванная.

Ночью наши части захватили последние укрепления на площади Павших борцов Революции. Паулюс капитулировал. После шестимесячного непрерывного грохота на город спустилась тишина.

Вот и завершающее событие колоссальнейшей по масштабам битвы на Волге — допрос фельдмаршала Паулюса, который ведет командование 64-й Гвардейской армии. Я в Бекетовке — в тридцати километрах от Сталинграда — делаю зарисовки этого допроса.

В Сталинграде я твердо усвоил правило: неподходящих условий для работы не существует, рисовать

можно при любых условиях; и тогда работа идет свободно. Только руки никак не хотели привыкать к морозу. Слишком часто их приходилось отогревать в карманах. На морозе бумага очень быстро охлаждается и обжигает кожу рук.

С особым волнением я рисовал в районе действий армии Чуйкова, на откосах берега Волги. Все пространство — от самой воды до вершины крутого берега, мертвая зона для немецкого обстрела — представляло собой кишащий муравейник. К переднему краю, а он начинался сейчас же на гребне откоса, по ходам сообщения шли смены, пополнения, раненые, санитары, связисты. Сам откос усеян блиндажами, землянками, как ласточкиными гнездами. Это и передний край, и второй эшелон, и тыл армии Чуйкова. Берег у самой воды — сплошная сеть укреплений. Вся земля утыкана железными балками, загромождена рельсами, железными фермами, остовами железнодорожных вагонов. И все это перевито колючей проволокой, усеяно минами. Вдоль и поперек — траншеи, окопы, блиндажи.

У самой воды поражает воображение иссеченная по гребню, длиннейшая железобетонная стенка-фундамент, у которой стояли насмерть гвардейцы Родимцева. Прямо перед ней, за железнодорожной насыпью, — обрыв крутого берега. У края его — руины мукомольной мельницы, а за ней — знаменитый дом Павлова. Места титанических подвигов защитников Сталинграда! Средневековым замком высятся руины когда-то огромного Дома специалистов. В стенах — грозный ряд бойниц. Прямо из подвалов идут ходы сообщения в траншеи и растекаются извилинами по всему пространству — от руины к руине. Здесь каждый разрушенный дом — крепость, каждая руина — опорный пункт, о который разбивались волны немецких атак. Надпись: «Отсюда ни на шаг не отступили гвардейцы полка тов. Самчука».

Дальше траншеи идут, разветвляясь, в глубь города, потом, через Мамаев курган и степные балки, к заводам и вновь к берегу Волги. Чем больше и внимательнее рисуешь эти места, проникая в развалины, лестничные клетки, подвалы, тем яснее и ярче раскрывается картина того, что пришлось выдержать выстоявшим здесь людям.

Панорама, открывающаяся с Мамаева кургана, поразительна. Сам курган — это полоса перепаханной снарядами земли, сплошь усеянной гильзами, пулями, осколками снарядов и бомб. Стоящая на самой высокой точке кургана металлическая балка представляет из себя решето от пулевых отверстий — так густо простреливался здесь каждый сантиметр пространства. Открывшийся передо мной ландшафт мест боев натолк-

нул на мысль о панорамном решении Сталинградской сюиты.

Побывал я и на заводах, где в октябре было «направление главного удара». Темные громады цехов с нагроможденными в хаосе танками, обуглившимися перекрытиями, пробоинами в стенах, покореженным железом и массой воронок воссоздавали картину еще вчера гремевших здесь сражений.

Работая, забрел я еще раз на свою улицу. На этот раз меня ждали не только развалины, но и горькие вести о родителях. Под снежным бугорком — там, где стоял наш дом, — в подвале от голода умер отец. Где-то здесь опухшую после тифа мать пристрелил фашистский изверг. Но через все эти смерти проложен путь на запад. И на моей улице, в городе моего детства и юности, заново начнется жизнь.

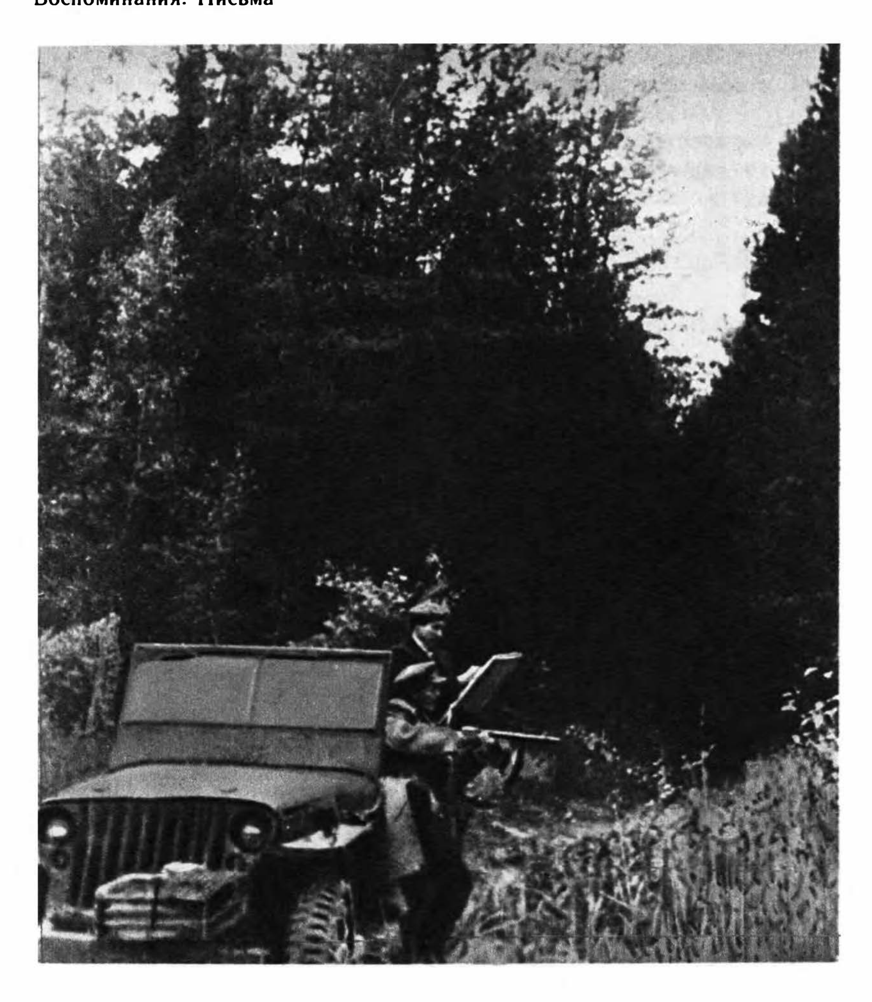
Летом 1944 года я снова приехал в Сталинград. И снова его не узнал. Город возрождался из руин. Я взошел на Мамаев курган. Повсюду клубятся дымы. Работают заводы. На Волге — нефтяные суда, баржи, плоты. Жизнь началась...

3. Брянское направление

Гремела битва на Курской дуге. Я знал, что в ней участвуют и знакомые мне по Сталинграду дивизии. Меня потянуло к ним.

Когда мы с художниками Журавлевым, Ечеистовым, Слонимом приехали, Орел уже был взят. Наши войска стремительно наступали.

Командование, чтобы нам ясна была картина прошедших боев на Курской дуге, выделило машину и опытного инструктора, дав ему задание вернуться с нами на исходный рубеж, к городу Новосилю, и оттуда, следуя к Орлу, показать все ключевые позиции, рассказать на месте о боях и событиях, связанных с этими местами и людьми, и дать возможность зарисовать все это. Получилась замечательная картина всего движения армии, отдельных эпизодов, первых сражений с «тиграми» и «фердинандами». Это была своеобразная экскурсия по совершенно свежим следам войны, где земля еще почти дымится от снарядов, грозно стоят полуразрушенные укрепления, проволочные заграждения, орудия, танки, блиндажи, дзоты. Мы исходили основные командные пункты, лазили по окопам, землянкам, где все еще говорило о грандиозном сражении. Мы побывали во всех интересных для художника и характерных для Курской дуги местах. Сделали много зарисовок. Задержались на два дня в Орле и отсюда поехали догонять фронт.



5. К. И. Финогенов на зарисовках в Брянских лесах. Август 1943. В период моей работы в Брянских лесах скрывалось еще немало невыловленных фашистов. Рисовать приходилось под охраной автоматчика.

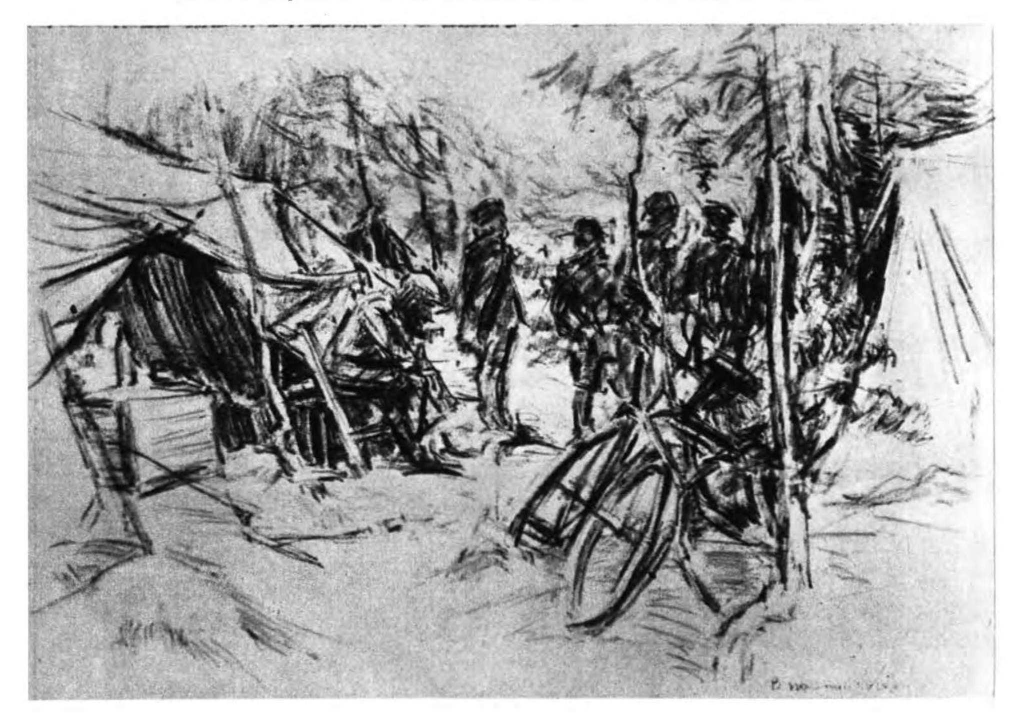
Опять дороги войны. Брошенная техника немцев. Уничтоженные села. Печные трубы, землянки, блиндажи, в которых уже разместились вернувшиеся жители. На полях пасутся редкие стада. Идет жатва.

Мы приближаемся к переднему краю. Идут и едут раненые, связисты, двигается транспорт. Прокладываются линии связи. Зенитки на перекрестке дорог. У въезда в село идущая впереди нас машина подрывается на мине. Команды саперов работают щупами вдоль всех дорог.

Свою дивизию мы нагнали на подступах к Брянским лесам. Она вела бой. С возвышенности, которую занимало командование, хорошо просматривалось поле

боя. Видны горящие немецкие танки, от них поднялись в небо черные столбы дыма.

С боями дивизия вступила в Брянские дремучие леса. Лесные речки. Броды. Болота. И здесь повсюду следы разрушительной войны. В чаще леса — огромные цистерны из-под горючего, изрешеченные пулями.



6. **К. И. Финогенов.** Партизанская стоянка. Август 1943.
В неприступных для гитлеровцев дремучих Брянских лесах скрывались партизанские стоянки. Отсюда партизаны выходили на операции.

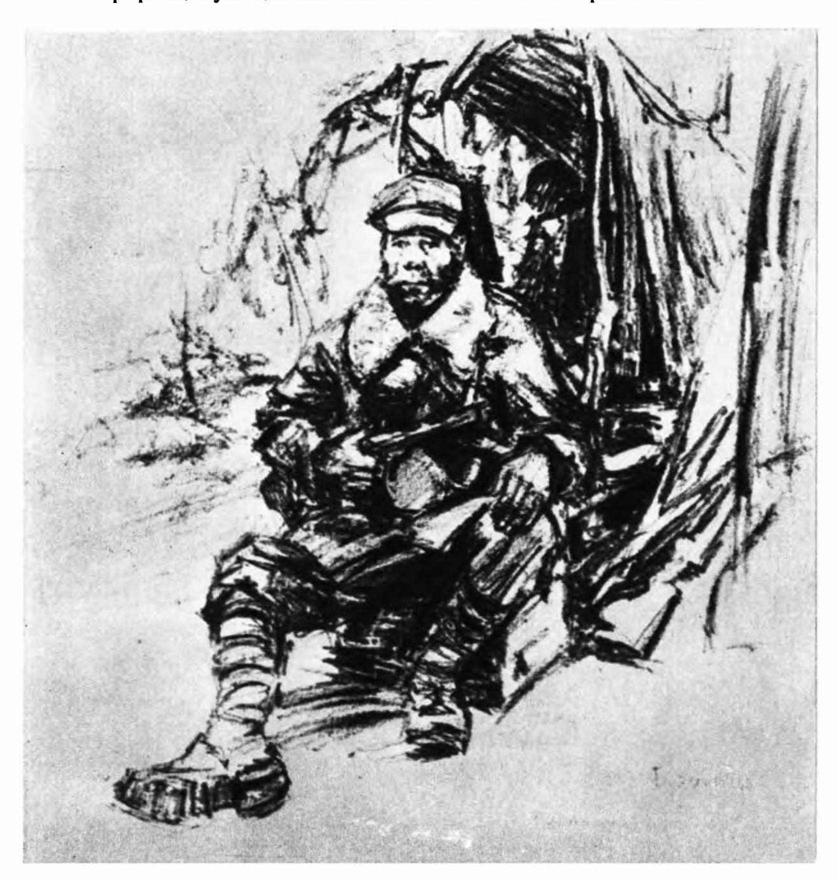
Навстречу идут и едут возвращающиеся со скарбом из лесов жители деревень, сел и городов.

Дым стелется по лесу. В ряде мест дорогу наступающей дивизии преграждают завалы нз огромнейших стволов деревьев. Часто легче сделать объезд и разминировать дорогу вокруг, чем растаскивать завал.

Материал для художника сказочный. Представляются образы былинных богатырей древних лесов. Они обретают воплощение, когда навстречу наступающей армии из глубин лесных тайников выходят партизаны.

Вместе с командованием я побывал на многих партизанских стоянках, существовавших здесь с первых дней оккупации. Это совершенно глухие места. К ним

ведут волчьи тропы через топкие лесные болота. Только по тайным приметам партизаны знали проходы к ним. И везде партизанские засады и условные сигналы. А на самих стоянках целые поселения в гуще вековых деревьев. Тут еще сохранилось и полное партизанское хозяйство: кожевенное производство, скотоводческие фермы, кухни, столовые и т. д. и т. п. Потрясли меня



7. **К. И. Финогенов.** Партизан Н. М. Зеленский из отряда им. Горького. Август 1943.

волевые лица партизан. Глубокие старики, молодые девушки. Вокруг партизанских мест немцы начисто выжгли деревни и села, теперь заросшие бурьяном в рост человека. Побелевшие от дождей и ветров кости расстрелянных партизан... Следы этих диких расправ разбросаны по всем Брянским лесам...

...Партизанские отряды переформировываются, вливаются в ряды регулярной армии и идут в наступление в направлении реки Десны.

Армейская жизнь в лесу, бомбежки, артиллерийские дуэли, приготовление котелка чая или супа на костре, палатки в чащах, противотанковые пушки в засадах, необыкновенные утра и вечерние зори в сумраке леса — все это давало колоссальный материал для работы художника.

В чрезвычайно трудных условиях шло наступ-



8. **К. И. Финогенов.** Миша. Сентябрь 1943. Мальчик из деревни Красный колодец в Брянских лесах. По рассказам, у него на глазах гитлеровцы мучили его родных.

ление дивизии по непроходимым лесным дорогам. Километрами приходилось прорубать дороги; километрами настилать гати по болотам; вытаскивать тяжелую технику из топей и сыпучих песков; расчищать завалы вековых деревьев, начиненные минами и ловушками.

Все глубже втягивается дивизия в дебри Брянских лесов, все быстрее откатывается немецкая армия. Страшно фашистам в лесу, за каждым деревом их ждет красноармейская и партизанская пуля. Еще несколько крепких ударов, и немцы откатываются за Десну.

С боями наведены переправы. Форсирована Десна. Развернулись бои за город Трубчевск. В сентябре 1943 года я вернулся в Москву.

Финогенов Константин Иванович

Родился в 1902 в Сталинграде (б. Царицын). Окончил Московский полиграфический институт в 1932. В годы войны работал как художник на Юго-Западном фронте, под Сталинградом; на Орловско-Курской дуге, в Брянских лесах, в Берлине. В результате фронтовых поездок выполнены графические серии, картины. Живописец и график. Заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, профессор. Награжден орденами и медалями.

В. Давыдов
Мое рисование на войне*

С конца 1942 года я находился в действующей армии, сначала на Южном фронте, в Калмыцкой степи южнее Сталинграда, затем на 2-м, 3-м и 4-м Украинском фронтах в качестве связиста. Мне очень повезло в том, что, находясь на войне, я не познал горечи отступления. Мы все время двигались на запад, от берегов Волги до города Граца в Австрии.

В трудную зиму 1942—1943 года я прошел всю Калмыцкую и Сальскую степи, участвовал в освобождении Элисты и Ростова-на-Дону. Летом сорок третьего года находился в обороне на Миусе, осенью участвовал в наступлении и боях за города Мелитополь, Николаев и Одессу. Мне пришлось форсировать Днепр и Днестр и четырежды переправляться через Дунай. Я воевал в Румынии, Болгарии, Югославии, принимал участие в овладении городами Сегед и Сольнок, в боях за Будапешт, разгроме группировки войск противника у озера Балатон, овладении городами Залаэгерсэг и Кестель и в 1945-м закончил свой фронтовой путь в Австрии.

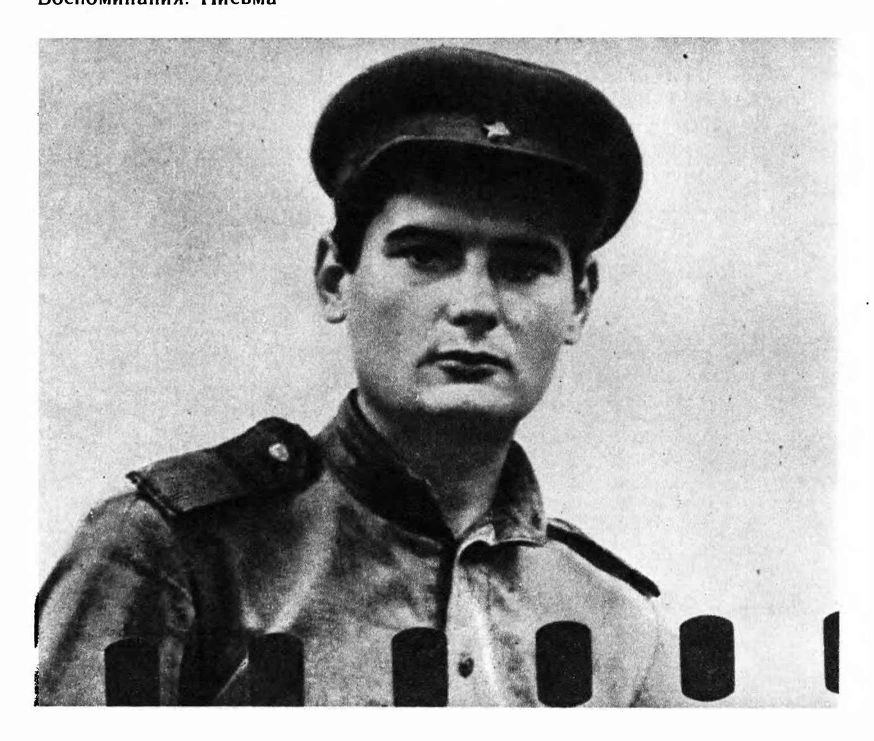
Я рисовал в свободные минуты, а иногда и в несвободные, если к этому была малейшая возможность.

Мое рисование было для меня тогда не только призванием и продолжением прерванной учебы, но было и плотом жизни, на котором я, оторвавшись от родного дома, от семьи, по существу почти мальчишкой, плыл по бурному морю всяческих испытаний и невзгод.

В течение трех с лишним лет я свои рисунки посылал вместе с письмами домой. Письма мои прочитывались родными, друзьями, иногда сослуживцами отца. Примерно этот же круг лиц видел мои рисунки. Кончилась война — они были забыты.

Я сам впервые наткнулся на них спустя восемнадцать лет после победы. Они лежали в старом диване вместе с письмами разных лет, школьными дневниками и тетрадками. В большинстве своем — это листочки очень плохой бумаги, желтой от времени, с линиями и пятнами, начертанными простым карандашом, чернилами или телеграфной краской. Теперь каждый рисунок вызывает поток воспоминаний. У каждого из них своя история, она же — отдельная страничка огромной войны.

* Публикуется впервые. Написано в 1975 г.



1. В. Т. Давыдов. Единственный раз во время войны я снимался у фотографа перед выдачей партийного билета. Фуражка была взята «напрокат».

Первый фронтовой рисунок я решился сделать только холодной весной сорок третьего года, после зимнего наступления через безводные Калмыцкие и Сальские степи. Мы стояли тогда в обороне на Миусе, жили в землянке на НП. Ничейная земля была всего в двухстах метрах. За ней окопались немцы. Днем из нашей землянки можно было выбраться только ползком, спускаясь по тыловому склону кургана. Стоило немного приподняться, как начинали бить немецкие снайперы и автоматчики. Многие дни мы, четверо связистов, были словно замурованы в темной глиняной яме, крышей нам служила провисшая плащ-палатка. При каждом нашем движении комья земли, шурша, осыпались со стен, норовя попасть за ворот. Кроме того, было очень голодно. Кто-нибудь из нас один раз в сутки ходил за пять километров с ведром и приносил холодную похлебку. В мутной воде плавали считанные крупинки пшена и ни капли жира. Хлеб нам доставляли нерегулярно, он был тяжелый, как глина, со странным вкусом. На день нам доставалось по небольшому кусочку. Говорили, что его пекли из горелого зерна, частично сохранившегося при пожаре таганрогского элеватора. Тогда сказывались ог-

ромный отрыв наступающих частей от тылов, условия полного бездорожья и опустошения, произведенного немцами. Некоторое время в нашей армии не было даже соли.

Вот в такой период обороны я взялся первый раз, после длительного перерыва в рисовании, за карандаш. На листке размером в почтовую открытку нарисовал



2. **В. Т. Давыдов.** Мнус-река. Лето 1943-го. Бои на реке Мнус были затяжными и кровопролитными. Когда в ходе решающего штурма, наконец, мы сбили немцев с меловых гор и двинулись вперед, я за несколько секунд сделал набросок. Такой невзрачной показалась эта речушка, долгое время фигурировавшая в сводках Совинформбюро, что я, еще не успев пережить удивления, сделал надпись: «Это — то, что являет из себя Мнус-река».

кусочек нашей жизни: землянку, повернутую ко мне спину спящего сержанта Таваури и своих товарищей — связистов Баранова и Николаева. Рисунок этот я вложил в конверт и послал родителям. Они его получили. Это меня обрадовало и вдохновило. Отныне я, по мере возможности, рисовал почти регулярно и периодически отсылал рисунки домой. Как это ни странно, они все доходили. Письма того времени просматривались военной цензурой, при этом многие подчас ничего не значащие строки вымарывались черной жирной краской, однако рисунки доходили все и в полной сохранности.

Меня до сей поры поражает такая деталь: на одном из рисунков, изображавшем убитых в результате артналета лошадей, мною был обозначен населенный пункт. Название пункта, написанное тушью, было выскоблено с образцовой аккуратностью, но так, чтобы нисколько не испортить цветной рисунок. Я до сих пор глу-

боко благодарен цензорам, через руки которых проходили мои письма с рисунками. По условиям военного времени многие из них, вероятно, можно было опустить без хлопот в корзину для бумаг, но, видимо, уважение даже к такой скромной форме искусства, живущего в суровые годы войны, не позволяло это сделать.

Перед войной я, как и многие мои сверстники,



3. **В. Т. Давыдов.** После артналета. Октябрь 1943. На небольшом кусочке ватмана, при наличии двух-трех огрызков цветных карандашей и чернил, я занялся живописью. Этот рисунок, сделанный вблизи Мелитополя, был переслан по почте. На нем рукой цензора название населенного пункта аккуратно выскоблено.

мечтал стать художником, учился в общеобразовательной школе и одновременно посещал несколько художественных студий. Кроме того, я по конкурсу был принят на курсы при Московской средней художественной школе. Казалось, все складывалось счастливо: семья наша из Ростова-на-Дону переехала в Москву, я учился у прекрасных преподавателей — А. А. Деблера, Д. К. Мочальского, К. Г. Дорохова и В. А. Рожкова. По окончании курсов, перед поступлением в художественный институт, меня активно поддержал академик И. Э. Грабарь. Рисунок мой ему тогда весьма понравился, живопись меньше. На всю жизнь я запомнил его фразу: «Писать еще зверски надо...». Но писать мне после этого почти не пришлось: через несколько дней началась война. О том, что она началась, я узнал, находясь в Музее нового западного искусства. В тот день музей был

необыкновенно пуст. Я пришел в него, не зная, что на наших границах уже несколько часов идет война, и записался в читальный зал, намереваясь за лето прочесть уйму книг. Потом долго находился в разделе французской живописи, разглядывал холст Пикассо «Девочка на шаре». И вдруг, словно издалека, услышал фразы: «Они сегодня в пять часов утра начали бомбить Одессу, Севастополь... жертвы уже есть! По радио в двенадцать часов сказали — война...» Я взглянул на двух старушек-хранительниц. Это они негромко беседовали между собой. Через их худенькие плечи были перекинуты ремни от противогазных сумок. В моем сознании, словно на титрах немого фильма, замелькало слово: «Война!», ежесекундно меняясь на буквы более крупные и черные.

В тот же день утром я вместе со своими одноклассниками-выпускниками последний раз вышел из школы. Выпускной вечер затянулся у нас на всю ночь.

Днем я проводил своего двоюродного брата — военврача в Белосток. Он, возвращаясь из отпуска на границу, ехал уже к войне, но не знал этого, так же как и я. Пока мы прощались на перроне, по всем радиостанциям передавалось выступление Молотова, но вокзальное радио, занятое текущими диспетчерскими объявлениями, его не транслировало.

После проводов я и пришел в музей, записался в библиотеку, но так никогда и не воспользовался читательским билетом, оформленным в тот злополучный день 22 июня 1941 года.

...Я запомнил пересыльный пункт в Сталинграде в конце лета 1942 года, дней за двадцать до боев на подступах к городу. Городской сквер, обнесенный забором, переполнился солдатами разных возрастов: здесь были новобранцы и «старики», выдержавшие отступления первого года войны. Меня тогда поразил оптимизм всех, собравшихся в этом сквере. Ночью спали на земле, днем штурмовали кухни — получали паек; знаменитый дележ хлеба и сахара, когда один поворачивался спиной к пайкам, разделенным с аптекарской точностью, и на вопрос: «кому?» — отвечал: «рыжему», «красной рубахе», «бате» и т. д. Вдруг откуда-то появились музыканты с давно уже небритыми лицами, одетые в пропотевшие гимнастерки и солдатские обмотки — двое с гармониками, один со скрипкой. Для начала заиграли «барыню», потом украинские песни, фокстроты. Люди сбились в плотный круг, посыпались шутки со всех сторон. Выскочили из толпы комические танцоры, и понесся вокруг громкий мужской хохот. Потом я заметил, что через дыру в заборе входят и выходят солдаты и, последовав их примеру, вышел в город. Мне тут же попалась на глаза афиша, гласящая, что 25-го открылась выставка эс-

кизов к панораме «Героическая оборона Царицына». Представлены работы художников П. И. Котова, П. Д. Покаржевского и В. К. Бялыницкого-Бируля. Я тут же побежал к Центральному показательному универмагу, где весь третий этаж был занят под выставку. Мог ли я тогда подумать о том, что в подвале этого универмага всего через семь месяцев будет пленен гитлеровский генерал-фельдмаршал Паулюс, а я после окончания войны буду учиться в художественном институте у академика Котова и у профессора Покаржевского?

Ознакомившись с выставкой, я поспешил вернуться на пересыльный пункт.

...В конце сорок второго года — переправились через Волгу в районе Астрахани. Вытянувшись по дороге, наша рота связи двинулась маршем на запад, в голую степь. Сгущались сумерки. Мы закуривали на ходу. Летели искры. Дул резкий ветер. В течение зимы с 42-го на 43-й год продолжалось почти непрерывное наступление: тут было не до рисования. Помню, я научился спать на ходу. За всю зиму мы всего два-три раза ночевали под крышей. Много было случаев обмораживания. Порой происходившее вокруг меня я воспринимал, как сон. Почему-то в памяти всплывал рассказ Джека Лондона «Белое безмолвие». Образ зимней степи казался мне арктическим, напряжение наше было предельным.

Весь путь от Волги до Дона мы прошли вместе с подразделениями 34-й гвардейской стрелковой дивизии и оказались под Ростовом. Нам предстояло его взять. Вслед за батальонами, форсировавшими Дон и закрепившимися на берегу в Нижне-Гниловской, наше отделение прокладывало линию связи. Уже на подходе к реке немцы нас заметили, открыли минометный огонь. Я бежал через Дон и тащил за собой деревенские санки с примотанной к ним катушкой с кабелем. Без этих саней мы долго бы мешкались на скользком льду и дело кончилось бы неминуемыми потерями в нашем составе. Сани я придумал и раздобыл перед самым выходом на задание.

Прокладывая линию к Ростову, мы двигались по заданному нам азимуту, а потом, оставив отделение в укрытии, я с максимальной для себя скоростью перебегал лед и видел, как справа и слева пулеметные очереди скалывали лед. Белые султанчики ледяной пыли взлетали друг за другом и напоминали финальные кадры из кинофильма «Чапаев». Все это было тогда скорее удивительно, чем страшно. Потом, когда я уже пересек всю реку и, оказавшись под крутым берегом в безопас-

ной зоне, услышал слова: «Стой, отдышись, браток, повезло тебе, связист!» — я оглянулся и понял, что вышел на место, хорошо знакомое мне с детских лет: напротив меня, на берегу возвышался большой тополь, рядом с ним лежал старый, полуразрушенный водáк с черными оголившимися ребрами шпангоутов. Это место я всего три года назад писал масляными красками. Вспомнил, как мне тогда хотелось уловить особый, удивительно легко менявшийся серебристый тон листвы тополя. Ярким солнцем тогда был залит голубой сияющий Дон. Теперь же берег вправо и влево завален трупами лошадей, разбитыми немецкими повозками, военным имуществом. Воздух мглистый, насыщенный дымом и специфическим смрадом войны. Два контрастных образа одного и того же берега неизгладимо запечатлелись в моей памяти. И если один образ, военный, сейчас, спустя тридцать лет, чуть ослабевает, стираясь от времени, то второй, солнечный, и после войны сохранился в детском этюде, который я время от времени беру в руки.

Семь суток мы давали связь через Дон под немецким обстрелом, выбегая на исправление линии и днем и ночью, затем Ростов был во второй раз и навсегда освобожден. Мне не удалось ни забежать на Лермонтовскую улицу, где мы жили до войны, ни увидеть, что сталось с Дворцом пионеров, где я занимался у художника И. А. Шведова в изокружке, не смог я тогда увидеть ни одного знакомого. На окраине города был устроен сбор всей роты, и мы, так и не войдя в него по-настоящему, маршевой колонной двинулись по фронтовым дорогам к Миусу, где и остановились в обороне на всю весну и лето 1943 года.

Здесь в моем солдатском положении произошли некоторые изменения: меня перевели в радиороту, на радиостанцию РСБ* электромехаником; и, наконец,

* рация среднего бомбардировщика.

отыскались родители, с которыми у меня более чем на полгода прервалась связь. Получив возможность писать письма и получать на них ответы, я сразу же начал активно рисовать. Рисование необыкновенно скрашивало мое существование и, кроме того, вселяло уверенность и оптимизм в сердца моих близких, это хорошо чувствовалось по их письмам. В разбитом хуторе Гребеньки, в землянке на НП сделал серию рисунков. Приспособился рисовать на телефонном дежурстве, для этого телефонную трубку приматывал бинтом к голове, руки оставались свободными.

Так я нарисовал интерьер в хатке на хуторе, где располагалась наша контрольная станция. Маленькое оконце, кухонный стол с нехитрой хозяйственной

утварью, икона в углу и рядом с ней висящая на гвозде большая разливательная ложка — все это постоянно было у меня перед глазами. Постепенно моя рука разработалась, я стал лучше понимать форму и мог осмелиться начать рисовать портреты. Как раз в это время ко мне обратилась с просьбой хозяйка хаты — молодая женщина, мать двоих детей. Муж ее, шофер, где-то воевал. Хозяйка узнала, что начала работать почта. «Хочу письмо мужу послать, хотелось бы с фотокарточкой, чтобы не забывал, да где взять? А вы не можете меня намалевать?» — спросила она с надеждой. Я согласился. Совершенно понятно, что, рисуя портрет, я боялся сорваться больше, чем на экзаменах в художественной школе.

Женщина сидела передо мной, как перед фотографом, и с простодушной серьезностью смотрела мне в глаза, как в объектив, не дыша и не моргая. Я вспомнил слова Леонардо о трудности рисования детских и женских лиц, руки мои деревенели от напряжения: нужно было сделать рисунок, чтобы модель на нем была и похожей, и красивой, и выглядела бы не старше своих лет. Наконец, присутствующий при этом солдат глянул через мое плечо на рисунок и сказал: «Как живая, даже красивее!». Вздох облегчения вырвался из груди женщины и из моей тоже. Я слегка подцветил рисунок цветными карандашами и передал женщине, чтобы она послала его мужу.

В ту же пору я нарисовал свои новые солдатские ботинки американского производства. Рисунок выполнил с особым тщанием: на нем можно было разглядеть и гофрированный рант,и толщину прибитых железных подковок. Отправляя рисунок родителям, на обороте его я сделал приписку: «Хорошо, если это последняя пара солдатских ботинок, и мне не придется еще делиться с вами радостью по поводу обновки — очередной пары ботинок!». От себя же во время рисования я не мог скрыть мысль: «Хорошо, если я благополучно доношу эту пару ботинок».

И все-таки лето 1943 года было окончательно и бесповоротно переломным и в истории Великой Отечественной войны, и в наших общих судьбах, и в состоянии духа. Родители мои к тому времени вернулись из эвакуации в Москву. Судя по их письмам, столица уже жила интенсивной жизнью. Высоко было трудовое напряжение людей, не хватало в должной мере питания, однако духовные потребности не только не угасли, но, наоборот, необыкновенно возросли. Работали все театры, музеи, одна за другой открывались художественные выставки. Мне очень хотелось хотя бы еще разок пройти по залам Третьяковской галереи. Как там было хорошо в тихие вечерние часы перед закрытием! В зале худож-

ника Н. Н. Ге я отогревал замерзшие на морозе руки о радиаторы парового отопления, установленные в центре. Очень любил я залы И. И. Левитана и В. А. Серова. Только звонок сгонял меня с излюбленного места перед «Омутом» или «Плесом после дождя».

Вспоминая галерею, я с закрытыми глазами мог проходить по залам, помнил каждую картину и место, где она висит.

Эти воспоминания вызвали во мне жгучее желание получать информацию о художественной жизни военной Москвы. Я написал письмо маме, в котором просил пересылать мне газету «Литература и искусство». Она выслала газету, и я ее получил. Так мне стало известно, что в Москве развернуты художественные выставки: «Великая Отечественная война», «Красная Армия в борьбе с фашистскими оккупантами», выставки произведений художников старшего поколения, азербайджанских и эстонских художников, персональная выставка работ К. Г. Дорохова. Я радовался этому и немного завидовал и своему доброму знакомому Константину Дорохову, и москвичам, имевшим такую широкую возможность для встреч с новыми картинами многих художников. Из другой газеты я узнал о картине «Подвиг 28 гвардейцев-панфиловцев», написанной другим моим учителем Д. К. Мочальским. В своих письмах я просил родителей делать из газет вырезки с репродукциями. Они выполняли мою просьбу, но картины печатались редко и качество воспроизведения было низким. Несколько вырезок я хранил в вещмешке, но удовлетворить полностью мою любознательность они не могли. Представляя по письмам занятость родителей, я, тем не менее, просил их посещать художественные выставки и писать мне о них. В письме от 10 июня 1943 года отец писал: «Прошлое воскресенье посвятил выполнению твоих поручений. Был в Т-ве художников на Кузнецком, где устроена выставка работ Соколова-Скаля и Поповой, и в Третьяковке на выставке «Великая Отечественная война». Там же посмотрел экспозицию работ «старых знаменитостей»: Грабаря, Мешкова, Бакшеева, Юона, Бялыницкого-Бируля». Отец извинялся, говоря, что в лучшем случае он мог «пробежать, бросить беглый взгляд на картины», а чтобы рассмотреть как следует, разобраться в достоинствах и недостатках — времени у него не было. Но, тем не менее, главные, на его взгляд, картины он мне перечислил и сопроводил своими замечаниями. Отчеты его были весьма подробными. Одно письмо занимало двенадцать тетрадных страниц. Обобщая впечатления, отец, не без иронии и в собственный адрес, писал, что ни один информатор, не говоря уже о художественных критиках, не стал бы писать сразу о таком количестве картин и



4 Т. Ф. Давыдов и К. М. Давыдова. Мои родители. Мама снята перед самой войной, отец в 1943 г. В начале войны мама с моей младшей сестрой уехали в эвакуацию. Уберегла мои довоенные рисунки и этюды, перевозя их с собой сначала в Ростов-на-Дону, потом в Астрахань, Красноводск. В феврале 1943 г. вернулась в Москву. Стала работать вязальщицей-надомницей, изготовляя носки, варежки, свитера для армии. Часто писала мне письма. Отец с начала войны находился в составе Военизированной флотилии Азово-Черноморского бассейна, входил в руководство оперативной группы. Принимал участие в подготовке и проведении Керченского десанта. Награжден орденом и медалями. В молодости проявлял способность к рисованию. Очень хотел сына видеть художником. Эту свою фотографию отец прислал мне в письме, на обороте ее написал: «Моему дорогому сыну-воину от отца. 25/IX—43».

что только такой невежественный зритель, как он, рискнул это сделать.

Репродукций с выставленных на выставках картин не было. А у меня тогда был особенный голод ко всякому печатному слову, даже к обыкновенной фотографии из газеты или журнала. Я подбирал с земли на дорогах и в окопах газетные обрывки, не гнушаясь тем, что они бывали очень грязные.

Все описанные мною личные работы и переживания в основном были подспудны и скрываемы мною. Ни рисование, ни слишком частое писание писем не было предусмотрено ни армейским уставом, ни моим солдатским положением.

В летней обороне 43-го года западнее Ростова мы некоторое время располагались километрах в четырех от переднего края, зарывшись со своей машиной в склон степной балки, соединяющейся с противотанковым рвом. Ров этот остался еще от оборонительных работ сорок первого года и теперь использовался для размещения полевых штабов. Над нашими позициями ежедневно летала «рама» — немецкий корректировщик-разведчик. Время от времени неприятель совершал артналет на наши позиции. Однажды, когда мы завтракали, расположившись на земле вокруг котелков с кашей, один из тяжелых снарядов угодил в землю в такой близости, что, пробуравив сухую землю, остановился, вероятно, под котелком, но взрыва не последовало. Нам повезло. Десять-пятнадцать процентов немецких снарядов в тот артналет не взорвалось. По-видимому, это было следствием работы борцов Сопротивления.

Степь весной и в начале лета очень красива, особенно по утрам, когда умытые утренней росой цветы чуть тронуты первыми розовыми лучами солнца. Тогда мигали голубыми, небесными глазами васильки, пестрели лиловые, желтые, белые соцветия, названия которых я не знал, колыхались травы. В маленьких рисунках, используя скудное наличие цветных карандашей, я пытался передать чувство своего восхищения этим степным великолепием с высоким и просторным небом, но возможности карандашного рисунка были ограничены, и, конечно, полного удовлетворения я не получил. У меня сохранился рисунок с лошадьми, пасущимися в утренний час в высоких некошеных травах, и рисунок с майскими зеленями, хуторком на среднем плане и пышным золотым облаком, поднимающимся из-за горизонта. Его я сделал в размере открытки и адресовал своей сестре-школьнице как весенний майский привет. Читая теперь незамысловатые строки этого солдатского послания: «У меня все по-прежнему: днем степь жаркая, ночью — хорошо. В начале мая были теплые, темные ночи. Сейчас народился молодой месяц, на небе он висит с вечера рядом с яркой звездой. Это очень красиво», — я думаю, сколько же нерастраченной солдатской нежности нашей осталось тогда в бескрайних полях и окопах.

Днем нас очень мучила жара. Все краски исчезали, сменяясь общим зелено-бурым цветом. Над степью повисал белый, как молоко, раскаленный воздух. В жарком мареве, словно оплавляясь, таяли дальние холмы — там проходила линия жесткой обороны немцев с очень выгодными позициями на высотах, со сложными инженерными долговременными сооружениями. Иногда за линией фронта средь бела дня по степной дороге пылила немецкая машина и сверкал

солнечный отраженный луч от ее ветрового стекла. Но артиллеристы не открывали огня, не желая обнаруживать свои позиции.

Наша рота, как и все подразделения, активно готовилась к предстоящим боевым действиям. Мне пришлось разобрать движок электрозарядной установки, заново подшлифовать и отрегулировать подшипники, клапаны, распределение зажигания. Техника была изрядно потрепанная — то одно, то другое ломалось, отпаивались контакты в фильтре динамо-машины, подтекали бачок с бензином и радиатор — все это ремонтировалось своими силами тут же в поле.

Ночью я стоял на посту, деля с шофером ночь пополам. Один пост был с вечера до часу, другой с часу ночи до утра. И все это уже казалось естественным, как и то, что уже около года спали одетыми, никогда не раздеваясь и не снимая даже ботинок. В поле все приходилось делать, либо сидя, либо лежа на земле. От этого складывалось ощущение, что ты находишься на вечном привале.

...В середине лета сорок третьего года я получил от мамы письмо, в котором она сообщила мне о московской выставке молодых художников, прочитав в газете статью В. Яковлева. Известный мастер, говоря об одаренности представленных художников, критически отмечал, что все они болеют одной болезнью — слабостью рисунка, и призывал их быть подальше от образцов и приемов, быть ближе к живой жизни, больше учиться и быть строгими к себе, «ибо только высокая взыскательность создает истинного мастера». Мама все это старательно переписала с газеты. Мысль, высказанная признанным мастером, по-видимому, показалась ей назидательной и для меня.

К началу августа письма из Москвы на наши позиции стали приходить за двенадцать-тринадцать дней, и родители завалили меня ими. У нас установился своеобразный почтовый диалог, немалую роль в котором играли уже полученные дома рисунки.

В августе я переслал домой двадцать девять рисунков. Все они были получены родителями. В одно из воскресений отец занялся их окантовкой. Добыл где-то тонкий коричневый картон, нарезал паспарту одинакового формата и, наклеив рисунки, с помощью рейсфедера каждый обвел двойной рамочкой.

Отчитываясь об этой работе, он писал: «рисунки теперь приобрели совершенно иной вид, ты бы их теперь не узнал».

В условиях войны родители могли относительно спокойно жить только от письма до письма, поэтому я старался писать часто. Мои послания отец носил на работу, читал сослуживцам. Иногда меня прорывало

лирическое или философское вдохновение, и я писал длинные письма о своих чувствах или о размышлениях на избраннуютему. Такие письма, по-видимому, нравились тыловым читателям.

После того как эксперимент с пересылкой газетных вырезок удался, я попросил переслать мне небольшую кисточку для акварели, сняв ее предваритель-



5. **В. Т. Давыдов.** Радист Василий Пашников. 18 декабря 1943. Первый фронтовой рисунок, сделанный в акварельной технике с помощью таблеточных чернил и кисточки, полученных мною в мамином письме.

но с деревянной ручки. Мне хотелось иметь таблеточные чернила и черную акварель. В разные сроки в разных конвертах все это пришло. Для того чтобы железка слишком явно не нарушала толщины конверта, мама по ней несколько раз ударяла молотком. Расправить ее по получении мне не стоило особого труда, сделать деревянную ручку тоже было просто. Теперь я мог разнообразить технику рисунков. Синевато-черной акварелью я сделал тогда набросок «Радист Василий Пашников».

Внутреннее чувство подталкивало меня к попытке хоть в малой мере стать фиксатором нашего фрон-

тового быта, облика своих товарищей. Собранные по крупицам, такие рисунки могли бы оказаться весьма ценными. Я думал об этом и старался, по возможности, превратить рисование в занятие регулярное. Кроме того, нельзя было терять чувство формы и послушность руки.

По заданию командира я выполнил альбом, посвященный 15-летию ВЛКСМ. Осталось некоторое количество довольно плотной рисовальной бумаги. Я переплел ее в альбом среднего формата. На переплет, обтянутый кусочком плащ-палаточной ткани, в качестве украшения-эмблемы прикрепил палитру, вырезанную из тонкой золотистой жести от консервной банки из-под американской колбасы, и выгравировал на ней надпись: «Великая Отечественная война 1941 — ...». Надпись такая ко многому обязывала. Теперь у меня все было готово к предстоящему наступлению: и вверенная техника, и походный альбом. Придумав способ крепления этой своей походной книги к солдатскому ремню — с помощью резинового кольца, отрезанного от автомобильной камеры, я несколько раз прорепетировал, как буду обращаться с альбомом в деле.

В ночь на 17 августа мы заняли новую позицию, выдвинулись вперед и едва успели к началу артподготовки закопать машины за укрытием степного холма, где расположился НП командира дивизии. Утро было ясное, на востоке резкой золотистой кромкой выделялся горизонт, обещая день жаркий. В прозрачной синеве раздавались первые трели жаворонков. И вдруг в степи грянула артиллерийская канонада! Огонь был густой и частый, звуки отдельных выстрелов тут же слились в единый грохот. Дрожала земля, вибрировал воздух. В сторону неприятельских позиций на небольшой высоте проносились группы краснозвездных штурмовиков «Ил-2». Творилось нечто невиданное и небывалое. На нашем участке прорыва, шириной в два с половиной километра, отведенном для всей 28-й армии, на один километр приходилось более ста пятидесяти орудий и минометов. Меньше чем в километре от траншей противника находились все орудия батальонной и полковой артиллерии и отдельные орудия тяжелого калибра. Даже для нас, связистов, это было полной неожиданностью. Я не мог понять, как и когда было подвезено и сосредоточено столько техники и боеприпасов, по существу, в открытой степи. Заработала с полной нагрузкой и наша рация. Пашников, с капельками пота на носу, выстукивал ключом Морзе первые шифровки. Электрозарядный движок гремел во всю силу, неистово вибрировал, грелся и дымил. В душе я произносил заклятия: «Милый, не откажи, работай!». Нам и без стереотрубы хорошо было видно, что вслед за разрывами

первых снарядов над немецкими позициями поднялась вместе с дымом земля. Огонь продолжался, снаряды с воем сверлили воздух над степью и снова и снова заранее рассчитанными волнами обрушивались на траншеи и глубоко эшелонированные укрепления врага. Теперь уже не было видно никаких разрывов, ни клубящейся массы земли, смешанной с горячим воздухом, — вся правобережная сторона «Миус-фронта», от луговой плоской поймы до зенита, затягивалась гигантским занавесом землистого цвета. За ним тускнело и гасло солнце. Когда, наконец, после 80-минутной артподготовки началось наступление, мы вскоре вслед за боевыми порядками двинулись вперед. Переправляясь через реку, я на несколько секунд задержался и сделал набросок: камыш на берегах, почти стоячая вода, бочка у берега. Такой невзрачной оказалась эта река, имя которой столь долго появлялось в сводках Информбюро, что я, еще не пережив удивления, написал на наброске, сделанном на ходу: «Это то, что являет из себя Миус-река». На «ничейной полосе» за рекой остались следы многих захлебнувшихся атак.

Первая линия немецкой обороны была погребена под комьями сухой глины и светлой пылью, похожей на ржавую муку, рассыпанную у мельницы. В одном месте торчал немецкий сапог, тускло сверкая двумя рядами металлических гвоздей с квадратными шляпками. В круглых окопах остались брошенные крупнокалиберные пулеметы. Установленные на треногах, они были так умело приспособлены к рельефу широкой речной поймы, что их очередями можно было косить даже низкорослую траву. Не удивительно, что без мощного огневого взаимодействия здесь захлебнулось так много безуспешных атак нашей пехоты. По только что разминированной дороге мы подъехали к немецкой линии обороны. Здесь зияли огромные воронки от тяжелых снарядов и авиабомб и бросались в глаза большие площади обожженной земли — следы массированных ударов гвардейских минометов, наших «катюш». Мы видели их работу.

Пользуясь минутной задержкой, я забрался в ближайший немецкий блиндаж. Очень хотелось своими глазами взглянуть на инженерное устройство вражеской фортификации и на разрушения, производимые нашим огнем. Я погрузился в сырой, холодный полумрак блиндажа и почувствовал «чужой» запах. Словами определить его трудно, но я его помню до сих пор и выделил бы из тысячи других запахов, ибо тот «чужой» встречался мне только на войне, при занятии позиций, оставленных немецкими солдатами: в нем присутствовал запах чеснока и какого-то химического порошка или скипидарной ваксы. К этому надо прибавить еще и

смрад, вызванный нечистоплотностью блиндажного и окопного общежития. Я увидел хаос и беспорядок на земляном полу, со втоптанными обрывками газет и журналов, соломой, валяющиеся круглые коробки от противогазов и ненавистные немецкие каски, непотребный мусор, осыпавшуюся с потолка землю. Блиндажи соединялись между собой траншеей с металлической облицовкой, собранной из гофрированного железа. Профиль траншеи напоминал готическую архитектуру. Такая траншея походила на тоннель, и его лишь частично сумели разрушить наши снаряды. У первого же завала я увидел двух полузасыпанных убитых немецких солдат и дальше не пошел. Начавшееся сражение не затихало ни днем, ни ночью. С наступлением темноты в бой был брошен механизированный корпус. Для того чтобы танки точно выдерживали курс, самолеты бомбардировочной авиации «подвешивали» осветительные ракеты над полем боя и бомбили позиции и скопления противника. Степь освещалась на пятнадцать-двадцать километров в окружности, и, как на иллюминированном макете, хорошо было видно движение наших танков, атакующих населенный пункт, еще занятый немцами. На следующий день наступление продолжалось без перерыва. Мимо нашей рации под конвоем проследовали первые партии военнопленных. Все они были в пыли, небритые, глаза дико блуждали по сторонам. Солнце нещадно палило, воды не хватало, и у пленных немцев, и у нас от жары и жажды губы были глубоко растрескань.

На девятый день наступления наши войска угрожали окружением таганрогской группировке противника. Позднее стало известно, что именно в этот день командующий армией «Юг» Манштейн вместе со своим генералитетом вылетел в ставку Гитлера, в Винницу, где просил подкрепления в количестве двенадцати дивизий. Гитлер обещал, но не дал: 30 августа Таганрог был освобожден. Большую роль во взятии города сыграли наши соседи — 4-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерала Кириченко. Немцы тогда испытали на себе силу молниеносных ударов кубанских конников. Мы узнали свидетельство одного из немецких вояк, участвовавшего в сражении под Таганрогом. Он сказал: «Одно воспоминание о конной атаке приводит меня в ужас и заставляет дрожать. По ночам я галлюцинирую казаками...». 3 сентября Манштейн вторично вылетел в ставку, теперь уже в Восточную Пруссию, и умолял Гитлера усилить любым путем группу его войск, чтобы не дать советским войскам прижать южное крыло его армий к Азовскому морю и уничтожить их. Гитлер снова не дал своему фельдмаршалу ни одной дивизии, так как на фронтах групп армий «Центр» и «Север» обстановка резко ухудшилась из-за общего

наступления советских войск.. К тому же третьего сентября, в день посещения Манштейном ставки, Италия подписала перемирие и вышла из войны, и Гитлер вынужден был перебросить на Апеннины уже в первых числах сентября несколько дивизий нз Франции. Манштейн, не получая подкрепления, предпринял попытку планомерно оттянуть войска во избежание разгрома.



6. **В. Т. Давыдов.** Сидящий солдат. 28 декабря 1943. Случаи, когда мы оказывались под кровом дома, были чрезвычайно редки н потому представлялись верхом комфорта и уюта. В такой момент я нарисовал нашего шофера П. Г. Снневка сидящим на своем вещмешке.

Эта операция получила весьма фигуральное название — «позиция черепаха».

Передовые части нашей армии вышли на рубеж реки Кальмиус и седьмого сентября после получасовой артподготовки перешли в наступление. В этот же день мне удалось отправить два письма. В конверты вложил рисунок «Хутор Гребеньков. Интерьер», нарисованный еще в марте, и другие. В пору развернувшегося наступления стремился «избавиться» от своих работ, полагая, что в складывающейся обстановке я не могу гарантировать сохранность ни рисунков, ни себя. В этом письме я писал: «Только сейчас я сообразил и почувствовал, что значит неделя моего молчания для тебя, мама! Мне можете теперь позавидовать — много едим зелени: сливы, помидоры, арбузы, дыни, картофель. Варим борщ. Бумагу, вырезки получаю». Положа руку на сердце, я должен тут же сказать, что сейчас я не помню такого

изобилия и даже вкуса тех фронтовых арбузов и дынь, но раз об этом написано в письме, то приходится этому верить. Путей мы тогда не выбирали, и они могли проходить через запущенные сады или уцелевшие огороды, и нам где-то довелось полакомиться такими вещами, о каких в Москве люди могли тогда только мечтать. Но в этом перечне прелестей, может быть, есть и преувеличение: попалась, скажем, где-то небольшая дынька, недосмотренная кем-то под жухлой, пропыленной листвой, поделили ее по-братски, съели, и могла превратиться она уже в «дыни» во множественном числе. Для чего же нужно было так писать? Да просто для успокоения страдавшего далеко от нас материнского сердца. Эти «арбузы, дыни и сливы» — сродни частушкам, которые я терпеливо переписал опять же для письма из свежего номера фронтовой газеты и без промедления отправил в письме родителям. Назывались они «Местная-драповая»:

Ну и лето, ну и жизнь,
Батюшки!
Припекло так, что держись,
Матушки!
Думал, выручит Миус,
Батюшки!
Вышел минус, а не плюс,
Матушки!
Как траншеи ни копал,
Батюшки!
В окружение попал,
Матушки!
Потерял и Таганрог,
Батюшки!
И солдат не уберег,
Матушки!
На азовском берегу,
Батюшки!
Далеко ли убегу,
Матушки!
Эх, бегу я не вперед,
Батюшки!
А совсем наоборот,
Матушки!

Москва оперативно узнавала о наших делах на фронте и часто гремела в эти дни артиллерийскими салютами.

Так уж совпало, что именно во время больших побед на фронтах, когда Москва бурно радовалась успехам наших войск в Донбассе, отец в свободный выходной день направился в книжные магазины и приобрел для меня несколько книг, репродукций и альбомов и, естественно, не замедлил мне об этом написать. Я узнал,

что дома меня дожидаются А. Бенуа «Путеводитель по Эрмитажу», альбомы: «Берлинская картинная галерея», «Французские импрессионисты» и репродукции с картин Тициана, Рафаэля, Мурильо, Веронезе, Ван-Дейка и др. Особую гордость отца составил альбом Третьяковской галереи довоенного издания, печатавшийся на «Гознаке». В нем были прекрасные репродукции. Тогда, при взгляде с фронта, факт приобретения книг по искусству и репродукций мне казался какой-то мистификацией. Чувство это еще более подчеркивалось невозможностью вырваться домой даже на побывку и неизвестностью своей судьбы вообще. Теперь только я понимаю, что эти книги и репродукции были тогда теми же утешительными «дынями и арбузами», подарками, призванными укрепить веру в самый благополучный исход из того, что с нами происходило.

Помню, как в одном из конвертов меня ожидал сюрприз — кисточка и черная акварельная краска. Как я обрадовался, увидев аккуратно свернутые пакетики, на которых мамиными руками были выведены надписи, призванные вызвать лояльное отношение работников почты: «Акварель для газеты» и «Кисточка для акварели». Но в то время было не до рисования. Над головой барражировали наши штурмовики, рвались снаряды, наступление продолжалось. 20 сентября войска нашего фронта подошли к реке Молочной, где немцы подготовили рубеж, включающий город Мелитополь, и оказали ожесточенное сопротивление. Продвижение приостановилось. Место для нашей радиостанции было определено на окраине оголившегося и изрядно вырубленного сада, вокруг валялись части от разбитых немецких повозок, снарядные ящики, старые запчасти от автомашин. Все вокруг было уныло, искорежено и захламлено войной. С нашей позиции мы видели город, затянутый дымной пеленой: там гремела орудийная канонада, волнами доносился треск пулеметных и автоматных очередей. Над нами завязывались воздушные бои. Неподалеку упал и сгорел сбитый наш самолет. Имевшийся уже некоторый фронтовой опыт и интуиция подсказывали, что бои за Мелитополь будут тяжелыми. Так это и оказалось. Город несколько раз переходил из рук в руки.

С 12 октября по 5 ноября 1943 года нет ни одного моего письма, я их не писал. Было некогда. Мы наступали. В первом же письме после почти четырехнедельного перерыва я сообщил родителям, что весь промежуток времени с момента написания последнего письма был насыщен горячей боевой работой. Каждый день с рассветом начиналось наше движение вперед.

Прибегая к «эзоповскому» языку, я сообщал, что путь мой в эти дни пролегал по земле, куда я со

своим товарищем по школе Платоном мечтал попасть накануне войны, намереваясь посмотреть ее современную жизнь и сравнить с живописными страницами Гоголя. Мои фронтовые впечатления не имели ничего общего ни с колоритными сказочными пейзажами «Вечеров...» и «Тараса Бульбы», ни с веселыми, лукавыми и жизнерадостными персонажами. Ни Грицько, ни Оксаны, ни колядок, ни цветных кокошников и лент, ни расшитых панев и рубашек, ни широких шаровар, ни высоких бараньих шапок. Все было другое. Я писал о черном небе Украины, об огневых всполохах и гигантских веерах пожарищ, о лютой злобе захватчиков. Мы шли тогда через села, превращенные в пепелища и развалины. Я видел выбиравшихся из окопов и оврагов навстречу нам мирных жителей с лицами серыми и землистыми от пережитых страданий. Позже я прочел, что именно в сентябре Гиммлер дал специальные указания в дополнение к ранее изданным приказам о «выжженной земле». Он писал: «Необходимо добиться того, чтобы при отходе из районов Украины не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса, чтобы не остались в сохранности ни один дом, ни одна шахта, которая бы не была выведена на долгие годы из строя, чтобы не осталось ни одного колодца, который бы не был отравлен. Противник должен найти действительно тотально сожженную и разрушенную страну... Сделайте все, что возможно в человеческих силах, для выполнения этого». Чудовищный парадокс: логика бесчеловечной жестокости и слова «в человеческих силах»!

Я никогда не забуду один образ, врезавшийся в память. Глухой темной ночью мы проходили через начисто выжженное село. На месте каждой бывшей хаты торчали растрескавшиеся или осевшие печные трубы да тлел жар, подернутый тускнеющей синеватой коркой. Морозило. При порывах ветра в темноту летели снопы красных, быстро гаснущих искр. Разбитая глубокими колеями дорога уже схватывалась первым ледком. По ней с характерным шумом приближался скрытый в темноте обоз: ездовые погоняли лошадей, стучали колеса, позвякивали привязанные под телегами ведра. Он проследовал мимо нас, и вот тут я увидел то, что, вероятно, нельзя написать красками так, чтобы это было понятно. На моих глазах колеса обозных телег, облепленные подмерзающей грязью, перекатывались через кучи не остывшей золы и раскаленных углей и, сделавшись огненными, катились, будто бы сами по себе, в темную, как черная тушь, ночь; ни ездовых, понукающих лошадей, ни самих лошадей, ни повозок при этом не было видно. Потом, постепенно уменьшаясь, огненные колеса одно за другим тускнели и гасли. Некоторое

время в степи слышались их легкий грохот, хлопанье кнутов да фырканье лошадей... Потом все стихло. Жуткий по своей безмолвности, безлюдности и жестокости образ.

В моих папках сохранилось три рисунка, выполненных в этот период наступления. Это «В разбитом селе», «После артналета» и «РСБ в укрытии деревьев».

Движок на рации предельно износился, доставлял мне множество неприятностей и часто выходил из строя, не выдерживая нагрузки. Почти две недели я мучился с ремонтом. Без конца то собирал, то разбирал весь механизм. Товарищи на меня шипели, командование нервничало. Боевая обстановка складывалась неустойчивой. Немцы не на шутку контратаковали наши части, словно желая взять реванш и повернуть нас вспять. В такой ситуации необходимость в радиосвязи особо высока. Меня все торопили, а дело никак не ладилось: сначала не было нужного поршневого кольца, потом я его с трудом у кого-то выпросил, но неаккуратно надевал своими заскорузлыми руками, и хрупкий чугун лопнул.

И тут случилось совсем трудно поправимое. Кто-то украл магнето, когда движок был разобран на детали и лежал возле машины. Убедившись в этом, я чуть не расплакался, и у меня совсем опустились руки. Нужно прибавить, что в это же время резко изменилась погода. Кончились теплые, сравнительно тихие дни. Над нами целую неделю бушевал ветер, доходящий до ураганной силы. Резко похолодало. Пошли дожди. Ударили первые заморозки. С трудом мне удалось найти нестандартное магнето и еще несколько дней приспосабливать его. Я измучился с регулировкой зажигания. Когда я, наконец, запустил движок, на моей правой руке из-за постоянных упражнений с заводной рукояткой образовались жесткие мозоли. Это было 19 ноября. Мы снова ринулись в наступление.

Прорвав оборону, не давали врагу закрепиться и гнали немцев к низовьям Днепра. Теперь совсем захолодало. Я поставил в машине печку. Без нее вода замерзала в движке радиатора. Он плохо заводился. Иногда мне казалось, что никакая воля не переборет его холодную чугунную стылость. Странно устроен человек: в период затишья я рисовал меньше, чем теперь, когда смешались день и ночь. Когда работа была круглосуточная, я жадно рисовал. Особенно активно разрисовался к концу ноября и в декабре. Именно тогда были сделаны рисунки: «Радист Пашников», «Солдатская стряпня», «У коптилки», «Солдат с автоматом», «Шмыгарев — старший радист», «Дежурство» и др. При внимательном рассматривании рисунка «Шмыгарев — старший радист» в глубине рации на стене можно уви-

деть плакат с изображением девушки, повязанной платочком. Она прижимает к своей груди конверт. Под рисунком надпись: «Моя любовь с тобой, мой храбрый воин». И эти слова, и поза Николая Шмыгарева, и листок прочитанного письма в его руке — не придуманы. Я не сочинил даже композицию. Это просто одно из мгновений нашей фронтовой действительности. Все мы



7. **В. Т. Давыдов.** Дождь в степи. 24 марта 1944. Дожди... Дождь, едва перестав, начинал снова сеять воду, словно через сито. И так по нескольку дней кряду. На обороте этого рисунка надпись: «Когда я рисовал, этот листок был мокрым, а на мне не было сухой нитки».

нелегко переживали тогда разлуку с нашими любимыми или отсутствие таковых, и вот Политуправление армии придумало выпустить, если так можно сказать, «утешительные» плакаты. Это было очень мило, плакат нам нравился, но переживания остались переживаниями. Наш старший радист, судя по его рассказам, в «гражданке» был большой сердцеед и потому в армейском и к тому же фронтовом положении получал немало писем, но бывал частенько грустным. Таким я его и запечатлел.

Хотя я и ввел для себя правило рисовать при первой возможности, мне трудно было самому оценивать результаты. Я варился в собственном соку, и это сознание было тревожным. Мне очень не хватало товарищей, с которыми я до войны бок о бок занимался рисованием и делился самыми сокровенными переживаниями. Казалось, узнай я, что кто-то из них разделяет мою судьбу, мне было бы уже много легче. Еще в период Миусской обороны меня осенила счастливая идея, и я

написал письмо в Московский Дом пионеров, полагая, что Москва не может жить и бороться без того, чтобы Дом пионеров не работал. Вскоре пришел ответ от Евгения Сапиро. Он писал: «Сегодня, случайно зайдя в Дом пионеров, увидел розовую бумажку твоего письма Александру Михайловичу*. Наконец-то, рад, что

* *А. М. Михайлов.*

теперь имею твой адрес, он прочно вписан в мою записную книжку». Далее он мне сообщил сведения о наших товарищах: А. Дубинчике, А. Семенцове и С. Фролове и, конечно, о себе. Завязалась переписка, и сейчас мало кто может почувствовать, как она тогда много для нас значила. В середине месяца я получил первое письмо от С. Фролова. Он к этому времени стал офицером-артиллеристом, но еще находился в тылу в резерве, работал в клубе в качестве художника. Сообщал, что вокруг него образовалась хорошая компания коллег: «С этой братией мы «творим» портреты, плакаты и пр. А самым хорошим часом у нас является вечер — благословенные минуты! Мы рисуем с натуры или делаем композиции и наброски в свое удовольствие. Таким образом я изрисовал три небольших альбома и один большой. В нем свыше шестидесяти рисунков, выполненных карандашом, тушью или сухой кистью. Почти все композиции на темы Отечественной войны. К этому нас обязывают время и события. Насколько мои упражнения ценны — видно будет когда-нибудь после. Я считаю, что свои поступки и дела можно оценивать лишь по прошествии определенного времени. В данную минуту они кажутся мне мелкими и никому не нужными. Есть несравнимый великан — народ в войне. Перед ним все мелко». Серафим это крепко сказал. Далее в его письмах шли сетования на неудовлетворенность своим положением, на то, что он все еще продолжает быть в тылу: «Вот так-то я живу здесь — штатный, резервист. Где-то там... война. Здесь ее не чувствуется: музыка, кино... Не знаю, когда только я приму непосредственное участие в изгнании бандитов. Разве что под Берлином где-нибудь? Жаль, что судьба моя в армии строится не моими руками. Впрочем, это участь большинства.... Пиши, в качестве кого ты в армии, как живешь, что рисуешь и т. д. Письмо твое шло очень долго — с 30 окт. по 20-е ноября...». Я ему ответил, сейчас уже не помню что, и снова получил прекрасное письмо, полное содержательных размышлений и веры в искусство. Он писал: «Несмотря на все передряги, мы не выпустили древка нашего знамени, и пройдет еще немного времени, оно засияет новым прекрасным светом, призывным, пробуждающим к действию. Так что мы, теперь знающие цену времени, будем смотреть вперед с уверенно поднятой головой. Рано созревшая ягода обречена на ран-

нюю гибель. Спешить некуда — все впереди. Мы не в состоянии сейчас сделать большую картину или написать роман. Но это еще не значит, что мы не сможем сделать позже. Мы, вооруженные опытом жизни, выполним это лучше, чем делается это сейчас некоторыми нашими знакомыми».

В одном из следующих писем Серафим прислал офорт собственного изобретения: он был сделан на старой рентген-пленке; в письме была «расшифровка» технологии. Вскоре и я попробовал эту технику. У меня даже впоследствии, где-то ближе к концу войны, для писем существовала «фирменная» бумага с отпечатанным офортом в верхнем левом углу. На нем я изобразил самого себя, пишущего письма при таинственном свете настольной лампы. Но дальше мои занятия в этой технике не пошли: она была неоперативная. Мне более подходил карандаш, но так как он на плохую бумагу плохо ложился и стирался, я более всего делал наброски пером, особенно в периоды наступления.

В январе сорок четвертого мы продолжали двигаться на запад. Лежал снег, и хотя зима оказалась сырая, дороги были приличные. В начале третьей декады мы остановились в большом селе, подобрали квартиру. Я разрисовался, и у меня в эти дни получилась серия карандашных рисунков, составившая репортаж о нашем фронтовом быте, даже их названия говорят об этом: «На квартире», «У штабного дома», «При въезде в село», «Игра в подкидного», «Письмо домой», «Читает газету», «Отдыхает» и т.д.

Впервые после длительного наступления мы стояли на отдыхе. В эти дни орудийная канонада едва доносилась к нам. И в этом мы уже ощущали блаженство. Я смог написать и отправить несколько писем и с ними рисунки: «Спит наш хозяин», «Хата» (карандашный вариант), «Синеок пишет письмо». Отец к этому времени вернулся в Москву из своей длительной камчатской командировки, и я получил от него письмо. Оно еще пахло табаком и одеколоном, привычным «запахом отца». Это было удивительно и меня взволновало. К тому же природа отклонилась от своих привычных норм: в конце января оголилась земля, набухли на деревьях почки, пошла в рост трава. Мне вдруг остро захотелось делать что-нибудь особенное, и я, вспомнив свое школьное восхищение горьковским циклом рассказов «По Руси», тут же написал родителям письмо с просьбой переслать мне эту книгу по частям, по несколько листов в одном конверте. Наивный человек! Оказавшись на несколько дней на отдыхе, я возмечтал по получении текста заняться иллюстрированием. Книгу для меня родители не смогли найти, вскоре началось новое наступление, и идея эта была забыта.

В феврале, в разгар напряженной работы при форсировании Днепра и боевых операций на Никопольском плацдарме, я урывками делал наброски, в основном, пером с применением бумажной самодельной растушки. Флакончик с черными чернилами я всегда держал в кармане шинели. Наиболее удачны из них: «В наступлении. Бездорожье» и «По дороге из медсан-



8. **В. Т. Давыдов.** В наступлении. Бездорожье. 3 февраля 1944. Именно на периоды страшного бездорожья чаще всего приходились наши наступления. Однажды, пробуксовав целый день, вымазавшись с ног до головы жидкой грязью, мы продвинулись всего на четыреста метров. Нас обгоняли тягачи с противотанковыми орудиями на прицепе.

бата». В этом, последнем рисунке, сделанном из окошка нашего фургона (мы мучительно замедленно двигались тогда по густой приднепровской грязи), сюжет мне казался таким емким, что по нему потом можно было бы написать картину. В наброске отразились и типичный образ широкой степи, и грязные глубокие колеи дороги, проложенной по прошлогоднему жнивью, и пасмурное небо, и большая палатка полевого медсанбата, и фигурка одинокого солдатика, бредущего по степи, а самая главная деталь на переднем плане — это кладбище, где рядом с двумя обелисками, поставленными участникам боев периода гражданской войны, появился ряд свежих дощечек и фанерок, прибитых к деревянным колышкам. Это были свежие захоронения, сделанные неподалеку от палатки медсанбата. И вот в обширной степи установилась такая преемственная связь между двумя войнами, разделенными меньше, чем двадцатью годами мирной жизни. Я беглыми штрихами зарисовал этот грустный и многозначительный пейзаж.

15 февраля, когда мы были в нескольких километрах от Днепра, меня послали в разведку для выяснения возможности переправы. И я впервые в жизни увидел эту великую реку.

Панорама оказалась захватывающей и суровой: высокий левый берег в одну и другую стороны далеко охватывался взглядом, над темными глинистыми



9. **В. Т. Давыдов.** По дороге из медсанбата. 3 февраля 1944. Справа вдали большая палатка медсанбата. Оттуда шагает по направлению к передовой солдат. Возле двух обелисков, сохранившихся со времен гражданской войны, выросли деревянные колышки с фанерками. Ими отмечены места захоронений наших товарищей.

обрывами сверкали белые снега. Мощная, свинцово-серая гладь реки вздувалась водоворотами и тугими узлами сильного течения. На правом, низком, берегу лиловели оголившиеся вербы и тополевые рощи. За ними вздымалась гряда холмов с несколькими торчащими ветряками. Там были еще немцы. Пока мы оглядывали местность, нас, видимо, заметили и открыли огонь с далеких позиций. Пролетело несколько шальных пуль. Мы поспешили ретироваться. На память у меня остался набросок: «В разведке. На левом берегу Днепра».

В это же время установилась переписка еще с одним довоенным товарищем по художественным курсам — Е. Сапиро. Его судьба сложилась несколько поиному: некоторое время он находился в эвакуации в Казани, затем четыре месяца был в армии, работал на санскладе неподалеку от института и, демобилизовавшись, приступил к занятиям сразу на втором курсе института. В своих письмах он меня информировал о новостях и напомнил ряд трогательных деталей, о которых я уже начал забывать. У него, оказывается, хранился

блокнот, в котором я в день нашей последней встречи у Музея изобразительных искусств делал эскизы иллюстраций к Лермонтову, и мой студенческий билет с фотографией, который он взял в учебной части института, решив сохранить его на память. От него я узнал, что мой «Старик» продолжает висеть в Доме пионеров, что в Москву приехала Ленинградская Академия и с ней из Самарканда вернулся наш учитель А. А. Деблер. Было очень жалко, что он ушел из Московского института. Д. К. Мочальский через Сапиро передавал мне приветы и советовал больше делать набросков с фигур: «Компоновать по одной, две или несколько в группы, рисовать то, что оказывается ближе к жизни, завести для этого блокнот и всегда его иметь при себе». По-видимому, я сам просил о разного рода советах, разумеется, профессиональных, которые могли бы мне помочь в новой для всех нас обстановке военного времени, и мой товарищ, как мог, откликался на эти просьбы. Однажды он для меня даже скопировал офорт Рембрандта «Портрет матери» и прислал в двух экземплярах. Он сам их сопроводил критическими замечаниями, написав, что хотя это «очень, очень плохие копии с Рембрандта», они все-таки могут служить яркой иллюстрацией к тому, что нужно. «Лучше посмотреть вот такого «плохого Рембрандта» в моем исполнении, чем мой же старый рисунок,— больше пользы». В этом же конверте оказался и сложенный вдвое карандашный рисунок головы натурщицы с чернильной надписью, сделанной прямо поверх графита: «Ты извини меня за такой плохой рисунок, не знаю, может ли он тебе чем-нибудь помочь». Рисунок, на мой взгляд, был слабее его же довоенных рисунков. Он, действительно, ничем мне не мог помочь. Открытие того, что мы теряем «уровень» и здесь, на фронте, и «там», в Москве,— не могло меня утешить.

Женя Сапиро хорошо это понимал и сам писал: «Все неудачи начинаются и кончаются неумением крепко, наверняка рисовать, полностью отвечая за каждый штрих или мазок. От некоторого измельчивания формы я никак не могу излечиться, и самое худшее, что есть у меня,— то, что я не всегда могу отличить главное от случайного (вроде потемнения кожи от румянца и т. п.). И если в какой-то мере я решу эту задачу за предстоящий год, то можно будет считать, что я многого добился...»

Я так тогда до конца и не понял связь между приведенным примером, где фигурировала разница между «румянцем» и «потемнением кожи», и общей мыслью о споре «главного» и «случайного». Мне казалось, что и то и другое — случайное, но раз уже в институте ставятся такие задачи, то это и есть главное, пока недоступное моему разумению. В его письме была еще

обронена фраза: «Нужно зверски много работать, чтобы кем-нибудь когда-нибудь стать, и для этого надо иметь в себе внутренние силы». В этом друг мой был глубоко прав, и глубину этой мысли я чувствовал всем своим нутром. Об этом же говорил И. Э. Грабарь во время последней встречи, и об этом, в основном, почти во всех моих письмах с фронта также шла речь.



10. **В. Т. Давыдов.** Так мы спали. 27 марта 1944. На обороте этого рисунка есть надпись: «Вот так мы спали, когда не было жилья и шел дождь». Дремлем сидя или согнувшись стоя в тесном кузове автофургона радиостанции.

В феврале 1944 года, несмотря на страшную распутицу, мы продолжали наступление. На пути к Днепру ломалась и выходила из строя транспортная техника. Даже хваленые американские «студебеккеры» утопали в грязи или ломались и стояли в бескрайней, промокшей и затянутой гнилостным туманом степи. Некоторое время, стараясь не отстать от пехоты, мы пытались нашу рацию тянуть на себе, но потом задний мост «газика» все-таки не выдержал, и мы намертво застряли, за целый день проделав не более четырехсот метров. В какие-то моменты над всем тем, что я видел, витал дух живописи М. Грекова. За двадцать и более километров отправляли в тыл наших пеших и конных солдат, чтобы они подносили и подвозили боеприпасы. Тяжелая грязь засасывала, прилипала к сапогам и ботинкам. Я сделал тогда наброски: «Дорожные хляби», «Убитый на кукурузном поле», «У колодца», «В яме» и другие. В наброске «У колодца» — незабываемые обстоятельства безводия в этих степях. Бывало так, что на большое село или целую округу существовал единственный ко-

лодец. Армия вычерпывала его без остатка, перебалтывала воду с глиной, вокруг колодца также была непролазная грязь, но пить было нужно и людям и лошадям, и надо было заливать воду в радиаторы автомашин. Люди мучались, вычерпывая жидкую грязь, часами отстаивали ее, а чаще всего, не дождавшись, пили... Набросок, сделанный в памятной обстановке всего за не-



11. **В. Т. Давыдов.** Дорожная хлябь. Весна 1944. Памятное украинское бездорожье. Брошенный второпях штабной немецкий «мерседес». В эту пору даже хваленые американские «студебеккеры» ломались и, словно редкие корабли в открытом море, стояли в степи на топких дорогах

сколько секунд, и сейчас будит во мне множество воспоминаний. Я не помню лишь названия села, близ которого на пути огромной армии стоял тогда этот единственный колодец.

Лето 1944 года мы простояли в обороне на Днестре. Дни казались длинными и ослепляюще однообразными. Иногда из-за верхушек деревьев за садами выглядывали далекие нагромождения облаков, похожие на фантастические горы, но, не достигнув зенита, они вдруг таяли, оставляя после себя ровно-голубое небо. Жужжали садовые мухи, да где-то щебетали пернатые. После минувшего наступления нам было очень скучно и трудно сидеть на месте и заниматься уставами.

В свободное время я как-то отправил сразу семь писем, вместив в каждый конверт по три-четыре рисунка, предлагая родителям отныне разделить рисунки по сериям: «Фронтовые дороги», «Они сражались за Родину», «Наша коробочка» и другие. Готовя письма к отправке, я вынужден был прервать свое дело и укрыться в аппарели*. Сорок семь двухмоторных «хейн-

* щель, укрытие.

келей» тремя заходами бомбили наши позиции. К счастью, их курс и упавшие бомбы оказались чуть-чуть в стороне. Всего в этот день я отослал двадцать восемь рисунков. Перечислив свои композиционные сочинения — «Раненые», «Форсирование Днепра», «Солдатская думка», «Раненый на поле боя», я заключал письмо следующими словами: «остальные наброски сдела-

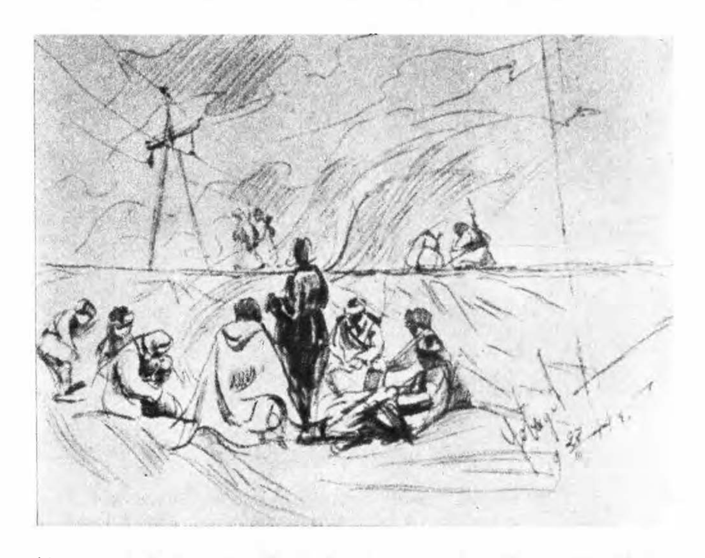


12. **В. Т. Давыдов.** Убитый. Весна 1944. Убитый немец лежал на краю кукурузного поля, под серым небом, моросящим мелким дождиком.

ны в наступлении, при переходах, между работой. Я рисовал их зачастую очень грязными, замерзшими и огрубелыми руками. Может быть, их главное достоинство заключается лишь в том, что они сделаны в период памятных трудностей и испытаний, во время сражений, которые никогда не будут забыты».

Отец заметил по моим письмам некоторое мое смятение и неуверенность в своем будущем и тут же поспешил меня поддержать. «Почему ты теряешь уверенность и перспективу? Нет для этого основания. Впереди у тебя целая жизнь, у тебя есть способности и желание учиться и работать. Некоторая утрата душевного равновесия в твоих условиях вполне объяснима. Но как только ты попадешь в нормальные условия, в свою стихию, ты снова обретешь и силы, и уверенность в своем деле и его конечном желанном результате. Спокойствия ты, конечно, не найдешь, по крайней мере, долгое время, потому что идти по пути, который ты для себя избрал, по пути искусства,— миссия очень трудная, придется и спотыкаться, и преодолевать препятствия, и может быть, падать и вновь подниматься, а следовательно, переживать разочарования; но ты будешь двигаться к благородной цели».

Я разделял судьбу тех, кто, находясь на фронте, быстрее взрослел. Несмотря на активизировавшуюся переписку, мысль о возможности когда-нибудь вернуться домой казалась сказочной, мы даже избегали ее вслух обсуждать. Порой мне казалось, что я уже безвозвратно погиб для жизни, то есть для того, что являлось заветной мечтой,— для будущего серьезного за-



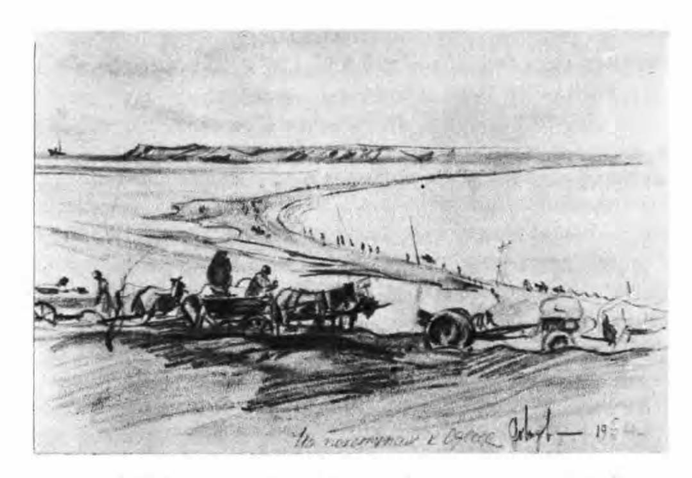
13. **В. Т. Давыдов.** После боя на подступах к Николаеву. 27 марта 1944. Набросок сделан в момент, когда только что сбили немцев с железнодорожной насыпи. Враг бежал. И тут же состоялся «перекур с перекусом».

нятня искусством. Оставалось утешать себя мыслью, что наши жертвы принесут победу и с ней благо н мир следующим поколениям.

И почему-то именно в это время в одном нз номеров нашей фронтовой газеты «Советский воин» появилось обращение к самодеятельным художникам с просьбой присылать рисунки для организующейся выставки. Автор заметки гвардии капитан А. Кручина писал о том, что «в частях нашего фронта есть много одаренных художников, красноармейцев, сержантов и офицеров, участников героических боев н походов. У них, как правило, нет монументальных полотен: торопливым карандашом они набрасывают портреты товарищей, моменты прошедшего боя, эпизоды быта. Постоянное пребывание рисующих в самой гуще фронтовой жизни делает их творчество особенно ценным. Политическое управление фронта задалось целью собрать произведения фронтовых художников. День открытия выставки недалек. Политработники соединений н частей должны привлечь к участию в ней своих

художников и скульпторов и позаботиться о том, чтобы созданные ими художественные произведения были присланы в срок».

Когда я прочел эту заметку, мне показалось, что там, «наверху», каким-то образом прознали о моих, именно моих, рисовальных занятиях — так это отозвалось в моей душе. Тогда я еще не мог полагать, что в ря-



14. **В. Т. Давыдов.** На подступах к Одессе. 5 апреля 1944. Раннее утро перед восходом солнца. Временная остановка, пока саперы оперативно чинили единственный мостик на огромной косе. В этот же день мы ворвались в Одессу. На траверсе еще не взятого города находился какой-то корабль.

дах нашей армии находилось много одаренных и рисующих художников. Это стало ясно значительно позже и продолжает открываться и поныне, спустя более 30 лет после победы. Любопытно, что в том же номере газеты на четвертой странице редакция начала печатать «Русско-румынский военный разговорник» с соответствующим предуведомлением: «Наши дороги идут на запад. Близок день, когда мы будем громить врага на территории Румынии. И чем лучше боец и офицер усвоят румынский язык, тем легче им будет ориентироваться в этих районах, а стало быть, легче будет выполнять боевые задания». Разговорник начинался со слов:

Стой! — Стой!
Бросай оружие! — Арункы арма!
Брось палку! — Арункы быцул!
Руки вверх! — Сус мыйниле!
Подойдите сюда! — Вино инкуаче!

В этом наборе фраз, как это сейчас видно, уже был прогноз на недолгое сопротивление армии Антонеску, на ее капитуляцию и массовый переход румынских солдат в плен. Но это все еще должно было быть

впереди. А пока я откликнулся на призыв и в адрес газеты выслал семнадцать рисунков, часть из них была сделана по имевшимся у меня наброскам специально для выставки, в технике акварели. Они отличались и по размеру от тех рисунков, которые я делал для себя и для отправки родителям,— были крупнее. Я не очень рассчитывал на успех этого предприятия, но, к моему немалому удивлению, душная знойная скука оборонного бездействия вдруг была поколеблена письмом, полученным мною от начальника ДКА* 3-го Украинского фронта: «Товарищ Давыдов! получил Ваше письмо от 7.V и с некоторым опозданием отвечаю, так как не все еще было ясно.

* ДКА ЗУФ — Дом Красной Армии 3-го Украинского фронта.

Выставка открыта, но в целом несколько бедновата. Если сможете, посетите ее, она находится в Тирасполе. Ваши работы выставлены, и отзывы о них хорошие. Ждем более солидных работ, так как пока преобладает рисунок карандашом.

К сожалению, Вашу просьбу о посылке материала не могу удовлетворить, так как ничего нет. Добивайтесь в отделе снабжения Вашего политоргана выдачи Вам материала или же выдачи средств для закупки необходимого материала в Одессе.

4.IV-44 Начальник ДКА ЗУФ — майор Горынин»

Я обратился к командиру и получил командировку на двое суток. Прихватив вещмешок, плащ-палатку и рисовальные принадлежности, пешком пошел в Тирасполь. Дорога тянулась вдоль Днестра. Я пересекал могучие сады и зеленые дубравы. Южный ветер дул мне навстречу, на сердце было очень легко. Тирасполь встретил меня полным безлюдием. Ввиду близости города от фронта все гражданское население было выселено, военных тоже не было на улицах. Только в комендатуре я смог спросить, где расположена выставка. В полном одиночестве и в тишине я пережил счастливые минуты. Шел уже четвертый год, как я варился в собственном соку, и вдруг светлый, высокий, настоящий выставочный зал с работами многих авторов, среди которых есть несколько профессиональных художников, неплохих мастеров, у которых можно кое-чему научиться. Таких двое — Бельский и Тищенко. Разумеется, во все я впивался глазами и наконец заметил книгу отзывов. Она была почти пустая, но на первой странице нахожу запись Бельского: «Дорогие друзья-художники! Какая радость на душе у меня, когда я смотрю на ваши произведения. Ни тяжесть войны, ничто не могло заглушить вашей любви к дорогому нам, художникам, искусству. Какая радость! Какая любовь! Не могу описать своих чувств радости, но вы, друзья,

поймете мои искренние чувства. Они должны быть близки каждому нз нас. Мои дорогие друзья, желаю вам успехов в вашей дальнейшей творческой деятельности». Я написал в книге отзывов, что полностью разделяю высказанные нм чувства и жму всем друзьям-художникам руки. Сейчас мне несколько жаль, что все мои семнадцать работ не вернулись. Я не знаю их дальнейшей судьбы. Память моя не сохранила ни сюжетов, ни впечатлений о художественных достоинствах этих работ. В этом случае, как и в некоторых других, я просто руководствуюсь сохранившимися письмами. Хорошо помню, что выставка, несмотря на пережитые радости и восторги, показала мне, как мало мы еще умеем и как серьезно надо нам всем работать в избранной области искусства.

Присматривающий за выставкой полковник на прощанье подарил мне капитальную монографию о Карле Брюллове, и я пошел «домой».

Только в самом конце лета 1944 дождались мы нового наступления. Прорыв обороны начался рано утром 20 августа. С первыми залпами орудий вспыхнула и затрепетала в груди радость: «Вот оно — долгожданное! Свершилось!». 1 сентября мне удалось отправить письмо уже с территории Румынии. Подробно делиться впечатлениями о наступлении было некогда: почтальон уходил. Я лишь успел написать, что «событня разворачиваются чрезвычайно интересно и благоприятно для русских солдат: Днестр, Прут, Серет, Дунай — перестали для нас быть понятиями из учебника географии». Убегала русская земля на восток, где-то там, позади, остались границы Родины. Бешено вертелся калейдоскоп событий. После завершения Ясско-Кншневской операции войска нашего 3-го Украинского фронта вышли на границу Румынии с Болгарией и, заняв исходные позиции, ждали приказа Ставки о дальнейших действиях.

8 сентября утром мы выехали на НП. Закапываться в землю было некогда, да и настроение было впервые за войну какое-то беспечно-бравое и у нас, и у начальства. Мы поставили машину в кустах молодых посадок на пологом холме. На нас никто не кричал, никто не указывал, что мы нарушаем правила маскировки. Метрах в пятидесяти от нас над дорогой возвышалась высокая арка, перевитая зелеными ветками и цветами. Рядом с ней пограничный полосатый столб с гербом: на большом белом овальном щите изображен сидящий лев, вокруг него четкая черная надпись: «Царство България». Операция по освобождению Болгарии прошла без выстрелов и заняла очень мало времени.

Уже 15 сентября директивой Ставки (теперь это известно, а тогда это была глубочайшая военная тайна) судьба нашей 46-й армии, а стало быть, и нашего 37-го стрелкового корпуса и потому нашей радиороты и нашего экипажа и, в том числе, каждого из нас — была предопределена. Там, в самых высоких верхах, было решено, что мы будем сражаться под Будапештом.

Это произошло примерно в тот день и час, когда я общался со своими коллегами-болгарами в г. Русе. Саперы срочно возводили понтонную переправу через Дунай, по которой мы должны были снова переехать на территорию Румынии и спешным порядком двигаться в северо-западном направлении на румыно-югославскую границу с тем, чтобы очистить от немецких войск часть югославской территории и после этого, долго не мешкая, двинуться к Будапешту и взять его. А мы этого ничего не знали и полагали, что равным образом можем еще быть «софийскими» или «белградскими», но выходило нам по высшему «гороскопу» быть только будапештскими. Ставка решила перебросить нас на помощь войскам 2-го Украинского фронта. На схематических картах, показывающих военные операции в Болгарии, Югославии и Венгрии в сентябре-октябре 1944 года, я вижу красные, длинные, почти прямые стрелки, отметившие путь ускоренной переброски нашей 46-й армии из города Русе через румынские города Александрию и Крайову в направлении к Турну-Северину близ румынско-югославской границы.

На этом переходе нам пришлось основательно поработать. В период стремительных передвижений войск на большие расстояния вся нагрузка по обеспечению связи падает на радиосвязь. Наша станция работала круглосуточно, выключаясь лишь на переезды. На каждой остановке приходилось спешно разворачивать антенну, заводить движок, бегать в штаб с шифровками. Я молил провидение вспомоществовать моему движку, от него зависело все. Я лучше, чем кто-либо, знал его слабые места, он еще в начале днестровского наступления армейской комиссией был признан негодным к эксплуатации, но заменить его было нечем, и я его только за первые двадцать дней наступления четырежды разбирал и воскрешал к жизни. Мои коллеги-техники уже не раз собирались поставить памятник несчастному движку, а он продолжал жить на удивление, и прошли мы с ним уже три страны и оказались в четвертой. Я тогда решил, что если мы с ним дотянем до Будапешта и я там найду какую-нибудь замену, отпущу его в «царство небесное», а если ничего не найду, будем продолжать мучить друг друга.

Действия наши на территории Югославии промелькнули мгновенно, в память врезались очень ярко.

Самое сильное впечатление осталось от радушных, очень теплых встреч наших войск населением. На въездах в населенные пункты мы увидели арки с транспарантами, приветствующими нашу армию: женщины и дети преподносили цветы, скандировали приветствия, нас нарасхват приглашали в гости, щедро и широко угощали, ничего не жалея. Тут же были организованы и цирюльни, и бани, и прачечные. Бывало, пока солдат сидел за столом, его тут же брили, а часть обмундирования срочно стиралась и сушилась. Это было здорово. Из лесов выходили югославские партизаны. Встречи всюду превращались в ликующий праздник. В одном из населенных пунктов я был свидетелем и другого события, печального. Местные жители на окраине городка в кукурузе нашли убитого нашего совсем молодого лейтенанта и тут же организовали похороны. Во всех церквах звонили колокола, после торжественного отпевания по улицам к кладбищу двигалась похоронная процессия со множеством хоругвей и в сопровождении хора мальчиков. Пение было столь красиво, музыка так возвышенна, что даже печальный драматизм ситуации был смягчен красотой обряда. Я успел сделать два быстрых наброска во время шествия и возмечтал написать такую картину, но, увы, так и не написал из-за недостаточности материала. Беглых набросков для такого дела оказалось мало. Перед окончанием наших действий в Югославии у меня опять вышел из строя движок. Я так измучился за время ремонта, что границу на этот раз пересек в бесчувственном состоянии. Меня перевезли в нашем фургоне и, выгрузив, уложили спать. После того как пришел в себя, не мог понять, почему югославы вдруг заговорили на мадьярском языке.

На границе Венгрии враг опять ощерил зубы. Короткие, но жестокие бои под Сегедом. Зловещие вспышки ночного боя рассекали на куски ночной мрак. Холодная вода незнакомой реки Тиссы розовела от крови. Опять проснулась задремавшая было ярость. Заметалось эхо русской речи на площади Сеченьи и поднялось до затейливых шпилей городской ратуши. Сломав оборону, войска невероятно заторопились. На забитых дорогах ржали лошади, тянулись обозы, грохотали транспортеры, танки обгоняли колонны и забрызгивали жидкой грязью пехоту. Открывались винные подвалы. Текло виноградное вино по всей придунайской низменности. Неудержимой лавиной двигался поток советских войск к Будапешту. Белым снегом ложился декабрь на черную от осенней грязи венгерскую землю. Мне на этом пути в Коллегиуме удалось сделать акварельный пейзаж с золотисто-зелеными скирдами, табунком лошадей и нежно-голубой грядой каких-то далеких гор. Помню, рисовать было холодно, мерзли

руки и акварель прихватывалась тончайшей коркой льда к бумаге. Здесь же мне позировали двое мальчишек: Иштван и Южаф. Я нашел их за скирдой соломы, где они пытались согреться на холодном декабрьском солнце, укрывшись от ветра. Наброски эти сохранились.

11 декабря я в четвертый раз должен был переправляться через Дунай. Происходило это несколько южнее Будапешта, на участке, отведенном нашей 46-й армии. В ожидании, пока саперы наведут переправу, выдалась возможность походить по венгерскому городку, названия которого я не помню. После нескольких пасмурных дней показалось солнце, засверкали лужи, легкий пар пошел от согревавшейся черной земли, за красными черепичными крышами и колодезными журавлями четко вырисовывались три островерхие церкви. В этом городке была, по существу, одна главная улица, вытянутая параллельно Дунаю.

Большинство домов, как мы вскоре убедились, оказались покинутыми хозяевами. Двери распахнуты настежь. Ради любопытства мы зашли в несколько домов. Нам показалось, что все комнаты были переполнены мебелью и, хотя она была хороша, это несколько напоминало комиссионный магазин. Почти в каждом доме я видел на стенах картины весьма среднего качества и офорты, очень мне понравившиеся. Только возле одного дома, увитого темно-красным плющом, мы заметили человека в штатском, подошли ближе и познакомились. Забавный толстенький мадьяр с веником в руке, в широких штанах и гетрах назвался директором школы и сказал, что его школа, а также больница и ряд домов пострадали при обстреле. Указывая на соседний особняк, он сказал, что его хозяин с семьей убежал в Будапешт. Во дворе есть подвал с вином, и если мы хотим, можем выпить вместе, он составит нам компанию и быстро это организует. Мы дали согласие и вошли в дом. Оглядывая большую гостиную, я тут же обратил внимание на отличный рисунок и спросил у хозяина, местный или столичный художник нарисовал этот портрет. Хозяин, видимо, польщенный моим вниманием к рисунку, объяснил нам, что это портрет его дочери работы известного турецкого художника, и указал на подпись. После этого я отрекомендовался «пиктором» (так по-венгерски звучит слово «художник»), хозяин еще больше оживился и повел меня по многочисленным комнатам, показывая живопись, офорты, гобелены. Он произносил имена венгерских художников, профессоров, но мне они ничего не говорили, и я неспособен был их запомнить.

Тем временем мальчик принес вина. Мы наполнили бокалы, и я предложил выпить за близкий конец войны и общечеловеческую культуру. Потом хозяин

предложил тост за нас, мы выпили и, не оставаясь в долгу, подняли бокалы за хозяина. Наш новый знакомый в разговоре употреблял венгерские, немецкие и украинские слова. Так что более половины фраз мы понимали. Слегка подвыпив, он стал ругать немцев, объясняя нам, что они своей пропагандой старались обманывать венгров, говорили, что у русских нет никакой куль-



15. **В. Т. Давыдов.** Автопортрет. Набросок. 17 декабря 1944. Несколько раз рисовал и себя в зеркало. Здесь любопытна одежда, в которой я щеголял в то время: трофейная румынская шинель и немецкий френч, на голове кубанка. Ее я выменял, не помню только на что, у своего коллеги по радиороте эльмеха «Кузи».

туры, нет церкви, а теперь он сам убедился, что в нашей армии множество приятных и культурных людей, среди которых есть инженеры, художники, доктора, музыканты и так далее. Он принес большой семейный альбом, позвал свою жену. Потом сбегал куда-то и вернулся со спиннингом и еще какими-то рыболовными снастями,

объясняя мимикой и словами свое, по-видимому, главное увлечение, а может быть, он даже хотел сделать нам подарок.

Встреча получилась милая, я расчувствовался и, желая со своей стороны сделать для хозяина что-нибудь приятное, вырезал из альбома рисунок, изображавший нашего воина с аккордеоном, и подарил на память. Хозяин с радостью принял подарок, поцеловал меня и сказал: «Сувенир!». Я сказал: «Да, на память». Он подвел меня к стене и объяснил, что закажет такую же рамку, как на рисунке турецкого художника, и повесит рядом.

После этого мы стали собираться восвояси и взяли с собой мальчика, чтобы с ним передать несколько пачек табаку. Табак был у нас в машине. По дороге попали под бомбежку. Хотя густой заградительный огонь нашей артиллерии и расстроил тактическое построение «хейнкелей», они продолжали виться над населенным пунктом, беспорядочно сбрасывая бомбы. Я решил не останавливаться и, сообразуясь с положением самолетов, перебежками быстро провел мальчика к машине. Дав ему табаку, я обнаружил, что потерял альбом. На поясе болталась лишь резинка. Я был в плащ-палатке, и поэтому потери сразу не заметил. Это было очень досадно. В альбоме были наброски, сделанные за большой период времени в Молдавии, Бессарабии, Румынии, Болгарии, Венгрии.

Я тут же бросился по обратной дороге, внимательно оглядывая каждый метр земли. Самолеты продолжали летать. Били зенитки. Мне попались листки бумаги, которые были зажаты под одной резинкой с альбомом, но альбом кто-то успел подобрать. Мне ничего не оставалось, как вернуться к машине.

Вскоре я успокоился и забыл об этой потере, на фронте случаются дела более драматичные. Но даже по истечении многих лет, когда я снова прочел письмо с рассказом об этой неудаче, я подумал о том, что, может быть, он существует либо где-нибудь в Венгрии, либо у нас в стране, если кто-нибудь из наших воинов подобрал его и сохранил. А мы просто ничего не знаем о местонахождении друг друга так же, как это часто случается с ветеранами войны. У меня было искушение написать об этом случае в какой-нибудь популярный венгерский журнал или газету, чтобы они попробовали развернуть поиск. Но я не знаю самого главного — названия городка у Дуная, где случилась потеря. Впрочем, и это при большом желании можно было бы восстановить. Ведь прислал же мне через двадцать лет другой мой венгерский знакомый, Михель Беловари, фотоснимки с двух моих рисунков, подаренных ему 4 января 1945 года, когда мы уже вели бои в предместье Буды. Миша,

как я называю своего венгерского друга, сам выбрал тогда из альбома рисунки и попросил снабдить их автографами. Они-то мне и напомнили точную дату этой встречи.

Обстановка на фронте порой меняется за несколько минут. Едва я возвратился к своей машине с куском грунтованного холста и двумя тюбиками масляной краски, купленными попутно в магазине «Мюниха», как мы тотчас выехали к переправе, через Дунай, но вскоре вернулись — там было еще не все в порядке, переправа не действовала. Через час опять получили приказание, снова погрузились, целую ночь простояли в очереди, но к утру этот приказ был отменен. С наступлением дня могли прилететь немецкие самолеты и устроить веселую «карусель» над скоплением войск. Неожиданно поступило приказание двум нашим радистам и мне в качестве помощника-носильщика переносной рации РБ* выдвинуться вперед за Дунай, на наше «второе положение». Часть пути удалось проехать на повозке, пока дорога шла через лес и не очень густо была забита машинами. Потом пришлось спешиться. Далее к переправе шли, утопая по колено в грязи. От прежнего проблеска голубого неба не осталось даже воспоминания: небо теперь непрерывно сеяло мелким дождем. Все, что я видел по дороге к реке, оказалось знакомым: те же многочисленные воронки от бомб, расщепленные и поваленные стволы деревьев, трупы убитых лошадей, разбитые повозки, та же глубокая грязь на единственной разбитой дороге. Так же выглядели подступы к переправам на Днепре и Пруте. Авиацию не пришлось долго ждать. Немецкие самолеты налетели, едва мы подошли к берегу. Залаяли зенитки. Над свинцовыми водами Дуная пополз ядовитый туман дымовой завесы, все вокруг будто бы утонуло в густом молоке. Кашляя и чихая, мы погрузились на паром, и катерок поволок нас на правый берег. Там картина оказалась не лучше — снова грязь, в ботинках вода. Правда, немного повезло — удалось сесть на попутный «студебеккер». С ним почти и добрались до своего «второго положения». Оставили часть груза и двинулись дальше. Нам предстояло пройти пешком километров пять, и мы все навьючили на двух кем-то брошенных, промокших и понуро стоявших кляч. В такой компании мы и добрались к своим. С трудом нашли их на скате высоты, обращенном к переднему краю, в темных, тесных и очень неуютных землянках. Туман еще более сгустился, дождь не переставал. Мы погостили

* рация батальона

немного и двинулись назад, подобрав еще одну заблудившуюся клячу. Теперь мы двигались верхом, со стороны у нас был, вероятно, очень комичный вид: мокрые клячи без уздечек, без седел и всадники под стать им — такие же мокрые и перепачканные с ног до головы. У переправы лошадей мы бросили. День кончился, самолетов неприятеля не было.

Паромная переправа работала очень напряженно. Наведению понтонных мостов мешала шуга, проходившая по Дунаю. Это очень затрудняло операцию по форсированию и боеснабжению. Я видел поразительно слаженную и ловкую работу наших саперов. Мне показалось, будто бы неслышная, но существующая музыка руководила всеми сложнейшими действиями наших воинов у водной преграды. На паром с мощным грохотом двигателя и лязгами гусениц в клубах синего дыма надвигался тягач с тяжелым орудием. Водитель только движением пальца спросил у паромщика, куда подвинуть свою систему, и, поняв с полужеста, задорно подморгнув глазом, поставил машину, как надо. Маленький, но сильный катерок тоже старался: чубатый рулевой при швартовке к причалу манипулировал штурвалом так, что можно было подумать, будто он играет на сложном музыкальном инструменте. Паром точно подошел к причалу и прижался к нему без какого-либо заметного удара.

Переправа наших войск через Дунай могла бы стать хорошей темой для живописного полотна: какой-то величественный дух русской выносливости, трудолюбия и сноровки витал над широкой, полноводной и довольно мрачной в это время года рекой. И я невольно подумал: всего несколько дней прошло, как эту реку вырвали из рук бешено обороняющегося противника с большими потерями, а сегодня она будто искони русская, и на Дунае наши бойцы ведут себя так же по-хозяйски уверенно, как речники на Волге.

29 декабря наше командование, во избежание ненужного кровопролития и в целях сохранения города и населения, обратилось к командованию окруженной группировки с предложением о капитуляции. Накануне в течение ночи дикторы через мощные громкоговорители, установленные вблизи переднего края, сообщали об этом на немецком и венгерском языках и предлагали противнику в пунктах перехода в указанное время прекратить огонь. Кроме того, невзирая на плохую погоду, удалось с двух самолетов сбросить большое количество листовок, уведомляющих солдат и население столицы о намерениях советского командования. В назначенное

время в Пеште и у нас в Буде от переднего края выехали машины с водруженными на них белыми флагами. С нашей стороны в машине находились: парламентер капитан П. А. Остапенко, адъютант-переводчик Орлов и водитель старшина Горбатюк. Немцы встретили их, завязали глаза, провели в штаб и, вскрыв пакет, категорически отказались принять ультиматум. На обратном пути парламентеры были предательски обстреляны в спину. Капитан Остапенко был сразу убит, его товарищи, прижавшись к земле, сумели выползти из зоны обстрела.

Сообщение об убийстве парламентера потрясло нас. Это было подлое преступление, которое можно было объяснить лишь агонизирующей яростью. С этого дня начались упорные городские бои по ликвидации 188-тысячного гарнизона противника. Борьба развернулась за каждый метр улицы, за каждый этаж дома. На некоторых участках вперед выкатывались орудия самого крупного калибра и прямой наводкой сокрушали очаги обороны противника. И только таким образом штурмовым группам удавалось продвигаться на новые рубежи, затягивая все туже и туже кольцо окружения.

Накануне нового года мне пришлось заняться еще одной работой, выходящей за рамки моей должности, — копированием подробного плана Будапешта. Это было задание командира корпуса. Работая без сна и отдыха двое суток, я сделал всего два экземпляра плана и одновременно изучил город, узнав также, где находится Музей изобразительных искусств. К сожалению, он был на противоположной стороне Дуная, в Пеште.

31 декабря мы были в Будафоке — знаменитом пригороде столицы, известном своим заводом шампанских и других виноградных вин. Стрелковые подразделения, упреждая приказы, действовали так, чтобы этот Новый год встретить по-настоящему. Мы тоже отметили Новый, 1945 год в ту беспокойную ночь будафокским шампанским. Будафок мне трудно когда-нибудь забыть еще и потому, что тогда же ночью у меня произошла одна удивительная встреча... Мне нужно было передать только что полученную радиограмму нашим шифровальщикам, и я побежал по темной улице Будафока, ежеминутно спотыкаясь, на поиски шифротдела. Меня окликали невидимые в темноте часовые, где-то лязгали траками танки или передвигающиеся с орудиями тягачи, в стороне Буды не смолкала канонада и не гасли огневые всполохи... И вдруг на этом фоне, среди привычных звуков войны, я услышал музыку — мастерское исполнение «Венгерской рапсодии» Листа. Я запомнил дом и на обратном пути зашел внутрь его. Роскошный особ-

няк, все двери не заперты, кабаньи, козьи и оленьи головы на стенах. В одной из последних комнат нашел я музыканта. Он продолжал играть так же отрешенно и вдохновенно. Остановившись в дверях, я старался ему не мешать. Наконец, он увидел меня, мы познакомились. Музыкант оказался композитором и лесничим всего Будайского района. Он мне объяснил, что таким совместительством он отстаивает свою независимость от господствующих вкусов. Сказал, что его особенно интересует славянская музыка, что когда-то у него был хор, исполнявший песни славянских народов, пользовавшийся известностью. Он тогда уже мечтал побывать в России. С приходом салашистов к власти ему пришлось забраться в нору. Теперь он верит, что война скоро кончится и все будет хорошо: «Осталось немного терпеть!». Потом, поправив фитиль на оплывшей свече, он сказал: «Мне хочется сейчас сыграть что-нибудь специально для вас в знак благодарности за то, что вы хорошо бьете фашистов и в память о нашей встрече. Что бы вы хотели услышать?» — Я сказал: «То же, что вы играли минут двадцать назад» — «Листа?» — Я ответил: «Да!»

Этот необычный концерт и встреча оказались для меня незабываемым новогодним подарком.

По дороге к Буде вышла заминка. Старшина Смирнов, я и Пашников пошли вперед поискать проезд к улице Торогато. Напряженная канонада ухала со всех сторон. Казалось, если бы не сплошная пелена крупного, медленно падающего снега, то можно было бы увидеть всю панораму города и развернувшегося в нем сражения. Мы разошлись по разным домам. На мой стук в тяжелую дверь красивого особняка вышла, по-видимому, служанка. Хозяйка стояла в глубине прихожей и, сцепив костлявые кисти рук, холодно глядела на меня. Мы прошли в глубь большого зала — библиотеки или кабинета. В центре его, на постели с высокими подушками, лежал мужчина, очень худой, укрытый теплым пледом. По стенам — высокие стеллажи с книгами, над ними — два строгих ряда гравюр и акварелей: лошади... лошади... одни лошади. «Как проехать в Буду? — спросил я. — Где дорога?» — «Буда... Буда...», — угасая печальным эхом, повторялось это единственное понятное слово в стынущем доме. Я заметил, как взгляд хозяйки скользнул от моих погон к обмоткам и высокомерная аристократическая гордость промелькнула в выражении ее лица. Меня задело ее высокомерие. Отстегнув от пояса альбом, я на белом листе мягким графитным карандашом бегло набросал линии, часть из них растушевал пальцем. У меня быстро получился портрет челове-

ка в постели: высокий лоб, печальные и умные глаза, седые волосы, шарф и теплый халат. Служанка первая осмелилась переменить место и заглянуть через мое плечо. Рисунок удался, и я его показал всем по очереди. Удивление. Речь оживилась... Подписав рисунок, я передал его в холеные пергаментные руки больного, произведя эффект, от которого им еще долго придется приходить в себя, и покинул дом.

8 января нам зачитали обращение командующего к войскам 3-го Украинского фронта. В нем говорилось, что «с 22.XII.44 по 1.I — 45 года» войска нашего фронта прорвали оборону немцев, сорвали контрнаступление и, разгромив крупную их группировку, окружили Будапешт. В приказе подчеркивалось, что противник ценою смерти ожесточенно пробивается к своим частям в окружении, надеясь прорвать кольцо окружения и оказать им помощь. Обстановка накалилась, чувствовалось, что нас еще ожидают непредвиденные, опасные, но вместе с тем и чрезвычайно интересные события. Сражение за Будапешт должно было решить очень многое для сроков и успеха в окончательном разгроме фашистских войск. У меня мелькнула мысль: с несколькими отобранными рисунками сходить к начальнику политотдела корпуса полковнику Зейналову и убедить его, что необходимо сейчас уже готовить материал к летописи будапештской битвы и как-то доказать, что я мог бы со своей стороны внести свою лепту зарисовками, но для этого мне надо было бы иметь хотя бы немного свободного времени и официальное разрешение. Но это были только намерения, мне было некогда. 11 января я всю ночь провозился у движка своего коллеги — Кузи, днем отсыпался, а тринадцатого целый день ушел на перетяжку своего движка.

С очередной шифровкой я примчался в оперативный отдел штаба, он располагался в двухэтажном особняке. Я не знаю, кто являлся его владельцем, говорили, что он доктор. Если так, то, судя по печати зажиточности и элегантности в убранстве всех просторных комнат, — преуспевающий. Кроме нас здесь же нашла убежище и известная художница Санто Марио. Она с мужем ютилась в цокольном полуэтаже, там же, где жила и прислуга. Я познакомился с художницей и показал ей свой альбом. В ответ на похвалу и высказанное желание иметь какой-нибудь рисунок предложил выбрать любой. Санто Марио попросила мой автопортрет, сделанный почти в рост, в шинели нараспашку, с альбомом в руках. Я подписал и подарил ей рисунок. Художница решила не оставаться в долгу. Она принесла рулон

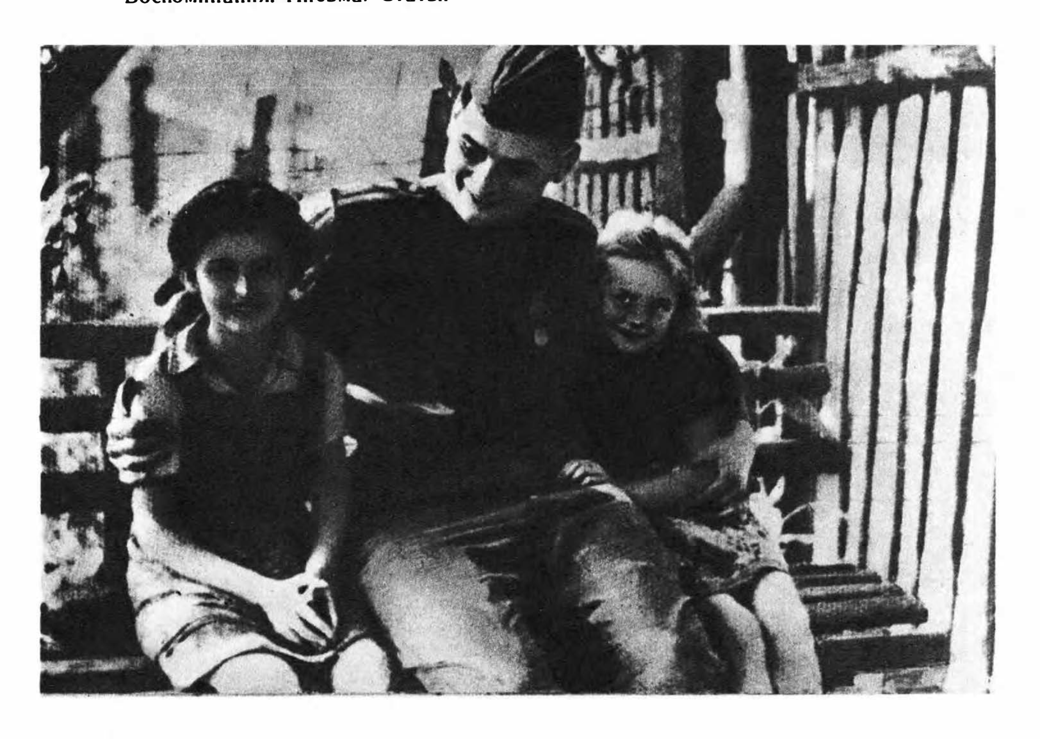
больших, почти двухметровых полотен и прямо на полу показала их мне. В большинстве это были обнаженные модели в традиционных композиционных схемах «Данай» и «Венер», отчасти портреты. Санто Марио через мужа объяснила, что это все, что им удалось пока спасти: мастерская ее еще находилась в районе, занятом немцами, невдалеке от нее шли бои. Ей хотелось бы подарить мне какой-нибудь оригинал, но эти большие... Вряд ли это сейчас подойдет для меня: война еще не кончилась. Я сказал: «Да, я глубоко тронут вашей добротой, но в моем вещмешке такие холсты не поместятся!» — «Тогда возьмите на память фотографии: выберите сами то, что вам нравится». Я отобрал несколько репродукций; среди них был очень хороший этюд с любимой модели художницы, написанный на фоне мольберта в мастерской. Этюд был без малейших следов салонного жеманства и этим мне очень понравился. Да и модель, девятнадцатилетняя будапештская девушка, была очень хороша. Отобрал я и несколько портретов: английской дамы в духе Гейнсборо и свободно написанный этюд с сына Рабиндраната Тагора. Он приезжал в Будапешт для того, чтобы иметь портрет работы Санто Марио. Я поделился с художницей масляными красками, вернее, отдал почти все, оставив себе лишь по тюбику каждого цвета. Она глубоко расчувствовалась и благодарила меня. Когда мы после победного завершения боев покидали Будапешт, я забежал проститься к своим новым знакомым. Санто Марио по-матерински поцеловала меня в лоб и смахнула набежавшие слезы. «Пусть сохранит вас бог! Если вы останетесь живы и захотите приехать в Будапешт, можете жить у нас. Если захотите учиться в Будапештской академии искусств после войны, — переводит муж ее слова, — приезжайте к нам». Санто Марио написала дрожащей рукой слова этого приглашения и адрес в моей записной книжке. Муж переписал этот автограф по-русски. Последние рукопожатия, и я, едва переводя дух, побежал к машине. Разогревшиеся моторы уже ревели. Колонна тронулась.

После Будапешта нам пришлось повоевать в районе Балатона. Немцы ожесточенно контратаковали. Мы взяли Балатонфюред, Бадачонь, горел Кестхей. И здесь я при любой возможности продолжал рисовать. К 4 апреля вся Венгрия была освобождена. Этот день совпал с моим днем рождения, о котором в ту пору я просто забыл. 9 мая, в День Победы, мы находились в австрийском городе Граце, известном тем, что в нем нашли неоконченную симфонию Шуберта. Ночью я слушал радио. Европа уже ликовала: жизнерадостные ме-

лодии с аплодисментами заполняли весь эфир, а наш корпус еще выполнял боевую задачу. В темной ночи пехота поднималась из окопов и шла в наступление. Над землей дул влажный и теплый ветер. Каждый из поднявшихся в тот час в атаку шел в неведомое. Это было особенно трудно: идти в бой, зная, что через час или два на нашем участке кончится война. В своем альбоме я за-



16. **В. Т. Давыдов.** Майор Зуев — зам. начальника оперативного отдела штаба 37-го стрелкового Будапештского корпуса 10 марта 1945. Мой старший фронтовой друг. Когда я сделал этот рисунок, майор посмотрел на то, что у меня вышло, и своей рукой написал: «Се есть Никита Степаныч», тогда как на самом деле был Степаном Никитичем. Не знаю доподлинно, какой смысл он вкладывал тогда в эту перестановку: то ли был удивлен изменившимся на войне обликом, то ли нашел себя похожим на собственного отца. До войны майор Зуев был школьным учителем.



17. После победы. Венгрия, 1945 г. Милые венгерские девушки в г. Керменде. Я подружился с ними и сфотографировался с помощью своего фотоаппарата с автоспуском.

писал такую громоздкую фразу: «Прекрасный бутон окончательной победы в эту ночь шевелит своими первыми, открывающимися лепестками, обещая превратиться в долгожданный цветок Мира, а смерть со своей натруженной тяжелой косой еще не хочет уходить за свой темный и холодный порог». — Тут война для нас и кончилась...

Оказалось, что работы после окончания боев мне прибавилось: надо было готовить все оперативные карты для сдачи в архив. Вскоре нас отвели в чистенький венгерский городок Керменд для отдыха и приведения себя в порядок. Я наблюдал, как два раза в день жители городка с невиданным энтузиазмом убирали, поливали и буквально мыли улицы. У них существовала такая традиция. Бродячие музыканты играли томительно-тягучие чардаши и любые советские песни на заказ. В соседних с нами кварталах музыка не смолкала с утра до вечера. Мне очень хотелось начать писать масляными красками, но мешала неопределенность положения. Я почти каждый день открывал этюдник, брал в руки па-

литру, с жадностью вдыхал запах красок, но, боясь неудачи и разочарования, снова закрывал его. Только в Румынии, на пути к Родине, я решился сделать первый этюд: «Вид на городскую площадь, г. Георгень». Мотив оказался трудным для исполнения на небольшом кусочке холста. Я добивался точности рисунка в изображении очень характерных двух-трехэтажных домов с красными черепичными крышами, островерхими башенками, трубами и флюгерами. На переднем плане ослепительно сияла зелень газонов; она контрастировала с дорожками, посыпанными толченым красным кирпичом, розовые облака парили в плотном сине-розовом небе.

Женщина в белом платье катила детскую коляску. Над городом щедро разливалось солнечное тепло.

Один только новый памятник советским воинам, воздвигнутый в центре площади, да кроваво-красные канны над братской могилой напоминали о недавно закончившейся войне.

...В долине быстроводной румынской речушки Быстрица нам встретилось небольшое, беспорядочно, чисто по-румынски разбросанное село Фыркаша. Все мужчины здесь были одеты в фетровые шляпы, переходившие, по-видимому, по наследству из поколения в поколение, и в белые штаны. Узкость их еще более подчеркивалась грубыми ботинками огромного размера.

Вечером с берега Быстрицы я наблюдал работу двух сплавщиков. Их плот засел на отмели посреди реки. С достойной восхищения энергией, силой и сноровкой они справились с большим и очень тяжелым плотом. Сняли его с мели и понеслись вниз по гаснущей в вечерних сумерках сплавной дороге. Все это было очень красиво, и от реки и человеческого труда веяло глубоким смыслом жизни. Я позавидовал им. На другой день утром пошел на реку писать этюд, а мой товарищ, младший лейтенант Пасека, стирать белье.

Место мы выбрали уединенное. Пасека, сидя на плоском камне у самой воды, стирал свои исподники; другой такой же камень, лежащий в воде, он использовал вместо стиральной доски. Тонкие ноги его против солнца на фоне голубой воды казались лиловыми. Вид у этой «прачки» был смешной: спину, опасаясь ожогов, он прикрыл белой рубашкой, на голову повязал тюрбан из полотенца. Я его так и написал на переднем плане своего этюда. Далее на реке сверкала световая дорожка от высоко стоящего солнца, ее пересекал длинный и узкий плот с маленькой фигуркой румына кормщика, стоящего у рулевого весла. Пейзаж замыкался лесис-

тыми зелеными и сине-голубыми горами. Белье Пасека выстирал на славу и успел высушить, а этюд у меня получился слабый, такой, что его и не хотелось никому показывать.

В Клуже я написал городской пейзаж из окна: черепичные крыши, зеленые кроны деревьев, большую церковь на заднем плане. Этюд получился — это меня взбодрило. Вошла хозяйка квартиры и с ходу плюхнулась на стул, не заметив этюда, приставленного к его спинке. Я вскрикнул. Степень моего огорчения была сильна: жалко было прежде всего широкую, расклешенную юбку с пышными оборками. Но реакция женщины оказалась удивительной: повернув юбку вокруг своей талии на пол-оборота, она, показав пальцами на отпечаток моего этюда, спросила: «Как называется по-русски «красивая картина»?». Я ответил. Она, смеясь, сказала: «Ничего! Зато у меня здесь красивая картина есть!»

Приближаясь к нашей границе, я мысленно подводил итоги всему своему фронтовому пути и особенно последнему этапу, выделяя из него события, связанные с военными действиями в Венгрии и будапештским сражением. Работа моя над циклом эскизов, посвященных Будапешту, должна была оборваться из-за невозможности подкреплять ее дополнительным натурным материалом. Я понимал, что в Венгрии в ближайшее время не побываю. К тому же я не был уверен, что все мои зарисовки и заготовки пропустит пограничная таможня. Поэтому я еще раз мысленно обдумывал и повторял для памяти все узловые темы и все сюжеты, какие я хотел бы выполнить в картинах или, на худой конец, в законченных графических листах.

Границу мы пересекли буднично. Никакого досмотра. Я спрыгнул на землю. Переваливаясь через холм, уныло уходили вдаль поля. Родина. Мы встретились, как два бойца, уцелевших, но многое и многих потерявших. Счастье с наброшенной на него грустной тенью.

Нас расквартировали в искалеченном Каменец-Подольске. Всюду зияли раны: кирпичные закопченные стены глядели пустыми глазницами. Мы разместились в каком-то большом доме, мрачном и обшарпанном. Спали в больших комнатах вповалку, на полу. Как-то ночью, при свете единственной, очень тусклой электролампочки я сделал рисунок «Спят солдаты». С волнением рисовал скрюченные позы, складки на потертых ши-

нелях, — они, как и в войну, продолжали служить и периной, и одеялом. Тут же стояли рядком поставленные сапоги. Среди них были и немецкие, трофейные. Спали победители — солдаты, изгнавшие со своей земли несметные полчища фашистских войск, солдаты, освободившие бóльшую часть Европы от «коричневой чумы». Сон солдатский еще был тяжел, но, наконец, впервые за четыре года, безопасен. Пока это была их единственная привилегия: все остальное было еще впереди или уже на крыльях истории уносилось в прошлое. Смахнув выступившую слезу, я еще раз подумал: «Спят солдаты! Но не дай бог кому-нибудь пытаться разбудить дремлющую в них богатырскую силу и непомерную русскую выносливость — горе будет тому врагу!».

...Я написал акварелью то, что осталось от Каменец-Подольского моста: высокие каменные пилоны только с одним уцелевшим пролетом. Глубоко внизу по дну городского оврага протекала речушка. Пешеходы перебирались через нее по временным деревянным мосткам. Неподалеку от этого места находился кинотеатр. При мне вечером выходящая из кинотеатра толпа была обстреляна из глубины темного сквера непойманным автоматчиком. Были жертвы.

В один из дней меня срочно позвали к телефону — звонил отец. Слышал я его очень плохо, но сам факт был волнующим. Маркони, впервые услышавший своего собеседника из радиотелефона, вероятно, не был так взволнован. Чтобы понять степень моей радости, надо было пройти солдатом четыре года войны. Отец соединился с армейской связью, узнав наш военный позывной. В то время он был весьма многозначителен и не банален: «Жрица»!

В последние дни августа я составил рапорт на имя командира 37-го стрелкового Будапештского корпуса генерал-майора Колчука. В частности, в нем я писал: «Теперь война закончилась. Я горю желанием закончить свое художественное образование и должен запечатлеть в образах события Отечественной войны по еще ярким впечатлениям, рисункам и наброскам, которые мне удалось сделать на фронте». Рапорт я подавал через майора Зуева, ставшего очень близким для меня человеком. Генерал ответил: «Надо подождать, возможно, Москва сама даст соответствующие указания». Я продолжал чертить карты, схемы, писать отчеты с мыслью об институте. И, наконец, судьба моя решилась: как бывший студент я подлежал демобилизации в первую очередь. Наскоро собравшись, побежал на вокзал и в невообразимой давке, в первую же ночь, погрузился в поезд Каменец-Подольск — Жмеринка. В Жмеринке толпы людей таборами сидели вокруг вокзала. Многие из них провели здесь не один день и не одну ночь и не

могли уехать. Мне попался компаньон — такой же, как и я, солдат, и мы с ним ухитрились влезть в открытое окно с тыльной стороны вагона, невзирая на то, что скорый поезд бдительно охранялся проводниками. Место наше оказалось в туалете. Запершись изнутри, мы преблагополучно добрались до Киева. Я умудрился даже немного поспать, примостившись на «сиденье».

В Киеве, на площади перед вокзалом, пока я читал расписание, меня забрал комендантский патруль. Мне не удалось даже выяснить, что более задело патруль — расстегнутая верхняя пуговица гимнастерки или пыльные сапоги. Вещи мои остались на перроне вокзала с малознакомым попутчиком. Меня увели в комендатуру, заставили пилить дрова. Я со страхом думал о судьбе своих вещей и, главным образом, о рисунках и записях. Когда я прибежал на вокзал, мой новоиспеченный знакомый терпеливо стоял рядом с моим рюкзаком и чемоданом и ждал меня. За время моего отсутствия ушли два его поезда. От души поблагодарив солдата, я распрощался с ним.

В это время объявили отправление поезда Львов — Москва. С трудом мне удалось забраться на крышу. К вечеру начал накрапывать дождь. К Конотопу мы подъезжали ночью. Небо очистилось, и поднялась луна. Гололед сверкал на изгибающейся спине гремучего состава. Я засыпал, стараясь обхватить руками колпачок вентилятора. Когда мы прибыли в Курск, я не мог слезть с крыши вагона. Солдат, идущий по перрону, купил по моей просьбе в торговой толкучке бутылку самогона и подал мне на крышу. Поллитровая бутылка лишь едва согрела мой желудок. И все-таки я не заболел, не простудился и на другой день после приезда, с опозданием всего в четыре дня и четыре года, пришел в институт. И в одном из коридоров, прямо на полу, я разбросал часть рисунков, показывая их Д. К. Мочальскому. Здесь же собралась группа студентов. Среди них были и молодые художники из Студии им. Грекова: И. Сорокин, Г. Прокопинский, Б. Неменский, В. Дмитриевский и другие. Они влились на первый курс первого послевоенного набора. Тут и сошлись наши пути, так по-разному складывавшиеся. Мы оказались соучениками и друзьями на многие последующие годы. Внизу, на лестнице, я встретился с Серафимом Фроловым: расставшись с ним в начале войны, мы пришли с ним в институт в один день и час. Только теперь он был возмужавший, отпустил черные усы и был одет в офицерскую форму Войска Польского.

Ну, а рисунки? Д. К. Мочальский сказал несколько одобрительных слов, отметив в первую очередь очень быстрые наброски, выполненные в напряженных условиях наступления: «Дорожные хляби», «По дороге в

медсанбат», «Так мы спали». При этом заметил, что «таких надо было делать больше». Произнесено это было тоном обыкновенного педагогического замечания, будто речь шла о работе над набросками и композиционными заданиями в аудитории. Не скрою, в душе моей пронеслась буря горечи и разочарования, но я быстро взял себя в руки: впереди была жизнь, учеба. Вот, по существу, почти все, что я могу рассказать, не вникая особенно в сложные перипетии войны и другие подробности военной службы, о своем рисовании на войне. Память о войне для меня незабываема, к тому же ее оживляют сохранившиеся рисунки.

Давыдов Виталий Тимофеевич

Родился в 1923 г. в Луганской области. Накануне войны, по рекомендации И. Э. Грабаря, был принят без экзаменов в Московский художественный институт. С конца 1942 находился на фронте. Связист. Воевал на Степном, 2-м, 3-м и 4-м Украинских фронтах. Участник освобождения Румынии, Болгарин, Венгрии, Югославии, Австрии. В 1951 окончил институт. Живописец. Автор книг и альбомов, созданных в поездках по стране. Заслуженный художник РСФСР. Награжден медалями.

Виктор Цигаль
В танковом добровольческом корпусе*

Мой первый минометный обстрел

Курская дуга. Лето 1943-го. Совсем близко с двойным звуком рвутся мины. Не страшно. Не верю. Сижу и рисую на плетне.

Полковник прыгает в окоп. Солдат ложится на него, прикрывает собой и отдает свою каску. Они как бы поменялись головами. Лезу в окоп. Сунул только ноги, места уже нет. Глупо торчу над всеми.

8 утра. В пять утра здесь был бой и ушел дальше. Деревни нет. Печные трубы и кошка. За огородами открытая низина. В низине подбитые танки с повисшими носами. По ним били с высотки. Лежат убитые бойцы в панцирях, как на картине Васнецова, только цвет защитный, закрывающих грудь и левое плечо. Подталкивая себя, подхожу, панцирь пробит, документы в крови. Сколько раз читал про такое. Не верю. Парень нескладно уткнулся в землю. Темные волосы прорастают в траву. Трава в волосы. Зачем? Роса. Нам вместе холодно.

Мой последний обстрел

Прошло больше двух лет. Командование корпуса отправляет меня в Свердловский обком для печатания рисунков в виде альбома. Все командировочные документы в порядке, печать политотдела на каждом рисунке. Но идет такое великолепное, страшное наше наступление, что нет ни одной машины, идущей «назад» в тыл. Все прет вперед. Это было под Бреслау. Пробую мысленно забежать вперед, представить себя перед наступающими. Взглянуть глазами немцев. Не дай бог! Возмездие!!

Но над лесом, где стоят танки, появляется огромная, низко плывущая «рама» и обстреливает нас. Навстречу ей задергался огонь пулеметов. Я уже «стреляный» — бросаюсь под дерево и кладу на затылок фанерную папку с рисунками. Вижу, как толстый старшина крабом лезет под танк и не влезает — там расстояние от земли всего 40 сантиметров.

В Каменец-Подольске

Дивная старина. Напластование, переплетение культур. Русские ворота, Турецкий мост. Каменные бас-

* Публикуется впервые. Написано в 1977—1978 гг.



1. Гвардии рядовой Цигаль В. Е. Брянский лес. 1943.

тионы вросли в современность. По всей по этой красоте лупят пушки с двух сторон. Внутри города были жесточайшие бои.

Командир танка Зинченко. Милый, застенчивый, недавний десятиклассник. На днях я рисовал его, и глядели мы друг на друга. Потом он отводил глаза и рассказывал о себе как бы себе самому. А вскоре после рисования на этих древних камнях шел бой.

Зинченко на танке рвался к мосту. Вражеский снаряд пробил броню и вошел ему в грудь. Стандартно-абстрактное понятие «убит» сознание как-то принимает, но вот где он, этот прекрасный, юный Зинченко? Убит, но куда он делся? Сознание не принимает понятия «никогда не увижу», «навсегда», «убит».

Рисовал места боев в городе. На ратуше несколько раз поднимался красный флаг и сбивался пулеметом. Наконец закрепился.

В воскресенье сижу и рисую Русские ворота. Старушка идет в церковь. Проходя, кладет мне на рисунок теплую домашнюю ватрушку. Молча уходит.



2. **Виктор Цигаль.** Гвардии старший лейтенант Зинченко Владимир Лукич. 197-я танковая бригада. Командир взвода. 1943

Под Львовом

Мы ожидаем наступления на Львов. По солнечному небу весело летают два «ястребка». Красиво виражируя, показывают класс пилотажа. Слегка постреливают.

Смотрим, почти как в Тушино на празднике. Однако — это идет бой. Вдруг один самолетик стал па-

дать. Мы заорали: «Ура!» и побежали к месту его падения.

Оказалось, что немец сбил нашего, а наш упал на самоходную пушку и поуродовал бойцов.

Сижу на канистре и рисую обозных лошадей с повозкой. Встаю и поднимаюсь в кузов машины. Чувствую, что меня толкают в спину, и я лечу до столика в другом конце машины. Стук в кружку, я вынимаю из нее горячий кусок рваного железа.

Выскакиваю из машины. Рядом стоны. Сильно ранило девушку и мужчину из нашей типографии.

Эта мина, деликатно касаясь земли, не делает воронки, а поражает настильно, то есть горизонтально.

Прощаемся с наборщиками, которых увозят в полевой госпиталь. Они очень не хотят отрываться от своих. После госпиталя неизвестно, куда судьба их забросит.

Почему я не слышал звука разрыва, а видел только пыль? Куда девалась канистра и две лошади с повозкой — тоже не пойму.

Во Львове

Бои за Львов. Помню, наши долго били артиллерией, потом в брешь проскочили танки и взяли город. Но фашисты закрыли прорыв, и танки оказались в кольце. Наши подтянули силы и сами окружили немцев. Взяли город окончательно. Помню, как танцевали бойцы, поставив патефон на мостовую.

Кинопередвижка поднялась на высокую гору в городском парке «Высокий замок».

Включаем радиоприемник: «Наши войска взяли Львов!». А мы уже здесь. Рядом — из сгоревшего танка ребята проволокой вытаскивают обгоревший труп танкиста.

Дорожки в парке — скорее тропинки, скамеечки откровенно только на двоих.

Вид на весь город, размытый вечерним светом.

Утром брожу по городу. Рисую ребра разбитого вокзала. Роскошь оперного театра (похож на Венский). Написано «Театр заминирован». Если взорвется, как взлетят крылатые каменные гении на фасаде!

Сажусь на борт тротуара. Рядом спит извозчик в старом экипаже. Цирковой кнут воткнут в сиденье. Или удочка?

Три грации — молоденькие проститутки, робко заглядывают в рисунок.

Рисую памятник Мицкевичу. Вертикаль — колонна. Горизонталь — разбитая «пантера» разлеглась у подножия.

Иду рисовать капитана батареи. Как идти? — Держи в руке провод телефона и дойдешь. Вхожу в пшеницу. Пригибаюсь. Устаю и выпрямляюсь. Медленно двигаюсь мишенью для любого. Провод скользит в руке. Прошел пшеницу, выхожу к колодцу. Лежат убитые. Один голый. Тело бело-голубое. Великолепное творение природы. Раскинул руки. Мягкая мускулатура Праксителя. На ноге носок, как в «Свободе» Делакруа. Голова раздавлена гусеницей танка.

На батарее капитан говорит: вот здесь рядом, за оврагом,— немцы. Что ты будешь делать без оружия? — Автомат я, дурак, оставил в машине. Тяжело таскать.

Он стал лицом к оврагу, а я спиной, и мы работали два часа. Вскоре мне подарили новенький немецкий «вальтер 3» и кобуру к нему. Стал учиться стрелять. Неплохо получалось. Видно, рисование помогает.

Танк, как носорог. Могуч, подвижен, но плохо видит. Мобильность «тридцатьчетверок» широко известна. Все вокруг летит, расступается, выворачивается. Меняются понятия «фронт» и «тыл».

Слезы восторга душат, когда видишь громаду танков на марше или сам качаешься на его грубой надежной спине.

Чувство, что вряд ли вернешься с войны. Отсюда легкость, беспечность. Заботы сиюминутные. Не было мыслей, как у некоторых, что я делаю историю, что каждый рисунок ценен своей правдой, фактичностью, неповторимостью.

События вокруг были огромны и мелькали со страшной быстротой. Все делали необходимое, важное дело для войны, а рисование мне казалось несовершенным и не очень нужным делом.

Но отношение людей в корпусе, особенно солдат, смотревших на меня, как на кудесника и чудака одновременно, глушило сомнения и подогревало меня.

Я всегда, рисуя портрет, стеснялся, что вдруг выйдет непохоже. И сейчас стесняюсь. Из всех высоких задач искусства на первом месте стояло сходство. А у бойцов это была единственная оценка работы художника.

Когда война кончилась, я выставил в музее Пушкина среди других рисунок «Давно не спал», где шофер-трудяга привалился на руль и уснул.

Какая-то тыловая крыса (иначе не подберу слова) приказал снять рисунок с выставки, сказав при этом: «Воевать надо, а не спать». И сняли.

Минер

К наборщице нашей многотиражки приходил парень из саперного батальона. Имена их я забыл. У них была любовь. Не скороспелая, а всерьез, и потому его встречали наши, типографские, без подначек, а провожали без похабных шуточек.



3. **Виктор Цигаль.** Сапер. 1943. Гвардии сержант Свиридов Николай Степанович из 131-го Гвардейского отдельного саперного батальона.

Он с уральским выговором на «о» рассказывал нам про свою работу.

— Можно разминировать танками, оборудованными специальным тралом. Но полностью обезвредить местность можем только мы — минеры. Выходишь с миноискателем, найдешь ее, тихонько обкопаешь кругом, а потом, не дыша, вывинтишь взрыватель, и тогда бери в руки. Но бывает, сверху взрыватель вывинтил,



4. Гвардии рядовой Цигаль В. Е. Осень 1944 г. Где-то на Западной Украине.

а снизу другой, или сбоку. Или вот, мина в печке, за заслонкой курица бьется или котенок плачет: открыл заслонку — взрыв. Все эти штуки знать обязан — минер ошибается один раз.

Спокойно так рассказывает. Подойдет его девушка — мы, понятно, в другую сторону. А они у плетня станут, как дома, будто и войны никакой нет. Бастьен Лепаж!

И все-таки однажды ошибся минер. Хоронить было нечего. Погон нашли на телеграфных проводах.

Экипаж клубной машины

Экипаж клубной машины — это начальник клуба Сальников, киномеханик Чекалов, шофер Букатин и художник Цигаль.

В поле ночь. Белый-белый экран висит в возду-

хе, бойцы смотрят «Чапаева». И в этом же воздухе ночью летают и тянутся, как бабочки на свет, «мамалыжники» — маленькие румынские самолеты,— и поражают живую силу. А «живая сила» весело ржет перед экраном.

Мы с Витей Букатиным лежим на крыше кинопередвижки и слушаем «воздух».



5. **Виктор Цигаль.** На фронтовой дороге. 1943

Чуть что — удар по крыше, и свет гаснет. Мы видели «Чапаева» уже тридцать раз, киноленту выдают на месяц, и потому смотрим на звезды.

Букатин рассуждает: «Вот говорят, будто звезды такие же, как земля и даже больше».—« А ты как думаешь?» — говорю я.— «Думаю — дырочки»,— говорит Букатин.

Тут нам показалось, что стрекочет самолет, и мы загремели сапогами по крыше, подавая сигнал. Экран исчез, и в кузове что-то свалилось.

Дружба с медиками

Меня всегда тянуло к медицине. Я на фронте дружил, да и сейчас дружу с врачами.

Как-то я попросил показать мне операцию. Меня вызвали в медсанбат и, сказав, что ночью будет операция, уложили спать в свободную палатку.

В 2 часа ночи будит санитар, и я присутствую при операции извлечения осколка из ягодицы. В палатке капитан оперирует, а солдат держит лампочку над раной. Зачем-то капитан отсылает солдата, а меня просит подержать лампочку. Я так близко никогда не наклонялся над развороченной огромной раной. Сильные запахи раны и лекарств. Разговор раненого, который дает полубредовые советы хирургу. У меня кружится голова, я вешаю лампу на локоть капитану и падаю на траву. Он продолжает работу один. Низ палатки не доходит до земли, и ветерок приводит меня в чувство. Но чувство стыда осталось надолго.

На рассвете в атаке боец наступил на маленькую, как коробочка крема для обуви, противопехотную мину.

Решено отнять стопу и голень до верхней трети. Останется как раз для протеза. Простыня отгораживает операцию от раненого. Санитар держит ногу на весу, а хирург пилит пилой, похожей на слесарную ножовку, только никелированную.

Солдатик в шоковом состоянии. Он просит: «Доктор, только невысоко режьте!». Хирург пилит весь в поту, потом говорит санитару: «Отнеси и зарой!». Ногу уносят.

Для мальчика 19-ти лет война окончилась. Жизнь продолжается.

Среди солдат уважали только огневые ранения. Помню, умер пожилой солдат от язвы желудка. Это посчитали несолидной смертью.

Солдатское рассуждение

Броня на фронте — чтобы в танке не убили.

Бронь в тылу — чтобы на фронте не убили.

Польская деревня

Сижу на трофейном «тигре». Он идет среди наших «тридцатьчетверок», и чтобы его не расстреляли издали, наши артиллеристы на нем нарисовали белые пятиконечные звезды.

Сижу я в самом лучшем месте — за башней. Решетка под ногами дует жаром. Снимаем сапоги и сушим портянки. А вокруг ночь светлая от кругового пожара. Никто не знает, где наши, где немцы.

Въезжаем колонной в польскую деревню. Только что ушли власовцы. Первый танк прошел через деревянный мостик, а «тигр» провалился и застрял. Придется ночевать. Экипаж занимает избу. Рисую грустного мальчика и веселого мальчика. Вбегают бойцы — пропал младший лейтенант.

Прочесали деревню. Труп лейтенанта нашли в избе под матрацем, а на матраце лежала больная старуха.

Костел

Танки стали вплотную к костелу, будто обнюхивая его. Вхожу в прохладу. Прожекторные лучи солнца из разбитых стекол пересекает ксендз. Он объясняет, что каждый витраж здесь сделан на пожертвование богатого прихожанина. За это прихожанин изображен в виде святого в композиции витража.

Спрашиваю, когда начнется служба, чтобы послушать орган.— «А я сейчас сыграю для пана солдата!» И вот я стою один-единственный и не знаю, куда деть руки, и придвинулась сюда Москва, и концерты Гедике, и многое хорошее, неразборчивое, как из тумана. Потом он пригласил меня в белую комнату с черной суровой мебелью, сел против меня, седой породистый старик, и предложил разговор на французском. Нет. На английском — нет. На немецком — нет! Ну, будем на — русском! С трудом говоря по-русски, он сказал:

— Я понимаю, почему вы ко мне пришли. У вас там, в России, не объясняют, почему светит солнце, отчего идет дождь, отчего растет трава.

Что тут делать? Не раз в разговорах я натыкался на такое отношение к нам, как к «дремучим азиатам». Этот ксендз из крохотного городишка был уверен, что перед ним, просвещенным европейцем, сидит дикарь.

Наша землянка

В польском помещичьем лесу, среди сосен, наши воинские части расположились на переформировку. Саперы сделали и нам землянку на четверых. Несколько ступенек вниз, окошко и печка. Койки в два этажа, как в поезде. Здесь мы жили больше месяца. Утром сперва поднимаем половицы и вычерпываем 33 ведра воды, подпочвенной или дождевой, не помню.

На стенах бревенчатых и на шинелях растет длинная белая плесень. Выглядит очень морозно. А мне из Свердловска, из издательства «Уральский рабочий», где я раньше иллюстрировал книги, как раз прислали заказ на оформление сказа Бажова «Иванко-крылатко». Вешаю над столиком кусок клеенки и работаю. Очень мне нравится эта капелька мирной жизни. Вода течет за шиворот, но не на обложку.

И ведь отправил, и напечатали, и переслали на фронт книжечку. Догнала она меня где-то далеко от этого леса.

Между прочим, владелец леса с двумя сыновьями приходил к нашему генералу требовать возмещения за порубленный лес. Как с луны.

Клубная землянка была глубокая и большая.



6. **Виктор Цигаль.** Гвардии рядовой Альшаков М. Ф. 1944. Про него рассказывали, что немец бросил в него гранату, которая упала и не взорвалась. Альшаков схватил ее и отбросил немцу. Немец еще раз бросил ее и получил обратно. Так они перебрасывались, пока граната не взорвалась. Около немца. Тем игра и кончилась.

Начальство приказало развесить на мокрых бревенчатых стенах мои рисунки к празднику 7-го ноября. Я прибил их гвоздями на расстоянии от стены. Вода стекала сзади, не доставая рисунков.

Праздновали весело. По-моему, был снег. Палили разноцветными ракетами в воздух. Приехали шефы с Урала, привезли подарки.

Паратиф

Не помню, кто из врачей поставил этот диагноз — паратиф. У меня высокая температура. Временами теряю сознание.

Остановились в польской деревне вечером. Полутемная изба. Меняемся с хозяйкой продуктами. Она при нас разбивает в таз сто четырнадцать яиц и добавляет молока. Запекает в печи этот пирог-омлет.

Ребята решают срочно меня вылечить. Появляется самогон. Сто четырнадцать яиц мы на троих съели. Потом добавляли еще что-то. Сам не верю.

Помню, что болезнь моя затянулась, и я очень боялся, что меня бросят в этой деревне, а часть уйдет. Тогда — госпиталь, и неизвестно, догоню ли я своих когда-нибудь.

В минуты облегчения я написал три одинаковых письма — отцу, жене, другу. Это была иронически рассказанная моя биография под названием «Виктор — победитель». Так как я решил, что обязательно умру, то отдал хозяину избы мой теплый свитер, связанный женой.

Хозяина вскоре призвали в армию, и мы радовались, что он греется в свитере. Через неделю хозяйке пришла похоронная. Чувство смутной вины перед хозяйкой. Связь: свитер — человек ушел в бой — и погиб. А я прохлаждаюсь в каком-то паратифе.

Портрет полковника Захаренко

Спускаюсь в землянку начальника политотдела корпуса рисовать его. Жарко натоплено. Пахнет мирным домом. Мне сразу наливают спирт и угощают вареным зайцем. Полковник только что с охоты. Охота такая: «виллис» летит по дороге с включенными фарами. Зайчишки попадают в свет и, как в трубе, мечутся ослепленные. Они боятся соскочить с дороги в черноту ночи. Стоя в машине, по ним бьют из автомата.

Жую жесткого зайца. От спирта я перед сеансом отказываюсь. Начинаем работать.

— А почему ты не срисуешь меня с фотографии? Ведь быстрее и точнее!

Я объясняю, что художник отбирает, выявляет характер, создает образ и т. д. Рассказываю о великих художниках. Полковник умно смотрит, умно рас-

спрашивает. От него веет силой, покоем. Рядом с таким не страшно на войне.

Кажется, «образ» намечается.

Входят молодые офицеры.

— Чего вы, товарищ гвардии полковник, ему сидите? Пусть с фотографии срисует.

— Эх, вы! Думать надо! — говорит полковник.— Вы ж поймите: художник отбирает, выявляет характер, создает образ. А вы: фото-гра-фия!

И он подробно, точно растолковывает им моими словами.

Я страшно горд. Я благодарен ему за этот плагиат. Чувствую себя пророком, Христом, и вот тут же, немедленно, «апостол» несет идею в народ.

Вот она, пропаганда искусства!

Ведь как иногда принято оценивать искусство: похоже, как фото, или непохоже.

Вспоминаю, что когда я учился в семилетке и мы проходили «Мороз, Красный нос» или «Кому на Руси жить хорошо» Некрасова, нас водили в Третьяковскую галерею смотреть «Похороны крестьянина» Перова и «Бурлаков» Репина. Картины рассматривали как иллюстрации к литературе.

Средний интеллигент знает и любит всю русскую и мировую литературу, а в изобразительном искусстве помнит несколько классических хрестоматийных картин, но в понимании специфики, понимании задач искусства слабо или совсем не образован. Беда начинается в школе.

Но вернемся в землянку.

Портрет Захаренко завершает серию героев, рисованную мной для альбома.

Очень быстро меня отправляют в Свердловск, откуда начал свой путь наш добровольческий танковый корпус. С ящиком, полным рисунков, я оказался в издательстве.

Вскоре из Германии приехал ординарец полковника и рассказал, что полковник погиб уже после окончания войны! Нет! Пройти все с первого дня, дойти до полной победы! До тишины!

Катушка памяти быстро крутится обратно на войну, катится по дорогам и проваливается в ямы, замерзает, потеет, давит вшей, подпрыгивает на трупах, буксует вместе с танками, зарывшимися по самую башню в грязь, и останавливается в полной темноте, ударившись о дверь землянки полковника.

Нет! Он не имел права погибнуть на какой-то дурацкой рыбалке. Толовая шашка взорвалась у него в руках.

Через тридцать лет меня разыскала его дочь. Она просила сделать фотографию с портрета ее отца.

«Срисуй с фотографии!»

«Сфотографируй с рисунка!»

Я подарил ей портрет.

О рисунках и альбоме

Рисунков набралось множество. 115 портретов



7. **Виктор Цигаль.** Сыны полка. 1944
Слева — Гончарук Толя. Рассказывали, что он оказался в доме с двумя немцами, открыл огонь из автомата. Чудом остался жив. Был представлен к награде. Ему 12 лет. Рядом с ним Володя Москалев. Ему 14 лет. Он тоже отличился, и его командование определило в Суворовское училище.

по указанию командования. Много портретов я сам рисовал, без указания. Места боев, зарисовки исторических памятников, рисунки с населения и т. д.— для истории пути корпуса.

В альбом «Герои боев. Уральско-Львовский добровольческий корпус»* вошла малая часть. Работая в многотиражной газете, я резал клише на линолеуме, портреты и иллюстрации к очеркам. Весь этот багаж я таскал с собой, оберегая его от дождей, снега и бомбежки.

Спасибо поэту Михаилу Львову, объяснившему командованию, что уже пора посылать художника печатать альбом.

* Точнее: «Герои боев. Десятый гвардейский танковый Уральско-Львовский добровольческий корпус». Свердловск, 1945.

Развернули меня на 180°, и я уже в Свердловске. Живу, отмытый, в гостинице «Большой Урал». Издательство «Уральский рабочий» будет издавать альбом.

И вот начались месяцы мытарств. Мои поездки по Уралу в поисках бумаги для альбома. Наскребли, однако, только на триста экземпляров. Клише



8. **Виктор Цигаль.** Последняя курица в деревне. 1944

изготовляли мальчики, так как цинкографы все на фронте.

Через годы вижу два спокойных лица. Лев Степанович Шаумян — главный редактор газеты «Уральский рабочий», и Александр Соломонович Асс — заведующий производством издательства «Свердлгиз». Как ухитрялся Александр Соломонович тащить дре-

безжащий воз издательских дел и еще заниматься вплотную, ежедневно, моим альбомом? Ведь издание по тем временам было шикарным, а возможности были ничтожны. Вижу олимпийское спокойствие на нервном лице Александра Соломоновича. В глазах доброжелательность.

А как Лев Степанович выручал при общении с начальством! Медленно, тихим голосом он добивался, казалось бы, невозможного, а потом мягко и грустно улыбался.

Поздно вечером захожу в издательство. Я весь переполнен заботами и обидами. С ходу прошу помочь, защитить, а Лев Степанович принимает меня в своем кабинете, сидя за роялем. Он играет, и суета дневная отходит, наступает покой, и трудные вопросы проясняются с помощью музыки.

Студенты художественных институтов имели бронь. Из Самарканда, куда эвакуировался наш институт, я приехал к семье в Свердловск. Здесь впервые участвовал в выставке. Она называлась «Урал в обороне». Для этого командирован был я в Нижний Тагил на старый уральский завод. Сделал серию рисунков углем в цехах и портреты. От этой выставки 1942 года веду отсчет своей творческой деятельности.

Туго было с продовольствием на Урале.

Разговор двух старых художников на вернисаже: «Приходи, жена отлично приготовила картофельные очистки». Буханка хлеба на рынке стоила 300 р.

В Свердловске вступил в добровольческий танковый корпус и вскоре был отправлен на фронт.

Лейтенант Вульфович

Я художник политотдела корпуса, а на довольствии числился как автоматчик взвода мотоциклетной разведки.

Командир этого взвода — лейтенант Тед Вульфович. Курносый паренек — 20-летний. Запомнилось лицо, четыре точки: глаза и ноздри. Красивая гусарская манера держаться.

Работа у этих моторазведчиков даже на войне считалась очень опасной. Иногда задача состояла в том, чтобы в неразведанной обстановке вызывать огонь противника на себя и тем обнаруживать его огневые точки.

Мы — москвичи, сдружились. Тед мечтает: непременно пойду во ВГИК. И, как бы готовясь к эк-

заменам, разыгрывает передо мной небольшие этюды. Потом война нас разъединила.

С тех пор прошло всего несколько часов — сначала это были большие часы завода им. Кирова, переделанные из карманных на наручные. Они падали у меня на камни и продолжали ходить. Но когда они устали, то появились маленькие часы «Победа», потом «Слава», «Заря», и вот, когда я стал носить изящные часы «Восход», вырос мой сын и однажды, вернувшись с просмотра в Доме кино, рассказал, что сосед, сидевший справа, глядя на него, сказал: «А я воевал вместе с твоим отцом! Ты ведь Цигаль?».

Это был Теодор Юрьевич Вульфович. Он выжил. Славно окончил войну. Затем окончил ВГИК и стал известным кинорежиссером. И он узнал меня молодого в моем сыне.

Шопрон — Вена

Васька Чекалов — киномеханик, 35 лет. Начитан. Честные, чистые глаза. Но способен на мелкую подлость. Однако внешне мы живем дружно. Вши общие, судьба общая. Он завел себе в Шопроне трофейный голубой «оппель-капитан». Старшина на персональном автомобиле! Дело в том, что переднее колесо у этой машины стояло с катастрофическим наклоном к вертикали и никто не рисковал ею пользоваться. Васька развивал на ней нормальную скорость. Смотреть со стороны страшно, а ехать ничего.

Меня он угостил поездкой из Шопрона в Вену — 60 км. Надо было только пересечь границу между Австрией и Венгрией. И я счастливый бродил по Вене. Около Венского оперного театра (в который попала бомба — остался только барочный фасад) находился крохотный магазинчик художественных материалов. С детства меня учили немецкому языку, и все же я попросил «Бутерфарбы»*, имея в виду масляные краски. Как же

* die Butter — сливочное масло; die Farben — масляные краски *(нем.)*.

веселились старые хозяйки этого магазинчика!

Мне командование поручило создать офицерский клуб в Шопроне в здании женского монастыря. Это была готическая постройка, в которую надо было тактично привнести славянско-советские признаки.

Что уж я там нагородил, точно не помню, но получилось нарядно, и офицеры лихо танцевали, а переливы аккордеона взлетали к темным сводам вместе с изящными русскими выражениями. Бронзовая «Мария» иногда краснела.

В Шопроне меня познакомили с молодым человеком. Венгр. Вид интеллигента. 30-ти лет. Я представился — художник такой-то. Он представился — «спекулянт» такой-то. Это уважаемая профессия. Дома мать — «пиковая дама» среди мещанской мишуры, но на стене два подлинных рисунка Тьеполо!

Выборы государственных органов власти в Шопроне. Борьба партий. Портреты кандидатов сначала расклеивались повсюду, и их ночью мазали краской или срывали. Потом клеили на мостовую у светофора, и по их физиономиям проезжали автомобили и печатали узоры протекторов. Затем, на каком-то этапе кампании, портреты висели на балконах домов, на верхних этажах, недосягаемо, и смотрели вниз.

О Бетховене и Леонардо

В Вене стоит памятник Бетховену. Собачка мочится на пьедестал. Дородный ве́нец в тирольской шляпе с перышком и в кожаных шортах держит поводок. Этот старый мальчик с кудрями на ногах обращается ко мне и спрашивает: «Кто это?» — показывая на памятник. Мой правильный ответ его очень удивил. Хотя имя было выбито тут же.

Мы с Букатиным заночевали в Черновицах в хорошей квартире. Хо́зяйка — шляпница. До войны бывала раз в месяц в Париже, чтобы не отстать от моды.

На рояле я увидел бюст Бетховена, сказал и опять произвел впечатление энциклопедически образованного солдата.

В Шопроне (Венгрия) мы стояли на квартирах. Наша клубная машина попала к дому стариков — родителей скрипача. Он, судя по афишам, развешанным в доме, гастролировал по всей Европе и бывал в Александрии. Я представился московским художником. «Артист»,— сказали они и перед нами положили альбом итальянской живописи. Когда я «угадал» картину Леонардо на репродукции, то удивление было так велико, что меня угостили двумя крохотными печеньями и дали ключ от ванной, которая до того была якобы неисправна.

А что сказали бы эти люди, если бы узнали, что в Вене стоят бронзовые копии с коней Аничкова моста? Из нашего медвежьего угла — Ленинграда!

Потсдам. Сан-Суси. «Фридрих»

С отпечатанными экземплярами альбома я из Свердловска летел в свою часть в г. Шопрон. Пересадка в Берлине. Решил проехать в Сан-Суси под Берлином. Брожу вдоль ажурной решетки. В воротах солдатик не пускает ни в какую. Иду дальше; точно такие во-

рота, нет солдатика, и ворота нараспашку. Хожу туристом. Никто не гонит. У мраморного конного памятника Фридриху отбито стремя, валяется в траве. Поднимаю его и пристраиваю повыше на цоколь.

Через 3 месяца мой брат, скульптор Володя Цигаль, ставивший памятник нашим героям в Берлине, попал в Сан-Суси и отметил про себя, что «какой-то



9. **Виктор Цигаль.** Давно не спал. 1944

добрый человек решил помочь реставраторам». Стремя, как мы выяснили, лежало на том же месте. Об этом он мне рассказал уже после демобилизации.

А через 20 лет я был в Берлине проездом на выставку «Интерграфик-65» в Лейпциге и решил проверить, как немцы поправили памятник. Я не смог найти его в Сан-Суси.

Переводчик объяснил, что «памятник снят, так как Фридрих — милитарист».

Недавно мне рассказали, что памятник снова стоит на прежнем месте.

В Югославии

Едем домой! Совсем домой! Война кончилась!! Но когда еще попадешь в Европу?

Мы с бывшим студентом Харьковского художественного училища, старшиной Василием Забаштой,

решаем проехать придунайские страны. Спешить не будем. Посмотрим музеи.

Однажды мы попадаем в Скопле. История города складывалась длинно и путано. Турецкое владычество отмечено наглядно минаретами, приставленными к христианским храмам. Многое напоминает наш Кавказ. Восточные базары и т. д. Но не об этом речь. Выходим на вокзал, в уборной снимаем с себя нижнее солдатское белье, сколько-то динар кладут нам в руку. Надо проверить, как мы разбогатели. Пьем вино. Не берут денег. Заходим в харчевню, четверо вскакивают и уступают нам столик. Мы возражаем, они настаивают. Садимся. Подают огромную, во всю тарелку, котлету со сладким луком и не берут денег. Съедаем по курдюку, истекающему салом, запиваем черным вином. Мы тычем свои деньги — они тычут нам в лоб и улыбаются. Постепенно выясняется, что деньги не фальшивые и мы не сумасшедшие, а просто мы солдаты Советской Армии, и они нас угощают, показывая на звездочку на шапке.

Но дальше пошло хуже. Нас задержала советская комендатура.

— Кто такие?

— Художники.

— Тут уже были «художники» в советской форме, организовывали колхозы и отбирали скот у населения! К коменданту!

Стоим перед комендантом.

— Что здесь делаете?

Меня осенило:

— Хотим посмотреть родину Александра Македонского.

— А разве он здесь родился?

— Где-то в Македонии.

Грозный комендант переменился резко. Заулыбался. Разговор пошел свойский. Подарили нам сигарет, дали письма к родным и приказ «в течение 2-х часов покинуть город». Не помню уже, в каком порядке мы путешествовали дальше, но все же по Дунаю мы проехали еще Болгарию, Венгрию, Румынию. Музеи почти везде были закрыты, но улицы, вокзалы и послевоенная неразбериха оказались для нас открытыми.

Дóма

И вот появилась в окне поезда Одесса. Город, где я родился.

Через день мы с Василием Забаштой расстались. Он двинулся в Харьков, а я в Москву.

Мне было жаль вдруг оборвать и расстаться. Он оказался в поездке отличным товарищем. Я подозревал в нем сильный жар внутри, зажатый детской застенчивостью. Однажды этот характер приоткрылся.

Патруль в Одессе проделал с нами подлую штуку: оклеветал нас перед военным комендантом. Василий мощно вздохнул и бросился на патрульного. Еле мы избежали двадцати суток «губы» в подвале.

Забашта — солдат с первого дня войны. После тяжелого ранения попадает в наш корпус. Он — командир бронетранспортера разведбатальона. Первая встреча наша могла стать и последней, так как он уходил на задание «взять языка». Ордена Славы и много медалей тихонько позвякивают на его груди при движении и словно затрудняют его дыхание. В манере говорить — хрипотца и шепот.

Василий Иванович Забашта ныне — действующий художник. Картины войны — его тема. Преподает в Киевском художественном институте.

Смотрю свой рисунок: Василий в тулупе и шлеме танкиста. Не получилось то, что здесь рассказано. Жаль.

Поэт Иван Бауков как-то сказал мне, что к бомбежке никто не может привыкнуть. Мы с ним попали раз под «юнкерсов». 18 будто игрушечных оловянных самолетиков, гудя в синем небе, медленно движутся, заходят над железнодорожным составом. Все кинулись врассыпную. Мы с Бауковым бежим через болотце в горку и, задохнувшись, падаем мокрые. Вой со звоном, и вот они, удары. Вдавливаешь себя, что есть силы, в землю, цветущую, но, увы, ровную. Держусь за пучок какой-то травки а тело все, лежащее, длинное тело, подпрыгивает и бьется об эту землю. Пыль жуешь, нервы уже не могут больше, уже кончился запас, а бомбы еще и еще ударяют и встряхивают тебя, ты весь мягкий что ли, весь из трухи...

Каждая воющая летит в тебя, между лопаток, но голова прикрыта пилоткой, положенной на затылок...

Перерыв... живой... Бауков, черный от земли, приподнимает белобрысую голову. Делаем вдох... и снова те же 18 заходят на бомбежку...

Второй заход. Похоже, что тебя душат во сне или тонешь и делаешь конвульсивные, бессмысленные, слабые движения.

...Улетели. Оказалось, что мы немного не добежали до самых бомб. Воронки были впереди нас.

Сейчас его уже нет в живых.

Иван Петрович Бауков во время войны входил в состав комиссии, писавшей историю нашего корпуса, но любил говорить, шутя: «Я пишу о себе». Его лирика,

печатавшаяся в корпусной газете, и послевоенные сборники стихов говорят о России в войне, и о нас всех, и о нашем корпусе больше и точнее, чем многие страницы академических писаний.

«Я пишу о себе». Он действительно писал очень субъективно, очень лично. Но эта его лирика рассказывала не только о его судьбе, но и о судьбе России в войне, о судьбах мира, уставшего воевать. Сборники его стихов оказались истинной летописью военных лет.

Цигаль Виктор Ефимович

Родился в 1916 г. в Одессе. С 1938 — студент Московского художественного института. В 1943—1945 служил в Десятом гвардейском танковом Уральско-Львовском добровольческом корпусе художником политотдела корпуса. Создал изобразительную летопись боевого пути корпуса, вышедшую альбомом в 1945. В 1946 окончил институт. График и художник-прикладник. Заслуженный художник РСФСР. Награжден орденом Красной Звезды и медалями.

Л. Ройтер
Мои фронтовые профессии*

В годы Великой Отечественной войны я прошел весь путь с Первым Украинским фронтом в саперных частях. Испытал на себе все трудности солдатской жизни в те тяжелые для нашей страны годы.

Случалось всякое... Сегодня, когда прошло более 30 лет, некоторые события вспоминаются, как дурной сон, что-то стерлось из памяти, превратилось в спутанный клубок.

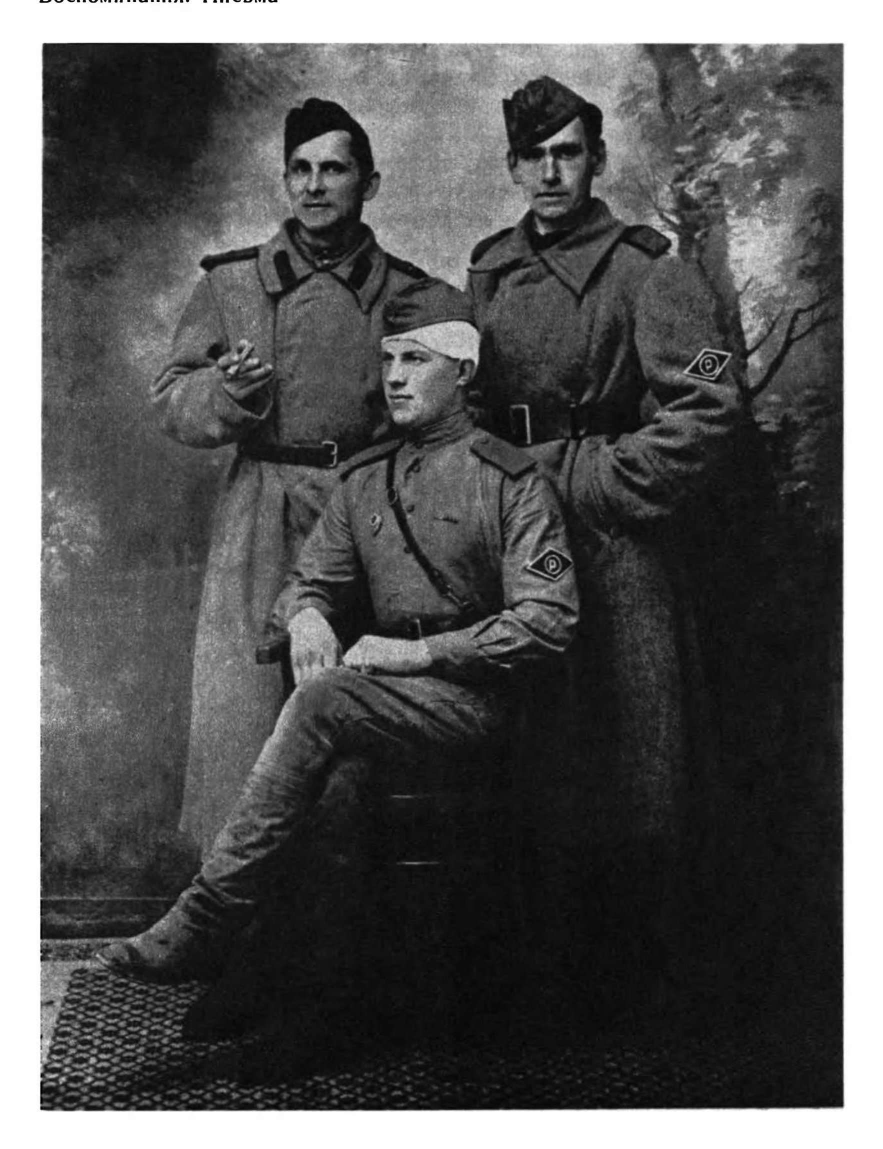
При всей общности судьбы фронтовиков, в судьбе каждого солдата есть свои особенности, и эти особенности часто определялись его гражданской специальностью. Я был сапер, сержант, командир отделения, и в то же время я не забывал, что я художник. В этом заключалась моя индивидуальность, и она во многом определяла мою судьбу в течение всей войны. Будучи солдатом по своему гражданскому долгу и необходимости, я никогда не забывал, что я художник, а если и забывал, то по тем или иным обстоятельствам мне напоминали об этом.

Необходимость художника на фронте не была чем-то отвлеченным, она возникала постоянно именно как насущная, жизненно важная потребность. Помнится, даже в первые труднейшие годы войны в сверхчеловеческом напряжении на передовой приходилось рисовать для боевых донесений в штаб бригады или фронта. Это были схемы минных полей, наглядная инструкция для наращивания льда для переправы танков, рисунки мин-сюрпризов, на которых подрывались наши бойцы, и многое другое, в зависимости от характера военных операций.

Но речь идет не только о портретных зарисовках к боевым листкам или технических рисунках; я имею в виду также творческое рисование. Конечно, в первые два года было не до рисования, и в последующие годы на передовых позициях тоже было не до этого. И все же в течение всей войны периодически я рисовал, в зависимости от обстоятельств. Это относилось к тем периодам, когда нашу часть отводили от линии фронта на отдых или переформировку, в резерв или довольно частых передислокациях. Тогда выпадало время и настроение просто порисовать.

Я никогда не расставался с небольшой папкой с

* Публикуется впервые. Написано в 1977 году



1. Мои фронтовые друзья М. Перелякин (слева), П. Мальков (сидит) и я. Польша, г. Жешув, 1944

чистыми листочками бумаги, которые я подбирал там, где они попадались. Папки иногда пропадали вместе с рисунками и бумагой, иногда я их сам где-нибудь оставлял для облегчения вещевого мешка. Но как только появлялась возможность, я заводил другую папку с бумагой — и так всю войну.

Но много рисунков у меня все же сохранилось. Благодаря им я создал в свое время серию фронтовых

композиций. За каждым фронтовым рисунком встает целый калейдоскоп воспоминаний.

Вот один из них — «В прифронтовой землянке»... Это было в конце 1943 или в начале 1944 года. Наша 16-я штурмовая инженерно-саперная бригада формировалась тогда под Москвой.

Перед нашей отправкой на фронт на огром-



2. **Л. Г. Ройтер.** Отдых после боя. 1943. В прифронтовой землянке 1-й Комсомольской штурмовой инженерно-саперной бригады.

ном полигоне тогда же проводились маневры всех родов войск. Готовились «добить зверя в его собственном логове». В бригаде — новенькие студебеккеры, новое оружие, обмундирование и т. д.

~~Перед отправкой на фронт командование брига~~-ды решило изучить некоторый опыт 1-й Комсомольской инженерно-саперной бригады, которая отличилась в сражениях под Москвой. Туда командировали зам. начальника штаба бригады подполковника Наумова и меня, в то время зачисленного в оперативный отдел штаба. В командировке могла возникнуть необходимость сде-

лать выкопировки документов, интересующих командование (схемы, чертежи, зарисовки). В штаб Комсомольской бригады мы прибыли ночью. Он разместился в землянках, недалеко от фронта. Доносилась артиллерийская стрельба.

В землянке, набитой спящими солдатами, было невероятно душно и жарко — это особенно чувствова-



3. **Л. Г. Ройтер.** Старшина А. Курносов. 1943. Москвич. Член Союза архитекторов. В штабе 16-й штурмовой инженерно-саперной бригады.

лось после трескучего мороза. Усталый с дороги, я, как был во всем теплом, в тесноте приткнулся к спящим. Не помню как долго я спал, но очнулся от сильного толчка и невероятного крика. Лежащий рядом парень кричал во сне и размахивал рукой. Я отодвинулся, насколько мог, пытаясь вновь задремать, но не тут-то было. Появился зуд за воротником, в рукавах, за спиной... Спали ребята, которых накануне отвели на отдых с передовой, где они много дней провели в упорных боях, без сна, без отдыха, без бани. Спали они нервно, некоторые вскакивали, кричали во сне. Я понял, мне не уснуть. Достал папку и стал рисовать.

Потом был фронт, многоосколочное ранение, военно-полевой госпиталь в Ровно, который каждую ночь бомбили фашисты, и кто был в состоянии, уходил за город до утра. После госпиталя я оказался в распоряжении Управления 21-й военно-автомобильной дороги.

Там же в санчасти меня долечивали. Я рисовал очень много портретов регулировщиц для боевых листков. Из этих рисунков впоследствии родился замысел цветной линогравюры «Регулировщицы», которая несколько раз экспонировалась на всесоюзных выставках и за рубежом.

После выздоровления я включился в работу по оформлению контрольно-пропускных пунктов 21-й ВАД.



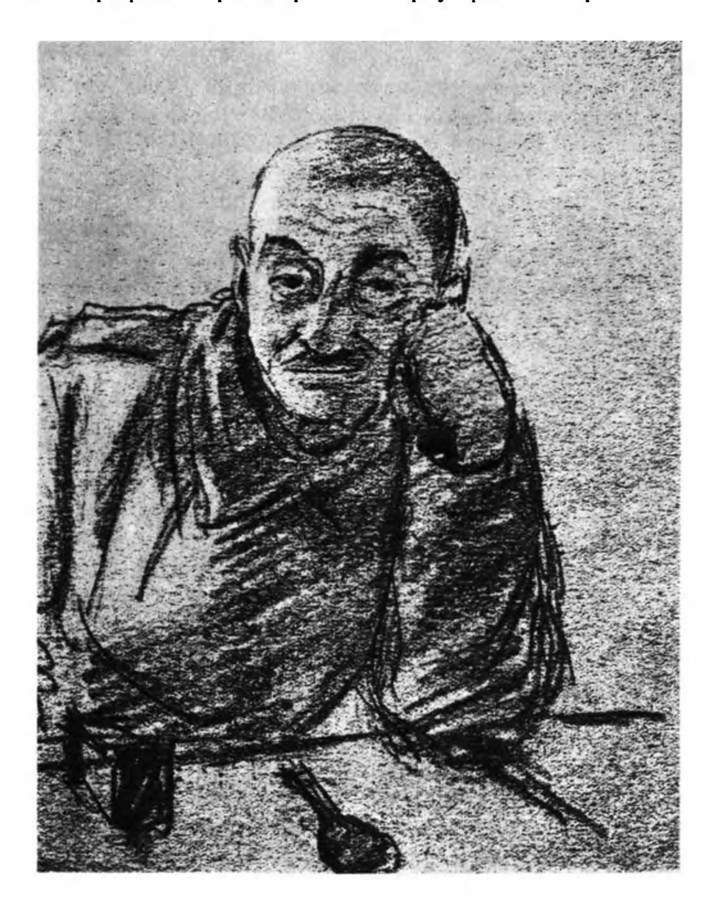
4. **Л. Г. Ройтер.** В землянке. Подполковник Наумов, зам. начальника 16-й штурмовой инженерно-саперной бригады. 1943

Наши войска форсированно двигались вперед, занимая один за другим населенные пункты, и требовалось невероятное количество указателей. Обычно это был столб, на котором закреплялись дощечки с названиями ближайших населенных пунктов, а в углу стрелы проставлялось расстояние в километрах; тут же была одна большая стрела «На Берлин», надписывать ее доставляло особую радость. В городах на КПП устанавливались декоративные арки, портреты маршалов, плакаты. Работы было невпроворот.

Таким образом продвигаясь по дорогам Германии, мы оказались в городе Бунцлау, где умер Кутузов,

преследуя Наполеона. Здесь, недалеко от дороги, по которой шли наши войска, преследуя гитлеровцев, сохранилась его могила. Это было символично.

Командование решило на этом месте воздвигнуть Триумфальную арку; вызвало всех художников и объявило конкурс на проект. На мое заявление, что я художник-график, а проектирование Триумфальной арки —



5. **Л. Г. Ройтер.** Ждет обеда. 1944

работа для архитекторов, полковник отрезал: «Вы прежде всего сапер, а сапер обязан все уметь. Выполняйте задание». И я пошел выполнять. Как и другие художники, которые разбрелись по своим углам проектировать Триумфальную арку, я выполнил задание в срок — за 2 дня. К моему удивлению, мой проект был признан лучшим и утвержден начальником политотдела фронта. Мне же было поручено осуществить сооружение арки.

Кроме столяров, плотников и бригады художников, постоянно работавших при ВАД, нам придали взвод

саперов, отряд освобожденных из плена итальянцев, лагерь которых был расположен поблизости; работали также освобожденные чехи и поляки.

Кругом еще шла война, но исход ее был ясен. Работы начались на фоне артиллерийской канонады, которая с каждым днем все отдалялась, пока не стихла.

Победа была близка. Все работали весело и охотно.

Строили форсированными темпами из подручных материалов. Рядом находился разрушенный бомбежкой авиационный завод, откуда брали для облицовки толстую авиационную фанеру и другие стройматериалы. Без переводчиков, по глазам и жестам, мы отлично понимали друг друга. Особенно импонировало итальянцам, когда я, шутя, давал им прозвища вроде Леонардо, Микеланджело, Рафаэль или Тициан. Это щекотало их национальную гордость, и они еще больше старались. По вечерам, после работы, итальянцы удивительно красиво пели.

Но все основные и трудные операции выполняли бойцы взвода саперов и смекалистые ребята из 21-й ВАД. Это были мастера на все руки. Не всегда все шло гладко. Командование постоянно подгоняло, но быстро и хорошо не всегда получалось, создавалась нервозная обстановка.

Не обошлось без конфликта и у меня. Наш непосредственный начальник, хороший как организатор, плохо разбирался в специфике работы художников и свою правоту стремился доказать в приказном порядке. Однажды я не выполнил его нелепое, с моей точки зрения, распоряжение, поругался с ним, за что отправился на гауптвахту. Гауптвахта представляла собой огромную комнату в богатом особняке с лепниной на потолке, камином, большим трюмо и другими атрибутами шикарной жизни. Чтобы скоротать время, я достал из камина уголек и, глядясь в зеркало, стал рисовать прямо на стене свой автопортрет. Постепенно я увлекся работой. Незаметно прошло часа три или четыре, а затем меня освободило прибывшее высокое начальство, так как некоторые работы остановились. Вспоминая эту гауптвахту с камином, иной раз думаешь: может быть, там, на стене, остался один из лучших моих рисунков?

Работы по сооружению Триумфальной арки приближались к концу. Вскоре мы с радостью и гордостью смотрели, как под ее сводами церемониальным маршем проходили наши войска. Потом мы отправились дого-

нять нашу воинскую часть, которая оказалась в пригороде Вены. Здесь были новые работы по оформлению КПП в Вене и других городах.

Война к этому времени кончилась. В ноябре 1945 года с венского вокзала под звуки оркестров и торжественных речей я в поезде с демобилизованными отбыл домой в Москву.

Ройтер Липа Григорьевич

Родился в 1910 г. в Виннице. В 1938 окончил Московский художественный институт. В 1941—1945 был в саперных частях (сержант, затем командир отделения). График. Большое место в творчестве занимает военная тематика. Награжден медалями.

В. Нечаев
Записки артиллериста*

Жизнь хороша! Труд, ясный ум и понимание — акт наслаждения, который никто не может отнять. Возможна смерть, но ее еще нет, а когда она вырвет меня, то некому будет бояться смерти и жалеть о жизни.

Стендаль

Прошло 20 лет после окончания войны. И несмотря на такой большой срок, из жизни человека все пережитое не уходит и не забывается. Забываются отдельные частные случаи, но обстановка войны, солдаты, товарищество остаются пожизненно в памяти сердца, и сегодняшние ощущения через прошедшее пережитое воспринимаешь по-иному.

Сегодня, когда проходишь мимо горящего костра, невольно останавливаешься около него, вдыхаешь запах дыма и переносишься во фронтовой лес. У скольких костров ты грелся по фронтовым дорогам!

Смотришь на лес из окна вагона, вспоминаешь и видишь знакомые, похожие места боев, привалов! Пережитые боевые, фронтовые годы не могли не изменить, не оставить следа в человеке. Обстановка, условия по-новому осветили твою жизнь, определили человеческие качества твоих друзей и твои.

Героическое проявлялось у солдат в самом будничном, повседневном, которое порою оставалось и незамеченным, и ничем не отмеченным, и сам солдат не придавал значения своему поступку.

Память о людях, прошедших с тобой в боях, погибших в этой войне, накладывает на тебя обязательства не оставлять все это забытым. Будни войны и малые события — достояние истории, и это все надо сохранить. Эти годы и людей, отдавших свою жизнь, нельзя предать забвению, этого мы не сделаем.

Шел 1943 год — я, артиллерийский техник, лейтенант, готовлюсь к отправке на фронт. Новая обстановка, в которую я попал (а в мирной жизни я художник), интересна. Живые разговоры солдат жалко пропустить, хотелось все это оставить в памяти. Я стал изредка записывать, солдаты видели, что я часто лезу в

* Публикуется впервые. Написано во второй половине 1960-х годов на основании фронтовых дневников.



1. **В. М. Нечаев.** 1944

блокнот, и привыкли к этой моей «литературной» деятельности. Иной раз в шутку просили: «Ты, старший лейтенант, запиши о Пронине, не забудь».

Так получился фронтовой дневник, не претендующий на полноту и последовательность в изложении событий; дневник писался не для того, чтобы его издавать, а чтобы сохранить в памяти прошедшее перед твоими глазами. Мне также хотелось все, что я вижу на войне, зарисовать, оставить для себя правду окружавшей меня жизни.

— Вольно! Ра-а-зойдись!

Перекур с дремотой. На крутом зеленом откосе железной дороги, как на местах для зрителей в цирке,

расположились солдаты, отдыхают, закуривают махорку, дремлют и говорят:

— Ну как не ругаться и не крыть эти порядки, и кто там нами командует? Чем они думают? Сегодня одно, завтра другое.

Все лето ушло на формирование нашего полка истребителей танков. Получили и освоили материальную часть. Называемся мы ИПТАП — Истребительный противотанковый артиллерийский полк. Пушки у нас «сорокопятки».

Мы знали, что завтра погружаемся и на фронт, а завтра наступило, объявили «отбой» — всю материальную часть готовить к сдаче.

— Вот и пойми начальство, то одевайся, то раздевайся... — ну что же, наше дело телячье, командирам виднее, — говорят солдаты.

— Да что тебе так не терпится на фронт-то, или боишься не захватишь, опоздаешь, и тебе ничего не достанется? Достанется, не горюй, горя хватишь, нахлебаешься еще досыта, под завязку!..

— Опоздать-то не опоздаю, это верно, да уж если собрались ехать, надо ехать, а так вертеть туда и сюда, хорошего из этого будет мало. На фронте и питание по 1-й норме, не сравнить с нашим. Дырки в ремне все использовал, дальше передвигать некуда. Сегодня затируха и завтра она обратно. А пайка? Поглядел раз — и вся она. Хочешь, ее утром умни или поиграйся до вечера, если устоишь перед ней.

— Да, вот у нас во взводе был такой случай, — говорит артмастер Жигулев. — Мы стояли однажды на ремонте и там появился у нас «умник» — начали из землянки пайки пропадать; как оставишь свою пайку в землянке, приходишь с занятий, пайки нет. Как ты ее ни заховаешь — все равно пропадет. И кто ее смывал, никак не могли найти, и на кого думать-грешить, не знали! Ну мы и додумались, решили найти этого хитреца: взяли пайку, наскоблили ножом фуксинового химического карандаша и внутрь пайки аккуратно напхали и оставили эту пайку в землянке, для вида прикрыли газетой. Приходим к обеду с занятий, смотрим, пайки нет — смыли, так... Старшина дает команду: «На линейку стройся». Построились. — «Смирно! Откройте рты». — Открыли. Проходит по линейке и смотрит каждому в рот, как доктор. Старшина остановился у Денисова, а у него от этого фуксина, как медведь ночевал, весь рот и зубы в этой синьке. Ну, стыдобы было ему при всем взводе. Дали ему «губу». А что ему «губа»...

Через несколько дней нас послали на формирование дивизиона бригады прорыва. Нам приданы 152-мм пушки-гаубицы. Оказалось, как мы узнали из газет и разъяснений командиров, нас готовили на Курско-Ор-

ловское направление, но там произошли изменения в обстановке — перемололи на Курской дуге всю танковую силу, которая была брошена немцами на Курскую дугу. В Курской битве были разгромлены бронированные силы и последние надежды немецкой армии.

Мы на своих тракторах должны перебрасываться с одного участка фронта на другой в зависимости от задач наступления. Так что нам повезло и ворчали мы на своих командиров напрасно. Не зная обстановки на фронте и новых условий в войне, мы рассуждали «со своей колокольни».

К октябрю месяцу мы закончили формирование и выехали на фронт. Коломна осталась позади. Побатарейно расположились в теплушках. Заботливые солдаты добиваются такого тепла в вагоне, что от жары некуда деваться. «Запасайся теплом, там натерпишься холода», — замечает наш знакомый Пронин.

На площадках с орудиями, машинами выставлен караул и налажена связь: «Моргун, Моргун, кухня спрашивает, когда давать обед, — долго будем стоять?».

Для гармоники установлено расписание, чтобы «музыка» была распределена по справедливости. Вагон, получивший гармонь, использует ее вовсю и играет без перерыва положенное свое время, хотя желание играть давно уже исчерпано, но не отдавать же ее раньше срока...

После переезда по Окружной, после бесконечных стрелок и запасных путей выезжаем на прямую, едем по Киевской железной дороге на запад, на фронт.

Вот и первые блиндажи, разбитые укрепления — места недавних боев. Здесь был недавно немец. Скоро будет фронт. Как выглядит этот фронт? Что ожидает там нас?

Станция Новобелицы под Гомелем. Приехали ночью, разгрузили с платформ свою артиллерию, машины, тракторы. Новобелицы почти не разбиты. Проезжаем по безлюдным улицам. Окна домов закрыты ставнями; люди спят в теплоте, а мы двигаемся под лязг гусениц тракторов по сонному привокзальному поселку со своими пушками к Гомелю. В Гомеле немцы.

Деревня Ветка под Гомелем. Располагаемся на своих исходных позициях. Солдаты роют окопы для орудий на краю деревни, в небольшом сосняке за деревней роют землянки. Кухня расположилась в лесу. Вот мы и на фронте. Оказывается, так просто, так обычно: деревня, избы, запах леса. Но еще необычное — ощущение врага, которого не видишь и который прошел по этим местам. Вместо изб остатки печей; изогнутые, в окалине, желтые кровати, кое-где уцелели столбы от ворот. Посреди деревни вырыта братская могила, к которой подвозят убитых солдат, а могилы копают еще дальше,

и они видны по выброшенной желтой земле на окраине деревни.

Раненый солдат с перевязанной рукой идет из санбата, с передовой двигаются повозки с ранеными.

Октябрьские праздники. Мы вступили в бой. Наша артиллерия открыла огонь по немецким позициям... Обстреливаем Гомель, помогаем пехоте выбивать немца. Так из мирной жизни я пришел в войну. Как пойдут дела, как пойдет фронтовая жизнь? Глухие выстрелы орудий, разрывы снарядов, мин нарушают тишину ночи...

Если бы это было в тылу, то можно было бы подумать, что там, за полем находится какой-то завод, верфь, где выполняется срочный большой государственный заказ и слышно, как тяжелыми молотами выбивают из котельного железа корпуса, как пневматические молоты не умолкая строчат по заклепкам; горизонт загорается ярким голубым слепящим светом, как при электросварке; как будто тяжелые удары копра загоняют железобетонные сваи; днем и ночью идет тяжелая, напряженная работа. Работа с применением последней технической мысли, но только она направлена не на созидание, а на разрушение. Это фронт — это война!

Яркими вспышками, выстрелами орудий разрывают темноту «катюши» и пунцовым заревом освещают небо. Языки пламени со звуком раздираемой холстины уходят в небо. Что происходит там, на переднем крае у немцев? Разрывы снарядов «катюши» на немецкой стороне нам слышны. Они похожи на звуки какой-то молотьбы. Пулеметная стрельба порою сливается в сплошную дробь, трескотню, которая неожиданно смолкает, наступает пауза, и только одинокие выстрелы, как по азбуке Морзе, выбивают: тире-точка-тире. Немецкие пулеметы издают звук, похожий на бульканье, у наших звук открытый, резкий. Осколки снарядов, пули ищут человека, ищут его смерти и находят.

Утром немец вел массированный огонь по нашим огневым, так что рыть окопы для орудий не было никакой возможности. Немец бьет из «фердинандов», их выстрелов не слышно, не слышно и свиста летящих снарядов, а сразу неожиданно разрыв, поэтому и первые жертвы. У нас убит Хрулев. Все были в окопе, а он копал наверху. Разрыв снаряда — и никто не заметил, что Хрулева ранило, только услышали, что он застонал. Солдаты выбежали к нему: «Ну что, Хрулев?». — «Конец мне, ребята, — он крепко выругался, — умираю, поверните меня». Его повернули на спину, левой рукой он старался что-то смахнуть с лица; осколок попал в живот. Мучительно умирал Хрулев. Утром он стих. Похоронили здесь же, между пушками.

Пришел капитан Драпиченко: «Как Хрулев?» — «Отвоевался наш Хрулев, вот похоронили его». — «По-

чему же здесь похоронили его?». — «А где? Где убило, здесь и похоронили».

Воздух полон нашими самолетами. Бомбардировщики, штурмовики и юркие истребители наполняют воем осеннее холодное небо. Разрывы снарядов на той стороне, визг «ванюши»* (его называют «скрипачом»),

* немецкий шестиствольный миномет

выстрелы наших пушек, от которых дрожит изба и сыплются стекла. Эта «оркестровка» не будет полной, если не сказать о «катюшах». Отдельные очереди пулеметов и автоматов дополняют ансамбль.

Наш дом расшатан предыдущими бомбежками, и тепло в нем не держится. К утру здорово холодно. В этот покинутый дом возвращаются его хозяева из соседних деревень, лесов; разыскивают растащенное, разбитое добро. Вчера я разыскал в хозяйстве матрац, бойцы принесли его из блиндажа. Хозяйка жалуется — вот, было зеркало большое, да бойцы разбили. Говорю: «На что же вы бьете, тащите уже все». — «На что мне все, — мне трошки хватит, побриться». Так, кому сколько надо, столько и отбивают!

Война еще не ушла отсюда, а женщины, ребята не пугаются ни орудийных залпов, ни авиации. Это же наши летают!

Сейчас выходил на крыльцо, слышны выстрелы и ухают где-то разрывы. Ночь черна. На небе видно зарево далеких пожаров. Силуэтом стоят сухие деревья на фоне розового неба... Это горит у немца. Или его подожгли, или он собирается отступать и палит сам.

Под окна подъехали на лошади пехотинцы, остановились переночевать в землянке. Сообщили, что наши взяли деревню Кадинки, она-то и горит после немца.

Утром пришел фельдшер Атонян и сообщил, что наша Маруся (санинструктор) вчера вечером убита, видимо, немецким снайпером, — была в передовой траншее, отбитой у немцев. Она была похожа на одну из девушек из кинокартины «Подруги» — курносая, самая маленькая, везде успевала со своей сумкой.

Переезжаем через реку Сож. Порошит снег. Темная река в белых берегах. Разыскиваем свою деревню, но узнать не у кого — все разбито, жителей нет. Танкисты остановились со своими КВ и заняли пол-улицы. Разговоры у колодца. Колодец разбит, воду достают котелками, сцепив 3—4 ремня.

Опять снимаемся. Едем на переправу через Днепр. Машина стонет, взбираясь на высоту и опускаясь в глубокие овраги. В темноте ночи видно, как двигаются на равном расстоянии друг от друга фары машин. Это идет переправа на правый берег.

У переправы стоят орудия, тракторы, машины. У разведенных костров сидят, лежат бойцы, переплелись руки, ноги, трудно в них разобраться, кому что принадлежит. Резкий ветер рвет пламя костра, крутит его во все стороны, и поэтому спать у костра трудно: то обжигает тебя пламенем, то покрывает всего дымом, так что нечем дышать, и, как нарочно, дым от тебя не отходит и не дает хлебнуть воздуха.

Ночь длинная, бесконечная. Ждут все рассвета, с рассветом, верно, и погода делается лучше. Постепенно утренний свет гасит свет костра. Мы сидим у самого Днепра. В холодном, зимнем утре — свинцовый Днепр, наполовину закрытый плывущим по нему льдом. Льдины шелестят и напирают на понтонный мост, у левого берега лед остановился и жмет на переправу. Понтонеры сидят в лодках, отпихивают лед, следят за креплением звеньев. Переправа изогнулась дугой и с большим напряжением выдерживает напор льда.

Правый берег крутой, песчаный. Теперь машины уже на другой стороне, они с трудом поднимаются на крутизну. Бойцы помогают, подталкивают машины. Регулировщики строго следят за порядком. Постепенно спускаются новые машины. Нас еще не пускают — очень тяжелые пушки, боятся, что трактора своими гусеницами при повороте перекосят связь понтонов. Пробуем осторожно пустить один трактор с пушкой. Трактор спускается, видно, как понтон садится в воду, но все идет благополучно. Вот и противоположный берег.

Время 7 часов вечера. Хата жарко натоплена. На печи ребятам горячо, им постелили лен, и они возятся, взвизгивают. Бабка время от времени кричит на них, но они не унимаются. Маленькая коптилка слабо освещает избу. На улице дождь с ветром. Видно, как капли воды бегут, сливаясь в ручейки, по темному стеклу. Бабка достает из печи щи, начинают «вечерять».

В избе много народу, тесно. Лопочут ребята, эвакуированные немцем вместе со взрослыми из Смоленской области. Маленький мальчишка, годика 2, говорит о бомбежке, как взрослый. Как отразилась война на детях! Все разговоры и беспокойство вошли в детские головы.

14.XII.43 г.* Разрывы немецких снарядов бухают то совсем недалеко, то слышны дальше, левее, за деревней. Наши орудия редко отвечают немцам. На столике две коптилки, бойцы играют «всяк в свои козыри». Один солдат около меня увлекся своим рисунком, рисует скачущего коня с наездником; подрисовывает мелкими штришками, старается и любуется рисунком, как ребенок. Это у него

* Здесь и далее В. М. Нечаев указывает даты дневниковых записей.

«Разведчик». Посмотрел сбоку на рисунок, решил подрисовать впереди лошади препятствие. Ноги лошади как будто отталкиваются от облаков, и лошадь плывет, летит, как Конек-горбунок. Еще поглядел, решил провести черту под конем — это, должно быть, земля.

Наша землянка рядом со сгоревшим черным танком. Танк наш, он подорвался на мине, когда утюжил немецкие траншеи. Экипаж погиб смертью храбрых, от него ничего не осталось. Осталась одна рука, открывающая люк. Люк приоткрытым так и остался. В движении этой руки, словно живых пальцев—стремление к жизни.

Наши огневые расположения на бесконечном поле. Бесконечное картофельное поле. Мягкая синева горизонта, уходящая в утренний туман. На переднем плане — сгоревшие танки, перевернутые, уткнувшиеся стволами пушек в землю. Здесь прошел бой каких-то динозавров, которых земля наша давно позабыла. Или они только что впервые появились на этой земле?

Здесь нет крепостей и валов, которые бы предупредили и преградили появление противника. Малоприятно видеть наступающие из этого тумана немецкие танки и цепи автоматчиков. Но время изменилось — немец не имеет сил на серьезное контрнаступление.

Вот оставленные немецкие траншеи; ходишь по этим траншеям, как по бывшей жизни. Мелкие остатки солдатского благоустройства — зеркальце, безопасная бритва, запах туалетного мыла, какого-то одеколона и дуста. Брошенное оружие, траншея, ее устройство, запах — все чужое и мертвое. На дне траншеи — убитый немец: светлые волосы в песке, мальчишеское лицо. Много бы дала его мать, чтобы он вернулся домой. По полевой почте ему, как живому, еще идут письма. Потом в газете на последней странице появится сообщение — мать и родные сообщают о гибели на восточном фронте сына, брата, мужа.

Всю ночь немец обстреливал нас из миномета, но мины рвались где-то сзади слева. Утро. В пасмурном небе над нашими батареями «рама». Зенитки и противотанковые ружья застрочили по ней. Она надсадно гудит в небе и наблюдает. После нее жди неприятностей. Обычно она уходит безнаказанно, но эту скоро сбили; все видели, как фыркнуло пламя и с черным шлейфом она пошла на снижение.

Новый год. Длинная, длинная дорога, переход. Ночь, день и опять ночь. Остановились в лесу. В лесу лучше, чем в поле, лес скрывает нас и радует своим гостеприимством. Болото, занесенное снегом, подо льдом вода — замечательная, вкусная вода. Сегодня 31 декаб-

ря, значит Новый год будем встречать под елкой. Это соответствует времени и празднику, только елка без игрушек. Около елки делаем изгородь, укрытие от ветра. Погуще закладываем ее лапником, чтобы не продувало. Устраиваем костер из толстых сухих поленьев, которые должны гореть всю ночь. Устраиваемся ногами к костру — так будет не холодно. Время 7 часов вечера, до Нового года еще 5 часов. В ведрах варится конина. Все так устали, что к ужину никого не добудишься.

Опять дорога — рыжая, высохшая трава, освещенная заходящим солнцем, коричневая земля. Местами лежит снег, он розовый, небо свинцово-лиловое к горизонту. С таким пейзажем смерть никак не вяжется. Трудно рассуждать и думать о смерти. Не укладывается в человеческом понимании смерть, на которую человек идет, как будто он живет два раза и одним своим разом рискует. Кто наступает, тот не думает, что смерть встретит обязательно его.

Прошло два месяца, как я на фронте. В мирной жизни это срок небольшой, а на фронте это и мало и много. Время измеряется не днями, месяцами, а всей массой впечатлений, переживаний, переменой обстановок в жизни, которые проходят перед тобой. Почему-то, как нарочно, в самую жуткую погоду, когда хозяин собаку со двора не выпускает, мы поднимаемся на марш. Мокрый снег крупными хлопьями облепляет лицо, глаза. Под колесами грязь. Вытаскиваем друг друга на буксирном тросе и едем вперед и вперед.

Завтра начнется артподготовка. Орудия замаскированы в дубовой роще. Эта роща выглядит, как заезжий двор. Здесь собрались различные виды орудий и оружия, машины, обозы с провиантом, кухни, лошади, пехота. Истребительная противотанковая артиллерия закопалась впереди наших больших пушек.

Позади рощи расположились зенитки. От этой рощи осталось только название — она сильно порублена осколками снарядов, большие деревья спилены на настилы, перекрытия для землянок и блиндажей. Долго ли мы будем здесь, неизвестно. Но солдаты по-хозяйски устраивают себе жилье, около землянки из ящиков из-под снарядов устроили «буфет», в котором расставлены котелки, кружки и другое «удобствие».

У орудий все приготовлено. Выложены ящики со снарядами, снаряды и гильзы выставлены в ряды у орудия, и выверены цели — ждут команды.

В 14.00 «играют» «катюши», и вслед за ними команда: «Натянуть шнуры, огонь!» Вот только теперь, при общей артподготовке, видна насыщенность нашего участка артиллерией. Резкие выстрелы 76-мм орудий

перемежаются со звуками тяжелых пушек, перекаты выстрелов сливаются в общий гул. Отдельных выстрелов не слышно. Возмездие врагу, которого надо уничтожить и гнать, гнать... Волнение и прилив гордости за нашу силу, за наше справедливое мщение сжимают горло, чувство готовности уничтожить врага поднимается в тебе, и этим состоянием охвачены все.

Перебегаю по тропинкам, кустарникам, от батареи к батарее; все идет хорошо — солдаты работают четко, с полной отдачей своих сил, 4-я батарея отстрелялась, здесь же у орудия начинают уминать картошку — надо, пока не остыла.

Наши вошли в деревню Антоновка. В конце деревни еще немцы, но в начале деревни уже наши. Взяты пленные. Орудия стреляют реже. Вечер. На фоне свинцового неба появляется зарево пожаров, горят отдельные дома. Постепенно пожар охватывает всю деревню и сливается в общую огневую линию, видимо, немец отступает и палит деревни. Наступила тишина. Только одинокая вспыхивающая ракета зеленой падающей звездой прочертит небо и угаснет, не дойдя до земли. Отбой. Замолчавшая пушка. Часовой на фоне неба. Силуэт старой ветлы — узловатый ствол и тонкие, веером, ветви.

5.01.44 г. Какая замечательная рождественская ночь! Полная луна освещает зимний пейзаж — темный бархатный лес, на поляне от деревьев на снегу длинные, четкие тени. В небо из землянок вьются дымки. Только пушки своими поднятыми стволами напоминают, что это фронт и мы на войне, а главное здесь — пушки.

Стороной по дороге через темный лес проходит пехота. Какая полнота русской души в песне. Ясно слышны основные голоса, им вторят и подхватывают верхние и вместе на два голоса протягивают концовки. От такой согласности в песне кажется, что народу поет много-много. Облака заволакивают луну дымкой, она тускнеет и вновь появляется в разрывах облаков, и кажется, что не облака плывут, а она двигается на тебя. А песня все идет по лесной дороге; немного затихает, уходит и вновь возвращается; хорошо поют. И человек живет собой, вспоминает свое, оставленное дома — в Москве, Омске, Киеве, не похожее на действительность войны. Воспоминания волнуют, греют и беспокоят его.

Вечер. Вернулся в землянку. На горизонте опять где-то горит, и здорово.

— Палит окаянный, — говорит Пронин. — Свинины из-под дуги хочешь? (это конины), у нас и 100 грамм есть! Здравствуй, рюмочка, прощай, водочка, держись, душа, оболью.

Это все остроты Пронина. Живой и интересный мужик.

— ...Пронин, что-то непохоже, что у тебя была чахотка, по твоей фотографии что-то непохоже.

— Так это я сейчас такой, посмотрел бы, что от меня оставалось... До туберкулеза дошел. Врач говорит мне, что надо хорошее питание — масло сливочное, сало. А у меня за душой ломаного гроша нет. Тогда он посоветовал: «Если хочешь остаться живым, надо тебе



2. **В. М. Нечаев. В пути. 30 января 1944**

съесть две-три собаки: поймай, которые упитанные. Самое главное — это собачий жир». Вот я съел три собаки, и все у меня зарубцевалось и прошло без следа.

— А я думаю, почему Пронин такой шустрый и бегает, как собака! Теперь ясно!..

В землянке вечером после ужина солдаты приготовляются спать; предвкушая блаженный отдых, любят послушать какую-нибудь историю из жизни, даже знакомую от начала до конца.

— Обоскалов, расскажи про теремок!

И Обоскалов с сибирским выговором, не торопясь, рассказывает:

— Стоит на дороге теремок, теремок, он не низок, не высок. Кто в тереме живет?

Солдаты внимательно, с удовольствием слушают и вставляют свои замечания и свои суждения:

— Ну, понятно, куда там всем поместиться, — удивляются, — и этот тут же, медведь косолапый, ему-то что надо! Видишь, всех давишь.

22.02.44 г. Годовщина бригады. Все время идет неутомимая, большая работа — ухает, дробится, гудит. Разрывы снарядов и свист снарядов. Вой самолета, идущего в пике.

Как-то я по-новому ориентируюсь в своей работе. Провожу занятия-беседы с бойцами по текущей политике. Солдатам интересно. Мне это тоже нравится. Требования возрастают и к себе самому. Сегодня провел торжественное собрание в землянке. Президиум сидел ближе к двери, и «почетным выборным» не хотелось уходить в президиум от печки.

Разговор о командире, полковнике Цареве. Встретились они с нашим комдивом — оба плакали. «Подал бы я вам руку, — говорит, — да, как видите, не могу, нет ее...» Вчера комдив похоронил руку.

4.03.44 г. Сегодня мне — две открытки, хотя и давние, но это от жены из дома, и все радостно, и поле, изрытое снарядами, не навевает грусти. Чувствую, появился голос, иду полем и пою. Все опять хорошо!

Ходил с бойцами к опушке, которая вся изрыта снарядами, минами, деревья расщеплены, обломаны. Эта опушка много приносила беспокойства немцам. В окопе четверо убитых наших, молодые ребята. Рябов — командир взвода; в кармане у него нашли письмо. Пишут ему об убитом его товарище сестра, мать. «Здравствуй, дорогой мой сын Михаил Алексеевич, желаю окончания войны и мирной жизни, которая наступит». В боковом кармане брюк зашиты крест, ладанка. Убит Рябов в голову. Как воспринимать и ценить жизнь? Чего она стоит? Как бесконечно много и как ничтожно мало.

Вернулись к себе на батарею: слышно, кто-то поет в землянке «Распрягайте, хлопцы, коней...», — тихо поет. Землянка-траншея у орудия. Горит печь. Больше похоже на театр. Такой картиной открывается пролог в пьесе.

8.03.44 г. Вчера тронулись на новое место, говорят, на отдых. Днем все видишь, проезжая мимо сожженных деревень. Возле каждой сожженной избы груда кирпича. Женщина стоит среди кирпичной трушины и смотрит на наши пушки, на солдат. О чем она думает? Ей надо начинать все сначала; ничего не осталось, но она жива и

надо начинать строить свою жизнь, а солдаты едут дальше, и кто из них останется для новой жизни, неизвестно.

Проезжаем по пустынной деревне, никакой жизни. На кирпичах — остатках печи — сидит кошка, как будто она сидит в теплой натопленной избе.

В лесу хорошо, по-весеннему на солнце тепло. Бойцы копают окопы в гимнастерках. Птицы щебечут.



3. **В. М. Нечаев.** В поле. 1944

Первый раз так я их слышу. Как будто кто-то им подсвистывает. Паровозный гудок! «Паровоз... Прямо за сердце щиплет»,— говорит кто-то из копающих солдат.

13.03.44 г. Выезжаем на новые места — марш 300 км. Солнечный день, совсем весна, по сторонам дороги лес, в воде высокие дубы.

По дороге опять сожжены дотла деревни. Ничего, кроме груд кирпича. И опять начинается жизнь. Жизнь утверждается, воздвигается. Строят новые дома, шкурят лес. Гуляет скот, припрятанный в лесах от немца.

Человек думает о жизни. Речица. Работают парикмахерская-цирюльня, мастерские по ремонту. Население входит в свою мирную жизнь. Похоже, что и мы возвращаемся с фронта к мирной жизни.

Весна. На реке лед подрывается шашками. Зенитки охраняют переправу. Четвертый раз переезжаем Днепр. Разбитые каменные дома — пригород Гомеля. Разбитый завод им. Кирова, на стене написано: «Да здравствует свобода и жизнь». Это, видимо, еще при немцах.

1.04.44 г. Апрель, и так мало в нем весны. Пурга, ночь, свистит ветер, метель, какую редко помню. Сюжет: дорога, за орудиями идут бойцы, метель заметает людей. В сожженной деревне солдаты подталкивают машину с орудием.

Добраться бы до края леса... Холод чертовский. Люди слезают с пушек, бегут и бегут, чтобы чувствовать

на ногах пальцы. Костры с соляркой, в них суют ноги. — «Резина горит, вытаскивай». — «Черт с ней!»

15.04.44 г. У меня сегодня две радости. Что это, случайное совпадение? День моего рождения и прием в партию. Капитан Гурский в землянке под выстрелы наших пушек торжественно мне вручил партийный билет и поздравил. Настроение праздничное, прислушиваешься к себе, чувствуешь, что в тебе родятся новые человеческие качества. Какие они — сказать трудно, но ты какой-то другой и хочешь быть еще лучше.

21.04.44 г. Тяжелая сегодня новость — нашего командира дивизиона отзывают. Замечательный человек, близкий нам и дорогой. Чувствуешь утрату и ценность утраченного, когда оно уже не в твоих руках. Думалось, с ним кончать войну будем.

Сегодня вечером выстроили на линейке солдат. Командиру тоже тяжело расставаться с нами. Обратился к солдатам, сказал о своем переводе и расставании, сказал: «Может, кто имеет ко мне обиду?». Прошел по шеренге и, прощаясь, каждому пожал руку. Тяжело расставаться, а ему еще тяжелее.

24.04.44 г. «Мужчины обладают одним свойством — оставаться живыми, когда их очень ждут».

Весенний лес шумит верхушками старых, высоких сосен, на земле через сухую прошлогоднюю хвою пробились крупные упругие фиолетовые цветы, на наши фиалки непохожие.

Между двух сосен на сухом месте наша дивизионная каптерка, и из нее выглядывает ее заведующий, младший сержант Каплан Борис Николаевич. Он уже немолодой, прожил большую жизнь.

— Старший лейтенант, заходите ко мне, у вас по дополнительному пайку печенье — 200 грамм, не получено. Поднимайтесь!

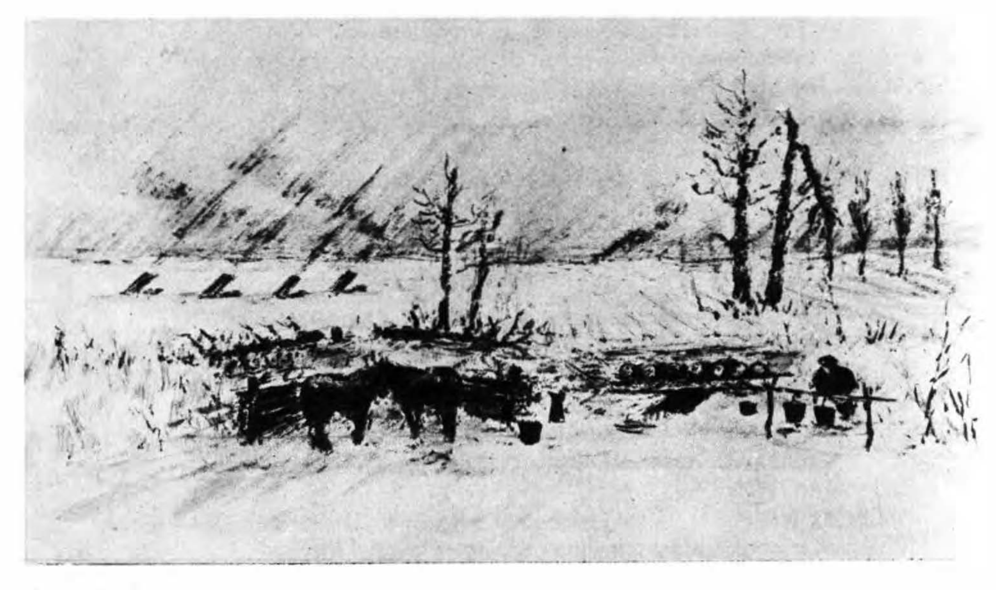
Мы сидим с ним вдвоем, пахнет черствым хлебом, крупой и всяким «довольствием».

— Как вы думаете, старший лейтенант, ждут нас жены, как мы этого бы хотели? Вот у меня интересная жена, ну может ли она в течение уже года ждать меня? А дальше встает вопрос, можете ли вы к ней относиться по-прежнему, простить, если это случится? Вот картина «Жди меня». Там показан пример неограниченной любви и ожидания, но это в порядке агитационно-массовом. Кино играет, а жизнь — проще. Конечно, мы не хотим об этом думать и правильно; зачем себя расстраивать несуществующим, может быть, еще положением.

— Но ведь и мужчина может быть в таком же

положении и также оказаться неверным, — вставляю я реплику.

— Верно, но у мужчин проходит все так, а женщина, изменившая раз, не вернется к прежним отношениям с мужем. Вам этого не приходилось видеть? Муж ей делается противен во всем, как он ест, спит, пьет, разговаривает... У меня в молодости был случай такой. В то



4. **В. М. Нечаев. «Катюши». 1944**

время я не был женат, и мне было лет 24—25. Я недавно окончил Лесной институт и работал вместе с моим товарищем — мой тезка, тоже Борис. Я у них дома был свой человек и если не появлялся у них день-два, то уже — выговор. У моего Бориса была жена Лидия Николаевна, надо сказать, интересная женщина. Захожу однажды к ним. Борис уехал в командировку на север по борьбе с лесными пожарами. Хорошая, интеллигентная семья. Жили они в отдельном особняке. Так вот, захожу, Л. Н. сидит на скамейке в садике и приглашает сесть с ней. Начался разговор, она начинает жаловаться на свою однообразную неинтересную жизнь...

— Каплан, на кухню!

— Надо бежать, без меня не могут! Приходите вечером, доскажу.

3.06.44 г. Утром на батарее женский крик: прибежала молодая женщина, за ней ее мать. Женщина ищет своего мужа. Он убит, она потеряла рассудок. Ее сумасшедшие глаза, ничего не видящие, бегающие по солдатам. Она ищет своего Васю. Она ждала его три года, он был взят

в Советскую Армию, ей сообщили, что он убит. «Я найду его, я найду своего Васю, где мой Вася?» Бежит в 1-й дивизион, ее хотят задержать. Солдат предупреждает, что она ненормальная, потеряла рассудок. Капитан Гурский ее успокаивает, что Вася вернется, и она успокаивается, прижавшись к его груди, и вдруг срывается: «Бейте этих немцев! Я найду своего Васю».



5. **В. М. Нечаев.** Отдых. 1944

Тяжело смотреть на это горе, но солдаты делают свои выводы и острят: «Таких, наверное, только две: одна, которую видели в кино «Жди меня», и вот это вторая».

25.06.44 г. Немец быстро уходит, за ним трудно поспеть.

Приезжаем к лесу. Останавливаемся на обед. В этом лесу были немецкие склады.

Журнал «Сигнал» — немецкий на русском языке, в журнале показано, как русские (в карикатурах Кукрыниксов) изображают Гитлера, Геббельса и как «на самом деле» они «миролюбиво» выглядят в жизни. Убитые немецкие лошади. Вчера здесь были враги, раздавалась быстрая немецкая речь, сегодня многоголосая русская, украинская, с восточным акцентом.

После обеда надо торопиться дальше. Нас обгоняют 122-мм пушки. Жарко, пыльно, дорога запружена, мост на дороге взорван, надо в объезд. Объезд страшен для слабых машин или очень перегруженных — сырое низкое место. Колеса буксуют, зарываются, машина не может вылезтн из цепких лап грязи, все подталкивают ее, подсобляют.

Наши машины с маху берут препятствия, стоящие по сторонам бойцы улюлюкают, кричат на машину, как на лошадь, которая, напрягая последние силы, старается вылезти: «Давай, давай, жми на всю железку!» Машина изворачивается, перекашивается и вылезает. Дорога взорвана отступающим немцем.

На границе деревни кол с фанерой с надписью: «Кто перейдет черту канавы после 9 часов вечера — расстрел. Комендант».

Я стою у пушки. Красивая, убедительная тема для картины. Пленные проходят между пушек. На горизонте поднимается дым от горящего Бобруйска, застилающий вечернее небо.

К вечеру едем через восстановленный мост, все благополучно, километров через сорок догоняем наши пушки, которые расположились в поле, ужинаем на ходу.

Несут продукты — колбасу и т. п.— первые трофеи. Наши по шоссе едут на немецких транспортерах, на легковых машинах, гонят лошадей. Видна работа наших штурмовиков: вначале они уничтожили переправу — мост, потом обрушили весь свой огонь на шоссе, где скопились немецкие отступающие войска, техника. Всю эту пробку подвергли массированной бомбежке. На обочинах шоссе, на откосах свалена изуродованная немецкая техника: транспортеры, танки, машины, под ними и кругом убитые немцы. На «виллисе», лежа, едет грузин, поет «Сулико».

Картины войны: сожженная деревня, рожь склонила спелый колос, сквозь дым пожарищ пробивается заходящее солнце, багровый его диск висит в этом дыму.

Идут пленные. Очень разные люди, различных, видимо, профессий, образования и возраста — от юношей до стариков. Пожилой мужчина, вид общипанного галчонка; оставаться бы бухгалтером, а его погнали воевать. С лысеющей головой молодой брюнет, должно быть, ловелас и фокстротчик.

Солдаты после «трофеев» навеселе; побиты гунны, и мы веселимся. Танцуют, наступая на ноги, под трофейную гармонь, взвизгивают, поют: «Дядя Ваня — хороший и пригожий; дядя Ваня — всех юношей моложе; дядя Ваня — чудесный наш толстяк; без дяди Вани мы ни на шаг». Варят трофейные концентраты. Угощают вкусными вещами: леденцы, вино, колбаса, сыр, мед, хороший чай национальности, кажется, голландской. Вино очень крепкое, вкусное.

7.07.44 г. Сегодня среда, а в воскресенье прилетел немец и сжег половину деревни. Вечером сидели с Носичковым, Безручко у Нади — учительницы этого села. Муж ее в армии три года, ничего о нем нет. Дом сожжен. Ютятся они в землянке под яблоней.

Приехал сын-боец, пять лет не был дома, служил на Дальнем Востоке и вот со своей частью попал проездом через свое село. Командир отпустил, и его «подкинули» на машине.

В сожженной части деревни, у обгорелой яблони, где брошены телега без колес и мелкие хозяйственные вещи, стоял складный солдат, облокотившись рукой о



6 В. М. Нечаев. Фронтовая дорога. 1944

яблоню. Это все, что осталось от его дома. Односельчане окружили его. Различные позы женщин, стариков, мальчишек. С охапкой клевера под мышкой стоит женщина, смотрит на него и плачет; сестра вытирает платком слезы; здесь и горе, и радость встречи.

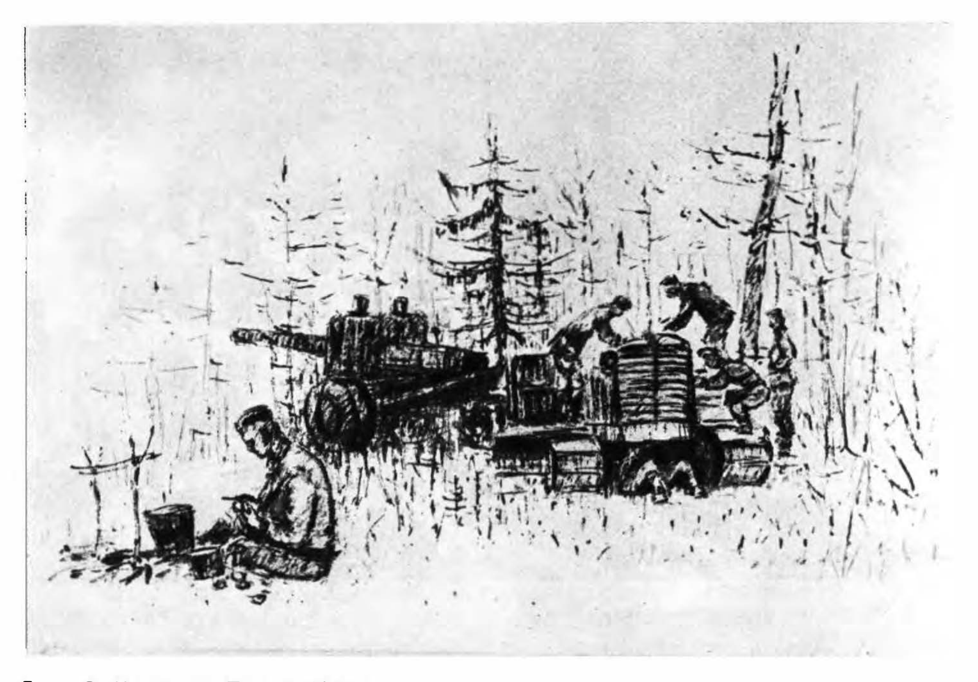
8.07.44 г. Переезд через бывшую границу с Польшей. Живем на просеке. Кругом земляника, такая сочная. Жаркий день. В воздухе парит. На этих вырубках все розово от иван-чая и как-то знойно-терпко пахнет. Как все в природе не похоже на войну.

Опять переезд; ночью едем на «виллисе», выехали вечером, уже темнеет, а ехать еще далеко. Лиственный густой лес, по сторонам грязная дорога, кроме нас — никого. Как легко и безнаказанно можно расстрелять нас, полная безнаказанность.

А когда зажгли фары, опасность еще бóльшая, но привычка, видимо, вырабатывается, и не обращаешь внимания на эту опасность.

По пути — сожженные деревни, которые только значатся на карте. Белые остатки печей, как привидения

в саване с обломанными руками, освещаются фарами и появляются неожиданно из темноты. Вылезаю из машины, чтобы спросить, что за деревня. Подхожу к темному дому; на всякий случай вынимаю из кобуры пистолет и загоняю патрон в патронник, чтобы быть готовым к выстрелу. Щупаю окна, стекол нет— «Есть ли люди?» — «Есть»,— отвечают сонные голоса.—«Какая дерев-



7. **В. М. Нечаев.** Привал. 1944

ня?» — «Коробово». Почему-то уверенность, что ничего не должно случиться, вселяет спокойствие.

Ночью барабанят редкие капли дождя. Ну ничего, большой не должен быть. Связисты принимают в своей палатке последние известия: «Наши войска 1-го Украинского фронта прорвали сильно укрепленную оборону противника».

Стонет этот край от перенесенных мучений — немец истреблял мужчин от 16 до 60 лет.

Деревня Козлы. 160 мужчин в братской могиле. Такие могилы и у других деревень.

Колхозная усадьба. В трех домах и в клубе живут 16 женщин и ребят. Вечер. Пришли все с работы, расположились цыганским табором. Молодая женщина Нюра, трое ребят. Муж здесь, в братской могиле. Настя, которая прибежала из Белостока с немецкой фабрики, детей нет, два года замужем была, муж тоже убит. Ганна 10-го года рождения, трое ребят. Глаша

22-го года, ребенок умер, муж в братской могиле. Как жить-то одной такой молодой? — «Ребеночка надо завести, а что делать? Мужиков нет и ребенка нет». — «А ты бы хотела, чтобы у тебя был ребенок?» — «Конечно, одного бы хорошо, да если бы еще мальчик. Приходили мы в соседнюю деревню, смотрели на их мужиков (они остались живы), и так делается обидно. Больше туда не ходим. Приходите к нам, я живу с матерью вдвоем».

Кресты у дороги в деревнях. Надо их сделать от восхода солнца и до захода. Также надо за это время спрясть нить и соткать полотенце и вышить или выткать «Господи, спаси нас». Это символическая могила угнанных в Германию и погибших.

В холодной мертвой тишине стоит крест, к нему обращаются, ему посвящают свои горести, печали, просьбы. Как часто женщины обращаются к своим убитым мужьям, отцам, детям — у них общий крест. Они уравнены в горе. Женщина стоит у печи и плачет, лезет в узел и вытаскивает заветную фотографию убитого сына. Молодой, 18-ти лет парень (тракторист) смотрит открытыми большими глазами.

27.07.44 г. Я замещаю парторга. Комбат вызывает на НП представить относительные данные. Мимо пушек, через поле, через лесок я добираюсь до НП. Наблюдательный пункт — замаскированная землянка, сделана, как сруб, из бревен с выходом по лестнице наверх. Взобрался на вышку, смотрю в стереотрубу на позиции противника. Обстрел. Близко рвутся снаряды, надо сматываться, пока нет прямого попадания; снимаем и стереотрубу. Притихло. Опять залезаем на вышку, наблюдаем. На том берегу — траншеи немцев. Маскировка пожелтела и поредела. Немец идет и пропадает в ходах траншей.

Через несколько дней мы будем громить эти укрепления, эти точки уже засечены. Рвется снаряд метрах в десяти от бруствера. Возвращаемся к себе на огневые.

Деревня Заполье. В штаб сообщили по телефону, что Мазырин, с которым в последнее время я жил вдвоем в землянке, убит.

К вечеру возвратился лейтенант Попов с солдатами, нашли и принесли одну руку Мазырина, положили ее в ящик от снарядов. Покурили его легкий табак, махорку отдали солдатам — помянуть лейтенанта.

Утром этот ящик поставили в Ленуголок, покрыли плащ-палаткой, по углам в банках из-под консервов полевые цветы, выставили почетный караул. В стороне Иван с Деннсенко делают гроб. Артиллерийский мастер Рябов выколачивает на меди надпись: «Пал смертью храбрых». Как был он осторожен, суеверен, и такая смерть — прямое попадание. Как сообщить домой?

31.07.44 г. Какая замечательная, красивая радуга: огромная арка стоит на земле, ярко-желтое поле льна, а небо плотное — английская красная по серо-лиловому. Танк и орудие на переднем плане — ржавые, сгоревшие.

Огневая позиция на ржаном поле. Пушки, замаскированные снопами хлеба. Снопы хлеба по всему полю. Я укладываюсь на снопах. Первый раз на таком



8. **В. М. Нечаев.** На Мозерском направлении. 1944

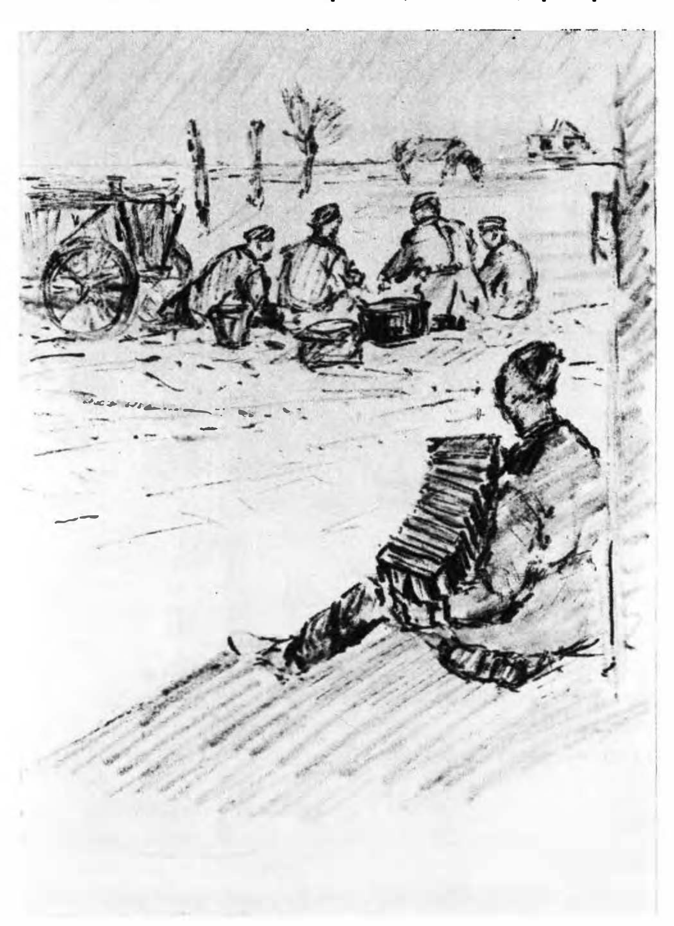
просторе бесконечного поля ржи. Взошла луна. Немного холодно. Звезды над головой. Как хорошо спать в этом запахе убранного хлеба.

2.08.44 г. Раннее, прохладное утро. На новых огневых, в новых окопах. После тяжелой ночной работы солдаты завтракают, принесли суп. Расчет устроился на станине орудия, котелки зажаты между колен. Солдаты устали и молчаливы. Молчаливы и от несчастья, которое пришло к их товарищу, солдату Хмелевскому. Хмелевскому прислали похоронную на сына. Молчание перебивается стуком ложек о котелки. Отдельные слова, и опять молчание.

На спиленной сосне верхом сидит замковый Шорин, котелок на пне, хорошо приспособился и красиво. Шорин — молодой, сильный, справный солдат, спорый в работе; к нему относятся с уважением. И так само собой получается, что ему надлежит сказать первому. И сейчас он как-то в центре. Он всегда готов помочь в деле, ободрить добрым словом.

Шорин аккуратно собирает крошки хлеба с шинели в пригоршню, ссыпает их в котелок, приготавливается к завтраку и начинает разговор, обращенный к каждому и ни к кому лично.

— Я так смотрю — кому судьба жить, тому, видно, жить, а умереть можно везде; вот я был в пехоте истребителем танков, так из 4-х товарищей я остался один! Идешь в атаку, тебе ничего, а рядом товарища всего изуродовало, оторвало руки и ноги. Я подбежал к нему перевязать, да что я мог? Не человек, а чурка; лежит — и ко мне: «Милый мой товарищок, пожалей, пристрели



9. **В. М. Нечаев. Обед. 1944**

меня, сделай!» — «Что ты, как же я могу это, как у меня рука на тебя, на своего подымется». Позвал сестру. Захватили, видно, скоро — жив остался. Пишет, конечно, не сам: «Товарищок, руки зажили, хожу на култышках, плохо одно: закурить захочешь, а завернуть-то и нечем, так и живу я, култышка».

Все это он говорит, чтобы слышал Хмелевский и свое горе понимал через горе других людей, и все это надо перенести.

— Своим несчастьем я еще с вами не поделился; получил письмо, брат убит севернее нашего фронта, 25 года; другого ранило — на правой руке вырвало мякоть. Жалче мне младшего — старший пожил, жизнь повидал, а этот? — еще ничего не видел. Что он? — пас скотину, дальше дома ничего не видел, сам, как телок. Воевал в пехоте, а в пехоте надо смекать, быть похитрее. Вот я сам был в пехоте, 7 лет был,— Шорни задумался, как бы вспоминая еще что-то. — Зятя на Украинском убило, хороший был мужик. Пишут — дочка у меня умерла, хотя она и маленькая, годика 3—4, а жалко.

Хмелевский обедает, котелок зажат между колен, мысли его не отвлекаются разговорами солдат, он, видимо, и не слышит их. Горе его очень велико, тяжело ему. Понимаю и вижу, что хлеб для него сделался черствым, горьким.

14.08.44 г. Вот настоящий фронт. Вечер. Пыль, поднятая танками, стоит стеной. Тянется пехота, противотанковые пушки. Рожь по сторонам дороги, крики на лошадей. Ржание лошадей, скрип колес, лязг гусениц. Выстрелы и разрывы снарядов на переднем крае.

На берегу ручейка отдыхает пехота. В маленькой рощице — повозки, и вдруг женские голоса, смех. Как он здесь необычен и хорош.

19.08.44 г. На полянке в лесу у палатки стол, как хорошо с ним.

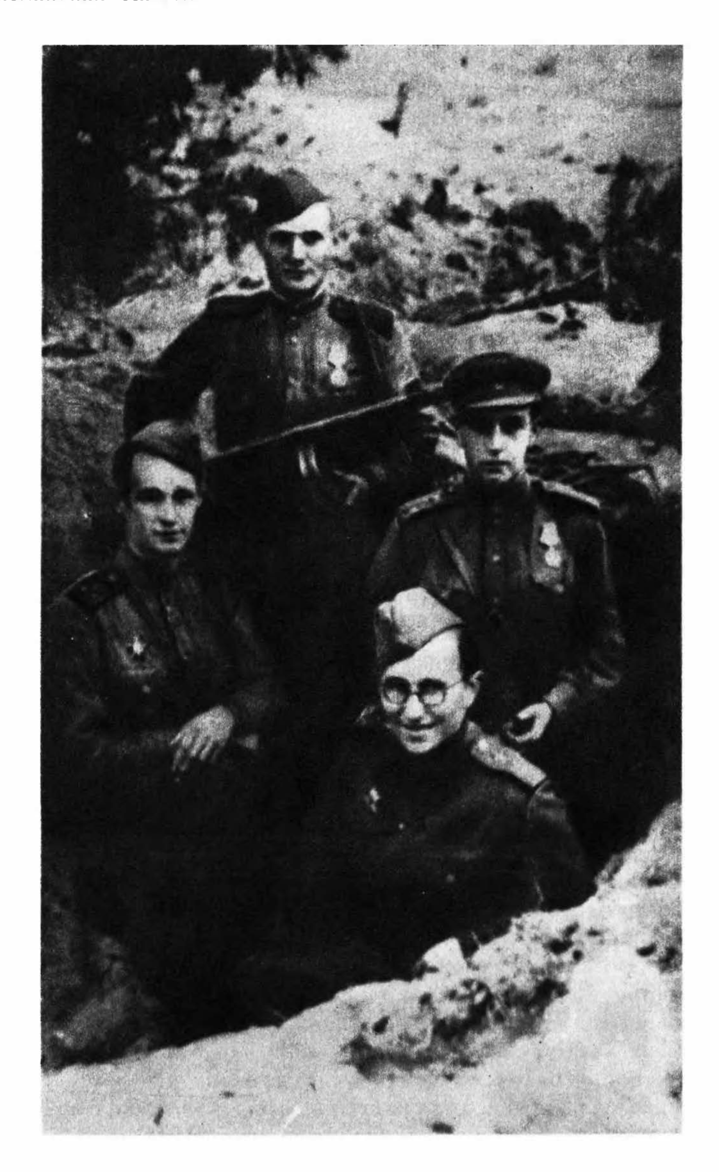
— Когда кончится война, — говорит Назыров, — обязательно у меня будут стол и стулья.

Вечером радио. Западная музыка; какое наслаждение, удовольствие — музыка! Хороший вечер. Далеко играет баян. Шофер Гордеев: «Слушаешь и вспоминаешь прошедшую жизнь».

27.08.44 г. Рассказ о саперах. Самое опасное — это работа саперов под огнем противника. «Вот мы строили мост и сколько бы нас ни убило, мост должен быть выстроен. Работаем, а люди в ровиках сидят, дожидаются; как кого выводят из строя, из ровика выбегает сменщик и работа не задерживается. Штурмовой мостик держали люди на спинах три часа, если кого ранит, сменяли».

29.08.44 г. Проезжаю мимо только что сгоревших домов. Женщина рукой показывает на пепелище — мстите!

2.10.44 г. Бойцы надевают маскировочные халаты, проверяют оружие, раздается команда, пехота готовится к атаке. «Хоть погоревали, да домой бы вернулись», — замечает Обрывин, глядя на пехоту. Как различна жизнь и насколько различны условия этой жизни, и ка-



10. В. М. Нечаев с фронтовыми друзьями. 1944

кие-то случайные события забрасывают, ставят людей на крайние полюса жизни и смерти.

Наша 4-я батарея ведет контрбатарейную борьбу с противником. Нам придан самолет У-2, который связан с батареей и корректирует огонь. У рации напряженно работает лейтенант Миляев: «Гагара», «Гагара», — говорит «Фиорд», — как слышите меня, даю настройку». По выстрелу нашего орудия и разрыву на немецкой стороне «птичка» «Гагара» корректирует и

дает поправки. — «Север — 0, восток — 4. К выстрелу готовы. Натянуть шнуры, огонь! Цель накрыта». Два выстрела, немец огрызается.

В эфире слышна ругань летчиков: «Колька, Колька, иди на облако, куда ты к чертовой матери тянешь, обходи — зенитка!». Нам: «Гагара», «Гагара», квадрат 4 поправка. Орудие готово, следите за разрывом!». Это у нас.

В эфире: «Включаем Колонный зал Дома союзов. Каватина Фигаро — Россини. «Волшебная флейта» — Моцарт. Оперетта «Сильва». Лебедева и Качалов. «Хочу я страсти, любви, признаний». Представляешь освещенный Колонный зал, оживленные лица, запах духов, смешанный с табаком. После концерта люди разъедутся, разойдутся, кто на Бронную, кто на Арбат.

Мы лежим у своих пушек в сосновом лесу. Немец по звукоразведке засекает наши огневые и незамедлительно открывает ураганный огонь. Мы прижимаемся к земле — хорошо, что с вечера под палаткой выбрали землю на лопатку. Снаряды рвутся метрах в 30—40 за нашей батареей, так что осколки секут деревья, сучья и сыплются на нас. Нельзя поднять головы. Небольшая пауза, второй налет. Только бы он не переменил дистанцию, а то как раз. Вдруг лес освещается фейерверком огня. Приподнимаю голову: прямое попадание в первое орудие. Третий налет. Миляев со мной рядом в ровике. Разрывы близко. Переползти на животе из палатки в ровик рискованно; осколки свистят, прижимаешься еще плотнее к земле-матушке. Миляев сидит в ровике и тихо смеется. «Что тебе смешно?» Я не понял вначале его смеха, — оказалось, не выдержали нервы и истерия вылилась в такой нервный смех.

Раздается стон. Кого-то ранило. Тагиев ранен, он стонет в темноте. «Старший сержант, я ранен тяжело...» — мычит что-то, говорит по-азербайджански. Подошел к нему телефонист Хлебодаров, а он в крови. Рана в живот осколком. «Зачем он вылез из окопа?» — «Линия была порвана, хотел найти разрыв». В кармане у меня пакет, но такое количество крови, что пакета мало. Переносят его в орудийный окоп. Он мучается: «Аман, Аман, ой живот болит!». Через некоторое время прибегает фельдшер: «Ранен серьезно, пошлите за полуторкой».

Тагиева вынесли к дороге, чуть рассветает. Попов перевязывает: «Ну как, машина пришла?» — «Нет... везти не надо... умер».

27.10.44 г. Рассветает, видна дорога, по которой едем. Лес сосновый, высокие тяжелые сосны посечены снарядами. Верхушка сосны скошена, как лоза при рубке шашкой, и воткнулась в землю. Новые позиции. Утро.

У костра группа солдат сидит в креслах сломан-

ных и целых. Осенний пейзаж, разбитый сад, на переднем плане 76-мм пушка в окопе, и, сидя у костра на изысканной мебели с оборванной бахромой плюша, греют руки, сушат портянки. Оставленные немецкие блиндажи с натасканными туда диванами. В поле — разбитый наш «Ил».

15.11.44 г. Серое небо, охристый просвет, обрубленные снарядами сосны. Разбитый немецкий танк опустил ствол орудия к земле. Сырой, туманный день. Обломанные ветлы по сторонам дороги.

Слышны близкие разрывы снарядов, и в этом какое-то беспокойное удовлетворение — ты на войне, и это должно быть так. Наоборот, тишина раздражает, и если она продолжается долго, начинает действовать на нервы, беспокоит, потому что на войне ее не должно быть. Тишина затягивает войну.

30.12.44 г. Когда нет писем, перечитываются старые. Мешанин читает Антипову. «Ну, разве мне интересно слушать, — после говорит Антипов, — но нельзя обидеть, слушаю».

Часто видишь картину: солдаты стоят у могилы. Читают надписи, нагибаются — кто погиб? Подойти к могиле считается долгом. Близкий может лежать в этой могиле... однополчанин, а может быть, земляк.

13.1.45 г. В землянке разговор по телефону: «Новичков, ты слышал, Телешева чуть не убило. Случайно его не было в блиндаже». — «Да, слышал; ну, что у вас нового?».

16.1.45 г. К ночи добрались до своих новых огневых. Пока окапываются орудия, надо ехать за снарядами — на батареях мало снарядов, а к утру они должны быть.

Сонный шофер никак не может продрать глаза. Километров за 15 в стороне, в лесу, грузим снаряды, а по дороге идут бесконечные колонны танков, самоходок. Все эти силы, техника направлены на фашистского зверя, которого надо загнать в его логово.

Ярко горят огни машин. Они растянулись без начала и конца. Похоже, будто в этом бескрайнем поле вырос большой город, залитый огнями. «На миру и смерть красна».

Разве страшно идти на врага в такой массе танков, пушек, солдат? Все личное отходит в сторону. Ты — участник в войне, у тебя свое место в этой общей борьбе, и к тебе относятся с таким же уважением, как и к другим, умеющим воевать, отвечать своему назначению.

Солдатское уважение к тебе проявляется, когда на тебя можно положиться во всякую минуту, и это ува-

жение придает тебе самому уверенность в своих силах и необходимость быть со всеми вместе, разделять все трудности войны, которые делаются твоей потребностью, твоей жизнью.

Чувство единой семьи, взаимная выручка и сила, которая двигает всех нас к победе, удесятеряют в тебе силы. Как в рабочей артели, каждый хочет показать, что



11. **В. М. Нечаев.** Трофейная музыка. 1945

он не последний и он тоже настоящий товарищ и свою артель не подведет. Если нужно, пожертвует собой, но не сбежит, чтобы о нем могли думать только хорошее, и это товарищество родит героизм, о котором сам герой и не думает.

1.02.45 г. Бромберг (Быдогдош). Вечер. Еще дымятся отдельные разбитые здания. Красивые дома. Черепичные крыши. Народ куда-то спешит в волнении нового дня, новой жизни. Немецкие магазины, вывески с готическим шрифтом, неподвижно замерли на улицах белые трамваи. Спущенные трамвайные провода путаются на дороге. Ветер несет снег и заметает дорогу. Поляки торопливо ее расчищают, желают, чтобы мы скорее нагоняли немца.

Входим в Германию. Все как-то насторожились. Ждут невольно, что и дороги, и лес — все будет ненашенским. Нет, незаметно этой границы. Мелкий сосновый лес, как под Москвой; все также, в природе нет изменений.

Останавливаемся в деревне Мюленбек. Наши солдаты развлекаются: катаются на дамских трофейных велосипедах, связисты везут свои катушки в немецкой изящной детской коляске «лимузин». Назначение вещей меняется, и хозяева их другие.

Зашел к солдатам на чердак, где они расположились. Там идет пир горой — пекут блины, жарят котлеты. Притащили бидон молока, около него стоит ведро варенья. На трофейном изящном аккордеоне звучит полным голосом наша «Катюша».

Заходят два танкиста и спрашивают: «Как проехать на Берлин?». «Как, вы уже на Берлин?» — «Нет, но нам нужно выехать на шоссе, которое идет на Берлин, и объехать этот окруженный город». — «Шуры-муры» — трудно запомнить по-немецки... Шнайдемюль? — Кажется, так». Время пришло — и спрашивают дорогу на Берлин, как раньше на Ржев, на Вязьму, Бобруйск.

Шнайдемюль окружен. В городе уличные бои, наши продвинулись к реке, взяли кладбище, церковь. Наши пушки выкатываются на прямую наводку, а немцы засели в подвалах домов. В верхних этажах этих домов на столах оставлена еда. Жизнь прервалась неожиданно. В гардеробах висят офицерские нацистские мундиры с позументами — дубовыми золотыми листьями.

Из разбитой комнаты, в которой выбиты стена и окно, видны двор и часть города, догорают отдельные дома, бои стихли. Пленных немцев ведут из города по темному, мокрому шоссе.

В комнате стоит пианино, на нем фонарь со свечой, который вырывает своим слабым светом отдельные предметы, лица солдат. Разведчик с какой-то шашкой сидит на диване. Я играю на пианино. Музыка эхом звучит в этой разбитой комнате. Незнакомый солдат с автоматом, облокотившись на пианино, слушает и плачет тихо. О чем он плачет?

До Берлина 222 км, до Берлина 135 км. 130... Едем ночью. Около дороги горит костел, внутри него все огненно, на этом расплавленном фоне — рисунок готических окон. Красиво и страшно.

Немецкий дом для престарелых. Обслуживающий персонал разбежался, остались одни старухи. Утро. Идет одинокая сгорбленная старуха, несет палочки — дрова. Невольно вспомнил кошку, сидевшую на кирпичах пожарища. Неожиданно для меня заговорила по-русски. Голос низкий, старческий. Старуха оказалась урожденная русская, уехавшая с мужем в Германию из Петрограда. Теперь она осталась одна и доживает свою жизнь здесь. Я ей говорю о Ленинграде, и что ему пришлось пережить в этой войне. Она плачет. Старухи голодают. Принес ей 2 буханки хлеба и большую макитру варенья.

Старуха еду разделила поровну, раздала своим соседкам по палате.Она была горда тем, что русский, о которых они наслышались черт знает чего, принес им еду, и старалась всем об этом сказать. И эти старушки, доживающие свой век, очень разные: маленькие согбенные, высокие худые и все беспомощные, как дети, — с виноватой улыбкой твердят: «Данке шён».

6.03.45 г. Огневые в саду. Вечер. На бричке патефон. Какой-то разведчик держит под уздцы лошадь, и она, опустив голову, как будто слушает музыку, а по дороге рядом идут танки, машины, пушки.

Старов приглашает в гости к ним, разведчикам. Приготовлены закуска и выпивка, стол хорошо сервирован. «Мы стали жить культурно, только вот два дня не умывались, все нет времени». Сережа заводит красный патефон. «Сережа, а ты тот заведи». — «Что же мне, в два патефона играть?».

Разговор в немецком доме на кухне. Наш солдат объясняется с немцем: «Как по вашему война-то — «крик»? Вот и получился крик, а кому этот крик нужен? Понимаешь ты меня, что ты мне тоже не нужен, и еще 1000 лет бы тебя не видел. Ферштейн ты меня? А вы вот русского Ивана пришли убивать, а мы вас. И вот я приехал, добрался из своей Сибири. Ну если вы-то не лезли бы к нам, зачем бы мне надо было убивать вас? Что вам не жилось? Жил бы ты у себя спокойно, а я бы у себя в Сибири. Что вы людям не даете спокоя? Что вам не игралось на своем рояле? Что вам не хватало?».

13.03.45 г. Бирхнмгейм. Устроились ночевать в квартире какой-то киноактрисы. Множество фотографий, с которых она, улыбаясь, приветствует нас. Много книг. Я нашел себе замечательную книгу: рисунки старых мастеров. Все фотографии после осмотра и нашей оценки сбрасываются со стола, надо устраиваться спать. Я сплю на каком-то изящном диване, бой стенных часов — это нам «доброй ночи».

Живое существо в этом доме — собака, но она так одичала, что почти не выходит из своего закутка, смотрит исподлобья и не поддается на ласку. Солдаты приписывают ей «злые немецкие мысли».

Гутен морген! На завтрак варится курица и оладьи с вареньем. Солдаты при всякой стоянке пекут оладьи. Оладьи, кроме того что вкусные, приносят аромат оставленного родного дома. Соскучились солдаты о запахе теста и жареных лепешках, оладьях. — «Приходите к нам, оладьи будут!».

17.III.45 г. Ненастная погода. Сижу и пишу письмо в мансарде, как молодой Шиллер. Только время и обстановка



12. В. М. Нечаев. 1945. На обороте подпись: «В развалинах на одной из улиц Берлина».

не те. Надо мной еще держится черепичная крыша, на другой половине дома через крышу видно небо. Дверь в комнату изрешечена автоматными очередями, перекошена и не закрывается.

На переднем крае идет бой, громыхают орудия, стол мой подпрыгивает, с крыши сползает черепица. У разбитых немецких домов дымят кухни, готовят ужин. Танкисты возвращаются с боев на своих грязных израненных машинах. Бон тяжелые.

Дома смотрят на нас чужими глазами-окнами. Они равнодушны, они не понимают русской речи. Это не наши избы и не наши оконца со «слезой» — остатком стекла. Вывески на домах с готическим шрифтом непонятны и не разговаривают с нами.

Деревня. Солнечный теплый день. На немецкой улице — русская деревня. Самые залихватские песни разносятся на улице. Из ворот выходит солдат с барабаном на широком ремне времен Фридриха Великого, другой солдат с двухрядной гармошкой, вовсю голосят русские «страдания». Около них образуется круг и начинается самодеятельность.

До отъезда время еще есть, решили эту самодеятельность провести у пожарного сарая. Солдаты натащили из школы парт. Я составил программу концерта. Через полчаса открытие «летнего сезона».

Объявляю, что поем все нашу любимую песню

«На рейде». Запевала готов начать, а баянист, оказывается, на аккордеоне ее не может играть. Немцы боязливо, боком, подходят посмотреть на русское веселье. Поздно вечером выезжаем в дальнейший путь.

В одном городе голая женщина стоит, прислонившись к телеграфному столбу; на ногах чулки, на голове шляпа, а через плечо перекинут яркий платок. При внимательном рассмотрении оказывается, что это манекен из ближайшего магазина. Кто-то «оформил» фронтовую дорогу.

В пустом, оставленном немецком доме открыто окно, и шаги кованых сапог громко раздаются в пустых комнатах. Солдаты сидят за столом, обедают и выпивают. Входит солдат, и все сидящие поднимаются, общий крик: «Степан!! Ты живой? А мы горевали, что больше не увидим, похоронили ведь тебя! Садись, выпей по такому случаю. Где ты пропадал? По одному пропустили, надо по второму, чтобы ему не было скучно... Двое там дерутся, надо третьего послать — разнимать... Двое на одного — надо четвертого пропустить...» — Так, с присказками, выпили как следует.

Ветреный день, дует с моря, с залива. Около Альдама все разбито, сам Альдам горит, лес посечен, нет живого дерева. Немец беспорядочно стреляет. Мы бежим по полотну железной дороги. Спешим на наблюдательный пункт. На откосе у железнодорожного полотна брошены красивые вещи: хрусталь, серебряная посуда. Валяется разбитая скрипка. Я задержался, поднял ее. Внутри на деке наклейка и надпись: «Антонио Страдивариус 1720 г.». Не случайно ее старались спасти: «Ну что ты там?» — кричит Борис.— «Послушай, настоящий Страдивариус!» — «Ну и черт с ним, бежим, видишь, стреляют!»

По Альдаму стрельба окончена, и в знак его взятия, как салют, было пущено еще несколько снарядов по Штетину, за Одер. Наступила необычная тишина. Капитан Шехтман по телефону сообщает торжественно, громко, раздельно, как Левитан: «Товарищи солдаты и офицеры, война окончена! — И после паузы тихо добавляет: «На нашем участке фронта».

Как остро видишь здесь жизнь. Неужели эта острота сотрется, забудется, когда все стихнет, когда приедешь в свой дом? Верно, что все проходит, но ничто не стирает следы пройденного, пережитого. У людей, возвращающихся с фронта, видевших жизнь с другой стороны, даже с другого света, появляется ревнивое чувство к жизни.

02.04.45 г. С севера, с Альдама мы перебрасываемся на Франкфурт-на-Одере форсировать Одер. Располага-

емся недалеко от берега. В тумане через реку виден город, ясно видны четыре трубы какого-то завода. Тревожат мысли о предстоящем наступлении.

В наш дивизион заехал из тыла капитан из Дома Красной Армии 1-го Белорусского фронта. Встретились с ним и случайно разговорились; он узнал, что я художник, посмотрел рисунки. «А почему же вы воюете артиллеристом?» — «Взяли на войну, вот и воюю». Через несколько дней, неожиданно для меня, телефонограммой вызывают в Дом Красной Армии — «откомандировать».

Я с «сидором» своих рисунков отправился в тыл — немецкий город Мезериц. Необыкновенное чувство от перемены твоей жизни, обстановки: обедаю за столом, замечательная весна, прозрачный воздух, теплый ветер и ощущение скорой победы, конца войны. Увидеть этот конец, войти в Берлин!

И вот с наступающими войсками еду на Берлин как художник, который должен увидеть эти последние победные, завершающие дни войны.

День Победы 9 Мая. У Бранденбургских ворот стоит машина, на ней гармонист, около машины идет пляска, по кругу стоят солдаты, матросы, танкисты. Лейтенант пляшет и кричит: «Я живой, я живой!».

По главной улице от Бранденбургских ворот по Унтер ден Линден едет солдат на мотоцикле, на багажнике гармонист вовсю растягивает наши «страдания». Старший лейтенант из Пушкино под Москвой приглашает в гости к себе.

Все чувствуют себя близкими, своими.

Поезд. В Россию увозят демобилизованных солдат. Я стою и смотрю на них и завидую. Неожиданно из вагона крик: «Нечаев! До свидания!» — Это Пронин из нашего дивизиона. Я растерялся и закричал: «Прощай, Пронин!». «Но почему «прощай»? — замечает мне незнакомый солдат.

Нечаев Виктор Михайлович (1904—1975)

Родился в Орехове-Зуеве. Учился во Вхутемасе. В 1942 призван в армию, закончил артиллерийское училище. Как офицер артиллерийского дивизиона воевал на 2-м Белорусском фронте. Участник освобождения Белоруссии, Польши, Германии, боев в Берлине. Живописец. Большое место в послевоенном творчестве занимали работы, выполненные на основе многочисленных фронтовых рисунков. Награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями.

И. Кричевский
Путь к рейхстагу*

Первый рисунок

Штаб нашего батальона нашел очередной приют в уцелевшей избе, одиноко стоявшей среди разрушенной деревушки. Вокруг простирались одичавшие, заброшенные поля, а на отдаленных возвышенностях виднелись остатки блиндажей и окопов.

В то памятное утро я поднялся рано и, стараясь не разбудить уставших товарищей, вышел на улицу. Летний рассвет встретил меня веселой игрой лучей восходящего солнца. Трудно было остаться равнодушным к красоте нарождающегося дня.

Много я видел рассветов на Калининской земле, они поражали своим разнообразием и волновали меня как художника. Но шла война, и мне казалось, что теперь не до искусства. Художник должен был молчать, чтобы уступить место воину. С этим убеждением я и ушел добровольно на фронт. О прошлой профессии напоминал лишь затиснутый в сумку нетронутый альбом, на котором иногда останавливался мой взгляд.

Внезапно в тишину мирного пейзажа ворвались раскаты орудийной стрельбы. Это начался очередной бой в Холме. Фронтовые условия приучили нас к звукам войны, они казались привычными и были неотделимы от нашего существования. Но сейчас эти звуки резко вывели меня из задумчивости и возвратили к реальной жизни. Под нарастающий грохот канонады я зашагал по изуродованной дороге, на которой уже давно прекратилось движение: она напоминала безжизненную артерию.

Вчера стало известно, что батальон получает новое задание и в любой день может уйти. Нужно было спешить, чтобы успеть попрощаться с лейтенантом Муштаковым, получившим тяжелое увечье при налете фашистских самолетов. Мы уважали лейтенанта как опытного командира, и его ранение доставило нам много переживаний.

Я шел, одолеваемый невеселыми мыслями. Предстоящая встреча с Муштаковым волновала: трудно было себе представить этого сильного человека без правой руки. Вспомнились коренастая фигура лейтенанта и его руки сапера, умевшие так ловко и уверенно обращаться с минами. Вспомнился и тот день,

* Литературная запись Л. Кричевской. Фрагменты опубликованы в сборнике «Когда пушки гремели» (М., 1975) и в периодической печати (1962—1975 гг.).



1. И. Д. Кричевский. На обороте этой фотографии надпись: «Дорогой, любимой жене и другу. Когда-нибудь этот снимок напомнит былые грозные дни войны, и я с гордостью смогу сказать, что участвовал в защите Родины. Твой Илья. 12 октября 1944г.» Латвия. Шли с нашим фотографом Володей Гребневым. Увидели разбитый танк. Я стал его рисовать. А Володя говорит: «Становись, сфотографирую». Потом он дал мне фотографии, а я подарил ему рисунок, сделанный возле танка.

когда я сдал Муштакову командование второй ротой перед своим уходом в штаб. Тогда и возникла наша дружба.

К полудню я добрался до деревни Тухомичи, нашел дом, в котором разместилось отделение госпиталя, и долго стоял перед дверью, пытаясь себе представить, что меня ожидает, и думая о тех единст-

венных, нужных словах, которые бы нашли путь к сердцу искалеченного войной человека.

Трудно описать первые минуты встречи, наш неумелый, нескладный разговор, во время которого я старался не смотреть на пустой рукав лейтенанта. Передав приветы от товарищей, я стал выкладывать из сумки скромные подарки и вдруг... увидел альбом, тот самый, что лежал в ожидании своего часа.

Не понимаю, как это произошло, но альбом очутился у меня в руках. И под вопросительным взглядом лейтенанта я сказал неожиданно для самого себя:

— Хотите, нарисую вас на память?

Муштаков несказанно удивился, и было от чего: ведь он не знал, кем я был до войны.

Усадив растерянного лейтенанта, я приступил к работе. И только тогда, сидя в кольце раненых, привлеченных необычайным зрелищем, я понял, какая это была рискованная затея: ведь я не рисовал больше года. Но когда на бумаге появились суровые, угловатые черты Муштакова, волнение понемногу улеглось, и я уверенно закончил рисунок под одобрительный шепот окружающих.

Я поднялся, усталый от напряжения, и мне показалось, что в избе стало светлее от дружеских улыбок; было впечатление, будто произошло что-то важное и радостное. Изменился и сам Муштаков, в его лице появилось что-то новое, я почувствовал, что между нами возникла незримая нить взаимного тепла.

Наступило время прощания. Мы обнялись. Перед каждым из нас лежали разные дороги жизни, и нельзя было сказать, приведут ли они к новой встрече. Возможно, мы расставались навсегда...

Я шагал обратно, взволнованный происшедшим. Неожиданно сделанный рисунок вызвал мысли о месте художника на войне. Мне пришлось переоценить мои прежние взгляды. Я думал о великой силе искусства, способной соединять людские сердца.

В армейской газете

Стояло теплое лето сорок четвертого года. На участке, занимаемом нашей Третьей ударной армией, было затишье, и казалось, что мы обосновались здесь надолго.

Напряженное состояние войны не могло заслонить от нас красоты окружающей природы. Это удивительно, что после всего пережитого у человека сохраняется чувство прекрасного. Так было и со мной,

несмотря на то, что многое пришлось перенести в эти три года фронтовой жизни.

Позади остались первые трагические дни начала войны, когда наш воинский эшелон шел через Оршу и Смоленск к западной границе под бесконечными налетами фашистских бомбардировщиков. Невозможно забыть увиденные тогда душераздирающие



2. **И. Д. Кричевский.** Снайпер Г. Н. Хандогин. 1944

картины народного бедствия, эти страдальческие лица женщин и детей, бежавших полураздетыми из Минска. Нельзя не вспомнить период боев на Калининском фронте, недели тяжелейшего наступления на тридцатиградусном морозе, когда теплая изба и горячая пища казались несбыточной мечтой. Остались в памяти упорные бон за овладение Великими Луками и дни стремительного прорыва на Невель... Разве можно все перечислить!

Волей военной судьбы я вернулся к своей былой профессии — был назначен художником в армейскую газету «Фронтовик». И сейчас, в этот «тихий» период на Калининской земле, когда наша армия совершенствовала свое ратное мастерство, готовясь к очередным значительным боям, мне удалось сделать серию рисунков. К этому времени относится портрет



3. **И. Д. Кричевский.** Рядовые Матвейчук и Сенькин. 1944

известного снайпера Г. Н. Хандогина, который переписывался с писателем И. Эренбургом. Когда я смотрел на сидящего Гаврилу Никифоровича, мне казалось, что он со своей винтовкой как бы составляет одно целое. Это был немолодой уже человек с натруженными руками. Используя свой опыт сибирского охотника, замечательный стрелок уничтожил почти двести гитлеровцев. В воспоминаниях И. Эренбург тепло отзывается о своем фронтовом корреспонденте и почитателе, открывшем на имя писателя специальный счет уничтоженных фашистов.

И вот, казалось бы, «тихая» жизнь неожиданно прекратилась. Наша армия, набирая темпы, прорвала фронт врага и устремилась вперед, на запад. Помню, что меня заинтересовал полосатый пограничный столб, не похожий на советский,— по-видимому, он сохранился со времен буржуазной республики. Мы вступили на территорию Латвии.

Ежедневная жизнь в газете складывалась из целого ряда технических работ. Рисовать с натуры приходилось изредка, и если такая возможность возникала, то я с готовностью ею пользовался. Героев

можно было найти только на передовых позициях, поэтому я постоянно туда стремился. Прошлый опыт боевого офицера, привычка находиться среди ратных людей теперь помогали мне как художнику.

Запомнилось пребывание в одной из рот 21-й гвардейской стрелковой дивизии, окопы которой расположились в трехстах метрах от позиции противника. Это близкое «соседство» требовало от наших воинов особого напряжения и бдительности. Командир роты гвардии старший лейтенант Н. К. Пономарь производил впечатление умелого и опытного фронтовика. Его открытое русское лицо с лучистыми глазами было спокойно и говорило о том, что этот воин обладает волей и знает цену подвигу. Мне понравилось, как он своими сильными руками настороженно держал бинокль. В таком движении я и запечатлел его, усадив у двери блиндажа.

По совету Пономаря я решил нарисовать находившихся в окопе двух пулеметчиков. Хотелось показать этих солдат непосредственно на боевом посту. Но работать в открытом окопе было неудобно, и, чтобы осуществить задуманное, мне пришлось взобраться на возвышенное место, откуда были хорошо видны фигуры моих «натурщиков». Конечно, я понимал, что это опасно, но рассчитывал, что на фоне молодого леса, находившегося рядом, буду мало заметен.

Когда я принялся за работу, ощущение настороженности постепенно исчезло, каждое движение карандаша было предельно точным. В считанные минуты нужно было зафиксировать только самое главное, второстепенные детали были лишней, непростительной роскошью.

Вдруг откуда-то прозвучали выстрелы, но только из предостерегающих возгласов наших бойцов я понял, что являюсь мишенью для фашистских стрелков. Было жалко бросить так хорошо начатый рисунок, оставалось сделать всего несколько штрихов, и под аккомпанемент выстрелов, раздававшихся теперь уже и с нашей стороны, я лихорадочно продолжал работу. Только завершив рисунок, я спрыгнул в спасительный окоп, где попал в дружеские объятия солдат.

Еще добрых полчаса продолжалась перестрелка на взбудораженном участке. Сидя в землянке Пономаря, я медленно приходил в себя. Когда кругом все успокоилось, появился озабоченный гвардии старший лейтенант и сообщил, что, к счастью, вся эта неожиданная баталия закончилась благополучно: никто из наших не пострадал.

Глядя теперь на этот небольшой рисунок, зритель не подозревает, какой ценой он достался. Но мне он особенно памятен и дорог.

Снайпер Макарова

У портрета снайпера Макаровой интересная история. Однажды я прочел в «Комсомольской правде» отрывок из готовящейся к печати книги К. Лапина «Подснежник на бруствере»* о снайпере Любе Макаровой. Текст сопровождался фронтовыми фотографиями, на которых трудно было кого-нибудь узнать. Меня словно что-то встряхнуло — там говорилось о людях, которых я знал раньше. Но главное, что привлекло мое внимание,— это фамилия героини, она показалась мне знакомой; не знаю почему, память подсказывала, что с этой фамилией связаны какие-то воспоминания.

* К. Лапин. Подснежник на бруствере. М., 1966.

Нетерпеливо я стал перебирать свои фронтовые рисунки. Мне помнилось, что где-то в Латвии я рисовал двух девушек-снайперов: Нину Лобковскую, о которой тоже упоминалось в газете, и еще одну, фамилию которой я совершенно забыл. Теперь я искал рисунок, смутно надеясь, что рисовал именно ее, героиню книги, хотя еще не позволял себе в это поверить. И вот, наконец, у меня в руках этот портрет с краткой подписью: «Снайпер Макарова. 1944 г.». Да, это она, девушка в военной одежде. Я опять смотрю на нее, как много лет назад, но теперь я знаю, что она осталась жива.

И я вспомнил вдруг совсем ясно тот летний день в Латвии. Меня вызвал редактор и предложил нарисовать снайпера, указав место в нашем поселке, где его найти. Я отправился туда, но никого не застал, хоть обошел несколько раз вокруг названного дома. Только в палисаднике сидела какая-то девушка в военной гимнастерке. Я подошел к ней, чтобы спросить, не знает ли она, куда ушел снайпер, и тут увидел на ее груди два ордена Славы и понял, что она и есть цель моих поисков. Так до сих пор и не знаю, почему редактор не предупредил меня, что снайпер — девушка.

В нашей армии воевал отряд комсомолок-снайперов, воспитанниц Московской специальной школы снайперов, которых я встречал еще на Калининском фронте. Сейчас передо мной сидела одна из них с погонами старшего сержанта.

Это была небольшая, хрупкая и какая-то «тихая» девушка — ее облик явно не соответствовал сиявшим на солнце боевым наградам. В годы войны мне пришлось встречаться с самыми разными людьми, и я заметил, что внешнее впечатление не всегда бывает правильным. Особенную трудность это представляет

для художника, впервые видящего свою натуру. Так было и теперь. Предстояло найти то главное, что составляет сущность портрета.

Я нарисовал Любу Макарову почти в той же позе, как ее увидел; это положение было органично и свойственно ей. Труднее оказалось с глазами: они были грустными, я не чувствовал в них остроты, харак-



4. **И. Д. Кричевский.** Снайпер Люба Макарова. Латвия. 1944

терной для стрелка. И вдруг в какой-то момент мне открылось то, что я искал. Это был мгновенный зоркий взгляд, полный затаенной силы, будто выглянуло глубоко спрятанное мужество, дававшее хрупкой девушке необыкновенную стойкость. И мне стали ясны истоки славных дел этой патриотки, уничтожившей свыше восьмидесяти фашистов.

Вот почему я так обрадовался вновь найденному рисунку. Сама героиня забыла о его существо-

вании, н только благодаря статье в газете ее портрет попал в книгу «Подснежник на бруствере».

Потом мы встретились с Любовью Макаровой. Мы узнали друг друга, несмотря на то, что прошло много лет и наша первая встреча в Латвии была краткой. Вспоминали многое и, конечно, говорили о случае с портретом.



5. **И. Д. Кричевский.** Без крова. Латвия. 1944

Когда вышел альбом моих фронтовых рисунков «По дорогам войны» (М., 1969), я послал экземпляр его Макаровой. В ответ я получил взволновавшее меня замечательное письмо. Между прочим, она писала: «Как хорошо, что вы, художники, писатели, поэты, живете среди нас. Благодаря творческим работникам потомки наши, как и мы, будут знать о прошлом своей родины и ее героях...»

В Польше

Зимой сорок четвертого года нашу армию спешно перебрасывали из Латвии. Нас погрузили в теплушки и долго везли куда-то по совершенно белым равнинам, мимо заснеженных лесов и селений. Выгрузили нас на маленькой незнакомой станции, которая и оказалась местом нашего назначения. И тут только мы узнали, что находимся в Польше.

Да, перед нами была страна Мицкевича и Шопена. Но какой нищей, какой разоренной выглядела

она. Нам понятны были разрушения, оставленные войной: еще свежи в памяти были сожженные и разграбленные советские села и города — такие же картины мы наблюдали повсюду, где побывали фашистские оккупанты. Но здесь было и нечто иное. Казалось, что вдруг воскресли деревни времен старой царской России. Молодые солдаты могли впервые увидеть живо-



6. **И. Д. Кричевский.** Командир стрелковой роты старший лейтенант М. Ф. Котельников. Польша. 1945

го кулака с собственной маленькой часовней, где молилась только его семья, и живых батраков, оборванных и голодных.

Наша редакция остановилась в замерзшей деревушке. Здесь мы встретили Новый, 1945-й год. Должно быть, был сильный ветер: помнится, снежные хлопья летели вдоль земли, долго не опускаясь. Росли сугробы, как невиданно белое тесто. Мы желали друг



7. И. Д. Кричевский. Варшава, 1945. Снимал опять Володя Гребнев

другу в наступающем году счастья уже близкой победы. И хотя впереди нас ждало еще немало испытаний, это был самый радостный Новый год из всех прежних, что мне приходилось встречать на фронте.

А пока на польской земле шла война. Работалось трудно. Сильные морозы, частые передвижения не способствовали рисованию с натуры. Среди рисунков того времени — портрет командира роты старшего лейтенанта Н. Ф. Котельникова и командира взвода автоматчиков старшего сержанта Сидорова.

В начале января мы дошли до Праги, предместья Варшавы. На другой стороне широкой Вислы лежала столица Польши, вернее, то, что осталось от этого когда-то красивого города. С нашего берега видны были только остовы взорванных мостов с рваными, свисавшими в воду пролетами. Они словно простирали свои железные руки из воды, взывая о помощи.

С какой радостью встретили мы весть об освобождении Варшавы!

Еще с понтонного моста, наведенного саперами, я старался разглядеть улицы города, возбуждав-

шего в наших сердцах столько сочувствия. Накануне ночью я сделал заголовок для газеты и использовал для него изображение довоенной Варшавы. Разглядывая на фотографии стройные силуэты зданий, расположенных у берегов Вислы, я пытался представить себе то, что увижу утром.

И вот я в Варшаве. Я бродил по лабиринтам заваленных улиц, среди бесконечных уродливых руин. Не было стройных красавцев домов. Вообще не было домов. Было только невообразимое смешение бетона, железа, кирпича, щебня.

Я шел, совершенно подавленный увиденным. Казалось, фантастические картины ада обрели здесь реальные очертания. Но среди развалин бродили живые люди. Они жили когда-то в этих домах, мирно трудились, растили детей...

Я не видел новой Варшавы, мне бы очень хотелось посмотреть на нее. Но когда говорят, что этот город, как феникс, родился из пепла,— для меня это не просто красивая метафора: я видел этот пепел своими глазами.

Я слышал рассказы варшавян о злодеяниях фашистов, о трагических днях восстания, о мужестве людей, отдавших свою жизнь в борьбе за родину.

Надо было возвращаться обратно в редакцию. В последний раз я взглянул на хаотические остатки города, ставшего свидетелем самых страшных человеческих трагедий и героического величия человека. Все это могло бы послужить источником для создания большого, потрясающего своей темой цикла рисунков. Для этого требовалось время. Но еще шла кровопролитная война. Наша армия снова наступала. Впереди была гитлеровская Германия.

На земле врага

Приближалась весна сорок пятого года, весна, обещавшая победу. Мы продолжали двигаться вперед. По дорогам шли бесконечные потоки людей и техники, объединенные единым стремлением.

Впереди лежала страна, вскормившая фашизм. Ее фюреры еще лелеяли призрачную надежду, что им удастся избежать возмездия. Но час расплаты приближался.

Наша армия дошла до Одера и остановилась. Перед нами простиралась широкая река, за которой притаились враги.

Редакция нашей газеты расположилась в Бад-Шефлисе. Это маленький городок в восточной Померании, в котором сохранился ряд старинных построек.

Случайно, проходя по городской площади, где возвышалось готическое здание ратуши, я стал свидетелем похорон нашего офицера. Меня очень взволновали эти похороны на чужой земле. К сожалению, занятый рисунком, я лишился возможности записать фамилию погибшего.

Остановка на Одере давала передышку для армии. Уже был март месяц, в воздухе потеплело, чувствовалось приближение полнокровной весны. Мне не сиделось на месте, хотелось вновь побывать в передовых частях, где было много материала для карандаша художника.

На участке, занимаемом 52-й гвардейской дивизией, произошло важное событие: группа воинов форсировала часть русла Одера и укрепилась на островке. Мы не знали конечной цели и возможностей этой операции. Форсирование такой широкой реки представляло огромную трудность, и горсточка воинов, обосновавшихся на виду у противника, совершила подвиг.

Очень хотелось побывать у этих героев, и мне предоставили такую возможность. Помимо всего, возникла надежда нарисовать знаменитого разведчика гв. старшего лейтенанта Н. А. Короля, о подвигах которого ходило много легенд.

Встреча с участниками форсирования Одера произвела на меня неизгладимое впечатление. Мне удалось сделать четыре рисунка, среди которых я хочу выделить портрет семнадцатилетнего храбреца — гв. младшего сержанта А. В. Титова, ушедшего добровольцем на фронт. Мне позировал и командир этой группы — гв. старший лейтенант М. П. Колобов. Скромный облик молодого патриота, позже погибшего под Берлином, оставил в моей памяти самые лучшие воспоминания.

Конечно, я осуществил свое давнее стремление познакомиться с командиром разведроты дивизии Королем. Это произошло у опушки еще голой рощи на унылом фоне только освободившихся от снега полей, за которыми протекал Одер. Мне пожал руку настоящий былинный богатырь, единоборство с которым не сулило фашистам ничего хорошего.

Труден и опасен был путь на войне у гв. старшего лейтенанта Н. А. Короля. Только его могучее здоровье помогло ему вынести многократные ранения (кажется, их было шесть). Он славился исключительной виртуозностью и решительностью в операциях по добыванию «языков». Я смотрел на героя, и мне не верилось, что этому гиганту, с лицом, на котором отразились суровые испытания войны, всего двадцать два года. Привлекали его как бы всевидящие глаза, небольшие, но очень выразительные. Казалось, что этот чело-

век прошел большую, трудную жизнь. И вдруг его мужественное лицо озарилось светлой, даже ребячьей улыбкой, которая была столь беспечна, словно со мной рядом очутился совсем другой, веселый человек.

Как я и думал, нарисовать его оказалось делом трудным. Феноменальный контраст между внешним впечатлением суровости и внутренней теплотой



8. **И. Д. Кричевский.** Юный герой переправы на Одере. Мл. сержант А. В. Титов. 1945

был столь разителен, что мне пришлось сделать несколько рисунков, пока удалось «поймать» черты замечательного разведчика.

Во время боев в Берлине, на одном из перекрестков, я оказался под огнем невидимого фашистского стрелка. Только благодаря помощи нескольких воинов мне удалось избежать смертельной опасности. Велика



9. **И. Д. Кричевский.** Командир штурмового батальона капитан С. Д. Хачатуров. 1945

была моя радость, когда оказалось, что спасителями были разведчики Короля, во главе со старшиной его роты.

Мне довелось быть в наступающем потоке войск 150-й стрелковой дивизии, которая впоследствии прославилась при штурме рейхстага. На каком-то привале я набрел на группу саперов и нарисовал ст. сержанта А. Г. Рябова. Этот рисунок близок моему сердцу. Он напоминает о прошлых днях, когда я вместе с такими же тружениками войны — саперами — провоевал немало месяцев.

Случай столкнул меня с начальником политотдела дивизии подполковником М. В. Артюховым. По его

совету я решил нарисовать командира штурмового батальона капитана С. Д. Хачатурова.

Когда я разыскал комбата, то был поражен его внешностью. Должен сказать, что таких красавцев мне редко приходилось встречать. Это был удивительно гармонично созданный человек, у которого лицо, рост и осанка находились в замечательном единстве. Естественно, что, увидев такого «натурщика», мне очень захотелось нарисовать его. Хачатуров не возражал против позирования, тем более, что этот процесс был ему знаком по довоенным временам. Но все оказалось не так просто. Батальон получил срочное боевое задание, и мне ничего не оставалось, как последовать за ним. Несколько дней я двигался с воинами Хачатурова в надежде осуществить свой замысел, но сложная обстановка наступления мешала найти подходящее время для работы.

К вечеру третьего дня, измученные, мы подошли к окраине немецкого городка, в котором уже разместился штаб дивизии. Велико было мое огорчение, когда выяснилось, что батальон опять уходит на задание. Казалось, напрасно потрачено время. Но Хачатуров показал себя человеком слова и за счет своего краткого отдыха согласился посидеть. Рисовать пришлось ночью, при трепете одинокой свечи, которая скудно освещала лицо капитана и одновременно лист моего альбома.

Усталый и удовлетворенный завершением работы, я прилег в каком-то углу и мгновенно погрузился в сон, невзирая на шум, доносившийся из соседней комнаты, где комдив генерал Шатилов распекал начальника связи.

Впереди была дорога на Берлин. Преодоление этого небольшого пути происходило в непрерывных боях.

Мне пришлось рисовать мл. лейтенанта Н. А. Тарновского, командира зенитной батареи. В начале работы все шло нормально, затем появились фашистские самолеты и стали бомбить. Тарновский продолжал позировать и одновременно командовал огнем зениток, которые успешно отогнали нападение стервятников. Мы не сочли нужным прервать работу. Это не было бравадой: пушки стояли на открытом месте, и спрятаться все равно было некуда.

В Берлине

В нашей газете шла напряженная работа. На ее страницах отражались бои, происходящие в Берлине, и печатались материалы о людях, завершавших разгром гитлеровского рейха.

Очередное задание редакции было дано троим (двум корреспондентам и мне) двадцать пятого апреля,

когда бои в Берлине достигли предельного накала и нашим воинам приходилось драться за каждый дом и даже этаж. Все это не было похоже на прежнее. Мы чувствовали, что предстоящая задача потребует особых усилий.

Нам необходимо было попасть в расположение 52-й гвардейской дивизии, но место ее действия мы знали весьма приблизительно. В поисках нужного полка мы остановились у воинов другой части, занимавших здание третьеразрядного кинотеатра. Помещение было набито отдыхавшими после боя бойцами. Поражала приподнятость их настроения, и хотя впереди еще предстояли дни напряженных и опасных схваток с врагом, всех ободряло сознание того, что война идет к концу.

В углу фойе мы застали забавную сцену: у стойки бывшего буфета стоял пожилой немец и успешно торговал каким-то лимонадом. Это общение на деловой почве вызывало немало улыбок и, по-видимому, пришлось по вкусу обеим сторонам.

Приняли нас хорошо, угостили лимонадом, мы решили собрать материал о лучших из этих бойцов. К сожалению, из-за недостатка времени я мог изобразить только одного воина, и выбор пал на парторга роты рядового К. Садова. Здесь оказалось столько замечательных лиц, что, когда рисунок, делавшийся под коллективным наблюдением присутствующих, был закончен, мне не хотелось прекращать работу. Но над нами висело задание редакции, и, попрощавшись, мы отправились в дальнейший путь по бесконечным, гремящим взрывами и выстрелами улицам Берлина.

Мы завернули в переулок, не отличавшийся от множества других. Вначале все выглядело обычно, но вскоре мы почувствовали, что попали под обстрел замаскированных огневых точек, и пытались использовать любое укрытие, чтобы продвинуться вперед. Временами мне казалось, что летящие пули заполнили собой все окружающее пространство, я ощущал их смертоносный полет вокруг своего тела.

Помню, что приткнулся к расщелине здания и увидел на другой стороне переулка опередивших меня товарищей, увертывавшихся от губительного огня.

Последнее мгновение сознания зафиксировало в моей памяти невероятный грохот, ослепительную вспышку огня и тупой удар в голову...

Я пришел в себя и, с трудом открыв засоренные глаза, пытался понять, что со мной произошло. Особенно гудела правая часть головы, как будто рядом звонил колокол. Желая подняться, я почувствовал повсеместную боль, было такое ощущение, словно меня провернули в мясорубке.

Шаг за шагом мне пришлось восстанавливать в памяти предыдущее. По-видимому, воздушной волной

разорвавшегося вблизи снаряда я был отброшен в расщелину. Я удивился, что не был проткнут находившимися вокруг острыми камнями, и только сейчас понял спасительную роль моей папки для рисования, хранившейся в вещмешке за спиной.

Конечно, тогда я не думал о результатах этого происшествия, оставившего впоследствии предательский след в моем здоровье. В этот момент меня волновали совсем другие вопросы. Мобилизовав все силы, я выполз из каменной норы и, оглядев переулок, заметил, что обстановка в нем изменилась: откуда-то появившиеся пушки уничтожили очаги сопротивления противника.

Увы, часов у меня не было, и определить, сколько прошло времени, не представлялось возможным. Беспокоила судьба товарищей. Оставалось только одно: разыскать штаб полка; таилась надежда, что там найдутся их следы. При помощи какого-то бойца мне удалось найти нужное место, оказавшееся на соседней улице. Этот отрезок пути я преодолел с большим трудом, кружилась голова, подводили ноги.

При входе в полуразвалившийся дом я нечаянно толкнул одетого в ватник человека. Неизвестный (погон на нем не было) обругал меня. При ближайшем рассмотрении это оказался знакомый еще по Латвии командир артполка 52-й гвардейской дивизии подполковник Н. И. Биганенко. Покрытый пылью, со ссадинами на лице, я был неузнаваем.

В подвале, где размещался штаб полка, шла напряженная оперативная работа, и о корреспондентах газеты ничего сообщить мне не могли. Санинструктор оказал мне помощь, и после непродолжительного отдыха я воспользовался попутным связным и направился в штаб дивизии.

Только через день, при содействии редактора дивизионной газеты капитана В. Ф. Морозова, мне удалось вернуться в редакцию.

Мое появление здесь было неожиданным. Выяснилось, что мои спутники-корреспонденты (оказавшиеся живыми и невредимыми) сообщили о моей гибели. Редактор майор Маслин, появившийся у нас несколько дней назад, мало еще знал сотрудников газеты и воспринял эту весть как обычное на войне происшествие. Но уведомленный о случившемся начальник Политотдела армии полковник Ф. Я. Лисицын очень огорчился и приказал найти мой «труп», на поиски которого выезжал в Берлин наш замечательный шофер Яша Силкин.

В те исторические дни каждый из нас делал, что мог, не время было думать о своих недомоганиях, и через день с неизменной папкой за спиной я опять отправился кочевать по горящим улицам Берлина.

Особое задание

Бои в Берлине приближались к концу. Части нашей армии вплотную подошли к рейхстагу. Радостное напряжение достигло предела, каждый солдат и командир понимал, что взятие этого последнего оплота фашистов символизирует окончательную победу над гитлеровской Германией.



10. **И. Д. Кричевский.** Корреспондент армейской газеты «Фронтовик» капитан А. И. Кузнецов. 1945

Но овладеть рейхстагом было не просто. Остатки некогда грозной фашистской армии отчаянно сопротивлялись. Здание было превращено в настоящую крепость. А война уже кончалась, и каждому хотелось дожить до победы.

И вот — свершилось. Весть о победоносном штурме рейхстага молнией облетела всю армию. Все мысли были обращены к тем, кто совершил этот славный подвиг, кто первым ворвался в рейхстаг, кто водрузил над ним победное знамя. Армия хотела знать своих героев.

Нашу газету «Фронтовик» лихорадило. Вечером, в знаменательный день этого двойного праздника (было Первое мая), меня и корреспондента газеты А. Кузнецова вызвали к редактору. Нам было поручено привезти материал из рейхстага. Задание было исключительное по своей важности и необычности.

В рейхстаге еще шли бои. Над ним развевалось Знамя Победы, а внутри уже второй день наши бойцы героически сражались с фашистами. Загнанные в подвалы рейхстага враги упорно не хотели сдаваться: численный перевес был на их стороне.

Ночью я почти не спал. Нет большей радости для художника, чем сознание того, что его работа нужна людям, что и он вносит свой посильный вклад в общее дело. Рисуя воинов, я всегда чувствовал их доброжелательность, заинтересованное отношение, даже в тяжелой обстановке боевых будней, когда мое появление с папкой в руках могло, казалось бы, вызвать лишь недоумение.

Я и прежде рисовал героев. Но это задание было самым желанным и почетным.

На рассвете мы отправились в рейхстаг. По пути уже узнали, что сегодня капитулировал берлинский гарнизон. Было второе мая.

В городе чувствовалось оживление. По разрушенным улицам под конвоем наших бойцов брели группы гитлеровцев. Стали появляться жители. Около нас остановилась легковая машина с белым флажком на радиаторе. На ее заднем сиденье полулежал раненый вражеский генерал. Шофер по-немецки просил нас указать ближайший советский госпиталь. Чудеса!

Кое-где еще раздавались редкие выстрелы. Но это уже были последние судороги. Война умирала.

И вот мы на Королевской площади (Кенигплац). Впереди было закопченное, побитое здание. Зияли пробоины в замурованных окнах, с крыши клубами валил густой дым. Исклеванный фасад был расцвечен флагами, водруженными при штурме. А на самом верху, на полуразрушенном куполе, борясь с дымом и ветром, гордо реяло Красное Знамя Победы.

Наконец, мы в рейхстаге. Вот они, герои!

К ним все эти дни были прикованы наши сердца. На их усталых, возбужденных лицах читается радость нелегкой победы. А вокруг — перевязанные бойцы, прикрытые трупы, нестерпимый запах гари.



11. М. А. Егоров (справа), И. Д. Кричевский и М. В. Кантария. Германия. 1945. Война уже кончилась. Но наша часть все еще стояла в Германии. Я получил задание сделать портреты героев взятия рейхстага для выставки. Среди других в политотдел дивизии вызвали Мелитона Кантария и Михаила Егорова, с которыми я был знаком и раньше, мне уже приходилось их рисовать. Теперь мы проводили все дни вместе, жили в гостинице в маленьком немецком городке, вместе обедали, много беседовали. Это были незабываемые дни. Тогда и был сделан этот снимок. К этому времени они уже были награждены высшими орденами, которые может дать армия,— Красного Знамени. Ровно через год после окончания войны, 9 Мая 1946-го им было присвоено звание Героев Советского Союза.

В темном помещении, освещенном лампой, знакомимся с полковником Зинченко (подразделения его полка первыми ворвались в рейхстаг), с капитаном Неустроевым, командиром героического батальона. Капитан — молодой, небольшого роста, подвижный, с решительным лицом и смелым, открытым взглядом. Да, именно таким человеком представлялся мне командир отважных.

Здесь был и замполит Неустроева, лейтенант Берест, человек необыкновенной храбрости. В качестве парламентера он вел переговоры с фашистами, засевшими в подвалах рейхстага. Он же сопровождал Егорова и Кантарию, когда те взбирались к куполу со Знаменем Победы.

С радостью обнял я своего старого товарища

капитана И. У. Матвеева, агитатора политотдела дивизии, участвовавшего также в штурме рейхстага.

Кругом было много замечательных людей. Но согласно редакционному заданию я должен был нарисовать лучшего из лучших среди солдат и младших командиров. Неустроев и Зинченко назвали старшего сержанта Сьянова.



12. **И. Д. Кричевский.** Герой Советского Союза, командир роты старший сержант И. Я. Сьянов 1945



13. М. А. Егоров позирует мне для портрета. 1945

Мы поднялись на второй этаж. Мне казалось, что я должен сразу узнать Сьянова — ведь художники считают себя физиономистами.

И вот передо мной стоит высокий воин лет под сорок, в старой солдатской шинели. Внешне самый обыкновенный. Пожалуй, если бы мне не указали на него, я бы прошел мимо. Совсем не был он похож на героя.

Я присматривался к его суровому лицу, на котором отчетливо проступали следы пережитого напряжения. Он удивленно нахмурился, а потом добродушно и немного растерянно улыбнулся, когда мы сказали, зачем пришли.

Илья Яковлевич Сьянов еще на подступах к Берлину заменил раненого командира роты и одним из первых ворвался в рейхстаг со своими бойцами, лично уничтожив около двадцати гитлеровцев.

Тогда я еще не знал, что прошедшей ночью ему доверили участвовать в переговорах с представителями фашистского командования в Берлине. А это было более чем опасно.

К сожалению, времени оставалось в обрез — нас ждали в редакции. Надо было срочно приниматься за работу. В полутемном коридоре беспрестанно сновали люди, и, чтобы нам никто не мешал, Сьянов распахнул дверь ближайшего помещения. В этой комнате рейхстага я и рисовал советского воина, который, пройдя тя-

желейший путь Великой Отечественной войны, закончил его победителем.

Потом мы простились с героями рейхстага, и я, как драгоценность, уносил с собой рисунок — простое и мужественное лицо человека, которое увидят в газетах воины всей нашей армии.

Я ушел с мыслью, что скоро вернусь сюда опять.



14. **И. Д. Кричевский.** Герой Советского Союза, командир батальона капитан С. А. Неустроев

Третье мая

Едва дождавшись рассвета, я снова направился к рейхстагу. Когда опять увидел знакомое здание, то удивился... Еще вчера здесь было безлюдно, а сегодня толпы народа заполнили изрытое пространство вокруг рейхстага. Воины, пользуясь теплым весенним днем, отдыхали, делились впечатлениями, кругом стоял шум веселых голосов. Казалось, люди собрались сюда, чтобы поклониться месту, ставшему отныне символом мужества и славы советского народа. Сколько замечательного и волнующего было в этом стихийном празднике!

Конечно, как всегда в таких торжественных случаях, появились любители фотографироваться; группами и в одиночку они позировали перед объективами на фоне рейхстага.

Бурную деятельность проявляли запоздалые кинооператоры и фотокорреспонденты, задним числом пытаясь восстановить упущенные исторические кадры. Они командовали массовкой, заставляя скромных героев снова повторять то, что уже безвозвратно ушло в прошлое. Так были сняты эпизоды штурма рейхстага и другие «документальные» кадры, впоследствии получившие большую известность *.

* Подробнее см. об этом в книге В. Субботина «Как кончаются войны» (М., 1968).

Здесь, у рейхстага, среди шумящей толпы, я нашел уголок, где можно было расположиться и начать работать. В этой своеобразной мастерской на открытом воздухе я нарисовал двух замечательных воинов — Кошкарбаева и Хабибулина.

Командир взвода Рахимжан Кошкарбаев, молодой лейтенант в кожанке, добежал до рейхстага в числе первых и укрепил над входом штурмовой флаг.

Артиллерист, сержант Николай Хабибулин сопровождал со своей пушкой наступающую пехоту и первым прямой наводкой открыл огонь по рейхстагу.

Герои позировали, стесняясь бойцов, собравшихся вокруг. Не менее смущался и я, слушая замечания зрителей по поводу моих рисунков. Но приобретенная на фронте практика помогала мне сосредоточиться и работать на людях. Признаться, в глубине души я даже был рад, что окружен таким вниманием. Но как мне было нелегко! Точность каждой линии, каждого штриха сейчас же проверялась десятками внимательных, требовательных глаз.

Я уже готовился приступить к очередному рисунку, когда появились корреспонденты нашей газеты и соблазнили меня поразительным предложением — посмот-

реть на... Геббельса. Вернее, на его труп. Мы уже знали, что он, боясь возмездия, покончил с собой, но увидеть его останки — казалось невероятным.

В помещении какой-то школы, на низком импровизированном столе лежал полуобгорелый труп того, кто многие годы был министром пропаганды Третьего рейха и отравлял ядом фашизма души своих соотечест-



15. **И. Д. Кричевский.** Советская регулировщица на площади Берлина. 8 мая 1945

венников. Его высохшее, напоминающее мумию лицо было искажено судорогой. Особенно поражала приподнятая рука с растопыренными пальцами, застывшими в цепком, хищном движении. Зрелище дополнялось находившимися в глубине комнаты трупами членов семьи Геббельса и последнего начальника штаба сухопутных войск генерала Крепса.

Получив разрешение нарисовать Геббельса, я, волнуясь, принялся за работу. Эти отпущенные мне двадцать пять минут я провел в каком-то лихорадочном состоянии. Никогда моя рука так точно не работала: я стремился предельно правдиво передать облик одного из злейших врагов нашей Родины, мне казалось, что это необходимо сделать для истории.

Трудно описать, что я тогда чувствовал. Не верилось в реальность происходящего, в то, что после всего пройденного на фронте я уцелел и сейчас рисую Геббельса, имя которого мы с ненавистью и проклятием произносили все эти годы.

Время быстро текло, дорога была каждая минута, я боялся появления новых посетителей и неожидан-

ных помех. И, как назло, открылась дверь и появился человек в сером пальто с тяжелой тростью в руке. Незнакомец мешал мне работать, бесконечно шагая вокруг Геббельса и загораживая его своей плотной спиной. Я понимал его состояние: ведь не часто случается увидеть такое зрелище. Но мне от этих соображений было не легче.

К счастью, этот человек вскоре прекратил свое круговое движение. Возможно, на него подействовали мои умоляющие взгляды, а может, он успел закончить свой осмотр. Важно было одно: неизвестный гражданин, наконец, направился к выходу и, сверкнув последний раз очками, исчез за дверью. Позже я узнал, что это был известный московский писатель Б. Горбатов.

Между тем в глубине комнаты работали наши разведчики, сюда привели в качестве свидетелей фашистского вице-адмирала Фосса и шеф-повара Имперской канцелярии Ланге. Немцы называли имена, опознавали трупы и сообщали отдельные подробности.

Наконец, рисунок был закончен. Еще раз я оглядел место, принесшее мне столько необыкновенных переживаний, и, бережно прижимая папку, вышел на улицу. А там светило солнце, такое радостное, ласковое, и этот контраст был символичен.

Два «Рейхстага»

Вчера я попал в редакцию только к вечеру и, усталый, принялся за текущую работу для очередного номера газеты. Но мысли мои все еще неслись по Берлину. Хотелось снова видеть радостные лица бойцов и рисовать без конца. К сожалению, это от меня не зависело; газета требовала ежедневного материала и без художника не могла обойтись.

И вот сегодня я опять у рейхстага. Впереди и внутри здания — невиданное скопление людей, увеличивающееся ежечасно. Все стены вестибюля покрыты надписями, для новых трудно найти место, и некоторые автографы сделаны уже высоко на карнизах большими буквами, чтобы их можно было прочесть снизу. Удивительно только, как это наши ребята ухитрились туда добраться.

Заглянул я и в подвал рейхстага. По рассказам, во время штурма там засело много фашистов, капитулировавших только утром второго мая. Подвалы, действительно, были огромными. Гигантской длины коридор напоминал улицу, по сторонам его находились помещения, где теперь разместились наши бойцы.

Уже несколько дней я бывал в рейхстаге и, конечно, очень хотел нарисовать его, но все не хватало

времени. И вот сегодня я решил во что бы то ни стало осуществить это намерение.

Почти отовсюду рейхстаг был хорошо виден, но изобразить его мне хотелось с той стороны, где проходило основное наступление. Я пошел по Королевской площади, выбирая место, и остановился около какой-то бетонной будки: с этого расстояния глаз мог охватить массив всего здания.

Здесь шли на штурм рейхстага наши воины. Путь им преграждал ров, который нужно было преодолеть под огнем фашистов. Сейчас через него был перекинут деревянный мостик, построенный нашими саперами, а прежде, как рассказывал Михаил Егоров, здесь лежала длинная труба, которую и использовали при штурме бойцы; по ней же перебрались через ров Мелитон Кантария и Михаил Егоров с завернутым в чехол знаменем.

Место выглядело мрачно: горки изрытой земли, глубокие выбоины, обрубки деревьев, какие-то полуразбитые сооружения, беспорядочно брошенные части строительных машин (прежде здесь что-то строили). Но меня волновал этот кусок вздыбленной земли с дымящимся хмурым зданием. Здесь промчался последний огненный ураган, и я рисовал теперь его недавние разрушительные следы, мысленно восстанавливая сцены минувших боев.

Мне никто не мешал. Было тихо, пустынно. Казалось, что вокруг уже веет историей и пейзаж, возникающий сейчас на чистом листе, тоже становится ее частицей, свидетельством этих неповторимых дней.

Вдруг какая-то тень легла на мой почти законченный рисунок. Я обернулся — за спиной у меня стоял полковник Зинченко в сопровождении своего связного. Оба — в солдатских ватниках. За эти дни нам приходилось неоднократно видеться и разговаривать. Очень хотелось сделать его портрет и именно при свете лампы, как я его впервые увидел в рейхстаге. Позже я так и нарисовал его.

Командир 756-го полка был небольшой, плотный человек с полным бритым лицом. Во всем его облике чувствовалась сдержанность, выработанная годами воинской службы. За ним у нас укрепилось звание коменданта рейхстага.

Мы поговорили о моем рисунке, о выбранном месте, так ему знакомом. Не желая отвлекать меня от работы, полковник попрощался и пошел к «своему» рейхстагу, где он расположился в одной из комнат нижнего этажа.

Это было четвертого мая. Когда я на другой день снова попал в Берлин, мне захотелось еще раз взглянуть на рейхстаг с того места, откуда все началось.

За рекой Шпрее, в конце улицы Мольтке, с правой ее стороны, находилось высокое темное здание бывшего министерства внутренних дел, так называемый «Дом Гиммлера». Отсюда и начался исторический штурм рейхстага воинами батальона Неустроева и Давыдова.

Улица была узкой и упиралась в канал. С левой



16. **И. Д. Кричевский.** Вид рейхстага со стороны улицы Мольтке. 5 мая 1945

стороны, напротив дома Гиммлера, стоял светлый дом с разбитым верхом и сохранившимся угловым балконом. Оба здания образовывали своего рода боковые кулисы, за которыми открывался вид на все еще дымящийся рейхстаг. Перед каналом скопилось много подбитых танков и другой техники. Уже по одному этому можно было представить себе, какие здесь происходили бои.

Я устроился на броне какой-то машины и раскрыл папку.

Солнце светило справа. «Дом Гиммлера» выглядел черным силуэтом на фоне голубого неба и отбрасывал густую тень почти на всю улицу. Может быть, поэтому светлым казался ярко освещенный рейхстаг. Его знакомые очертания с башнями по бокам из-за дальности расстояния теряли свои детали, алое знамя на куполе то вспыхивало звонким огнем, то линяло в облаках набегавшего дыма.

Пока я рисовал, появились два бронетранспортера и принялись с упорством муравьев растаскивать мертвую технику. Пейзаж менялся на глазах. Я успел нарисовать только несколько подбитых боевых машин и следы тягачей, прокладывавших свой путь среди нагромождения обломков, камней и земли. Как жаль, что я не мог вырваться сюда раньше.

Как и там, где я сделал первый рисунок, здесь было полное безлюдье, и должно быть, поэтому меня и удивила неожиданно появившаяся человеческая фигура. Я узнал в ней Василия Субботина, скромного, вихрастого юношу, корреспондента газеты 150-й дивизии, той самой, что штурмовала рейхстаг. Позже я понял, что бродил он здесь не из простого любопытства: его влекла сюда неугомонная душа писателя-очевидца, мечтавшего рассказать когда-нибудь людям об этих исторических днях.

Рисунок был закончен. Я слез с бронированного сидения, спрятал свою папку в вещевой мешок. Я был счастлив. Разминая затекшие от долгой неподвижности ноги, я вышел на освещенный солнцем берег Шпрее.

Салют Победы

Сбылась моя мечта: в редакции меня отпустили на некоторое время «в свободный полет». Это значило, что я мог располагать собой по собственному усмотрению.

Но времени все равно не хватало. Нужно было успеть зафиксировать то, что уходило безвозвратно. А кругом возникали все новые картины. Неожиданные, интересные: человеческие массы, исторические здания — все это жило не отдельно друг от друга, а в особенных, удивительных сочетаниях.

Поражали нескончаемые потоки бывших пленников, направляющихся на запад. Это была многоликая, многоголосая масса людей, облаченных в невообразимые одеяния. Женщины, дети, тележки с нищенским скарбом, в некоторые были впряжены собаки. Но несмотря ни на что, это было шествие счастливых, свободных людей. Они шли группами, с флажками своих стран, мимо Бранденбургских ворот и рейхстага и бла-

годарно улыбались советским воинам, избавившим их от фашистского рабства.

Я поселился в рейхстаге у Неустроева, среди моих новых друзей-героев. Но до койки я добирался только ночью, усталый от работы и впечатлений.

Время, проведенное там, незабываемо. Сколько замечательных людей удалось узнать! Бывало, несмот-



17. **И. Д. Кричевский.** Автопортрет. 1945. Германия, первые месяцы после войны

ря на усталость, я долго не мог заснуть и в полутьме всматривался в ряды коек, испытывая необыкновенное, возвышенное чувство любви к спящим на них воинам, имена которых уже стали почти легендарными.

Вечером седьмого мая произошло памятное событие.

Помещение, где мы находились, освещалось лампой, установленной на огромном круглом столе. Кто-то спал, кто-то тихо разговаривал, чтобы не мешать другим. Казалось, что время остановилось. Мирные часы

были неестественны. Так часто бывает в жизни: неимоверное последнее усилие осталось позади. Все преодолено. Цель достигнута. Людей еще сковывает долгая усталость. Но сама эта усталость радостна.

Вдруг на пороге появились незнакомые офицеры. Они стали шумно, с пафосом приветствовать героев рейхстага. Гости оказались московскими журналистами (Коробов из «Комсомольской правды» и корреспондент центрального радио, фамилию которого я не запомнил).

Много представителей прессы побывало в рейхстаге, и поэтому хозяева были довольно равнодушны к уже привычным для них восторженным поздравлениям. Но тут эти двое сообщили нечто такое, что заставило всех вскочить на ноги: завтра в присутствии командования союзников представители фашистской Германии подпишут акт о безоговорочной капитуляции.

Итак, война окончена! Это было подобно тому, как если бы взорвался огромный заряд радости, расплескивая кругом свою торжествующую силу. Поднялся шум. Все бросились обнимать и поздравлять друг друга. Воины, привыкшие столько лет держать оружие, использовали его в последний раз в победном салюте.

Необычен был этот салют Победы из изуродованных окон рейхстага.

Потом все уселись за большой круглый стол, который вдруг оказался удивительно нужным. На нем появились запасы еды и питья. Начались шумные тосты за Победу, за Родину, за будущую мирную жизнь.

Все понимали неповторимость этого времени, каждый день и час которого становится историей, неповторимость этой встречи.

И тут как-то сама собой возникла мысль об обмене памятными подарками. И вот, по кругу люди стали обмениваться сувенирами, которые останутся у каждого как память об этом вечере в последней цитадели фашистского рейха.

Моим соседом оказался замечательный храбрец лейтенант Берест, тот самый, что в форме полковника ходил на переговоры с фашистами. Его подарок — наручные часы — и сейчас хранится в моей семье как самая дорогая реликвия, как память о незабываемой встрече.

Потом мы долго не могли заснуть. Разговоры затихали постепенно, но усталость взяла свое, и, наконец, заснули последние.

Посреди ночи мы были неожиданно разбужены. Оказалось, что опять загорелся рейхстаг, и нашу комнату заволокло дымом. Пожар возник из-за бумаг, наваленных в большом количестве внутри здания и воспламенявшихся время от времени. Пришлось переселиться в соседний дом, на что потратили добрую часть ночи.

Восьмое мая

Моя командировка кончалась. Вечером я должен был явиться в редакцию, находившуюся в предместье Берлина.

День выдался весенний, солнечный. По небу медленно плыли легкие, словно только что нанесенные акварелью облачка. Перед рейхстагом шумел многолюдный воинский табор. Бойцы брились прямо на улице, пристроив зеркальце где-нибудь на броне танка.

Я отправился бродить по городу, высматривая наиболее характерные пейзажи. Какой-то военный, прикрепив холст к автомашине, писал этюд. Я подошел поближе: вдруг окажется знакомый. В эти дни я встретил немало людей, с которыми меня сводила судьба в разные годы войны. Мне даже стало казаться, что все фронтовые дороги вели в Берлин. Но этого человека я не знал, и, мысленно пожелав ему успешной работы, я пошел дальше.

Мое внимание уже давно привлекали Бранденбургские ворота. Я вышел на Унтер ден Линден, прямую, обсаженную липами улицу. Отсюда ворота выглядели более интересно. Разбитую бронзовую квадригу венчало красное знамя нашей Родины, подхваченное ветром и солнцем. Покалеченные снарядом кони как будто остановились над пропастью.

Сколько раз, еще в довоенные годы, видел я фотографию этого сооружения. Там оно выглядело торжественно, монументально. Может быть, пробоина в колонне нарушила впечатление или что-нибудь другое, но мне ворота совсем не казались величественными, когда я рисовал их.

Улица Унтер деи Линден своим другим концом упиралась в площадь, на которой возвышался дворец Вильгельма I. Перед зданием стоял огромный памятник этому монарху, сделанный с верноподданнической и фальшивой помпезностью. Германского императора окружал ряд аллегорических фигур, среди которых запомнилась женщина, идущая около лошади державного всадника. Монумент пострадал от обстрела, и у его подножия валялись части бронзового рыцаря; меня поразил размер его гигантской руки в перчатке.

В центре площади, на возвышении, стояла наша регулировщица. Она весело и деловито орудовала флажками. Может, это была одна из тех девушек, что когда-то под дождем и снегом показывали нам путь еще на калининских дорогах. Я смотрел на эту ладную, родную фигурку, и сердце радовалось, что вижу ее в центре Берлина. Я не мог устоять и нарисовал возникавшую передо мной картину последнего дня фронтовой жизни, дня восьмого мая.

С закатом солнца я возвращался в редакцию. Темнело. Стояла еще непривычная тишина, и вечер, напоенный ароматом молодой зелени, был удивительным.

И вдруг одна за другой начали взлетать ракеты. Цветные светящиеся фонтаны таяли в небе, оставляя за собой пышные дымные хвосты. Нарядные огоньки радостно плясали и сулили долгожданную мирную жизнь. Я не знал, откуда взялся этот веселый танец фейерверков. Может, кто-то, как и мы вчера в рейхстаге, заранее праздновал завершение войны?

Это был вечер накануне великого праздника — Дня Победы.

Кричевский Илья Давидович

Родился в 1907 г. в Чернигове. Окончил московский Вхутеин в 1930. В первый день войны ушел добровольцем на фронт. Воевал в саперных войсках (командир взвода, роты, начальник штаба батальона), работал художником армейской газеты. Демобилизован в 1946. График. Награжден орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды, медалями.

М. Володин, Н. Пономарев, С. Чураков
Спасение Дрезденской галереи

В 1975 году наша страна отметила тридцатилетие Победы над фашистской Германией, и в связи с этой датой вновь многое возникло в памяти из истории этой самой грозной, самой кровопролитной войны.

В ряду очень многих славных страниц, которые вписал наш народ в историю Великой Отечественной войны, занимает свое особое место факт спасения картин Дрезденской галереи, их хранение, реставрация и затем передача немецкому народу.

Когда в 1945 году стало известно, что американо-английская авиация в одну ночь 13 февраля уничтожила целиком город-музей Дрезден, всех взволновала судьба картин знаменитой Дрезденской галереи.

Как только войска 1-го Украинского фронта вошли в Дрезден, немедленно по приказу начальника штаба генерала армии И. Е. Петрова начался поиск картин. Через некоторое время поступил сигнал от музейного работника галереи Хеезе, который все время находился при картинах и оставался один, так как охрана сбежала.

Вот выдержка из его докладной: «...Я понимал свою задачу охранять убежище «Т» в эти критические дни и часы... Поэтому я решил как можно скорее уведомить обо всем расположенные вблизи части Красной Армии и просить их взять под свою охрану бесценные сокровища. Хеезе» *.

* Цит. по кн.: Р. и М. Зейдевиц. Дрезденская галерея. М., 1965, с. 69.

Это было 8 мая 1945 года. 10 мая в Комитете по делам искусств в Москве уже была телеграмма о том, чтобы срочно прислали бригаду специалистов, так как найдены картины Дрезденской галереи.

В ночь с 16 на 17 мая бригада вылетела для выполнения особого задания — спасения Дрезденской галереи.

Бригада состояла из пяти человек: А. С. Рототаев — руководитель бригады, С. П. Григоров — искусствовед, С. С. Чураков — художник-реставратор, М. Ф. Володин и Н. А. Пономарев — студенты-дипломники института им. Сурикова.

17 мая 1945 года самолет приземлился в Берлине на аэродроме Темпельгоф. На следующий день караулили попутные машины на перекрестке, но выехать из Берлина не удалось. Что творилось тогда в еще дымящемся



Группа, выполнявшая задание по спасению картин Дрезденской галереи. 1945. Слева направо: Григоров Сергей Павлович, искусствовед, Рототаев Александр Сергеевич, руководитель бригады; Пономарев Николай Афанасьевич, студент-дипломник, член бригады; Чураков Степан Сергеевич, реставратор; Володин Михаил Филиппович, студент-дипломник, член бригады.

Берлине! Повсюду искореженная военная техника, город лежит в руинах, масса народу движется по проделанным проходам. Можно было видеть телегу, которую везли люди и на которой несколько самодельных флажков различных стран — СССР, Франции, Польши и т. д.

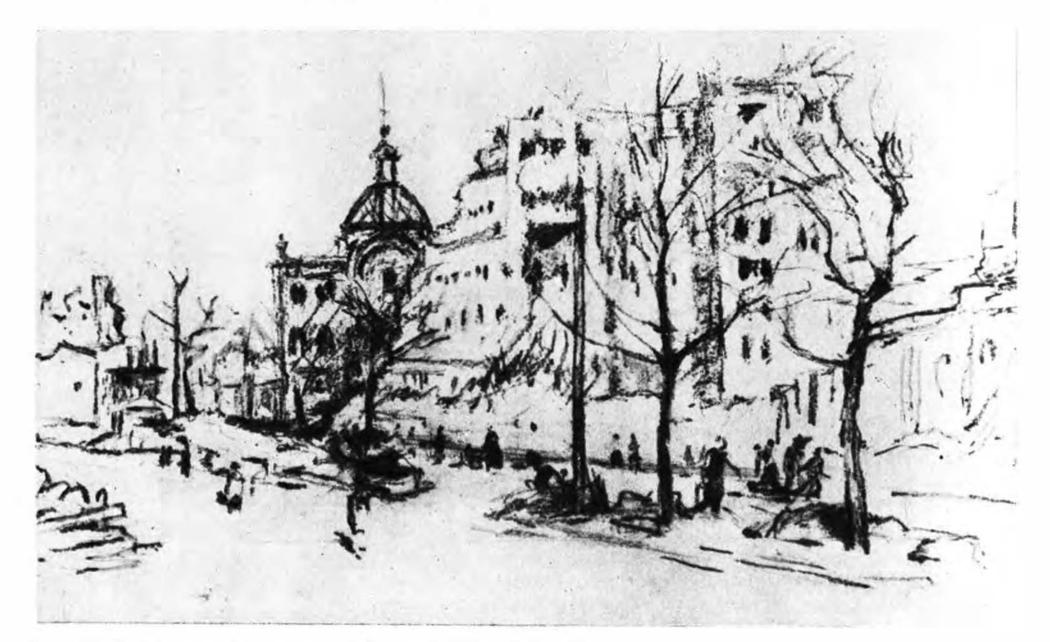
Выехать из Берлина помогли художники Студии им. Грекова. Они вывезли нас на трассу Берлин — Дрезден, где попутную машину можно было поймать проще. Когда прибыли в Дрезден, там была уже искусствовед Н. И. Соколова, прибывшая несколькими днями раньше.

Встал вопрос о помещении, куда можно было бы вывозить найденные произведения.

Великая заслуга командования 1-го Украинского фронта — маршала И. С. Конева и генерала армии И. Е. Петрова в том, что ими была отдана команда: до прибытия бригады специалистов картины не трогать, а лишь нести охрану. Затем, по прибытии бригады, на нее была возложена вся ответственность за работу по спасению.

Итак, первый вопрос, который предстояло решить бригаде — вопрос помещения. В разрушенном городе таких помещений не было, и тогда решили картины свозить в Пильниц — бывшую летнюю резиденцию саксонских королей, расположенную в 8 км от Дрездена на берегу Эльбы.

Специально оборудовав машины, с приданными



2. **М. Ф. Володин.** Разрушенный Дрезден. 1945. Город был разрушен в ночь на 13 февраля 1945 г. американо-английской авиацией.

к ним командами мы отправились за первыми картинами к тоннелю близ Гросс-Котта, по которому когда-то ходили вагоны из каменоломни. Каково же было удивление наше, когда в тоннеле мы застали Конева, Петрова и других генералов 1-го Украинского фронта, прибывших посмотреть, в каких условиях находятся картины.

Но не меньше удивились генералы, когда узнали, что мы прибыли уже с машинами и сегодня же начнем эвакуацию картин. Конев восхитился столь оперативным оборотом событий.

— Ну что ж, добро! Начинайте! — сказал он.

В тоннеле, кроме вагона на колесах, окрашенного в зеленый цвет, стояло еще деревянное сооружение длиной 32 метра, где также находились картины. Вход в тоннель закрывали железные ворота, затем тоннель был перегорожен двумя стенами, но они оставляли свободный проход, а за вагоном он замыкался уже глухой стеной.

Надо сказать, что картины не были упакованы и лишь одна находилась в ящике, который командир 164-го батальона майор В. Перевозчиков взял в расположение батальона.

Через несколько часов первые машины, тщательно охраняемые, тронулись в Пильниц. В этот раз, как и в дальнейшем, каждую из машин сопровождал кто-либо из членов нашей бригады.

Те, кто не уехал с машинами, остались ночевать в каменоломне, в домике, где жил музейный работник Хеезе. Когда ушли машины, нервное напряжение было очень велико, долго не могли уснуть, ибо мы увидели, что за произведения здесь хранятся. А это были «Автопортрет с Саскией на коленях» Рембрандта, «Дама в белом» Тициана, «Сводня» Вермеера Дельфтского, «Св. Инесса» Риберы, а также работы Ватто, Рубенса, Дюрера и многих других крупнейших художников.

Рано утром работа возобновилась, и к концу второго дня все картины из первого хранилища вывезли в Пильниц.

Из расположения 164-го батальона туда же, в Пильниц, одним из первых перевезли ящик, в котором, как предполагалось, находилась «Сикстинская мадонна» Рафаэля.

И вот наступил волнующий день 26 мая 1945 года — день, на который назначили вскрытие ящика. Когда картина была поднята, в зале наступила тишина. Да, это она, знаменитая картина Рафаэля. Сняты пилотки, фуражки. Солдаты попросили подменить и тех, кто стоял на посту, чтобы и они могли увидеть ее. Просим Н. Соколову записать всех, кто присутствовал при этом. Кроме основного состава бригады, а также Н. Соколовой и лейтенанта Л. Рабиновича, присутствовали старшина Черныш и солдаты: Шевцов, Бегун, Пашко, Остапчук, Семенов, Мурденко, Синепок, Морозов и Ливанов.

Посмотреть картину прибыл и маршал Конев, а также генералитет 1-го Украинского фронта.

Работы по обнаруживанию и спасению картин продолжались дальше. Так как нашлась лишь часть произведений, то по фронту был отдан приказ: об обнаруженных картинах сообщать в трофейное управление и в нашу бригаду. Каждый член бригады получил удостоверение, дающее широкие права, где, в частности, говорилось следующее:

«...Начальникам гарнизонов, военным комендантам городов, командирам войсковых частей, начальникам учреждений, всем военнослужащим, вне зависимости от должности и звания, оказывать тов. . . . . (указывается фамилия) всемерное содействие с тем, чтобы намеченные им к изъятию картины и др. художественные произведения были срочно упако-

ваны и без повреждений доставлены на склады по указанию тов. . . . . (указывается фамилия)».

Удостоверения, выданные 10 июня 1945 года, подписали начальник тыла 1-го Украинского фронта генерал-лейтенант Анисимов и заместитель начальника штаба подполковник Еськов.



3. **М. Ф. Володин.** Вход в тоннель. 1945. Тоннель в каменоломню, где находились картины Дрезденской галереи (в том числе «Сикстниская мадонна» Рафаэля), обнаруженные первыми. На рисунке видна вытяжка, которая должна была обеспечивать вентиляцию хранилища, но она не работала из-за отсутствия тока.

Стали поступать сигналы об обнаруженных произведениях, и нашей бригаде пришлось много выезжать, таких выездов было около сотни. И вот второе хранилище обнаружено — недалеко от чехословацкой границы, в шахте Покау-Лангефельд. Его указали немецкие рабочие-коммунисты.

Здесь картины оказались в особо тяжелых условиях: помещение — отсек в шахте — было забито досками, никто не наблюдал за картинами, не было никакой вентиляции, и картины покрылись плесенью. Красочный слой у многих начинал отставать, позолота рам остава-

лась на руках. Тут пришлось поработать С. Чуракову, который еще в Москве вооружился всем необходимым.

Сразу же на месте делались профилактические наклейки, чтобы при транспортировке краска не осыпалась. Большого труда стоило поднять картины из шахты, так как подъемное устройство не работало. Поднимали с помощью лебедки. Когда проверяли, выдержит



4. **М. Ф. Володин.** Картины в тоннеле. 1945. На рисунке видны картины в специальном деревянном сооружении внутри тоннеля.

ли ржавый трос, в ящике находился С. Чураков. Убедившись на этом опыте, что трос выдержит, подняли все картины.

На поверхности немецкие шахтеры показали незапертый сарайчик. В нем кроме многих пустых рам от картин Дрезденской галереи оказалась «Вирсавия» Рубенса. Судьба этого величайшего произведения живописи зависела от любой случайности. Краска во многих местах, особенно на лице, набухла от сырости и могла отвалиться в любую минуту. С. Чураков укрепил красочный слой, и эта картина вместе с другими благополучно прибыла в Пильниц.

В Пильницком дворце пришлось закрыть все окна, ставни, двери, чтобы не было движения воздуха, и картины могли медленно высыхать — отдыхать, после того, что им пришлось пережить. Если бы они оставались в шахте даже еще совсем немного времени, спасти

их уже не удалось бы. Только через месяц, и то после захода солнца, когда наступила прохлада, первый раз открыли во дворце некоторые окна и дали доступ свежему воздуху. К этому времени плесень с картин удалили, они окрепли, и стало возможно видеть, что же на них изображено. После проветривания сделали дополнительные укрепляющие наклейки.

В Музее скульптуры, здание которого было основательно разрушено во время бомбардировок, обнаружили 23 рамы от самых больших картин Дрезденской галереи. По этикеткам на рамах узнали, что это за произведения. Это «Триумф Амфитриты» Тьеполо, «Жертвоприношение» Рембрандта, картины Корреджо, Рубенса и др. Но где находятся сами картины? Долгое время напасть на их след не удавалось, несмотря на многочисленные выезды по сигналам об обнаруженных произведениях. В поиск включились части всего фронта. И вот однажды сообщают, что в городе Мейсене, всемирно знаменитом своей фабрикой фарфора, найдены картины в соборе замка. Проверить сигнал из Мейсена было поручено С. Григорову и М. Володину. Какова же была наша радость, когда мы увидели перед собой прославленные произведения! Тут же стали оказывать им первую помощь.

Транспортировка этих картин происходила с большими трудностями, так как картины Корреджо были большого размера и написаны на досках. Машины с картинами не проходили в ворота замка, и их надо было проносить на руках; затем не прошли они и под арку разрушенного моста, и опять пришлось их снимать и нести на руках, и снова грузить на машины, а затем, они не вошли в вагоны, и их везли на открытых платформах, а чтобы защитить от дождей, дважды — один раз на узкой, другой раз на широкой колее — делали для них специальные сооружения. Но об этом потом.

Картин прибавлялось. Для их охраны в Пильниц были присланы в помощь пограничники. На второй же день они задержали двух немцев со списком диверсионной группы в 54 человека, местом явки диверсантов оказался также Пильниц. Кроме того, пограничники обнаружили склад оружия, находившийся в Пильнице. Тревога за судьбу картин возросла. На берегу Эльбы были установлены пожарные помпы. Самые знаменитые полотна поместили в зал, из которого выходило много дверей. Никому не разрешалось отлучаться, несмотря на то, что работа шла от зари до зари и без выходных дней.

За ходом наших работ особенно пристально следил начальник штаба 1-го Украинского фронта генерал армии Петров. Редкий день он не заглядывал к нам, хо-

тя бы ненадолго, чтобы узнать, как идут дела, в чем трудности, что найдено нового, что ценное еще не обнаружено. Нас все время волновала судьба таких прославленных картин, как «Пир в Канне» и «Поклонение волхвов» Веронезе. Они обнаружились потом, когда наш эшелон уже ушел в Москву. Но, к счастью, эти картины Веронезе были накатаны на вал и таким образом сохранились.

Весть о найденных картинах широко распространялась, и к нам в Пильниц приезжало много народу. Офицеры, солдаты, корреспонденты, писатели, художники хотели видеть, что найдено. Но нам было не до приемов «гостей», ибо мы, как уже говорилось, работали без выходных. С другой стороны, как отказать и не дать посмотреть хотя бы несколько работ — так просили и посетители.

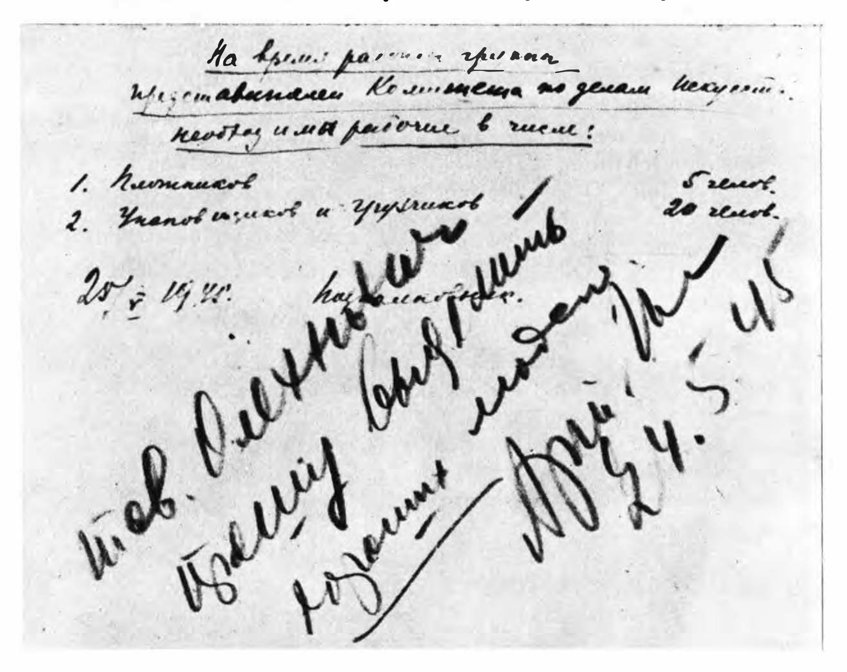
Тогда в одном из залов была сделана небольшая экспозиция картин и объяснения давали те из нас, кто в это время почему-либо находился в Пильнице.

Даже солдаты из батальона В. Перевозчикова, работавшие с нами с первых дней и проникшиеся величайшим уважением к тому, что они спасали, могли давать элементарные пояснения, ибо изучили выставленные картины и знали их авторов и сюжеты. Самыми употребляемыми словами стали: «осторожно», «как можно осторожней», «не ставьте», «не дотрагиваться» и т. д. Ни одна машина с картинами, как уже говорилось, не шла, чтобы кроме солдат и офицера от Перевозчикова ее не сопровождал кто-то из нашей бригады. Мы понимали, и это передавалось солдатам, офицерам, шоферам, какую огромную ответственность мы несем за порученное дело и не только перед командованием, не только перед нашей страной, но — это не будет преувеличением — перед человечеством. Ведь одно неверное действие, один неверный шаг, и гибель шедевров неминуема.

Следующее хранилище — замок Вейзенштейн — доставило немало хлопот. Дело в том, что в этом замке кроме картин хранилось и собрание графического кабинета Дрезденской галереи. Машины не могли заходить во двор замка из-за узких ворот, носить же из замка с 4-го и 5-го этажей и через весь двор было далеко. Одна машина даже нашей командой солдат загружалась бы слишком долго, а срочность работы этого не позволяла, хотя солдаты были у нас очень хорошие. У С. Чуракова и сейчас хранится документ от 24 мая 1945 года, где на нашу заявку людей наложена резолюция: «Прошу выделить хороших людей. 24/V—1945 г. Подполковник...» (подпись неразборчива).

Подполковник понимал, сколь велика миссия, которую придется выполнять солдатам, и указал выделить «хороших людей».

Так вот, встала задача — как быть? Дополнительно солдат выделить не могли, их не хватало, слишком много забот легло на плечи нашей армии в Германии. Тогда было решено обратиться за помощью к населению через местные комитеты, которые уже создавались. В первый день прибыли женщины и девушки. Мужчины — все «под метелку» взяты в армию. Смотрят на



На время работы группы
представителям Комитета по делам искусств
необходимы рабочие в числе:

1. Плотников 5 челов.
2. Упаковщиков и грузчиков 20 челов.

5. Документ, выданный группе. Из него видно, какое внимание уделялось командованием спасению картин. Подпись, к сожалению, неразборчива.

нас с большой опаской. Но, узнав, для чего они приглашены, почувствовав к себе хорошее отношение, с охотой взялись за дело. В конце работы, зная, как им трудно с питанием, выдаем по бутылке вина и полбуханки хлеба, а также консервы. На другой день пришло уже больше. Несмотря на помощь, работа длилась больше двух недель. Здесь среди картин было три портрета Веласкеса, произведения Пуссена, Латура, Дега и др. Немецкое население так привыкло к нам, что когда работа заканчивалась, искренне взгрустнули. Оказалось, что во всех семьях есть убитые и пропавшие без вести, и они не скрывали своей ненависти к войне, к фюреру. Их очень удивляли товарищески простые отношения наших офицеров с солдатами и особенно, что офицеры работают больше солдат.

Следующее хранилище было в поместье Ба́рниц.

Там, в двухэтажном каменном доме, на обоих этажах очень плотно, без упаковки стояли картины Дрезденской галереи. Хозяин дома исчез, и хозяйничал там чех, который работал у него как военнопленный. Здесь картины едва не погибли. Артиллерийский снаряд прошел в верхнем этаже через обе стены навылет, едва не задев картины, засыпав их пылью, и оставил в стене большие пробоины, откуда свободно проникали ветер, дождь и сырость.

Кроме картин надо было принимать меры и по спасению коллекции фарфора и скульптуры. В помощь из Москвы прибыли директор Кусковского музея Б. Алексеев и реставратор И. Петров. На короткий срок были вызваны М. Доброклонский из Ленинградского Эрмитажа и из Москвы В. Блаватский, специалист по скульптуре. Блаватский едва не погиб — в него стреляли, но, к счастью, пуля пробила лишь погон.

Много работы нашлось для всех, но особенно для С. Григорова. Он обязан был в любой момент знать, что найдено, что еще надо искать. Поиск продолжался все время. Тогда мы еще не знали о гибели целого фургона с картинами — он попал под бомбежку на пути к хранилищу. Списка не сохранилось; как мы узнали потом, погибло сто девяносто семь картин и среди них такой шедевр, как «Каменотесы» Курбе.

Пильниц уже наполнен. Как быть дальше? И в Москву поехал Н. Пономарев с письмом к М. Б. Храпченко. В письме А. Рототаев, в частности, писал и следующее:

«Хочу сообщить, что сейчас складывается весьма тревожное положение. Дело в том, что все произведения живописи, собранные в Пильнице, находятся, с точки зрения музейной сохранности, в неблагоприятных условиях: здесь стоит очень жаркая погода. Картины, привезенные из сырых подвалов и шахт, запрятанные туда фашистами, сразу попадают в весьма сухое помещение. Мы принимаем все меры, возможные в наших условиях: закрываем днем окна, ставни, двери, проветриваем помещение ночью, когда жара несколько спадает, но всего этого явно недостаточно. Самое большое беспокойство вызывает вообще сохранность этих шедевров мирового искусства. Еще имеются случаи, когда оставшиеся в тылу у нашей армии фашисты организуют диверсии, взрывы, поджоги. И несмотря на круглосуточную военную охрану Пильница, чувство тревоги не покидает всех нас. Мы убеждены, что сейчас настало время, чтобы срочно решить вопрос об окончании наших работ, об отправке произведений искусства в Москву...
5 июня 1945 г.».

Через неделю пришло в Пильниц распоряжение о вывозе Дрезденской галереи в СССР.

Перед бригадой встали три серьезных вопроса: атрибуция и упаковка произведений, а также транспортировка их в СССР.

В условиях послевоенной Германии упаковать такое огромное количество работ было делом трудным, но командование 1-го Украинского фронта приняло все необходимые меры к поиску упаковочного материала, затребованного нашей бригадой. Изготовили в большом количестве ящики по данным нами размерам. У бригады сложилась особенно тяжелая обстановка, если учесть, что еще продолжался поиск картин, а также то, что кроме картин предстояло упаковать в полуразрушенном здании девять платформ античной скульптуры, отбор которой произвел В. Блаватский.

Поиски картин продолжались. Мы в то время не могли знать, что часть картин была взята из Дрезденской галереи в частное пользование руководством нацистской партии, а списки произведений с указанием их местонахождения сгорели 13 февраля 1945 года. Не знали мы и того, что от немецких бомб погибли картины Дрезденской галереи в немецком посольстве в Варшаве, а также на квартире у немецкого посла в Югославии.

Не знали мы также, что самая большая картина Дрезденской галереи «Семейная встреча в Нойхаузе 24 мая 1737 года», принадлежавшая кисти Луи де Сильвестра и имевшая размер 4,97 х 6,74 м, сгорела в здании галереи, так как ее не сняли. Вместе с картиной сгорел вал, находившийся возле нее, на который картина должна была быть накатана.

В подвалах собора в Мейсене нашли ящики с работами малых голландцев.

Продолжая поиск, начали упаковку.

Очень сложно было со скульптурой — тут пришлось иметь дело с большими тяжестями, и это не просто вес, а это величайшие произведения искусства. Требовалось вести работы с особой осторожностью: здание разрушено, часть скульптуры в глубоких подвалах, подъезд к зданию перекрыт огромной баррикадой.

Солдат не хватало. Нам помогали бывшие советские военнопленные, способные к труду. Всего работало 100 человек. Нужны были подъемные краны, и здесь надо с особой благодарностью вспомнить командира саперного подразделения майора В. Грабовского. Он своими солдатами и механизмами очень помог. Также хочется отметить добрыми словами благодарности майора Курганова, полковников Трофимова и Офицерова и генералов Кальченко, Харчистова, Осетрова и др.

Дело дошло до курьеза — из местной тюрьмы пришлось взять арестованных фашистов для разборки баррикады; говорили так: «По их указанию строили баррикаду, так пусть сами поработают на разборке».

Для упаковки картин кроме ящиков из сухого материала нужно было большое количество клеенки, байки, бумаги и т. д. Отбор работ шел по принципу значимости произведения и необходимости реставрации.

Так, например, из числящихся 50 Рубенсов (его школы и сомнительных) было отобрано 14, из 62 работ Ваувермана отобрано 12, из 20 полотен художника



6. **М. Ф. Володин.** Упаковка картин. 1945. Идет упаковка картин для отправки в Москву. Видна картина Рубенса «Богиня Победы венчает Победителя».

Доу — 8 и т. д. Большие картины были сняты с подрамников и накатаны на валы.

Предоставленные 28 железнодорожных вагонов и платформ нуждались в ремонте, который проделали саперы 1-го Украинского фронта.

Упаковка, погрузка окончены.

31 июля 1945 года наш эшелон, сопровождаемый специальной охраной, отошел от платформы Дрездена.

За продвижение нашего литерного состава отвечал специально прибывший полковник железнодорожных войск. Но, учитывая обстановку, наша бригада установила из своих членов круглосуточное дежурство — еще было очень неспокойно. Первое время все шло хорошо. По немецкой земле впереди шел контрольный паровоз.

Но когда уже были в Польше, вдруг обнаружилось, что в вагоне, где как раз была «Сикстинская мадонна», испорчена шейка оси и вагон необходимо отце-

пить. На это мы пойти не могли. К счастью, недалеко от этой станции стояла наша воинская часть, которая и произвела необходимый ремонт.

В одном месте готовилось крушение нашего эшелона. Ночью на рельсы был положен скат колес от вагонетки. Благодаря бдительности машиниста крушения не произошло.

Подозрительно задерживался эшелон на одной из станций, которую пришлось закрыть, пока не пропустят наш состав.

Так добрались до станции Развадово, где нас ожидали новые неприятности.

На этой станции предстояла перегрузка с узкой колеи на широкую. Вагоны, которые нам дали, были разбиты не меньше, чем в Дрездене. Железнодорожное начальство заявило, что дать лучших оно не может — их просто нет. Но, имея уже опыт, мы «на всякий случай» захватили с собой тес, толь, гвозди и инструменты. Два напряженных дня шла ремонтная работа силами нашей охраны и нашей бригады. Ремонт и перегрузка закончены, снова на платформах сооружены предохраняющие навесы над большими картинами, и мы облегченно вздыхаем, когда поезд пересекает нашу границу. Мы на родной советской земле.

Очень волнующий день 10 августа 1945 года. Наш эшелон прибыл в Москву. На вокзале встречали представители Комитета по делам искусств, родственники.

Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина уже готов к принятию ценного груза. Руководитель музея, скульптор С. Д. Меркуров, главный реставратор музея, народный художник РСФСР П. Д. Корин с сотрудниками музея принимали от нас все доставленное, ящик за ящиком. Все были в восторге от упаковки, благодаря которой все шедевры прекрасно перенесли путешествие в Москву, где они попали в музейные условия и где в течение десяти лет была проделана огромная работа по их реставрации. Эту работу под руководством П. Д. Корина выполнял большой коллектив реставраторов.

В 1955 году в Музее им. А. С. Пушкина открылась прощальная выставка, так как по решению Советского правительства все спасенные произведения искусств Дрезденской галереи передавались Германской Демократической Республике.

Сейчас, когда здание галереи восстановлено и произведения искусства вновь находятся в залах Цвингера, которые посещаются гражданами многих стран мира, — мы с гордостью можем сказать, что эти сокровища спас советский народ.

Володин Михаил Филиппович

Родился в 1912 г. в Тульской области. С 1938 — студент Московского художественного института. В первые дни войны с 4-го курса института ушел добровольцем на фронт. В октябре 1941 попал в окружение. Вышел из окружения. 1942—1945 — продолжал учебу в институте, эвакуированном в Самарканд. В 1945 участвовал в спасении картин Дрезденской галереи. Живописец. Одна из его работ последнего времени — картина «Спасение картин Дрезденской галереи». Награжден медалями.

Пономарев Николай Афанасьевич

Родился в 1918 г. в г. Шахты. С 1933 по 1939 учился в Художественном училище в Ростове-на-Дону. В 1940—1950 — студент Московского художественного института. В 1945 участвовал в спасении картин Дрезденской галереи. График. Лауреат Государственной премии СССР и премии Дж.Неру. Народный художник СССР, профессор. Действительный член Академии художеств СССР. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. Председатель правления СХ СССР.

Чураков Степан Сергеевич

Родился в 1909 г. в Воронежской области. Окончил Московский кустарно-художественный техникум. С 1929 работал в ГМИИ им. Пушкина и учился реставрации у П. Д. Корина. В 1943 — 1945 работал в Новосибирске по сохранению эвакуированных музейных фондов. Участник спасения картин Дрезденской галереи (1945) и возвращения их в ГДР (1956). Художник-реставратор. Заслуженный художник РСФСР. Награжден орденом ГДР «За заслуги перед Отечеством». Почетный гражданин г. Дрездена.

Л. Гутман
Пора тревог и гнева*

Возвращаясь в августе 1945 года из Берлина в Москву, я не однажды испытывал странное ощущение, будто бы все повторяется снова. Вагонное окно воспринималось как экран, на котором демонстрировался ранее виденный фильм, только в обратном порядке — от последних кадров к начальным, от окрестностей Берлина до подступов к Москве. С жадностью всматривался в уже вспаханные поля. Радовался, завидев новые избы. Но местами встречались наспех прибранные пепелища, спаленные деревья, постройки в черных и коричневых оспинах-заплатах. В окне-экране мелькали следы еще не залеченных ран и неизбывных потерь: эпизоды, детали недавнего прошлого, иногда как будто незначительные, но и за ними угадывалось и значительное. Вероятно, вспоминая свое, каждый чувствовал нечто подобное.

Это ощущение сохраняет свою силу и теперь, когда я мысленно обращаюсь к событиям более чем тридцатилетней давности, с той только разницей, что за прошедшие годы в памяти запечатлелись размышления, имена и факты порой вне прямой связи друг с другом, но всегда относящиеся к правде тех времен, к событиям, тогда пережитым.

Жарким летом сорок первого года шестеро выпускников московской школы № 110 в Столовом переулке ушли добровольцами на фронт. Юра Дивильковский, Игорь Купцов и другой Игорь — Бакушевский, Гриша Родин, венгр Габор Рааб — пятеро погибших в боях, и еще Даниэль Митлянский, единственный из шестерых вернувшийся с войны и впоследствии ставший скульптором.

Часто вспоминая своих друзей, скульптор отчетливо представлял себе облик каждого,но стремился найти в их образах общее — судьбу поколения.

В 1968 году на Всесоюзной выставке, посвященной 50-летию ВЛКСМ, экспонировалась работа Д. Ю. Митлянского под названием «Реквием 41-го». Учительница, воспитавшая скульптора и пятерых героев его нового произведения, привела на выставку старшеклассников 60-х годов. По инициативе ребят начались хлопоты об установлении памятника во дворе школы.

* Публикуется впервые. Написано в 1977 г.

Отлитые в бронзе, нестареющие ровесники ныне живущих стоят возле школы. На постаменте — мемориальная доска с перечислением около ста фамилий учителей и воспитанников школы, погибших на фронтах Отечественной войны.

Глубоко закономерно, что искусство, в частности изобразительное, стало выразительной и доходчивой формой памяти о войне и ее героях. Не только в случаях прямого обращения к военной теме. Искусство во всех его видах и проявлениях вобрало в себя тот духовный опыт, нравственный и эстетический, который накопила и пробудила в народе война.

В этом смысле, помня настоящее, насущное, искусство постоянно возвращается к минувшему, непрестанно обогащая духовную культуру народа.

Если искусство послевоенных десятилетий обобщает опыт минувших событий, то фронтовое искусство первоначально собирало и накапливало его, с вытекающей отсюда спецификой образов.

Пример тому.

...Наши части двигались по стыку двух областей: Курской и Орловской, и, выйдя на оперативные просторы северной Украины и пограничной восточной Белоруссии (Гомельской области), рвались к Днепру.

У Днепра, на привале, молодой пехотный лейтенант с чуть пробивающимися светлыми усиками-пушком, совсем еще юноша, но уже с утомленными глазами, достав из планшетки плоскую коробку с акварелью и кисточки, придвинул жестянку с водой и, разложив перед собой аккуратно нарезанные восьмушками листки ватмана, начал рисовать...

Акварель, должно быть, не вполне удовлетворила лейтенанта — впечатление было гораздо сильнее и острее изображенного. И тогда, наклеив законченную акварель на картон, под изображением он написал:

«За что?

Я видел это.

Эту «картину» мне пришлось видеть в деревне Болдино Орловской области.

При продвижении часть гв. полковника Голубева М. М. увидела ужасные следы отступления немцев. У крайнего дома деревни лежала убитая немцами семья.

Мне не удалось узнать, кто были эти: старушка лет 60, с синими подтеками под глазами; вероятно, ее дочь лет 27, лежавшая в луже собственной крови, и грудной ребенок с разможженным черепом; но запомнил их я, кажется, на всю жизнь.

Проходя мимо, бойцы и офицеры части Голубева, скрежеща зубами, шептали: За что? — Они поклялись жестоко отомстить...

Сейчас мне представилась возможность запечатленное воспроизвести в акварели.

Я это видел своими глазами.

Пусть видят все!

Лейтенант Белоусов Г. З.»

И все увидели то, что видел лейтенант Белоусов. Если даже лейтенанту и не удалось передать увиденное достаточно выразительно художественными средствами, то подпись как-то восполнила этот пробел. Прочтя ее, каждый, кто шел дорогами войны, задавал один и тот же вопрос: «За что?», вспоминая при этом подобные «картины», встретившиеся на его пути.

Ведь каждый фронтовой рисунок и сегодня говорит с нами и действует на нас прежде всего тем, что изображает виденное художником, виденное и пережитое... И подобно белоусовской акварели неустанно повторяет — за что?..

Эпизод-изорепортаж — маленькая картинка из прифронтовой действительности. Несколько необычная для распространенного представления о батальном жанре. Но в ней заключается психологическая правда большой войны. Взволнованная правда, часто трудно различимая, но присущая каждому фронтовому изображению. Пусть иной раз пластически несовершенному. Часто дополненному строкой-другой лапидарного текста.

К фронтовым работам нельзя подходить с обычными и для нас привычными эстетическими мерками. Только разглядев в них зерно, волновавшее воина и подымавшее его на героический подвиг, мы по достоинству можем оценить работу, в военной обстановке мобилизовавшую боевые и гражданские чувства бойца.

В такой правде и кроется зерно эмоционального воздействия. Оно неизменно помогало и посейчас помогает художнику находить образное обобщение увиденного глазами и пережитого сердцем. Оно и для послевоенного зрителя является ключом к наиболее полному раскрытию и верному пониманию фронтового произведения, будь то законченная композиция или незавершенный набросок.

Запомнилось. После форсирования Днепра я как-то оказался возле указателя с крупно начертанной надписью: «Осовино». Вдали, в стороне от указателя, силуэтом просматривался большой лесной массив. Поодаль от него, и тоже силуэтом, виднелись движущиеся фигурки, казавшиеся прерывавшейся волнистой лентой, видимо, тянувшейся к тропе с указателем. Как в сотнях других населенных пунктов — и об этом уже были наслышаны жители деревни Осовино — фашисты, отступая, жгли избы с хозяйственными пристройками и общественные строения.



1. Первая Арка Победы в Берлине.
Она была сооружена на центральной магистрали, ведшей к рейхстагу, еще до падения гитлеровской столицы. Автор проекта — московский художник Б. С. Висков, входивший в состав художников 1-го Белорусского фронта.

С пригорочка, к которому вел указатель, угадывалась еще недавно широкая улица с разбросанными по обе ее стороны жилыми крестьянскими дворами, а на самом пригорочке чудом уцелел деревянный крест, украшенный развевающимся по ветру домотканым полотенцем, искусно расшитым народным белорусским орнаментом. В его крестовину было врезано изображение на евангельский сюжет. Как не сожгли, не сбили креста? Как не содрали полотенце падкие до подобных сувениров гитлеровские вояки? Вероятнее всего, в поспешно вынужденном отступлении просто не успели.

К пригорочку почти одновременно со мной подходили и скрывавшиеся в ближнем лесу местные жи-

тели. Более других выделялась старуха с иссушенным лицом и глубоко запавшими глазами. Боязливо опустив головку, за ней устало плелась девчурка. Бабушка и внучка... Приближаясь, бабушка распрямилась, шагнула к кресту. Быстрым взглядом окинув ближние догоравшие избы, пала на колени...

— По-ка-рай, боже,— раздельно произнесла она,— по-ка-рай не-мец-ких из-вер-гов за наши слезы!

Тут мое внимание привлек солдат, стоявший в стороне и будто рисовавший. Направился было к нему. Но в этот момент старая женщина поднялась с колен, солдат быстро подошел к ней, и я следом за ним. В его руках увидел зарисовку только что происходившего. На листе прочитал: «Покарай, боже, немецких извергов за наши слезы». И еще ниже, несколько мельче: «Жительница дер. Осовино Пелагея Кочирова 72 лет с внучкой», а сбоку инициалы: «Б. В».

Рисовавший солдат назвался Висковым, Борисом Семеновичем, московским художником, с которым нам еще доведется встречаться. (И не раз. Но это будет позднее — сначала в Польше, через Политуправление фронта он был зачислен в личный состав группы художников 1-го Белорусского фронта, освобождавшего Польшу, а потом — в Берлине.)

Именно в таких эпизодах проявлялась публицистическая активность всех видов и жанров искусства и литературы, появлявшихся непосредственно в действующей армии.

Частный и единичный, на первый взгляд, эпизод многое говорил и посейчас говорит советскому человеку, прошедшему дорогами войны и повидавшему всякое на этом пути. Особенно, если он ярко выражает сущность общих чувств и помыслов, как в случае с осовинской бабушкой.

Быть может, самое тяжелое время войны — осень 1941 года. В боях под Москвой, даже отступая, люди не теряли веры в победу. Группе гвардейцев-минометчиков было приказано направиться в длительную разведку по глубоким тылам врага. Преодолевая все опасности, разведчики задание выполнили. Это позволило не только укрепиться на заранее выбранных позициях, но и подготовиться к предстоящим наступательным боям. Аркадий Поздняков, с которым и потом мне доводилось встречаться на Висле и в Берлине, сделал портретные зарисовки с отважных разведчиков. Миновала тяжелая осень. Снегом запорошило дороги. Шли бои. В апреле 1942 года художник послал свои карандашные портреты разведчиков в

редакцию газеты «На разгром врага», а 17 мая два из них были опубликованы и сопровождены следующим текстом: «Сегодняшний номер газеты мы иллюстрируем рисунками красноармейцев и младших командиров. Приятно видеть здесь, что и в трудных условиях войны у бойцов не иссякает творческая энергия. Ведь в этом факте, в этих рисунках, присланных с передовых позиций,— еще одно подтверждение высокого морального состояния Красной Армии.

Бойцы-военкоры, художники, поэты — не только с оружием в руках защищали от фашистских мракобесов нашу культуру, но и творчеством своим утверждают ее.

Начинаем с рисунков красноармейца-гвардейца А. Позднякова...»

Фронтовые зарисовки, наброски, этюды, сохраняющие «дыхание войны» по сей день и волновавшие фронтовиков в те дни, составляют изобразительную летопись, созданную самими участниками военных событий. Ничего удивительного нет в том, что листы этой летописи особенно привлекали к себе внимание участников изображенных летописцами событий, находивших в них ответ на собственные мысли и чувства.

Массовый героизм был проявлен при форсировании Днепра, где десяткам советских воинов было присвоено высокое звание — Героя Советского Союза. В районе Радуля, который заняли части 51-й армии, на правый берег переправилась армейская агитмашина с группой художников, воспользовавшихся уцелевшими временными понтонными средствами. Еще продолжались бои, на том берегу ликвидировались последние очаги фашистских укреплений. Отыскав сравнительно просторный и хорошо сохранившийся вражеский окоп, теперь освещенный движком нашей агитмашины, мы развернули в нем своеобразное ателье. Связавшись с политотделом, попросили присылать сюда людей, особо отличившихся при форсировании Днепра. Вскоре в большом селе Пушкари, где находился Дом Красной Армии, показали первую передвижную художественную выставку, затем экспонировавшуюся во многих частях и соединениях армии. Кроме работ нашей группы фронтовых художников, она включала произведения профессиональных художников и любителей, служивших в этих частях.

Среди экспонатов были портретные зарисовки и этюды маслом москвичей А. И. Елагина, Г. В. Кибардина, А. Д. Черкасова. Каждое изображение, сделанное на днепровском плацдарме, сопровождалось короткой аннотацией. Например: «Акиров А. З. гв. мл. лейтенант, при форсировании Днепра командовал разведротой, под сильным огнем противника переправился на правый берег реки и обеспечил переправу всему полку».

Мне довелось принимать непосредственное участие в создании и проведении нескольких фронтовых выставок. Это, само собой разумеется, привело к общению с фронтовыми зрителями-воинами. Среди них были поморы и жители южных степей, донбасские шахтеры и узбекские хлопкоробы, прибалты, волжане и сибиряки. Неоднократно поражало единодушие этой широкой аудитории в оценке важности работы художников на фронте, в заинтересованном восприятии созданных произведений. Вот только два из множества отзывов, зафиксированных в «Книге впечатлений» на выставке, показанной и проведенной в Мелитополе, в период подготовки знаменитой Перекопской операции на Сиваше у Турецкого вала (4-й Украинский фронт).

«Выставку посетила группа офицеров, сержантов и рядовых в количестве 14 человек, прошедших с боями от самого Сталинграда до Днепра и Перекопа. Выставку смотрели перед уходом на боевое задание. Славный путь вдохновил нас на новые бои.

Гв. майор Таконов, л-т Сапожников».

«...С большим интересом рассматривала оборону славного города Сталинграда, при защите которого погиб мой брат.

Также здесь встретила портрет героя-командира, которого я увидела первым при освобождении моего родного села. И здесь, на бумаге, он такой же смелый и веселый, этот боевой командир.

Выставка произвела на меня очень большое впечатление.

Ученица подготовительных курсов Звягинцева».

Самые разные «жанры» фронтовой работы художников объединяет одно. Произведения каждого «жанра», наподобие указателей, расставленных по фронтовым дорогам четвертого года войны, всей силой убеждения художника нацеливали воина на Берлин. Поэтому с полным правом можно сказать, что, пройдя дорогами войны, спустя сорок месяцев после ее начала, художник в одном строю с боевыми солдатами и командирами вступил в пределы «неприступной» и преступной фашистской Германии.



2. Герой Советского Союза М. Л. Гуревич (1904—1943)
Из письма, написанного Гуревичем 14 октября 1943 г., за три дня до героической гибели:
«Дзинь, дзинь»,— это пули; «Оуэк»,— гражданка мина; «Ввиэг»,— это разрывной. Вот Вам небольшое предисловие к письму. Все это меня окружает и звучит вокруг. Уже три дня не умывался. Проползти до болотной воды нужно метров 60, а этот участок простреливается всеми видами огня, в частности, снайпером. Но все же ночью мы добыли воды, я умылся и решил в таком виде Вам написать на трофейной бумаге...»

Арон Ржезников (1898—1943), выполняя обязанности одного из номеров артиллерийского орудия в районе Сталинграда, на предложение начальства перевести его в штаб ответил рапортом с просьбой оставить при орудии, объясняя, что художник на войне может быть либо военным художником переднего края, либо непосредственным участником боевых действий наравне с остальными. Другого места нет у художника на войне, нет и быть не может.



3. Герой Советского Союза А. П. Голубовский (1907—1944) Правительственный указ о присвоении ему высокого звания был получен в части, когда его уже не было в живых. Он погиб при форсировании Одера, уже в звании майора, и похоронен на берегу форсированной его группой реки. На остававшейся в части фотографии, где он снят еще в капитанских погонах, в память о нем пририсована Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Вспоминается и горячность политрука, московского художника Владимира Фирсова (1904—1941), с карандашом и походным альбомом в руках выбежавшего из блиндажа (под Севастополем), чтобы зарисовать разрывы мин; он был убит наповал тут же, вторым снарядом.

Алексей Петрович Голубовский (1907—1944) и Михаил Львович Гуревич (1904—1943) связаны не только общностью ратной судьбы: оба героически погибли на поле боя. Их сближает и неудержимая страсть к искусству, по-разному проснувшаяся еще в ранние годы жизни.

Раннее детство одного протекало в Днепропетровске, другого — в Тбилиси. Проходя по улицам города, сын главного днепропетровского архитектора в каждом здании угадывал чертежи, проекты и рисунки своего отца, виденные на рабочем столе в родительском доме. С детских лет за внешними линиями архитектурных форм Алексей Голубовский научился «читать» реальную жизнь. Михаил Гуревич, бродя по улицам солнечного кавказского города, полюбил высокие горы со снежными вершинами на далеком горизонте, шумный и многоголосый разноязыкий говор, яркие звезды в бездонном черном небе. Полюбил эту многоликую красоту еще раньше, чем увидел ее воплощение в произведениях искусства. Он любил рисовать, но, влюбленный в окружающую действительность, никогда серьезно не думал о профессии художника, тогда как Алексей Голубовский, влюбленный в творения искусства, в театр, в высокие идеалы французских энциклопедистов и классиков литературы, — по ним учился распознавать жизнь.

В начале 20-х годов оба оказались в Москве. Один, Алексей Голубовский, заканчивает здесь единую трудовую школу, другой уже учился в техническом вузе. И оба, каждый как мог и как умел, сочетали свои занятия с работой. Старший из них, Михаил Гуревич, оставил институт, став тискальщиком в одной из московских типографий. Младший, продолжая учиться, внешкольные часы проводил ежедневно в клубной декорационной мастерской, помогая художнику оформлять текущий спектакль. Когда комсомольской организации типографии были предоставлены четыре путевки в художественный вуз, одну из них (по разверстке — на керамический факультет) получил тискальщик Гуревич, впоследствии добившийся перевода на живописный факультет. Позднее, закончив трудовую школу, и Голубовский был принят на театрально-декорационное отделение живописного факультета того же Вхутемаса. Оба любили Маяковского и мечтали своим искусством служить революции. И оба, выйдя на профессиональный путь художника, учились искусству у жизни.

Михаил Гуревич был убежден, что в постоянном участии художника в жизни, в его активном вмешательстве во все ее проявления, в неутомимых открытиях нового, преобразующего действительность, — единственный источник языка современного искусства. И словно боясь отстать от жизни, он ищет нового человека в полях, на индустриальных стройках в городах. Он участвует в первых арктических экспедициях как художник (рисовал, писал и выпускал веселую стенную газету), одновременно, наравне с другими членами экспедиции, принимая участие во всех авральных работах дальнего похода.

Алексей Голубовский понял, что театр издавна стал демократической школой жизни, а революционная действительность превратила его в доступную массам всенародную школу жизни. Задача художника театра — сделать ясным и максимально понятным зрителю сценический язык и классических постановок, и современных драматических произведений. Он работает в московских театрах, потом ездит с периферийными коллективами по сибирским городам, став впоследствии главным художником татарского театра в Симферополе.

Война застала Голубовского в Симферополе, в первые же дни он был призван в армию. Михаил Гуревич из Москвы едет в Смоленск (город, в котором он родился), затем в Тбилиси, где ему, как и в райвоенкомате Москвы, предлагают терпеливо ждать, пока дойдет до него очередь. Но и тут он боится отстать от жизни и договаривается о работе в редакции одной из фронтовых газет. Он все же убежден, что художнику на войне нужно карандаш сменить на другое оружие. С ним в редакции ежедневной красноармейской газеты работали еще два художника-москвича: В. Фомичев и В. Высоцкий. Они рассказывают, что Мише никогда на месте не сиделось: он и рисовал, и выступал как литературный сотрудник своей газеты. Мне кажется, что один такой газетный столбец и характеризует самого автора, и объясняет его внезапную поездку в Москву, чтобы, наконец, добиться желаемого. Он назвал свою корреспонденцию «Сильные духом» («Боевой натиск», 4 марта 1942 года). Опуская начало и самый конец, привожу главное:

«...Навстречу шли раненые — кто сам, кто с помощью товарищей! Не могу забыть двух раненых, встреченных нами. Один моряк, помкомвзвода разведчиков, которого за день до этого я зарисовал пляшущим веселый танец под гармонь, полз по дороге спокойно и беззвучно, на четвереньках. На вопрос, что с ним, — он рассказал, что в первом же бою пулеметной очередью ему прострелило ноги и он, отказавшись от помощи санитаров, пополз сам. Сильный духом, целеустремленный, волевой боец никогда не исчезнет из памяти.

Второй раненый, замполитрука Сапцов, шел и пел песню, стараясь пересилить боль и подбодрить окружающих. Мы остановились и пожали ему руку. Великая гордость за наших людей поднялась в нашем сердце...»

Таким же сильным духом окажется в бою и сам Гуревич. Выбравшись в Москву, он действительно добился направления в артиллерийскую школу.

Приняв взвод «сорокапяток» (45-миллиметровых пушек), Михаил Львович Гуревич в начале 1943 года прибыл в действующую армию на Южный фронт. Весной он сражается на Воронежском, а осенью, несколько дней пробыв в Москве, в составе войск Кали-

нинского фронта движется к границам родной Смоленщины, еще оккупированной врагом. Здесь молодой офицер, ведя авангардные бои, своим взводом обеспечивая продвижение всему соединению, особенно отличился в трех боевых схватках...

Под селами Тарасово и Шалай 13 сентября 1943 года была поставлена задача — прорвать оборону неприятеля или задержать его до подхода основных ударных сил. Выполняя приказ, командир взвода лично «уничтожил три станковых пулемета противника, четыре дзота, зажег два склада с боеприпасами и уничтожил до 40 гитлеровцев». Через день, уже под деревней Кошелево, «при внезапной контратаке противника быстро развернул пушки своего взвода и прямой наводкой в упор стал расстреливать контратакующего противника...»

Контратака была отбита.

Но решающий бой происходит 17 сентября... Наступает наиболее напряженный момент: один за другим падают люди, и командир фактически остается один на месте целого взвода. В упор из пушки он расстреливает фашистов, а когда кончились снаряды, перебегает к другому орудию, продолжая и из него вести огонь по рвущемуся в атаку врагу. Когда и тут иссякли все снаряды, Михаил Гуревич, один из всего взвода уцелевший, к этому времени уже получивший седьмое ранение и истекающий кровью, «стал уничтожать наседавших фашистов гранатами и огнем своего автомата, при этом уничтожил 2 станковых, 1 ручной пулемет и до 80 гитлеровцев, и в этом неравном бою героически пал смертью храбрых».

Художник Михаил Львович Гуревич посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза (указом от 4 июня 1944 года)*.

** Здесь и далее сведения о Героях Советского Союза приведены по материалам Архива Министерства обороны СССР. Картотека Героев Советского Союза.*

Алексей Голубовский принимал участие в боях с июля 1941. В конце октября был впервые ранен на Перекопе. В декабре вторично ранен под Таганрогом. Позднее получил еще два боевых ранения: на Дону в октябре 1942 и на Днестре в мае 1944. Батальон Голубовского в дивизии славился мастерством форсирования водных рубежей. 1 августа 1944 года при форсировании Вислы батальон Голубовского шел впереди. Комбат Голубовский, разъяснив конкретные задачи каждой группе своих бойцов, повел их на штурм водного препятствия. Противник открыл ураганный заградительный огонь и одновременно, предпринимая один за другим массированные налеты, бомбил с воздуха переправу. Пренебрегая опасностью, комбат с головной группой штурмови-

ков на различных подручных средствах и на надувных лодках проводил поставленную перед ним боевую задачу. Непрекращающийся артогонь противника прижал было батальон к острову и, казалось, полностью сковал его. Однако опытный командир и тут нашел верное и смелое решение. Он возглавил роту штурмовиков и под ливнем пулеметного огня выбил противника из первой линии обороны и в образовавшуюся брешь пустил роту автоматчиков, которая зашла противнику в тыл... Внезапным ударом выбив фашистов и со второй линии обороны, группа Голубовского создала условия для переправы другим подразделениям полка.

Так сражался советский художник, коммунист, волевой и храбрый офицер Алексей Голубовский. Указ о присвоении ему звания Героя Советского Союза пришел, когда бойцы Голубовского подходили к последним опорным точкам противника на ближних дорогах к Берлину, но их комбата уже не было с ними. Гвардии майор Алексей Петрович Голубовский был смертельно ранен в боях за переправу на Одере. У этого последнего водного рубежа, взятого гвардейцами его полка, он и был похоронен..

...В первый же день войны орудие Алексея Александровича Тяпушкина заняло боевой рубеж. Два месяца спустя, защищая Николаев, дважды был ранен. Снова занять свое место в боевом строю ему довелось только в феврале 1943. Стал командиром орудия артиллерийского полка, входившего в состав стрелковой дивизии, награжденной орденом Суворова.

14 января 1945 при прорыве обороны противника огнем его орудия были подавлены 3 пулеметных точки и 2 дзота противника. В тот же день в районе Ксверув-Нов прямой наводкой он уничтожил противотанковую пушку и подбил штурмовое орудие. Первым ворвался в село Бялобжеги. Танки со свастикой открыли ураганный огонь. Восемь из них внезапным маневром атаковали его справа. «Сержант Тяпушкин, развернув орудие, сам стал у панорамы и в упор расстреливал танки, с дистанции 200 м». Два танка были подбиты, а остальные повернули назад. Ожесточившийся противник решил обмануть отважного артиллериста и через две-три минуты бросил в бой одновременно 5 штурмовых орудий с левого фланга и 3 бронетранспортера с правого фланга

Разгадав замысел противника, Тяпушкин и тут вышел победителем: открыл огонь по врагу и первым же снарядом поджег одно, затем и второе самоходное орудие, уничтожил бронетранспортер с экипажем, заставив остальных в панике бежать. Грудь художника украсила Золотая Звезда...

В завершение хотелось бы привести некоторые факты из судьбы Никиты Фаворского, сына Владимира Андреевича Фаворского.

Устроители последней прижизненной выставки произведений В. А. Фаворского, уже больного, прикованного к постели, обратились к художнику с несколькими вопросами, чтобы ответами мастера открыть каталог его выставки. Человек обязательный и требовательный к себе, обдумав предложенные вопросы, очевидно, обобщив некоторые из них, 15 июля 1964 года он продиктовал:

«Когда тебе предъявляют анкету, и первый вопрос в ней, что ты хотел в своем искусстве выразить и на кого повлиять, и с какой целью обратился к своему искусству, — этот вопрос застает неожиданно. Искусство у меня началось с другого. Я начал рисовать, потому что рисовала мать, а она рисовала потому, что дед был художником. Дед и мать были художниками, таким образом создалась художественная линия в семье. Я воспринимал рисование как приятное занятие, не собирался кого-либо поучать или вести за собой, — конечно, в будущем, когда стану взрослым»*.

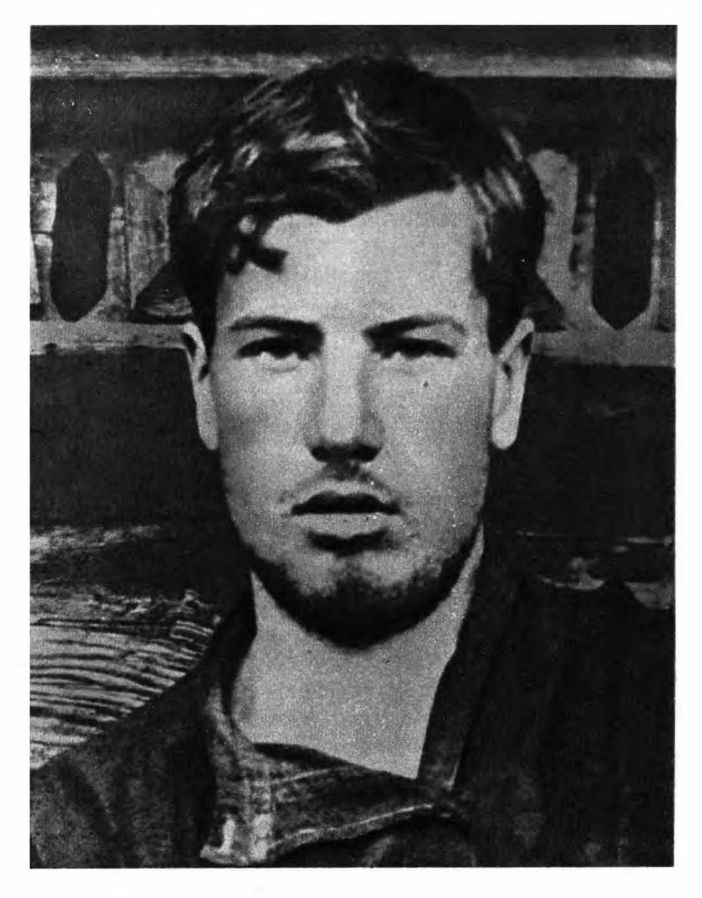
** Цит. по каталогу: Владимир Андреевич Фаворский. М., 1964, с. 3.*

Н. В. Фаворский мог бы то же самое сказать о себе. Разве только добавив еще, что и со стороны матери, Марии Владимировны, также художницы, среди ее родни была целая плеяда художников: дед, бабушка (урожденная Симонович, в замужестве Дервиз) и сестры бабушки (кстати, кузины Валентина Александровича Серова). Таким образом, как бы вдвойне утвердилась названная Владимиром Андреевичем «художественная линия в семье». Со стороны отца это были Шервуды — архитекторы и скульпторы, писавшие маслом и владевшие карандашным рисунком.

Всю свою жизнь Никита, его младший брат Ваня (оба брата впоследствии погибли на фронтах Великой Отечественной войны) и сестра Машенька, поныне работающая художница, следуя примеру родителей, поддерживали не только родственные, а и самые тесные дружеские и профессиональные связи с Шервудами и Дервиз-Симоновичами.

При рождении первенца отец находился в действующей армии на фронте первой мировой войны; затем служил в Красной Армии (1919—1921), участвовал в гражданской войне.

Мать Никиты, Мария Владимировна, унаследовав со стороны своей бабушки и некоторые педагогические навыки Симоновичей, вела дневник с развернутыми записями о развитии сына. В них отмечается, что Никита взял в руку карандаш еще раньше, чем встал на ноги и заговорил. Подрастая, он, как и отец в свое время, протестовал, когда ему говорили, что он будет художником. А двенадцатилетним мальчиком в автобиографии, напи-

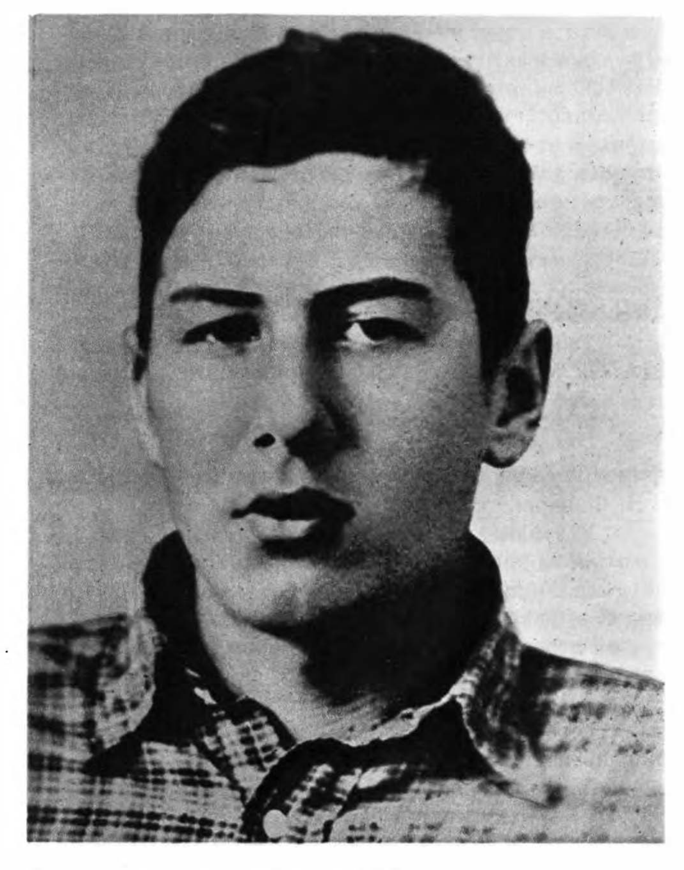


5. Н. В. Фаворский (1915—1941)

санной по классному заданию, рассказывает: «...Я с детства любил рисовать. Обыкновенно я выпрашивал у бабушки (Дервиз. — *Л. Г.*) лист бумаги, садился за бабушкин круглый стол, который очень интересно вертелся, вроде тех стульев, на которые садятся, когда играют на рояле, и начинал, очень крепко нажимая карандаш, рисовать так, что на бабушкином столе выдавливалось все, что я рисовал. Рисовал я больше всего войну, а если и рисовал не войну, то непременно на картине изображал солдат...»*. Автор этого школьного сочинения стал

* *Дневниковые записи М. В. Фаворской и школьные сочинения Никиты Фаворского хранятся в семье Фаворских (Москва).*

художником. В 1934 он впервые экспонировал свои работы на выставке начинающих молодых, а к концу 1930-х годов он уже сделал заметные успехи в искусстве — и в области рисунка, и в гравюре, и в жанре монументальной живописи, и в книжной графике.



6. И. В. Фаворский (1924—1945)

По болезни не подлежа призыву, молодой художник обивал пороги военкомата и других учреждений, просил направить его на фронт рядовым, потому что большинство его товарищей и сверстников уже ушли на фронт.

В суровые летние дни 1941 года Никита Владимирович Фаворский стал солдатом. Он ушел добровольцем, участвовал в боях под Москвой и пропал без вести.

В 1947 году, уже после гибели Никиты, художница Нина Яковлевна Симонович-Ефимова со свойственными ей правдивостью и живостью написала литературный этюд — воспоминание о последней встрече с Никитой Фаворским.

«До сих пор, вот уже шесть лет, помню его счастливую, светлую улыбку, с которой он прощался с нами, уходя на войну (он уходил по своей воле, и Судьбе угодно было, чтобы он пока не вернулся).

Никита подошел ко мне около нашего садика, у входной двери в дом, протянул весело руку, я посмотре-

ла на него, и вдруг увидела поразительное лицо. Солнце, близкое к заходу, освещало с неожиданной стороны, из-за северного угла дома, верхнюю часть его лица клином, играло в глазах, таких светлых и веселых, и ласковых, что я открыла рот от изумления. На губах была веселая и добрая улыбка, точно он жалел всех, кто остается, кто не идет воевать. И юмор был в этой улыбке — как сверкают в бокале шампанского пузырики, веселыми струями лиясь вверх 〈...〉 Бесконечное счастье, бесконечное веселье было в этой улыбке, вырвавшейся на свободу молодой жизни.

Такие картины не забываются, живи хоть еще 70 лет после того человека»*. В записи Н. Я. Симонович-

* *Цит. по кн.: Иван Ефимов. Об искусстве и художниках. М., 1977, с. 254.*

Ефимовой доподлинно раскрывается внутренний облик Н. В. Фаворского до его отъезда на фронт.

Углубляя, дополняет его и фронтовое письмо сына в ответ на полученные им письма отца: «16 сентября 1941 года. Милый папа, будь здоров ты и все наши. Я живу благополучно. Твои оба письма я получил, даже и то, что с неверным адресом. Ты спрашиваешь, удовлетворен ли я? Пожалуй, что да. Я не знаю, что б я делал сейчас в Москве. Мне кажется, что время сейчас слишком суровое, чтобы делать такое приятное и тонкое дело, как наше искусство. Я, конечно, говорю о себе, так как то, что ты делаешь, всегда найдет себе место и в настоящее время. Я, конечно, чувствую себя убежавшим от искусства. Но я вижу новые для меня вещи, получаю новые впечатления, много работаю. Думаю, что мне будет на пользу и как художнику»*.

* *Письма хранятся в семье Фаворских (Москва).*

Тяжелые — куда там тяжелее — времена!

Не забыть их никому, кто пережил эту горестную пору; не забыть их и тем, кому довелось лишь услышать рассказы участников и очевидцев.

Гутман Лев Иосифович

Родился в 1898 г. в Латвии. Учился на философском факультете Московского университета и в Московском литературном институте. Во время войны выполнял ряд культурно-просветительных заданий Политуправлений фронта и армии как искусствовед — на Центральном, 4-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. Искусствовед. Автор статей и книг по вопросам русского и советского искусства, а также книг для детей и юношества. Награжден орденом Красной Звезды и медалями.

Приложение 1

Хроника художественной жизни Москвы 1941—1945

Составитель
В. А. Юматов

Хроника художественной жизни Москвы 1941—1945*

Газета «Советское искусство» 1941 год

29 июня:

Издательство «Искусство» выпустило пять плакатов Кукрыниксов, Н. Долгорукова, А. Кокорекина на тему вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз. Над плакатами для издательства работают около пятидесяти художников.

27 июня, в 4 часа дня на Кузнецком мосту были вывешены первые «Окна ТАСС». «Окно ТАСС» № 1 — «Взял фашист маршрут на Прут...», выполнено М. Черемныхом. Для работы над «Окнами ТАСС» созданы бригады художников и поэтов; художники: Н. Денисовский (бригадир), М. Черемных и Г. Савицкий, Н. Христенко, А. Бубнов, А. Радаков, П. Мальков и др.

6 июля:

3 июля в МОССХ «с небывалым подъемом прошел многолюдный митинг». «Союз художников столицы послал большую группу бойцов для пополнения народного ополчения. Среди них А. Ржезников, Н. Устинов, И. Пастернак, И. Евстигнеев, Н. Лукашин, И. Слоним, А. Телятников, А. Березовский и многие другие».

24 июня вечером состоялось первое объединенное собрание художников и писателей, посвященное задачам совместной работы.

«Оргкомитет Союза советских художников и Наркомат Военно-Морского Флота создали бригаду художников для работы над патриотическими плакатами и лубками на военно-морские темы». В нее вошли: И. Титов (бригадир), С. Боим, С. Вишневецкая, К. Дорохов, Г. Нисский, Б. Пророков, Ф. Решетников, Я. Ромас, Л. Сойфертис, В. Фирсов, В. Штраних и другие.

* Хроника составлена по материалам газет «Советское искусство» и «Литература и искусство». Газета «Советское искусство» выходила еженедельно по октябрь 1941 г. С 1 января 1942 г по ноябрь 1944 г. вместо «Литературной газеты» и «Советского искусства» выпускалась объединенная газета «Литература и искусство» С 14 ноября 1944 г. возобновлен выпуск газеты «Советское искусство». Эти газеты являются единственными специальными периодическими изданиями, освещавшими художественную жизнь Москвы военных лет. Тексты газет воспроизводятся с сокращениями и незначительными стилистическими изменениями. Кроме того, после хроники событий каждого года даются примечания, в которых помещены сведения о наиболее значительных статьях и выставках военных лет, не упомянутых в названных газетах. Данные о последних приведены по книге П. К. Суздалева «Советское искусство периода Великой Отечественной войны»

«Издательство «Искусство» наметило выпуск репродукций произведений, посвященных подвигам участников Отечественной войны советского народа, <...> в виде настенных картин и открыток».

13 июля:

«В кратчайшие сроки осваиваются новые для большинства художников активные и массовые формы живописи — панно, лубок. Панно Г. Савицкого «Атака Красной конницы» уже в одной из зеркальных витрин Кузнецкого моста».

«На открывающейся большой антифашистской выставке в Музее Революции будут показаны лучшие работы советских художников, созданные в последние дни», в том числе: «Кавалерийский бой» Г. Савицкого, «Крестьяне задержали диверсанта» С. Герасимова, «Эпизод морского боя» Г. Нисского и В. Штраниха, «Мать провожает сына» П. Соколова-Скаля и «Боевой эпизод» П. Малькова.

31 июля:

При Оргкомитете Союза советских художников созданы бригады скульпторов, работающие над агитационной пластикой и объемным плакатом. В их состав вошли: С. Лебедева, Н. Зеленская, З. Иванова, Г. Кепинов и другие.

7 августа:

«В 6 залах Музея Революции развернута выставка «Борьба русского народа против немецких захватчиков от Александра Невского до наших дней».

21 августа:

Сообщается, что в Музее нового западного искусства 24 августа открывается выставка антифашистской карикатуры. В экспозиции представлены офорты К. Кольвиц, рисунки Г. Гросса, фотомонтажи Хартфильда и другие работы. Три зала отведено «Окнам ТАСС».

4 сентября:

«В 1 декаде сентября ГМИИ им. Пушкина организует выставку графики «Героическое прошлое русского народа», где будет показано свыше 300 экспонатов рисунка, гравюры, лубка, исполненных до гражданской войны (включительно)». Среди авторов, представленных в экспозиции,— Д. Доу, И. Теребенев, В. Маяковский, Д. Моор.

2 октября:

Начало работу жюри выставки «Великая Отечественная война».

16 октября:

«Художественное товарищество «Советский график» ведет работу по обслуживанию фронтовой печати». На фронте действует походная цинкография «Советского графика».

Этикетки для пищевых концентратов, посылаемых в Действующую армию, выполняют Кукрыниксы; тексты С. Маршака.

Газета «Литература и искусство» 1942 год

1 января:

«В залах Московского товарищества художников (МТХ) только что закрылась выставка живописи, скульптуры и графики «Великая Отечественная война», где экспонировались произведения Д. Налбандяна, А. Кутателадзе, В. Яковлева, С. Рянгиной, О. Яновской, Г. Нисского и В. Штраниха, К. Вялова, Н. Ражина, Н. Максимова, Н. Глущенко, А. Фонвизина, Р. Гершаника и других авторов.

13 января:

1 января в залах МТХ начала работу выставка живописи, графики и скульптуры «Пейзаж нашей Родины»;

«Выставку «Отечественная война» открыла ГТГ в фойе Государственного московского музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко».

19 января:

Опубликована заметка П. Соколова-Скаля, рассказывающая о создании «Окон ТАСС»; «коллектив художников «Окон ТАСС» работает в три смены».

Опубликован очерк В. Яковлева о его поездке по освобожденному Подмосковью.

«7 января состоялась беседа художников Москвы с председателем Всесоюзного комитета по делам искусств М. Б. Храпченко на тему: «Задачи изобразительного искусства в дни Великой Отечественной войны». Решено издать серию альбомов с репродукциями произведений, отражающих события войны. Первый из них — «Москва героическая». «Художникам будут предоставлены сейчас все возможности для зарисовок в Москве и в городах, освобожденных от гитлеровских захватчиков».

26 января:

Опубликован очерк П. Соколова-Скаля о поездках по освобожденному Подмосковью.



1. Красная площадь. Парад войск 7 ноября 1941 г.

Выпущен второй том воспоминаний М. В. Нестерова «Давние дни» в издательстве ГТГ.

1 февраля:

«В помещении МТХ открывается выставка живописи и скульптуры. Будут представлены произведения Кончаловского, Куприна, П. Кузнецова, Дейнеки, Пименова, Бруни, Осмеркина, Машкова, Фонвизина, Королева, Зеленского и других».

«На днях в залах Исторического музея открывается выставка лучших «Окон ТАСС», выпущенных в последнее время».

3 февраля:

Опубликованы: очерк П. Малькова «Правдивое свидетельство» (поездка в Истру); очерк П. Шухмина «Враги» (поездка в Калугу).

Скончался Б. Н. Терновец, искусствовед, директор Государственного музея нового западного искусства.

«Музей Революции СССР готовит выставку «Героический путь Красной Армии в Великой Отечественной войне с немецкими фашистами». Будут представлены фоторепродукции и копии с картин советских художников, а также зарисовки художников, ездивших на фронт».

«В театре Ленсовета открыта выставка, организованная ГТГ. Выставка состоит из произведений С. Ге-



2. Добровольцы отправляются на сборный пункт. Июнь 1941

расимова, Кончаловского, Струнникова, Пшеничникова, Яновской и других».

8 февраля:

Опубликован очерк А. Бубнова «На поле Бородинском»; статья Г. Савицкого «Заметки баталиста».

14 февраля:

Опубликован очерк В. Мешкова о поездке в Клин «Героический пейзаж». *(Воспроизводится в настоящем издании.)*

28 февраля:

«В выставочном зале Всекохудожника открылась выставка эскизов панорамы и диорам «Штурм Перекопа» (художники — Б. Иогансон, Г. Савицкий, П. Соколов-Скаля, Г. Горелов, А. Куликов, В. Сварог и другие) и эскиза-макета панорамы «Оборона Царицына» (художник Н. Котов)».

«К 24-й годовщине Красной Армии и Военно-Морского Флота военное издательство Наркомата Обороны выпустило плакаты, картины, открытки, лубки, исполненные московскими художниками П. Соколовым-Скаля, В. Яковлевым, А. Бубновым, К. Финогеновым, Б. Ефимовым, Н. Долгоруковым, Вик. Ивановым,

Л. Бродаты, В. Горяевым, Гордоном, К. Купецио, К. Вяловым и другими».

8 марта:

В Оргкомитете ССХ состоялось собрание, посвященное памяти В. А. Серова, в связи с 30-летием со дня смерти. С воспоминаниями выступили Н. Я. Симонович-Ефимова и К. Ф. Юон.

14 марта:

Опубликована заметка Н. Денисовского, в которой рассказывается о новых формах массовой агитации. Коллектив «Окон ТАСС» разрабатывает проект «свето-окон». На специальном дневном экране при помощи проекционных установок будет демонстрироваться «Газета ТАСС». «Намечен также выпуск свето-бюллетеня ТАСС — «Последние известия»», куда войдут фотографии, сообщения Совинформбюро, «Окна ТАСС» и другая информация. Предполагается смонтировать установки на улицах и в парках Москвы. Идет совместная работа с «Союзмультфильмом» «по превращению «Окон» в движущуюся картину».

В помещении станции метро «Охотный ряд» открылась выставка плакатов Ю. Пименова, В. Васильева, Ф. Кондратьева, А. Бубнова и других.

В Оргкомитете ССХ состоялся доклад И. Лазаревского «Художник войны В. В. Верещагин».

21 марта:

18 марта состоялся пленум Оргкомитета ССХ, где выступили М. Манизер, М. Храпченко, Н. Котов, К. Юон, Н. Радлов и другие.

22 марта в Историческом музее открывается большая выставка «Окон ТАСС», созданных с начала войны. Представлено около 200 плакатов П. Соколова-Скаля, Кукрыниксов, М. Черемныха, Н. Радлова, П. Шухмина, А. Радакова, В. Горяева, С. Костина, Г. Савицкого, Ю. Пименова, В. Васильева, В. Айвазян, А. Дейнеки, А. Кокорекина и других. В экспозицию включены два «Окна РОСТА» В. Маяковского и работы экспериментальной группы «Свето-окна ТАСС».

Художник Ю. Пименов оформил спектакль «Давным-давно» в театре Ленсовета.

4 апреля:

«Серию плакатов В. Иванова и О. Буровой, посвященных великим русским полководцам, выпускает издательство «Искусство».

15 апреля:

Государственная премия I степени присуждена художникам Кукрыниксам за политические плакаты и карикатуры.

18 апреля:

«ГМИИ им. Пушкина готовит выставку «Фронтовой юмор», которая покажет плакаты, карикатуры, сатирические рисунки, созданные художниками, работающими во фронтовых журналах и газетах».

25 апреля:

«Выставку зарисовок, этюдов и эскизов, исполненных художниками во время поездок на фронты, подготавливает МОССХ. На выставке будут участвовать П. Соколов-Скаля, П. Шухмин, В. Яковлев, А. Дейнека, Г. Нисский, К. Финогенов, В. Журавлев, Л. Бруни и другие».

16 мая:

В части Действующей армии направляются 16 передвижных выставок политического плаката. «Каждая выставка содержит 35 «Окон ТАСС».

«16 мая открывается выставка рисунков, акварелей, плакатов, созданных московскими художниками за 10 месяцев войны».

23 мая:

Сообщается, что коллектив художников: А. Черномордик, Г. Житомирский, Б. Ефимов, Ю. Ганф — участвует в выпуске агитжурнала для немецких солдат «Фронт иллюстрирте».

30 мая:

Вновь открывается восстановленный музей-усадьба «Ясная Поляна».

«500-е «Окно ТАСС» выходит в Москве в ближайшие дни».

6 июня:

«За выдающиеся заслуги в области искусства и в связи с 80-летием» М. В. Нестеров награжден орденом Трудового Красного Знамени. Ему присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

Сообщается, что в октябре 1941 года на могиле Л. В. Собинова на Новодевичьем кладбище был установлен памятник белого мрамора работы В. Мухиной.

Опубликована статья П. П. Соколова-Скаля «В походе с гвардейцами». (*Воспроизводится в настоящем издании*).



3. Ополченцы перед отправкой на фронт во дворе Московского института инженеров транспорта. 1941

13 июня:

«Коллектив работников редакции «Окон ТАСС» выпустил свето-бюллетень «Последние известия ТАСС», демонстрирующийся автоматическими проекционными установками на дневные экраны». Каждый номер бюллетеня состоит из 30—40 цветных кадров, отпечатанных на студии «Диафильм», и включает разделы: «Сообщения Совинформбюро», «По Советскому Союзу», «За рубежом», «Московская хроника», «Юмор и сати-



4. На защиту Родины. 1941

ра». Специально для бюллетеня будут выполнены рисунки; «фотоснимки и рисунки раскрашиваются от руки бригадой художников». Регулярный выпуск бюллетеня начался с 10 июня; аппаратура установлена в 10 точках — парках, клубах, госпиталях.

20 июня:

В галереях Петровского пассажа открылся павильон МТХ, где выставлены произведения П. Соколова-Скаля, В. Бакшеева, П. Кончаловского, Н. Радлова, А. Дейнеки, Г. Нисского, Б. Королева, Г. Мотовилова и других.

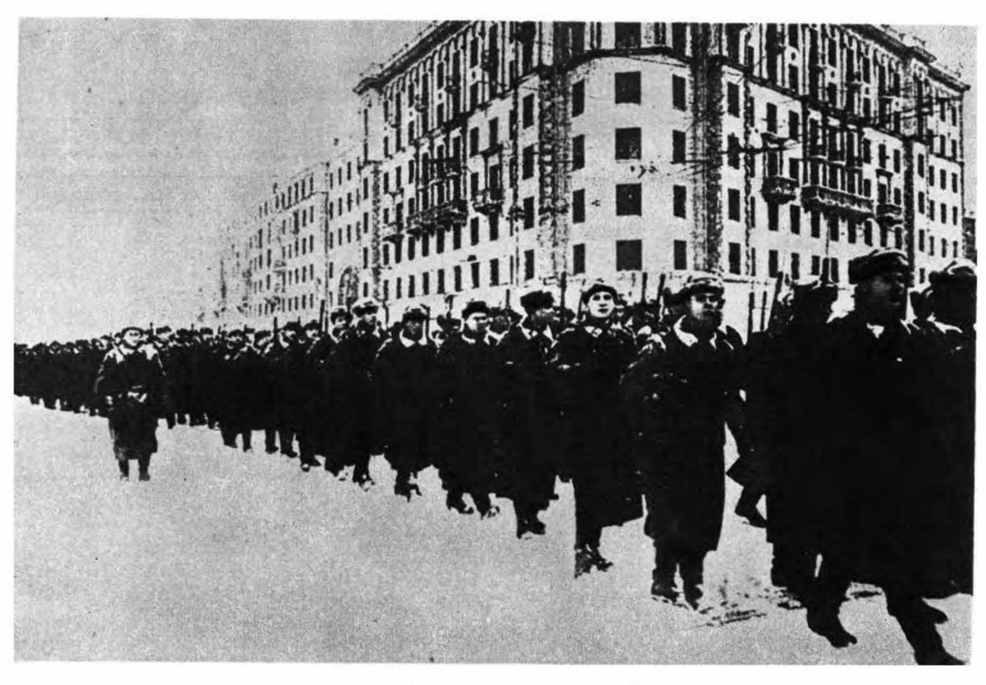
«А. Григорьев и В. Павлов работают над серией скульптурных портретов летчиков-героев ПВО столицы»

27 июня:

Звание заслуженного деятеля искусств РСФСР присвоено художникам: Меркурову С. Д., Куприянову М. В., Крылову П. Н., Соколову Н. А. (Кукрыниксы).

14 июля:

Живописно-выставочный комбинат Художественного фонда СССР совместно с редакцией журнала «Крокодил» выпускает витрины «Политическая сатира». «В застекленных рамах будут выставлены в увели-



5. Воинские части идут на фронт по улицам Москвы. 1941

ченном виде лучшие произведения московских карикатуристов».

Сообщается, что выходит в свет книга «Деревянное зодчество русского Севера» (издательство Всесоюзной Академии архитектуры).

11 июля:

Издательство ГТГ выпускает альбом репродукций лучших художественных произведений.

12 июля в театре Ленсовета — премьера спектакля К. Симонова «Русские люди». Художник Б. Волков.

18 июля:

На выставке московских художников, открывшейся 12 июля в ГМИИ им. А. С. Пушкина, экспонируются: «Ленинградское шоссе» и «На аэродроме» Г. Нисского, рисунки П. Митурича, Д. Мочальского, П. Малькова, «Бой на Балтике» Г. Нисского и В. Штраниха, «Где здесь сдают кровь?» П. Кончаловского, «У Белорусского вокзала» В. Люшина, работы П. Кузнецова, А. Пластова и др. В сатирическом разделе представлены В. Горяев, Кукрыниксы, С. Костин, Н. Радлов, Л. Бродаты, П. Шухмин.

Издательство «Искусство» готовит к печати: альбомы «Окна ТАСС», «Антифашистская сатира»,



6. Добровольцы рабочего батальона. 1941

«Суворов» (рисунки П. Алякринского); «Кутузов» (рисунки и. Кузьмина); брошюры-монографии о Репине (Н. Машковцев), о Сурикове (Н. Щекотов), о Верещагине (А. Тихомиров). Составляется альбом «25 лет советского изобразительного искусства».

1 августа:

Сообщается, что группа художников-палешан (А. Котухин, Н. Зиновьев и другие) работает над оформлением балета В. Оранского «Страна чудес» в Большом театре.

Совнарком СССР утвердил временное положение о Комиссии по учету и охране памятников архитектуры, скульптуры и монументальной живописи. Задачи комиссии: учет разрушений, подготовка материалов к реставрации, наблюдение и контроль над реставрацией, популяризация памятников искусства, «а также широкое осведомление общественности об актах вандализма, совершенных немецкими захватчиками по отношению к памятникам искусства народов СССР».

8 августа:

«Ряд московских художников приступил к работе над портретами выдающихся русских полководцев. Портрет Александра Невского пишет художник

П. Корин, портрет Суворова — Е. Кацман, портрет Кутузова — А. Герасимов».

«Комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР объявил конкурс на лучший плакат и народный лубок на темы Великой Отечественной войны».

15 августа:

Сообщается, что в Историческом музее открывается выставка «Великая Отечественная война в агитплакатах и «Окнах ТАСС» художников РСФСР».

22 августа:

Очерк В. Одинцова «Из дневника художника», напечатанный в газете «Литература и искусство» 1 августа 1942 года (*воспроизводится в настоящем издании*), «вызвал отклик со стороны председателя Лиги американских художников Рокуэлла Кента <...> На имя В. Одинцова получена следующая телеграмма: «Получили Ваш глубоко трогательный рассказ. Передали в печать для публикации. Американские художники и рабочие сознают настоятельную необходимость второго фронта. Делаем все, что в силах, чтобы приблизить его открытие. Сердечный привет советским художникам. Рокуэлл Кент».

29 августа:

К работе над большими панно для выставки «Великая Отечественная война» приступило несколько бригад художников: А. Герасимов, Ф. Модоров, Г. Ряжский и А. Дейнека пишут панно «Единение фронта и тыла»; Д. Шмаринов, Т. Гапоненко, В. Одинцов, А. Бубнов — «Дружба народов СССР»; П. Мальков, В. Яковлев, П. Шухмин, П. Соколов-Скаля — «Разгром немцев под Москвой»; П. Котов, Г. Савицкий, Б. Иогансон — «Народные мстители»; Н. Христенко, В. Мешков, К. Финогенов — панно-панораму, посвященную героической борьбе Севастополя.

5 сентября:

На расширенном заседании Оргкомитета ССХ обсуждалась работа московской мастерской «Окон ТАСС». Тираж «Окон» вырос с 30 до 1000 экземпляров; 100 «Окон» отправляются за границу; через линию фронта забрасываются в тыл противника. Отмечены недостатки: «запоздалый отклик на фронтовые события», «слабый стихотворный текст», «многословие».

При МОССХ организуется Комиссия по оформлению улиц и площадей Москвы агитационно-пропагандистским изобразительным материалом: плакатами, панно, копиями картин, карикатурами.



7. Баррикады на улице Киевского района. 1941

12 сентября:

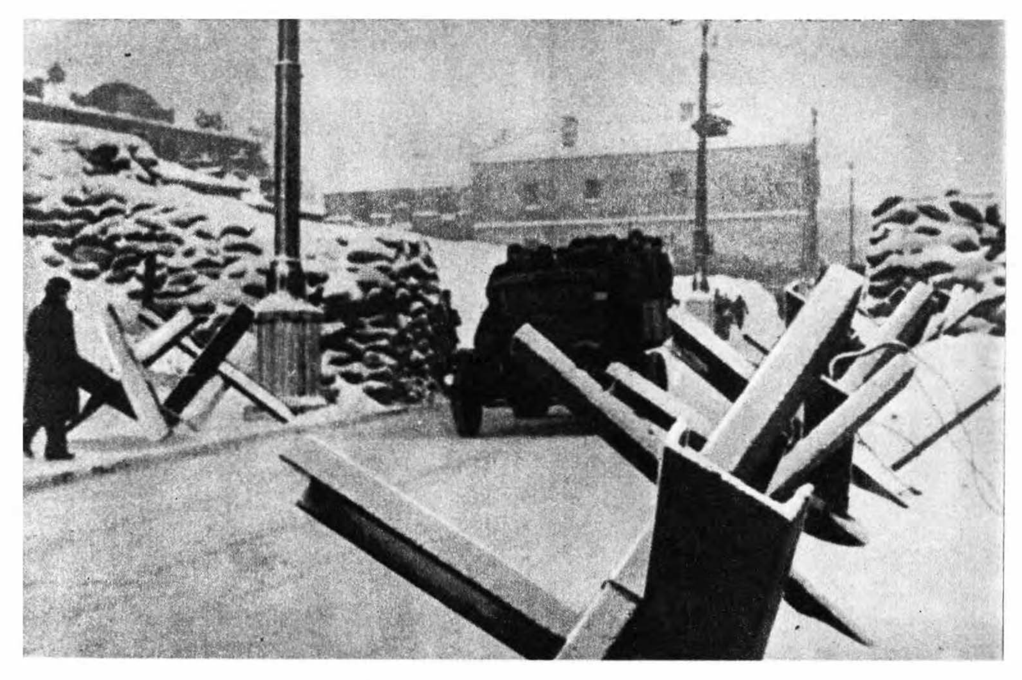
Организуются индивидуальные отчеты художников-фронтовиков. «В ближайшее время будут просмотрены и обсуждены графические работы, фронтовые зарисовки, акварели и этюды Ф. Решетникова, О. Верейского, В. Горяева, И. Титова, Н. Аввакумова и других».

Опубликована статья А. Лаптева «Чувство нового» (*воспроизводится в настоящем издании*).

Организуются «вторники» писателей и художников «для установления личного творческого контакта в работе над плакатом-листовкой, открыткой».

Состоялся просмотр-выставка работ художников на тему о Москве в дни Великой Отечественной войны. Экспонировались картины К. Юона, А. Осмеркина, П. Малькова, скульптурные портреты З. Азгура. Одновременно была организована встреча с представителями воинских частей, участвовавших в обороне Москвы, стахановцами-москвичами.

«В Историческом музее открылась большая выставка, посвященная 130-летию Бородинского боя». Демонстрируются рисунки, гравюры, картины, портреты, карты, образцы оружия.



8 На подступах к Москве. 1941

26 сентября:

Проведено совещание, где обсуждались работы с выставки московских художников (см. 18 июля). Выступали Н. Машковцев, К. Юон и В. Мухина. В. Мухина говорила «о трагедийном искусстве эпохи войны». По ее убеждению, типологические образы Гекубы и пьеты — «горе гражданки и горе матери» — должны найти новое претворение «в живых образах-памятниках мукам и подвигам мужей и жен России».

Б. Ефимов послал английскому карикатуристу Д. Лоу письмо, сопровожденное антифашистской карикатурой, где высмеивались дебаты вокруг открытия второго фронта. «Манчестер гардиан» опубликовала эту карикатуру и ответное письмо Д. Лоу, в котором была выражена надежда на скорейшее открытие второго фронта.

Опубликована статья Н. Машковцева «Репин — о России».

Объявлен конкурс на проекты монументов героям Великой Отечественной войны.

3 октября:

Сообщается, что в Историческом музее состоится выставка «Комсомол в Великой Отечественной войне»; где будут представлены документальные материа-

лы, живопись, фотомонтажи. В ней примут участие: Г. Нисский и А. Щипицын — панно «Защита Севастополя»; С. Никритин — панно «Все силы фронту»; А. Гончаров и Г. Рублев — панно «Победа будет за нами»; В. Корецкий — фотомонтажи «Всевобуч» и «Убей его». Бригада скульпторов: Д. Айзенштадт, А. Григорьев, А. Зеленский и Д. Шварц,— выполняет восемь портретных барельефов «Комсомольцы — Герои Советского Союза».

4 октября открывается выставка ленинградских художников в ГМИИ им. Пушкина. Экспонируется около 400 произведений 70 авторов по разделам: агитплакат, боевые листки, живопись, скульптура и графика.

В период с 1 по 16 октября на фронте «состоятся творческие отчеты крупнейших композиторов, художников и музыкантов».

Подведены итоги конкурса военного плаката и народного лубка. Вторые премии получили: В. Дени — «Убей фашиста-изувера»; В. Иванов — «Каждый рубеж — решающий»; Д. Шмаринов — «Ответь Родине победой!»; Ст. и Сем. Аладжаловы — лубок «Подвиг 25 краснофлотцев». Первая премия не присуждена никому.

Для выставки «Великая Отечественная война» организуется специальный раздел «Великая Отечественная война в произведениях ее участников». Материал собирает Дом народного творчества им. Крупской.

10 октября:

«Издательское объединение «Советский график» совместно с Государственной библиотекой им. Ленина готовит в Москве выставку лубка и художественного репортажа». Первый раздел — «лубок от его возникновения до советского периода»; второй раздел — «работы художников-очевидцев военных событий: Самокиша, Лансере, Добужинского и других».

В Тбилиси скончался А. А. Радаков, один из первых сотрудников «Окон ТАСС».

24 октября:

Звание заслуженного деятеля искусств РСФСР присвоено В. Мухиной.

Умер М. В. Нестеров. 20 октября состоялись его похороны на Новодевичьем кладбище. М. В. Нестеров погребен рядом с могилой его друга И. И. Левитана.

14 ноября:

Звание заслуженного деятеля искусств РСФСР присвоено Н. П. Крымову.

К 25-летию Октября ГТГ выпустила «альбом, посвященный лучшим произведениям русского искус-



9 Аэростаты заграждения на Смоленской площади. Сентябрь 1941

ства», с цветными репродукциями работ В. Серова, И. Репина, В. Сурикова, В. Верещагина, В. Васнецова, И. Левитана и других.

21 ноября:

В ЦДКА состоялось обсуждение и общественный просмотр выставки пятнадцати молодых грековцев, работавших на Западном фронте.

12 декабря:

В издательстве «Искусство» вышел «первый сборник материалов» сценической экспериментальной лаборатории при МХАТ, посвященный «вопросам оформления театрального спектакля в военное время».

19 декабря:

С 15 по 17 декабря в Доме союзов проходило обсуждение выставки «Великая Отечественная война», открывшейся в 14 залах ГТГ в канун Октябрьских праздников (на выставке было представлено около 400 живописных работ; 500 — графических; 100 — скульптурных портретов и композиций).

16 декабря в ЦДРИ состоялся вечер памяти М. В. Нестерова. «Н. Обухова полностью повторила на

вечере программу концерта, который был ею устроен для Нестерова за неделю до его кончины». Были прочтены отрывки из воспоминаний.

Примечание

В 1942 году были также опубликованы следующие статьи:

Малин В. Белорусское искусство в дни Великой Отечественной войны. — «Правда», 18 мая.

Саянов В. Резцом и кистью.— «Известия», 25 сентября.

1943 год

1 января:

Опубликована беседа М. И. Калинина с художниками «Окон ТАСС» — «Об искусстве плаката».

Сообщается, что построена первая после начала войны станция метро «Автозаводская».

9 января:

В помещении Малого театра открылась выставка «Театр на фронте». Среди материалов о работе артистов на фронтах — картины Е. Лансере, К. Юона, М. Бобышова и др.

Скончался Н. Э. Радлов, рисовальщик, сотрудник журнала Западного фронта «Фронтовой юмор» и «Окон ТАСС».

Опубликована заметка К. Кравченко о дипломниках МГХИ выпуска 1942 года — «Молодые художники».

22 января:

И. Грабарь внес «первый вклад в фонд создания бронетанковой колонны «Советские художники — Красной Армии»» — 70000 рублей.

В зале Всекохудожника 17 января открылась выставка Московской средней художественной школы.

6 февраля:

В конкурсе на лучший плакат и лубок, посвященном 25-летию РККА, первая премия присуждена плакату Д. Шмаринова «Все для победы», вторые: В. Иванову — «Блокада Ленинграда прорвана!»; А. Кокорекину — «Знамя полка — честь полка»; П. Алякринскому — лубок «Слава народу русскому»; третьи: Кукрыниксам — «К победе»; Н. Долгорукову — «В последний час»; И. Тоидзе — «Клянусь Родине!».

24 живописцам, 6 скульпторам, 2 палешанам — участникам выставки «Великая Отечественная война» — вручены дипломы I степени, в том числе: А. Герасимову, В. Ефанову, П. Кончаловскому, Кукрыниксам, П. Соколову-Скаля, Е. Лансере, М. Бобышову, Г. Верейскому, Д. Шмаринову, З. Азгуру, В. Лишеву, В. Мухиной.

13 февраля:

Опубликован очерк В. Одинцова «Картина великой битвы» о впечатлениях от фронтовой поездки в Сталинград.

23 февраля:

«Сегодня в ЦДКА открывается художественная выставка «Красная Армия в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками». Представлены работы А. Герасимова, Кукрыниксов, В. Яковлева, П. Соколова-Скаля, П. Малькова, Г. Кривоногова, А. Дейнеки, А. Пластова; рисунки, выполненные в поездках: Ф. Бочковым, А. Пластовым, А. Лаптевым, А. Ванецианом, П. Соколовым-Скаля, Г. Савицким, Г. Ряжским, В. Одинцовым. Экспонируется много работ художников-грековцев.

27 февраля:

«За образцовое выполнение заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество К. И. Финогенов награжден медалью «За боевые заслуги».

Статьей А. Тихомирова «О русской традиции батальной живописи» газета открывает обсуждение выставки «Красная Армия в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками».

«Закончилось совещание работников художественных музеев и хранилищ», принявшее «ряд новых положений о порядке хранения художественных ценностей в военное время».

К 25-летию РККА издательство «Искусство» выпустило художественный альбом «Героическая оборона Москвы», включающий 168 цветных и черно-белых репродукций.

6 марта:

В Доме архитектора открылась конкурсная выставка проектов монументов героям Великой Отечественной войны. На конкурс представлено 160 проектов.

13 марта:

На совещании в Оргкомитете ССХ состоялись «творческие отчеты художников, вернувшихся из фронтовых командировок». Выступили: К. Вялов (Сталин-



10. Женщина-милиционер на посту у входа в тоннель метро. Станция «Библиотека им. Ленина». Ноябрь 1941

град), К. Дорохов (Шлиссельбург), К. Финогенов (Сталинград) и другие художники.

Опубликована передовая статья «Изобразительное искусство в дни войны».

Опубликована статья Б. Иогансона «Облик Родины».

21 марта:

Государственные премии за 1942 год присуждены: премия I степени — Герасимову А. М. за картину «Гимн Октябрю»; Яковлеву В. Н. — за портрет Героя Советского Союза В. Н. Яковлева и за «Портрет партизана»; Манизеру М. Г. — «за скульптурную фигуру

«Зоя Космодемьянская»; Юону К. Ф. и Кончаловскому П. П. — «за многолетние выдающиеся достижения в области искусства и литературы». Премии II степени присуждены Жукову Н. Н. — «за серию рисунков о Красной Армии и за иллюстрации для альбома «Маркс и Энгельс»; Шмаринову Д. А. — за серию «Не забудем, не простим!»; Мухиной В. И. — за портреты Героев Советского Союза Юсупова и Хижняка; художнику-граверу Павлову И. Н., Бакшееву В. Н., Лансере Е. Е. — «за многолетние выдающиеся заслуги в области искусства и литературы».

Опубликована статья К. Кравченко «Четыре художника» о лауреатах — А. Герасимове, В. Яковлеве, Д. Шмаринове и Н. Жукове.

27 марта:

А. Герасимов «внес из личных своих сбережений 50000 рублей для постройки танков».

М. Манизер «внес в фонд Главного Командования сумму премии — 100000 рублей».

С большим докладом «Художники и война» на открытом партийном собрании МОССХ выступил О. Бескин.

3 апреля:

А. Герасимов внес «премию в размере 100000 рублей — дополнительно к ранее внесенным 50000 рублей (см. 27 марта) на постройку танка».

В зале МОССХ открылась выставка В. Сварога, посвященная 60-летию со дня рождения художника.

10 апреля:

«В выставочном зале МТХ 6 апреля открылась посмертная выставка работ — гравюр, рисунков и акварелей недавно скончавшегося крупного советского графика П. Староносова».

17 апреля:

Скончался художник А. В. Лентулов.

Опубликован очерк Вс. Иванова «Лермонтов» П. П. Кончаловского».

24 апреля:

«В зале МТХ открылась выставка художников Эстонии, посвященная 600-летию восстания эстонского народа против немецких захватчиков в Юрьеву ночь 1343 года». Экспонировано более 150 работ.

В МХАТе поставлена пьеса М. Булгакова «Последние дни (Пушкин)», художник — П. Вильямс. По откликам рецензентов К. Федина, И. Груздева, Н. Соколовой, оформление — лучшее звено спектакля.

1 мая:

2 мая в залах ГМИИ открывается выставка 50 дипломных работ живописного, графического, скульптурного и архитектурного факультетов Московского художественного института. Среди участников: С. Дудник, В. Нечитайло, Н. Толкунов, Н. Рудин, И. Брюлин, Ч. Ахмаров и другие. Руководители: С. Герасимов, П. Покаржевский, И. Грабарь, Г. Горощенко.

Опубликована статья А. Тихомирова «Мастер пейзажа» о выставке картин Г. Шегаля.

15 мая:

10 мая в ГТГ открылась выставка произведений художников старшего поколения: И. Грабаря, К. Юона, В. Бакшеева, В. Бялыницкого-Бируля, Е. Лансере, В. Мешкова, И. Павлова. Выпущен каталог со статьями о каждом художнике.

22 мая:

В зале МТХ открылась выставка 300 живописных и графических работ К. Дорохова, выполненных в дни войны.

26 мая «на очередной «творческой среде» секции графики МОССХ» доклад об О. Домье прочтет В. Лазарев.

5 июня:

3 июня открылся пленум Оргкомитета ССХ. С докладами выступили: Б. Иогансон — «Живопись нашего времени»; В. Мухина — «Героический портрет в скульптуре», а также Д. Шмаринов, Н. Машковцев, Ф. Федоровский.

12 июня:

Опубликованы статьи: Д. Шмаринова «Путь к мастерству», Б. Иогансона «Традиции и современность», Г. Ряжского «Знамя русского искусства» и Ф. Богородского «Заметки о военной картине».

19 июня:

Состоялось «четырехдневное совещание по агитационному изобразительному искусству, созванное Комитетом по делам искусств при Совнаркоме СССР».

В МОССХ состоялось обсуждение рисунков для альбома «Не забудем, не простим!» художников П. Соколова-Скаля, Т. Гапоненко, К. Финогенова, А. Пластова, В. Щеглова, М. Дерегуса, Л. Бродаты и других.



11. Зенитка у Никитских ворот. 1941

26 июня:

В МОССХ М. Алпатов прочел доклад на тему: «Русский вклад в мировое искусство» (2-я половина XIX века).

Состоялось заседание секции критиков МОССХ. В новый состав бюро вошли: М. Алпатов, О. Бескин, Г. Жидков, А. Зотов, В. Лазарев, Н. Машковцев, П. Сысоев, А. Федоров-Давыдов, Н. Щекотов.

10 июля:

12 июля в зале МТХ открывается выставка П. Соколова-Скаля и Л. Поповой.

6 июля в зале МОССХ открылась выставка живописи и рисунков Александра Иванова.



12. Зенитная батарея на Ярославском шоссе, возле ВСХВ
1941—1942

17 июля:

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля установлено звание «Народный художник СССР».

Орденом Трудового Красного Знамени «за выдающиеся заслуги в развитии искусства» награждены: В. Н. Бакшеев, В. К. Бялыницкий-Бируля, Е. Е. Лансере, В. Н. Мешков, И. Н. Павлов, К. Ф. Юон, В. С. Сварог;

В ЦДКА открылась выставка Студии им. Грекова. На ней представлено 480 работ, «сделанные за последние четыре месяца пребывания на фронте». Среди авторов: Е. Вучетич, С. Шапошников, Б. Преображенский, Р. Горелов, Н. Жуков и другие.

24 июля:

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР установлено звание «Народный художник РСФСР».

Открылась выставка живописца Н. Ромадина.

31 июля:

А. М. Герасимову, Б. В. Иогансону, С. Д. Меркурову и В. И. Мухиной присвоено звание народного художника СССР.

28 июля в ГТГ открылась выставка новых произведений С. Герасимова, А. Дейнеки, П. Кончаловского,

С. Лебедевой, В. Мухиной и Д. Шмаринова. Экспонируется 400 работ.

Опубликована статья Ф. Богородского «Художник на фронте».

14 августа:

В Музее Революции начала работать Всесоюзная выставка агитационно-изобразительного искусства: плакатов, «Окон ТАСС», листовок.

18 августа в ГТГ открывается выставка картин, книжных иллюстраций, сатиры, «Окон ТАСС», «созданных за последние 5 лет» Кукрыниксами.

Опубликована статья Д. Аркина «Мастерство» о скульптурах В. Мухиной и С. Лебедевой на выставке шести мастеров в ГТГ.

21 августа:

Сообщается, что П. Корин принимал активное участие в ремонте здания Большого театра.

4 сентября:

26 августа в ЦДРИ открылась выставка работ театральной художницы Л. Силич.

18 сентября:

Состоялся творческий вечер Д. Моора. В обсуждении его новых работ участвовали Бела Уитц, С. Тавасиев, Л. Варшавский, О. Бескин.

25 сентября:

17 сентября в МОССХ состоялась «встреча художников-фронтовиков Западного фронта» с московскими художниками.

20 сентября театральная секция МОССХ организовала просмотр новых работ В. Рындина к спектаклям: «Сирано де Бержерак», «Фронт», «Мадемуазель Нитуш», «Слуга двух господ».

24 сентября в зале МОССХ открылась групповая выставка произведений молодых художников В. Богаткина, В. Демидова, С. Позднякова, Г. Смирнова.

23 сентября в выставочном зале Худфонда открылась выставка П. Радимова, посвященная «старинным русским городам».

9 октября:

В зале МТХ открылась выставка живописцев Н. Глущенко, А. Морозова, Б. Рыбченкова и скульптора Д. Шварца.

10 октября в ГТГ откроется выставка, посвященная 25-летию ВЛКСМ, где будет представлено около 300 работ молодых художников, выполненных в годы войны.

16 октября:

На конкурсе плаката и лубка, посвященном 26-летию Октября, первую премию получил плакат В. Иванова «Пьем воду родного Днепра — будем пить из Прута, Немана и Буга». Вторые премии присуждены: Кукрыниксам — «Пиковое положение»; Н. Жукову и В. Климашину — «Наша клятва — месть немцу»; Ф. Антонову — «Все восстановим».

17 октября в ГТГ открывается выставка пейзажей Б. Яковлева.

30 октября:

4 ноября в Институте художественной промышленности откроется выставка игрушки. Будут показаны «старые и новые образцы игрушек», а также «современная военная игрушка».

20 ноября:

И. С. Горюшкин-Сорокопудов награжден орденом Трудового Красного Знамени «в связи с 70-летием со дня рождения и 40-летием плодотворной творческой и педагогической деятельности». Ему присвоено звание заслуженного деятеля искусств РСФСР.

С. В. Герасимову, И. Э. Грабарю, М. Г. Манизеру, И. В. Маркичеву, В. Н. Мешкову, И. Н. Павлову, Ф. Ф. Федоровскому, В. Н. Яковлеву присвоено звание народного художника РСФСР.

27 ноября:

21 ноября в ГТГ открылась Всесоюзная выставка «Героический фронт и тыл». В живописном разделе представлены произведения Г. Савицкого, В. Одинцова, И. Грабаря, В. Бакшеева, В. Мешкова, Ф. Решетникова, А. Пластова, С. Чуйкова, Ю. Пименова и других. Экспонируется «Мать партизана» С. Герасимова и триптих П. Корина «Александр Невский». В других разделах представлены: графика, скульптура, театрально-декорационные эскизы; в архитектурном отделе выставки большой макет нового варианта Дворца Советов (авторы — В. Щуко, Б. Иофан, В. Гельфрейх);

23 ноября в ЦДКА открылась «Первая выставка художников-фронтовиков Ленинградского фронта», где представлены 400 живописных и графических работ.

4 декабря:

В выставочном зале МОССХ открылась выставка произведений московских архитекторов (В. Веснина, Л. Руднева, А. Щусева и др.).

Опубликована статья М. Алпатова «Искусство исторической живописи».

Сообщается, что в ЦДРИ организуется вечер, посвященный народным художникам РСФСР С. Герасимову, И. Грабарю, М. Манизеру, И. Маркичеву, В. Мешкову, И. Павлову, Ф. Федоровскому, В. Яковлеву.

18 декабря:

На «творческой среде» в МОССХ были показаны новые акварели С. Герасимова.

Сообщается, что в залах МТХ готовится выставка живописи и графики В. Баюскина, Ф. Бочарова, А. Ванециана, А. Лаптева, Д. Мочальского.

Примечание

В 1943 году были также опубликованы следующие статьи:

Федоров-Давыдов А. На художественной выставке, посвященной 25-й годовщине Красной Армии. — «Правда», 31 марта.

Федоров-Давыдов А. Рисунки художника Д. Шмаринова «Не забудем, не простим!». — «Правда», 16 апреля.

Мордвинов А. Как надо строить города. — «Правда», 21 апреля.

Адамсон Э. Выставка эстонских художников. — «Правда», 28 апреля.

Грабарь И. Успех молодых художников. — «Правда», 15 мая.

Соколова Н. Мастера русского изобразительного искусства. — «Известия», 16 июля.

Правдин Г. Творчество шести мастеров (П. Кончаловский, В. Мухина, С. Лебедева, С. Герасимов, А. Дейнека, Д. Шмаринов). — «Комсомольская правда», 29 июля.

Яковлев В. Выставка художников-фронтовиков. — «Правда», 5 августа.

Жидков Г. Выставка работ художников Азербайджана (ГТГ). — «Правда», 18 августа.

Савинов Г. Художники в госпитале. — «Огонек», № 12—13.

1944 год

1 января:

Опубликован очерк Кукрыниксов о поездке по освобожденным городам и селам: Тула, Мценск, Орел, Курск, Кромы, Фатеж, Сумы, Киев. (*Воспроизводится в настоящем издании.*)



13. У сбитого фашистского самолета. 1941—1942

В 1943 году С. Д. Меркуров «продолжал работу над 100-метровой статуей В. И. Ленина для Дворца Советов».

15 января:

В ЦДРИ состоялось обсуждение выставки «Героический фронт и тыл». С анализом выступили Б. Иогансон, Д. Шмаринов, С. Меркуров, Ф. Федоровский. В обсуждении также приняли участие Б. Уитц, Е. Блинова, И. Машков, С. Тавасиев, М. Волкова, П. Шухмин, В. Костин, А. Замошкин, М. Кристи.

Опубликована заметка М. Холодовской о выставке пяти художников: В. Баюскина, Ф. Бочкова, А. Ванециана, А. Лаптева, Д. Мочальского, проходящей в МТХ.

29 января:

30 января в ГТГ открывается выставка белорусских художников, посвященная 25-летию БССР.

19 февраля:

Опубликована статья М. Александрова о выставке Г. Рублева, А. Зеленского и А. Сотникова в Доме архитектора.

Опубликована статья Б. Иогансона «Борьба за картину», где дан критический разбор картин В. Серова, А. Пластова, К. Финогенова, В. Ефанова, П. Корина, П. Кончаловского, С. Герасимова, Н. Ромадина и других с выставки «Героический фронт и тыл».

В зале МТХ открывается выставка сатиры. Ее участники: Л. Бродаты, К. Елисеев, Б. Ефимов, Ю. Ганф, В. Горяев, А. Каневский.

23 февраля:

В ЦДКА открылась выставка Студии им. Грекова (художественный руководитель Н. Жуков) и Студия погранвойск НКВД (художественный руководитель П. Соколов-Скаля). Представлено 700 работ 37 авторов.

Опубликована статья Н. Жукова «Картины великих битв».

На очередной «творческой среде» в МОССХ свои новые работы покажет В. Фаворский.

4 марта:

Состоялась «сессия по вопросам истории русского зодчества, созванная Академией архитектуры СССР». На ней выступили: А. Щусев, Н. Воронин, Н. Брунов, Б. Виппер, Д. Аркин; архитектор В. Пилявский рассказал о разрушениях во дворцах Петергофа, Павловска, Пушкина.

11 марта:

Звание заслуженного деятеля искусств РСФСР присвоено: М. И. Авилову, П. В. Вильямсу, В. В. Дмитриеву, В. В. Мешкову, Г. Г. Ряжскому.

18 марта:

Сообщается, что работает выставка декоративных тканей производственных мастерских Живописно-выставочного комбината.

25 марта:

В МОССХ состоялось «четырехдневное совещание, посвященное проблеме советской картины». Выступили: А. Тихомиров, С. Герасимов, Б. Иогансон, П. Соколов-Скаля, А. Пластов, Е. Кацман, Г. Ряжский, Ф. Богородский, Н. Машковцев, А. Федоров-Давыдов, А. Михайлов, О. Бескин и другие.

8 апреля:

В залах МОССХ открылась выставка художников войск Западного фронта ПВО. Представлено 186 работ 22 авторов.

15 апреля:

Состоялось «расширенное заседание правления МОССХ», посвященное творчеству С. Иванова. Организована выставка.

Опубликована заметка П. Соколова-Скаля «Плакаты в бою и труде».

22 апреля:

В МОССХ состоялся вечер памяти А. Лентулова. С воспоминаниями выступили А. Таиров, С. Герасимов, Д. Штеренберг и другие. «Развернута выставка произведений А. Лентулова».

Сообщается, что Б. Виппер прочтет доклад в МОССХ на тему: «Русское искусство XVII века и его историческое место».

6 мая:

4 мая в ЦДРИ открылась выставка художников кино В. Егорова, К. Ефимова и А. Уткина.

20 мая:

Сообщается, что в салоне Художественного фонда СССР готовится выставка новых работ Н. Чернышева.

27 мая:

«1 июня состоится торжественное заседание Президиума Оргкомитета ССХ СССР, посвященное 100-летию со дня рождения В. Д. Поленова». «С воспоминаниями о Поленове выступят его ученики, художники В. Н. Мешков, В. Н. Бакшеев, В. К. Бялыницкий-Бируля и другие».

Опубликована статья Н. Машковцева «Поленов».

Опубликована статья академика архитектуры М. Гинзбурга «Содружество искусств» (о проблеме синтеза в проектах восстановления разрушенных городов).

3 июня:

В зале МОССХ открылась выставка А. Мизина.

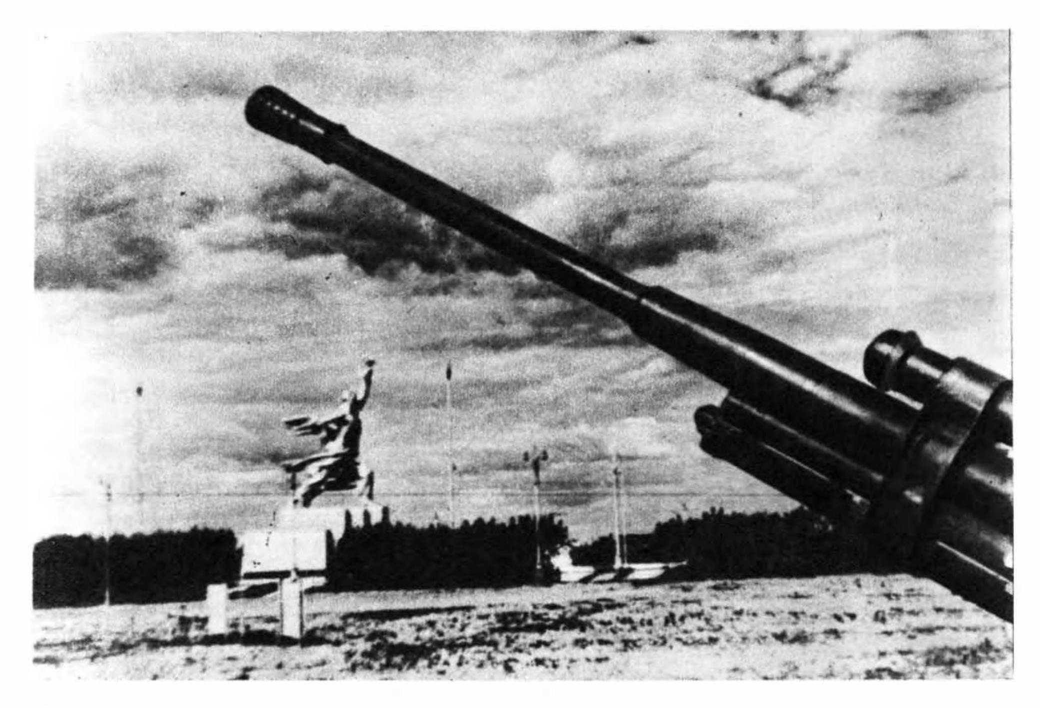
10 июня:

Вышло тысячное «Окно ТАСС» — «Наш тысячный удар», художников Н. Денисовского и П. Соколова-Скаля.

Опубликована статья К. Андреева «Николай Ге» (к 50-летию со дня смерти).

17 июня:

Опубликованы воспоминания П. Радимова о репинских Пенатах.



14 Зенитка у ВСХВ

24 июня:

Открылась выставка живописи П. Покаржевского.

1 июля:

В МОССХ проведено совещание по проектированию и сооружению памятников. Выступили: В. Мухина, Г. Гольц, С. Меркуров, Б. Иофан, Б. Яковлев и другие.

С. А. Чуйкову присвоено звание народного художника Киргизской ССР.

22 июля:

Учрежден Всесоюзный комитет по празднованию 100-летия со дня рождения И. Е. Репина, под председательством А. Герасимова.

Открыта выставка художников союзных и автономных республик и областей РСФСР.

В ЦДРИ работает выставка Е. Зерновой.

В МОССХ состоялась творческая встреча В. Конашевича с московскими художниками.

29 июля:

Сообщается, что издательство «Искусство» выпускает ряд изданий о Репине: альбом репродукций,



15. Садовое кольцо. Пленные немцы. Июль 1944

монографию А. Лебедева, серию открыток, новое издание воспоминаний «Далекое близкое» и другие.

Опубликована статья М. Алпатова «Великое наследие».

Открыта выставка А. Шевченко.

Опубликована заметка К. Ситника о выставке П. Корина, В. Крайнева и М. Рындзюнской в ГТГ.

5 августа:

Номер широко публикует материалы, посвященные Репинскому юбилею.

12 августа:

В Большом театре состоялось торжественное заседание, посвященное 100-летию со дня рождения И. Е. Репина. С докладом выступил И. Грабарь. Торжественные вечера прошли в ЦДКА, Клубе писателей, МОССХ.

19 августа:

В ГТГ организуется «четырехдневная сессия, посвященная творчеству И. Е. Репина».

26 августа:

Опубликован очерк Н. Жукова «С наступающей армией» (о фронтовой поездке в Белоруссию и Литву).

9 сентября:

Готовится экспозиция «большой выставки изобразительного искусства Армении».

16 сентября:

В ЦК ВЛКСМ состоялось совещание художников детской книги. В нем приняли участие Д. Шмаринов, А. Пахомов, М. Родионов, Е. Афанасьева, Е. Кибрик, В. Лебедев, А. Пластов, Е. Чарушин и другие.

В залах Художественного фонда СССР развернута выставка Л. Сойфертиса.

В ГТГ открылась выставка М. Авилова, Г. Савицкого и В. В. Мешкова.

23 сентября:

«Для определения ущерба, причиненного фашистскими захватчиками художественным музеям», Комитет по делам искусств «образовал комиссию, в которую вошли видные искусствоведы, руководители художественных хранилищ, в том числе академики И. Грабарь и И. Орбели, А. Лебедев, А. Замошкин, Н. Машковцев и другие».

30 сентября:

В Моссовете открылась выставка «Героическая оборона Москвы 1941—1942 годов». Участвуют: Н. Денисовский, А. Дейнека, В. Журавлев, Ю. Пименов, В. Васильев, В. Одинцов, Г. Нисский и другие.

В «Массовой библиотеке» издательства «Искусство» «вышли книги о выдающихся мастерах национальной русской живописи и скульптуры XVIII—XIX вв. и советского периода». Их авторы: Г. Недошивин, А. Скворцов, Н. Машковцев, Г. Жидков, В. Лобанов и другие.

2 октября в МТХ открывается выставка А. Голубкиной «в связи с 80-летием со дня рождения и десятилетием со дня основания музея ее имени».

В Доме архитектора открылась выставка работ Л. Бруни и В. Фаворского.

14 октября:

Открылась выставка произведений С. Боима.

21 октября:

В ЦДРИ открыта выставка произведений И. Грабаря.

Газета «Советское искусство»

14 ноября:

Опубликована большая статья В. Мухиной «Тема и образ в монументальной скульптуре».

21 ноября:

«В ближайшее время в МОССХ открывается выставка новых работ советских художников, посвященная И. А. Крылову» (иллюстрации, лубки, плакаты).

В ЦДРИ открыта выставка путевых зарисовок московских художников, сделанных ими на местах исторических битв Красной Армии. Экспонированы работы А. Ванециана, Д. Мочальского, Е. Кибрика, Я. Ромаса, К. Максимова и других.

28 ноября:

30 ноября в зале МТХ откроется выставка «Шедевры русской архитектуры». Будут показаны пейзажи С. Герасимова, П. Кончаловского, Б. Яковлева и др.

5 декабря:

В Москву возвращены из эвакуации фонды ГТГ.

Опубликована статья К. Юона «О новаторстве в советской живописи».

Примечание

В 1944 году состоялись также следующие выставки:

Выставка «Театр в дни войны».

Выставка офорта (1934—1944).

Выставка произведений В. Н. Бакшеева.

Кроме того, были опубликованы статьи:

Сарьян М. Выставка работ художников Армении. — «Труд», 15 сентября.

Лясковская О. Выставка произведений художников Армении. — «Известия», 17 сентября.

Соколова Н. Художники-фронтовики. — «Огонек», № 14—15.

1945 год

9 января:

В Доме архитектора открылась выставка конкурсных «архитектурных проектов Центральной площади Сталинграда с монументом, посвященным защитникам города-героя». Представлено свыше 50 работ.



16 Москва. Площадь Свердлова в дни войны

22 января:

В МОССХ состоялся вечер, посвященный 80-летию со дня рождения В. А. Серова. С воспоминаниями выступили И. Грабарь, М. Сарьян, П. Кузнецов, О. В. Серова. Открыта «большая выставка живописных и графических работ Серова».

Сообщается, что король Великобритании Георг VI утвердил присуждение Королевской Золотой медали за 1945 год академику архитектуры В. А. Веснину.

30 января:

В МОССХ состоялся творческий вечер С. Лебедевой. С докладом выступил А. Эфрос.

В ЦДРИ открыта выставка картин, этюдов, эскизов М. Грекова.

6 февраля:

Опубликована статья В. Сухова «Сталинградская сюита» — о серии рисунков К. Финогенова.

Опубликована статья А. Тихомирова о выставке Н. Шестопалова в МТХ.



17. Салют Победы. 9 мая 1945

23 февраля:

Опубликован очерк Н. Соколовой «В огне битвы» — о фронтовом пути Б. Пророкова.

Открывается выставка Студии им. Грекова, приуроченная к десятилетию студии. Представлены работы И. Лукомского, К. Китайки, П. Кривоногова, В. Богаткина, А. Кокорина, Н. Жукова, Н. Обрыньбы, Б. Неменского, Е. Вучетича и других.

Принято решение Правительства о воссоздании Высшего художественно-промышленного училища (бывш. Строгановского).

«В МТХ открылась выставка работ пяти ленинградских художников»: В. Конашевича, В. Пакулина, А. Пахомова, К. Рудакова, А. Стрекавина.

Опубликована статья А. Тихомирова «Молодые баталисты» о выставке Студии им. Грекова.

2 марта:

В выставочном зале Полиграфического института открыта выставка акварелей Г. Горощенко.

Звание народного художника РСФСР присвоено Е. Е. Лансере и К. Ф. Юону.

8 марта:

«Главное управление художественной промышленности провело ряд конкурсов» на образцы и проекты: мебели и декоративных тканей, гончарных изделий, рисунка обоев, оформления осветительной арматуры.

7 марта в зале МОССХ открылась выставка акварельных портретов А. Варновицкой.

15 марта:

В МТХ открывается «выставка эскизов декораций и костюмов классических и современных пьес».

А. Дейнека «назначен директором Московского института декоративного и прикладного искусства».

Сообщается, что Дирекция художественных выставок и панорам направила передвижную выставку (120 произведений живописи и графики) морякам-североморцам.

22 марта:

«В МОССХ состоялся творческий вечер скульптора Л. Кербеля, работающего в Северном флоте с 1940 года».

Опубликована статья К. Юона «Искусство сценического оформления».

29 марта:

Опубликована статья Б. Ефимова «Рисунки Давида Лоу».

Звание заслуженного деятеля искусств РСФСР присвоено: А. А. Дейнеке, П. Д. Корину, С. Д. Лебедевой, А. А. Пластову, Д. А. Шмаринову.

В МОССХ состоялся творческий вечер П. Д. Корина, где выступили С. Дружинин, С. Герасимов, О. Бескин, А. Сидоров и другие.

5 апреля:

В ЦДРИ открылась выставка пейзажей и натюрмортов П. Кончаловского, «выполненных за последние 20 лет».

В Доме архитектора «началась дискуссия на тему: «Новое в архитектурном творчестве в годы войны и в послевоенном строительстве». Выступили: Д. Аркин, Б. Иофан, Л. Руднев, Н. Былинкин.

Сообщается, что утверждена схема Генерального плана Новгорода, разработанная в мастерской под руководством А. Щусева.

Скончался живописец Л. В. Туржанский.

19 апреля:

Опубликована статья Е. Лансере «О монументальной живописи»;

18 апреля в ЦДРИ открылась выставка гуашей С. Вишневецкой «Балтика в дни войны».

Открыта выставка портретов и пейзажей В. Рождественского, организованная Союзом писателей.

«22 апреля в зале Худфонда откроется выставка этюдов Я. Ромаса».

24 апреля:

Открыта выставка художественных изделий из дерева, камня и кости.

1 мая:

«В МТХ открыта большая выставка выполненных за последние годы работ виднейших московских живописцев, графиков и скульпторов». Участвуют: С. Герасимов, Б. Яковлев, В. Бакшеев, Н. Крымов, П. Радимов, Н. Ромадин, Ю. Пименов и другие.

18 мая:

В залах МОССХ открыта выставка Н. Удальцовой.

17 мая вновь открылась Государственная Третьяковская галерея.

Приложение 2

Статьи московских художников
Из периодики военных лет

В. Мешков
Героический пейзаж

П. Соколов-Скаля
В походе с гвардейцами

В. Одинцов
Из дневника художника

А. Лаптев
Чувство нового

Б. Пророков
Художник-агитатор

Кукрыниксы
На освобожденной земле

В. Мешков
Героический пейзаж*

Отправляясь на фронт делать зарисовки, я с волнением думал о том, что должны делать сегодня мы, художники-пейзажисты, и каковы роль и значение искусства пейзажа в документации великой борьбы нашего народа.

Уже в Клину мы оказались во власти неотразимого впечатления. Перед нами раскрылись невиданные картины. По обеим сторонам дороги валялось много исковерканных, разрушенных машин — целое кладбище немецкой техники. Высились два мощных покосившихся дерева. За ними, в глубине — покрытый снегом холм, ближе в ложбине — несколько разбитых танков. Тишина. Ослепительно сияет на солнце снежный покров... Немецкие танки в окружении этой природы кажутся застывшими чудовищами.

Большинство из нас, пейзажистов, работало и продолжает работать сейчас по старинке. Мы не видели очень важного, характерного для современности — машин, моторов, тогда как уже наши колхозные поля были насыщены техникой. Впечатления, полученные на фронте, подчеркнули с непререкаемой силой — что является решающим в наши дни, ибо здесь повсюду, на каждом шагу машины, машины. А наша задача сейчас — запечатлеть следы боев, поля сражений.

Перед нами красивейшие места. Деревня расположена на холмах, за нею в полуверсте, на дороге, ведущей к фронту, виднеется древний бело-розовый монастырь. Снег. Внизу — безлесая равнина. Справа и слева от меня вздымаются к небу высокие трубы печей, впереди несколько телеграфных столбов с оборванными проводами... Между ними разбросаны танки с поднятыми кверху дулами орудий. Природа как бы аккомпанирует нашим чувствам, мятежным впечатлениям боя. Удивительно живо чувствуется в этих пейзажах суровое дыхание войны и та бессмертная слава, которой овеяны наши герои — бойцы и командиры Красной Армии.

Интересно, что одни и те же по внешнему виду, объему и форме немецкие танки совершенно иначе воспринимаются в разных пейзажах. Присутствие машины накладывает на пейзаж совершенно особый отпечаток.

* Опубликовано в газете «Литература и искусство». 1942, 14 февраля. Печатается с сокращениями.

Еще издали мы увидели какую-то груду. Это оказался огромный немецкий грузовик, поломанный, перевернутый, нелепый. Справа и слева от него, а также в глубину, к горизонту, расстилаются широкие пространства. Одиноко брошенная машина не производила впечатления. Почему? Она терялась в этих просторах, ее съедали пространства. Следовательно, задача показать в пейзаже современное и волнующее требует от художника тонкого композиционного чутья, умения найти правильные соотношения для того, чтобы привычные мотивы пейзажа: леса, озера, небо, горы — зазвучали по-новому.

У деревни Званка слышалась пулеметная трескотня, гул орудий, сотрясающий землю. До сих пор мы встречались только с немецкой разбросанной по дороге техникой. Все это были по большей части изуродованные, мертвые вещи, своеобразный натюрморт. В Званке мы увидели уже наши советские танки.

Какие это замечательные машины! Как красиво и мощно движутся они на фоне нашей природы. Как своеобразны по форме, размерам, устройству и окраске танкетки, средние танки, большие танки. Художник должен ближе подойти к ним, изучить их, чтобы правдиво передать эти смертоносные орудия. На сверкающей белизне снега резко выделяются темные, компактные массы трех советских танков между двумя косогорами. Мы изучаем, зарисовываем их, и вдруг на наших глазах развернулось замечательное зрелище. Из-за косогора на равнину вышла вереница бойцов на лыжах. Они шли, спокойные и решительные, широким лыжным шагом, в легких, но теплых костюмах. Они отправлялись на боевую операцию.

Неповторимая картина! Холмистая природа, машины, люди сливаются в одну целостную симфонию. Все исполнено своеобразной динамики, действия. Вот пейзаж, в котором воплощается дух и облик нашей эпохи. Как это непохоже на многие наши произведения: уютные уголки, заводи, куски природы; ими любуются, уходя в себя и отрываясь от большой жизни, которой живет великий народ. Порою мы воспринимаем природу замкнуто, как особый, в себе покоящийся мир, противопоставленный человеку. Сейчас мы с особой силой понимаем, что природа — арена для человеческой деятельности, что она должна быть показана сквозь призму деяний нового человека. В нашей стране должен родиться боевой героический пейзаж, одухотворенный мощью наших людей.

За время моего пребывания на фронте мне удалось сделать довольно много пейзажных зарисовок. Както, когда я работал, ко мне подошли бойцы, полчаса тому назад вышедшие из боя. Они берут мои рисунки, рас-

сматривают их. Слышу реплики: «Надо создать как можно больше рисунков о полях сражений, о Красной Армии, о наших бойцах, о командирах, о нашей технике. Пусть знают, как мы били ненавистных гитлеровцев!»

Эти слова рядового бойца отвечали моим чувствам, которые я как художник пережил на фронте.

П. Соколов-Скаля
В походе с гвардейцами*

Ничего нет прекрасней скромной нежности русской весны: ни яркого пятнышка, ни резкой тени — все тонко, задумчиво, как легкая акварель, как фреска. Серо-палевые прошлогодние травы, трепетная туманная дымка березовой зелени, задумчивые болотца и голубые, голубые дали... Кажется, что на этих огромных просторах нет ни живой души, только птицы носятся и както сонно рассыпают редкие трели по молчаливым долинам. Тишина. Снег сошел совершенно. Даже в лесных оврагах только изредка видны серо-голубые талые куски. Ласковое солнце и легкий прохладный ветерок.

Зимой из-под белого савана кое-где торчали рваные куски железа исковерканных танков, машин. Теперь, когда видишь всю эту когда-то грозную германскую технику мертвой, брошенной оккупантами на русских просторах, становится понятным, какие силы были двинуты Гитлером на Москву и какой героической стойкости русского народа, какого напряжения сил потребовала оборона родной столицы. Памятниками бессмысленных злодеяний врага высятся развалины Истры.

Мой конь то твердо цокает по каменистой дороге, то вдруг по грудь вязнет в темной болотной воде и вновь, потряхивая гривой, весело выбирается на твердую дорогу. Рядом движется походная колонна конницы. Казаки в бурках, папахах, цветных башлыках. Собранные, слитые с конями фигуры. По горизонту по всем опушкам меж редких берез, по оврагам и балкам, через реки и болота, движется прославленный конный корпус.

Традиции легендарной Первой Конной живы в каждом, даже самом молодом всаднике. Та же удаль, та же готовность к боям. Но как внешне изменился вид конных масс современной Красной Армии. Бросается в глаза необыкновенная насыщенность огневыми средствами, которых в прежней коннице не было. Тут и орудия, легко на толстых баллонах колес прыгающие с бугра на бугор. Тут и минометы всех калибров, и противотанко-

* Опубликовано в газете «Литература и искусство», 1942. 6 июня.

вые ружья, притороченные на вьюках, и зенитные пулеметы, и противотанковые пушки — словом, все средства современного боя.

Да и самая фигура казака выглядит по-иному. Башлык и противогаз, дедовская шашка и автомат. Бурка и противоипритная накидка. Самая тактика стала совершенно другой. ПВО внесла свои коррективы в строй и марш конницы, и поэтому не видно больших масс развевающихся знамен, блестящих труб. Образы новой конницы другие — это конные автоматчики, разъезжающие небольшими группами по лесам; это скрытно за естественными укрытиями, быстро передвигающиеся, насыщенные новой техникой и вооружением истребительные части.

Зрительно это, может быть, и не так декоративно, но зато озарено какой-то новой, разумной красотой. Тип донского красавца казака, загорелого, чубатого, выглядит значительно серьезнее от замечательного вооружения, которым он обвешан.

Каждая война имеет свое лицо. Образ платовского казака 1812 года неповторим. Так же глубоко отличен образ героя севастопольской кампании. Даже смежные по времени первая империалистическая война и гражданская война оставили в памяти глубоко различные образы бойцов.

И вот недавно на встрече в Центральном доме работников искусств с одной трибуны выступали молодой комиссар кавдивизии, казак нашего времени, и один из добровольцев его части, прошедший гражданскую войну. Когда заговорил второй, то как бы вошла в зал сама героическая эпоха боев Первой Конной. И речь, и внешность оратора дышали ковыльным ветром, горячей пылью Сальских степей. Даже загар, бронзово-красный степной загар экстатически нервного лица пожилого рубаки, резко выделялся на фоне темно-оливковых скульптурно спокойных лиц молодых воинов-гвардейцев.

Вот сейчас я еду, окруженный этими людьми. Вижу их не в алом бархате президиума, а среди молодых березок, среди сокрушенных войной старых елей, среди полей, вскопанных снарядами и фугасками. Бодрый, скорый марш конницы. Люди отдохнули за передышку, выдавшуюся во время весенней распутицы. Лошади отстоялись и готовы к боям и маршам. Гвардейцы идут в решающие сражения решающего 1942 года.

Много мы знаем прекрасных произведений, изображающих конницу. От парфенонского фриза и ассирийских рельефов к нашему времени идут благородные, строгие традиции батального искусства. Но именно эти

традиции делают современную батальную живопись несвободной от характеристик, взятых не от жизни, а от прошлого. То же, что говорилось выше об образах бойцов различных эпох, целиком относится ко всему, что входит в круг батальной темы. Также это относится и к изображению коня. Так, в среднеазиатской серии картин Верещагина кони изображены не только портретно, с точки зрения породы, — художник создал патетическую поэму о кочевниках, владельцах бесчисленных степных табунов драгоценных коней; о сокрушающей силе конных лав в борьбе с элементарно вооруженной пехотой.

Певец Первой Конной, покойный Греков, так же внимательно портретировавший современную войну, создает совершенно новый образ кавалерии эпохи гражданской войны. Его тяжелые, притомившиеся трудовые кони, несущие на себе борцов за молодую Советскую республику, как нельзя лучше гармонируют с запыленными фигурами конармейцев.

Оба эти художника, посвятившие всю свою жизнь изучению походов и битв и созданию серий замечательных картин из истории родной страны, очень правдиво отразили характер своего времени, а главное, глубоко вскрыли образ и смысл боевых событий, свидетелями и участниками которых они являлись.

Перед нами, художниками великих дней Отечественной войны, стоит неотложная задача найти наиболее верные образы, собирательные образы нашего беспримерного времени. Надо много знать, надо близко, вплотную рассмотреть все детали натуры, надо вжиться в суть событий, дел, людей войны, чтобы взять для искусства характерное, обобщающее. Надо в огромном количестве виденного найти наиболее характерное, наиболее типическое, остро сегодняшнее.

Конница идет на запад, в решающие бои. Загорелые лица, блеск весеннего ласкового солнышка на металле грозного оружия, зеленые всходы под колесами пушек и гусеницами танкеток. В пушистые легкие облачка устремлены шеи зениток. Сквозь прозрачные, задумчивые леса движутся эскадроны, переходят вброд реки и болота, с запада слышен глухой гул канонады.

В. Одинцов
Из дневника художника*

На дворе стояла зеленая теплая ночь. Вдоль линии расположения немцев беспокойно вспыхивали ракеты. Мы подымались быстрым шагом на косогор, торопясь выйти из сферы наблюдения противника. Вот и перевал. Военком остановился. Задумчивым взором окинул он небо и леса у горизонта и вдруг, взяв меня под руку, сказал:

— Помните, как это у Лермонтова:

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям...

С немецкой стороны послышался отдаленный выстрел, затем снова наступила тишина. Военком смотрел на беспокойно вспыхивавший запад и, как бы подводя итог своим мыслям, задумчиво добавил: «Родная земля дороже жизни».

В землянке он оживился. Накинулся на мои фронтовые рисунки. Портрет политрука К. вызвал его негодование.

— Разве это политрук? Образ политрука?! — кричал военком, размахивая рисунком. — О чем он задумался? Размечтался? Нет, ты посмотри, — обратился он к командиру полка, — ишь какая пышная шевелюра!

Мне пришлось разъяснить, что на портрете изображен фронтовой поэт.

— Поэт? — проговорил он в раздумье. — ... Ну это другое дело.

По-видимому, новая мысль овладела комиссаром. Он показал мои рисунки только что вошедшему начштаба.

— Да, не того... — сомневался и тот. — Это какой-то Данте, Гораций.

— Вот! Вот! — восхищался военком. — В этом вся загвоздка. Поэт здесь и нарисован.

Самыми строгими и справедливыми критиками пейзажной живописи всегда были охотники. Художник порой подходит к природе созерцательно. Охотник-следопыт воспринимает ее действенно, активно.

— Это как же, — говорит он, изучая этюд, — ведь тут человеку не пройти: завязнет в трясине.

* Опубликовано в газете «Литература и искусство», 1942, 1 августа. Печатается с сокращениями.

— Да нет, это поле, — возражает художник.

— Ну тогда цвет фальшивый, — с уверенностью опытного человека заключает охотник.

<...> Фронтовые «критики» чем-то напоминают мне охотников. Но круг их наблюдений шире, суждения их глубже. Боевой командир с первого взгляда должен определить состояние бойца, его способность выполнить то или иное поручение. Он становится знатоком людей, его взгляд всегда прикован к пейзажу — к полям сражений. Он живет жизнью, полной опасностей и лишений, он сражается бок о бок с друзьями, он всем сердцем ненавидит врага, и в этих условиях обостряется проницательность людей, вырабатывается точность глазомера — способность по еле уловимым признакам точно определить обстановку.

Я много рисовал на фронте. Впечатления, получаемые мною, бывали иногда необычайно сложны. Приходилось «на лету» схватывать многофигурные, полные движения группы. Их совершенно невозможно было уместить в пределах этюда. Необходимо было немедленно, не откладывая работы в долгий ящик, прибегать к композиционному решению. Я открывал в районах своего пребывания филиал мастерской на каком-нибудь пне. За моей спиной постоянно собирались друзья и горячо обсуждали начатую композицию.

В их советах не было и тени предвзятых книжных требований, которые так часто раздражают в суждениях критиков-профессионалов. Особенно удивляло меня то, что лихорадочная хаотичность этюда, — то его состояние, которое мы считаем понятным только для художника, — совершенно не мешало моим критикам понимать мои намерения и следить изо дня в день (эскиз «Захват огневого рубежа» я делал четыре дня) за образованием сцен и деталей композиции.

<...> Особенно страстные споры возбуждал вопрос о том, следует ли писать «как есть» или «как должно быть». Этот вопрос, на первый взгляд кажущийся совсем простым, настойчиво возникал снова и снова и всегда на новом материале.

<...> И какие бы повороты этот спор ни приобретал, мне было ясно, что у людей армии, имеющих самую различную подготовку — от тракториста до профессора ИКП*— при всем различии их личных темпераментов, во всех высказываниях звучало требование жизненной правды, но такой правды, которая захватывает, увлекает зрителя, той правды, в которой выражены сила и самоотверженная отвага нашего человека, — вдохновенной правды.

Березы и ивы совсем недавно окружали дома большого, широко раскинувшегося села. Здесь кипела

* Институт красной профессуры.

жизнь, слышались девичьи песни. Сейчас только темные останки изб и опаленные стволы деревьев видны там, где трудились и отдыхали люди.

Перед уходом немцы спалили село. И вот лежат брошенные прялки, решета, кувшины, тарелки, весь домашний скарб, такой теперь ненужный. Вот лежит старенькая тряпичная сморщенная кукла. Где ее хозяйка?

Разнообразны и страшны рассказы о судьбе людей погибшей деревни. Мне захотелось надолго, навсегда запомнить это злобное надругательство врага, находившегося еще совсем близко и способного к новым неслыханным преступлениям.

Я писал мрачные останки поруганной жизни, когда прибежал связист и настойчиво потребовал меня в укрытие. Снаряды рвались в расположении нашего пункта.

У блиндажа несколько артиллеристов слушали гармониста.

— Вот, — обратился ко мне командир, указывая на гармониста, — ваш Гудин, которого вы специально приехали писать.

...Через час я рисовал артиллериста Гудина. Позировал он охотно. Сидел как-то по-своему вольно, без всякого напряжения. Рисовать его было крайне трудно. В его нежном девичьем лице, в задумчивых светлых глазах ничего нельзя было прочесть о разбитых вражеских бронемашинах, о грозных схватках с германскими танками. Рыженькие усики, которые Гудин, видимо, старательно отращивал, упорно напоминали пух и только подчеркивали его юность.

Безмятежно было спокойствие этого человека, силы которого развертывались свободно, несмотря на нависшую над его жизнью угрозу. Вечером немецкие блиндажи были разбиты снарядами Гудина.

Уже темнело в лесу, когда меня догнал редактор газеты. Он сообщил мне весть, которой я не хотел, не мог верить. Был убит Гудин. Долго разъяренный враг искал его кочующую батарею, пока случайно залетевший осколок не оборвал бесстрашную жизнь артиллериста.

Ненужно и злобно рявкали немецкие снаряды, оскорбляя благостную вечернюю тишину леса. Серый конь подо мной беспокойно взмахивал хвостом при каждом взрыве. Редактор ехал молча, углубленный в свои мысли. В сумке, висевшей у меня через плечо, покачивался этюдник и альбом с рисунками. Среди них был портрет юноши, в глазах которого еще недавно сияла жизнь и отражалось голубое небо.

Я думал о нем, я думал о нашем искусстве. В своем альбоме я храню память о лучших людях нашей страны. И рисунки моего фронтового альбома сейчас мне дороже всего, что я сделал в прошлом.

А. Лаптев
Чувство нового*

Школа дает знания, навыки, грамотность; пример зрелых живописцев во многом поучителен. Но все это — предварительные условия созревания таланта. Ма́стера формирует жизнь. И если эта жизнь целиком посвящена делу защиты Родины, если она всем своим героическим и трагическим содержанием воздействует на художника, обращается к его совести, настает критический период в его творчестве, закаляется его воля, обостряется его наблюдательность.

В дни войны многие молодые художники ушли в армию. Именно здесь окрепло их дарование. Содружество с журналистами и писателями, тесное общение с народной фронтовой аудиторией приучили художников к оперативности, которой до войны отличалась только группа зрелых мастеров, работавших в центральной печати.

Если не было материалов, молодые художники гравировали на картошке; если не было бумаги, рисовали плакаты на обрывках обоев, но всегда их искусство, наряду с песней композитора и стихом поэта, сопровождало бойца в походе. Мастера ленинградского «Боевого карандаша», художники-краснофлотцы Пророков, Дорохов, Решетников, Сойфертис, Цейтлин, Ромас, художники фронтовой и армейской печати О. Верейский и В. Горяев получили заслуженное признание в армии.

Но художник, работая как пропагандист и агитатор, может и должен быть также летописцем Великой Отечественной войны. Эти две его функции неразрывны.

Страна наша залечит раны. И все же вечно будут пробуждать гнев и благородное негодование правдивые зарисовки, в которых художник изобразит исковерканную немцами русскую землю, разрушенные города, замученных фашистами людей. В этом ряду графических произведений рисунки молодых художников Мочальского, Тархова, Бочкова, коллектива фронтовой студии им. Грекова и многих других займут видное место.

* Опубликовано в газете «Литература и искусство», 1942, 5 сентября.

Трудно сейчас говорить о первенстве тех или иных художественных жанров и приемов. Одно несомненно, что война придала новое значение искусству рисунка, наброска, зарисовки. Своеобразная природа рисунка — его способность быстро передавать большое содержание, пользуясь штрихом и пятном, выразить непосредственность и напряженность личных переживаний — чрезвычайно важно для искусства наших дней.

Художник-летописец войны должен обладать чувством нового, отказаться от всех заученных приемов изображения. Прифронтовой пейзаж стал необычным. Бесконечные борозды окопов, ходов, блиндажи, дзоты и другие укрепления, совершенно новые по своим линиям, силуэтам, сочетаются со старыми пейзажными мотивами. Вот окраина города, где недавно шли ожесточенные бои. Горестно видеть скелеты построек, развороченную внутренность домов, отдельные элементы жилья, как бы отрезанные чудовищной рукой. В этой картине бедствий художнику сначала трудно разобраться. И только когда измерит он всю глубину горя народного, когда проникнется он гневом патриота и увидит живого, борющегося и восстанавливающего разрушенное человека, хаос первоначальных впечатлений складывается в образ. И тогда замечаешь среди груды кирпичей, щебня и пыли нерушимые, сохранившиеся, несмотря ни на что, ворота. Символом жизни кажутся они на фоне сияющего неба. Это уже образ.

Казалось бы, люди остались такими же, что и до войны. Даже больше: можно было думать, что они все стали на одно лицо; стандартны их костюмы, одинаково загорелы лица. Но стоит только приглядеться и замечаешь, что каждый боец имеет нечто только ему присущее. И вместе с тем война наложила на все лица свою печать. Надо перерисовать десятки и сотни портретов, чтобы найти эту общую типическую черту, не поступаясь своеобразием моделей.

Мне пришлось долго работать в гвардейской танковой бригаде, среди людей с глубокими и сильными чувствами, любовью к Родине, со смертельной ненавистью к врагу в душе.

Я зарисовываю двух капитанов — закадычных друзей. Один высокий, другой маленький, только в этом и разница. Оба сероглазы, оба рыжеваты, и «рисоваться» порознь просто не хотели. Я их так и зарисовал в дружной беседе между собой. Кругом бойцы. Смотрят, следят за каждым штрихом, появляющимся на бумаге, радуются, когда узнают товарища. Казалось бы, в таких минутных зарисовках трудно схватить самое характерное. Да, трудно, но вместе с тем самые условия работы помогают освободиться от всего лишнего, от ненужных деталей. Получается экономный рисунок, но

с характерными чертами портретируемого и отсутствием всего того, что свойственно «всем» без исключения. Не потерять индивидуальность портретируемого — вот главное в портретных зарисовках.

Конечно, такие зарисовки требуют большого внимания, напряжения и быстроты в работе. Делая многочисленные портретные зарисовки, я убедился, что нет стандартных форм, стандартных движений, стандартных поз. Я старался прочесть в лице бойца то характерное, что ему присуще, и тот общий отпечаток, который накладывает на все лица война, и показать это в рисунке, может быть, несколько подчеркнуто, образно, жертвуя внешними деталями. Другая область творчества — это люди в новом пейзаже. Связать прифронтовой пейзаж с людьми, очеловечить его, показать неразрывную связь борющегося человека с родной природой — одна из благороднейших задач нашего искусства.

Изобразить правдиво неповторимые картины и народного бедствия, и народного героизма, дать им оценку, показать человека нашей эпохи во весь рост — вот задача молодого художника.

Б. Пророков
Художник-агитатор*

<...> С первых же дней войны мы пробовали делать нечто вроде московских «Окон ТАСС», но обстановка продиктовала иные формы. Нам нельзя было ждать, когда краснофлотцы придут к нашим плакатам. Все бойцы были заняты на своих кораблях или батареях. Нужно было туда бросать всю наглядную агитацию. С первых же дней войны понадобились поэтому небольшие, портативные плакаты и листовки.

Здесь на помощь нам пришел линолеум. Прежде начали вырезать плакатные клише из линолеума на Ханко. Впоследствии выпуск плакатов был организован в Кронштадте. Здесь они печатались в одну краску с последующей подкраской вручную. На Северном флоте выходила серия плакатов «Таран»; она также печаталась с линолеума, но в три-четыре цвета.

На флоте художнику предъявляются требования конкретности и правдивости, оперативности и убедительности.

Формы популяризации героев очень разнообразны. Самая распространенная форма — плакат, пос-

* Опубликовано в газете «Литература и искусство», 1943, 19 июня. Печатается с сокращениями.

вященный боевому счету отдельных соединений или отдельных товарищей. В этом отношении интересен пример балтийских летчиков. Из боевой операции вернулись летчики, потопившие вражеский транспорт. На другой день в их части был создан плакат: монтаж портретов летчиков, текста, описывающего подвиг, и фотографий немецкого транспорта в момент взрыва и в момент погружения его в воду. Художники использовали для плаката сделанные стрелком-радистом снимки горящего транспорта. Сила воздействия такого плаката огромна.

Большую роль в пропаганде героизма играют портреты отличившихся краснофлотцев и командиров.

На Балтике к этой работе были привлечены крупные художники — Верейский, Павлов и др. Портреты их работы используются в плакатах и листовках, в альбомах героев части или корабля и на выставках.

Недавно на Балтике стали выпускать автолитографий — в пять красок — о боевой истории Балтийского флота в Отечественной войне. Это очень нужное дело. Вышедшие в свет автолитографии художников Боима, Непринцева и Трескина показывают участие Балтфлота в прорыве блокады Ленинграда, первые морские бои, героев Ханко...

Плакаты, призывающие к мести врагу, также занимают очень большое место в наглядной агитации на флоте. Обычно они построены на конкретных фактах. Мне довелось видеть в одной части плакат, на котором изображен краснофлотец, насмерть бьющий фашиста. В этот плакат вмонтировано письмо женщины, сын которой погиб как раз в этой части. На полях плаката я читал ряд таких надписей: «Клянусь тебе, мать, отомстить за твоего сына. Старшина II статьи Петров». «Клянусь и я. Автоматчик Суров» и т. д.

На Черноморском флоте в начале зимы, в период очень тяжелых боев, художники сделали альбом «Мсти, моряк», он состоял из зарисовок следов немецких зверств в районах, освобожденных от захватчиков.

Сатира занимает огромное место в наглядной агитации. Потребность в сатирических плакатах и «Окнах ТАСС» огромна.

Зимой, при сильном шторме, во время одного боевого похода, на борт корабля была принята группа промокших до костей моряков. Среди них случайно оказались художник и поэт. Они залезли в машинное отделение погреться. Там узнали, что это за люди, и сейчас же появился краснофлотец с куском бумаги и разноцветными карандашами с предложением делать юмористическую газету. Через два часа газета висела на стене.

В дни наибольшего напряжения на Ханко, когда никакой связи между полуостровом и родиной не было,

а по радио мы принимали очень тяжелые сводки, именно в этот момент и расцвела там сатира. Требовали, чтобы в газете каждый день был отдел юмора. Случилось, что три дня большие статьи вытесняли отдел юмора из газеты. С одного островка, где сидел маленький гарнизон, все время находившийся под минным и артиллерийским обстрелом, краснофлотцы прислали ехидную записку в редакцию: «Мы здесь не унываем, а «Гангут» что же третий день не смеется?» (отдел назывался «Гангут смеется»).

Сатирический жанр, как и все другие, требует убедительности и правдивости. Художникам-фронтовикам необходимо избегать пустого зубоскальства и бахвальства. Им также надо стремиться к максимальной конкретности. <...>

Нужно приложить все силы к тому, чтобы ни один плакат не был пустым, холостым выстрелом, чтобы каждый плакат доходил до сердца.

Кукрыниксы
По освобожденной земле*

За время войны несколько раз мы совершали поездки по фронтовым дорогам. Ездили мы в деревню Петрищево — место трагической смерти Зои Космодемьянской, были в Калуге после ее освобождения от гитлеровцев, немало времени провели в авиационных частях, когда писали портрет А. Молодчего. На днях мы вернулись из поездки по городам и селам, отвоеванным у врага. За месяц мы проехали в автомашине 3400 километров. Наш путь лежал по дорогам войны через Тулу, Мценск, Орел, Курск, Кромы, Фатеж, Сумы и Киев.

Эти дороги помнят горечь отступления и радость побед. Первое, что бросается в глаза здесь, — это остатки разбитой немецкой техники. Но если во время наших прежних поездок вся эта техника обычно лежала моторами на восток, то теперь морды разбитых немецких машин всегда повернуты на запад. Это живописная деталь нового этапа войны, когда Красная Армия настигает и поражает фашистские полчища в момент их отступления и бегства.

Руины, остовы печей, фантастические скелеты обугленных деревьев, разрушенные мосты напоминают о недавнем пребывании здесь врага, о прошедших жестоких сражениях, о потерянном нашими людьми крове, об оскорбленной красоте природы. Но везде в трагическом пейзаже, потрясенном войной, уже видны черты возрож-

* Опубликовано в газете «Литература и искусство», 1944, 1 января. Печатается с сокращениями.

дающейся жизни — это свежие заплаты на крышах наших деревень, пятна новых срубов в орловских колхозах, вновь выросшие плетни вокруг полуразрушенных украинских мазанок.

Дощечкой с надписью «Орел», гордо красующейся на поверженном немецком танке, встретил нас этот замученный, разрушенный фашистскими варварами город.

С типично немецкой педантичностью гитлеровцы уничтожили все крупные здания в Орле. Днем специальные команды обходили улицы и помечали дома буквами, обозначавшими сожжение или взрыв. Около домов, предназначенных к сожжению, выставлялись щиты, облитые керосином. С вечера начинали действовать подрывные команды. Жителям под страхом смертной казни запрещалось подходить к обреченным домам. Однако с опасностью для жизни советские люди стирали фашистские пометки, ставили другие щиты, — облитые водой, — и так спасли не один дом. Сейчас город ожил. Всюду слышен стук топоров, визг пил. Строят, чинят, восстанавливают. Уже пущен трамвай, дан электрический свет <...>

По дороге в Курск проезжали мы поля битвы за орловский плацдарм — битвы, вошедшей в историю как одно из величайших проявлений советского героизма и полководческого гения.

Тут же, неподалеку от Орла, встретили мы на одном из столбов наш плакат: «Под Орлом аукнется — в Риме откликнется». Это был не первый плакат, попавшийся на нашем пути. Как правило, все дороги оформлены увеличенными плакатами, панно, короткими лозунгами. Едешь на машине, и перед глазами мелькают знакомые работы товарищей — Б. Ефимова, Ю. Ганфа, Д. Моора, В. Лебедева, В. Корецкого и других. И вещи, которые на московских улицах кажутся такими привычными, здесь приобретают особое звучание, новую силу воздействия.

Особенно запомнилось нам полотнище со словами Чапаева: «Если убьют, и то головой вперед падай». Часто встречается лозунг: «Хочешь жить — убей немца». Многие обращения носят деловой характер советов и инструкций проезжающим. Печатных плакатов явно не хватает, их часто приходится заменять увеличенными перерисовками газетных и «крокодильских» рисунков. На Украине мы на многих хатах видели монументальные росписи героического и сатирического характера, портреты бойцов, слова приветствий Красной Армии — освободительнице.

Мы захватили с собой несколько комплектов плакатов и «Окон ТАСС». И надо было видеть, как жадно вырывали их у нас из рук. Все это говорит о том, сколь

велика нужда в агитационном изобразительном материале. Наши издательства этот спрос явно не удовлетворяют.

Вообще интерес к искусству огромен. В освобожденных городах все театры каждый вечер переполнены. Приезды концертных бригад — праздник для воинских частей и населения.

Пустым и безлюдным показался нам очаровательный украинский город Сумы. Почти все местное население угнали немцы в рабство. Лишь немногим удалось спастись.

Наша квартирная хозяйка рассказала историю своего избавления.

Незадолго до ухода немцы пустили по городу автомашину с радиорупором, через который извещали население о том, в какой день жители каких улиц должны явиться в полицейское управление для отправки в Германию. За неявку грозили расстрелом. Тогда наша хозяйка стала переходить с улицы на улицу и так, скрываясь и странствуя, она спаслась от немецкой каторги 〈...〉.

К Киеву мы приблизились в сумерки. Первое, что мы увидели на правом берегу реки, огромное панно, воспроизводящее «Трех богатырей» Васнецова. Панно висело среди проволочных заграждений, скрюченных рельсов, огромных воронок.

В Киеве мы были впервые, и даже истерзанный и разрушенный — Киев показался нам прекрасным. К счастью, немцы не успели уничтожить художественные памятники и соборы украинской столицы. Нам удалось посмотреть чудесные росписи молодого Врубеля в Кирилловской церкви. 〈...〉 И все же немало ценнейших творений погибло от руки фашистских вандалов: сожжено здание университета, пострадали фрески и мозаики Софии. Врубелевские росписи нуждаются в немедленной реставрации.

Вспоминая тяжелый кошмар двухлетнего рабства, киевляне рассказывают, с каким трепетом ждали они дня своего освобождения.

— Лучшей музыкой для нас, — говорил один киевлянин, — был гул советских самолетов — предвестие приближения нашей армии.

Ни газетные очерки, ни литературные произведения, ни рассказы очевидцев не могут заменить того, что увидишь своими глазами, переживешь своим сердцем. Только в гуще жизни, среди людей, творящих историю, можно по-настоящему понять масштабы событий, современниками которых мы являемся, ощутить величие, силу и мужество нашего народа.

Приложение 3

Из жизни московских музеев в годы войны

С. Н. Дружинин
В дни войны и победы
(Из «Воспоминаний»)

С. Я. Гильман
Музейная работа в дни войны

С. Н. Дружинин
В дни войны и победы. (Из «Воспоминаний»)*

Зима 1941—1942 года. Ночь. Сегодня тихо, радио молчит, ни тревог, ни отбоев. Скоро два — пора в обход.

Мой напарник по ночному дежурству — Андрей Григорьевич Догадин. Он чудесный человек, всегда ровный, спокойный. Лицом похож на Николу Угодника, только не суровый, а благостный, улыбчивый. Голос у него высокий, но глуховатый, да и сам он глуховат,— он уже глубокий старик (служил в галерее еще при Третьякове).

И вот мы идем с ним в обход по пустым гулким залам.

На улице нынче лютый мороз — за тридцать. А когда идешь ночью по галерее, кажется, что все шестьдесят. В не какой-то особый, злобный, притаившийся мороз, всюду проникший, все пропитавший. Кое-где в залы забирается ветер. Это там, на верхнем этаже, где стеклянные потолки не выдержали бомбежек. Их по мере сил латают фанерой, днем от нее темно, а ночью при ветре она трясется и словно стучит зубами от холода.

Мы идем по залам в полной тьме. У Догадина в руках фонарь, но его стекло так густо, так «честно» замазано синькой, что он имеет скорее символическое значение. Правда, ноги сами ведут, они помнят каждую ступеньку, каждую щербину пола.

По перекинутым доскам, гуськом, переходим разбомбленный зал (первый налево от верхней площадки главной лестницы). Под нами черный провал.

Дальше идти спокойно, лишь хрустнет иногда под ногой осколок стекла или зашуршит сухой снежок (в зале Перова его намело полный угол, пока мороз — это не страшно).

Но все кончается, окончен и долгий обход. Теперь — до четырех. Я иду в бывший директорский кабинет. Здесь висит стылый махорочный дух (днем здесь работают). Надо скорее скрутить самому, тогда сразу воздух станет легче.

По-прежнему тихо. Я сажусь в глубокое кожаное кресло (сколько заседаний в нем просижено!) и незамет-

* Опубликовано в журнале «Искусство», 1980, № 5, с 43—46. Написано в 1967 году.

но ухожу туда, в те времена, о которых говорят: «Вот, до войны...»

Странно, когда днем я бываю в залах и смотрю на голые стены с обрывками свисающих веревок, я с трудом припоминаю, где, что и как висело. А сейчас, ночью, закрыв глаза, я мысленно могу обойти зал за залом всю Третьяковку и вижу каждую стену, каждый простенок, все до одной картины, вижу так ясно, что становится даже жутко.

А потом залы наполняются людьми, слитным шумом, ярким солнцем и той духотой, которую не понять тому, кто не бывал в старой Третьяковке в жаркий летний воскресный день.

Но вот и другое воскресенье, неизгладимое в памяти... С утра я — сотрудник «Кабинета по написанию истории русского искусства», возглавлявший работу по V тому, — упорно скрипел пером, предвкушая заслуженный отпуск... И вдруг в дом ворвалось, ударило слово — Война.

Через несколько дней залы галереи наполнились досками, стружками, ящиками, валами для накатки картин... С раннего утра до глубокой ночи (благо дни были длинные, а ночи короткие) вжикали пилы, стукали молотки и среди оголенных стен раздавался извечный бурлацкий призыв — «раз, два, взяли!» И «брали», все, даже те, кто, казалось, не мог взять!

Третьяковка уехала в Новосибирск.

В Москве осталась лишь небольшая часть сотрудников. Возглавлял этот коллектив С. И. Пронин, научным руководителем был Г. В. Жидков, секретарем партийной организации — М. Ф. Савелов. Среди научных сотрудников зимой 1941/1942 года были А. В. Лебедев, А. А. Рыбников, А. И. Архангельская, М. Н. Райхинштейн, Е. Ф. Каменская, А. В. Феофанова, автор этих строк, а также лекторы А. А. Воловов и В. В. Садовень. Остались в Москве и несколько человек из внутренней охраны — женщины и старики.

Этот маленький коллектив выполнял немалую работу. Надо было сохранить неувезенные художественные ценности (последний эшелон был отправлен нами осенью 1942 года, но и после этого оставался еще «запасник» на Ордынке).

Надо было не только беречь, но и «лечить» здание галереи, поврежденное бомбежками. Постепенно, по частям, с великим трудом восстанавливались залы. И как только определенный отрезок здания вступал в строй, в нем устраивались выставки.

В эти тяжелые, голодные и холодные годы в залах галереи были открыты большие выставки советского искусства — «Великая Отечественная война» и «Героический фронт и тыл». Были и персональные и групповые

выставки советских художников-москвичей: К. Ф. Юона, В. Н. Бакшеева, В. Н. Мешкова, П. П. Кончаловского, П. Д. Корина, Г. К. Савицкого и других. К выставкам печатали каталоги. А позже, в 1944 году, к выставке в честь столетия со дня рождения И. Е. Репина был издан не только каталог, но и напечатана написанная мною небольшая книжка о его жизни и творчестве[1].

Конечно, труды «Кабинета по написанию истории русского искусства» были «законсервированы». Но в галерее устраивались научные заседания, на которых результатами своих исследований делились не только ее сотрудники.

Мы принимали активное участие и в работе секции критики Московского союза художников. Там мне выпала честь первым сделать доклад о творчестве Павла Дмитриевича Корина.

В начале 1942 года была задумана серия брошюр «Образы великих русских полководцев в искусстве» (Александр Невский, Дмитрий Донской, Минин и Пожарский, Суворов и Кутузов). Раньше всех появился в свет прекрасный очерк о Суворове, талантливо написанный А. В. Лебедевым (по воле судьбы, запланированный первый выпуск с моей общей вступительной статьей ко всей серии вышел позже)[2].

Сотрудников галереи посылали и в поездки по стране для охраны музеев и памятников искусства. Я и реставратор М. Ф. Иванов-Чуронов, вернувшийся после ранения с фронта, ездили по волжским городам Ярославской области. А весной 1944 года я вместе с искусствоведом А. И. Михайловым был направлен в Крым, куда мы добрались через несколько дней после его освобождения — Севастополь еще дымился. Мы должны были наладить охрану музейных ценностей и установить по горячим следам ущерб, нанесенный захватчиками.

Когда в галерее стали устраиваться выставки, возродилась и экскурсионная работа.

Мало-помалу рос и «штат» — возвращались по одному научные работники и экскурсоводы. Первой из экскурсоводов вернулась в «голодную» галерею Тамара Хайновская, бросив для этого «хлебное» место.

Наконец, научные работники (кто больше, кто меньше) вели массовую пропагандистскую работу. Главное место в ней занимали лекции в воинских частях и воинских школах, на агитпунктах и в госпиталях (где устраивались и выставки репродукций).

[1] С. Н. Дружинин. Илья Ефимович Репин. М., 1944.

[2] С. Н. Дружинин. Великие русские полководцы в изобразительном искусстве.— Вступительная статья к книге: В. И. Антонова. Александр Невский М., 1946.

Уже в те напряженные, тревожные дни, когда мы вбивали в крышки последние гвозди и, расставаясь с Третьяковкой, упорно твердили — «до скорой встречи», на воинских агитпунктах московских вокзалов выступали наши «старики» — А. А. Воловов и В. В. Садовень.

Не случайно массовая работа в дни войны началась с агитпунктов. У всех была тогда одна цель — всеми силами, всеми средствами помочь борьбе и победе. Перед галереей встала задача не мирной пропаганды искусства, а агитации — на материале искусства, средствами искусства. Основной темой выступлений на агитпунктах была тема «Героическое прошлое и настоящее русского народа» 〈...〉.

Много лекций довелось прочесть и мне.

Я читал и «привычные» лекции о русском искусстве и о его замечательных представителях. Правда, и они отличались от «довоенных» — они не были «академичны». Пафос этих лекций был в том, чтобы показать, какие великие художественные ценности создал русский народ за века своей истории, показать, что мы храним, что защищаем.

Но больше всего в годы войны я читал лекцию на тему «Наша Родина в образах искусства».

Я готовил ее с большим увлечением и любовью. А потом все время совершенствовал, изменял и обновлял ее материал, ее построение. Я разрабатывал всякие ее варианты, для разных аудиторий и различных условий чтения. Был у меня «короткометражный» вариант, был и «многосерийный». Я обычно читал ее час, мог читать и два, но, если было нужно, был способен уложиться и в пятнадцать минут.

Цель этой лекции была не в том, чтобы учить, сообщать сведения, расширять знания или давать критический анализ произведений, отвечающих теме. Нет, в этой лекции, как и во всей работе в те годы, мне хотелось пробудить, укрепить, удесятерить чувство Родины, хотелось, чтобы люди, смотря на картины русских художников, вновь пережили любовь к родной земле, чувство законной гордости великими представителями русского народа, его славным прошлым, его героическим настоящим 〈...〉.

Несколько раз с этой лекцией меня направляли (от Политического Управления РКК, через ЦДКА) в прифронтовую полосу, которая тогда была недалеко от Москвы. Сажали меня в машину в сумерках, ехали «на запад» — куда, говорить было не положено, а привозили обратно уже в непроглядной тьме. Раз, подъезжая к Москве, мы налетели на надолб. Помню, как брел я, не видя дороги, по жидкой грязи, с переносным фонарем в одной руке и с диапозитивами в другой, и дрожмя дрожал от холода, дожидаясь первого утреннего автобуса.

Но особо мне запомнилась одна поездка. Когда я прибыл на место, выяснилось, что то поврежденное здание, в котором помещалась (точнее, собиралась) воинская часть, освещается от «движка», а значит, мой фонарь и диапозитивы ни к чему. Но это было полбеды. Главное было в том, что часть заказывала и ждала не лекцию по искусству, а лектора, который должен был сделать доклад к годовщине Октября! (Это было накануне праздника.) Я пытался объяснить, что произошла ошибка, но седой полковник прервал меня и решительно сказал: «Раз послали, надо выполнять!» Потом справился: «Двадцать минут хватит?» Что я мог сделать? С великим волнением ступил я на шаткие скрипучие подмостки... Я начал, как положено, с того, в какой обстановке мы встречаем Октябрь, что перед всей страной стоит одна задача — выстоять и победить, и быстро перешел к «своей» теме, черпая материал из подготовленной лекции. Чем дальше, тем свободнее, тем взволнованней я говорил, и уже по живым глазам и радостным лицам, по «току», идущему от слушателей, почувствовал, что «взял» их, что нашел «путь к сердцу», что могу говорить, сколько хочу, забыв про регламент. Очевидно, помогло именно то, что мое выступление было совсем не похоже на тот доклад, который они приготовились слушать. Когда я кончил, полковник поднялся, встал рядом со мной, хотел что-то сказать, но только махнул рукой и вдруг обнял меня и поцеловал... Что может быть дороже сознания, что ты нужен людям, что ты несешь им радость? 〈...〉

Настал 1945 год. И эшелоны потянулись обратно — с востока на запад. Третьяковка поехала домой, в Москву. Вновь залы музея заполнили ящики, ящики, ящики... Но в ее стенах раздавался уже не тупой прощальный стук молотков, а скрежет и визг радостно выдираемых гвоздей, долгожданный скрип отгибаемых крышек.

Мне не пришлось быть летом на открытии галереи.

Во второй половине апреля я, «возведенный в чин» майора, как искусствовед и музейный работник был направлен Особой комиссией при Государственном комитете обороны (ГКО) на 1-й Белорусский фронт в Германию, где пробыл до середины октября. 〈...〉

В нашей группе, кроме меня, был только один искусствовед — Алексей Иванович Михайлов[1]. Он взял на

[1] *Через некоторое время к нам присоединился С. П. Сидоров (художник по образованию, в ту пору работник Комитета по делам искусств). Позже, летом приезжал для консультаций профессор В. Н. Лазарев, а ближе к осени в Берлине работали замечательный знаток античного искусства В. Д. Блаватский и художник-реставратор М. Ф. Иванов-Чуронов.*

себя обследование городов и поместий, окружавших Берлин, совершая и дальние поездки, и летом вернулся в Москву.

Мне достался Берлин. В нем основными местами хранения художественных сокровищ были четыре «точки»: бункер «ам ЦОО» (в Зоологическом саду) — грандиозное сооружение, в верхнем этаже которого были помещены главным образом прозведения античной и египетской скульптуры (в нижних этажах находился военный госпиталь); бункер в Фридрихсхайне; Старый монетный двор — Мюнце, в подвалах которого был укрыт, в частности, римский скульптурный портрет; и наконец, подвалы музеев на Музейном острове.

Все это надо было взять на учет и создать нормальные условия хранения, предотвратив и исключив какие-либо случайности.

А такие «случайности» были. Так, например, защитники бункера в Фридрихсхайне, перед тем как сдаться, обезумев, решили уничтожить находившиеся в нем художественные ценности и устроили пожар. Экспертиза установила, что помещение было облито горючей жидкостью. Прежде чем наши потушили пожар, дотла сгорели ценнейшие гобелены, а находившиеся в ящиках произведения мелкой пластики от высокой температуры местами «спеклись» и мрамор стал хрупким. Когда из Москвы приехал В. Д. Блаватский, он как специалист-археолог произвел своего рода «раскопки», с чрезвычайной осторожностью извлекая вещицу за вещицей, фигурку за фигуркой.

А подвалы Мюнце чуть ли не на метр были залиты водой. Когда я впервые попал туда, воды уже не было, но было сыро, влажно. Те произведения, которые были размещены на подставках, не пострадали. Но что это лежит на полу, словно спит, подвернув под голову руку? Да ведь это знаменитая мраморная копия с прославленной «Раненой амазонки» Поликлета! Видимо, в свое время ее положили на пол для устойчивости, боясь сотрясений. И вот ей, бедной, суждено было принять холодную мутную ванну, — вся она была подернута серым налетом. Я робко, с трепетом тронул носовым платком ее правую закинутую руку (к ее лицу я не позволил себе прикоснуться) и со вздохом облегчения понял, что стоит только вывезти ее отсюда, отдать в руки реставраторов, и они легко ее отмоют, вернут ей первозданную чистоту. <...>

Мне были выданы удостоверения, в которых я именовался «представителем Уполномоченного Особой комиссии при ГКО на 1 Б. Ф.», и просто «уполномоченным», и в которых предлагалось «начальникам тыла армий, командирам частей и соединений и военным комендантам оказывать майору Дружинину С. Н. все-

мерную и активную помощь», а также «выполнять все его специальные указания».

В мое распоряжение была предоставлена рота солдат. Какие это были чудесные ребята! Сколько сметки, выдумки проявили они при ее упаковке и перевозке, люди, никогда до этого не соприкасавшиеся со скульптурой! С каждым днем в них все сильнее пробуждалось не только почтение к древнему искусству, но и осознание его художественной ценности, его живое восприятие.

Я не могу забыть глубоко тронувшую меня сценку. Солдат держит на руках античную женскую голову (как и все подлинные греческие мраморы — с поврежденным носом). Он с нежностью всматривается в ее черты и, не отрывая от нее глаз, говорит мне: «А ведь он, видать, любил ее, товарищ майор...»

Настали дни трудной, сложной работы. Они начинались на рассвете и кончались много позже «комендантского часа». Нередко, валясь с ног от усталости, я, добравшись до машины, тут же впадал в «небытие». Пока меня везли по пустым, как бы вымершим улицам Берлина, я успевал не раз заснуть, проснуться и вновь спокойно задремать, увидев, скажем, что «это только еще Александер-плац».

Но за все тяготы и труды была особая, великая награда. С чем сравнить счастье непосредственного общения с дивными произведениями искусства, теми, которые обычно отчужденно стоят на постаментах в строгих музейных залах, отгороженные веревочками, — «руками не трогать!» А здесь я был с этими произведениями «лицом к лицу», я видел каждую их пору. Я должен был их брать на руки, осязая всю их пластическую прелесть!

Были и беспечальные дни отдыха, поездки, дальние — «в природу», и ближние — в Потсдам. Его военным комендантом был прекрасный человек — капитан Лутшувейт, именем которого теперь названа одна из потсдамских улиц.

Были и приятные вечера в нашей «штаб-квартирке» в Карлсхорсте, где нередко собирались художники-москвичи, работавшие тогда в Берлине, — Дейнека, Мочальский, Финогенов, Соколов-Скаля.

Скаля и Мочальский упорно работали, писали рейхстаг, делали этюды к будущим картинам.

Дейнека, казалось, трудился меньше других, больше говорил за стаканом вина, умно и трезво, об искусстве и жизни. Но именно он создал маленькую по размеру вещицу, изумительную по емкости художественного образа (она теперь в Третьяковской галерее)[1].

[1] Имеется в виду небольшая пейзажная акварель «Берлин в день подписания Декларации. Май 1945 года».

В ней есть все: и Берлин (хотя изображен всего-навсего один дом), и Победа — в трепещущих флагах союзников, и мир — свет и тишина в ясном безоблачном небе.

Радостным для меня был и тот день, когда я получил благодарность «за успешное выполнение задания» и был награжден подарками. Я бережно храню выписку из приказа Главнокомандующего Советских оккупационных войск в Германии Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова.

Но самым ликующим, самым лучезарным был, конечно, День Победы.

Девятое мая я встретил «на ближних подступах» к Берлину — в маленьком городке, где стояла наша часть.

Этот ясный, теплый, солнечный день начался со встряски — ни свет ни заря прямо у наших окон раздалась ружейная пальба. Первая мысль, спросонок, — прорвались из леса какие-нибудь отчаянные, несдавшиеся (так было неподалеку от нас за два-три дня до этого). Но стоило выскочить во двор, как все стало ясно: «Слышь, товарищ майор, амба!» Не тревога, а она — долгожданная победа! Поцелуи, объятия, кого-то качают...

Короткий митинг под открытым небом, и снова вверх, в воздух — бах-бах-бах! За обедом — «разрешение вина и елея», тосты и ура — ура-ура!

А после обеда известие: в бункере «ам Цоо» «какие-то древние камни (так было сказано), говорят, ценные». Срочно собираемся и едем в Берлин. ⟨...⟩

По шоссе и по проселкам на восток едут и бредут, подталкивая тележки, освобожденные поляки, болгары, французы, — мелькают самодельные национальные флажки... Остановка. Мы выскакиваем из машины, они спрыгивают с грузовиков. Приветственные крики, рукопожатия, радостные слезы...

Но вот и Берлин. Вечерний, пустой. Черные скелеты домов на красном закатном небе. Тут и там еще дымят пожары. И порой тяжелое «у-ух» — столб пламени, и рушится обреченное здание.

Мы пересекаем Берлин с востока на запад — Франкфуртер-аллее, Александер-плац, Шлосс-плац, Унтер-ден-Линден... Бранденбургские ворота еще заложены камнем (чтобы не прошли под ними войска победителей), только в среднем пролете уже пробит проход. А справа — избитый, израненный рейхстаг, исписанный и так и этак, и углем и мелом...

Наконец — Зоологический сад. В нем грубый громадный (пять больших этажей), серый, как бы вросший в землю бункер, прикрытый непробиваемым восьмиметровым пластом железобетона.

Лестницы, лестницы, переходы, площадки, двойные двери и огромный темный (без окон) зал.

Вспыхивает свет переносного софита. И прямо передо мной, слева от входа, кричащий, стонущий в муках гигант, и над ним гордая, победившая Афина. А справа — бурный, торжествующий Зевс... Так вот они, эти «древние камни»! Фриз Пергамского алтаря! (Мы когда-то, смотря с высот греческой классики, говорили о его грубости. Но в этот миг я был потрясен, захватило дух, сердце билось в горле.) Борьба богов и гигантов! Вечная тема, вечная борьба жизни и смерти, света и тьмы. Мне стало страшно — более двух тысяч лет назад художник сказал то, что было вчера, что жило в нас сегодня... Победа и гибель, разрушение и страстное радостное утверждение жизни!

Так закончился для меня этот волнующий, незабываемый исторический день.

С. Гильман
Музейная работа в дни войны

Эта статья — дань уважения и благодарности работникам крупнейших музеев Москвы, которые в лихую годину войны сумели сберечь многовековые сокровища мирового и национального искусства — историю, память, духовную основу существования народа.

В конце июня 1941 года в московские музеи пришло распоряжение о немедленном снятии экспозиций и подготовке вещей к эвакуации. Фонды московских и ленинградских музеев подлежали эвакуации в первую очередь. Так началась для музеев война — неотвратимое и грозное событие, обрушившееся на нашу страну.

В течение пяти дней экспозиция Третьяковской галереи — три тысячи произведений — была снята со стен, одновременно картины вынимались из рам и снимались с подрамников[1]. Затем десять дней, с 5 по 15 июля, шла напряженная работа — подготовка вещей к эвакуации. С утра до поздней ночи оклеивали клеенкой ящики, прочищали и сортировали по размерам картины, трижды оборачивали особой бумагой и упаковывали их в ящики. Отдельно складывали рамы от картин[2]. 12000 художественных произведений, в основном живопись, было упаковано в это короткое время[3].

[1] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-II, оп. 1, 1944 г., ед. хр. 21, л. 47. Здесь и далее примечания к этой статье принадлежат С. Гильман.

[2] См.: М. Колпакчи. Незабываемые дни.— В кн.: Государственная Третьяковская галерея и ее сотрудники в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). М., 1975, Ротапринт. Архив ГТГ.

[3] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-II, оп. 1, 1944 г., ед. хр. 21, л. 15.

В истории музейного дела задача передвижения такого большого количества картин в столь краткий срок стояла впервые. Эвакуация лучших произведений искусства поставила ряд важнейших вопросов в области консервации. В Третьяковской галерее была разработана специальная методика упаковки произведений. Картины крупных размеров («Боярыня Морозова», «Утро стрелецкой казни», «Явление Христа народу», «Богатыри», «Крестный ход» и другие) накатали на специальные валы большого диаметра, поместили в цинковые цилиндры, запаянные для предохранения от влияния атмосферных колебаний, и упаковали в специальные ящики. Остальные картины, также заключенные в изолирующие оболочки, укрепили на амортизаторах в тесовых ящиках, обитых внутри фанерой и оклеенных клеенкой[1].

В подготовке к эвакуации был использован опыт перевозки за океан (на международную выставку в Нью-Йорк) шедевров Третьяковской галереи, когда директором музея А. И. Замошкиным и реставратором Е. В. Кудрявцевым был впервые применен метод накатки холстов на валы.

Все сотрудники галереи участвовали в этой громадной и ответственной работе. Оперативность в деле спасения художественных ценностей предотвратила их возможную гибель. В дни вражеских налетов на Москву три фугасные бомбы попали в здание галереи. Пострадали многие залы верхнего этажа, подземный гардероб и некоторые подсобные помещения, а также один из жилых корпусов[2]. Было повреждено 750 художественных рам[3]. Первая фугаска попала в зал Н. Н. Ге, но картины были уже вывезены. За один день до попадания в галерею двух бомб была снята и упакована мозаика М. А. Врубеля[4]. Рабочие реставрационных мастерских помогали эвакуировать сокровища других московских и подмосковных музеев. Шесть живописных панно Мориса Дени и три панно Боннара, вмонтированных ранее в стены в Музее новой западной живописи, избегли участи уничтожения. Их, как и большие картины Третьяковской галереи, накатали на валы и упаковали. В Загорске работники галереи заклеивали и упаковывали рублевские иконы.

В Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина уже в первые два дня войны все шедевры были сняты из экспозиции и перенесены в подвал[5]. После получения приказа об эвакуации стали определять очередность

[1] См. М. П. Симкин. Советские музеи в период Великой Отечественной войны.— В кн.: Труды НИИ музееведения, вып. 2. Очерки истории музейного дела в России. М., 1960, с. 191.

[2] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-II, оп. 1, 1944 г., ед. хр. 21, л. 47.

[3] М. П. Симкин. Указ. соч., с. 266.

[4] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-II, оп. 1, 1944 г., ед. хр. 21, л. 47.

[5] А. А. Демская. Краткое сообщение о музее в дни Великой Отечественной войны, сделанное на юбилейном заседании, посвященном 30-летию Победы. Машинопись. Архив ГМИИ им. А. С. Пушкина.

эвакуации художественных произведений. В зависимости от исторической и художественной ценности экспонаты делились на три группы. Работа шла в угрожающей обстановке: уже в первые военные недели на здание музея посыпались зажигательные бомбы. В один из налетов восемь бомб взорвалось во дворе музея. Одна зажигалка пробила перекрытия и упала, к счастью, не разорвавшись, в Греческий дворик. Трудность задачи усложнялась еще и резким сокращением штата музея, переведенного, как и все учреждения, на режим военного времени.

Методика упаковки, примененная в Третьяковской галерее, была использована и здесь. Но в Пушкинском музее надо было эвакуировать не только картины, но и тысячи вещей самых разнообразных форм и материалов, очень чувствительных ко всяким внешним воздействиям. Хрупкие сосуды и вазы, деревянные рельефы и саркофаги нуждались в различных способах упаковки. Их по-разному крепили в ящиках, обитых фанерой и клеенкой. Древние папирусы бережно укладывали между пластинками линолеума. Монеты и медали проходили профилактическую обработку и покрывались тончайшим слоем расплавленного воска[1].

Первую партию материалов, так же как и в галерее, упаковали за десять дней. 1001 музейный экспонат должен был уехать на восток. Куда именно — не знали. Название пункта назначения (Новосибирск) до момента прибытия в город было военной тайной.

15 июля 1941 года с Казанского вокзала отошел первый музейный эшелон. Через несколько часов, когда он был уже далеко от Москвы, железная дорога, по которой он прошел, подверглась жестокой бомбардировке[2]. Эшелон возглавлялся Александром Ивановичем Замошкиным. Коллекции Пушкинского музея сопровождал реставратор скульптуры М. А. Александровский. Вместе с экспонатами этих двух крупнейших музеев из Москвы вывозили ценнейшие произведения Музея нового западного искусства, Музея искусств народов Востока, архивы Музея музыкальной культуры и коллекцию музыкальных инструментов Московской консерватории[3]. Все эти фонды, к которым впоследствии присоединились экспонаты еще нескольких музеев страны, были размещены в здании Новосибирского оперного театра. Так возник на востоке страны так называемый Филиал Третьяковской галереи, которым руководил А. И. Замошкин.

16 августа 1941 года из Пушкинского музея была отправлена в Соликамск вторая очередь подлежащих

[1] А. Ш. Музей изобразительных искусств в дни войны и восстановления.— В кн.: Памятники искусства. Бюллетень Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Вып. 1. М., 1947, с.7

[2] А. А. Демская. Указ. соч.

[3] См.: С. Разгонов. Хранители вечного. М., 1975, с. 18, 19.

эвакуации произведений — сначала по железной дороге, потом по реке Каме. На той же барже плыли экспонаты Театрального музея им. А. А. Бахрушина, Музея искусств народов Востока, Останкинского музея, Третьяковской галереи (вторая очередь)[1].

В Третьяковской галерее после отправки первого эшелона упаковка произведений продолжалась. Подготавливались к эвакуации скульптура, рисунки, иконы, живопись из запаса. В работе сотрудникам музея помогала специально выделенная бригада художников МОССХ. 12 августа на галерею упали две фугасные бомбы. Это событие ускорило решение вопроса с отправкой второй очереди. В течение трех дней был упакован 41 ящик с 2294 произведениями искусства[2]. Вечером 15 августа от Речного вокзала отчалила баржа. Уезжали «Иван Грозный» М. М. Антокольского, «Амур» М. И. Козловского, древнерусские иконы, 45 ящиков с выставкой И. И. Бродского, переданных галерее для отправки. Ценности сопровождали старший научный сотрудник галереи М. М. Колпакчи и реставратор И. В. Овчинников. «Около 11 часов вечера, — вспоминает М. М. Колпакчи, — мы попали в полосу воздушных боев. Оглушительные разрывы снарядов. Сыпались осколки и дырявили крышу баржи. Брезенты предохраняли ящики до Горького. Дверь была наглухо закрыта. Утомленные обитатели баржи скрылись за ящиками. Солдат с ружьем, И. В. Овчинников и я стояли у левой двери. Мы приоткрыли дверь и в щель наблюдали за происходящим. Нашу баржу ярко освещали, по берегу бежали воины. А небо? О, небо — оно светилось тысячами ярких звезд и множеством осветительных приборов и лучами прожекторов, освещающих далеко в высоте скользящие серебристые бомбардировщики врага. Все стало стихать. Оглянулась, Овчинникова не было. Заснул на ближайшем ящике. Солдат с ружьем остался у двери»[3].

Через 10 дней баржа подошла к Горькому. Здесь — ремонт и принятие нового груза: присоединились экспонаты Русского музея. 14 сентября достигли Перми. Долго еще пришлось жить на барже, прежде чем удалось решить все организационные вопросы. Только в конце сентября, когда выпал первый снег вперемежку с дождем, началась разгрузка. Ящики предстояло поднять на левый высокий берег Камы. Там стояла летняя церковь XVIII века, где должны были храниться привезенные экспонаты. В гору, по слякоти и грязи, при постоянных перебоях с транспортом вещи постепенно переносились на новое место хранения. К 10 октября разгрузка

[1] А. А. Демская. Указ. соч.
[2] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-II, оп. 1, 1944 г., ед. хр. 21, л. 47.
[3] М. Колпакчи. Указ. соч., с. 6.

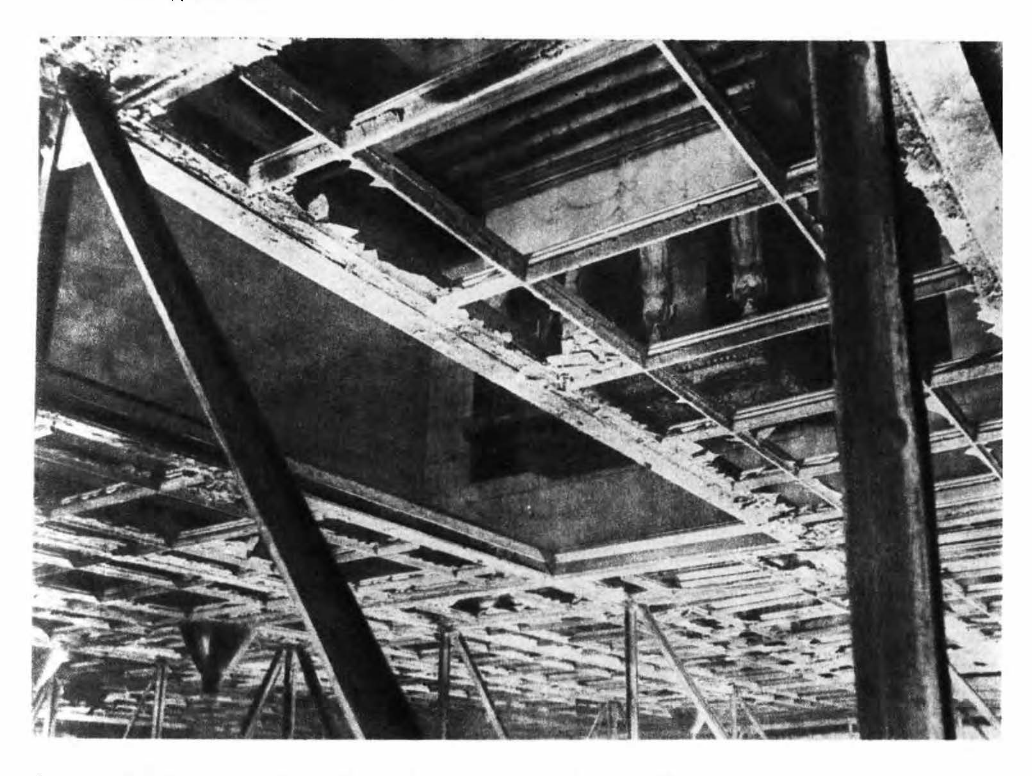
была закончена. Однако Пермская галерея смогла принять далеко не все грузы. Оставшиеся отправили дальше, в Соликамск[1].

После второй отправки по распоряжению Комитета по делам искусств при СНК СССР в Третьяковской галерее продолжали упаковывать оставшиеся произведения (в основном скульптуру). Эта работа была закончена к 20 сентября. 25 ноября эвакуировали третью очередь художественных произведений. Только после декабрьского наступления Красной Армии эвакуация музея была приостановлена. Все, что осталось неупакованным — в основном графика и плакаты, менее ценные материалы древнерусского и прикладного искусства, — сосредоточили в запасах.

Задача сохранения оставшегося в Москве была не менее сложна и ответственна, чем подготовка эвакуации. В неотапливаемом, поврежденном бомбежками здании галереи хранение было крайне затруднено и требовало особо тщательного наблюдения. В течение 1942 года сотрудники ежедневно обходили запасы и залы. При угрожающем положении экспонаты переносили и переставляли. С наступлением весны художественные произведения, упакованные для отправки, просматривали, ящики с произведениями древнерусского искусства и скульптуры вскрывали[2]. Пострадавшие в результате бомбардировки художественные рамы, среди которых многие представляли большую ценность, были отреставрированы в течение 1942—1943 гг. Одновременно велись ремонтно-восстановительные работы здания. Бойцы восстановительной роты МПВО и работники галереи отремонтировали фонари и служебные помещения, подсобные здания, остеклили крышу. Восстановительные работы продолжались до 1944 года. К 1944 году из 52 залов было отремонтировано и открыто 40, восстановлены все стеклянные перекрытия, отопительная система в открытых залах и административном корпусе, открыты главный вход и вестибюль[3].

В сентябре 1943 года Комитет по делам искусств при СНК СССР отметил заслуги отличившихся в эвакуации руководителей галереи: ее директора А. И. Замошкина и заместителя директора С. И. Пронина, который провел самостоятельную работу по спасению оставшихся ценностей в дни налетов гитлеровской авиации на Москву и сумел в течение 1942 года провести в галерее самые необходимые восстановительные работы[4].

[1] Там же, с. 13.
[2] Отдел рукописей ГТГ, ф.-11, оп. 1, 1944 г., ед. хр. 21, л. 37.
[3] Там же, л. 15.
[4] А. Ш. Указ. соч., с. 8.



1 Разбитый плафон над Греческим двориком в Музее изобразительных искусств. 1941

Огромные усилия приложили и работники Пушкинского музея, чтобы сохранить то, что уже нельзя было вывезти. В музее оставались подлинники второстепенного значения, гипсовые слепки, среди которых имелись и те, чьи оригиналы, находившиеся на юге Франции, уничтожались в это время гитлеровцами. Около 700 картин из запаса, художественная мебель различных национальных школ, значительная часть гравюр из богатейшего собрания графики, некоторые пронзведения древнеегипетского искусства и другие уникальные памятники, которые не могли быть вывезены по своему состоянию и размерам, представляли огромную ценность[1]. Надо было подумать и о спасении самого здания музея. В первые же дни войны оно было закамуфлировано. Часть окон забили фанерой, крышу, как и в Третьяковской галерее, закрасили зеленой краской. Однако несмотря на принятые меры предосторожности, уже во время первых бомбежек взрывной волной были разбиты стекла крыши. 6 н 7 августа 1941 года центр Москвы и район музея подверглнсь сильнейшей бомбардировке.

[1] А. А. Демская. Указ. соч.



2. Зал античной скульптуры в Музее изобразительных искусств, залитый водой. 1941

Около 150 зажигалок попало на территорию музея, крышу и в залы. Ночь 6 августа обошлась без больших потерь. На следующий день град бомб обрушился на фасад здания, в одном из залов разгорелся пожар, воспламенилось вмонтированное в стену панно А. Я. Головина «Арийское кладбище»[1]. Пожар удалось потушить, но половина панно сгорела. В эту же ночь погибло четыре гипсовых слепка, получили различные повреждения двадцать четыре картины, одна скульптура, двести девятнадцать гипсовых слепков, сто пятьдесят восемь предметов художественной промышленности и сто двадцать предметов художественной мебели[2].

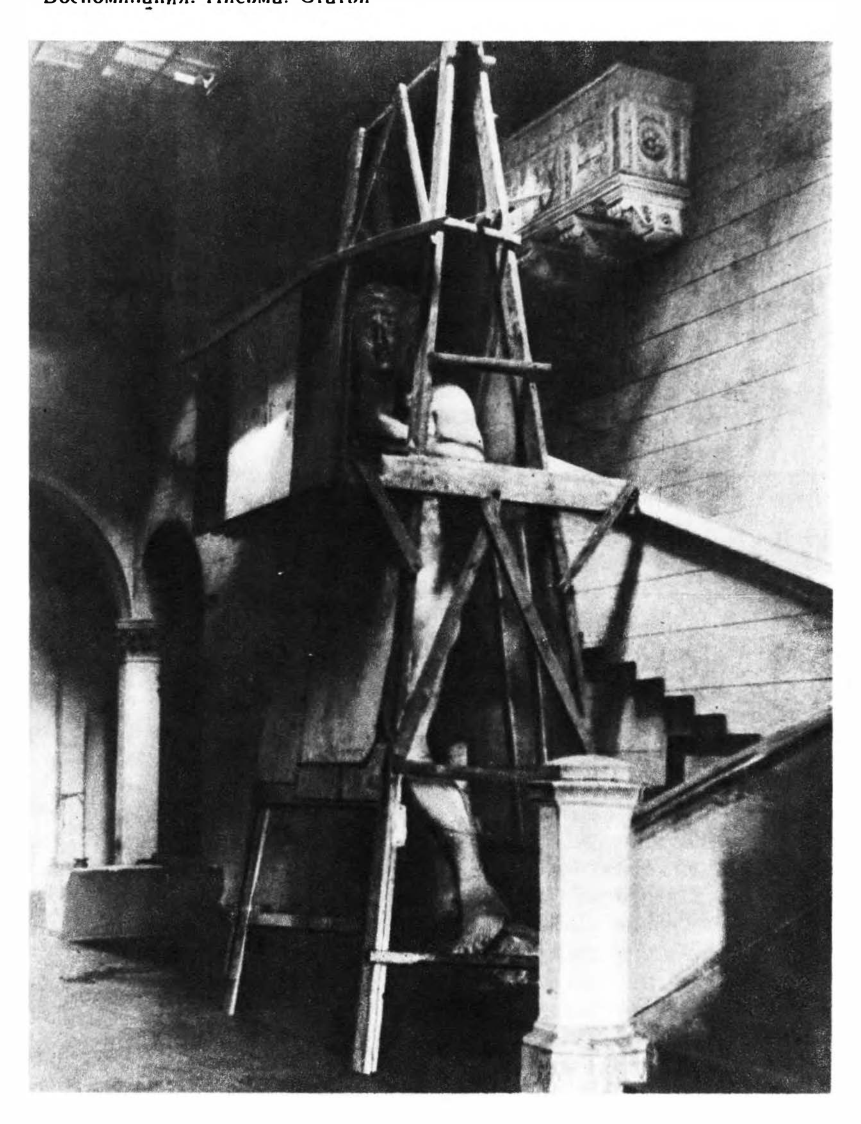
14 октября 1941 года около 9 часов утра бомба большого калибра упала во двор дома № 14 (теперь Институт философии), совсем рядом со зданием музея. Взрывная волна огромной силы выбила почти все стекла из крыши. Три стеклянных перекрытия: фонари, подфарники, плафоны — превратились в мельчайшие осколки. Несколько тысяч квадратных метров стекла обрушилось

[1] М. П. Симкин. Указ. соч., с. 266.
[2] Там же.

вниз, посыпалось в залы и на прекрасную мраморную лестницу. Греческий и Итальянский дворики оказались под открытым небом. В здание занесло металлический лом, щебень, домашнюю утварь. Прогнулись железные решетки, отстала в некоторых местах штукатурка, попортились лепные украшения и фрески, сместились потолки особой конструкции. Впоследствии при малейшем сотрясении стеклянные осколки сыпались вниз, проникая в самые неожиданные места[1]. А когда пошли дожди, дворики залило водой, вода стекала по лестнице, отчего та становилась похожей на водопад. Требовался срочный ремонт крыши. Все вопросы, связанные с ремонтом, пришлось решать и. о. директора музея Вере Николаевне Крыловой. Директор Метростроя выручил музей, выделив для ремонта крыши необходимые материалы. Вывозить их под непрекращающимися бомбардировками помогала группа ПВО. Моссовет помог с рабочей силой[2]. Одновременно с ремонтом крыши шла работа по спасению музейных сокровищ. Еще в первый месяц почти все из верхних залов спустили в подвалы. «Фантастическую картину представляли тогда запасы и укрытия музея, — пишет научный сотрудник музея А. А. Демская, — плотно сбились в кучу античные боги. Статуи Микеланджело соседствовали с лежащим Сатиром и греческой святой»[3]. К некоторым скульптурам были прикреплены пакетики с осколками отбитых пальцев. Памятники, которые из-за больших размеров нельзя было спустить в подвал, укрыли деревянными навесами. Остались на месте группа «Фарнезский бык», конные статуи кондотьеров. Одиноко стоял на своем месте заключенный в деревянный каркас слепок с «Давида». Все оставленные наверху памятники завернули в рогожи и обложили мешками с песком. Фанерные ящики над скульптурой закрыли клеенками, предохранявшими слепки от стекавшей с потолка воды[4].

Зима 1941—1942 гг. была снежной и суровой. Жизнь в музее сосредоточилась в помещении так называемого «Барбизона». Здесь работали, собирались на дежурство, проводили политбеседы, отсюда расходились в обходы по музею. В музее было темно. Все помещение освещал один светильник, стоявший внизу, где сейчас расположен киоск. В обходы ходили с фонарем «летучая мышь». Частично заделанная крыша не могла предохранить от обильных снегопадов. Снег попадал в залы, откуда его ежедневно приходилось выносить. Снег выступал на промерзших стенах. Мороз доходил до 15—16 градусов. Сотрудники не снимали шуб. Лопались тру-

[1] А. Ш. Указ. соч., с. 8.
[2] Воспоминания В. Н. Крыловой, записанные автором 22 января 1977 г.
[3] А. А. Демская. Указ. соч
[4] А. Ш. Указ. соч., с. 8.



3. Статуя «Давид» с навесом, предохраняющим от воды, стекавшей с потолка. 1942

бы отопительной системы, бездействовал водопровод. Еще осенью Белый зал залило водой. Ее приходилось перегонять вниз по мраморной лестнице. С наступлением холодов в вестибюле образовалась огромная глыба льда и снега. В залах верхнего этажа полы тоже были покрыты толстым слоем льда и снега, который сотрудники разбивали ломом и выносили во двор[1].

[1] См.: Н. Н. Водо. Столетие гравюрного кабинета.— В сб.: 50 лет Государственному музею изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1962, с. 25; А. А. Демская, указ. соч.; А. Ш., указ. соч., с 9.

Низкая температура угрожала сохранности древнеегипетских известняков. Холод усиливал расслоение и осыпание, начавшееся еще до войны. Чтобы спасти их, построили специальные будки с двойными фанерными стенками. В будках установили электрические обогревательные печи и приборы для измерения влажности и температуры[1]. Особого ухода требовали мумии. Для их сохранности необходимы определенные атмосфера и сухость. Мумии собрали в «Штабе» музея, там, где стояла «буржуйка». Периодически проводили дезинфекцию, тщательно оберегали их от пыли и грязи.

Весной промерзшие стены стали оттаивать. Начались дожди. Затапливало библиотеку. В Греческом дворике образовался водоем. В подвалах появилась сырость, из-за чего памятники пришлось переносить в верхние этажи. С наступлением теплых дней в залах устраивали сквозняки, открывая шкафы, в которых хранились слепки нумизматической коллекции. Картины выносили облучать на солнце. Ящики распаковывали, находившуюся в них мелкую скульптуру тщательно чистили и обрабатывали специальными растворами. Если на картине или скульптуре обнаруживались малейшие признаки болезни, их немедленно отправляли в реставрационные мастерские музея, не прекращавшие работы даже в самое тяжелое время[2].

В эти трудные годы в музее работали: Н. Н. Бритова, В. В. Павлов, К. М. Малицкая, Н. М. Лосева, Л. П. Харько, Н. Н. Водо, Е. И. Смирнова, И. А. Кузнецова, А. И. Крылова, А. Н. Замятина, Д. С. Либман, А. Ф. Горелина, Е. А. Болотникова. В 1942 году к ним присоединились Н. И. Романов, вернувшийся из армии, и главный хранитель Н. Ф. Лапин. Музеем руководила В. Н. Крылова[3].

Сохранение музейных сокровищ было главной задачей сотрудников московских музеев, их первейшей обязанностью и долгом. Но тяготы военного времени, разрушения, причиненные музеям, эвакуация значительной и лучшей части хранившихся произведений не смогли приостановить и всей остальной широко развернувшейся в предвоенные годы многосторонней деятельности музеев. Потребности времени поставили перед музейными работниками новые ответственные задачи, и работа музеев, как и работа всех учреждений страны, подчинилась нуждам обороны. Родились иные, специфические, формы работы, а привычные и устоявшиеся наполнились новым содержанием.

[1] А. Ш., указ. соч., с. 9.
[2] Там же.
[3] А. А. Демская. Указ. соч.

За годы войны Государственная Третьяковская галерея организовала свыше тридцати выставок. Они устраивались как в залах галереи, так и вне ее. Наряду с общими агитационно-пропагандистскими задачами, ставшими основными в этот период, выставки имели целью и популяризацию художественных сокровищ, сосредоточенных в галерее. В 1941 году к годовщине Октября в фойе театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко была открыта первая из них. Она носила название «Великая Отечественная война советского народа против фашизма». В этом же году в фойе театра Ленсовета была показана еще одна выставка произведений советских художников[1]. С 15 мая по 15 сентября 1942 года в выставочном павильоне ЦДКА галерея провела выставку плаката и гравюры на темы: «Отечественная война 1812 года», «Гражданская война 1918—1920 г.». и «Великая Отечественная война»[2].

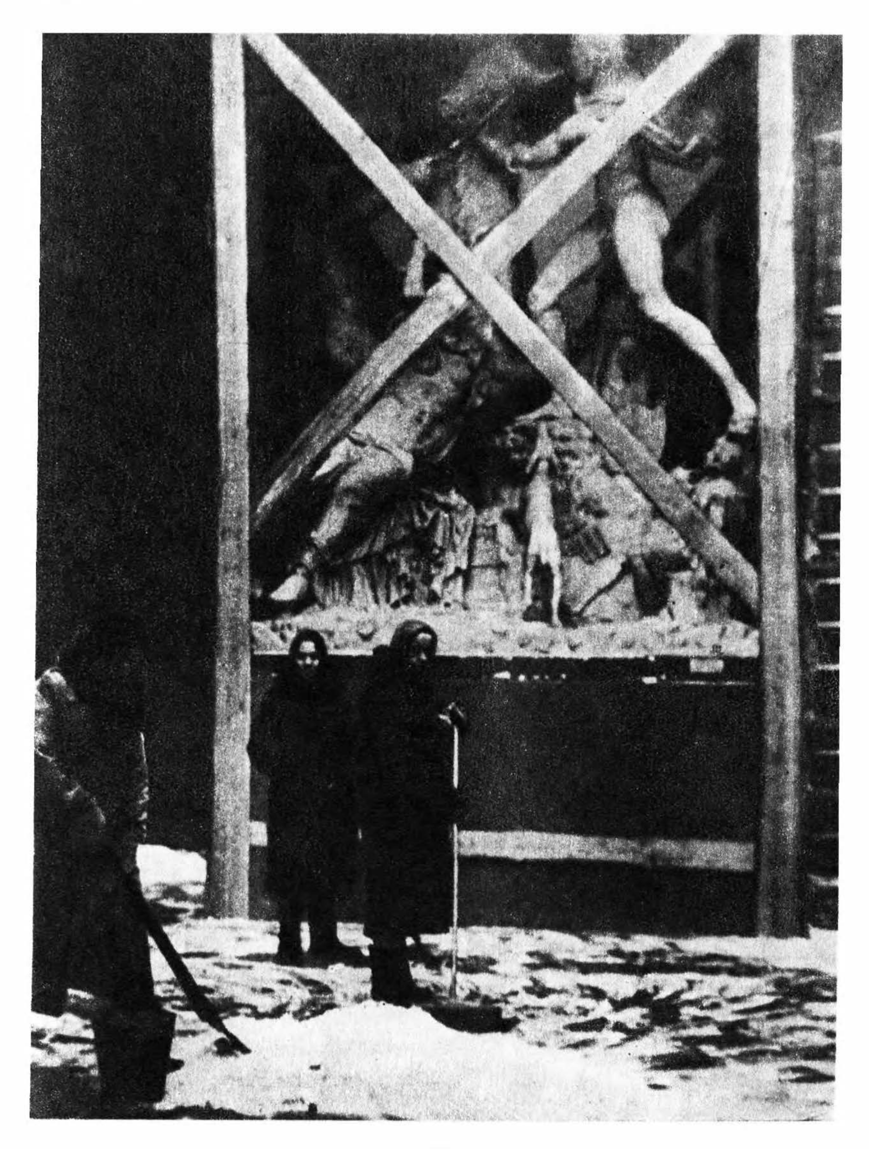
Первая большая выставка военного времени — «Работы московских художников в дни войны» — проходила с 15 июля по 15 сентября 1942 года в помещении Пушкинского музея. Сотрудники галереи принимали активное участие в подготовке этой выставки. Другая выставка, организованная галереей совместно с Музеем изобразительных искусств и Дирекцией выставок и панорам, — «Великая Отечественная война» — стала крупнейшей выставкой за годы войны. На трехдневном обсуждении ее из трех докладов два были сделаны сотрудниками галереи. На выставке были представлены произведения художников Москвы, Ленинграда, других городов РСФСР и некоторых союзных республик[3].

Галерея организовала несколько выставок, продемонстрировавших успехи изобразительного искусства союзных республик: Азербайджана, Белоруссии, Армении. Выставки проходили в течение 1943—1944 гг. Показом произведений художников этих республик в Москве подчеркивалась идея сплоченности народов СССР в борьбе с германским фашизмом.

Еще одна крупнейшая за годы войны выставка— «Героический фронт и тыл» — была открыта 8 ноября 1943 года, к годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Кроме названных, галереей были организованы выставки мастеров советского изобразительного искусства, где были представлены их лучшие произведения, созданные художниками в дни войны. В 1943 году прошла выставка семи старейших советских художников: В. Н. Бакшеева, В. К. Бялыницкого-Бируля, И. Э. Грабаря, Е. Е. Лансере, В. В. Мешкова, И. Н. Павлова,

[1] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-II, оп. I, 1944 г., ед. хр., 21, л. 43.
[2] Там же, л. 17.
[3] Там же.



4. Уборка снега, проникшего в зал Музея изобразительных искусств. 1942

К. Ф. Юона; выставка шести художников: С. В. Герасимова, А. А. Дейнеки, В. И. Мухиной, С. Д. Лебедевой, П. П. Кончаловского, Д. А. Шмаринова, а также выставка Кукрыниксов и выставка Б. Н. Яковлева. 12 июля 1944 года открылась выставка П. Д. Корина, В. В. Крайнева, М. Д. Рындзюнской, а 5 сентября — В. В. Мешкова, Г. К. Савицкого и М. И. Авилова[1].

[1] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-II, оп. 1, 1944 г., ед. хр. 21, лл. 4,27.

В связи со столетием со дня рождения И. Е. Репина в 1944 году была организована большая юбилейная выставка художника. 129 произведений, специально доставленных из мест эвакуации — из Казани, Горького и других городов, а также из частных коллекций — было представлено на ней. Галерея провела четырехдневную конференцию, посвященную творчеству И. Е. Репина. Материалы ее легли в основу изданного Репинского сборника[1]. На репродукционном материале была устроена выставка на родине Репина, в Чугуеве. Кроме того, сотрудники галереи организовали 77 передвижных выставок в госпиталях и воинских частях и прочли там 40 лекций, посвященных творчеству художника[2].

В Государственном музее изобразительных искусств первой выставкой военного времени стала открытая 11 сентября 1941 года выставка графики «Героическое прошлое русского народа», включившая около 300 листов русских и иностранных авторов. Затем большая ее часть была показана в Доме архитектора[3]. Еще одна графическая выставка — «Из истории Военно-Морского Флота» — была организована в клубе моряков.

Летом 1942 года в трех уцелевших залах нижнего этажа музея удалось устроить выставку «Московские художники в дни войны». Здесь были представлены работы, сделанные художниками в действующей армии и флоте. Собранные к этой выставке материалы легли в основу коллекции работ, созданных непосредственно в боевой обстановке. Кроме живописи, графики и скульптуры, на выставке были представлены плакаты, фронтовые зарисовки и рисунки из фронтовых стенгазет и боевых листков[4]. А осенью этого же года в музей приехали ленинградцы и привезли с собой работы художников, переживших блокаду города. 4 октября выставку открыли. «С волнением и трепетом смотрели москвичи на картины и рисунки ленинградцев, перенесших блокаду, правдиво и мужественно рассказывающих о жизни города-героя. В них было много суровой, ранящей душу правды. Картины, созданные в холоде и голоде, с необычайной силой отразили боевой облик города. Выставка, несмотря на трагизм содержания, утверждала непреклонную волю к борьбе и победе»[5].

Участвуя в подготовке названных выставок, научные сотрудники музея устраивали также выставки-передвижки в госпиталях, клубах и на вокзалах. Их сос-

[1] И. Е. Репин. Сборник докладов на конференции, посвященной 100-летию со дня рождения художника. М., 1947.
[2] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-II, оп. I, 1944 г., ед. хр. 21, л. 2.
[3] А. А. Демская. Выставки в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина за 50 лет.— В сб.: 50 лет Государственному музею изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1962, с. 35
[4] Там же.
[5] Там же.

тавляли из материалов музея, а также из фронтовых зарисовок, полученных из действующей армии[1]. Собрание отдела гравюры и рисунка стало основным материалом для организации многочисленных фотовыставок на темы героического военного прошлого страны в агитпунктах и клубах[2].

Аналогичную работу проводили сотрудники Третьяковской галереи. Уже с июня 1941 года на призывных пунктах Ленинского района, в военизированных частях МПВО, военных агитпунктах Белорусского вокзала организовывались передвижные выставки на тему «Героическое прошлое русского народа и Красной Армии в произведениях русского и советского искусства»[3]. В 1942 году сотрудники галереи подготовили 23 комплекта фоторепродукций на различные темы и устроили тридцать две экспозиции. Особым успехом пользовалась выставка «Отечественная война 1812 года в произведениях русских художников»[4].

Передвижные выставки послужили основой для проведения широкой культпросветработы среди бойцов и командиров. Чтение лекций и организация экскурсий и бесед вне музеев, например — на агитпунктах вокзалов, стали новым ответственным видом работы. В непосредственном контакте с уходящими на фронт бойцами, которым, может быть, через несколько часов предстояло вступить в бой с врагом, зачастую менялось содержание бесед, выходя за рамки тем выставок и приближаясь к совершавшимся событиям.

Тематический диапазон лекций и бесед, подготовленных сотрудниками галереи, был широк. Вот несколько названий: «Образы великих русских полководцев», «Красная Армия в произведениях советского искусства», «Русские пейзажисты», «Государственная Третьяковская галерея — сокровищница русского искусства». Научные сотрудники рассказывали слушателям о творчестве И. Е. Репина, В. И. Сурикова и других величайших представителей русского искусства[5].

За первое полугодие 1941 года сотрудниками галереи А. А. Воловым, В. В. Садовнем, Г. В. Жидковым, Н. С. Моргуновым, Н. Д. Рудницкой-Моргуновой, А. И. Архангельской, С. Н. Дружининым, Е. С. Медведевой на агитпунктах Казанского, Белорусского и Северного вокзалов, призывном пункте Ленинского района было прочитано 560 лекций для 112000 человек, отправлявшихся на фронт[6].

Тематика лекций Пушкинского музея во многом совпадала с лекциями, читавшимися сотрудниками га-

[1] А. А. Демская. Выставки в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С Пушкина за 50 лет. с. 35.
[2] А. А. Демская Краткое сообщение .
[3] Отдел рукописей ГТГ. ф 8-11. оп. 1, 1944 г , ед. хр 21, л. 44
[4] Там же, л. 17.
[5] Там же, л 25.
[6] Там же, л 43.



5. Разрушенный фугасной бомбой зал № 6 Третьяковской галереи. 1941

лереи. На агитпункте Киевского вокзала научные сотрудники Е. И. Смирнова, Н. Н. Погребова, Д. С. Либман читали лекции на исторические темы («Великие русские полководцы в искусстве» и др.). На Казанском вокзале М. В. Никифорова рассказывала отправляющимся на фронт бойцам об обороне Царицына в 1918—1919 гг. и Бородинском сражении 1812 года[1].

В госпиталях, клубах, красных уголках, где можно было собрать более постоянную аудиторию, читались циклы лекций по истории искусства, сопровождавшиеся показом диапозитивов. Здесь же сотрудники Пушкинского музея читали лекции по общим вопросам искусства, деятельности музея, его археологическим работам[2].
В напряженные дни наступления немецко-фашистских войск осенью 1941 года Г. В. Жидков читал курс лекций по вопросам изобразительного искусства в Доме ученых. Когда наши войска оставили Новгород, он рассказывал собравшимся об искусстве этого древнего русского города. Лекцию просили повторить дважды. Под бомбеж-

[1] А. Ш. Указ. соч., с. 10.
[2] Там же.

ками, почти без электричества работал тогда этот лекторий, чуть ли не единственный в Москве[1].

Несмотря на разрушения, лекционная работа велась и в самом здании Пушкинского музея. В ледяной аудитории читались лекции. Школьные экскурсии были заменены лекциями по диапозитивам. Устраивались лекции с показом гравюр для членов МОССХ.

Война не прервала научной работы, которую оставшиеся в музее научные сотрудники продолжали в эти годы. Многие сумели подготовить и защитить диссертации. В 1942 году немногочисленные сотрудники музея слушали лекции М. В. Алпатова о Брейгеле. В этом же году музей отмечал тридцатилетие своей деятельности.

Продолжалась научная деятельность и в Третьяковской галерее. В 1942 году была возобновлена работа над многотомной историей русского искусства, начатая до войны. Параллельно с ее написанием проводились научные конференции по русскому искусству. Шла работа над «Летописью изобразительного искусства Великой Отечественной войны». Специальные конференции посвящались вопросам пропаганды работы художественных музеев в дни войны. Большое место в научной работе Третьяковской галереи отводилось сбору, обработке и систематизации материалов и наблюдению за хранением художественных произведений в условиях нарушенного в военное время музейного режима, проблемам их хранения в процессе эвакуации. Здесь учитывался огромный и ценный опыт филиала. В 1943 году на совещании по вопросам хранения в Комитете по делам искусств при СНК СССР научные сотрудники Е. В. Сильверсван и А. А. Рыбников сделали доклады по вопросам хранения, консервации и регистрации музейных памятников в условиях военного времени[2].

Надо отметить деятельность еще одного московского музея — Государственного Исторического музея, который с первых же месяцев войны развернул большую работу по сбору материалов по истории Великой Отечественной войны. Существенная часть их — материалы изобразительного характера.

Уже в июле 1941 года в Государственный Исторический музей стали поступать ордена и медали, плакаты и «Окна ТАСС», филателия военного времени. Руководил этой работой заведующий кабинетом музееведения, ученый секретарь музея Г. Л. Малицкий[3]. Тематический (комплексный) сбор материалов по наиболее

[1] Воспоминания В. Н. Крыловой..., 1977.
[2] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8.-II, оп. 1, 1944 г., ед. хр. 21, лл. 27, 29.
[3] А. Б. Закс. Опыт собирания материалов по истории Великой войны Государственным Историческим музеем в 1941 — 1944 гг.— В кн.: Археографический ежегодник. 1975 год. М. 1976, с. 150.

актуальным событиям текущей жизни, по истории войны определялся вначале текущим ходом событий. Так, летом 1941 года в связи с частыми налетами на Москву особое значение приобрели мероприятия МПВО. Связавшись со штабом МПВО, музей собрал большую группу материалов, в том числе агитплакаты. Они были представлены на «Антифашистской выставке», открытой в залах музея во второй половине сентября 1941 года[1].

20 октября 1941 года, непосредственно после объявления осадного положения в Москве, в музее решили организовать выставку «Оборона Москвы». К 1 Мая 1942 года из собранного материала удалось подготовить небольшую выставку «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», а к 7 ноября 1942 года ее расширили вдвое. Выставка стала составной частью экспозиции музея. Здесь были представлены работы советских художников и скульпторов: бюсты Героев Советского Союза Н. Ф. Гастелло и В. В. Талалихина, бюст К. К. Рокоссовского работы З. Азгура, картина В. Ефанова «Заседание Государственного комитета обороны», гравюра В. Бибикова «На Арбате», рисунок Б. Карпова «Командующий Западным фронтом генерал армии Г. К. Жуков», зарисовки блиндажа Г. К. Жукова художника А. Ермолаева, рисунок А. Лаптева «Партизаны», картины К. Юона «Парад 7 ноября», А. Дейнеки «Манежная площадь» и «На окраине Москвы», две картины Б. Рыбченкова из серии «Москва военная», рисунки Ф. Бочкова «Из боев под Тулой» и «Атака немецких танков», портрет И. В. Панфилова работы В. Яковлева и его же — портрет Л. М. Доватора, картина Д. Тархова «Разрушение немцами дома-музея К. Э. Циолковского», рисунки Д. Шмаринова из серии «Не забудем, не простим!», рисунки М. Доброва «Прорыв советских танков через Оку» и «Освобождение Калуги», эскиз картины П. Соколова-Скаля «Народная война»[2].

В процессе сбора материалов сотрудники музея устанавливали непосредственные связи с художниками. Так, по просьбе музея В. Н. Яковлев сделал для вышеназванной выставки копию портрета И. В. Панфилова. Чтобы художник мог написать портрет Л. М. Доватора, научный сотрудник музея Е. И. Дракохруст собрала всю иконографию погибшего и передала ее художнику. В. Н. Яковлев ознакомился с документальными материалами, письмами Л. М. Доватора, передававшими черты душевного склада этого человека. Только тогда родился портрет. Чтобы проверить сходство, пригласили

[1] А. Б. Закс. Из истории Государственного Исторического музея (1941—1957 гг.).— В кн.: Труды НИИ музееведения, вып. 3. · Очерки истории музейного дела в России. М., 1961, с. 5.

[2] Государственный Исторический музей. Путеводитель по залам. М., 1947.

членов семьи, друзей, тех, кто видел Л. М. Доватора в последние дни. Все единодушно признали, что художнику удалось выразить главные качества характера этого человека.

Специально для экспозиции работал П. П. Соколов-Скаля над темой «Взятие Калуги». На выставке был представлен предварительный эскиз картины, выполненный углем. Художники К. Юон, А. Дейнека по заказу музея сделали повторы своих картин.

Музейные работники понимали ценность изоматериала, сделанного непосредственно с натуры, и предпочитали произведения, выполненные очевидцами, документальные зарисовки. К такого рода произведениям относились рисунки Ф. Бочкова, очевидца боев под Тулой, А. Ермолаева, Д. Тархова.

Так в произведениях искусства отражалась конкретная жизнь военной Москвы, события на фронтах.

Значительная часть собранного в годы войны изоматериала — политическая графика: плакаты и «Окна ТАСС». Среди них особенно ценны авторские оригиналы. Свыше 300 плакатов и «Окон ТАСС», собранных в музее, относятся ко времени битвы под Москвой. Они были представлены на выставке «Великая Отечественная война в агитплакатах и «Окнах ТАСС» художников РСФСР», открытой 15 августа 1942 года. И поныне хранятся в Историческом музее трафареты «Окон ТАСС».

Ценное собрание, полученное в процессе сбора коллекций по истории воинских частей, — архив журнала «Фронтовой юмор». Этот иллюстрированный журнал, задуманный группой политработников Западного фронта при поддержке дивизионного комиссара, члена Военного совета Западного фронта Д. И. Лестева, начал выходить в ноябре 1941 года. Пять папок из архива журнала, полученных в 1943 году (рукописи, рисунки, отдельные номера журнала), отражают события, связанные с битвой под Москвой. В дальнейшем архив был значительно пополнен. Среди рисунков — работы художников Л. Бродаты, В. Горяева, Кукрыниксов. Для журнала работали Н. Радлов, Б. Малкин, О. Верейский, С. Костин, В. Милашевский[1].

Так работники крупнейших московских музеев сумели подчинить свою агитационно-пропагандистскую, научно-просветительскую работу первоочередным нуждам обороны, сблизили в своей деятельности историю и современность, искусство и практические потребности переживаемых страной трудных дней.

[1] А. Б. Закс. Опыт собирания..., с. 158 См. также журнал «Фронтовой юмор» за 1942 год

А в это время на востоке страны с таким же энтузиазмом и энергией работали сотрудники филиала Третьяковской галереи. Эвакуация галереи и других московских музеев, создание филиала стали особой, уникальной страницей в их истории, беспрецедентным событием в мировой музейной практике: филиал вмещал гораздо большее количество произведений, чем осталось в галерее в Москве, и это были лучшие экспонаты, шедевры искусства. Событие это имело свое значение не только в жизни музеев. Деятельность филиала Третьяковской галереи в Новосибирске оказала большое влияние на культурную жизнь страны в тылу.

Разместившийся в только что отстроенном Новосибирском оперном театре филиал вмещал в себя не только эвакуированные сокровища русского искусства. Здесь же во время войны хранились наиболее ценные экспонаты Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Государственного музея нового западного искусства, Государственного музея искусств народов Востока, нескольких украинских музеев, музейные собрания пригородов Ленинграда, собрания Архангельского музея, Пушкинского дома, музеев Смоленска, Горького, ленинградских артиллерийского и этнографического музеев, Исторического музея РККА, коллекция музыкальных инструментов Московской консерватории. Летом 1942 года прибыли лучшие произведения с выставки «Индустрия социализма» и художественные фонды Московского государственного антиквариата[1].

Громадная ответственность за сохранность всех этих сокровищ легла на эвакуированных музейных работников. Руководил работой филиала А. И. Замошкин, его заместителем по научной части была М. Г. Буш. В филиале во время войны работали: Э. Н. Ацаркина, главный хранитель ГМИИ М. А. Александровский, С. И. Битюцкая, С. Н. Гольдштейн, Е. Н. Дивова, О. А. Живова, Е. В. Журавлева, З. Т. Зонова, Е. Ф. Каменская, Б. И. Капцов, Н. Д. Карепина, П. В. Каршилова, Е. В. Кудрявцев, директор Музея нового западного искусства А. И. Леонов, П. И. Ломакин, О. А. Лясковская, Ф. С. Мальцева, П. Т. Менделеев, Н. Е. Мнева, Н. С. Моргунов, Н. Д. Рудницкая-Моргунова, В. Ф. Румянцева, В. А. Сидорова, К. А. Федоров, ответственный хранитель Музея искусств народов Востока Н. В. Черкасова, З. В. Черкасова, С. С. Чураков[2].

Прежде всего надо было организовать хранение вещей на новом месте, в не приспособленном для этих

[1] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-II, ед. хр. 13, л. 104.

[2] Там же, ф. 8-10, ед. хр., 13, л. 96 об.; ед. хр. 12, л. 22.



6 Группа сотрудников Третьяковской галереи в Новосибирске. 1942. Стоят: П. В. Каршилова, З. Т. Зонова, Е. В. Журавлева, Е. В. Савелова, Н. Д. Карепина, О. А. Живова, С. Н. Гольдштейн. Сидят: О. А. Лясковская, Н. Д. Моргунова, В. Ф. Румянцева, М. Г. Буш, С. И. Битюцкая, Е. Ф. Каменская.

целей помещении, в малоблагоприятных условиях резко континентального сибирского климата с присущими ему сильными колебаниями температур. В первое время филиал работал в очень скромном составе. 11 сотрудников переносили тяжелые окованные ящики с этажа на этаж, из конца в конец многоэтажного здания, стремясь поместить каждую группу экспонатов в наиболее привычные для нее условия. Чтобы проверить состояние вещей, делали контрольные вскрытия по каждому музею, по каждой группе или разделу[1]. Четко была налажена охрана ценностей. Каждые 8 часов сменялись на постах милиционер, пожарник, научный сотрудник филиала. Кроме того, установили ответственные круглосуточные дежурства — обход всех этажей и постов[2].

[1] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-10, ед. хр. 33, л. 31.

[2] Государственная Третьяковская галерея в Новосибирске. Из беседы с заведующим отделом искусства второй половины XIX века, заслуженным работником культуры, кандидатом искусствоведения С. Н. Гольдштейн.— В кн.: Государственная Третьяковская галерея и ее сотрудники в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). М., 1975. с. 18. Ротапринт. Архив ГТГ.

Трудно было первое время и в Перми. Пермская картинная галерея располагалась в неотапливаемой церкви. Новые экспонаты хранились в подвале церкви и в залах древнерусской скульптуры. Только к концу октября 1941 года, когда из Москвы поступило распоряжение о закрытии Пермской картинной галереи, все произведения искусства были перенесены из подвала в экспозиционные залы. Работали с утра до поздней ночи. К основной работе присоединилась общественная: заготовка дров для галереи, постройка новой железной дороги, стирка и чинка белья для красноармейцев, огородные работы в 25 км от города. Население Перми и окрестностей напряженно работало для фронта, эвакуированные — вместе со всеми остальными[1].

С наступлением в Новосибирске холодов самым важным стал вопрос отопления. Частое отсутствие угля на базе, трудности с его транспортировкой угрожали сохранности привезенных сокровищ. Вместо необходимых +14—16 градусов средняя температура в помещении театра снижалась до +4—8 градусов[2]. Влажность также была недостаточной. Много хлопот было у директора филиала А. И. Замошкина, во что бы то ни стало стремившегося обеспечить филиал углем лучшего качества. Чтобы увеличить влажность воздуха, на втором этаже установили подачу пара от котла, а на первом поставили стойки с передвигающимся влажным полотном[3].

Во время пребывания музейных экспонатов в Новосибирске за ними велся постоянный уход, осуществлялись профилактические осмотры вещей, при необходимости заклеивали бумагой иконы, укрепляли и подтягивали холсты картин, очищали от паутины бронзовые вещи, просушивали ковры. Научно-реставрационная комиссия филиала давала консультации при контрольных вскрытиях ящиков ленинградских музеев, музеев Горького и Смоленска[4]. Кроме того, научные сотрудники и реставраторы филиала время от времени уезжали в командировки в сибирские и приуральские города, чтобы организовать хранение прибывавших туда эвакуированных произведений искусства из разных городов Советского Союза.

При всем громадном объеме работы по хранению, консервации и реставрации филиал не стал закрытым хранилищем, а был включен в выставочную работу Москвы — при необходимости отправлял в Москву (и другие города) нужные для выставок произведения.

К числу заслуг реставраторов Третьяковской галереи, находившихся тогда в филиале, С. С. Чуракова

[1] См.: М. Колпакчи. Указ. соч., с. 5.
[2] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-10, ед. хр. 13, л. 49
[3] Там же, ед. хр. 6, л. 42
[4] Там же, л. 11 об., 44, 63 об.

и Е. В. Кудрявцева принадлежит спасение пострадавшей во время войны Севастопольской панорамы Ф. Рубо. После предварительной реставрации все 86 составных частей панорамы были накатаны на деревянные валы и хранились в филиале[1].

Большой опыт работы реставраторов галереи отразился в научной работе художников-реставраторов Е. В. Кудрявцева, К. А. Федорова, М. А. Александровского «Проблема длительной консервации произведений живописи и скульптуры». Тема эта разрабатывалась в течение всего периода пребывания в Новосибирске на основе наблюдения и изучения поведения картин в условиях эвакуации — при закрытом и открытом хранении, под влиянием типа упаковки, характера транспорта, климата Сибири[2].

Жители Новосибирска с нетерпением ожидали показа прибывших в их город сокровищ искусства. Однако на первых порах ежесуточные дежурства, хлопоты по размещению привезенных произведений поглощали все время сопровождавших экспонаты научных сотрудников. Во второй половине ноября, когда из Москвы прибыли новые экспонаты и сопровождавшие их сотрудники галереи, коллектив филиала увеличился, и художественно-пропагандистская работа смогла стать реальностью. Используя опыт работы первых военных месяцев в Москве, филиал Третьяковской галереи, связавшись с военными и культурно-просветительскими учреждениями области, начал лекционную работу в госпиталях, на пунктах военного формирования, в библиотеках. Наибольшей популярностью пользовались лекции: «Героическое прошлое русского народа в произведениях изоискусства», «Красная Армия в произведениях изоискусства». Много запросов получали лекции на тему «Гуманистические основы дореволюционного и советского изобразительного искусства и его значение в борьбе с варварством и мракобесием», лекции и беседы «Государственная Третьяковская галерея — сокровищница изобразительного искусства», лекции об отдельных художниках — Репине, Сурикове, Верещагине, темы «Отечественная война 1812 года в произведениях искусства», «Героический Ленинград»[3].

Характерной чертой работы филиала был широкий охват контингента слушателей, а также глубина и серьезность лекций. Наряду с популярными лекциями широкое распространение получили цикловые занятия

[1] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-10, ед. хр. 2, л. 14; ед. хр. 6, л. 63 об. Подробнее см.: С. Разгонов. Указ. соч., с. 21–22

[2] Там же, ед. хр. 6, л. 21; М. Н. Симкин. Указ. соч., с. 191

[3] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-10, ед. хр. 33, л. 32

по истории русского искусства в Областном Доме художественного воспитания (кружок по истории русского и советского искусства для школьников старших классов) и семинар для преподавателей истории и литературы[1]. Новая для сотрудников галереи аудитория заставляла обращать особое внимание на методику и содержание лекций и бесед. Лекции сопровождались показом репродукций, а главным образом — диапозитивов, получаемых из Москвы или заказывавшихся в Новосибирске. Лекционная работа филиала была существенной составной частью культурной жизни Новосибирска в годы войны.

В марте 1943 года филиал получил приказ Комитета по делам искусств при СНК СССР. «В целях обеспечения высококачественного художественного обслуживания колхозов, совхозов и МТС во время подготовки и проведения весенних посевных работ, — говорилось в приказе, — [...] на материалах творческих работ местных художников и агитокон организовать передвижные выставки для направления их в колхозы, совхозы и МТС»[2]. Научные сотрудники филиала включились в эту работу. Н. Е. Мнева и Е. Ф. Каменская ездили с лекциями в Новосибирский, Татарский, Черепановский и Ояшский районы. Другие сотрудники филиала выезжали с лекциями в Ленинск-Кузнецкий к трудящимся Кузбасса, в города Прокопьевск, Сталинск (ныне Новокузнецк), Кемерово[3].

В начале 1942 года филиалом была организована первая небольшая выставка. Она была открыта в Доме Красной Армии Новосибирска с 3 по 18 января. Здесь было представлено 48 плакатов и «Окон ТАСС» на антивоенную тему. За этой выставкой последовал ряд небольших подготовительных выставок, позволивших выявить материал, наиболее интересный зрителю, освоить выставочные помещения, найти наиболее доходчивые методы экскурсоводческой и консультационной работы[4].

Первой крупной выставкой стала открытая в том же 1942 году выставка лучших произведений советского искусства, экспонировавшаяся в здании Горсовета Новосибирска. За три месяца работы ее посетило сорок три тысячи человек — учащиеся, выздоравливающие бойцы, активисты области, приезжавшие в Новосибирск. Многие здесь впервые увидели «Портрет академика Павлова» М. В. Нестерова, «Рабочего и колхозницу» В. И. Мухиной и другие выдающиеся произведения советского искусства[5]. Много трогательных и теплых записей оставили в книге отзывов посетители выставки. Бо-

[1] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-10, ед. хр. 2, л. 14; ед. хр. 6, л. 63 об. Подробнее см.: С. Разгонов. Указ. соч., с. 21—22.

[2] Там же, ед. хр. 27, л. 22.

[3] Там же, ед. хр. 33, л. 38; ед. хр 32, л. 2.

[4] Там же.

[5] Там же.

ец Пороненко записал: «Остается пожелать, чтобы выставленные картины — замечательные достижения советского изобразительного искусства — сохранялись и дополнялись в будущем, ибо во время колоссальных битв советского народа с немецкими варварами еще сильнее любишь свою Родину и неиссякаемое творчество ее талантов и еще острее понимаешь необходимость сохранения всего того, что так жестоко разрушается фашистскими вандалами»[1]. Еще одна запись: «После стольких дней напряженнейшей работы получаешь такое удовлетворение... Очень хочу, чтобы люди, без отдыха работающие на оборону нашей страны, также могли видеть картины и хоть немного отдыхать, и может быть, даже вспомнив Москву, Третьяковскую галерею, усиленнее работать»[2].

Совместно с Новосибирским областным отделом искусства и Новосибирским Союзом художников филиал галереи организовал в 1942 году еще одну крупную художественную выставку — «Художники Сибири в дни Великой Отечественной войны», ставшую творческим отчетом местных и находившихся в эвакуации художников из разных городов страны. Выставку посетило 11000 зрителей, в том числе 3000 бойцов, командиров и политработников Советской Армии. Старший политрук Кузнецов оставил в книге отзывов запись: «Художники Сибири и других областей сделали серьезный вклад в сокровищницу советского искусства, посвященного нашим грозным дням. Картина войны, суровой и неумолимой, встает с полотен художников Прагера, Смолина, Титкова, Якубовского...»[3].

Благодаря активной художественно-пропагандистской работе филиала к концу 1942 года к культурно-художественной жизни приобщилось 160000 посетителей — новосибирцев и жителей других городов Сибири[4].

В ноябре 1942 года в залах Новосибирского театра оперы и балета открылась долгожданная выставка русского реалистического искусства. Она функционировала почти полгода и привлекла внимание более 100000 посетителей. «Мы скоро едем на фронт, — записала в книге отзывов группа бойцов, — и перед отъездом мы еще раз просмотрели чудесные и незабываемые произведения русских мастеров. Немцы хотят уничтожить нашу национальную культуру. Не бывать этому! Мы сумеем защитить нашу Родину, нашу культуру. И, вернувшись с победой, мы гордо пройдем по залам музеев и дворцов»[5].

Большим событием стала выставка, посвященная XXV годовщине Красной Армии в Доме Красной Ар-

[1] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-10, ед. хр. 30, л. 11 об.
[2] Там же, л. 19 об.
[3] Там же.
[4] Там же, ед. хр. 12, л. 2.
[5] Там же, ед. хр. 10, л. 70 об



7. Вскрытие ящика с валом в Третьяковской галерее, после возвращения из эвакуации. 1944

мии, где были представлены экспонаты из фондов галереи, ленинградских дворцов-музеев, ленинградского Артиллерийского исторического музея, работы новосибирских художников. Выставка имела историко-ретроспективный характер и носила название «Героическое прошлое нашего народа и Красная Армия». Последней выставкой, организованной филиалом, стала открытая 16 января 1944 года выставка «Сибирь — фронту».

Кроме выставок в Новосибирске филиал постоянно организовывал всевозможные передвижные выставки.

Многообразная деятельность филиала уже в 1942 году была положительно оценена Комитетом по делам искусств при СНК СССР, рекомендовавшим всем эвакуированным музеям учесть опыт работы филиала[1].

Наладить научную работу было сложнее всего. В течение первых месяцев почти весь коллектив был занят размещением ценностей, работой по заготовке топлива, сельскохозяйственными работами. Однако сотрудники галереи, считая, что активная роль национального

[1] Отдел рукописей ГТГ, ф 8-10, ед. хр. 10, л. 70 об

общесоюзного музея ни в коем случае не может быть снижена во время войны, старались сохранить все необходимые музеям разделы деятельности. Вместе с картинами была эвакуирована большая часть библиотеки и пять ящиков архивных документов. Это давало возможность работать. Заведующая библиотекой В. Ф. Румянцева сумела вскоре организовать для сотрудников музея доступ в городскую библиотеку[1].

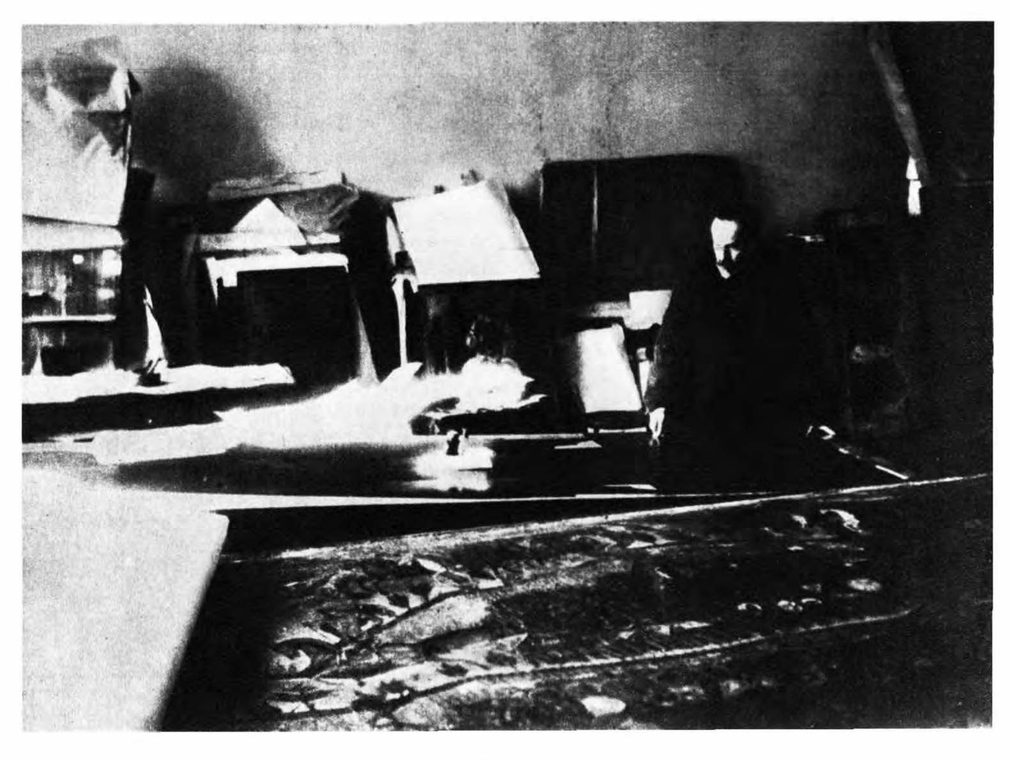
Научная работа в годы войны была непосредственно связана с художественно-пропагандистской, ориентированной во многом на актуальные задачи дня. Отсюда — специфика исследований, поднимавших проблемы гуманизма русского и советского искусства, обращение к теме народного героизма в дореволюционном и советском искусстве. Не менее важной была тема влияния образов народного творчества на художников конца XIX — начала XX века. А. И. Замошкиным в эти годы была написана статья «Советское искусство в дни войны»[2] (по материалам выставки «Великая Отечественная война», проходившей в Москве). Научный сотрудник О. А. Живова работала над темой «В. В. Верещагин и советские баталисты», В. Ф. Румянцева — над темой «Русская книжная историческая иллюстрация», научный сотрудник ГМИИ П. И. Ломакин имел возможность по фондам двух музеев — Третьяковской галереи и Пушкинского — работать над темой «Народные картинки в эпоху Отечественной войны 1812 г.»[3]. Темы многих научных работ были прямо связаны с названными выше темами лекций и бесед. Надо отметить, что продолжение научной работы было по плечу не всем музеям страны. Только крупнейшие музеи, обладавшие высококвалифицированными кадрами и достаточным штатом, были в состоянии успешно продолжать ее. Плодотворная работа сотрудников филиала завершилась защитой ряда диссертаций, посвященных актуальным проблемам русского и советского искусства.

В системе Комитета по делам искусств уже в 1943 году была создана специальная Комиссия по вопросу реэвакуации музеев. В 1944 году было принято решение о реэвакуации художественных коллекций Москвы и Московской области. В частности, к 1 ноября 1944 года в Москву должны были вернуться фонды Государственной Третьяковской галереи, Государственного му-

[1] Государственная Третьяковская галерея в Новосибирске. Из беседы..., с. 29

[2] Опубликовано под названием «Живопись на выставке «Великая Отечественная война» в каталоге «Великая Отечественная война». М., 1943, с. 3 - 31

[3] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-10, ед. хр. 30, л. 45; ед. хр. 33, л. 38 об., ед. хр. 6, л. 19.



8 Освобождение от профилактической заклейки картины И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван». 1944

зея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Государственного музея нового западного искусства, Государственного музея искусств народов Востока, Государственного театрального музея им. А. А. Бахрушина и других[1].

Третьяковская галерея была готова к приему своих экспонатов — уже в 1943 году здание было в основном отремонтировано. 1 и 19 ноября 1944 года фонды галереи прибыли в Москву. 634 ящика с 18399 произведениями искусства вернулись из эвакуации. Тщательная проверка и контрольные вскрытия ящиков показали удовлетворительную сохранность экспонатов. Ящики вскрывали в присутствии заместителя председателя Комитета по делам искусств А. В. Солодовникова, начальника Главного управления Изо П. М. Сысоева, академика И. Э. Грабаря. Руководили работой заведующий реставрационным отделом галереи Е. В. Кудрявцев и главный хранитель Е. В. Сильверсван. Консультировал А. А. Рыбников. Освобождение «Ивана Грозного»

[1] М. П. Симкин. Указ. соч., 291.



9 Освобождение от профилактической заклейки реэвакуированных икон в Третьяковской галерее. 1944. Реставратор И. В. Овчинников

И. Е. Репина от упаковки и наклеенной бумаги проходило под руководством А. Д. Корина[1].

С ноября 1944 года сотрудники галереи были заняты научно-экспозиционной работой. К началу 1945 года новая экспозиция теоретически была подготовлена. Верхние этажи предназначались для произведений дореволюционного русского искусства до И. Е. Репина и В. И. Сурикова, внизу должны были разместиться рисунки второй половины XIX века и современное советское искусство.

17 мая 1945 года Третьяковская галерея распахнула свои двери перед зрителями. Одна из первых записей в книге отзывов была сделана группой офицеров Советской Армии. «В Великой Отечественной войне были проверены моральные качества советского народа,— писали они.— Несомненно, это результат плодотворной работы наших культурных учреждений, в том числе и Государственной Третьяковской галереи...»[2]. Новое от-

[1] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-II, оп. 1, 1944 г., ед. хр. 21. лл. 1, 2.
[2] Цит. по кн.: С. Н. Гольдштейн. Государственная Третьяковская галерея. Краткий исторический очерк. М., 1956, с. 42—43.

крытие галереи широко освещалось в печати. И. Э. Грабарь писал тогда: «Открытие Третьяковской галереи — подлинный праздник советского искусства. Ее открытие — радость для всех трудящихся, всей интеллигенции, для художников, которым она нужна, как воздух, как дыхание...»[1]. А вот слова С. В. Герасимова: «Третьяковская галерея вновь открыта. Когда входишь в ее светлые залы, испытываешь чувство огромной радости. Смотришь и кажется, что картины не постарели, а помолодели за эти военные годы... По-новому звучат для нас и знакомые дорогие имена, и каждое произведение обрело новый для нас смысл после великих испытаний и после героических побед, вписанных советским народом в историю человечества...»[2].

3 октября 1946 года была открыта новая экспозиция Пушкинского музея. Подготовка ее велась параллельно с ремонтом самого здания музея, активно проводившимся с приходом в музей в феврале 1944 года нового директора — замечательного советского скульптора С. Д. Меркурова. Правда, уже со второй половины 1942 года начали проверять отопительную систему, исправляли водопровод, более активно стали чинить крышу, заменяя временно уложенный толь стеклом. Однако необходимых материалов недоставало. Не было рабочей силы. Деятельность С. Д. Меркурова как директора способствовала разрешению этих проблем. С марта 1944 года начался широкий ремонт здания, а с начала 1945 года по решению Совета Министров СССР стали выделять специальные средства и стройматериалы. Большую помощь в деле восстановления здания музея оказал заместитель председателя Совета Министров СССР маршал К. Е. Ворошилов, специально посетивший музей[3].

Разрешение на реэвакуацию было получено в октябре 1944 года. Специальные уполномоченные музея приняли все эвакуированные ценности от хранивших их в Новосибирске и Соликамске сотрудников. Специальный эшелон, охранявшийся сотрудниками НКВД, прибыл в Москву. Более 500 ящиков перевезли ночью с железнодорожной станции на Волхонку. Все привезенное было в полной сохранности[4]. Однако возвращенные произведения прошли тщательную проверку и профилактическую обработку в реставрационных мастерских. Впервые тогда реставрировались собрание художественной мебели и рамы картин[5]. Работа реставрационных мастерских под руководством П. Д. Корина имела

[1] Отдел рукописей ГТГ, ф. 8-11, оп. 1, 1944 г., ед. хр. 21, лл. 1, 2.
[2] Там же.
[3] А. Н. Замятина. 50 лет Государственному музею изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. — В сб.: 50 лет Государственному музею изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М., 1962, с. 11.
[4] А. А. Демская. Краткое сообщение...
[5] А. Ш. Указ. соч., с. 11.

в годы войны огромное значение. Большой вклад в дело реставрации произведений скульптуры, графики и прикладного искусства внесли реставраторы М. С. Родионов, М. А. Александровский, В. Н. Крылова, Е. А. Нечаева, К. В. Барышников, Н. П. Ухарев и другие[1].

Достижения реставрационных мастерских музея нашли особенно высокую оценку в связи с работами по сохранению и реставрации спасенных Советской Армией картин Дрезденской галереи, привезенных в музей в июле 1945 года. Выставки картин Дрезденской галереи, организованная в музее в 1958 году, а затем передача этого собрания немецкому народу стали прекрасной демонстрацией высокого гуманизма победившей страны и утвердили дружеские связи между советским и немецким народами.

Музейные работники... Благодарная и скромная профессия. Они не думали о подвигах и почестях. Они работали, как работали тогда все советские люди — с полной самоотдачей, с огромным чувством долга перед страной, перед народом, осознавая и конкретно воплощая в деле объединявшее всех высокое понятие — советский патриотизм, веря в непременную победу, вдохновлявшую на казавшиеся немыслимыми дела.

[1] А. Н. Замятина. Указ. соч. с. 11.

Список иллюстраций*

Владимир Цигаль

2. Малая земля. Уличные бои. 1943
Б., черная акв. 17×25

3. Воспитанник бригады Димка. 17 января 1943
Б., черный кар. 29,2×18,2

4. Малая земля. Железнодорожная насыпь. 1943
Б., черная акв. 17×25

6. Листовка в тыл врага. 17 февраля 1943
Линогравюра 30×21

Л. В. Сойфертис

2. Здесь бомбили. Из серии «Севастопольский альбом». 1942
Б., черная тушь, кисть. 30,4×24,9
ГТГ. Москва

3. У переправы. 1943
Б., итальянский кар. 33,8×48,5
ГМИИ, Москва

4. Концерт в бригаде. 1943
Офорт. 25×16

5. В перерыве между боями. 1943
Офорт. 18×12

6. Раненый. 1943
Б., итальянский кар. 32×18

А. П. Ливанов

2. Портрет партизана (Автопортрет). 1942
Б., акв., уголь. 66×43
Собственность семьи художника

3. Разведка. Из серии «Партизанские тропы». 1942
Б., тушь, кисть. 22×31
Собственность семьи художника

5. После стычки с немцами.
Из серии «Партизанские тропы». 1942
Б., тушь, кисть. 22×26
Собственность семьи художника

6. Атака. Из серии «Партизанские тропы». 1942
Б., акв., граф. кар. 28×46
Собственность семьи художника

* В списке указаны только художественные произведения. Пропущенные номера относятся к документальным фотографиям. Материалы, местонахождение которых не указано, являются собственностью художников.

А. М. Дубинчик

2. Автопортрет. 22 июня 1941
Холст, масло. 44×34,5. ГТГ

4. В госпитале. Домой пишут. 1944
Б., граф. кар. 16×20
Союз художников РСФСР, Москва

5. Укрепрайон. 1942
Б., тушь, кисть, перо. 18×24,5

А. Ф. Таран

2. Панорама Гори. Ноябрь—декабрь 1941
Б. коричневая, граф. кар., мел. 20,4×15,8

3—4. Листы из альбома. 1942
Б., граф. кар. 20,6×32,3

5. Лист из альбома. 1942
Б., граф. кар. 20,6×16,2

6. На отдыхе. 10 августа 1942
Б., граф. кар. 20,7×14,4

7. Готовят огневые позиции. Лист из альбома. 1942
Б., граф. кар. 20,7×14,5

8. Джомидава у телефона. Лист из альбома. 13 августа 1942
Б., граф. кар. 20,7×14,5

9. В редакции. Лист из альбома. 29 августа 1942
Б., граф. кар. 20,7×14,5

10. Герой боев Мгалоблишвили. 1942
Линогравюра. 12×9

11. Фрагмент газеты «Вперед к победе» с линогравюрами работы А. Ф. Тарана. 1942

12. Боевые эпизоды. Лист из альбома. 1942
Б., граф. кар. 30,9×22,5

13. В политотделе. 27 августа 1942
Б., граф. кар. 20,8×14,7

14. Инструктор по партучету политрук Девидзе за работой. 27 августа 1942
Б., граф. кар. 20,8×14,7

15. Лист из альбома. 1942
Б., граф. кар., тушь, перо. 25×17,7

16. Убитый фриц. 29 августа 1942
Б., граф. кар. 20,7×14,5

19. Полевая почта. 6 октября 1942
Б., граф. кар. 30,6×22

20. Сократ за роялем. 14 октября 1942
Б., граф. кар. 30,6×22

23. Солдат врос в камень. Лист из альбома. 2 ноября 1942
Б., граф. кар. 20,6×14,9

24. Минометчики Кортий и Сикмашвили. 3 ноября 1942
Б., граф. кар. 20,6×14,9
25. Лист из альбома. 17 ноября 1942
Б., граф. кар. 25,8×19
26. Лист из альбома. 2 февраля 1942
Б., граф. кар. 28,4×20,2
27. Степнадзе Василий. Лист из альбома. 22 марта 1942
Б., граф. кар. 20,6×29

Н. И. Обрыньба

2. На этапе. 1941. Ров. Апрель. 1942. Наброски
Б., тушь, перо. 15,7×27,8
3. Воскресный день. Апрель. 1942
Б., тушь. перо, граф. кар. 14,6×27,3
4. «Свободный выход» за проволоку. Февраль 1942
Б., тушь, перо. 6,5×10,4
5. Рабочая команда. Везут дрова. Март 1942
Б., тушь, перо. 16,5×26,5
6. Расправа. Бьют полицаи. Весна 1942
Б., тушь, перо. 20,2×29
7. Слободка. 26 февраля 1943
Б., граф. кар. 16,8×26,5
15. Николай Сафронов. Эскиз к картине «Выход бригады «Дубова» на операцию». 31 января 1943
Б., акв., граф. кар. 25,5×18
16. Михаил Жуков. Эскиз к картине «Выход бригады «Дубова» на операцию». 3 февраля 1943
Б., акв., граф. кар. 25,5×18
17. Выход бригады «Дубова» на операцию. 1942—1943
Холст, масло. 98×180,8
Государственный художественный музей Белорусской ССР, Минск
19. Оккупированный город. Март 1943
Холст, масло. 51×79
Музей Великой Отечественной войны Белорусской ССР, Минск
26. Нина Флиговская перевязывает Алексея Карабицкого. Эскиз к картине «Бой за Пышно». Июль 1943
Б., граф. кар., акв. 20,2×29
27. Бой за Пышно. Август 1943
Холст, масло. 100×150
Музей Великой Отечественной войны Белорусской ССР, Минск

К. И. Финогенов

2. Допрос немецкого солдата. Март 1942
Б., граф. кар. 29×32
Государственная Пермская художественная галерея

Виктор Ефимович Цигаль

2. Гвардии старший лейтенант Зинченко Владимир Лукич. 1943
Б., граф. кар. 32×22

3. Сапер. 1943
Б., граф. кар. 32×22

5. На фронтовой дороге. 1943
Б., тушь, кисть. 28×17

6. Гвардии рядовой Альшаков М. Ф. 1944
Б., граф. кар. 32×22

7. Сыны полка. 1944
Б., граф. кар. 23×30
Дирекция выставок СХ СССР, Москва

8. Последняя курица в деревне. 1944
Б., итальянский кар. 32×22

9. Давно не спал. 1944
Б., уголь. 18×24,5

Л. Г. Ройтер

2. Отдых после боя. 1943
Б., итальянский кар. 30×37
Министерство культуры РСФСР, Москва

3. Старшина А. Курносов. 1943
Б., итальянский кар. 19×25
Дирекция выставок СХ СССР, Москва

4. В землянке. Подполковник Наумов, зам. начальника 16-й штурмовой инженерно-саперной бригады. 1943
Б., итальянский кар. 20×27
Дирекция выставок СХ СССР, Москва

5. Ждет обеда. 1944
Б., итальянский кар. 20×18
Дирекция выставок СХ СССР, Москва

В. М. Нечаев

2. В пути. 30 января 1944
Б., тушь, перо. 18,7×12,5

3. В поле. 1944
Б., тушь, чернила, палочка. 9×29

4. «Катюши». 1944
Б. голубого тона, тушь, палочка, коричневая акв. 24,7×40,3

5. Отдых. 1944
Б. желтого тона, уголь. 21,1×40,6

6. Фронтовая дорога. 1944
Б. голубого тона, чернила, палочка. 23,9×40,3

7. Привал. 1944
Б. голубого тона, тушь, палочка. 28,7×40,5

17. Автопортрет. 1945
Б., черный кар. 37×25

М. Ф. Володин

2. Разрушенный Дрезден. 1945
Картон серый, угольный кар., мел. 30×48

3. Вход в тоннель. 1945
Б., угольный кар. 29,5×21

4. Картины в тоннеле. 1945
Б., угольный кар. 21×30

6. Упаковка картин. 1945
Б., угольный кар. 21×29,6

Сокращения, принятые в списке иллюстраций

акв.	акварель
б.	бумага
граф.	графитный
ГМИИ	Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва
ГТГ	Государственная Третьяковская галерея, Москва

Указатель имен*

* Включены имена художников и искусствоведов

Нечаев В. М.— 27, 308, 309, 314, 318, 320, 322, 323, 325, 326, 328, 329, 331, 334, 337, 339

Содержание

Коллектив авторов

Московские
художники
в дни
Великой
Отечественной
войны

Редакторы
Д. Д. Чебанова
Т. Г. Гурьева

Художник
Г. Лукашевич

Художественный редактор
К. О. Остольский

Технический редактор
Н. Т. Дреничева

Корректоры
Е. С. Володина,
Е. А. Смирнова,
И. А. Шорсткина

ИБ № 596
Сдано в набор 10.12.1979 г.
Подписано в печать 14.09.1981 г.
А 04804
Формат 60×100/16
Бумага для глубокой печати
Гарнитура шрифта литературная
Печать глубокая
Усл. п. л. 35,52
Уч.-изд. л. 31,376
Тираж 20 000
Зак. 3357
Изд. № 1-214
Цена 2 р. 40 к.
Издательство «Советский художник»
125319, Москва,
ул. Черняховского, 4а
Фотонабор типографии
пр. Сапунова, 2.
Отпечатано в ордена Трудового
Красного Знамени Московской
типографии № 2
Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. 129085.
Москва, пр. Мира, 105.

2р. 40к.

Москва
Советский художник
1981